

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

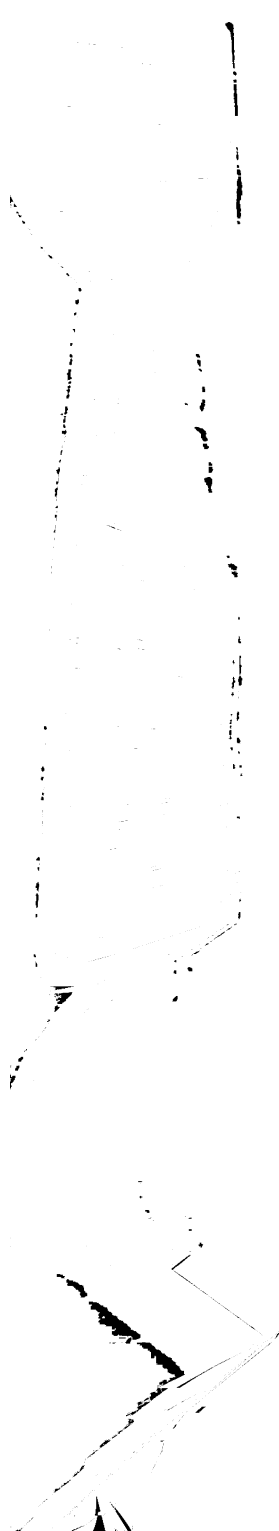
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

f. 502

ВЕСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

ВИЛЬНА

1868.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція „**Вѣстника Западной Россіи**“ едва ли не больше его подписчиковъ сѣтуеть на запаздыванье выходомъ, его книжекъ. Редакція принимаетъ и будетъ принимать противъ этой непріятности всѣ свои средства и усилія и увѣрена, что, при всей несостоятельности виленскаго типографскаго производства, она войдетъ, въ непродолжительномъ времени, въ сроки своего изданія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышло и поступило въ продажу, одобренное учебнымъ начальствомъ, **Краткое руководство къ Географіи Россійской Имперіи съ Вопросами и Задачами Брамсона**. Вильна. 1867 г. Получать можно *въ Редакціи Вѣстника Западной Россіи* и у книгопродавцевъ: *Феннера* (быв. Сеньковского) въ Вильнѣ; *Косагорова* въ Ковнѣ и *Мендельсона* въ Витебскѣ. Цѣна 30 коп.; за пересылку прилагается за 1 фунтъ по разстоянію. Выпущеннаго болѣе 10 экземпляровъ за пересылку не платятъ, а на 100 экземпляровъ уступка 20%. Обращаясь на имя начальника ковенской женской Гимназіи, всѣ учебныя заведенія пользуются той же уступкой, безъ ограниченія числа экземпляровъ.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI, — 1868.

КНИЖКА VII.

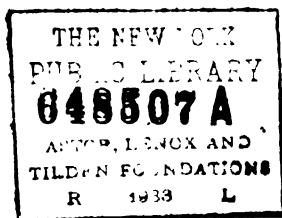
ТОМЪ III.

В И Л Ъ Н А.

Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи,
противъ губернскаго правленія.

1868.

Дозволено ценсурою. 7-го октября 1868 года. Вильна.

NOY WER
CLUB
YSAOOL

ской епархією. По этой же причинѣ (сего не скрываетъ само латинское холмское духовенство), покойный Меодій Терлецкій, епископъ холмскій, погребенный въ каедральной церкви, былъ взятъ изъ нея, когда она была въ рукахъ неунитовъ, и въ Красновѣ похороненъ латинскимъ капитуломъ въ гробницѣ латинскихъ епископовъ. Какъ, говорили по сему случаю, послѣдній уніатскій епископъ, посредствомъ погребенія, присоединился къ латинскимъ епископамъ, такъ и съ уніатскою епископією должно произойти подобное соединеніе. Впрочемъ, съ перемѣною военныхъ обстоятельствъ, когда неуниты, изгнанные изъ Холма, послѣ похода подъ Берестечко, стали требовать себѣ возвращенія этой епархіи, то ее ввѣрили пожизненно нынѣшнему епископу, дабы она не досталась изгнанному неуниту Балабану; а нѣкоторые изъ латинскаго холмскаго клира явно говорили, что они потому не могли проглотить этой епархіи, что нынѣшній уніатскій епископъ (І. Суша) сталъ имъ костью въ горлѣ. Достоинно замѣчанія, что все, что ни постановляемо было во вредъ уніатамъ, не получало Божьяго благословенія; напротивъ, рѣчь-носполитая тотчасъ была тревожима козаками. И съ другими вакантными уніатскими епархіями хотѣли сдѣлать тоже, что съ холмскою. Но ошибаются обвиняющіе насъ въ томъ, что мы не прилагаемъ труда къ распространенію уніи. Въ теченіе 69 лѣтъ отъ возникновенія уніи, она, при Божьей помощи, распространена была уніатами въ Литвѣ и на Руси.

I.

№ 7.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗА-
ПАДНОЙ РОССІИ.

I.

Закладная записъ епископа владимірскаго и архимандрита кіево - печерскаго монастыря Мелетія Хребтовича на имѣніе Путятичи, данная Аксиньи Богушевой—Балакиревой. 1592 г.

Я, Мелентей Хребтовичъ, епископъ Володимерскій и Берестейскій, архимандритъ Кіевскій монастыря Печерскаго. Вызнаваю то и явлю чиню симъ моимъ листомъ, ижъ ку сильной а великой потребѣ моей позычилъ и до рукъ своихъ отличивши, взялъ есмь семнадцать копѣ грошей Литовское личбы у ея милости паней Богушовое Балакирское, панее Оксиньи Круневичовны, которую копѣ семнадцать грошей Литовскихъ маю и повиненъ буду ея милости всю сполна отдать и заплатити, при окупенью имѣнья моего отчизного, въ повѣтъ Мозырскомъ лежачого, Путя-

тичи, которое имѣнье ее милость отъ мене держать за листомъ моимъ головнымъ въ сумѣ пѣнезей, у трехъ сотъ и шестидесять копахъ грошей Литовскихъ, до которое сумы прилучивши копь семнадцать грошей Литовское личбы, тую суму снолна, ведлѣ листовъ моихъ, ее милости отдати буду повиненъ, альбо тому, кому бы ее милость тую суму пѣнезей зъ имѣньемъ моимъ пустила, отдати и заплатити повиненъ буду. А гдѣ бымъ тое копь семнадцати грошей ей милости при той сумѣ пѣнезей головной заплатити и отдати не хотѣлъ, тогда подъ тые же обвязки и варунки въ листѣ моемъ головномъ, ей милости на то имѣнье отъ мене даномъ, подлечи маю. И на то есмь ей милости паней Егущовой Балакировой Оксиньи Крупевичовнѣ далъ сесь мой листъ печатью моею и съ подписомъ руки моее властное. А притомъ были и того вѣдоми, за прозбою моею печати свои приложити и руками се своими подписать рачили: ихъ милость панъ Дмитрій Елецъ, писарь земскій Кіевскій, а панъ Иванъ Солтанъ. Писанъ у Кіевѣ. Року писеча пятьсотъ деветдесять второго мѣсеца Апрѣля двадцать первого дня. Въ того листу печатей три а подпись рукъ тыми словы: архимандритѣя рука такъ есть написана: властною рукою. Дмитръ Елецъ, писарь земскій Кіевскій, рукою властною. Иванъ Солтанъ, властною рукою.

*Хранится въ архивѣ полоцкаго Соборнаго собора.
Напечатано по списку.*

2.

**Рѣшеніе уніатскимъ духовнымъ судомъ несогласій между настоятелемъ Богоявленской Бѣльской церкви и ея прихожанами, вмѣстѣ съ ревизіей этой и Пречистенской церковей.
1634 г.**

Захаріянъ Ананасій Фурсъ, архирезвитеръ и намѣстникъ всего епископства Володимерской и Брестской, Петръ Рогозницкій, номинать протопонія Брестской.

Всімъ вебець и кождому зособна внелякого стану духовного и свѣцкаго людемъ, а наипаче презвитеромъ въ протопоніи Бѣльской будучимъ, тудежъ славетнымъ паномъ мѣщаномъ обоего граду радецкого и войтѣвского Бѣльскимъ, и всякимъ околичнымъ людемъ религіи Греческой въ едности святой зостаючыхъ, братіи о Христѣ возлюбленной мира, здравія отъ Христа Спасителя зычимъ. Мы особы вышейменованные и нижеіи руками своими подписанные ознаймуюмо симъ писмомъ, ижъ мы, будучи зосланые отъ ясно превелебного его милости господина отца Іосифа, зъ Божее номечи и святей Апостольской ласки протосеронія Кіевского, епископа Володимерского и Брестского, милостивого пана и настыра, до мѣста Бѣльска на угамованіе неснасокъ великихъ завязностей отъ сколько лѣтъ между пречестнымъ отцомъ теодеремъ Яковевичомъ протопонію Бѣльскимъ, презвитеромъ Богоявленскимъ соборнымъ зъ одной, а другой стороны между старшимъ брацтва Богоявленского, сирѣчь: паномъ Грыгерымъ Кобзою, Савою Гливею и Германомъ Хемичевичемъ, которые, предъ нами стажувны, внесли скаргу на отца протопонія,

же ихъ розне акграуеуть такъ словами частокротъ, яко тежъ правомъ невинне турбуеуть, ово згола ни въ чомъ ихъ, яко старшыхъ етиторовъ и дозорцовъ шпитальныхъ, не поважаетъ, лечъ мней важацы права и потверженъя ихъ милостей епископскіе и декрета носпонуѣтъ, въ которыхъ южъ все досконале обваровано есть, яко то: книги, аппарата, серебро въ чьемъ дозорѣ и ключами въ скарбницѣ зоставать маеть, чого регестра апробоване святой памети епископа Потея судовне доводили, болше тежъ отца протопоны терпѣти не хотячы, овшемъ абыся отъ церкви пренеслъ и опой резекгноваль, нижели зъ нимъ уставичную трудность и вархолъ чынить домовлялися, обѣцуючы годную особу становити до посвященъя на тое мѣстце, которая зможесть Богу хвалу промововати и парафіяномъ належыте услужити. На которую мову и доводъ взаемне отецъ теодоръ протопона слезне отповѣдаеть, изъ помененые панове коляторове и дозорцы шпитала Богоявленского невинне его помовляють, о належитости церковные, о держанье ключа у себе отъ скарбницы, никгда отъ кильку лѣтъ не мѣль, которого сами держать, а другіи у панамара зостаесть, за чимъ напасть зволекають, самы тежъ только фарбу уніи святой по собѣ показуючы, вси поступки старо-Греческіе заховують, за епископа своего кгда ектенъя отпрауеуесть, смѣхъ чынять, ощо кгда ся умовляееть и научаееть, теды плюють и словами прыкрыми зневажають, про то большъ терпѣти немогечы, добровольне самъ уступитъ отъ церкви позволиль, оразъ и ключы положиль предъ нами. Только за резекгнацію и прыбудованье своихъ выкладовъ, огульне на золотыхъ пять сотъ, абы вернули акторове, просидѣ и домовлялся, самъ тежъ инвестіованый будучы ко храму Рождества Пресвятыя Владычицы нашея Богороды-

цы отъ его настырской милости за презентою короля его милости, намъ на сей часъ счастливе пануючого, до которой то церкви увязанье поссессіи и интродукванья отъ насъ просиль. А по оныхъ словахъ ставши вси панове ктиторове старшыи и молодшыи протестовали ся, же яко набоженствомъ не гнушались, такъ его милости настыра своего никгды не наеміялися и не гордыли, але то за опачное уданье твердили, самого тежъ отца протопопа не зневажали, овшемъ яко предложеного шанують, уважають; а што стороны резыгнацыи отъ церкви и зъ плебаніи тымъ ся барзо контентуючы нагородити за прыбудованье и опатренье огородовъ обѣцали, только о квитацию огородовую въ Брянску, абы оныхъ квитоваль зо всихъ правныхъ претензій, пильно жадали и домовляли, ведже заразъ передъ нами суму золотыхъ 200 поступили. Мы tedy особы духовныя, до тоей справы депутатываныя, згодне прыслушавшы ся спорца сторонъ обудвохъ, такъ пановъ ктиторовъ и брацтва церковного, яко тежъ велебного отца протопопа, яко узнаваемъ и мѣти хочемъ, жебы ся отецъ протопопа отъ того часу большъ не важыль ся помененныхъ ктиторовъ паряжаты вгды завзятость великая повстала часто и неугамаваная злость между нами, прето подъ анааемою згодитися обычне прыказуемо, церковь тежъ соборную повздати зо всимъ и уступити заказуемо, маючы часу румащыи до недѣль дванадцать, ведлугъ права духовного, поколь собѣ утвердить слушное мѣшканье пры церкви Свято-Пречысткой, которую яко но части упадлую и презъ пекглицью прошлого презвитера реставровати годне и прыстойне речъ повинна, якожъ дерева сорокъ тры штуки прыготованого видимо въ семъ же року и оправовати повелѣваемъ, на што листь свой прошацкій до пановъ парафіянъ выдать декляруемъ. Однакже и пры той

церкви Пречистенской: зостаючому зверхность урядова протопенская при отцу Теодору Якововичу. зоставуеть ся, гдѣ на усильную прозбу отца протопопу, а причиною нѣкоторыхъ годныхъ особъ, то есть Анхима Псковича, Панаса и Лаврына Прокоповичова, Борнила Васковича, братичанъ молодыхъ тое жь церкви до весны прошлой, то есть до Сошествія Святого Животворящого Духа, хрестъ удѣлаемъ, обвязуемы имеемъ Божиимъ и властію нашею любовъ христіанскую между собою мѣти и захвати, подъ изверженьемъ и клятвою зъ обудвухъ сторонъ, утверждаемъ и змоняемъ. По которомъ декретѣ стороны прыволавыши до прислуханья, если контентовати ся могутъ, было пыташе. А отозвавшыся братство ставропигиимъ названое патріяршеское и епископское апробованое до жадной власти высшей не апелловали, семужъ декретови чуючы ся быти подлежащими, и зъ обухъ сторонъ оного утвердити и захвати на часы потемные субмитовали, который зъ одну сторону печати своими утвердивши, и подписами руцъ змонявши, выдалисмо. Писанъ въ Бѣльску, року. 1634; мѣсеца Сентября 28 дня.

Подъ тымъ же актомъ того жь року мѣсеца дня 29. по фердванью сего декрету, на завтрѣ; при сходницѣ пановъ парафіанъ веихъ церквей Бѣльскихъ, и по ударенью належитомъ у звонъ, отецъ протопопа по одправленью духовной ексерти, церковь соборную Богоявленія Господня, вздасть подъ регестромъ особливимъ отъ насъ списаннымъ, веихъ аппараметовъ, книгъ, сребра, и веихъ належитостей церковныхъ, зъ ободвохъ сторонъ положишь, тудешъ самый списокъ братства именами и прозвискими списаннымъ апробовалисмо и при церкви соборной зоставилисмо такъ собѣ до визитъ духовныхъ ексценцляръ зоставивши яко и при церкви для памяти вѣчной дав-

пны и закованы; чего самый списокъ брацтва мѣчно потребовали. А поневажъ южъ цале отъ насъ отецъ протопопа Феодоръ Якововичъ увязанъ къ церкви Святой Пречыстой просилъ, тудежъ зъ инвентоуамя всихъ належитостей церковныхъ, абы отъ паневъ ктиторовъ Богоявленскихъ инвидны и ненависти не понесилъ, потребовалъ. Которая, во всемъ стосуючыся до визитъ пречестного отца Стевана Михаловича презвитера Свято-Троецкого и протопопы Бѣльскаго, въ датѣ року 1624, мѣсеца Сентемвря 18 дня, такъ ся въ собѣ мѣла, и на сей часъ по отцу Ивану Орестовичу презъ насъ подается пречестному отцу протопопѣ теперешнему.

Ревизія року 1637 отправованая.

Церковь Рождества Пресвятой Владычицы нашея Богородицы, застаючая на старомъ мѣстѣ, пренесенная року 1562 зъ замку Бѣльскаго, фундованая нѣкды княземъ Михаиломъ Семеновичомъ Городецкимъ, Бѣльскимъ и Кобрынскимъ и влєгинею Вассою, яко написъ онѣваеть на таблицѣ зъ образами трема намѣстными, украшенными злотоуъ; I. Деисусъ опадлый барзо, который поправити отецъ протопопа поднялся; антимисъ святой памяти отца Юны, епископа Володымерскаго, яко неспособный отобравшы, инного у его пастырской милости старатися велѣли; Евангеліе-тетрописанное, украшенное; служебникъ писанный, старый; престоль полотномъ простымъ крашениною покрытый; товалень всихъ седмъ; ликтаровъ малыхъ девять, великихъ, всячыхъ мозаиковыхъ три; велихъ; звѣзда, лжица—серебрные; въ олтару и церкви малеванье оздобное, на образъ намѣстномъ Пресвятыя Богородици табличень седмъ, корали, шнуръ чтыры перловны; перстень золотый; крещыковъ розныхъ большихъ и меньшихъ шестъ;

акгнусковъ два, серебромъ оправныхъ; китайка зеленая полтора локтя, коронъ двѣ на Богородицѣ и Спасителю, на образѣ Іоакима и Анны корона серебряная; дзвоновъ большихъ и меньшихъ на дзвоници чотыры; ризовъ пятеры розной матеріи, стихаровъ два, наруквицъ трои, крестъ серебряный спорый и прочая. Мѣшканье священническое, за недбалствомъ зошлого отца Іоана Орестовича, онадлое, только пекарня зъ сѣньми, въ которой панъ коморникъ мѣшкаеть, бо той священникъ жилъ на мѣстскомъ кгрунтѣ своемъ власномъ; осѣлость цментарова барзо шуплая на каплана, лечъ отецъ протопопа обѣцалъ прикупити на церковь и разширити мѣшканье, якожь заторгованный пляцъ побочный, по семужъ поля волокъ двѣ за милю отъ Бѣльска въ селѣ Стрыкахъ межи кгрунтами церковными, парафія въ мѣстѣ Бѣльску по розныхъ улицахъ и на посвятномъ костельномъ семдесятъ и шесть домовъ, а фольварки мѣстскіе: Стрыки, Шасталы, Ягуштво, домовъ чотыринадцать, окромъ соборныхъ пятдесятъ и двоухъ хатъ въ томъ селѣ, а въ староствѣ Бѣльскомъ—село Грабовець, село Орехвичы, село Плески, село Дениски и полъ села Воскресенскихъ, на которыхъ ся отецъ протопопа усваржалъ о бунты и непослушенства, же едностыю святою погоржають, которыхъ мы, суди и подавцы духовныи, іерейскою властію уварати позволяемъ, и во помощь до реставрованья церквей оныхъ, яко здавна належашихъ нарафіянъ, бастуемъ, на що добровольне позволили. А по такомъ декретѣ и интродукции, сирѣчь ввязанью въ помененую церковь отца пречестного Теодора Якововича, протопопы Бѣльскаго, млоденець годный и способный ку хвалѣ Божой, сынъ его жъ панъ Лукашъ Якововичъ, стану святого іерейскаго жарливе потребовалъ, рекучи: любо панъ отецъ мой отъ того мѣстца, отъ церкви со-

борной уступает, але я могу тому Божому зъ ласки его святой згодю пановъ парафіянъ и благословенствомъ пастырскимъ услужити. На що вси одностайне панове ктиторове позволили, только спокойного житъя потребовали. Мы теды, видечи таковое згодное народу христіанского обовязанье, такъ брацтва Богоявленского, ставропикгіумъ реченное, публице, обволываемъ презъ духовного отца Сылуяна Воскресенского, Бѣльскаго, и ежели бы хто могль якіе претенсіи до духовныхъ особъ ку оскарженью албо спротивенству, овшемъ вси одностайне сему декретови и интродукціи и воли его милости пастырской послушныи быти декларовали; не вырекуючи во всемъ сему нашему написаного декрету зъ обовязанью себе самыхъ. Тогожь часу млоденца пана Лукаша Якововича отсылаемъ его съ общими мѣстскими презентами и брацкими еписками згодного но совершенное іерейства къ самому его милости пану и пастыру, который зъ нами поспѣшествовать весполь и трудности праць подорожныхъ до Володимера града..... за сына стати. Писанъ въ Бѣльску, на мѣстцу звывломъ протопопскомъ. Року 1637, мѣсеца Септемврія 29 дня.

Захарыашъ Аванасій Фурсъ, архипрезвитеръ и намѣсникъ всего епископства Володимерскаго и Бресскаго. Тимошей Симановичъ, архидіаконъ епископіи Володимерской и Бресской рукою власною. Сумвалъ Войшнарловичъ, писаръ приданный до тое функціи епископское. Петръ Rogoznickій, номинать протопопи Берестейской рукою власною. Року 1644, сей декретъ и интродукцію во всѣхъ пунктахъ и параграфахъ ствержаемъ на соборѣ Берестейскомъ, дня осмого Мая. Іосифъ, епископъ Володимерскій и Берестейскій, власною рукою.

Сіе грамотное начертанье, или декретъ, оразъ ин-

тродукцію потверждаетъ Іоаннъ Патей, епископъ Володимирскій и Берестейскій; рукою власною.

Хранится въ Вльскои Пречистенскои церкви. Доставленъ г. Гижевскимъ.

3

Жалоба полотскаго лянтвойта Есмана на полотскаго скорняка Федора Алексѣевича, утверждавшаго, что унія—порожденіе діавола. 1646 г.

Протестанція его милости пана лянтвойта, пана Есмана, на пана Федора Олексѣевича.

Передъ нами бурмиистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучими, оповѣдалъ и жаловалъ земенинъ господарскій воеводства Полоцкаго его милость панъ Крыштофъ Есманъ, лянтвойтъ Полоцкій, на мѣщанинъ мѣста его королевское милости Полоцкаго Федора Олексѣевича, кушнера, о томъ, штожь дей сего року тисеча шесть сотъ сорокъ шостого, мѣсеца Августа двадцать шостого дня, будучи его милости пану лянтвойтови упрошаному отъ бурмиистра Полоцкаго пана Крыштофа Сторымовича до дому его, тутъ въ мѣстѣ господарскомъ Полоцкомъ будованомъ, мавчи тамъ нѣкоторые sprawy свои пильныя зъ нимъ же паномъ лянтвойтомъ и зъ нѣкоторыми въ дому пана бурмиистровомъ будучими, несподѣваючи се на себе, яко чловѣкъ спокойный и никому ни въ чѣмъ невнимный и покоешъ права посполитого обзавранный жадно прыкрости и обелги, и вже поздно прышодны до того жъ дому пана Сторымовича бурмиистра, року, мѣсеца и дня вышъ помененого тотъ преречонный Фе-

дорь, кушнерь, ино въ борздомъ часѣ онъ Ѳедорь, кушнерь, уфаючи снать въ богатство, а не переставяючи въ своемъ гардомъ а не ногамованомъ замыслѣ, не наметаючи на ерокгость правнѣю на таковыхъ людей свовольныхъ и гардыхъ описаную, смѣль и важылъ се наипервѣй наступуючы на вѣру светую уніатскую, мовечы и повтараючи не разъ, не десять, же то есть дьябельская и шатанская вѣра уніатская и не отъ Бога, але отъ дьябла тая вѣра вышла шалберская. Яко жъ панъ лянтвойтъ, видечы оного легкомысльность, почаль того кушнера навпоминати, абы онъ, рачей не блюзнечы вѣру светую, скромне седѣлъ. Онъ Ѳедорь, кушнерь, мало дбаючи на навпоминанье пана лянтвойта и овшемъ зухвале што разъ повтараючи, и вѣрою шатанскою называлъ, гдѣ въ тотъ часъ и самого его милость пана лянтвойта словами неучетивыми джылъ, соромотилъ. А его милость панъ лянтвойтъ, яко особѣ легкой не хотечы далѣй терпѣти такъ о вѣру светую уніатскую, яко и о свою зневагу и на иншый часъ то откладаючи, вставшы зъ за стола, хотѣлъ до господы своее тамъ же въ Полотску шотовое отыйти, а панъ бурмистръ Сториновичъ, яко господарь, его милости пана лянтвойта не пушаль. А въ томъ онъ Ѳедорь, кушнерь, прыпадшы до его милости пана лянтвойта, шкленницею въ палець руки правое его милости краве обранилъ и зранилъ. А маючи въ томъ его милость панъ лянтвойтъ великій жалъ и кривду немалую, а хотечы о томъ зъ тымъ Ѳедоромъ кушнеромъ у суду належно-го правне поступовати, просилъ, ижъ бы тое оповѣданье и жалоба его милости была до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записана. Што есть записано.

Изъ книгъ Полотской ратуши за 1646 годъ (стр. 847).

Донесеніе холмскаго уніатскаго епископа Іакова Сушы римскому папѣ о бѣдственномъ положеніи уніатской церкви и угнетеніи уніатовъ католиками (*).

(переводъ съ латинскаго).

Жалуются noctеннѣйшіе уніатскіе епископы предъ Богомъ, предъ святѣйшимъ владыкою и св. римскою церковью, жалуются, видя съ изумленіемъ, что повсюду въ нашемъ отечествѣ есть немало духовныхъ латинскихъ господъ, хлопчущихъ у св. престола о томъ, чтобы насъ, уніатскихъ епископовъ, уничтожить и перевести наши имѣнія на латинскія епископіи и чтобы, оставивъ намъ однихъ священниковъ: монашествующихъ и свѣтскихъ, подчинить ихъ, однакожъ, латинской юрисдикціи. По словамъ иныхъ нашихъ обвинителей, насъ слѣдовало бы совсѣмъ уничтожить, потому именно, что мы нисколько не трудимся для распространенія уніи. Въ подтвержденіе сказаннаго, не говоря уже о постоянныхъ объ этомъ толкахъ, у насъ есть сильное доказательство. Такъ, послѣ похода подъ Берестечко, нѣкоторые духовныя лица совѣтовали, не только сенаторамъ, но даже самому королю, упразднить насъ (въ качествѣ епископа холмской енархіи). Отсюда-то произошло, что холмская уніатская епархія отдана нынѣшнему епископу (І. Сушѣ) лишь во временное управленіе, въ виду предположеннаго слитія ея съ латинской холм-

(*) Это донесеніе Суши, выписанное въ прошедшемъ столѣтїи: ex Archivo S. Nunciaturae въ Польшѣ имѣеть слѣдующее заглавіе: De laboribus Unitorum etc... anno 1664 находится въ архивѣ львовскаго митрополитскаго капитула, а въ находящемъ русскомъ переводѣ помѣщено въ Холмскомъ календарѣ на 1868 годъ.

II.

ВИШНЕВЕЦЪ И КНЯЗЯ ЕГО.

(Продолженіе *).

Съ 1603 г. Вишневецъ, съ участиемъ князей своихъ, начинаетъ быть гнѣздомъ для самозванца Гришки Отрепьева, времена коего бросали мрачную тѣнь въ наше отечество.

Будучи по происхожденію галичаниномъ, — боярскій сынъ, Гришка Отрепьевъ, первоначально былъ діакономъ Чудова монастыря; но осужденный здѣсь на заточеніе за развратную жизнь и дерскія слова, онъ бѣжалъ 1602 года въ Украину и здѣсь снискалъ милость у знаменитаго воеводы князя Константина Острожскаго. Онъ жилъ въ кіево-печерскомъ монастырѣ, затѣмъ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; отсюда удался къ днѣпровскимъ казакамъ, гдѣ въ шайкѣ старшины Герасима Евангелика, получилъ навыкъ владѣть мечемъ и конемъ; затѣмъ вступилъ въ школу волынскаго города Гащи для изученія польскому и латинскому языкамъ и подъ конецъ 1603 года поступилъ въ службу къ князю Адаму Вишневецкому, который жилъ тогда въ Брагинѣ со всею пышностію вельможи 48).

Тутъ самозванецъ началъ приступать къ дѣлу, — и если искалъ въ Вишневецкомъ надежнаго помощника въ своемъ предпріятіи, то не обманулся въ выборѣ; ибо Вишневецкій, сильный при дворѣ и на сеймахъ, и самъ по себѣ, и многочислен-

*) См. Кн. 6 Вѣст. Зап. Россіи.

48) Ист. Мал. Росс. ч. I, стр. 161. — Дипл. собр. дѣл. между Рос. и польск. Госуд. ч. II. — Истор. Госуд. Рос. Карамз. Т. XI, стр. 128 изд. 1842 г. стр. 75.

ными друзьями своими, и прислужниками, соединялъ въ себѣ и надменность съ слабымъ умомъ и легковѣріемъ младенца 49).

Гришка Отрепьевъ на первый разъ извѣстенъ въ Вишневецѣ слугою князя Адама Вишневецкаго. Этотъ новый слуга знаменитаго брагинскаго пана велъ себя скромно, убѣгалъ всякихъ бесполезныхъ забавъ, ревностно упражнялся въ воинственныхъ занятіяхъ. — Имѣя наружность некрасивую, ротъ средній, грудь широкую, волосы рижеватые, лицо круглое, блѣлое, но совсѣмъ непривлекательное, глаза голубые безъ огня, взоръ тусклой, носъ широкій, бородавку подъ правымъ глазомъ, также на лбу и одну руку короче другой, — Отрепьевъ замѣнялъ эти недостатки живостію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ и благородною осанкою. Заслуживъ вниманіе и доброе расположеніе господина, хитрый обманщикъ притворился больнымъ, потребовалъ духовника и сказалъ сему послѣднему тихо: „Умираю; предай тѣло мое земли съ честію, какъ хоронятъ дѣтей царскихъ. Не объявляю своей тайны до гроба; когда же закрою глаза на вѣки, ты найдешь у меня подъ ложемъ свитокъ и все узнаешь; но другимъ не сказывай: Богъ судилъ умереть мнѣ въ злощастіи!“ Духовникъ былъ іезуитъ (*); онъ извѣстилъ князя Вишневецкаго о сообщенной ему тайнѣ, а любопытный князь обискалъ постель мнимо—умирающаго, нашелъ бумагу и прочиталъ въ ней, что слуга его есть Дмитрій, царевичъ московскій, спасенный отъ убіенія своимъ вѣрнымъ медикомъ (**), — что злодѣи, прислан-

49) Ист. Госуд. Рос. Т. XI стр. 75.

(*) Въ Хронографѣ говорится: призва себѣ латинскія вѣры попа, а въ Хронографѣ сокращенномъ называется попомъ греческимъ, (Прим. къ XI Т. Ист. Госуд. Рос.) Но такое повидимому противорѣчіе объясняется тѣмъ, что этотъ попомъ латинской вѣры былъ первоначально православнымъ, перешелъ въ латинство и сдѣлался іезуитомъ; а въ слѣдствіе того одни называютъ его еще православнымъ, греческимъ попомъ, а другіе называютъ его латинской вѣры попомъ.

(**) Въ отвѣтахъ Мнишки на вопросы нашихъ бояръ, Гришка жилъ въ кievскомъ монастырѣ, въ старческомъ одѣваніи, а потомъ былъ у кievскаго воеводы великаго князя Острожскаго, не хотѣлъ сказаться Дмитріемъ и пришелъ къ князю Адаму Вишневецкому, сказывая, что онъ—истинный Дмитрій. Согласное сказаніе лѣтописца нашего Весенберга и Мнишка свидѣтельствуютъ, что

ные въ Угличь умертвили одного сына священническаго, вмѣ-

Лже-Димитрій открылся Вишневецкому, а не игумену кievскому. Прим. Ист. Госуд. Росс. Кар. т. XI,—207. А затѣмъ, принимая въ соображеніе настоящую сноску съ словами Амвросія Порфирича Добротворскаго, помѣстившаго свою статью о самозванцѣ въ Вѣстникѣ Западной Россіи, — мы полагаемъ, что Лже-Димитрій, Гришка Отрепьевъ, затѣявъ вступить на московскій престолъ подѣ именемъ Димитрія, искалъ только случая испытать удачу, а потому бѣгалъ съ мѣста—на мѣсто, чтобы найти поддержку въ комъ либо изъ такихъ лицъ, которыя имѣли бы вліяніе въ народѣ и при дворѣ. Съ этою цѣлью, обходя въ монастыри, а приглядѣвшись, во время пребыванія своего въ Москвѣ къ дѣламъ,—онъ, наконецъ, явился къ князю Константину Острожскому; но зная характеръ сего мужа и не находя въ немъ того, чего искалъ, бѣжалъ на Волынь и здѣсь предпринялъ планъ высказать свое намѣреніе, будучи увѣренъ, что іезуиты съ охотой подхватятъ его сказку и стануть для него предметомъ защиты и помощи. Но сперва онъ хотѣлъ пустить въ ходъ молву, что онъ царевичъ Димитрій; а для того на книгѣ „Василія Великаго о постничествѣ,“ полученной, или быть можетъ похищенной отъ князя Острожскаго, во время бытности своей у него, надписалъ ее слѣдующими словами: „Дѣта отъ сотворенія міру 7110 (зри) мѣсяца августа въ 14 день (Д), сію книгу Василія Великаго далъ намъ І. Григорію царевичу Московскому, собратію, со Варлаамомъ, да Мисаиломъ, Константинъ Константиновичъ, нареченный во св. крещеніи Василій“ (Вѣст. запад. Рос. за 1866 кн. 6 и 7 въ отд. II, — статья: „Кто былъ первый Лже-димитрій?). Но книга осталась безъизвѣстною и неизвѣстно также, какимъ образомъ попала въ бібліотеку Загорскаго монастыря Волынской губерніи, Владимірскаго уѣзда. А потому, свидѣтельствуясь братію Варлаамомъ и Мисаиломъ, Отрепьевъ думалъ, что братія стануть помогать ему въ этомъ дѣлѣ, изъ уваженія, что князь Острожскій будто бы признаетъ его царевичемъ Димитріемъ, давши эту книгу; между тѣмъ ни братія, ни другіе вовсе не обратили вниманія на подпись книги. Видя, что братія Варлаамъ и Мисаилъ не потворствуютъ ему въ его честолюбивыхъ замыслахъ и даже насмѣхаются надъ его затѣями, зная хорошо, что онъ—бѣглый діаконъ Чудова монастыря,—онъ бросился въ объятія іезуитовъ, которымъ такой человекъ—находка. Іезуиты, видя въ Отрепьевѣ человека предприимчиваго, способнаго къ ловкому веденію обмана и, предвидя въ немъ надежное орудіе для своихъ личнхъ цѣлей — стали руководить бѣглецомъ, предложивъ ему прежде всего изучить польскій и латинскій языки и принять латинскую вѣру, а потомъ распространить бы ее и въ Московскомъ государствѣ, когда при помощи ихъ достигнетъ престола. Чтобы удобнѣе достигнуть такой цѣли, іезуиты отправили Гришку къ князю Адаму Вишне-

сто Дмитрія, коего скрыли вельможи и послѣ отправили зъ

вещкому и здѣсь при помощи духовника, своего же іезуита, огласили, — какъ выше сказано, — Отрепьева царевичемъ московскимъ и даже успѣли въ томъ убѣдить короля Сигизмунда, который былъ самъ въ душѣ іезуитъ. Обманъ, словомъ, удался какъ нельзя лучше. Сигизмундъ всѣми силами сталъ стараться облегчить Отрепьеву путь къ московскому престолу, не пощадиъ польскихъ злотыхъ на его поддержку — и отправилъ его къ Мнишку и Вишневецкимъ для окончанія плана. Мнишекъ и Вишневецкіе, по мимо общей съ іезуитами цѣли, старались также достигнуть и своихъ личныхъ: они взяли съ Отрепьева обязательство, что онъ женится, по достиженіи престола, на дочери Мнишка Маринѣ и выдастъ опредѣленное количество денегъ для уплаты тестевыхъ долговъ. Послѣдніе (Мнишекъ и Вишневецкіе), собравъ различныхъ бродягъ и присоединивъ къ нимъ своихъ подданныхъ, — отправили Гришку въ Россію. Между тѣмъ, Варлаамъ, жившій въ 50 верстахъ отъ Вишневца, все это видѣлъ, слышалъ и сталъ слѣдить еще зорче за дѣйствіями Гришки, когда послѣднему стали помогать Мнишекъ и Вишневецкіе въ его замыслахъ: а потому, при отвѣтахъ своихъ, съ надлежащею вѣрностію и математическою точностію, показавъ слѣдующее: „А онъ Гришка съѣхалъ въ Гощею въ Городѣ къ пану къ Госкому, да въ Гощеѣ иноческое платье съ себе скинулъ и учинился міряниномъ и учалъ въ Гощеѣ учиться въ школѣ по-Латински и по-Польски и — Лютеранской грамотѣ, и бысть отиѣвниекъ и законо-преступникъ православныя сущія христіанскія вѣры. И я, Государь, изъ монастыря до Острога, до князя Василія ѣздилъ и князю Василю билъ челомъ, чтобы князь Василій изъ Гощей велѣлъ его взяти и учинити по старому Чернцомъ и Діакономъ и повелѣлъ бы его послати къ намъ въ Дерманскій монастырь; и князь Василій и всѣ дворовые люди говорили мнѣ: здѣсь де такая земля какъ кто хочетъ да тотъ въ той вѣрѣ и пребываетъ; да князь же мнѣ говорилъ: сынъ де мой князь Янышь родился въ христіанской вѣрѣ, и держитъ Ляшскую и мнѣ до его не вняти и нынѣ де панъ Краковскій въ Гощеѣ. А въ Гощеѣ у него и зимоваль, и послѣ велика дни изъ Гощей пропалъ безвѣстно (у іезуитовъ усовершался на наукѣ) и очутился въ городѣ Брагинѣ у князя Адама Вишневецкаго, и сказался князю Адаму царевичемъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ, а тотъ князь, Адамъ бражиниѣ и безумецъ, тому Гришкѣ и повѣрилъ и учинилъ его наколесницахъ и наконецъ ѣздити и людно.

Изъ Брагина князь Адамъ поѣхалъ до Вишневца и того Гришку съ собою взялъ и по паномъ изряднымъ его возилъ и сказывалъ его царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ. И въ Вишневецѣ Гришко Отрепьевъ у него лѣтоваль и зимоваль, и послѣ велика дни князь Адамъ его Гришку допровадилъ до

Литву, исполняя наказъ Іоанновъ 50).

Кракова, до Жыкмонта; и сказалъ князь Адамъ королю про него, будто онъ царевичъ Димитрій Ивановичъ Углицкій и король его къ руцѣ звалъ; и онъ училъ прельщати его именуючи сущаго быти царевича Димитрія, приснаго сына благовѣрнаго государя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси Самодержца... И я, королю протого Гришку извѣщаль, что онъ не царевичъ Димитрій, а Чернецъ онъ, Гришкою зовуть, а прозвищемъ Отрепьевъ, а шель сомною съ Москвы вмѣстѣ; а король и паны мнѣ невѣрили и послали меня къ нему Гришеѣ въ Самборъ и къ Воеводѣ Сандомирскому къ папу Юрѣю Мнишке и къ нимъ листъ о мнѣ писали и какъ меня привезли въ Самборъ, и разстрига Гришка съ меня платья иноческаго снялъ, и повелѣлъ меня бити и мучити, да разстрига Гришка учаль и говорити и сказывати про насъ, променя да про сына боярскаго Полачева, будто мы посланы отъ царя Бориса для того, чтобы его убити; и того Якова Полачева тотъ разстрига и воевода Сандомирскій велѣли смертию казнити, и онъ Яковъ, и у казни называлъ его разстригою Отрепьевымъ: а меня, бивъ и мучивъ, велѣлъ въ кандалы заковать и въ тюрьму вкнута и проч.“ Смотр. Вѣст. зап. Россіи за 1865—66 г. Книга 6 и 7 отд. II, стр. 97, 98 и 99.

Беръ пишетъ: однажды, разсердясь въ банѣ на своего камердинера—Лжедимитрія, Вишневецкій далъ ему пощечину... слуга заплакалъ и сказалъ: если бы ты зналъ кто я? Князь спросилъ: кто же ты?—Тутъ обманщикъ рассказалъ ему извѣстную всѣмъ басню и упалъ къ ногамъ его... Князь извинился предъ нимъ и велѣлъ ему одному остаться въ банѣ, а самъ выйдя изъ бани,—приказавъ изготовить все нужное для угощенія царя русскаго,—возвратился въ баню съ 12 слугами и богатою одеждою для Лжедимитрія, самъ надѣлъ ее на бывшаго слугу, своего и подарилъ ему великолѣпную карету и 6 лошадей. Борисъ, узнавъ о замыслѣ Отрепьева, чрезъ гонца предложилъ Вишневецкому нѣсколько замковъ и городовъ, съ условіемъ, чтобы онъ выдалъ самозванца. Вишневецкій, для безопасности, уѣхалъ съ *своимъ* царевичемъ далѣе отъ предѣловъ россійскихъ въ г. Вишневецъ и тамъ показалъ ему письмо Борисово. Лжедимитрій упалъ на колѣна, говоря: Богу и тебѣ извѣстно кто я, дѣлай со мною что хочешь. Князь Адамъ, конечно, не хотѣлъ измѣнить мнимому царевичу. Тогда Борисъ снова написалъ къ Вишневецкому и прислалъ нѣсколько человекъ, съ приказаніемъ убить самозванца. Князь Адамъ отправилъ его къ воеводѣ сандомирскому; а въ хронографѣ (какъ мы видѣли) князь Адамъ „учинилъ его на колесницахъ и на конѣхъ;“ и изъ Брагина князь Адамъ поѣхалъ до Вишневеца и послѣ великаго дни вн. Адамъ его Гришку допроводилъ до Кракова.“

Вишневецкій изумился и еще хотѣлъ сомнѣваться, но уже не могъ, когда хитрый, вида будьто бы неосторожность духовника, раскрылъ грудь и показалъ золотой крестъ, осыпанный драгоценными камнями сказалъ со слезами: что сія святыня дана ему крестнымъ отцомъ Иваномъ Мстиславскимъ (не іезуитами ли для успѣшнѣйшаго доказательства къ совершенію обмана?).

Вельможа литовскій, былъ въ восхищеніи (еще бы!)... И какая слава была невозможною, когда слуга его сядетъ на тронѣ.— Онъ не щадилъ ничего и только желалъ, чтобы поскорѣ выздоровѣлъ слуга его... Послѣдній не замедлилъ встать съ кровати, не смотря на то, что лежалъ на предсмертномъ одрѣ... Тогда Вишневецкій построилъ для него великолѣпное платье, приставилъ къ нему ливрейную прислугу и успѣлъ разгласить по всей Литвѣ о чудесномъ спасеніи отъ убіенія Иванова сына 51). Затѣмъ, вмѣстѣ съ воеводою сендомирскимъ и княземъ Вишневецкимъ, Отрепьевъ явился въ Краковѣ, гдѣ нунцій немедленно посѣтилъ его, обнималъ и ласкалъ, бесѣдуя съ нимъ о Россіи,—и убѣдилъ, чтобы ему торжественно обѣщаль принять католичество для вѣрнѣйшаго успѣла въ дѣлѣ.—Димитрій клялся исполнить желаніе нунція и подтвердилъ свою клятву при многихъ вельможахъ. Тогда, угостивъ Отрепьева пышнымъ обѣдомъ, нунцій Рангони повезъ его въ дворецъ, гдѣ и король Сигизмундъ принялъ его съ ласковою улыбкою, обѣщавъ быть ему помощникомъ и опредѣливъ изъ содержаніе его сорокъ тысячъ злотыхъ ежегоднаго дохода (54,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) 52). Впрочемъ, не желая самъ нарушать перемирія съ Россіею, Сигизмундъ велѣлъ Мвишку и Вишневецкимъ идти съ войскомъ противъ Годунова именемъ Иоаннова сына, составить рать изъ вольницы,—опредѣливъ на жалованье доходы сендомирскаго воеводства, внушилъ дворянамъ, что въ Россіи ожидаетъ ихъ слава и богатство—и, торжественно снявъ съ своей груди золотую цѣпь, возложилъ ее на разстригу и отпустилъ его съ двумя іезуитами изъ Кракова въ Галицію, гдѣ близъ Льво-

51) Ист. Госуд. Россійск. Карам. томъ XI, стр. 7—77.

52) Ист. Госуд. Рос. Карамз. т. XI, стр. 78.

ва и Самбора, въ имѣннн вельможи Мнишка, уже толпилась шляхта и разные бродяги [съ неудержнымъ желаніемъ идти на Москву...

Главою этого похода былъ самъ Мнишекъ, на дочери котораго Маринѣ Лже - димитрій изъявилъ готовность жениться и, по вступленіи на престоль, выдать милліонъ польскихъ злотыхъ Мнишку изъ московской казны; кромѣ сего, обѣщаль, что утвердить за женою своею на вѣчные времена великій Новгородъ и Псковъ, а за тестемъ Смоленскъ и всѣ сѣверскіе города; наконецъ, обѣщаль всѣми силами совратить россіанъ въ латинство 53). Этотъ договоръ слѣдующаго содержанія:

„Мы, Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію царевичъ великой Россіи, Угледкій, Дмитровскій и иныхъ—князь отъ колѣна предковъ своихъ и всѣхъ государствъ московскихъ государь и дидичъ. Разсуждая о будущемъ состояніи житія нашего, не только по примѣру нашихъ монарховъ и предковъ нашихъ, но всѣхъ христіански живущихъ за призраніемъ Бога всемогущаго, отъ котораго живетъ начало и конецъ, а жена и смерть бываетъ отъ негожь, — усмотрѣли есьмя и улюбили себѣ, будучи въ королевствѣ польскомъ, въ дому честнѣмъ, великаго роду, житія честнаго и побожнаго, пріятели и товарища ясне вельможную панну Марину съ великихъ Кончиць Мнишкову, Воеводеньку Сендомирскую, Старостеньку Львовскую, Самборскую, Лиденскую и проч.—дочь ясневельможнаго Ю. Мнишка; коего считаемъ отцемъ своимъ, испытавъ его честность и любовь къ намъ; но отложивъ бракосочетаніе до нашего воцаренія: тогда — въ чемъ клянемся именемъ св. Тройцы и прямымъ словомъ царскимъ, — жеңясь на паннѣ Маринѣ, обязываюсь:

I. Выдать немедленно милліонъ злотыхъ (1,350,000 нынѣшнихъ нашихъ рублей) на уплату его долговъ и на путешествіе до Москвы, сверхъ драгоцѣнностей, которыя пришлемъ изъ нашей казны московской.

II. Торжественнымъ посольствомъ извѣстить о семъ короля Сигизмунда и просить его благосклоннаго согласія на оное дѣло;

53) Тамъ же томъ XI, стр. 8. — Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 160.

III. Будущей Супругѣ нашей уступить два великія государства Новгородъ и Псковъ со всѣми уѣздами и пригородами, съ людьми думными, дворянами, дѣтьми боярскими и духовенствомъ, такъ, чтобы она могла судить и рѣдить въ нихъ самовластно, опредѣлять намѣстниковъ, раздавать вотчины и помѣстья своимъ людямъ служивымъ, заводить школы, строить монастыри и церкви латинской вѣры, свободно исповѣдуя сію вѣру, которую и мы сами приняли, съ твердымъ намѣреніемъ ввести оную во всемъ государствѣ московскомъ.

Если же, отъ чего Боже сохрани (!), Россія воспротивится нашимъ мыслямъ, и мы не исполнимъ своего обязательства въ теченіи года, то панна Марина вольна развестися со мною, или взять терпѣніе еще на одинъ годъ и проч. 54).

1604 г., въ сентябрѣ мѣсяцѣ, послѣ вышеизложеннаго договора, отправился Лжедмитрій въ Россію съ манифестомъ о чудесномъ спасеніи своемъ, и большою толпою приверженцевъ, искать московскаго престола. Между тѣмъ въ Самборѣ Вишневецкіе и Мнишекъ, при помощи вина и другихъ приманокъ, производили вербовку въ армію самозванца и скоро образовали изъ разныхъ бродягъ значительный отрядъ 55).

Борисъ, въ свою очередь, предпринялъ нужныя мѣры. Въ самомъ началѣ онъ извѣстилъ польскихъ вельможъ и короля, что мнимый Дмитрій есть бѣглый монахъ Чудова-монастыря, Гришка Отрепѣевъ,—послалъ для улики людей, знавшихъ его до побѣга изъ Москвы, учредилъ бдительную стражу на границѣ и, вмѣстѣ съ патриархомъ, обнародовалъ манифестъ, коимъ старался увѣрить подданныхъ въ самозванствѣ Лжедмитрія, описавъ подробно жизнь самозванца 56). Несмотря на все это, Лжедмитрій успѣлъ обмануть толпу народную.

При появленіи самозванца, Путивль, Рильскъ, Черниговъ и многіе другіе города сдались самозванцу добровольно 57). Тутъ же посчастливилось послѣднему поправить свои финансы: московскіе купцы везли казну въ медовыхъ бочкахъ отъ

54) Ист. Госуд. Рос. Карамз. т. XI, прим. 50.

55) Романъ „Марина Мнишекъ“ ч. I, стр. 20.

56) Рус. Ист. Устр. часть II, стр. 132 и 131 издан. II.

57) Тамъ же. часть II, стр. 132. — Романъ Марина Мнишекъ ч. I, стр. 27 и 28.

Бориса къ начальникамъ сѣверскихъ городовъ; ляхи перехватили эту казну и Отрепьевъ отослалъ большую часть ея въ Литву къ князю Вишневецкому и пану Рожьинскому, чтобы на-вербовать новыя толпы сподвижниковъ 58).

1605 г. весь южный край Россіи взволновался и даже въ самомъ войскѣ Борисовомъ обнаружилось недоумѣніе; но упорная защита Басмановымъ Новгорода сѣверскаго остановила на время распространеніе мятежа; самозванецъ едва не погибъ, когда запорожскіе казаки оставили его. Воевода сендомирскій, видя эту неудачу, возвратился со вновь набранною дружиною во свояси, а самъ самозванецъ едва ускользнулъ отъ плѣна—и потерялъ уже всякую надежду на полученіе престола,—какъ вдругъ смерть Бориса воскресила его надежды 59). Со смертію Бориса, всѣ умы поколебались и русскіе стали громко поговаривать, что онъ былъ причиною смерти Димитрія и что скоропостижная смерть его есть очевидный признакъ небеснаго правосудія. Съ другой стороны, царская рать, увлеченная измѣною Басманова, предалась самозванцу, а Москва послѣдовала примѣру войска. Самозванецъ торжествовалъ, когда отъ Путивля и до самой столицы его встрѣчали съ восторгомъ, какъ истиннаго сына Иоаннова и безпрекословно присягнули ему 60).

Видя успѣхи Отрепьева, Вишневецкіе, Мнишекъ, равно какъ и всѣ поляки, радовались. Завладѣвъ престоломъ, самозванецъ, для исполненія своего условія, отправилъ немедленно значительную сумму къ своему тестю,—частію на уплату его долговъ, а частію на издержки путешествія и обрученіе. Исторія говоритъ, что секретарь Отрепьева Бучинскій привезъ въ первое посольство самозванца изъ Москвы 200,000 золотыхъ Мнишку, сверхъ 100,000, которыя онъ отослалъ Сигизмунду для отдачи того, что взыскъ сендомирскій на ополченіе 1604 г. 61)

58) Ист. Госуд. Рос. т. XI, стр. 90.—Ром. Мар. Мниш. ч. I, стр. 60.

59) Руск. Ист. Устр. часть II, стр. 132 и 133.

60) Тамъ же, стр. 133 и 134 примѣчаніе: когда самозванецъ подступалъ къ Москвѣ, Софроній жаловался, что въ сіе время князь Адамъ Вишневецкій у монаха іерусалимскаго Сумеона отнялъ двѣ арабскія лошади. См. Ист. Госуд. Рос. т. XI, примѣч. 377 Ром. Мар. Мниш. ч. I, стр. 130.

61) Романъ Мар. Мниш. ч. I, стр. 130.

Однимъ словомъ — въ это время Самозванецъ , Мнишекъ и Ришневецкіе были на верху счастья. По полученіи денегъ Мнишкомъ, къ нему такъ много стеклось гостей, что въ огромныхъ залахъ воеводы сендомирскаго не было гдѣ помѣститься, а балъ такъ былъ великолѣпнѣе, что даже избалованная роскошью Марина удивлялась его величію. Между тѣмъ самозванецъ не переставалъ истощать московскую казну,—сыпалъ деньгами какъ соромъ: награждалъ своихъ приверженцевъ безъ мѣры, покупалъ и заказывалъ драгоценныя вещи, увеличивалъ пышность своего двора и проч., — однимъ словомъ— такъ торовато велъ свои дѣла, что, по замѣчанію исторіи, въ три мѣсяца израсходовалъ изъ московской казни болѣе семи милліоновъ тогдашнихъ рублей серебромъ 62). Тронъ его былъ вылитъ изъ чистаго золота съ такими же кистями, а усыпанъ алмазами и жемчугомъ, утверждѣнъ на двухъ серебрянныхъ львахъ и покрытъ—кресто-образно четырьмя щитами, надъ которыми сіялъ золотой шаръ и орелъ изъ того же металла 63).... Такъ прошолъ годъ безъ малаго. Наконецъ:

Захотѣлъ Разстрига жениться,

Не у себя—то онъ въ каменной Москвѣ,

Бралъ онъ разстрига въ проклятой Литвѣ 64).

1606 г. Лжедмитрій послалъ къ своей невѣстѣ Маринѣ, посольство въ числѣ 200 человекъ, разнообразно одѣтыхъ, и велѣлъ объявить Маринѣ обрученіе. Прибытіе посольства было объявлено за нѣсколько дней прежде; прибытія его въ послѣдній день, самъ король ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Наконецъ наступили минуты прибытія знаменитаго посольства, представителемъ котораго былъ Власевъ. Король вошелъ въ залу; сестра послѣдняго вела Марину, а за ней также шли съ Власевымъ всѣ 65), паны и даже папскіе кардиналы. Одинъ изъ послѣднихъ произнесъ напыщенную рѣчь Маринѣ, въ ко-

62) Тамъ же, стр. 131. — Ист. Госуд. Рос. Карамз. томъ XI, стр. 233.

63) Тамъ же, стр. 144. Въ это время Лжедмитрій не намѣренъ былъ отдавать долговъ занятыхъ въ обителяхъ и даже намѣренъ былъ окончательно отнять всѣ доходы монастырскіе на содержаніе войска и костеловъ. Тамъ же, ч. I, стр. 113.

64) Разказы про Стар. время на Руси—Петруш.; стр. 160.

65) Романъ „Марина Мнишекъ“ ч. I, стр. 183.

торой исчислялъ все выгоды обѣихъ державъ отъ союза и, заключивъ рѣчь, обратясь къ невѣстѣ, чтобы она не забывала тсго края, гдѣ получила жизнь и образованіе, гдѣ началось и устроилось ея величіе и счастье 66); послѣ того отправились въ церковь *), гдѣ чрезъ нѣсколько минутъ совершился и самый обрядъ. Изъ церкви опять возвратились въ прежнюю залу, гдѣ, послѣ низкаго поклона короля, усѣлись за столъ—къ обѣду. За обѣдомъ, русская царица (такъ уже именовали въ это время Марину, приняла отъ нареченнаго своего супруга слѣдующіе дары:

I. Богатый образъ Св. Троицы.

II. Перо изъ рубиновъ.

III. Чашу Гіацинтовую.

IV. Золотой корабль, осыпанный драгоцѣнными камнями.

V. Золотой литый быкъ.

VI. Золотой литый пеликанъ.

VII. Золотой литый павлинь.

VIII. Богатые и рѣдкіе часы съ флейтами и трубами.

IX. Болаѣ трехъ пудовъ жемчуга.

X. 640 лучшихъ соболей.

XI. Четки изъ большихъ жемчуговъ.

XII. Алмазный крестъ съ именемъ невѣсты царицы.

XIII. Драгоцѣнное ожерелье.

XIV. Нѣсколько тяжелыхъ злотыхъ и

XV. Кипы бархатовъ, парчей и червоныхъ 67).

Послѣ послѣдняго бала, Марина отправилась въ Москву для бракосочетанія. Предъ выѣдомъ ея съ ранняго утра хлопоталъ старый Мнишекъ, придумывая планы, какъ бы сдѣлать этотъ путь пышнѣе и величественнѣе... Онъ самъ назначалъ мѣста

66) Тамъ же часть I, стр. 185 и 186.

(*) Преданіе говоритъ, что обрученіе совершилось въ древней православной Вознесенской церкви, бывшей въ то время въ замкѣ (нынѣ находящейся внѣ онаго), какъ полагаемъ со времени устройства новаго дворца Вишневецкимъ княземъ Михаиломъ Серваціемъ около 1725 и 1727 г. — послѣ разоренія м. Вишневеца 1672 г. турками. См. Podole, Wołyń, Ukraina t. I, str. 40 sp. 1. тамъ же стр. 46 и 47.

67) Ром. Мар. Мниш. ч. 1, стр. 187 и 188.—Эти дары цѣнили въ 200,000 червоныхъ. см. Гревенбуха 32. и Пясец. 223.

брату своему, сыну, князю Вишневецкому и другимъ панамъ,—самъ сочинялъ церемоніаль, осматривалъ экипажи и проч. 68).

Но вотъ настало и самое путешествіе въ Москву; Марина ѣхала въ богато-убранной каретѣ, на имперіадѣ которой возвышался вызолоченный гербъ Мнишковой фамиліи. Воевода сендомирскій хотѣлъ ознаменоватъ это путешествіе всевозможною пышностію. Марина ѣхала между рядами войска конницы и пѣхоты тихо и величественно. Братъ и сынъ воеводы, князь Вишневецкій и каждый изъ знаменитыхъ пановъ имѣли свою дружину военную. Такъ путешествіе продолжалось до самой Вязьмы; а здѣсь, оставивъ Марину, сендомирскій воевода, братъ его, сынъ и князь Вишневецкій поспѣшили напередъ въ Москву для нѣкоторыхъ предварительныхъ переговоровъ о бракѣ 69). Здѣсь Лжедмитрій велѣлъ приготовить для гостей богатый обѣдъ, за которымъ однакожь самъ не сидѣлъ рядомъ, и приказалъ воеводѣ, сыну его и князю Вишневецкому подать золотыя тарелки; на балѣ вечеромъ, играли польскіе музыканты, сынъ воеводы и князь Вишневецкій танцовали въ императорскомъ московскомъ дворцѣ, а самъ Лжедмитрій забавлялся перемѣною одеждъ, являясь ежеминутно—то рускимъ щеголемъ, то венгерскимъ гусаремъ и проч. 70)... Между тѣмъ Марина приблизилась къ Москвѣ. Слѣдя со вниманіемъ за поведеніемъ Лжедмитрія, Москва уже начинала думать думу и хмурить чело. Волненіе и ропотъ ея становилось съ часу—на часъ сильнѣе и сильнѣе, такъ, что наконецъ, не было сословія, которое благопріятствовало бы Лжедмитрію, бояре негодовали на самозванца за пошлыя [насмѣшки его надъ ихъ обычаями и грубоватостью, духовенство было озлоблено отнятіемъ у монастырей помѣстьевъ и пристрастіе самозванца къ латынству, народъ не могъ примирить, по тогдашнимъ понятіямъ, съ идеею царя его воинскихъ и не воинскихъ потѣхъ,—разгульной его жизни, его сарказмовъ надъ вѣками освященными обычаями и проч. 71).—Къ тому же распространеніе слуховъ между наро-

68) Ром. Мар. Мниш. ч. II, стр. 37.

69) Тамъ-же ч. II, стр. 44—49.—Ист. Госуд. Рос. Карамз. т. XI, стр. 149.

70) Ист. Госуд. Рос. Карамз т. XI стр. 149.

71) Русская Исторія Устрялова; часть II, отдѣлъ III, стр. 135 и 136.

дамъ о принятіи царомъ латинской вѣры съ цѣлю ввести ее и въ цѣломъ Московскомъ государствѣ,—предпочтеніе самозванцемъ польскихъ вельможъ—увеличили общее негодованіе народа. Однимъ словомъ — мятежъ готовъ былъ вспыхнуть противъ самозванца при малѣйшемъ противудѣйстви его духу—народному. Это обнаружилось при появленіи Марины Мнишковой въ Москвѣ съ 2000 поляковъ, озлобившихъ народъ дерзкимъ своеволіемъ, непомѣрною гордостію и оскорбленіемъ святыни *). Петерявшій терпѣніе народъ, предводимый Василиемъ Шуйскимъ вломался 27 мая въ Кремль и разтерзалъ самозванца. Марина, отецъ ея и родственники едва избѣгли смерти и заключены въ темницы, — а многихъ поляковъ постигла смерть среди площади, вмѣстѣ съ самозванцемъ 72)... По убіеніи самозванца, Мнишекъ и Вишневецкій рѣшились защищаться вооруженною силою. Послѣдній сражался съ народною толпою двое сутокъ. Наконецъ москвичи подвели подъ домъ его пушки—и, конечно, деревянный домъ не могъ бы выдержать осады; Вишневецкому грозила гибель, но онъ избавился на честныхъ условіяхъ 73).

Впрочемъ борьба Константина Вишневецкаго за самозванца нисколько неудивительна. Извѣстно, что предъ смертію своею Лжедмитрій сообщилъ князю Константину Вишневецкому свое намѣреніе распространить въ Россіи католическую вѣру, истребивъ сначала бояръ, для чего и сдѣлано было имъ распоряженіе поставить за городомъ пушки (будто бы для потѣхи),—и что первѣйшіе должности будутъ поручены Вишневецкимъ, сендомирскимъ и ихъ друзьямъ 74).

*) Самозванецъ вѣнчался 8 мая въ четвертокъ противъ Николаина дня. Разказы про старое время на Руси Петра Ильскаго; стр. 160.

72) Рус. Ист. Устр. ч. II стр. 136.

73) Нѣсѣдкій т. IV. стр. 550 и 551. Исторія говоритъ, что въ это время Вишневецкій непременно былъ бы убитъ, если бы самъ В. Шуйскій не спасъ его. Видя что подступаютъ пушки къ дому, въ которомъ находился Вишневецкій, Шуйскій вошелъ въ него, и поцѣловалъ Вишневецкаго въ знакъ безопасности послѣдняго и увидѣвъ множество русскихъ убитыми, заплакалъ. Въ это время Вишневецкій выведенъ былъ изъ дома Вас. Шуйскимъ въ одномъ жупанѣ. Примѣч. 558. Ист. Госуд. Рос. стр. 557.

74) Ист. Госуд. Рос. Карамз. т. XIII. примѣч. 9.

Но Сигизмундъ, Вишневецкіе и Мнишки и по смерти самозванца, не остановили своихъ притязаній на московскій престоль... Казна Московскаго государства мерещилась имъ и во снѣ, и на яву; а честолюбіе увлекало ихъ на путь борьбы, и они не переставали тревожить Россію.

1608 г. 23 сентября князь Константинъ Вишневецкій, вмѣстѣ съ другими польскими вельможами, явился подъ стѣнами Троицко-Сергіевой лавры съ 30,000 войска и на другой день осадилъ ее. Эта осада продолжалась годъ и четыре мѣсяца и не только выдержала всѣ нападонія поляковъ, но даже подкрѣпляла и Москву, также осажденную въ то время поляками, доставляла туда съѣстные припасы, военные снаряды и денежные пособія 75). Константинъ Вишневецкій лишилъ Троицко-Сергіевскій монастырь воды, задержавъ ее на Климентовскомъ полѣ,—и тѣмъ самымъ много способствовалъ къ стѣсненію жизни, находившихся въ осадѣ монаховъ и стрѣльцовъ, между которыми явились смертоносныя болѣзни.

1609 г., послѣ бѣгства 11 самозванца и Марины въ Калугу, а именно 29 декабря, положенъ совершенный конецъ троицко-сергіевской лаврской осадѣ, послѣ чего Россія на время успокоилась, и по изгнаніи Тушинскаго вора избрала себѣ 1613 г. на московскій престоль законнаго государя Михаила, изъ дома Романовыхъ, потомки коего счастливо царствуютъ и по настоящее время 76).

1609 г. около того времени когда самозванецъ Тушинскій бѣжалъ въ Калугу съ Мариною, признавшею его въ 1603 году своимъ мужемъ, Василій во св. крещеніи называемый Адамъ Вишневецкій, въ своего супругою Александрою Ходкевичевою составили духовное завѣреніе, въ коемъ повелѣли, дабы основанные ими монастыри въ Брагинѣ мужескій и въ томъ же имѣннн женскій, первый во имя Преображенія, а послѣдній во имя Благовѣщенія,—всегда принадлежали монахамъ православнаго исповѣданія 77).

Послѣ описанныхъ произшествій, о м. Вишневецѣ и князьяхъ его, исторія мало говорить.

75) Восп. Энцикл. Лексик. ч. 1, стр. 46 и 47.

76) Руск. ист. Устр. ч. II, стр. 143.—Ист. Госуд. Рос. т. XII, стр. 59.—также примѣч. 241.

77) Вѣст. зап. Рос. за 1863 г. книга IV, отд. 1.

Въ 1632 году Вишневецкіе, бывшіе дотолѣ православнаго исповѣданія, являются теперь гонителями древней религіи предковъ и притѣснителями православныхъ. Кіевскій митрополитъ, Исаія Копинскій, писалъ къ московскому патріарху Филарету Никитичу о претерпѣваемыхъ тамошними православными гоненіяхъ отъ римскихъ католиковъ и просилъ у него защиты и ходатайства. Гоненіе это по письму митрополита простиралось до того, что въ густинскомъ монастырѣ, основанномъ нѣкогда благочестивыми князьями Корибутами - Вишневецкими, потомки которыхъ въ XVII столѣтіи отступили отъ православія, — было расхищено все имѣніе, вся архіерейская ризница разграблена, многіе монахи этого монастыря безчеловѣчно были мучимы гонителями православія; жесточайшимъ изъ нихъ явился Константинъ Вишневецкій, измѣнникъ православію, и племянникъ его Михаилъ, который впоследствии избранъ польскимъ королемъ.

При такомъ положеніи православной вѣры и народности, митрополитъ Исаія, воспріемникъ и воспитатель Михаила Вишневецкаго при жизни его благочестивыхъ родителей, — теперь долженъ былъ посылать къ патріарху своихъ иноковъ „сокровеннѣ и тайнѣ ради зѣлныя боязни отъ супостатъ“ (такъ именуется онъ р. католиковъ) и просить для нихъ на обратномъ пути проводниковъ „для ради боязни стрегущихъ напути“ 78). Впрочемъ нѣкоторые факты показываютъ, что Вишневецкіе еще не всѣ въ XVII столѣтіи отпали отъ вѣры своихъ предковъ. Такъ, 24 февраля тогоже года княгиня Вишневецкая Христина подписала грамоту на отдачу игуменіи Олимпіадѣ Рогозянкѣ и инокамъ спасскаго и благовѣщенскаго монастырей, гдѣ прямо говорится, что по этой дарственной записи имѣніями этихъ монастырей должны пользоваться иноки, инокини только православнаго исповѣданія 79).

Съ 1634 г. по 1651 г., включительно, главную роль изъ Вишневецкихъ князей игралъ князь Іеремія, сынъ Михаила III. Онъ происходилъ отъ православныхъ родителей; отецъ его Михаилъ исповѣдывалъ вѣру православную до конца жизни своей и умеръ въ Вишневцѣ, гдѣ гробъ его можно видѣть и теперь

78) Вѣст. зап. Рос. за 1866 г. отдѣлъ 1, стр. 49.

79) Вѣст. зап. Рос. за 1863 г. кн. III, отд. 1, стр. 55.

въ древней православной Вознесенской церкви. Самъ Іеремія также былъ сначала православнымъ, но отданный для воспитанія своимъ дядей въ львовскую іезуитскую академію, ловкими учениками Лойолы совращенъ въ латинство 80). Впослѣдствіи Іеремія сдѣлался такимъ ревностнымъ исполнителемъ р. католичества, какъ будто всѣ папы, ксендзы и кардиналы вдохнули въ него свою душу 81)...

Въ молодости своей Іеремія путешествовалъ по Европѣ и возвратился въ 1634 г. въ свое отечество. Владѣя огромными имѣніями въ Червонной Руси, на Волини и въ Украинѣ, особенно въ нынѣшней Полтавской губерніи *), онъ, по совѣту іе-

80) Богд. Хмѣльницкій ч. 1, стр. 169.

81) См. примѣчаніе 54 къ поэмѣ Великіе проводы. Журналъ Основа 1862 мѣъ январь.

*) Регистръ имѣній и хозяйствъ осѣдлыхъ, подданныхъ князя Іереміа, изъ оригинальнаго инвентаря, — выписанный изъ рукописи князя Михаила Вишневецкаго К. В. В. К. Л. В. В. — Изъ черно-Островской бібліотеки на Подолѣ.

	<i>Счетъ хозяйствъ.</i>		<i>Счетъ мельницъ.</i>	
Лубны. — —	2646.	—	—	40.
Хороль. — —	1297.	—	—	8.
Горошинъ. — —	107.	—	—	11.
Лукомль. — —	504.	—	—	—
Орчица. — —	91.	—	—	—
Буромль. — —	158.	—	—	6.
Іереміевка. — —	327.	—	—	—
Жуланинъ. — —	312.	—	—	9.
Чигиринъ, Дуброва. — —	137.	—	—	6.
Пыратинъ. — —	1749.	—	—	38.
Бѣло-Шапки. — —	374.	—	—	3.
Дейрзбы-край. — —	318.	—	—	—
Злотоноша. — —	273.	—	—	13.
Пѣсчана. — —	230.	—	—	8.
Домонтовъ. — —	243.	—	—	5.
Прилуки. — —	366.	—	—	36.
Полтава. — —	812.	—	—	11.
Монастырище. — —	939.	—	—	12.
Гака. — —	824.	—	—	6.
Журавка. — —	474.	—	—	16.
Гродня. — —	312.	—	—	12.
Гмировка. — —	135.	—	—	2.
Ична. — —	1494.	—	—	3.

зуйтовъ принялся съ жаромъ вводить въ этихъ мѣстахъ и со предѣльныхъ съ ними латинство; построилъ въ Прилукахъ доминиканскій монастырь, костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ; поощралъ единовемцевъ, переходившихъ въ латинство разными способами и жестоко гналъ схизматиковъ (такъ называли поляки православныхъ).

Иваны.	—	—	336.	—	—	3.
Голонка.	—	—	304.	—	—	2.
Красне.	—	—	995.	—	—	4.
Липова.	—	—	381.	—	—	9.
Бропявна.	—	—	184.	—	—	—
Самборгъ.	—	—	198.	—	—	—
Грицовъ.	—	—	1264.	—	—	16.
Варва.	—	—	2037.	—	—	21.
Перевоточна.	—	—	426.	—	—	10.
Сикирина.	—	—	128.	—	—	12.
Себрина.	—	—	1830.	—	—	11.
Чериголь.	—	—	944.	—	—	9.
Снятенка.	—	—	436.	—	—	14.
Воронки.	—	—	145.	—	—	1.
Мнока.	—	—	285.	—	—	3.
Куревка.	—	—	346.	—	—	24.
Лохвиця.	—	—	3325.	—	—	35.
Писки.	—	—	349.	—	—	6.
Сѣпча.	—	—	1403.	—	—	31.
Комишна и Ручинцы.	—	—	1194.	—	—	9.
Гмутки.	—	—	446.	—	—	8.
Сергевка и Радышевка.	—	—	214.	—	—	—
Царо-бродъ.	—	—	104.	—	—	2.
Липовка Низша.	—	—	150.	—	—	2.
Край городъ.	—	—	137.	—	—	—
Опамашовка.	—	—	17.	—	—	—
Толаевка.	—	—	66.	—	—	—
Роменъ.	—	—	6000.	—	—	—
Мощна.	—	—	1400.	—	—	—
Корибутовъ.	—	—	600.	—	—	—
Кулигороды.	—	—	80.	—	—	—

Сумма хозяевъ 39,610. Мельницъ камней 423.

Примѣчаніе. Каждый изъ тѣхъ хозяевъ, желавшій быть свободнымъ отъ барщины, долженъ былъ давать по пять таларовъ въ годъ; мельники же отъ каждаго камня въ мельницѣ, по два червонныхъ злотыхъ; кромѣ того вѣрчма и вообще питейные дома, были доходомъ князя; а фольварки были отдѣльно. См. Podole, Wołyń, Ukraina, Przewdzeckiego, t. 1, str. 41—44.

Отдѣлъ II.

Такой фанатизмъ Іереміи чрезвычайно нравился полякамъ и р. католическому духовенству. Но кромѣ фанатизма Іеремія поддерживалъ къ себѣ уваженіе и другими качествами: онъ, говорятъ поляки, съ молодости не зналъ ни Бахуса, ни Венеры, съ твердостью переносилъ лишенія и велъ простой образъ жизни; честолюбивый, ласковый съ низшими, онъ содержалъ толпы бѣдныхъ шляхтичей и значительное войско на своемъ иждивеніи—войско, которое отъ ноги было къ нему привязано 82).

Іеремія Вишнивецкій былъ отличный полководецъ, и въ то же время тиранъ, неумолимый ко врагамъ. Во время войны съ русскими, онъ разорялъ великороссійскія укрѣпленія, города и села,—за что прозвали его *паломъ*. Еще большую жестокость оказывалъ онъ надъ казаками послѣ укрощенія мятежей; самыя ужасныя казни выдумывалъ онъ для нихъ и чрезъ то пришелъ въ крайнее омерзеніе у русскихъ. Особенно ненавидѣло его духовенство и возбуждало даже противъ него народъ, какъ противъ отщепенца и измѣнника. Неразъ жизнь Іереміи находилась въ опасности; но лишь только удавалось освободиться ему отъ бѣды, онъ не думалъ, подобно другимъ, умирать недовольныхъ ласкою. Іеремія не терпѣлъ двуличной политики; открытый во враждѣ и дружбѣ, онъ держался правила истреблять безъ милосердія всѣхъ враговъ 83).

Іеремія прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ нападалъ на козаковъ, за что сіи послѣдніе питали къ нему чрезвычайную злобу и, при первомъ случаѣ, готовы были умертвить его 84).

1638 г. польскій король, паны и ксендзы подняли самое изуверское гоненіе противъ православія; въ главѣ ихъ стоялъ кн. Вишнивецкій. Въ это время ляхи предприняли твердое намѣреніе, истребить православіе въ цѣлой Литвѣ, православныя церкви обратить въ костелы и книги русскія уничтожить 85). Крестьяне, ободряемые своими пастырями, не соглашались переходить изъ православія въ латинство и говорили; въ порывѣ негодованій, что они согласнѣе пристать къ татарамъ и калъ-

82) Богданъ Хмѣльн. ч. 1, стр. 169 и 170.

83) Богданъ Хмѣльн. ч. 1, стр. 170.

84) Ист. Малорос. (за 18^{65/66} гг. кн. IX, отд. 1, стр. 11 и 12) ч. 1, стр. 192.

85) Вѣст. зам. Рос. за 18^{65/66} гг. кн. IX, отд. 1, стр. 11 и 12.

винамъ, нежели перейти въ латинство. Почему Вишневецкій въ своей исторіи литературы (т. VIII, стр. 319), замѣчаетъ: что „Sement Smotrickiego wielkie na Russi zrobil wrazenie; Volimy do Mezetow tatarskich raciej do zborow kalwinskih, niz skosciolom Rzymским lo jedności,“ takie słyszyc się dowaly, dzies się w mniejszosci znalezi 86).

1639 г. Князь Іеремія Вишневецкій первый разъ имѣлъ стычку съ казаками при р. Мерлѣ, въ Слободско-украинской губерніи, одержалъ надъ ними верхъ и прогналъ ихъ, вмѣстѣ съ предводителемъ Карпомъ, такъ названнымъ, Полтора-Кожуха 87).

1648 г. Іеремія Вишневецкій въ свою очередь, потерпѣлъ поражение отъ козаковъ; вслѣдствіе чего въ скоромъ времени поднялъ оружіе противъ нихъ и произвелъ ужасное кровопролитіе въ Польшѣ 88).

Когда Хмѣльницкій поднялъ войну противъ Вишневецкаго, Іеремія находился тогда въ Лубнахъ, любимомъ своемъ имѣніи. Въ это время крестьяне, услыжавъ о возстаніи козаковъ оставили все и бѣжали къ Хмѣльницкому. Вишневецкій собралъ 6000 войска 89), (а по другимъ до 8000) изъ шляхтичей, жившихъ въ его имѣніяхъ, разсѣялъ козацкіе загоны и всѣхъ попадавшихся ему въ руки казнилъ съ неимовѣрною жестокостію. Въ каждомъ городѣ и селѣ ставили на рынкахъ висѣлицы, виновныхъ вѣшали, сажали на колъ, рубили имъ головы и проч. Уничтожая такимъ образомъ дружины козаковъ, Вишневецкій дошелъ почти до Переяславля и намѣревался уже перейти на другую сторону Днѣпра, чтобы поспѣшить на помощь Потоцкому: но услыжавъ, что Переяславль возмутился и Кривonosовъ, посланный Хмѣльницеимъ, съ 10000 готовился поразить его,—возвратился назадъ. Недалеко отъ Берестечка, явились къ нему шесть козаковъ съ письмомъ отъ Хмѣльницкаго, въ коемъ предводитель козаковъ извѣщалъ князя о пораженіи гетмановъ польскихъ подъ Корозномъ и просилъ не оскорбляться этимъ и

86) Michał Wiszniwieckiy t. VIII str. 258—405. См. Вѣст. за Рос. за 1863 г. кн. III, отд. II, стр. 165.

87) Ист. Малорос. Бант. Кам. ч. I, стр. 192, см. еще Малор. лѣтопись.

88) Тамъ же ч. I, стр. 192.

89) Лѣтоп. событ. въ югозап. Рос. въ XVII вѣкѣ. Самуила Ве-личка т. I, стр. 94.

не предпринимать болѣе непріязненныхъ дѣйствій противъ русскихъ 90). Вишневецкій, вмѣсто отвѣта, приказалъ немедленно посадить на колы послѣдовъ Хмѣльницкаго; этотъ приговоръ исполненъ былъ на дорогѣ между Войтовымъ и Филиповымъ 91). Побрякивая саблею, Вишневецкій говорилъ своимъ приверженцамъ: „вотъ чѣмъ слѣдуетъ усмирять козаковъ“—и хотѣлъ было напасть на нихъ, но, узнавши тутъ же, что казаки собрались подъ Лубнами, князь поспѣшилъ назадъ, ибо въ Лубнахъ оставалась жена его Гризельда, дочь Оомы Замоискаго, которую онъ нѣжно любилъ. Между тѣмъ возстаніе разгорялось часъ отъ часу все болѣе и болѣе, такъ что положеніе самаго Вишневецкаго дѣлалось опаснымъ, тѣмъ болѣе, что изъ дружины его осталось уже только 3000. Собравшись наскоро, Вишневецкій, вмѣстѣ съ семействомъ, выѣхалъ изъ Лубенъ со слезами на глазахъ 92). Онъ хотѣлъ переправиться чрезъ Днѣпръ и идти на Кіевъ; но встрѣтивъ къ тому важныя препятетвія, направился къ Любечу и здѣсь, переправившись чрезъ Днѣпръ, отправилъ княгиню съ сыномъ въ Вишневецъ чрезъ Полѣсье, при вооруженной стражѣ, со множествомъ обоего пола, спасавшихся отъ возстанія 93); а самъ остался на нѣсколько дней въ Житомирѣ, куда собралось много пановъ и шляхтичей на сеймъ. Поддержавши здѣсь своимъ примѣромъ и увѣщаніями духъ шляхтичей, Вишневецкій увеличилъ свой отрядъ новыми охотниками, далъ ему правильное устройство и, при содѣйствіи воеводы кіевскаго Тышкевича, сдѣлалъ постановленіе о сборахъ съ каждаго повѣта для содержанія войскъ; а пока нужныя деньги могли быть собраны, далъ заимообразно собственныхъ нѣсколько тысячъ злотыхъ 94).

90) Богд. Хмѣльн. ч. I, стр. 171 и 172.—Памятн. Кіевской комиссіи I. III. XXVI. Лiator. jed. 16, 1, 3, 157. Лѣтоп. Велич. 1, 30. Пам. Кіев. ком. 1, 3, 39.

91) Лѣт. событ. въ Югозап. Рос. въ XVII вѣкѣ соч. Величко т. I, стр. 78 и 79.

92) Богд. Хмѣльн. ч. I, стр. 172. Лѣт. Вел. т. I, 79 см. отд. IV, 22 Лѣт. Вел. 1 94.—Ист. о призрѣн. брат.

93) Лѣт. соб. Югозап. Рос. Сам. Велич. изд. 1851 г. Кіевъ т. I, стр. 95.

94) Богданъ Хмѣльн. часть I, стр. 173.—Лѣт. Велич. 1 25. Ист. о призрѣн. брат.—Derb. Gest. Contr. cos. 57 poch hrjen sławy Лiator. śczd. 1 67.

Пока Вишневецкій сдѣлалъ эти приготовления къ борьбѣ съ казаками Кривонось началъ уже свои военныя дѣйствія опустошеніемъ нѣсколькихъ помѣстій своего противника, гдѣ умертвилъ 15,000 р. католиковъ и жидовъ.

Узнавши объ этомъ, Іеремія бросился въ глубину Украины праваго берега. Въ Погребницахъ жители составили гайдамацкій загонъ, куда собрались изъ другихъ сосѣднихъ сель крестяне, ободряемые священниками 96). Вишневецкій напалъ на нихъ нечаянно и всѣ они попались въ его руки... Князь сажалъ всѣхъ безъизятія на колъ, тиранилъ, мучилъ виновныхъ и невиновныхъ, а особенно священниковъ, по замѣчанію лѣтописца „ничтоже согрѣшшимъ.“ послѣднимъ даже просверливали буравомъ глаза 97)... Вышедши изъ Погребница, князь очутился среди разгара возстанія. Опъ послалъ шляхтича Барановскаго въ Немировъ, бывшій въ его имѣніи, требовать для войска провіанта, а самъ остановился въ Ободномъ. Но Барановскій, подошедши къ городу, увидѣлъ, что ворота заперты „немировскіе пьяницы и повѣсы,“ какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, вышли на валъ и закричали: „идите прочь! тутъ уже нѣтъ людскаго духа: не знаемъ мы твоего пана, есть у насъ другой панъ Хмѣльницкій...“ 98). Съ такимъ отвѣтомъ Барановскій возвратился и передалъ его своему князю. Послѣдній, узнавъ, что рабы его болѣе не повинуются ему, тотчасъ съ своею дружиною отправился подъ Немировъ; но городъ по прежнему оставался запертымъ; тогда вишневцы пробили деревянные стѣны, выдернули колья и ворвались въ Немировъ. Увидавъ княжескую дружину, жители пришли въ отчаяніе и не знали что дѣлать... Священники сами били въ набать и одушевляли всѣхъ къ защитѣ... Мѣщане и казаки, дѣйствительно, стали защищаться отчаянно и многіе изъ нихъ пали на мѣстѣ; а другіе, видя невозможность противостать княжеской

96) Богданъ Хмѣл. ч. I, стр. 173.

97) Тамъ же стр. 174.—Лѣт. Велич. 1, 95. Pamiętniki o wojn. Kozack. za Chmielnik. 12. Wojn. Dom. 1 17. Ист. о призрѣн. братъ память. Кіев. Ком. 1 3 157.

98) Богданъ Хмѣл. ч. I, стр. 174.—Pamiętm. Wojn. Kozack. za Chmiel. 12, Лѣт. Велич. 1 95.

дружинѣ, побросали оружіе и попрятались въ погребѣхъ и на чердакахъ домовъ. Князь въѣхалъ въ Немировъ... „подайте мнѣ кричалъ онъ, виновныхъ!“ и на другой день приказалъ явиться на площади цѣлому городу. Тогда началась ужасная сцена: „палачей!—палачей!“—закричалъ разъяренный Вишневецкій и приказывалъ мучить всѣхъ поголовно: немировцамъ вырвали глаза, распинали, растесывали ихъ по поламъ, сажали на колъ, обливали кипяткомъ и, вообще, изобрѣтали такія муки, какихъ по замѣчанію лѣтописца, и поганые не могли выдумать 99). Вишневецкій присутствовалъ при казняхъ и находилъ въ нихъ какое то звѣрское удовольствіе: „мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали что умираютъ, кричалъ онъ въ извѣстудленіи!“

На другой день утромъ князь приказалъ оставшимся въ живыхъ сойтись и сказалъ: „виновные казнены! я васъ прощаю; служите мнѣ вѣрно и узнаете мою милость!“ Послѣ сего, забравши провіантъ, князь уѣхалъ, оставивъ въ Немировѣ 200 драгуновъ. Но едва немировцы отерли слезы,—снова начали сноситься съ казаками и умоляли ихъ поспѣшить на помощь, а когда послѣдніе появились, отперли имъ ворота. Драгуны думали сопротивляться; но только одинъ изъ нихъ спасся, а прочіе всѣ погибли подъ рукою козаковъ; немировцы единодушно признали своимъ господаромъ Хмѣльницкаго.

Услышавъ о новой измѣнѣ немировцевъ, князь Вишневецкій сказалъ: „теперь я накажу ихъ такъ, что и свѣтъ не слышалъ подобной кары 100)“—и велѣлъ направиться войскамъ на Немировъ. Но немировцы на этотъ разъ спаслись: на дорогѣ прискакалъ къ Іереміи Тышкевичъ и донесъ ему, что Кривонось, разграбивши нѣсколько имѣній князя, уже ворвался въ его имѣніе Махновку. Іеремія немедленно подступилъ къ Махновкѣ 101), въ которой ворота и стѣны уже были разрушены до его прихода. Вишневецкій сталъ тѣснить пѣхоту, увидѣвъ помощь, жолнеры, бывшіе въ замкѣ, стали напирать сильнѣе, какъ вдругъ на Вишневецкаго стыгу бросается самъ Кривонось

99) Богданъ Хмѣл. ч. I, стр. 176.

100) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 176. — Pamiętn. o Wojn. Kozac. za Chmiel. 12. Ист. о призра. бр. Histor. ab. ege. Wład. IV. 22.

101) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 177.

съ конницей, началъ лично гонаться за Вишневецкимъ съ копьемъ и чуть было не прокололъ его. Иеремія долженъ былъ отступить назадъ и благодарилъ Бога, что не погибъ въ битвѣ совсѣмъ своимъ товариществомъ 102).

На другой день Иеремія хотѣлъ было поправить свои обстоятельства, но, по совѣту Тышкевича, остался въ бездѣйствіи, чтобы не попасть въ большую бѣду 103): вслѣдствіе чего Вишневецкій удалился отъ Махновки въ Грицевъ на отдыхъ и отсюда имѣлъ идти въ Збаражъ; какъ вдругъ разогнанная толпа шляхтичей прибѣжали къ Иереміи въ Грицевъ съ просьбою, чтобы онъ оказалъ имъ помощь. Вишневецкій отвѣтствовалъ, что у него нѣтъ войска, что его люди крайне изнурены, а между тѣмъ послалъ къ Корецкому и Осинскому съ приглашеніемъ биться съ неприятелемъ. Последніе отвѣтствовали, что не имѣютъ гетманскихъ приказаній; но вслѣдъ за тѣмъ, боясь прогнѣвать Вишневецкаго, поспѣшили къ нему, прося прощенія, что не явились тотчасъ 104).

Опустошивъ многія имѣнія поляковъ и разбивъ ихъ наголову, Кривоносъ обратилъ затѣмъ силы свои на старый Константиновъ и нечаянно встрѣтился съ Вишневецкимъ не далеко отъ города 25 іюля при какомъ то прудѣ, чрезъ который шла плотина. Видя приближающагося къ нему съ немалою силою неприятеля Вишневецкій употреблялъ хитрость: онъ поставилъ спереди конницу, а сзади отрядъ драгуновъ и отрядъ пѣшихъ. Кривоносъ думалъ, что будетъ имѣть дѣло только съ небольшимъ отрядомъ конницы и уже мечталъ взять въ плѣнъ самаго Вишневецкаго: но сей послѣдній съ засадою устремился на козаковъ и загналъ ихъ до самаго Табора, откуда, впрочемъ вынужденъ былъ отступить 105) и самъ.

На другой день Вишневецкій опять обманулъ Кривоноса: поставленный спереди плотины небольшой отрядъ побѣждалъ, какъ будто въ испугѣ и сталъ отступать къ тѣмъ, что были

102) Лѣт. опис. соб. въ Югосап. Рос. въ XVII вѣкѣ Сам. Вел. т. I, стр. 96 и 97.

104) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 179 и 180. Лѣт. Велич. I. 95. Pamięt. o Wojn. Kozac. za Chmiel. Iб. Ист. о призр. брат. Wojn. Dam. z. I, 18. Liator. jed derebus detis contra cos 59—61 Poch Wojn. 105) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 181 и 182.

за плотиною. Русскіе думали перебить ихъ и устремились на нихъ со всею силою, какъ вдругъ Вишневецкій приказалъ оборотиться своимъ войскамъ въ лице и поподчивать ихъ оловянными пилюлями 106).

Въ этомъ двудневномъ сраженіи Вишневецкій отобралъ у Кривоноса 4 пушки, положилъ нѣсколько старшинъ и взялъ 27 значковъ, съ потерей и своихъ воиновъ до 4000 и до 18 хоругвей 107).

Послѣ сего похода Вишневецкій отправилъ свою аромію въ Тульчинъ, а самъ съ легкимъ войскомъ обратился къ Константину: но услыхавъ, что его жена ушла изъ Вишневца въ Збаражъ, самъ туда поспѣшилъ, оставивъ гайдамакъ спокойно продолжать разграбленіе 108).

Узнавъ, что Вишневецкій удалился въ Збаражъ, Кривоносъ, по приказанію Хмѣльницкаго, отправился на Варъ 109); но, не имѣя достаточныхъ силъ для взятія этого укрѣпленнаго города, Кривоносъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости: онъ велѣлъ своимъ козакамъ перевязать ночью въ кули множество соломы и сѣна, намочить ихъ нѣсколько водою и зажечь. Такимъ образомъ произведенный мокрою соломой съ сѣномъ дымъ затмилъ городскій валъ, бывший тогда подъ вѣтромъ, и когда жители обратились съ войсками къ мѣсту пожара, для обороны строеній и отраженія вѣпріятеля, Кривоносъ вошелъ на валъ, противною стороною и овладѣлъ городомъ 110). По занятіи города казаки перебили множество шляхтичей, духовныхъ, а особенно іезуитовъ и жидовъ, такъ, что число погибшихъ жидовъ, по сказанію историковъ, хростиалось до 15,000, 111).

Когда Вишневецкій находился въ Збаражѣ, соотечественники его разсуждали о спасеніи отчизны, вели переговоры, со-

106) Тамъ же, страница 183.

107) Описаніе соб. Югозап. Рос. въ XVII стол. Самунл. Вел. т. I, стр. 97.

108) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 184 и 185. Лѣтоп. Вел. 1, 27. Ист. о призр. бр. Аппа I. Сlip. I. 51.

109) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 185.

110) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 192. Ист. Руссовъ.

111) Тамъ же, стр. 186. Лѣт. описаніе въ Югозап. Рос. въ XVII стол. Велич. т. I, 99.

ставляли сеймы и, между прочимъ, избрали Заславскаго предводителемъ польскихъ войскъ 112).

Вообще, какъ Іеремія ни славился своими воинскими подвигами, какъ много ни общали его дарованія; но магнаты не любили его: это объясняется тѣмъ, что Іеремія былъ чрезвычайно высокомѣренъ, не терпѣлъ равнаго, раздражался при малѣйшемъ признакѣ неуваженія къ нему и былъ хорошъ только съ тѣми, которые въ немъ нуждались 113).

Вишневецкій, будучи еще въ Збаражѣ и узнавши о невниманіи къ нему сейма, разсердился, что ему не дали начальствовать, въ то время, когда онъ, отражавшій козаковъ среди всеобщаго оцѣпченія, считалъ себя достойнѣе всѣхъ. Чтобы показать соотечественникамъ своимъ, что онъ не на столько нуждается въ нихъ, на сколько они въ немъ, Іеремія собралъ свое собственное войско изъ 12000 и сталъ лагеремъ подъ Константиновомъ, намѣреваясь дѣйствовать отдѣльно 114). Узнавъ о станѣ Іереміи многіе изъ воиновъ Заславскаго убѣжали къ нему подъ Константиновъ 115).

Вишневецкій напалъ на козаковъ близъ Пилявы и одержалъ верхъ надъ ихъ вождями Кривоносомъ и Пульяномъ, которыхъ и посадилъ на колъ 116). Вслѣдствіе чего Хмѣльницкій отправилъ толпу вооруженныхъ крестьянъ подъ начальствомъ полководца Остапа и Ганяси, кои произвели ужасное опустошеніе въ Польшѣ. Остервенѣніе доходило до того, что тѣла убитыхъ бросали на снѣденіе псамъ. Князю Янушу Четвертиньскому подъ Тульчиномъ отрубили голову, а женою его завладѣлъ Останъ. Впрочемъ, какъ ни были страшны для Польши сіи враги, Вишневецкій истребилъ и ихъ въ скоромъ времени 117).

112) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 213.

113) Тамъ же. стр. 196 и 197.

114) Тамъ же, стр. 213.—Hist. bellicos polon. 72.

115) Богданъ Хмѣл. ч. I, стр. 214.

116) Прим. къ I, ч. Ист. Мал. 280, стр. 58 и 59. Истор. Мал. Рос. часть I, стр. 219. Рудавск. стр. 22. Нѣсѣцк. т. IV, стр. 547. Енгель стр. 148, примѣч. къ I т. Ист. Мал. Рос. 280, стр. 58 и 59.

117) Прописанный уже на оборотѣ сей стран. при 115 сноскѣ.

117) Ист. Мал. Рос. часть I, стр. 219. Рудельскій стр. 22. Нѣсѣцкій т. 4, стр. 547.—Малорос. Лѣт. Енгель 148.

Тогда, видя невозможность побѣдить Вишневецкаго собственною силою, Хмѣльницкій обратился къ своему союзнику хану-крымскому, чтобы сей послѣдній помогъ ему въ трудныхъ обстоятельствахъ; ханъ изъявилъ готовность помочь Хмѣльницкому. Вишневецкій, предвидя неудачу, просилъ Заславскаго, стоявшаго тогда лагеремъ у Пилявы (Подол. губерніи), чтобы онъ напалъ на козаковъ да соединенія ихъ съ татарами; но, съ другой стороны, Кисель совѣтывалъ ему помедлить.

Пока происходила рада, крымцы приблизились къ козакамъ, завладѣли двумя польскими замками и укрѣпились за болотами. Въ скоромъ времени слухъ о прибытіи самаго хана, съ многочисленнымъ войскомъ, поселилъ страхъ въ польскихъ военачальникахъ 118). Заславскій, по совѣту пановъ, самъ удалился къ Вишневецкому; но и Вишневецкій, на этотъ разъ, и самъ былъ не въ лучшемъ положеніи. Видя что Заславскаго войско, привыкшее къ пышности, будетъ только мѣшать ему, Вишневецкій прекратилъ связь съ Заславскимъ и хотя стоялъ недалеко отъ главнаго лагера, но дѣйствовалъ отдѣльно 119). Сраженіе началось при небольшой рѣчкѣ 20 сентября, на коемъ козаки взяли до 10,000 возовъ съ лошадьми, 80 орудій и на 10,000,000 польскихъ злотыхъ драгоцѣнностей: дрѣвка съ знаменами, узды, щиты, сукна, богатяя шали, рукомыйки, ванпы, гдѣ богатый панъ только что купался, кушанья, варенья, конфекты, пирожныя,—все это валялось въ безпорядкѣ по полю. Паны бѣжали... А между тѣмъ хлопы поднимали съ жадностію лакомства и драгоцѣнности, которыхъ было столько, что не знали, что брать и что оставлять 120). Особенно козаки поразили бѣглецовъ подъ Константиновомъ, гдѣ подъ лягами обломался мостъ на р. Случѣ 121).

118) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 222.

119) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 218 и 227. Ист. Малорос. ч. I, стр. 222. Пасторій 27. Грондскій стр. 78.

120) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 238 и 239. Кратк. опис. Малор.

121) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 240 см. о Пилявскомъ пораженіи вообще: Ист. о призыв. братьевъ, Лѣтоп. Самовид. Бел. 12. Vojn. Dom. 1, 28—31. Annual Polon. chiń. 1, 60, 62. Histor Jan. kaz. 1, 12—15. Pamiętniki do Panow. Zygm. III Vlad. IV, Pamiętn. o wojn. kazack. za Chmiel 21—24. Кратк. опис. о малорос. народѣ 25. Bolli Scyth. Kazac. 27. Ист. о призыв. бр. 23—24. Stor delle belle civ. 32—35.

Видя критическія обстоятельства, паны предложили Вишневецкому команду надъ войскомъ; но онъ отказался, и изумленный постыднымъ бѣгствомъ соотечественниковъ, велѣлъ снять свой собственный лагерь и удалиться отъ Константинова въ Львовъ 122).

Прибывши въ Львовъ, Вишневецкій, посоветовавшись съ прочими панами, наложилъ контребуцію на жителей для содержанія войска,—въ томъ числѣ и отъ костеловъ даваемы были драгоценныя сосуды, кресты и ризы съ образовъ 123). Но и въ Львовѣ Вишневецкій не могъ на долго оставаться, зная что за нимъ лично гонится врагъ его. По этому, оставивъ здѣсь гарнизонъ, онъ отправился въ Замостье, а отсюда въ Варшаву. Татарское войско, соединившись съ Хмѣльницкимъ и не довольствуясь своею добычею ударило по слѣдамъ Вишневецкаго, овладѣвъ Константиновомъ и Збаражемъ. Въ послѣднемъ не найдено ни одной души. Въ Збаряжѣ Хмѣльницкій нашелъ еще 50 пушекъ, взялъ съ евреевъ выкупъ сукнами, полотнами и кожами и, въ началѣ октября, явился предъ Львовомъ и осадилъ его 125). При осадѣ Львова, Хмѣльницкій потребовалъ, чтобы выдали ему Вишневецкаго и всѣхъ бѣжавшихъ изъ подъ Пилявы, но Вишневецкаго здѣсь уже не было, какъ мы выше сказали, онъ былъ уже въ Варшавѣ 126). Хмѣльницкій бросился по слѣдамъ Вишневецкаго и прямо направилъ силы свои къ Замостью, но здѣсь успѣхъ его завоеваній долженъ былъ остановиться: Хмѣльницкій три мѣсяца держалъ въ осадѣ тамошній замокъ безъ успѣха 127). Эта крѣпость принадлежала тогда фамиліи Замойскихъ, родственниковъ Вишневецкаго, отъ которой фамиліи, и получила свое названіе. Крѣпость эта была неприступна какъ по своему положенію, такъ и по искуснымъ укрѣпленіямъ. Съ юга защищала ее огромный прудъ, съ сѣвера и запада непроходимыя болота, а съ востока ровъ,

122) Богд. Хмѣл. ч. I, стр. 241. Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 222 и 223.

123) Тамъ же, ч. I, стр. 242. Relacja Czechowicza Kron. Miasta str. 297.

125) Ист. Мал. Рос. ч. I, стр. 223.

126) Богд. Хмѣльн. ч. I, стр. 256.

127) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 223.

чрезвычайно широкій и глубокий, наполненный водою; за этими рвами возвышалась огромная стѣна; по перечь всей стѣны проведено было толстый выступъ для воспрепятствованія представлять лѣстницы; семь круглыхъ башенъ защищали стѣну, а между башнями и самою стѣною поставлены были пушки такъ искусно, что издали ихъ нельзя было даже примѣтить. Въ стѣнѣ были сдѣланы отверстія для стрѣльбы въ разныхъ мѣстахъ. Самая стѣна была такъ широка, что на верху ея могла свободно обарачиваться карета шестерней.

Вишневецкій собралъ туда 10,600 человекъ, въ числѣ коихъ было 150 пѣхоты, подъ командой Вайера, славившагся тогда знаніемъ военнаго дѣла. Кромѣ того, въ Замостьѣ было 4000 шляхты Бѣльскаго воеводства, шляхтичи воеводства Холмскаго и Волынскаго, составлявшіе резервъ 800 человекъ, постоянной стражи и до 1000 человекъ волонтеровъ разныхъ націй: армянъ, шотландцевъ, пѣмцовъ, кромѣ слугъ, годныхъ къ бою. Пороху было довольно, ружей и пушекъ множество 128).—

Всѣ эти распоряженія были сдѣланы Вишневецкихъ, котораго паны, да жольнеры избрали своимъ предводителемъ. Онъ вполне оправдалъ выборъ и сдѣлалъ все нужное для защиты крѣпости и тѣмъ самымъ доставилъ случай соотечественникамъ загладить стыдъ бѣгства пилявскаго. При осадѣ Замостья, Хмѣльницкій объявилъ, что онъ не хочетъ кровопролитія, а явился съ войскомъ единственно потому, что преслѣдуетъ Іеремію Вишневецкаго, убѣждалъ поляковъ примириться и говорить, что всѣ смуты происходятъ отъ Вишневецкаго 129).

Хмѣльницкій весьма былъ не доволенъ, что поляки его непримиримаго врага избрали своимъ предводителемъ. А потому, держа еще въ осадѣ Замостье, онъ взялся вспомоствовать Яну Казимиру II (ненавидившему также Вишневецкаго) въ достиженіи престола и отправилъ на бывшій въ то время избирательный сеймъ своихъ пословъ, которые должны домогаться, чтобы Казимиръ избранъ былъ въ короли; въ противномъ случаѣ угрожалъ полякамъ войною. Поляки согласились на предложеніе и ходатайство Хмѣльницкаго и избрали королемъ Ка-

128) Богд. Хмѣл. ч. 1, стр. 265.

129) Богд. Хмѣльницкій ч. 1, стр. 270.

зимира, который вслѣдъ за полученіемъ польскаго трона отправилъ къ Хмѣльницкому козацкаго посла съ письмомъ и осада съ Замостья была снята.

Казиміръ, обращаясь съ письмомъ о снятіи осады, вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ Хмѣльницкому въ скоромъ времени прислать булаву и другіе принадлежности гетманскія, обыкновенно каждаму новымъ королемъ высылаемые. Хмѣльницкій поцѣловалъ печать на королевскомъ письмѣ. Этимъ и кончился походъ козацко-татарскій противъ поляковъ.

Всѣ удивлялись великодушію Хмѣльницкаго, который могъ разсѣять беззащитный сеймъ и, вмѣсто приказаній вступилъ въ переговоры съ королемъ. По словамъ Рудаускаго, поляки говорили въ то время другъ-другу на ухо: „Господь наказалъ Хмѣльницкаго слѣпотою,“—между тѣмъ какъ дѣянія сего великаго мужа основаны были на глубокой политикѣ и выгодахъ отечественныхъ 130).

Король не замедлилъ выполнить свое обѣщаніе,—и отправилъ къ Хмѣльницкому посольство. 19 февраля; гетманъ Хмѣльницкій выѣхалъ на встрѣчу польскихъ пословъ, отправленныхъ къ нему королемъ, для врученія клейнодовъ, на полчетверти мили въ поле, съ полковниками, есаулами, сотниками, съ военной музыкой, подъ бунчукомъ и красною хоругвою, и просилъ посольство къ себѣ на обѣдъ. 20 числа назначено было мѣсто этому акту на широкой улицѣ предъ домомъ Хмѣльницкаго, гдѣ, вмѣстѣ съ польскими послами, были послы московскіе и венгерскіе. Церемоніалъ начался. Булаву несъ панъ Крентовскій—ловчій, а хоругвь панъ Кельчинскій, стольникъ кіевскій; имъ предшествовали музыканты съ трубами и бубнами. Самъ Хмѣльницкій стоялъ у воротъ и ожидалъ почестей въ алтебасовомъ, собольемъ, красномъ капеняку, подъ бунчукомъ, съ полковниками и другими старшинами. Послы приблизились къ опредѣленной мѣстности и панъ воевода началъ говорить о милостяхъ короля гетману Хмѣльницкому и запорожскому войску, какъ вдругъ полковникъ съ гетманской стороны отозвался: „король яко король, але вы королевата и княжата бронтѣ много; наброилъ и ты Кисель, кость съ костей

130) Ист. Мал. Рос. Бант.-Кам. ч. I, стр. 223. Дип. дѣль между Рос. и Пол. Госуд. ч. 4. Польскіе дѣла 1651 г. №7.

нашихъ отщепился, пшесташь съ лаве.“ — Но гетманъ, не давая полковнику высказываться до конца, велѣлъ удалиться ему отъ мѣста церемоніала. Послѣ сего воевода отдалъ Хмѣльницкому письмо и комиссарскіе принадлежности, которыя были тутъ же прочитаны. Затѣмъ воевода вручилъ Хмѣльницкому осыпанную драгоценными камнями булаву, а хорунжий поднесъ красную хоругвь съ бѣлымъ орломъ и надписью: *Ioannes Kazimirus Rex.*“ Хмѣльницкій принялъ, поблагодарилъ и попросилъ къ накрытому столу; за обѣдомъ онъ говорилъ много и между прочимъ, высказалъ польскимъ посламъ свое неудовольствіе на польскихъ пановъ, а особенно на Вишневецкаго и увѣрялъ, что всѣ смуты происходятъ чрезъ послѣднаго 131); вслѣдъ затѣмъ отправилъ къ королю слѣдующія мирныя предложенія:

1. Имя и память и слѣдъ уніи, которому на Руси широко выдали, нехай не будетъ.

2. Римскимъ костеламъ до времени, а уніятскимъ не буты заразъ.

3. Митрополитъ Кіевскій по примасъ Польскомъ первое мѣсто нехай имѣеть.

4. Между Русью Воеводы, Каштеляны и иные отъ благочестивыхъ ту быльцы нехай будутъ.

5. Войско Запорожское по всей Украинѣ при своихъ вольностяхъ давнихъ да будетъ.

6. Гетманъ Козацкій до самою маестату королевского нехай належить.

7. Жиды въ усей Украинны заразъ нехай выступатьъ.

8. Геремія Вишневецкій рейментарства надъ войскомъ нехай неиметь никогда 132).

Поляки остались недовольны такими предложеніями и порѣшили взыаться за оружіе. Война возгорѣлась снова.

На предварительныхъ стычкахъ при Звягль, Острополѣ и Барѣ, казаки уже потерпѣли пораженіе; наконецъ, видя частыя неудачи, самъ Хмѣльницкій двинулся съ ханомъ прямо къ Збаражу 133).

131) *Zródło do dziejow Polskich— Michała Hrabowskiego i Alexandra Przewdzieckiego t. 1, str. 5 и 6.*

132) Богд. Хмѣльницкій ч. 1, стр. 320 и 321.

133) Ист. Мал. Рос. Балт.-Кам. ч. 1, стр. 229.

Число казацко-татарскаго войска было въ то время весьма многочисленно, но положительно не опредѣлено исторіей. По однимъ, оно состояло изъ 12,000, по другимъ изъ 9000 (134). Наконецъ, по словамъ Пасторія, это войско состояло подъ командою 30 полковниковъ, и въ немъ было до 30,000 человекъ; впрочемъ послѣднее сказаніе невѣрно. (135).

Польское войско на сей разъ было также многочисленно. Оно состояло изъ 9000, которымъ предводительствовали: Фирлей, Вишневецкій, Ланцкоронскій и Конецпольскій (136). По извѣстіямъ-же современника Кохиновскаго, составъ польскаго войска былъ въ слѣдующемъ видѣ: вся армія раздѣлялась на пять дивизій: Фирлея, Ланцкоронскаго, Остророга—и двѣ дивизіи Вишневецкаго и Конецпольскаго, еще пока несоединившіяся съ первыми тремя. Въ дивизіи Вишневецкаго было три гусарскія хоругви: самаго Гереміи, племянника его Димитрія и 100 человекъ, избраннаго рыцарства, содержимаго на счетъ князя (137).

Войска расположились—одни у Каменца, а другіе у Збаража, гдѣ присутствовалъ самъ Вишневецкій. Хладнокровіе, оказанное къ нему на сеймѣ, лишеніе региментарскаго достоинства, невыгодное о немъ мнѣніе короля и придворной партіи—оскорбили до крайности честолюбіе князя. Почему, въ первыхъ порывахъ гнѣва, Вишневецкій не думалъ вступать боже въ дѣло; но, услышавъ объ опасности, грозившей панамъ отъ казаковъ и татаръ,—онъ собралъ около себя горсть воиновъ и, видя, что нѣкогда заботиться о честолюбіи, хотѣлъ-было уже соединиться съ общими силами (138),—какъ вдругъ къ величайшему его удивленію Ланцкоронскій подсластилъ его честолюбіе: „Мы знаемъ, со слезами сказалъ Ланцкоронскій, что обидли тебя отважнѣйшаго, достойнѣйшаго воителя; но мы всѣ

134) Богд. Хмѣльн. ч. 1, стр. 333. Hist. panów Jan. Kaz. 54. Кратк. Ист. Опис. Мало-рос. 11; пов. о томъ, что случилось въ Украинѣ. Stor delle queg civ. 143—164. Кратк. опис. о каз. Малорос. нар. 27. О малорос. народѣ и о Запорож. 164.

135) Ист. Мал. Рос. Балт.-Кам. ч. 1, стр. 229.

136) Ист. Мал. Рос. Балт.-Кам. ч. 1, стр. 230.

137) Богд. Хмѣльн. ч. 1, стр. 333 и 334.

138) Тамъ-же стр. 351 и 352.

жалѣемъ и все войско наше жалѣеть, что король обошелъ тебѣ, князь! Покажи примѣръ великодушія, прости оскорбленія, если не для насъ, то для Бога и спасенія отечества.“ Послѣ такой лести Іеремія Вишневецкій разчувствовался и прибавилъ съ плачемъ: „Я готовъ служить подъ командою Фирлея и завтра соединюсь съ вами! 139).“ И дѣйствительно, на другой день прибылъ Вишневецкій, какъ обѣщалъ; но помочь полякамъ очень мало. Неустройства, бывшія въ то время между поляками, медленность устройства окопа, за которымъ поляки думали защищаться, заставили и самаго Вишневецкаго придуматься.—Хотя Вишневецкій и присовѣтывалъ было рыть рвы самые тѣсныя среди обоза, но это нисколько не помогло полякамъ 140). Поляки были до того доведены, что должны были питаться конскимъ мясомъ, падалью, кошками, мышами, собаками и проч., а когда и этихъ продуктовъ не достало; то отрывали изъ обуви и отъ возовъ кожу—и ѣли, разваривая въ водѣ,—а иные грызали зубами землю. Самъ Вишневецкій ѣлъ супъ съ крысами, какъ замѣчаетъ Костомаровъ 141). Къ довершенію злополучія осажденныхъ, козаки безчеловѣчно подтрунивали надъ вождями польскими, особенно Вишневецкому, которому поранивши одну ногу, оралъ во все горло:

„Диду Ферлію!
Продай Олію..!
А ты, Вишневецкій,
Воеводо грецкій,
Та выведи ганчикъ понимецки 142).“

Находясь въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, Іеремія, однакожь, не падалъ духомъ; и когда дѣло дошло до крайности, онъ приказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ пустить въ него стрѣлу, и тѣмъ до того одушевилъ поляковъ,

139) Богд. Хмѣльн. ч. 1, стр. 355.

140) Тамъ-же, ч. 1, стр. 367 и 368. Hist. Pan. Jan. Kaz. 1, 64. Pamięt. do pan. Zygm. III. Wład. IV. Jan. Kaz. 1, 21. Annal. Polon. Clin 1, 130. Stor delle guer civ. 145.

141) Богд. Хмѣльн. ч. 1, стр. 367 и 368. Hist. pan. Jan. Kaz. 1, 64. Pamięt. do pan. Zygm. III. Wład. IV. Annal. Pol. clin 1, 130. Stor delle guer civ 145.

142) Богд. Хмѣльницкій ч. 1, стр. 369.

что послѣдніе съ жаромъ бросились въ битву, и Хмѣльницкій долженъ былъ просить зборовскаго договора 143).

Послѣ зборовскаго договора 1650 г. Іеремія Вишневецкій встрѣченъ былъ въ Варшавѣ съ такими почестями, какія воздавались однимъ только королямъ. Толпа народа всякаго званія ожидала его за городомъ; рукоплесканія, восклицанія оглашали воздухъ... „Вотъ онъ, кричалъ народъ, поборникъ правоты, единственный заступникъ нашей свободы!“ Затѣмъ изъ устъ въ уста переносились свѣжіе рассказы о его геройскихъ подвигахъ подъ Збаражемъ; духовенство оказывало ему знаки признательности отъ имени церкви, а депутаты, въ награду за труды, постановили отдать ему страну, омываемую Горлою и приписать къ Збаражу, что, впрочемъ королю и придворнымъ его, въ особенности Осолинскому, было не по духу 144). Послѣ варшавскаго триумфа, Вишневецкій отправился на Дубно, на пути онъ опять разрушилъ планы Хмѣльницкаго и успѣлъ войти въ новую битву съ козаками подъ Радзивиловымъ. Хмѣльницкій, видя, что непримиримый врагъ его одинъ уничтожаетъ его замыслы и, какъ будто насмѣхаясь надъ его силою, стоитъ въ отдаленіи отъ главнаго войска и спасаетъ всѣхъ своего храбростію и предусмотрительностію,—послалъ отрядъ войска сломить и уничтожить хвостца. Недалеко отъ Берестечка, казаки напали на Вишневецкаго; два раза онъ посылалъ просить подкрѣпленія и два раза отступали уже поляки; уже казалось, Вишневецкій былъ на закатѣ своей воинской славы,—какъ вдругъ, на закатѣ солнца, является Конецпольскій, возвращавшійся изъ Бродъ, и услылавъ шумъ сраженія, послѣдшилъ на спасеніе Вишневецкаго и ударилъ на козаковъ съзади; послѣдніе смѣшались и прекратили сраженіе. Такимъ образомъ Іеремія, спасся отъ неизбежной гибели и съ торжествующимъ видомъ и новыми плѣнниками прибылъ въ обозъ свой 145).

Въ другой разъ Іеремія одержалъ побѣду надъ казаками подъ Берестечкомъ. 1651 года, во второй половинѣ іюня, за-

143) Тамъ-же стр. 387 и 388.

144) Богд. Хмѣльницкій ч. II, стр. 7. Hist. ab. exc. Vlad. IV et cet.

145) Богд. Хмѣльницкій ч. II, стр. 128 и 129.

навѣ стань подъ Берестечкомъ съ 300000 войска — Вишневецкій и король хотѣли отразу сокрушить козаковъ. Но Хмѣльницкій, узнавъ о многочисленномъ польскомъ войскѣ, заключилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ Исламъ-Гиреємъ и присоединивъ къ 100,000 своихъ козаковъ 150,000 татаръ, пошелъ на непріятеля. Первыя непріятельскія дѣйствія начались 27 іюля. Въ этой битвѣ вечеромъ 10,000-ный отрядъ татарскій доходилъ уже до самаго королевскаго лагера; но былъ обращенъ въ бѣгство. 28-е число прошло безъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій; 29 Исламъ-Гирей со всѣми крымцами и съ отборными козаками расположился на высотахъ предъ Берестечкомъ. Самъ Хмѣльницкій слѣдовалъ за ними съ остальными малороссіанами. Король хотѣлъ прежде всего сбить враговъ своихъ съ выгодной позиціи; но усилія его были напрасны. Ночью 30 іюня король провелъ нѣсколько часовъ на молитвѣ и устроилъ армію въ боевой порядокъ, въ двѣ линіи. Правое крыло, прикрытое лѣсомъ, состояло изъ пяти корпусовъ; а лѣвое, находившееся на открытой мѣстности, изъ четырехъ, центромъ командовалъ самъ король; третьимъ крыломъ командовалъ воевода князь Вишневецкій. Утромъ 30 іюня Исламъ-Гирей успѣлъ занять лѣсъ, но король приказалъ выгнать его пушечными выстрѣлами, дабы не препятствовалъ правому флангу его войска. Вишневецкій совѣтовалъ ускорить битву; король приказалъ выдвинуть впередъ армію и, въ два часа по полудни, велѣлъ Вишневецкому съ корпусами его и Станислава Потоцкаго напасть на правое крыло непріятеля. Атакка началась съ невѣроятнымъ мужествомъ; но Вишневецкій встрѣтилъ сильный отпоръ и, послѣ двухъ-часовой кровопролитной битвы, принужденъ былъ отступить; король, вдававшійся также въ величайшія опасности, подкрѣпилъ его своими силами, не смотря на то, сраженіе долго оставалось сомнительнымъ.

Хмѣльницкій, наблюдая за двусмысленнымъ ханомъ, оставилъ команду надъ пѣхотою Гурскому; но Гурскій, недавно пожалованный поляками въ дворяне, во время нападенія Вишневецкаго отступилъ назадъ. Поляки прорвались въ средину козацкаго войска, раздѣлили его и князь Вишневецкій, летѣвшій впередъ, показывая дорогу полякамъ, — вдали выставилъ знамя съ гербомъ своего дома, посреди непріятельскаго лагера, вдали отъ прочихъ знаменъ Рѣчипосполитой. Къ счастію

поляковъ, ѣздившій съ королемъ переводчикъ татарскаго языка указалъ ему большое ханское знамя, которое развѣвалось на лѣвомъ флангѣ союзниковъ, немедленно наведены были туда по совѣту Вишневецкаго пушки и грянули разомъ изъ нѣсколькихъ десятковъ. Этими выстрѣлами былъ сбитъ съ коня одинъ изъ крымскихъ сановниковъ Исламъ-Гирей; вслѣдствіе чего и самъ ханъ обратился въ бѣгство. Неожиданное бѣгство татаръ привело въ разстройство козаковъ. Но Хмѣльницкій, не теряя духа, пытался поправить дѣло еще. Устремясь за бѣгущимъ ханомъ, онъ настигъ его около Ямполя и умолялъ возвратиться, дабы общими силами, прекратить торжество поляковъ; но убѣжденія его остались безъуспѣшными. Исламъ-Гирей удержалъ Хмѣльницкаго при себѣ и только чрезъ недѣлю отпустилъ его, заставивъ заплатить за себя выкупъ.

— Между тѣмъ, какъ предводитель малороссіянъ находился въ опасности потерять, можетъ быть, навсегда свою свободу, часть козаковъ въ ожиданіи Хмѣльницкаго, нашла убѣжище въ обширномъ таборѣ, еще до начала сраженія устроенномъ ими изъ повозокъ, за правымъ флангомъ. Придвинувъ весь таборъ тыломъ къ непроходимому болоту, они наскоро укрѣпились съ остальныхъ трехъ сторонъ валомъ и рвомъ и тутъ, въ теченіи десяти дней, держались противъ усилій цѣлой арміи, пока наконецъ совершенное изнуреніе и убѣжденіе нѣкоторыхъ малодушныхъ не заставило ихъ предаться бѣгству, — оставивъ въ добычу полякамъ 40 пушекъ и всѣ ваятые Хмѣльницкимъ въ походѣ драгоценности и регалии 146).

Это была послѣняя побѣда Іереміи Вишневецкаго. Послѣ шестнадцати битвъ, успѣхъ остался, наконецъ, за поляками. 21 августа козаки принуждены были просить мира 147).

Давъ совѣтъ полякамъ идти по дорогѣ въ Кіевъ и соединиться подъ Радзивиловымъ, и потомъ уже съ удвоенными силами — поразить козацкаго предводителя, — Іеремія неожиданно, въ цвѣтущихъ лѣтахъ (на 39 г. своей жизни), умеръ.

Предъ смертію своею, Іеремія Вишневецкій былъ веселъ, шутилъ, подчивалъ гостей и самъ пилъ противъ обыкновенной

146) Военный Энциклопед. Лекс. изд. Обществомъ Воен. и Литераторовъ ч. II, стр. 286—288. Богд. Хмѣльн. ч. II, стр. 146 и 147—152. Кратк. Ист. опис. Малорос. 16.

147) Ист. Мал.-Рос. Балт.-Ком. ч. I, стр. 230. Digitized by Google

своей трезвости; а на другой день съѣлъ арбузовъ, разстроилъ желудокъ, у него открылась сильная горячка. 9 августа его отвезли въ замокъ, гдѣ, чрезъ 24 часа, храбрый полководецъ, среди блестящихъ подвиговъ, счастливый любовію соотечественниковъ и проклятіями православныхъ скончался 149).

Узнавъ о смерти его, войско поражено было до иступленія; многіе говорили, что онъ не умеръ обыкновенною смертію, а отравленъ ядомъ. 12 августа тѣло Іереміи отправили въ Вишневецъ. Вѣрная дружина сопровождала рыцаря съ плачемъ, и хорунжій, въ знакъ послѣдней почести, держалъ опущенное внизъ знамя; предводители слѣдовали за гробомъ его съ открытыми головами. Звукъ трубъ и бубновъ, громъ пушекъ и ружьевъ—были прощальною данію всего войска воинственному князю 150). Наконецъ, съ горестными воплями и слезами у самаго склепа разстались съ прахомъ Іереміи, тѣ, которыхъ онъ водилъ къ побѣдамъ 151)....

Получивъ извѣстіе о смерти Іереміи Вишневецкаго, Хмѣльницкій сказалъ: „Богъ услышалъ наши моленія: десница Божія оказала справедливость, князь Вишневецкій, хотѣвшій нѣкогда владѣть цѣлою Русью, теперь занимаетъ четыре локти земли. Оружіе наше не сразило его... Богъ, мститель крови нашей, поразилъ беззаконную голову 152)!“

Но какъ ни былъ безчеловѣченъ гонитель православія, рожденный въ лонѣ послѣдняго,—Іеремія, но ему, за его храбрость, отдають честь не только польскіе, но и русскіе лѣтописцы 153). Кромѣ того онъ любилъ строгій порядокъ въ жизни; не употребляя самъ напитковъ—Іеремія, не допускалъ къ пьянству и своихъ воиновъ; онъ ежегодно раздавалъ изъ доходовъ своихъ 180,000 злотыхъ на содержаніе войска. Іеремія любилъ начинать битву всегда по субботамъ, увѣренъ будучи въ побѣдѣ, и всегда праздновалъ этотъ день. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ Іеремія обыкновенно говаривалъ: *Calamitas Patriae—Vamonto? tiv Nie.*

(Окончаніе будетъ).

148) Бог. Хмѣльн. ч. II, стр. 213—215.

150) Тамъ-же.

151) Ист. Мал. Россіи Банд.-Кам. ч. I, стр. 257.

152) Богд. Хмѣльн. ч. I, стр. 215. Hist. ab exc. Vlach. IV, 80.

153) Богд. Хмѣльн. ч. I, стр. 387 и 388.

ВЪРОТЕРПИМОСТЬ ПАПЪ.

(Историческій очеркъ).

(Продолженіе *).

IV.

ИСТРЕБЛЕНІЕ ПРОТЕСТАНТСТВА ВО ВСѢХЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, благодаря великой церковной реформаціи, произведенной Лютеромъ, Меланхтономъ, Цвингедіемъ, Кальвиномъ и др., цѣлыя милліоны свергли съ себя то страшное иго, подъ которымъ они томились до сихъ поръ. Вездѣ, въ каждой странѣ, гдѣ доселѣ исключительно господствовалъ папизмъ, получило значеніе и протестантство, а во многихъ мѣстахъ оно до того усилилось, что сдѣлалось господствующимъ надъ первымъ. Никогда еще не приходилось папамъ выносить такой сильный кризисъ, за то никогда они не брались за такія страшныя средства для поддержанія своего существованія. Уже не тысячи и десятки тысячъ, какъ было въ Тулузѣ и Прагѣ, милліоны людей истреблены были съ безпримѣрною жестокостію. Ихъ истязали, мучили, убивали—лишь бы только уцѣлѣли римскія учрежденія. Какъ начали это дѣло и какъ совершали его папы въ каждомъ государствѣ—это составитъ предметъ дальнѣйшаго описанія. Начнемъ съ той страны, гдѣ реформація получила свое начало.

1) Истребленіе протестантства въ Германіи.

По видимому, въ заглавіи этомъ есть уже противорѣчіе, потому что протестантство въ Германіи не было искоренено, а даже напротивъ, въ этой странѣ оно преимущественно утвердилось и усилилось. Тѣмъ не менѣе были попытки къ искорененію его, для чего употребляемы были всякія мѣры, и попытки эти не остались безъ успѣха: протестантство дѣйствительно—хоть не вездѣ, но въ большей части страны искоренено. Оно искоренено во многихъ мѣстахъ и такихъ, гдѣ новое ученіе утвердилось—было, искоренено огнемъ или мечемъ—точь въ точь какъ во времена крестовыхъ походо́въ противъ ере-

тиковъ! Что изъ 42 милліоновъ нѣмцевъ осталось только около 19 милліоновъ протестантовъ, не покоренныхъ папствомъ,— это нужно объяснять тѣмъ, что нѣмецкая имперія издавна состояла изъ различныхъ небольшихъ государствъ, признававшихъ зависимость отъ императора только на известныхъ условіяхъ. Если бы Габсбурги имѣли такую же власть надъ Германіей, какою пользовались Валуа и Бурбоны во Франціи, то протестантство въ Германіи приведено бы было, конечно, въ такое же состояніе, въ какое поставлено было позже въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіи, гугенотство во Франціи, потому что Габсбурги, съ самаго начала своего могущества были „мужами по сердцу папъ,“ такъ что послѣдніе всегда, за немногими лишь исключеніями, могли вертѣть ими по своему.

Съ того самаго времени какъ возсталъ Лютеръ, папа рѣшилъ „уничтожить еретика и всѣхъ его послѣдователей,“ и въ тоже время приглашая государей всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами содѣйствовать исполненію его рѣшенія. Но уже Клименту VIII оказана была въ этомъ отношеніи нѣкоторая холодность, когда императоръ Карль V, съ которымъ онъ договаривался въ Болони въ 1529 году, по политическимъ причинамъ, отказался употребить противъ лютеранъ силу.

Конечно, папа пришелъ въ страшное раздраженіе. Гораздо счастливѣе въ этомъ отношеніи былъ папа Павелъ III (1534—50), ему удалось возжечь первую религіозную войну въ Германіи, такъ называемую *шмалькальденскую*. Каковъ же былъ гнѣвъ преемника Павлова, Юлія III, когда императоръ, которому папа предлагалъ для продолженія войны 15,000 вспомогательнаго войска, 200,000 дукатовъ субсидіи, секвестрацію монастырскихъ имѣній въ Испаніи и много другихъ выгодъ, несмотря на все это, 31 іюля 1552 г., заключилъ съ протестантами такъ называемый *Пассаускій договоръ*, по которому имъ даровалась неограниченная религіозная свобода! Еще болѣе горькую пилюлю пришлось проглотить, нѣсколько лѣтъ позже, Павлу IV, когда въ 1555 г. заключенъ былъ въ Аугсбургѣ *религіозный миръ*, на которомъ протестантская церковь названа была даже религіею. Павелъ IV протестовалъ, въ этому, и требовалъ отъ императора Карла V, съ сильными угрозами, чтобы онъ рѣшеніе имперскаго сейма объявилъ

недѣйствительнымъ , потому что „пора совершенно истребить лютеранство,“ однакожь Карлъ V не уважилъ протеста , не согласился на это требованіе папы, изъ опасенія новой войны, которая бы стоила ему импер. короны. Такимъ образомъ папы волею или неволею дожили до того, что протестантство болѣе и болѣе усиливалось въ Германіи и даже грозило совершенно вытѣснить оттуда католицизмъ. Но—Римъ ни на минуту не упускалъ изъ виду свою цѣль и *насталъ* наконецъ *день мщенья*. Уже 10 іюли 1609 г. легату Павла V удалось склонить значительную часть католическихъ князей Германіи къ заключенію , подѣ начальствомъ Максимилиана , герцога баварскаго , союза противъ протестантовъ , который извѣстенъ подѣ именемъ *священной мши*. Сверхъ того импер. Матей, по внушенію іезуитовъ, совершенно управлявшихъ имъ, обязался положить конецъ распространенію новаго ученія, по крайней мѣрѣ въ Богеміи, и повелѣлъ, поѣтому, разрушить нѣкоторыя церкви , только что построенныя протестантами. Такимъ образомъ все было готово, чтобы при первомъ благоприятномъ случаѣ нанести ударъ ненавистой ереси, и папа торжествовалъ, когда 23 марта 1618 г. въ Прагѣ нѣсколько горячихъ дворянъ подѣ предводительствомъ графа Турна вторглись въ ратушу и ненавидимыхъ за католичество императорскихъ совѣтниковъ , Мартиницу и Славату съ секретаремъ Фабриціемъ выбросили за окно. Въ этомъ поступкѣ папа видѣлъ неизбѣжность войны, давно имъ желанной. И дѣйствительно, теперь началась война между католичествомъ и протестантствомъ , война, окончившаяся только чрезъ *тридцать лтъ*. Конецъ ея , однакожь , вовсе несоотвѣтствовалъ ожиданіямъ папѣ. Сначала все шло по ихъ желаніямъ. Максимилианъ, герцогъ баварскій, которому Павелъ V прислалъ священную шпагу для пораженія протестантовъ , вторгнулся въ Богемію, 8 ноября 1620 г. поразилъ протестантовъ на голову на Бѣлой горѣ у Праги, лишилъ ихъ религіозной свободы, которую они пользовались доселѣ, впустилъ опять іезуитовъ въ Богемію , запретилъ богослуженіе всѣмъ не-католикамъ, изгналъ всѣхъ реформатовъ и лютеранъ; вслѣдствіе такихъ распоряженій около 200 дворянскихъ фамилій и до 30,000 ремесленниковъ должны были оставить Богемію и бѣжать въ Пруссію , Саксонію , Голландію и Швейцарію , имѣніе ихъ,

стоившее болѣе сорока милліоновъ гульденовъ было конфисковано, не рѣшившіеся бѣжать въ чужія страны, числомъ до двадцати тысячъ, по повелѣнію Максимилиана, были или перебиты, или сожжены. *И все это дѣлалось во имя Христа, запоевдавшию любовь, дышавшию любовью!* Черезъ нѣсколько лѣтъ военное счастье перемѣнилось, особенно когда шведскій король Густавъ Адольфъ, переплывши море и явившись на поприщѣ войны, поразилъ на голову обоихъ великихъ католическихъ предводителей Тилли и Валленштейна. Не наше дѣло описывать исторію тридцатилѣтней войны. Для нашей цѣли достаточно сказать, что всѣ папы современные этой войнѣ Павелъ V, Григорій XV, Урбанъ VIII и Иннокентій X съ одинаковою ревностію старались раздувать пламя войны и поддерживать католическую партію какъ деньгами, такъ и вспомогательнымъ войскомъ. Самою пріятною жертвою для нихъ была „кровь еретиковъ“ и они пускали въ ходъ всѣ средства убѣжденія, чтобы воспламенить католическихъ государей, особенно импер. Фердинанда II, къ истребленію еретиковъ. Въ 1648 г. прекратилась эта страшная война, когда уже тысячи городовъ и деревень превращены были въ пепель, когда одна половина населенія Германіи пала на войнѣ, а другая повергнута была къ нищету! Прежде такая прекрасная и цвѣтущая страна уподобилась необитаемой пустынѣ и пережившіе тридцатилѣтнія бѣды и ужасы, утратили не только религію и нравственность, но и всякое человѣческое чувство! Кратко сказать, состояніе Германіи было самое ужасное! Каковъ же былъ восторгъ, какъ искренна была благодарность къ Всевышнему, когда наконецъ воюющіе прекратили свои убійства и когда сердца государей склонились къ заключенію мира, который и дѣйствительно состоялся въ Мюнстерѣ и Оснабрикѣ. На пространствѣ всей Европы не было человѣка, который бы не радовался наступающему миру. Среди всеобщей радости было, однакожъ, лицо, омраченное печалію — это лицо папы Иннокентія X, который не только во время самыхъ переговоровъ въ Оснабрикѣ, черезъ своего легата Эгиги, протестовалъ противъ заключенія мира, но даже, 26 ноября 1648 г., издалъ буллу, въ которой объявлялъ, уже послѣ того какъ заключенъ былъ миръ, что состоявшееся соглашеніе католиковъ съ протестантами оскорбительно для религіи и правъ папы, а пото-

му недѣйствительно, неправо, необязательно, гнусно, предосудительно, что никто—хотя бы—то и послѣ самой торжественной присяги—не обязанъ исполнять его. Такъ, одинъ Иннокентій X проклиналъ то, что благословляемо было всѣмъ человѣчествомъ! Впрочемъ, какъ принята была папская булла, это всего лучше видно изъ того, что экземпляры ея даже въ Австріи срываемы были съ церковныхъ дверей и сожигаемы на городскихъ площадяхъ.

Съ того времени существованіе протестантства признано было законнымъ даже отъ католическихъ князей; постановлено было, что никто во всемъ государствѣ не будетъ преслѣдуемъ за свою религію, что всѣ христіане—назывались ли они католиками, лютеранами или реформатами — во всѣхъ городахъ и мѣстахъ отечества могутъ молиться Богу по своему. Вотъ что постановлено было на вестфальскомъ мирѣ, и онъ повсюду сохранялся бы конечно, если бы не существовало одного препятствія, именно папы въ Римѣ. *Папа не допускалъ никакой терпимости*, да могъ ли онъ и допустить ее, когда это по его мнѣнію значило бы уронить себя въ глазахъ христіанъ. Онъ, папа, онъ, который называлъ себя источникомъ и средоточіемъ христіанства, неужели могъ онъ смотрѣть какъ на христіанъ на тѣхъ людей, которые не признавали въ немъ своего главу, не слушались его какъ отца. Онъ, предшественниками котораго создана была знаменитая булла о сожженіи еретиковъ „*In coena domini*“ (*), каждый годъ торжественно читавшаяся

(*) Эта знаменитая булла (ее называютъ буллою вечери, потому что она начинается словами (*in coena domini*) въ своихъ главныхъ чертахъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, гордому Бонифацію VIII, но потомъ Урбаномъ V, Юліемъ II, Павломъ III, Григоріемъ XIII и особенно Піемъ V и Урбаномъ VIII была обработана и пополнена; два послѣдніе папы поставили за правило, чтобы булла эта каждый годъ на чистый четвергъ читалась во всѣхъ католическихъ соборахъ цѣлаго міра. Къ сожалѣнію (конечно папъ), она принята не во всѣ государства; потому что ея содержаніе возбуждало не малый соблазнъ; но въ церковной области и особенно въ Римѣ она въ назначенный день прочитывается каждый годъ; потому что ея содержаніе есть истинное изображеніе желаній, мыслей и чувствованій папскихъ. Прежде всего въ ней читается, что папа глава всего христіанства, и не только всего клира, но и епископовъ, и князей, королей и императоровъ. Далѣе, въ ней содержатся страшныя проклятія на тѣхъ, кто осмѣливается какъ нибудь оскорбить папу или вообще римское католичество. Проклинаются и анаематствуются во имя Бога Отца, Сына и

въ римской церкви, могъ ли освободиться отъ заботы придумать средства на гибель еретиковъ. Поэтому, если въ Германіи повальное избіеніе еретиковъ и прекратилось, такъ какъ князья болѣе не помогали въ этомъ дѣлѣ, то все таки же продолжались гоненія и преслѣдованія всего не католическаго, даже самымъ несправедливымъ и насильственнымъ образомъ, потому что разсчитывали, что этимъ можно поселить въ не католикахъ холодность къ ихъ вѣрѣ и тѣмъ самымъ обратить къ римско-католической церкви. Такой опытъ, разумѣется, имѣлъ мѣсто главнымъ образомъ тамъ, гдѣ главная масса жителей состояла изъ католиковъ, или гдѣ правители отдавались подъ руководство іезуитамъ; и исторія Тироля, Богеміи и т. д. представляютъ на это много доказательствъ, но еще лучший примѣръ показалъ зальцбургскій архіепископъ *Леопольдъ*, баронъ Фирмианъ. Хотя его область лежала среди католическихъ державъ, Австріи и Баваріи, и хотя невѣроятно, чтобы подданные духовнаго князя усвоили себѣ еретическія мнѣнія, однакожъ евангелическая вѣра уже очень рано, при самомъ началѣ реформаціи, нашла себѣ пріютъ въ горныхъ долинахъ Зальцбургскаго округа. Конечно тогдашній архіепископъ *Маттій Ламе фонъ Белленбургъ* тотчасъ предпринялъ самыя строгія мѣры и велѣлъ, наприм. обезглавить молодаго францисканскаго монаха *Георга Шерера*, проповѣдывавшаго Евангеліе въ Раштадтѣ, а также и пылкаго *Штекеля*, пастора въ

св. Духа, и во имя св. Апостола Петра и Павла, во первыхъ — всѣ гусситы, послѣдователи Виклефа, Лютера, Цвинглія, Калвина, также гугеноты, анабаптисты, тринитаріи, равно какъ и всѣ другіе еретики; во вторыхъ — всѣ тѣ, которые принимаютъ еретика, защищаютъ его, за него ходатайствуютъ; въ третьихъ — проклинается всякій, кто какую нибудь религіозную книгу, неодобренную апостольскимъ престоломъ, покупаетъ, читаетъ, печатаетъ, распространяетъ, имѣетъ въ домѣ, или какимъ нибудь образомъ благопріятельствуетъ ея успѣху; въ четвертыхъ — всѣ университеты, коллегіи, соборныя церкви, подающія аппелляціи къ собору; въ пятыхъ — всѣ тѣ, которые препятствуютъ внесенію денегъ, жизненныхъ припасовъ и т. д. къ папскому двору, или которые конфискуютъ доходы апостольскаго престола; дагѣ тѣ, которые налагаютъ подати на клиръ и также тѣ короли и императоры, которые вмѣшиваются въ права клира и не признаютъ папскаго суда, и тѣ, которые противятся приказаніямъ папъ, или ихъ легатовъ комиссаровъ и нунціевъ и т. д.... наконецъ проклинается всякій, кто не повинуется папѣ также, какъ надобно повиноваться самому Богу.

Гёбюрге, но лютеранство этимъ не только не было подавлено, а напротивъ каждое мученичество доставляло ему больше и больше новыхъ послѣдователей. Немного спустя лютеранская библія была единственною молитвенною книгою, принимаемою горными жителями Зальцбургской вотчины; 12 лѣтъ позже протестантство утвердилось въ самомъ городѣ Зальцбургѣ и въ правленіе архіепископа *Марка Ситика*, графа фонъ-Гогенъ-эмса нѣкоторыя общины, находившіяся во внутренности этой земельки, отважились просить себѣ у его преосвященства—*протестантскаго пастыря*. Маркъ Ситикъ оказался однакожъ человѣкомъ находчивымъ, онъ послалъ 24 капудиновъ съ нѣсколькими сотнями солдатъ въ горы, въ полной увѣренности, что проповѣдь покаянія, подкрѣпленная военною силою, скорѣе образумитъ заблудшихъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ и не ошибся въ расчетѣ, потому что всѣ, покрайней мѣрѣ съ виду, обратились къ католицизму, хотя въ потаенныхъ мѣстахъ все еще продолжались запрещенныя собранія. Во время 30 лѣтней войны, которая довольно долго счастлива была для Зальцбурга, протестантство снова и безстрашно возвысилось. Въ то время архіепископствовалъ *Парисъ*, человѣкъ сколько гуманнѣй и тонко образованный, столько же и свѣдущій въ военныхъ дѣлахъ и въ политикѣ, онъ—то умѣлъ такъ хорошо защитить горныя тѣснины, которыя вели въ его владѣніе, что ни одинъ непріятельскій воинъ, въ продолженіи всѣхъ 30-ти лѣтъ не вступалъ въ его область. Разумѣется онъ и не думалъ пока продолжалась война, преслѣдовать кого либо изъ своихъ подданныхъ „за вѣру;“ потому что его сила основывалась только на единодушіи всѣхъ жителей страны, и ему конечно нужно было поддержать это единодушіе, чтобы отразить нападенія враговъ. Далекъ набожнѣе былъ преемникъ его, архіепископъ *Максимиліанъ Гандольфъ*, снова обратившійся къ системѣ насильственнаго вразумленія; однако онъ скоро оставилъ эту систему, когда замѣтилъ, что преслѣдованія не только не приносятъ ему никакой пользы, а даже и очень разорительны. Также спокойно прошло правленіе архіепископа *Франца-Антона*, урожденнаго графа Гаррахскаго (1709—1727), потому что, хотя и не переставали изъ подъ тишка мучить еретиковъ, однакожъ не дѣлали имъ никакого открытаго насилія.

Но настало совсѣмъ другое время, когда за октябрь 1727 г.

вступилъ на архіепископскій престолъ *Леопольдъ Антонъ*, баронъ фонъ *Фирмианъ*. Онъ былъ скупъ, и, такъ какъ онъ долженъ былъ заплатить въ Римъ за Пассаумъ 100, 000 талеровъ, то, разумѣется, сталъ помышлять какъ бы выжать эти деньги съ своихъ подданныхъ. Кромѣ того дорого стоила ему возлюбленная его, графиня фонъ Арко, а также на немъ лежала забота о дѣтяхъ, рожденныхъ отъ графини. Въмѣстѣ съ жадностію къ деньгамъ онъ имѣлъ еще и другую страсть: это честолюбіе, и потому онъ домогался не только кардинальскаго сана, но также и пассаускаго епископства, которое 30 лѣтъ предъ симъ сдѣлалось независимымъ отъ Зальцбурга; онъ хотѣлъ снова присоединить его къ своей епархіи. Такъ какъ того и другаго нельзя было достигнуть иначе, какъ только чрезъ папу, то онъ вмѣстѣ съ своимъ фактотумомъ и канцлеромъ *Іеронимомъ Христіаномъ Реллемъ*, сочинилъ истинно дьявольскій планъ для приобрѣтенія расположенія правившаго въ то время *Бенедикта XII*. Оба они рѣшили или силою обратить всѣхъ протестантовъ зальбургцевъ, или обречь ихъ на уничтоженіе, чтобы показать тѣмъ папѣ, что интересъ римской церкви для нихъ дороже всего. Конечно, по условіямъ вестфальскаго мира, надобно было воздержаться отъ сожженія еретиковъ... но однако оказывалось возможнымъ пытать и мучить ихъ до тѣхъ поръ, пока они въ отчаяніи не поднимутъ бунта, тогда, конечно, въ правѣ или казнить ихъ или изгонять изъ страны и конфисковать ихъ имущество. Великолѣпный планъ! и Рель получилъ за него отъ римской куріи 5,000 флориновъ! Къ выполненію этого плана приступить не замедлили, и множество іезуитовъ прошли всю страну, проповѣдуя раскаяніе и обращеніе отпавшихъ, и отбирая запрещенныя сочиненія, т. е. переводъ библіи, или новаго завѣта. У кого была такая книга и онъ не выдавалъ, съ тѣмъ обходились какъ съ преступникомъ, заключали въ темницу, въ которой ему приходилось томиться цѣлые мѣсяцы безъ допроса, или высылали со всѣмъ за границу и подъ страхомъ смерти запрещали возвращеніе назадъ. Здѣсь показалъ себя особенно дѣятельнымъ верфенскій судья *Францъ Романъ фонъ Ветцель*, онъ приказалъ заключить въ башню 11 отцовъ семействъ, подозрѣваемыхъ въ отпаденіи отъ католичества, и такъ повелъ съ ними дѣло, что они дали обѣщаніе на будущее время снова молиться по четкамъ, и еще

кромя того заплатить въ видѣ выкупа значительную сумму денегъ. Нарушеніе права было вопіющее, но не смотря на то Романъ Ветцель не только не потребованъ къ отвѣту, но даже за свою ревность по службѣ награжденъ высшимъ мѣстомъ. Послѣ этого и другіе чиновники Зальцбургской области старались подражать примѣру и даже превзойти упомянутаго судью. Въ скоромъ времени всѣ темницы были переполнены, и никого не выпускали оттуда, пока не отречется отъ еретичества. Впрочемъ заключеніе не было единственнымъ наказаніемъ, которому подвергали подозрительныхъ, но было также много изысканныхъ штрафовъ, напр. отказывали лютеранину въ почетномъ погребеніи, ни одинъ священникъ не долженъ былъ проводить мертвеца, не позволялось ни звонить въ колокола, ни пѣть, ни даже погребать на общемъ кладбищѣ. Католическіе священники проникали во всѣ дома, крестили насильно младенцевъ по римскому обряду, особенно они старались дѣйствовать на женщинъ, стращали ихъ вѣчнымъ осужденіемъ, если онѣ не обратятся и не обратятъ своихъ домашнихъ. Запрещено было также католикамъ всякое обращеніе съ еретиками, чтобы совершенно изолировать послѣднихъ, и вообще употребляли все, чтобы сдѣлать лютеранъ какъ можно злосчастнѣе. Лишали ихъ даже, наконецъ, гражданскихъ правъ, напр. никто изъ подозрѣваемыхъ въ ереси не былъ допускаемъ въ воспріемники, въ свидѣтели въ судѣ! Будучи въ такой крайности, протестанты начали собираться въ ночное время въ потаенныхъ мѣстахъ, частію для утѣшенія другъ друга словомъ Божиимъ, а частію для изысканія способовъ какъ бы избавиться отъ нетерпимаго притѣсненія. Едва однако канцлеръ *Рель* получилъ извѣстіе о такихъ собраніяхъ, поторопился представить это дѣло началомъ бунта и послать курьеровъ въ Вѣну къ императору съ просьбою дать ему войска противъ бунтовщиковъ. И протестанты тоже пришли къ мысли послать гонцовъ въ Вѣну и Регенсбургъ, гдѣ находились тогда представители евангелическихъ сословій съ жалобой на нарушеніе вестфальскаго мира, и дѣйствительно нѣкоторымъ удалось достигнуть Регенсбурга, хотя въ горныхъ ущельяхъ разставлена была бдительная стража и большую часть посланныхъ задержали какъ возмутителей. Евангелическія сословія въ Регенсбургѣ вступились за угнетеніе, и въ апрѣлѣ 1731 г. вошли съ представленіемъ къ ар-

архіепископу, а также просили императора, чтобы и онъ благоволилъ обратить свое вниманіе. Но чтоже вышло изъ этого? Архіепископъ объявилъ, будто его протестанскіе подданные мятежники, и поэтому удвоилъ прежнія строгости, объявивъ въ то же время, что каждое сборище, состоящее болѣе, чѣмъ изъ четырехъ человекъ, должно считаться возмущеніемъ. Въ силу этого объявленія съ протестантами начали поступать такъ, какъ только хотѣлось католическимъ чиновникамъ; а такъ какъ имъ не хотѣлось, чтобы кто-нибудь изъ еретиковъ ускользнулъ, то надобно было составить точный списокъ всѣхъ приверженцевъ евангелія. Для этого канцлеръ Рель объявилъ однажды, что правительство озабочивается узнать всѣ нужды своихъ протестанскихъ подданныхъ, чтобы имѣть возможность доставить имъ законное удовлетвореніе, и самъ, лично объѣзжалъ въ 1731 г. различныя мѣста, чтобы слышать жалобы и записать имена и имущество протестантовъ. Полные радости при видѣ близкаго конца своимъ страданіемъ (чтобы заманить протестантовъ, канцлеръ далъ позволеніе по домамъ исповѣдывать евангелическую вѣру), протестанты спѣшили вносить свои имена въ списки еретиковъ, и что же? оказалось, что въ области архіепископа не менѣе 20,678 протестантовъ, между которыми 850 богатыхъ фамилій. Но едва былъ составленъ полный списокъ, Рель сбросилъ маску, и гоненія начались снова; они даже сравнительно съ прежнимъ стали жесточе. Первый шагъ по этому пути сдѣлалъ веренскій деканъ, который распорядился сжечь конфискованныя лютеранскія библіи торжественно на городской площади. Сряду послѣ этого уже въ сент. 1731 г. вступили въ Зальцбургскій округъ 6,000 императорскаго войска, будто бы для подавленія бунта, а на самомъ дѣлѣ для истребленія ереси. Конечно, солдаты располагались постоемъ только у лютеранъ, такъ какъ уже всѣ они были извѣстны, теперь началась система самыхъ ужасныхъ притѣсненій. Солдаты распоряжались въ Зальцбургѣ, какъ бы въ непріятельской сторонѣ, грабили, опустошали и производили всякаго рода насилія и тѣмъ самымъ довели все лютеранское населеніе до крайняго нищенства. Плохо приходилось мужчинамъ, а еще хуже было женщинамъ, потому что солдаты по отношенію къ нимъ были совершенно не умолимы. Впрочемъ невозможно изобразить всѣ неистовства, которыя были произ-

ведены въ эту пагубную войну католичества съ протестантствомъ. Доведенные до отчаянія протестанты рѣшительно недоумѣвали, что имъ дѣлать и куда обратиться. Наконецъ въ одинъ воскресный день въ глухомъ ущельи Динтверталя недалеко отъ С. Вейта собралось на совѣщаніе болѣе сотни стариковъ, въ качествѣ депутатовъ отъ различныхъ протестантскихъ общинъ Зальцбурга.

Всѣ они рѣшили, что нужно искать себѣ другаго отечества, подѣ какимъ бы небомъ оно не было. Но какъ было пробраться за границу, когда вездѣ поставлена была бдительная стража? Смѣлчакъ пытались пробраться чрезъ цѣпи горъ, но они были пойманы и растрѣяны, наконецъ двоимъ удалось безнаказанно избѣжать погони и стражи. Эти-то бѣглецы и обратились къ сильнѣйшимъ протестантскимъ государствамъ Европы, именно: Англіи, Швеціи и Пруссіи, чтобы выхлопотать право переселенія. Въ то время на престолѣ Прусскомъ былъ Фридрихъ Вильгельмъ I, который сейчасъ же понялъ, какъ выгодно для него будетъ, если къ его мало-населенной землѣ присоединятся зальцбургскіе переселенцы. По этому онъ съ настойчивостію требовалъ, чтобы архіепископъ представилъ свободный выходъ всѣмъ тѣмъ, которые пожелали бы переселиться. При этомъ онъ объяснялъ архіепископу, что и съ своими католическими подданными онъ поступитъ точно также какъ архіепископъ съ зальцбургскими, если послѣдній будетъ упрямиться. Духовный князь сдѣлалъ уступку, но какую? Въмѣсто позволенія онъ далъ рѣшительное приказаніе выселиться, т. е. выгонялъ изъ страны при помощи импер. драгуновъ, не давая времени продать имѣнія и приготовить себя къ преднамѣренному великому путешествію. Среди зимы они должны были терпѣть всѣ ужасы непогоды, и кто не хотѣлъ идти, того гнали штыкомъ. Католикамъ говорили, что имъ не зачѣмъ покупать что нибудь у еретиковъ, потому что чрезъ нѣсколько дней можно и такъ вступить во владѣніе никому не принадлежащими имуществами. Если тому или другому протестанту удавалось заpastись наличными деньгами, то ихъ умѣли отнять у него въ уплату, за право выхода, и вообще употребляли всѣ средства, чтобы выпускать за границу только нищихъ. Употреблялось насиліе и другаго рода, напр. въ г. Зальцбургѣ, куда должны были приходиться переселенцы для полученія пас-

портовъ, ихъ обыкновенно продерживали цѣлыя недѣли, похищали у нихъ дѣтей подѣ тѣмъ предлогомъ, будто эти желаютъ сдѣлаться католиками, и не гнушались никакими средствами, чтобы спасти ихъ для католической церкви. Все однакожъ было напрасно. Чѣмъ больше нужда, чѣмъ страшнѣе притѣсненіе и чѣмъ ближе бѣда, тѣмъ болѣе возрастало воодушевленіе, и ни одинъ лютеранинъ не хотѣлъ остаться на родинѣ. Въ короткое время выселилось до 80 тысячъ человекъ и нѣкоторыя мѣстности до того опустѣли, что можно было подумать, что тамъ свирѣпствовала страшная моровая язва. Но князь архіепископъ объ этомъ не сокрушался: „лучше пусть всѣ поля,“ говорилъ онъ, „зарастутъ терніемъ и волчцами, чѣмъ останется хоть одинъ еретикъ въ моемъ государствѣ.“ За такой истинно-католическій образъ мыслей, онъ былъ обильно награжденъ папою, такъ какъ Климентъ XII далъ ему титулъ. „Excelsus“ т. е. „высочество.“

Впослѣдствіи, „новое высочество“ къ ужасу своему увидѣло, что съ уменьшеніемъ народонаселенія уменьшаются и его доходы, и, чтобы удержать по крайней мѣрѣ еще невыселенныхъ протестантовъ, архіепископъ требовалъ отъ всѣхъ своихъ подданныхъ такой присяги: „клянусь живымъ Богомъ и всеми святыми, что я не только исповѣдую спасительную римско-католическую вѣру сердцемъ и устами, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрую, что переселяющіеся и имѣющіе переселяться отправляются къ сатанѣ.“ Однако это неловкое средство удержать людей отъ удаленія имѣло прямо противоположное дѣйствіе; потому что внезапно поднялась изъ подземной соляной копи Галлейна тысяча рудокоповъ, и предъявила архіепископу свое исповѣданіе лютеранской вѣры. Тогда-то онъ заскрежеталъ зубами, увидѣвъ, что его чудесный рудникъ, богатѣйшій источникъ доходовъ, остается безъ рабочихъ рукъ! За рудокопами послѣдовало еще около 20,000 человекъ. Вообще же число оставшихъ страну простиралось до двадцати двухъ тысячъ. И какой видъ послѣ этого получила вся страна? Гдѣ прежде кипѣла дѣятельность веселой жизни, тамъ теперь воцарилась могильная тишина, и цѣлыя поколѣнія прошли, пока загладились слѣды насильственныхъ переселеній. Но полный гордости архіепископъ радовался и хвалился, что во всей его странѣ нѣтъ ни единого еретика, а все истинные католики.

Это было последнее преслѣдованіе еретиковъ въ Германіи. Различныя правительства стали наконецъ, приходить къ убѣжденію, что преслѣдованія болѣе приносятъ вреда чѣмъ пользы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и папа долженъ былъ отказаться на будущее время отъ удовольствія вести религіозную войну, по крайней мѣрѣ въ Германіи.

(Продолженіе впереди).

III.

„НОВОЕ ВРЕМЯ“ НЕ СТАРѢЕТСЯ.

Прошлою статьею, напечатанною въ 5 книжкѣ нашего журнала, за нынѣшній годъ, мы хотѣли покончить бесѣду съ читателемъ объ этой, — какъ называютъ ее нѣкоторые русскіе органы, — «польской газетѣ, издающейся на русскомъ языкѣ», потому что въ ней достаточно уяснили программу и идеи, которыя она старается проводить въ публикѣ. Но нѣкоторыя ея сужденія бываютъ такъ оригинальны, что мы вынуждены измѣнить свое желаніе и снова поговорить о ней.

Недавно въ нашей прессѣ говорили объ уничтоженіи римско-католическихъ братствъ, которыми переполненъ сѣверо-западный край. Почти всѣ эти братства за религіозною ширмой скрываютъ цѣль пропагандическую, колонизаторскую. Объ этихъ агитаторскихъ ассоціаціяхъ, не мало способствовавшихъ зародышу и развитію бывшихъ нитей польскихъ, — читатель можетъ найти подробныя свѣдѣнія въ 3, 4 и 5 книжкахъ «Вѣстника запад. Россіи», за нынѣшній годъ, въ статьѣ: «О костельныхъ братствахъ.» Между прочимъ въ ней находится и описаніе подвиговъ этихъ достойныхъ братствъ.

«Новое Время» не въ силахъ было молчать, когда разговоръ коснулся предмета слишкомъ близкаго его сердцу. И вотъ, въ № 91, оно, на всякомъ шагѣ спотыкаясь и на каждомъ словѣ противорѣча себѣ, выступило на защиту братствъ. Такъ, оно говоритъ:

«Братства вообще *всегда и вездѣ* представляли не толь-

ко религиозную борьбу за догматы, но и борьбу страстей. Въмѣсто того, чтобы мирить, внушать любовь и смиренія, чтобы учить забывать прошлое и прощать обиды, *братства порождали только ненависть, ожесточеніе, жажду мести.* Первоначальные учредители братствъ могли имѣть въ виду одну только нравственно-религиозную сторону 1). Но они не предчувствовали, до какихъ кровавыхъ расчетовъ приведетъ ихъ пламенное усердіе къ вѣрѣ 2). *Съмѣя, посѣянное съ вѣрою и любовію, принесло обильныя, но горькіе плоды: вѣковую вражду, ожесточенную борьбу, кровопролитія, неисчислимыя бѣдствія.* Слѣдовательно, говоритъ газета: *нынѣ администрація являетъ необходимую и полезную рѣшимость, принимая мѣры, чтобы на будущее время братства не могли быть вредны и опасны государству.*

Мы вполне соглашаемся съ «Новымъ Временемъ»: р. католическія братства такъ отлично рекомендовали себя при каждомъ случаѣ, когда только являлась удобная минута вредить Россіи, что администрація здѣшняя ничего лучшаго и не можетъ съ ними сдѣлать, какъ только закрыть ихъ. Само «Новое Время» говоритъ, что онѣ только порождали «ненависть, ожесточеніе, жажду мести, вѣковую вражду, ожесточенную борьбу, кровопролитія и неисчислимыя бѣдствія.» Это развѣ еще мало?

Вслѣдъ за этимъ газета спохватилась, что зашла слишкомъ далеко и, нисколько не стѣсняясь грубостью противорѣчія, въ той же статьѣ говоритъ: «но «Голосъ» придаетъ ужь слишкомъ широкое значеніе римско-католическимъ братствамъ въ политическомъ смыслѣ», — и потомъ: «во время смутъ могли быть случаи, когда братства, руководимыя своими наставниками, могли возбуждать народъ и споспѣшествовать мятежу, а въ послѣднее время преграж-

1) Изъ вышесказанной статьи: „о костельныхъ братствахъ“, ясно открывается цѣль, съ которою онѣ учреждались.

2) Это тоже не понятно: какъ они могли не предчувствовать того, для чего собственно и формировались эти благочестивые сеймн. Тутъ вѣра была только маской, подъ которою скрывались ярче якобинцы.

дать путь къ переходу въ православіе (какъ напр. случай, приводимый «Голссомъ» въ Гродненской губерніи),— но повторяемъ, это были отдѣльные случаи.» Какъ же согласовать эти слова съ сейчасъ только сказанными, что «братства *всегда и вездѣ* порождали только ненависть, ожесточеніе, жажду мести, вѣковую вражду, ожесточенную борьбу, кровопролитія, неисчислимыхъ бѣдствій»?

Потомъ газета начинаетъ доказывать, что время силы и господства братствъ *миновало*; что онѣ безвредныя учрежденія 1), что «братская обрядность впиалась столѣтіями въ кровь и жизнь простолюдина» и что, поэтому ихъ нельзя уничтожить. Потомъ «Новое Время» говоритъ: «мы, кажется, достаточно высказали нашъ взглядъ и заявили, что въ наше время *считаемъ вообще братства отжившими свой вѣкъ*. Интересы государства требуютъ тушить каждое враждебное чувство и не допускать пропаганды, подъ видомъ братствъ, одного исповѣданія противъ другого. Намъ нужны другія братства, которыя бы сближали обѣ церкви и ихъ послѣдователей, а не раздражали, не волновали.»

Да, что братства отжили свой вѣкъ, значеніе ихъ мало, имъ въ настоящее время нечего дѣлать, кромѣ распространенія р.-католической пропаганды въ край искони русскомъ и сѣянія вражды противъ всего русскаго въ населеніи издревле православномъ,—ихъ, потому, и слѣдуетъ закрыть. Еще разъ повторимъ: ничего не можетъ быть сдѣлано рациональнѣе, какъ уничтоженіе того, что приноситъ вредъ. Къ чему возлагать на себя трудъ дѣлать р.-католическія братства безвредными, когда это былъ бы трудъ напрасный: народныя братства, какъ увѣряетъ весьма компетентная въ этомъ дѣлѣ газета «*всегда и вездѣ* приносили и приносятъ горькіе плоды!»

Мы вѣримъ, что братская «обрядность впиалась въ жизнь и кровь простолюдина», подтачиваетъ его нравственность, извращаетъ понятія, усиливаетъ фанатизмъ, хан-

1) Какъ же безвредныя, когда братства, «*всегда и вездѣ* порождаютъ ненависть, «ожесточеніе и жажду мести.»?

жество. Нужно скорѣе освободить крестьянина отъ этого паразита, который «высасываетъ его кровь и силу».

Р. католическія братства, дѣйствительно, легли всею своею тяжестью на бѣдномъ крестьянскомъ сословіи. Онѣ, для своего существованія, требуютъ матеріальныхъ средствъ нерѣдко превышающихъ возможность удовлетворенія. Бѣдному народу не дають опомниться ревнующіе «ко славіи Божіей» братчики, которые, длинной вереницей—одинъ за другимъ—расхаживаютъ и разѣзжаютъ по «квестіи», по деревнямъ и селамъ, выманивая и даже требуя отъ крестьянина «десятину» на нужды своихъ братствъ. А сколько братствъ въ краѣ! Сколько разъ въ году взимается съ крестьянина эта самовольная подать? Какъ, поэтому, нужно освободить простолюдина отъ этихъ налоговъ и раскрыть ему глаза при помощи образованія!

Напрасно «Новое Время» старается доказать, что никаплижъ пли четки необходимы крестьянину. Какая необходимость въ нихъ—мы не понимаемъ. Развѣ та, чтобы не лишитъ братствъ самой доходной статьи.

Странная иногда бываетъ логика у иныхъ газетъ: «Недавно «Новое Время» подхватило мысли «Москов. Вѣдомостей», что и политическая мудрость учить не раздражать религиозныхъ страстей, и требуетъ только, чтобы терпимое исповѣданіе не было политическимъ учрежденіемъ и органомъ чужой національности.» Эта мысль почему то, весьма понравилась «Нов. Времени», и оно, расхваливъ ее на сколько смогло, въ № 104 до того дохвалилось, что увѣряетъ публику, будто вслѣдствіе незнанія политической мудрости полицейскими сѣверо-западнаго края, тамъ часто производится раздраженіе религиозныхъ страстей. Вотъ какъ плачетъ она о крайнемъ обскурантизмѣ здѣшнихъ полицейскихъ:

«Много было случаевъ, въ которыхъ, безъ всякой пользы для кого бы то ни было, безтактность, нерѣдко самый грубый ценизмъ, раздражали религиозныя страсти народа, потому именно, что *эти дѣятели не знали или не хотѣли знать правилъ политической мудрости.* Послѣ закрытія костела въ Сморгоняхъ приказано было перевез-

ти оттуда церковныя вещи. Среди бѣлаго дня, удивленные и оторопѣвшіе жители мѣстечка смотрѣли, какъ на нѣсколькихъ подводахъ вывозились въ безпорядкѣ сложенные предметы, которые они привыкли уважать. На одной подводѣ поставленъ былъ конфессіоналъ (кафедра, въ которой исповѣдуютъ) и въ немъ сидѣлъ полицейскій, правившій лошадю, на другой сложены хоругви, олтарики и проч., на третьей помѣщался разобранный катафалкъ, прикрытый саваномъ; на катафалкѣ тоже сидѣлъ полицейскій. На эту сцену съ негодованіемъ смотрѣли даже евреи.»

Рѣшительно не понятно, что тутъ заслуживало негодованія даже евреевъ. Если то, что полицейскій сидѣлъ въ конфессіоналѣ, то въ этомъ нѣтъ никакой «безтактности и цинизма», потому что въ конфессіоналѣ, стоящимъ даже въ храмѣ, дозволяется мірянину садиться во время обѣдни, если онъ не занятъ исповѣдникомъ. Примѣровъ этому можно много видѣть въ здѣшнихъ костелахъ.

Что полицейскій сидѣлъ на разобранномъ катафалкѣ, или на разобранныхъ подмосткахъ, на которые обыкновенно ставятъ гробъ, — въ этомъ нѣтъ тоже ничего предосудительнаго 1). Полицейскіе еще съ тѣхъ поръ пріучились на нихъ сидѣть, когда польское панованье въ краѣ употребляло ихъ при торжественныхъ похоронахъ за возницъ и ассистентовъ, сидѣвшихъ на томъ же катафалкѣ во время печальныхъ поѣздовъ, въ какихъ то странныхъ костюмахъ, которые сильно напоминали іезуитовъ и инквизиторскія шествія осужденныхъ на костеръ и нисколько не шли къ лицу блюстителю порядка. Развѣ то заслужило «негодованія евреевъ», что возница разобраннаго катафалка на этотъ разъ сидѣлъ не въ траурной хламидѣ, въ «какой возсѣдалъ въ былое время? Совсѣмъ иное дѣло, если бы тотъ же самый полицейскій усѣлся на алтарики. Но смѣливость его ему сказала, что это неприлично, что это грѣшно, и онъ этого не сдѣлалъ. Очевидное дѣло, что «Новое Время» напрасно укоряетъ полицейскихъ въ безтактности, когда само не понимаетъ разницы между церков-

1) Если на катафалкѣ лежать мертвые, то отъ чего нѣльзя на нихъ сидѣть живымъ людямъ?

ною утварью, ничего неимѣющею въ себѣ священнаго, и священною утварью, чтимою всякимъ. Кажется, полицейскіе съ большимъ тактомъ и смѣтливостью, относятся къ подобной утвари, чѣмъ инныя газеты. Не для того ли «Новое Время» придаетъ серьезный смыслъ такимъ мѣлочамъ, чтобы раздражить религіозныя страсти» и вооружить противъ насъ заграничныхъ крикуновъ?

„Новое Время“, войдя въ роль ментора, дидактическимъ тономъ упрекаетъ полицейскихъ въ томъ, въ чемъ не хочетъ сама сознаться виновнымъ, именно: въ незнаніи «правилъ тойже политической мудрости»; которая учитъ, что «терпимое иновѣріе не должно быть политическимъ учрежденіемъ. «Новое Время» не понимаетъ, говоримъ, «правилъ политической мудрости», когда защищаетъ римско-католическія братства, при помощи которыхъ римское латинство въ землѣ славянской стало въ изолированное положеніе; провело рѣзкую границу между русскими-православными и русскими—р.-католиками и, такимъ образомъ, устроило въ государствѣ государство, вдохнуло въ него жизнь искусственную, которая поддерживалась «религіознымъ раздраженіемъ» и соками извнѣ,—изъ Рима,—а въ землѣ русской устроило римскую курію,—племя славянское—превратило въ какихъ то средневѣковыхъ латинянь, которыхъ существованіе зависѣло отъ метрополи—Рима. Такое уклоненіе отъ естественнаго теченія жизни народной не можетъ быть терпимо, потому что оно приноситъ страданія органу, къ которому привилось и не имѣетъ иного исхода кромѣ смерти органа (чѣмъ наносится вредъ всему организму),—если во время не будетъ приступлено къ рациональному излѣченію или ампутаціи. Язва-же эта зарождается изъ «религіознаго раздраженія» членовъ одной и той же семьи. Вотъ такое то искусственное государство въ государствѣ, созданное изобрѣтательнымъ Римомъ и поддерживаемое религіознымъ раздраженіемъ р. католическихъ братствъ, не можетъ быть терпимо по смыслу той политической мудрости, на которую ссылается велерѣчивая газета.

Мы соглашаемся съ газетою въ томъ, что «интересы

государства требуют тушить каждое враждебное чувство и не допускать пропаганды, подъ видомъ братствъ, одного исповѣданія противъ другаго» мы согласны, что намъ нужны другія братства, которыя сближали бы обѣ церкви и ихъ послѣдователей, а не раздражали, не волновали.» Но для этого теперь во многихъ мѣстахъ устраиваются братства православныя, которыхъ девизъ: братская любовь къ ближнему и прозрѣніе слѣпымъ. Если бы такого девиза держались и р.-католическія братства, онѣ не были бы политическими ассоціями, не грѣшили бы противъ правилъ политической мудрости.

Мы сказали, что нѣкоторые русскіе журналы смотрять на «Новое Время», какъ на польскую газету, издающуюся только на русскомъ языкѣ. Въ защиту своей газеты, г. Юматовъ, отвѣтственный редакторъ ея, въ №№ 100 и 167 отрекомендовался публикѣ чиновникомъ государственной канцеляріи, саратовскимъ помѣщикомъ и православнымъ. Все это было приведено имъ какъ доказательство благонамѣренности и «русскаго духа» его газеты, «Голось» постоянно называетъ наше изданіе, «польскою газетою на русскомъ языкѣ», говоритъ г. Юматовъ въ № 157 своего изданія. Наши же читатели хорошо знаютъ, что мы старались до сихъ поръ посредствомъ русскаго пера и русскіхъ словъ служить исключительно дѣлу здраваго смысла и справедливости». Отлично! но отчего г. Юматовъ,—такъ говорятъ вокругъ насъ,—знакома читателей съ своимъ послужнымъ спискомъ, упустилъ изъ вида доложить публикѣ, гдѣ онъ воспитывался, и холостъ или женатъ онъ и на комъ? (для этихъ свѣдѣній есть особенныя графы въ формулярахъ). Потому что, говорятъ они, безъ этихъ указаній, скептики все таки не повѣрятъ «русскому духу» его газеты.

Въ упрекъ «Новаго Времени» скептики приводятъ вотъ какое доказательство: смотрите, говорятъ они, «Голось», № 241, и читайте тамъ: «въ послѣднее время въ заграничныхъ газетахъ часто встрѣчаются весьма нелѣпные слухи относительно Польши. Берлинскій корреспондентъ «Бельнской газеты», отъ 27 августа (8 сентября)

говорить, что, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, эти слухи нужно считать за новѣйшій результатъ рѣшенія, недавно принятаго польскою партіею дѣйствія—дѣйствовать тремя путями: съ одной стороны распущеніемъ слуховъ о приобрѣтеніи Пруссіею части русско-польскихъ провинцій, съ другой стороны поддержкою нѣмецкаго движенія къ прибалтійскихъ губерніяхъ и въ третьихъ поддержкою настроенія старо-русской партіи».

Такъ, въ № 147 «Новое Время» очень ловко страшаетъ насъ переходомъ западной части Царства Польскаго въ руки Пруссіи и говоритъ: «Намъ нужны не мѣлкія преслѣдованія и погоня за полицейскими формальностями; ибо, слѣдую внушеніямъ «Голоса», остается вѣдь только одно—учредить въ штатѣ полиціи (варшавской) особыхъ фортеціаннхъ инспекторовъ, которые гонялись бы за тѣмъ, чтобы строго различать фортеціаны благонадежныя отъ не благонадежныхъ, предпочитающихъ мазурку, въ ущербъ вальсу, и «Боже цось Польска» въ ущербъ русскимъ гимнамъ. Для тѣхъ, которые думаютъ такими приемами обрусить польскую землю, мы скажемъ откровенно, что они работаютъ въ пользу прусскаго короля *ils travaillent pour le roi de Prusse.*—Н. Юматовъ».

Въ № 151 газета энергично убѣждаетъ, что дѣятельность крайней польской партіи, направленной противъ Россіи ничего не можетъ принести, кромѣ новыхъ несчастій для польскаго народа. Дѣятельность нашихъ собственныхъ крайнихъ патриотовъ ничего не принесетъ, кромѣ вреда для Россіи и для всего славянскаго міра:

Обѣ стороны вмѣстѣ, и каждая порознь, работаютъ не для Россіи и не для Польши. Онѣ безсознательно работаютъ, какъ мы говорили и прежде, единственно въ пользу Пруссіи. Н. Юматовъ».

Въ № 158 «Новое Время» увѣдомляетъ, что «носятся слухи, что Пруссія получитъ отъ Россіи часть Польши на западъ отъ Вислы, между прочимъ и Варшаву» и проч.

Зададимъ себѣ вопросъ: къ чему подобными слухами поляки тревожатъ насъ? Зачѣмъ они въ нашей публицистикѣ и въ заграничной прессѣ пугаютъ насъ тѣмъ, что

часть Польши отходить къ Пруссіи? Затѣмъ, что они сами боятся, чтобъ иногда Россія, соскучивъ возиться съ вѣчно безпокойнымъ сосѣдамъ и взаправду не передала бы его въ руки Пруссіи. Пруссаки мастера ступшевывать полонизмы! Читатель извинить насъ, если для указанія ему, чего именно поляки боятся и за чѣмъ тревожатъ публику подобными слухами, мы приведемъ ему нижеслѣдующій текстъ изъ № 244 газеты «Голосъ», изъ варшавской корреспонденціи, которая рельефно обрисовываетъ ихъ завѣтныя мечты.

«Извѣстна слабость поляковъ,» говоритъ она, «приплетать свою фантастическую Польшу къ такимъ событіямъ и политическимъ комбинаціямъ, съ которыми она не можетъ имѣть ничего общаго. Послушаешь ихъ, такъ придешь къ выводу, что самое солнце существуетъ только для того, чтобы свѣтить полякамъ. Такъ и теперь, происшедшее въ Швальбахѣ между Государемъ Императоромъ и прусскимъ королемъ свиданіе было, молъ, вызвано единственно польскимъ вопросомъ и городскіе (варшавскіе) толки соединяютъ съ этимъ свиданіемъ важныя для ляхитовъ послѣдствія. Все идетъ, будто бы, къ тому, что западная часть Царства, по Вислу, будетъ уступлена Пруссіи, и на недавномъ свиданіи вопросъ, молъ, рѣшенъ окончательно».

Упоминаю объ этихъ толкахъ для того, чтобъ засвидѣтельствовать, что ляхиты больше всего опасаются такого *tour de force*. Они нисколько не скрываютъ, что подобный оборотъ дѣла былъ бы для нихъ началомъ конца, равнялся бы неумолимому смертному приговору и потому въ ляхитскихъ толкахъ преобладаетъ мнѣніе, что въ виду безпощадной германизациі, крѣпко подтачивающей польскую силу, полякамъ гораздо желательнѣе оставаться *in statu quo*, т. е. подъ русскимъ владычествомъ. Почему они предпочитаютъ *statu quo*,—обыкновенно не договаривается; но не трудно понять, что они крѣпко вѣрують въ нашу непослѣдовательность, если надѣются справиться съ нами гораздо легче, чѣмъ съ прусскимъ «историческимъ процессомъ». О громадныхъ же практическихъ преимуществахъ русскаго государства они расскажутъ вамъ съ полною от-

кровенностию. «Если сохрани Богъ отойдемъ мы къ Пруссіи, то всё (подразумѣвается шляхта) пойдёмъ по міру. Теперь мы хоть и обезсилены надѣломъ крестьянъ и установленіемъ сервитутовъ, но все же обезпечены въ кускѣ хлѣба, оставшеюся за нами земельною собственностію, которой не угрожаютъ уже никакія опасности. Имѣній отъ насъ не отберутъ потому, во первыхъ, что отдать ихъ не кому; а, во вторыхъ, и потому, что русское правительство, чтобы о немъ наши ни говорили, все же придерживается въ своихъ мѣропріятіяхъ юридической почвы. Крестьяне, сдѣлавшись собственниками, уже удовлетворены; здѣшній средній классъ зарекомендовалъ себя столь невыгодно, что не можетъ, конечно, рассчитывать на внѣшнія пособія къ приобрѣтенію отъ насъ земельной собственности; русскихъ дворянъ и капиталистовъ не хватитъ и на «забранный край», а платить намъ жалованья, взамѣнъ отобранія въ казну нашихъ имѣній, правительство не будетъ, какъ платить есендзамъ, потому что помѣщики не состоятъ даже на парафіальной службѣ. Захвати-же насъ въ свои когти Пруссія: всякія юридическія церемоніи пойдутъ въ сторону. Нѣмецкое правительство поведетъ дѣло такъ, что чрезъ годъ другой въ нашихъ помѣстьяхъ окажутся собственниками швабы, а мы, помѣщики, превратимся въ бездомныхъ скитальцевъ, если изъ милости не дадутъ намъ тѣже швабы, въ нашихъ же имѣніяхъ, мѣсть конторщиковъ. Въ отношеніи къ службѣ, мы, при русскомъ владычествѣ, также обезпечены. Положимъ даже, что русскій языкъ у насъ не будетъ со временемъ отмѣненъ, но пребудетъ обязательнымъ и въ школахъ и въ администраціи. Чрезъ это мы, все таки, не останемся безъ куска хлѣба. Во первыхъ, мы къ русскому языку такъ уже прислушались, что онъ для насъ не совсѣмъ чуждъ, а во вторыхъ, благодаря близкому сходству двухъ нарѣчій, чиновники и учителя могутъ въ три-четыре мѣсяца выучиться по русски на столько, чтобъ и при русскомъ языкѣ спойно остаться на своихъ мѣстахъ. Всего этого мы лишимся, если только сожметъ насъ въ своихъ объятіяхъ Пруссія. Мы знаемъ, что если отойдемъ къ ней сегодня, то завтра вездѣ и во всемъ бу-

детъ обязательнымъ языкъ нѣмецкій, которому въ нѣсколь-
ко мѣсяцевъ не научишься, а слѣдовательно, всѣ поляки,
существующіе теперь жалованьемъ, неминуемо попухнуть
съ голоду. У швабовъ, къ тому же, совѣсть покрѣпче и
никакія гуманныя соображенія не помѣшаютъ имъ смѣ-
стить немедленно всѣхъ польскихъ чиновниковъ, чтобъ от-
дать мѣста нѣмцамъ.»

Базалось бы чего же лучше? Если лехиты такъ боятся
нѣмцевъ; если, при всей своей къ намъ непріязни, они
видятъ въ насъ свое спасеніе, что же мѣшаетъ имъ тѣсно
сплотить свои интересы съ нашими и дружно и искренно,
рука объ руку, идти впередъ къ великой цѣли общеславян-
скаго величія!

Далѣе «Новое Время» передовую статью своего № 145,
посвящаетъ пангерманизму и остзейскому краю, и раска-
зываетъ, что одна изъ наиболѣе вліятельныхъ газетъ Гер-
маніи, именно „Allgemeine Zeitung,“ радуется, что пангерма-
низмъ успѣшно развивается въ балтійскихъ герцогствахъ (!)
и утѣшаетъ себя тѣмъ, что вопреки русскому давленію, или
именно вслѣдствіе этого давленія, германизация остзейскаго
края *будетъ* успѣшно продолжаться. Вслѣдствіе этой ра-
дости „Allgemeine Zeitung“ г. Н. Юматовъ обращается съ
возваніемъ къ остзейцамъ и говорить:

«Минута, которую переживаетъ теперь остзейское дво-
рянство, тяжелая минута. Съ одной стороны пробужден-
ная Германія, какъ сирена, манитъ его къ себѣ; съ другой
въ русскомъ обществѣ проснулось недовѣріе ко всему не-
русскому и слышатся оскорбительные возгласы (?). Было
время, что люди германскаго происхожденія, живя въ Россіи,
могли оставаться нѣмцами и быть русскими... Теперь на-
ступила минута, которая требуетъ положить грань между
нѣмцами и русскими. Теперь слѣдуетъ стать на ту или
другую сторону. Слѣдуетъ признать себя или братьями
людей, прославившихъ нѣмецкое имя подъ Кенигрецомъ и
создавшихъ нынѣшній нѣмецкій Hochmuth, или братьями
тѣхъ, которые сожгли Москву, чтобы спасти Россію и за-
тѣмъ съ развернутыми знаменами, вступали триумфатора-
ми въ Парижъ.» Къ чему ставить Остзейскія провинціи

между посылками этой дилеммы, когда одна из них, опровергнута назадъ тому полтора вѣка и когда эти провинціи составляютъ часть русской имперіи, которую безъ боя никто отнять у нее не можетъ. Указывая на побѣдителей при Бенигрецѣ, не значить ли подсказывать охоту къ солидарности съ этими побѣдителями, «прослававшими нѣмецкое имя,» и сепарацию отъ Россіи?

Напрасны тревожные крики и безумныя надежды тѣхъ, которые вѣрятъ въ успѣхъ германизаціи края, отодвинутаго на далекое разстояніе отъ Германіи. Да и пользы ни Германіи, ни остзейскому краю отъ подобной утопической метаморфозы, — если допустить возможность ея осуществленія, — не можетъ быть; потому что германизмъ не можетъ долго и прочно держаться въ крошечномъ (сравнительно) обществѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ сплошною, густою массою кореннаго русскаго населенія, какъ новгородцы, псковичи и русскіе литовцы.

Какъ въ германизаціи остзейскаго края, такъ равно и въ наступательномъ движеніи *Drang nach Osten* — тоже нѣтъ ничего угрожающаго. Одни только наши противники и за одно съ ними «Новое время», стараются придать этому дѣлу громадныя размѣры, чтобы скорѣе убѣдить насъ въ необходимости устройства барьера 1) и дарованія Польшѣ самостоятельности; тогда за ея спиною мы будемъ вполне безопасны отъ этого страшилища. Для этой единственно цѣли насъ и пугаютъ пореходомъ Польши во власть Пруссіи. — «Вотъ, говорятъ наши противники, — смотрите грозный пангерманизмъ уже двигается на васъ. Польша поглощена имъ; остзейскій край проглатывается. Скоро и васъ онъ цѣликомъ проглотитъ. Вы не хотѣли намъ вѣрить, что единственное ваше спасеніе зависитъ отъ воскресенія *крулевства*. Мы желали вамъ, какъ братья ваши, добра, а вы не слушались насъ.... и т. п.»

Дѣйствительно, кое какая германизація, благодаря нашей оплошности, вкралась въ остзейскія губерніи; но эта

1) Любопытныя сужденіе объ этомъ барьерѣ „Новаго Времени“ см. въ 5 кн. „Вѣстн. Зап. Россіи,“ за нынѣшній годъ, въ статьѣ „Новое Время.“

германизація такъ ничтожна , что она должна совсѣмъ исчезнуть отъ тѣхъ средствъ , которыя предприняты уже правительствомъ. Русское образованіе, русскія народныя школы и дарованіе господства русскому языку — пока и довольно. Время и дѣйствіе этого лѣкарства покажутъ, нужно ли будетъ еще что предпринять или вполне достаточно и этого для произведенія реакціи и уничтоженія зародыша болѣзни. Свобода же печати, этотъ сильнѣйшій боецъ XIX вѣка, какъ выражается г. Юматовъ—еще преждевременна собственно потому , что некому сражаться этимъ оружіемъ. Въ настоящее время невысказанная борьба на этомъ полѣ латыша , разучивающаго русскую азбуку, съ развитымъ и образованнымъ остзейскимъ дворяниномъ. Нужно дать пройти десяткамъ лѣтъ, пока латышъ научится хоть кое какъ владѣть такимъ оружіемъ. Въ противномъ случаѣ, можно заранѣе угадать, что побѣда будетъ на сторонѣ нѣмца — остзейца и принесетъ только вредъ всему дѣлу и разстроитъ планы правительства.

Самое же лучшее средство, которое отлично подѣйствуетъ противъ непрошеннаго пангерманизма, это скорѣйшее и коренное сліяніе Польши съ Россію. Тогда , чрезъ подобный барьеръ, будетъ труднѣе перешагнуть такому исполннику , каковъ по увѣренію «Новаго Времени» грозный Drang nach Osten. Да и Россіи будетъ тогда безопаснѣе и спокойнѣе, чѣмъ за спиною такой вѣроломной союзницы, какова Польша. Произвести этотъ маневръ можно при помощи того же самаго рецепта, который одобренъ г. Юматовымъ для остзейскаго края. Русское образованіе, русскія школы, откуда юношество и будущіе поляки будутъ выходить со свѣжими головами, не отуманенными иезуитскою схоластикою, и разумнымъ понятіемъ относительно порядка вещей, господство русскаго языка и русское судопроизводство, — вотъ главные ингредиенты лѣкарства, для полученія желаннаго результата. Какъ смѣшны и неумѣстны протоколы губернскихъ правленій Риги и Ревеля на нѣмецкомъ языкѣ, также точно смѣшны и неумѣстны они въ Бельцѣ или Радомѣ на польскомъ языкѣ, точно также смѣшно и рѣшеніе дѣлъ въ губернскомъ правленіи Радома по кодексу Наполеона и польскому статуту.

Свободная же печать, которой такъ сильно домогается «Новое Время» — еще болѣе вредна для привислянскаго края, чѣмъ для остзейскаго. Свободная печать въ продолженіи двадцати лѣтъ воскресила (живую) Чехію, но она не можетъ воскресить Польши. Чехія не могла слиться съ чуждымъ ей нѣмецкимъ племенемъ; ей предстояла смерть. Польшѣ не угрожаетъ смерть; напротивъ, ей предстоитъ блестящая и завидная доля отъ слитія во едино съ родною ей Россіею и, потомъ, отъ совмѣстнаго шествія къ свѣтлому назначенію, какое предопредѣлено Провидѣніемъ славянамъ. Ей нужно не воскресеніе, а измѣненіе. На политическую автономію она не имѣетъ никакихъ правъ, потому что для нея она не возможна. Это доказываютъ ея печальная исторія и рядъ тѣхъ грустныхъ беспорядковъ, которыми сопровождалось ея жалкое независимое существованіе: ея самобытность вредна какъ для нея самой, такъ и ея сосѣдей, что доказывается всей ея исторіей.

Свободная печать скорѣе можетъ возродить у поляковъ воспоминаніе о томъ давно минувшемъ времени, когда въ безалаберной Польшѣ безобразничали произволъ и своеволіе—и возбудить болѣе пылкое желаніе возврата того прекраснаго для нихъ времени и доставить удобный случай къ распространенію тѣхъ революціонныхъ прокламацій, лжей и клеветъ на Россію, резервуаромъ которыхъ теперь служить заграничная пресса. Теперь перейдемъ къ третьему пункту гениальной тактики, изобрѣтенной противъ насъ дѣятельною польскою партіею дѣйствія.

Прежде всего, что такое разумѣетъ польская эмиграція подъ именемъ «старо-русской» партіи, о которой, кажется, пока мало кто слышалъ? Отвѣтъ найдемъ въ «Познанскомъ Дневникѣ» 1), который увѣряетъ по самымъ „*достовернымъ и высокопоставленнымъ*“ источникамъ, что въ Россіи существуетъ очень могущественная «русская партія», сильная при дворѣ, которая хлопочетъ о примиреніи поляковъ съ русскими на слѣдующихъ условіяхъ:

1) См. „Новое Время,“ № 153 и 160.

1) Возстановленіе отдѣльнаго административнаго положенія Царства польскаго и его автономіи, какою оно пользовалось при Велепольскомъ.

2) Присоединеніе къ нему великаго герцогства Познанскаго и западной Галиціи.

3) Обмѣнъ государственныхъ имѣній, подаренныхъ русскимъ въ Царствѣ польскомъ на имѣнія, находящіеся во владѣніи поляковъ въ западномъ краѣ.

4) Выкупъ другихъ польскихъ имѣній въ западномъ краѣ посредствомъ процентныхъ бумагъ, подлежащихъ постепенному погашенію.

5) Учрежденіе отдѣльныхъ польскихъ полковъ, которые должны быть неразрывно связаны съ русскою арміею (!).

Такия кондиціи приписываетъ „Познанскій Дневникъ“ „русской“ партіи, которую польская партія дѣйствию должна поддерживать и которую, вѣроятно, по ошибкѣ, берлинскій корреспондентъ „Кельнской Газеты“ назвалъ „старо-русскою“, вмѣсто „русской“.

Но дѣло не въ названіи. Съ насъ довольно, что мы знаемъ, что есть въ Россіи какая-то партія, которая на столько проникнута индиферентизмомъ, что за одно работаетъ съ нашими противниками. Ихъ то собственно „виленскіе клерикалы“ и „блаженные“ окрестили „полякующими“, за что и удостоились отъ „Новаго Времени“ и „Вѣсти“ разныхъ эпитетовъ—(въ томъ числѣ и вышеприведенныхъ) и брани, которая неумѣстна въ уважающей себя публицистикѣ.

Вотъ на что указываютъ скептики, сомнѣвающіеся въ „русскомъ духѣ“ „Новаго Времени.“ Своего мнѣнія по этому дѣлу мы не высказываемъ и предоставляемъ волю читателя комментировать кто правъ: скептики ли, отвергающіе „русскій духъ“ „Новаго Времени“ или „Новое Время“, доказывающее благовонность своего *ess—bouquet'a*. Наше дѣло—сторона...

А...з З...кинз.

IV.

Я Г А Й Л О.

Историческій романъ.

(Продолженіе *).

ЧАСТЬ 1-я

ГЛАВА 8-ая

Р и г а л ь д а.

Теперь намъ приходится вернуться немного назадъ, чтобы познакомиться читателя съ личностью вайделотки Ригальды. Она была дочь литовскаго боярина, служившаго тиуномъ въ Трокахъ, у Кей-стута. До 18 лѣтъ она жила у своего отца, въ трокскомъ велико-княжескомъ замкѣ. Тамъ-то именно и встрѣчалась она съ Ягайлой. . . Это случилось вотъ какъ: Ягайло и Витовтъ съ самихъ малыхъ лѣтъ были друзья и зачастую гостили другъ у друга. Два года назадъ, Витовтъ и Ягайло были вмѣстѣ на охотѣ, въ жмудскихъ лѣсахъ. Возвращаясь оттуда, Ягайло заѣхалъ къ Витовту въ Троки и остался на нѣсколько недѣль гостить у него. Витовтъ былъ нестлучно при своемъ дорогомъ гостѣ и всячески старался занять своего двоюроднаго брата. Только нѣсколько урочныхъ часовъ, въ которые Витовтъ учился нѣмецкому и латинскому языкамъ, отвлекаящими его отъ любезнаго Яши, такъ звалъ онъ иногда нашего героя. Въ это время Ягайло почти всегда отправлялся гулять вокругъ трокскаго замка и прислушивался къ плесканью волнъ озера Гальвы. . . . Однажды, гуляя по берегу озера,

* См. «Вѣст. Зап. Россіи» за 1867 г. кн. 10, 11 и 12 и за 1868 г. кн. 3, 4 и 5.

и проходя близъ стѣны главной башни, онъ получилъ легкій тачекъ въ плечо. Оглянувшись, Ягайло увидалъ у ногъ своихъ только что скатившійся съ плеча вѣнокъ изъ васильковъ. Поднявъ его и осмотрѣвъ, онъ машинально взглянулъ на верхъ; въ одной изъ нижнихъ бойницъ выглядывало хорошенькое женское личико на розовыхъ губкахъ которой ползала добродушная улыбка... Встрѣтивъ взглядъ Ягайлы, это милое личико покраснѣло и сейчасъ же скрылось. Для нашего героя этого было достаточно... Каждый день такъ только Витовтъ садеть за свои уроки языкознанія, Ягайло отправляется на берегъ озера и ходитъ вокругъ интересной башни до тѣхъ поръ, пока не покажется въ завѣтной бойницѣ «милое личико,» а оно каждый разъ ему показывалось и каждый разъ онъ получалъ вѣнокъ изъ васильковъ. Ягайло влюбился въ это личико и былъ совершенно счастливъ этой любовью, хотя еще и не сказалъ красавицѣ ни одного слова... Да онъ и не хотѣлъ выходить изъ предѣловъ созерцательности, ему, повторяю, нравилось только личико, на которомъ щеки горѣли румянцемъ, голубые глаза свѣтились огнемъ, а уста, улыбаясь, шептали что то такое, что онъ не могъ слышать, но могъ понимать, что въ шопотъ это есть признаніе его побѣды, и онъ блаженствовалъ...

Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось, если бы счастливый случай не свелъ нашего героя съ этой хорошенькой женской головкой.

Разъ онъ гулялъ по берегу озера и не встрѣтивъ ни въ одной бойницѣ своей милой, разгнѣвался на нее за такое невниманіе и, какъ бы желая отомстить ей, пошелъ черезъ подъемный мостъ, ведущій съ острова на берегъ; постоявъ не много на берегу, онъ отправился въ поле, на которомъ волновалась рожь колосистая. Долго онъ гулялъ во ржи безъ всякой цѣли и по разнымъ направленіямъ, наконецъ, почувствовавъ усталость, опустился на землю. День былъ чрезвычайно жаркій, на голубомъ чистомъ небѣ, кое гдѣ, и то только по краямъ, носились легкія паробразныя облака. Надъ головою Ягайлы въ лазури тамъ и сямъ плавали жаворонки, пѣсни которыхъ серебромъ разсыпались въ чистомъ воздухѣ... Вдругъ онъ слышитъ, что съ пѣніемъ жаворонковъ начало сливаться пѣніе человѣческое, какъ будто бы женское, но только гдѣ то далеко. Ягайло поднимается на ноги и присматривается въ ту сторону, откуда неслись звуки, а они неслись изъ за кургана, который возвышался среди поля. Онъ идетъ по полю къ кургану, всходитъ на верши-

у его и глазамъ его представляется слѣдующее: у подножіа кур-
жа, въ литовскомъ дѣвичьемъ костюмѣ, сидитъ его любезная не-
знакомка и, распѣвая литовскія пѣсни, вяжетъ вѣнокъ изъ василь-
ковъ. Такъ вотъ гдѣ она, подумалъ Ягайло и началъ спускаться
въ кургана.

Увидѣвъ Ягайлу, хорошенькая незнакомка смутилась немного,
бѣсы умоляла, лицо зардѣлось маковымъ цвѣтомъ и голубые глаз-
ки стыдливо опустились на зеленый передникъ, увѣнчанный дѣ-
вичьи бубенчиками...

Въ свою очередь смутился и Ягайло... Настало довольно
долго молчаніе. Наконецъ хорошенькая знакомая незнакомка прер-
вала его.

— Князь! тебѣ не пригоже ходить туда, гдѣ тебя не ждутъ,
сказала она, не поднимая глазъ.

— А кого жъ ты здѣсь ждала?... спросилъ ее Ягайло.

— Ни кого я здѣсь не ждала...

— А для кого вѣнокъ связала?

— Для кого связала?

— Да...

Она подняла глаза и, окинувъ ими Ягайлу, снова опустила
ихъ. Герой нашъ не могъ прочесть въ этомъ выраженіи глазъ ни-
чего.

— Чья ты дочь? продолжалъ онъ спрашивать.

— Здѣшняго тіуна.

— Такъ для кого же ты вѣнокъ связала?

— Ты самъ, князь, знаешь...

— Не знаю... процѣдилъ сквозь зубы Ягайло.

— Не знаешь, а каждый день получаешь отъ меня такіа вѣн-
ки!!!... едва слышно сказала незнакомка. Въ голосѣ ея слышал-
ся упрекъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Ригальдой!

— А мать у тебя есть?

— Есть... «Безъ матери нельзя на свѣтъ явиться,» отвѣтила
она литовскою поговоркой; только она давно уже спитъ вѣчнымъ
сномъ, вонъ тамъ близъ русской церкви, добавила Ригальда, пока-
зывая на церковь, которая стояла на берегу озера.

— Да вѣдь ты литвинка?

— Ну такъ чтожь?

— А то, что всѣ литовцы язычники говорятъ, что послѣ смерти ихъ сродники не спятъ вѣчнымъ сномъ, а живутъ на славѣ блаженства...

— Моя мать была христіанкой... Она была дочь дейновскаго боярина русина.

— Что же она тебя не окрестила?

— Не знаю... Одни говорятъ, что крестила поукрадкой отъ отца, а другіе нѣтъ; кому вѣрить, не знаю...

— А сама ты хотѣла бы быть христіанкой?

— Мнѣ все равно... Иной разъ я молюсь къ оставшимся послѣ матери христіанскимъ образамъ, украдкой разумѣется, отъ отца, а другой разъ хожу молиться въ троескую кривичанскую божницу... Да вотъ скоро придется мнѣ сдѣлаться войделоткой въ виленскомъ храмѣ Пергуна, сказала Ригальда, и послѣднія слова какъ то особенно жолчно.

— Ты хочешь сдѣлаться войделоткой? почти съ ужасомъ спросилъ Ягайло.

— Да, я, по желанію отца, еще въ малыхъ лѣтахъ на этомъ курганѣ дала обѣтъ святой дѣвѣ Прауринѣ сохранить свое дѣвство и клятву эту сдержу свято.

— Значить тебѣ нельзя будетъ выходить замужъ? грустно спросилъ Ягайло.

— Нельзя... Да и бѣда въ томъ не велика, выйти замужъ за того, который по сердцу приишлся, нельзя...

— Почему?

— Потому что тотъ, кто завладѣлъ моимъ дѣвичьимъ сердцемъ, князь удѣльный, сынъ короля Ольгерда... Ему найдутъ княжну удѣльную, а я... дочь тиуна троекою.

— Кто жъ это тебѣ по сердцу то приишлся, неужели я? подвигаясь къ ней и улыбаясь, выпытывалъ Ягайло.

Вмѣсто отвѣта она бросила на него такой взглядъ, въ которомъ лучше всякихъ словъ выразилось согласіе.

Ягайло обнялъ ее и поцѣловалъ; она не противилась, только сильно покраснѣла.

— Давно ли я тебѣ приглянулся? Спросилъ Ягайло.

— Съ прошлаго лѣта, когда у князя Витовта ты гостилъ....

Какъ первый разъ увидела тебя я, такъ и сама не знаю, что ю мною сдѣлалось: сердце такъ шибко запрыгало, что я дышать не могла, потому все ты мнѣ мерещился вездѣ, все-то я о тебѣ гуняла.... Кажется бы вотъ такъ и бросилась бы на шею къ тебѣ, да воли не было.... А когда ты уѣхалъ изъ Троезъ въ Вильну, и такъ начала тосковать по тебѣ, что даже утопиться хотѣла отъ кручинушки.... Словно змѣя тогда сосала мое сердце, ужъ такъ мнѣ было больно, такъ больно!...

— А теперь? Перебилъ ее вопросомъ Ягайло.

— Теперь?... Теперь мнѣ хорошо на твоей груди, хорошо какъ пышному цвѣтику на своемъ стебелькѣ... Да развѣ ты самъ не видишь, что мнѣ хорошо? Въ свою очередь, спросила она.

— Сердце дѣвичье потемки! Какъ мнѣ знать, что у тебя на душѣ?! Съ лукавой улыбкой, замѣтилъ ей Ягайло.

Ригальда мгновенно освободилась отъ его объятій и отодвинулась отъ него.

— Князь! хитрить и лукавить мнѣ нечего — Еслибъ я не любила тебя, то не вѣшалась бы тебѣ на шею, не радовалась бы такъ, не забывала бы, что я дѣвица, не была бы глуха къ этимъ шипящимъ звукамъ, которые исходятъ изъ дѣвичьихъ бубенчиковъ,—говорила она, показывая на зеленый передникъ, увѣшанный бубенчиками. Ягайло смѣшался и молчалъ, она продолжала: мнѣ, князь, ничего ненужно, кромѣ твоихъ ласкъ, княгиней—женой твоей я не буду; такъ самъ видишь, что не изъ корысти я полюбила тебя....

При этомъ Ягайло немного оправился.

— Ты не сердись на меня, Ригальда.... Я сказалъ пословицу безъ умыслу, ради краснаго слова, замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ ужъ ты, князь, впередъ такихъ красныхъ словъ не говори, прошу тебя.... Дѣлай со мной, что хочешь, только не обижай меня... .

Ягайло подошелъ къ ней.

— Какая ты красивая, Ригальда! сказалъ онъ, желая перебить разговоръ.

— Что мнѣ въ этой красотѣ, сказала она со вздохомъ. Вѣдь ты меня любить не будешь?! добавила она,—не то вопросительнымъ, не то заключительнымъ тономъ.

— А почему ты это знаешь? спросилъ Ягайло.

— Да потому, что и безъ меня у тебя есть кого любить, познатѣе да и побогаче,—а я роду не княжескаго...

— За то ты красивѣе всѣхъ княгинь на свѣтѣ, говоритъ Ягайло.

— У меня въ этомъ все мое богатство...

— Я этого богатства искалъ...

— Князь! говори правду.... Боги накажутъ тебя, если ты обманываешь меня. Ты видишь, что я твоя, не шути же моею любовью, а люби меня хоть въ половину такъ, какъ я тебя... Я не набиваюсь къ тебѣ въ жены, не требую отъ тебя вѣчной любви, но прошу тебя, хоть на то время, пока ты будешь у насъ въ Трояхъ, никому кромѣ меня не открывать своихъ объятій, что бы никто кромѣ меня не смѣлъ играть твоими кудрями шоловными,—цѣловать и миловать тебя, чтобы все это мнѣ одной можно было,—понимаешь князь одной? Дѣлиться ни съ кѣмъ я не хочу, пусть счастье мое будетъ также полно, — какъ озеро Гальва въ берегахъ своихъ... Пусть все то, о чемъ мнѣ снилось и мечталось исполнится на яву,—говорила Ригальда, страстно смотря въ лицо Ягайлы.

У Ягайлы бросилась кровь въ голову, онъ порывался что то сказать, но не могъ, вмѣсто словъ вылетали какіе то неопредѣленные звуки, послѣ которыхъ онъ схватилъ руки Ригальды. Въ это время, не вдалекѣ отъ кургана, какой то мужской голосъ звалъ Ягайлу. Ригальда первая услышала этотъ зовъ.

— Князь! Тебя зовутъ, сказала она, освободившись изъ объятій Ягайлы.

— Кто? Спросилъ разсуманенный Ягайло.

— Не знаю..., Чу, слышишь?

— Это мой конюшій Войдыло! вѣрно ищетъ меня....

— Ну такъ прощай....

— Куда ты? Его тебѣ бояться нечего, онъ не скажетъ никому, что видѣлъ меня съ тобою....

— Нѣтъ, нѣтъ, прощай, я хочу, чтобы кромѣ тебя никто не зналъ что я твоя, слышишь, князь, никто?! поспѣшно цѣлуя его, говорила Ригальда.

— Но вѣдь онъ тебя увидитъ же? Замѣтилъ Ягайло.

— Нѣтъ не увидитъ, я пойду въ замокъ черезъ подземный

ходъ, который идетъ вотъ изъ подъ этого кургана, вонъ видишь камень,—подъ нимъ входъ.... Только ты, князь, объ этомъ ни кому не говори: этотъ потаенный ходъ извѣстенъ только князю Кейстуту, его сыновьямъ Патрикю, Войдату и Витовту, да моему отцу. Прощай, князь! приходи сюда завтра объ эту пору, да только не вели ходить за собой своему конюшему,—говорила Ригальда, взявъ вѣнокъ и направляясь къ камню...

— Ригальда! погоди немного... Спрячься въ рожъ пока, а я сейчасъ прогоню Войдылу,—сказаль Ягайло.

— Нѣтъ, не могу; отецъ хватится....

— Ну такъ отдай вѣнокъ...

— Я вину его тебѣ...

— Откуда?

— Увидишь послѣ, сказала Ригальда, безъ большого усилія, отодвигая камень, и проворно входя въ отверстіе. Прощай!— послышалось изъ глубленія и камень задвинулся за Ригальдой.

Взволнованный Ягайло, оглянувшись воеругъ себя, увидѣлъ входящаго на вершину кургана Войдылу.

— Ты меня ищешь? Спросилъ Ягайло своего дядьку.

— Да, княже, тебя, отвѣчалъ онъ.

— Я вѣдь не трехлѣтній ребенокъ, — чтобы за мной вездѣ глядѣть нужно было,—сердито проворчалъ Ягайло.

— Я не самъ за тобой, княже, пошолъ,—меня послалъ твой дядя, князь Кейстутій.... Рыбу вишь ловить собираются въ озерѣ, такъ безъ тебя не хотять начинать,—продолжалъ Войдыло.

— Нашли время рыбу ловить! сказалъ Ягайло и, поднявъ нѣсколько васильковъ, — во множествѣ валявшихся у ногъ его, пошелъ по направленію къ замку.

Когда онъ подходилъ къ воротамъ замка; то со стѣны къ ногамъ его упалъ тотъ самый вѣнокъ, который за нѣсколько передъ тѣмъ минутъ—онъ просилъ у Ригальды. Ягайло, поднявъ вѣнокъ, посмотрѣлъ къ верху; надъ воротами, въ одной изъ бойницъ, выглядывала раскраснѣвшаяся Ригальда.

Она опередила меня подземнымъ ходомъ, — подумаль Ягайло и, улыбувшись ей, пошелъ въ замокъ.

Наступала суровая и дождливая осень; порывистый вѣтеръ обнажалъ дерева отъ пожелтевшихъ листьевъ и вихремъ уносилъ

ихъ въ чистое поле , закручивая колесою . Пѣнистые валы озера Гальвы производили какой то тоскливый гулъ посрединѣ , а по краямъ сердито шумѣли въ почернѣвшемъ тростникѣ .

Въ одинъ изъ самыхъ сѣренѣйшихъ осеннихъ дней , въ полдень , изъ тайнаго подземнаго входа у кургана—вышла Ригальда ; осмотрѣвшись кругомъ , она завалила за собой камень и , еще разъ кинувъ взглядъ по направленію къ трокскому замку , поспѣшно направилась къ лѣсу черезъ пожатое поле . Придя къ опушкѣ лѣса , она снова оглянулась назадъ и , немного подумавъ , пошла по тропинкѣ ведущей въ чащу лѣса....

Въ лицѣ Ригальды произошла большая пережѣна къ худшему , съ тѣхъ поръ какой мы видѣли ее нѣсколько мѣсяцевъ назадъ съ Ягайлой , возлѣ кургана . Глаза ея , прежде блѣстѣвшіе какииъ то жгучимъ огнемъ , теперь потускнѣли . подъ ними образовались темныя полукружія ; вмѣсто нѣжнаго розоваго румянца и ослѣпительной бѣлизны кожи , лицо покрылось какою то болѣзненно—зеленоватою блѣдностью .

Долго она шла по узкой и извилистой тропѣ , которая привела наконецъ ее къ довольно глубокому оврагу , поросшему сплошнымъ еустарникомъ . Спустившись въ оврагъ , Ригальда пошла по дну его , съ трудомъ раздвигая сучки деревь . Усталая , она вышла на небольшую площадку , гдѣ росъ величавый дубъ , на вершинѣ котораго виднѣлось опустѣвшее гнѣздо аиста . Въ низу подъ дубомъ сидѣлъ черный воронъ , спрятавъ подъ крыло свой толстыя клювъ . Заслышавъ шаги , онъ встрепенулся и , увидѣвъ входящую на площадку , Ригальду , закаркалъ и поднялся на вершину дуба . Вслѣдъ за этимъ послышались слова выходящія какъ будто бы изъ подъ дуба .

— Кто тревожитъ меня , бѣдную старуху ,— лютый звѣрь или злой человѣкъ ? Спрашивалъ какой то хриплый голосъ , политовски .

— Не лютый звѣрь и не злой человѣкъ , а дѣвица Ригальда , которая до тебя имѣетъ дѣло ,— отвѣчала Ригальда тоже политовски .

Черезъ нѣсколько минутъ изъ за дуба вышла , какъ будто изъ земли выросшая , сгорбленная старуха , закутанная въ разныя лохмотья .

— Здравствуй , голубка моя , Ригальда.... Давно ты у меня не

была, говорила старуха, внимательно всматриваясь въ лице Ригальды.

— Давно бабушка, давно!.... по веснѣ я была у тебя, отвѣчала Ригальда.

— Знаю, голубка, знаю.... я все знаю, чего и ты не знаешь, и то я знаю.... Тебѣ я тогда гадала про твоего сердечнаго, молодого князя.... ну а теперь за чѣмъ ты пришла ко мнѣ?

Ригальда вынула изъ подъ платка нитку жемчугу и подала его старухѣ.

Бабушка! вотъ возьми мой жемчугъ многоцѣнный, только дай мнѣ за него зелья... такого зелья, отъ котораго..... — И, не договоривъ, она замолчала; по выраженію ея глазъ и лица, Ригальда какъ будто бы желала, чтобы сама старуха назвала эта зелья.

— Спасибо тебѣ за жемчугъ, голубка моя, а про зелья—скажи, какого тебѣ надобно, отъ хворобы или немочи,—отъ кручинушки или?...

— Бабушка мнѣ страшно говорить....

— Говори, не бойся; подъ этимъ дубомъ тебѣ нечего бояться, здѣсь ты въ безопасности, никто тебя кромѣ меня не слышитъ, никто не видитъ, а если кто къ этимъ мѣстамъ будетъ приближаться, такъ меня мой сторожъ вѣрный увѣдомитъ.... При этомъ старуха показала на ворона, который сидѣлъ на вершинѣ дуба.

— Бабушка,—начала, послѣ нѣкотораго колебанія, Ригальда. Весною ты мнѣ сказала, что по гаданью твоему выйдетъ такъ, какъ я хотѣла; что увижу своего сердечнаго; буду играть его шелковыми кудрями,—цѣловать его въ губы алыя и много радостей увижу съ нимъ.. Все это исполнилось, какъ ты говорила, играла я шелковыми кудрями, цѣловала его, миловала, къ сердцу часто прижимала, узнала я что такое радости на землѣ, узнала я что сердечный другъ дороже и милѣе солнца яснаго, краше Атримпоса прекраснаго.... Но не долго мнѣ пришлось наслаждаться счастьемъ—радостями, уѣхалъ мой сердечный другъ, уѣхалъ, не простившись со мной, не сказавъ мнѣ въ послѣдній разъ слова ласковаго... Да я не объ этомъ я тужу и горюю, будетъ съ меня, хоть не много, да пожила.... Но вотъ меня что пугаетъ, бабушка: по себѣ онъ оставилъ память, она вотъ здѣсь подъ сердцемъ.... я беременна, бабушка..... Если бы я была замужная, то этотъ грѣхъ знала бы только одна.... Но я дѣвушка, какъ я могу скрыть свой позоръ?...

Отецъ мой въ гнѣвѣ его будетъ справедливъ, потому что я дала обѣтъ сдѣлаться войделотвой и всю жизнь служить чистой дѣвѣ Прауримѣ... Но ты сама теперь знаешь, что я нарушила обѣтъ, что я клятвoprеступница страшная..... Дай же мнѣ бабушка такого зелья, которое могло бы уморить меня.... Мнѣ больше жить не затѣмъ, я отжила свое.....

Въ это время, сгорбленная старуха выпрямилась, глаза ея странно забѣгали.

— Ригальда! Возьми свой жемчугъ, у меня такого зелья нѣтъ, сказала она.

— Нѣтъ? Бабушка! ты сама мнѣ говорила, что у тебя есть всякія зелья.... будь милостива, сжапись надъ несчастной,—все равно я брошусь въ озеро, если ты не дашь мнѣ смертельнаго зелья,—говорила Ригальда, опускаясь передъ колдуньей на колѣна.

— Встань, голубка! встань, Ригальда, не ползай передъ мной на колѣнахъ, ни слезы, ни мольбы не помогутъ тебѣ; у меня нѣтъ такого зелья....

— Бабушка! я дамъ тебѣ еще жемчугу, принесу много камней самоцвѣтныхъ, парчей дорогихъ, только дай мнѣ моей смертью скрыть позоръ свой.....

— Не нужно мнѣ ни жемчуга твоего, ни камней самоцвѣтныхъ, ни парчей дорогихъ, ничего. На злыхъ вороговъ, у меня есть зелье смертельное, а для друзей нѣту.... Богамъ нашимъ это противно, не попустятъ они этого.... если ты грѣшна то ступай въ капище и очисти себя самосожженіемъ и богамъ будетъ пріятно и тебѣ хорошо, на калпастѣ блаженства будешь.... А зелья смертельнаго я тебѣ не дамъ.... встань, Ригальда, и не проси болѣе меня...

— Бабушка! если ты не хочешь дать мнѣ зелья смертельнаго, такъ дай такой травы или волшебныхъ кореньевъ, отъ которыхъ тотъ кто лежитъ у меня подъ сердцемъ умеръ бы....

— Ты хочешь уморить его, за что же? Вѣдь ты одна во всемъ виновата, за чѣмъ же ты хочешь смерти младенца невиннаго? Нѣтъ, Ригальда, нѣтъ голубка моя, не дамъ тебѣ и такого зелья.... Ты еще молода, какъ первая травка по веснѣ.... На землѣ мѣста для всѣхъ хватить, солнце грѣетъ и свѣтитъ для всѣхъ, за чѣмъ же ты хочешь смерти своему дѣтищу?..

— Затѣмъ, что люблю его.... Что за жизнь дѣтища отъ опозорѣнной матери? Лучше же ему умереть тогда когда онъ не чув-

ствуешь еще ничего, нежели тогда, когда узнаешь онъ, что на землѣ за радостью слѣдуетъ горе.....

— Ригальда! тебѣ хочется еще жить?

Ригальда вмѣсто отвѣта тяжело вздохнула и отрицательно покачала головой.

— Не лукавь, голубка моя, не перехитришь тебѣ меня старуху. Колдуньей не даромъ меня въ околodeтѣ называютъ Ты пришла ко мнѣ попросить у меня зелья не для себя, а для дѣтища; я поняла тебя, я узнала твои мысли.... Но не печалься, голубка, я помогу тебѣ..... Безъ зелья, касатка моя можно обойтись, пойдѣмъ Ригальда ко мнѣ внизъ, въ пещеру, тамъ я тебя научу, что дѣлать нужно.... Зачѣмъ тебѣ искать смерти, когда у тебя еще много впереди радостей..... Будешь и матерью, будешь и войделоткой..... Только дай мнѣ сперва клятву, поклянись тѣнью своей матери....

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что твое дѣтище, мальчикъ ли онъ будетъ или дѣвочка, будетъ отдана мнѣ....

— Клянусь! поспѣшно сказала Ригальда.

— Помни же свою клятву и ни о чемъ не безпокойся, никто не узнаетъ, не провѣдаетъ о томъ, что ты будешь матерью. Пойдемъ въ пещеру, тамъ я тебѣ скажу, что дѣлать, моя голубка и погадаю на водѣ о будущемъ.

Ригальда встала и послѣдовала за колдуньей. За дубомъ онѣ вошли чрезъ небольшое отверстіе въ пещеру колдуньи, о которой мы будемъ еще говорить.

По уходѣ Ригальды и колдуньи, черный воронъ слетѣлъ внизъ подъ дубъ, на то мѣсто, гдѣ застала его Ригальда.

Познакомивъ читателя съ личностью Ригальды, и, выставивъ ея отношенія къ Ягайлѣ, мы снова начинаемъ продолжать свой романъ.

ГЛАВА 9-ая.

С о п е р н и ц ы.

Мы оставили Ригальду въ храмѣ Перкунуса, въ Вильнѣ, на ступенькахъ алтара, гдѣ горѣлъ неугасаемый Зничъ.

На мужскомъ полкѣ, который нашла Ригальда на ступенькахъ алтара, была вышита молитва Богородицѣ, а на другой сторонѣ

первыя буквы имени и отчества Ягайлы. Поясомъ этимъ , нѣсколько времени тому назадъ, Ригальда играла съ Ягайлой, сидя съ нимъ близъ кургана у тайнаго хода на трокскомъ полѣ.

Въ минуту этого откритія, Ригальда находилась въ возбужденномъ настроеніи духа; попадись ей тогда Поята, она убила бы ее жертвеннымъ ножомъ, но моментъ этотъ скоро прошелъ, злость смѣнилась какою то тоскою.

— Такъ это онъ былъ здѣсь, онъ!... произнесла она вслухъ и, зарыдавъ, опустилась на ступеньки жертвенника.

Наплакавшись въволю она немного успокоилась.

О чемъ я плачу и убиваюсь думала она, — вѣдь не мужъ онъ мнѣ, — вѣдь не давалъ же онъ клятву любить только одну меня... Мое время миновало..... Сама уже я бросилась къ нему на шею.... Но какъ же онъ съ Поятою сошелся?... Она любитъ его; а онъ..... только обманываетъ.... А можетъ быть и онъ любитъ? Она молода, хороша какъ богиня Мильда.... При этомъ словѣ, ревность и злость овладѣваютъ Ригальдой.

Но какъ же онъ смѣетъ ходить ночью въ храмъ и осквернять жертвенникъ своими ласками съ Поятою? Напрасно я исправляла оплошность Пояты, пусть бы узналъ самъ Криве-Кривейто , что она не усмотрѣла за Зничемъ и завтра бы ее сожгли или утопили въ Вилин, говорить она; но опять другое чувство замѣняетъ ревность и злобу.

Что же мнѣ то ? продолжаетъ думать она. Пусть—его любить ее, она лучше меня. Но снова буря поднимается въ мысляхъ и сердцѣ. Чѣмъ она лучше меня? что моложе меня, но вѣдь я доказала ему свою любовь, отчего же онъ ко мнѣ ни разу сюда не пришелъ; вѣдь онъ знаетъ, что я здѣсь?!... Вѣдь старуха знахарка говорила ему,... видно онъ и нелюбилъ меня... если бы любилъ, то давно бы узналъ, провѣдалъ меня. Ну да пусть его.... Онъ мнѣ не мужъ, а Поята не дочь. Не долго, впрочемъ, Ригальда была спокойна отъ такого заключенія. Ревность заглушала все, мысли ея были порывисты и мимолетны , передъ ней воскресало недавнее прошедшее, мечты несли ее къ трокскому замку, ей слышится таинственный шелестъ и плескъ озера Гальвы, ей чудится, что она гуляетъ по широкому колосистому полю, на которомъ она собираетъ васильки,—вотъ она идетъ къ завѣтному кургану,—ей чудится , что она сидитъ рядомъ со своимъ милымъ Ягайломъ,

играет его кудрями, шепчет ему про свою любовь.... Наконецъ ей представляется глубокий оврагъ, поросшій кустарникомъ, высокимъ дубъ, черный воронъ и колдунья.... потомъ прошедшее смѣняется настоящимъ, ей представляется Поята. При этомъ грудь ея наполняется бѣшенствомъ, порывисто встаетъ она съ своего мѣста, схватываетъ нѣсколько охапокъ дубовыхъ дровъ и подкладываетъ ихъ—уже и безъ того въ ярко пылающій Зничъ. Пламя принимаетъ громадные размѣры, дрова трещать и съ шумомъ бросаютъ отъ себя искры.... Глаза Ригальды страшно бѣгаютъ по направленію пламени, на лицѣ ея скользитъ какая то адская улыбка, уста ея шепчуть что то... Ей чудится что въ этомъ пламени горитъ ея соперница Поята.

Въ такомъ состояніи она провела все свое дежурство.

Къ вечеру этого дня, послѣ великихъ делованій и длинной рѣчи криво-кривейто, обращенной къ народу, въ которой высказывалось то, о чемъ въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ бесѣдовалъ разскащикъ съ богами,—всѣ начали выходить изъ храма Перкунуса. Осталась только дежурная войделотка.

Войделотки шли по-парно, радомъ съ Поятою шла Ригальда.

— Поята! мнѣ извѣстно, кто у тебя былъ сегодня ночью, шепнула Ригальда.

— А кто? спросила въ смущеніи Поята.

— Ягайло.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Боги... Перкунусъ мнѣ сказалъ...

— Боги наши нѣмы и глухи, Перкунусъ нашъ чурбанъ...

— Что ты говоришь, безумная! за такія рѣчи тебя сожгутъ, да и мнѣ достанется.

— Мнѣ самъ Криве-Кривейто приказалъ любить Ягайлу и видаться съ нимъ...

— Криве-Кривейто?...

— Да. Черезъ эту любовь онъ хочетъ сдѣлать изъ Ягайлы вѣрнаго поклонника нашихъ богамъ, значить, мнѣ нечего бояться. сказала Поята.

— Ты сдѣлалась безумной...

— Ты не вѣришь мнѣ?

— Нѣтъ, не повѣряю я, что бы самъ Криве-Кривейто заставлялъ нарушать обѣтъ Праурини.

— Я и не нарушаю его, я люблю Ягайлу, и только, а любить долженъ всякой человѣкъ... Развѣ я виновата, что меня еще маленькой сдѣлали войделоткой? Если бы Богъ, который создалъ человѣка не позволялъ ему любить, то онъ не далъ бы ему сердца... Да что жъ я тебѣ, Ригальда, говорю о любви, ты сама любила и любишь; помнишь ты мнѣ объ этомъ говорила, только не сказала, кого ты любишь...

— Но я любила и люблю не по приказанію Криве-Кривейты, жолчно замѣтила Ригальда.

— И я не по приказанію... Обманывать любовью я должна была по приказанію, но я не лукавлю... Я его дѣйствительно люблю...

— А онъ тебя, ты думаешь, любить?

— Любить.

— Не вѣрь, Поята, этой любви, она приведетъ тебя къ гибели... Теперь онъ тебя пока еще любитъ, а потомъ, когда ты сдѣлаешься рабой его, онъ броситъ тебя, отъ тоски и горя засохнешь ты... Ты будешь проклинать богиню Мильду за то, что она дозволила тебѣ любить... Ахъ, Поята! ты еще молода и не знаешь, какъ тяжело жить на свѣтѣ покинутой дѣвицѣ своимъ сердечнымъ... Я много вынесла горя за свою любовь къ милому; но для меня было горе, а для него веселье, онъ и слышать послѣ обо мнѣ не хотѣлъ, хотя покинулъ меня не одну...

— Съ кѣмъ жъ?

— Съ сыномъ, со вздохомъ сказала она.

— А кто же твой сердечный то? Что же ты молчишь? Я не скажу ни кому, ты меня спасла давеча, разведя снова потухшій огонь въ жертвенникѣ, такъ могу ли я тебѣ желать не добраго... Съ нынѣшняго дня я тебя считаю своей сестрою...

— Не торопись, Поята, узнаешь кто онъ, такъ смерти будешь искать моей...

— Ну такъ говори же!...

— Поклянись, что ты никому не скажешь по имени, ни даже ему самому.

— Клянусь, сказала торопливо Поята.— Говори же его мнѣ, добавила она.

— Его зовутъ Ягайломъ, а поотчеству величаютъ Ольгердовичемъ, отвѣтила Ригальда.

— Ягайломъ!!! вырвалось у Поаты, и лице ея покрылось смертною блѣдностью.

— Не забывай свою клятву... замѣтила Ригальда.

Въ это время войделотки подошли къ общему своему жилью, поэтому разговоръ Поаты съ Ригальдой на этомъ пресѣлся.

Въ слѣдующую ночь, на первую ночную смѣну въ храмъ Перкунуса, пришла снова Поата. Лице ея было блѣдно, подъ глазами красно. Оставшись одна въ храмѣ, она склонилась на ступеньки жертвенника. По ея грустному выраженію лица можно было догадываться, что признаніе Ригальды сдѣлало въ ней страшную бурю душевную.

Повидимому она боролась сама съ собою, по временамъ лице ея оживлялось, но болѣе было грустное.

Ягайло, послѣ полуночи, не замедлил явиться къ своей сердечной. Поата, увидѣвъ Ягайлу, не приподнялась со ступеньки, даже не выразила ни радости, ни удивленія.

— Здравствуй, Поата, сказалъ Ягайло, садясь рядомъ съ ней и протягивая къ ней руки, чтобы поцѣловать ее.

— Постой, князь, постой, говорила Поата, отстраняясь отъ его объятій. Не забывай, что здѣсь Ромновѣ, мѣсто молитвы, добавила она, указывая на жертвенникъ.

— А вчера?!... замѣтилъ шепотомъ Ягайло.

— Что было вчера, то болѣе не повторится, со вздохомъ сказала Поата.

— Какъ не повторится?

— Никогда не повторится.

— Поата! что это съ тобою сдѣлалось?...

— А что?

— Да ты нынче больше походишь на плакальщицу, чѣмъ на красную дѣвицу... Глаза твои опухли отъ слезъ... Гдѣ же тѣ ласки, которыми ты меня къ себѣ приковала?... Поата молча вздохнула.

— Скажи же мнѣ, Поата, отчего ты грустишь? Отчего вмѣсто улыбки на лицѣ твоемъ печаль-тоска?... Съ участіемъ спрашивалъ Ягайло.

— Отчего печаль-тоска? Отъ тебя, князь! сказала сквозь слезы Поата.

Отъ этихъ словъ у Ягайлы, защемило сердце; долгое время отъ, молча, смотрѣлъ на плачущую Поату.

— Что жъ я тебѣ сдѣлалъ, Поята?... Спрашивалъ нерѣшительнымъ голосомъ Ягайло.

— Не любя меня, заставилъ любить себя, не жалѣя меня, отнять мой покой дѣвчичій, вотъ что ты сдѣлалъ со мною, отвѣчая Поята, продолжая плакать.

— Ягайло растерялся, для него не понятенъ былъ упрекъ Пояты.

— Что ты такое говоришь, Поята? Послѣ нѣкотораго молчания, началъ говорить Ягайло. Что же тебѣ не любо, что я пришелъ къ тебѣ въ этотъ храмъ, такъ я уйду... Вѣдь ты сама велѣла приходить сегодня, продолжалъ несвязно Ягайло.

— Я велѣла... ты и пришелъ-то потому, что я просила тебѣ прийти... Тебѣ жалко было меня, ты и пришелъ; но я жалости твоей не хочу, мнѣ нужна твоя любовь, твои сердечныя ласки... А въ тебѣ нѣтъ этого... Ты не любишь меня... Вотъ отъ чего я и плачу, говорила съ упрекомъ Поята.

Ягайло немного оправился.

— Такъ это ты отъ меня плачешь? спросилъ онъ.

— Отъ тебя.

— Какъ же это тебѣ пришло на умъ, что я не люблю тебя!...

— Да, не любишь, не любишь, а губишь....

— Чѣмъ гублю я тебя?

— А тѣмъ, что не любишь меня.

— Кто тебѣ сказалъ, что я не люблю тебя?...

Поята молчала.

— Стану ли я тебя губить, когда ты мнѣ дороже жизни моеѣ, дороже всѣхъ удѣловъ отцовскихъ... Ты завладѣла мною, а не я тобой....

Поята тяжело вздохнула.

— Ты такъ губишь меня своими слезами да вздохами.... Да и что случилось съ тобою? Вчера тебѣ я былъ любъ, а нынче ты на меня звѣрешь смотришь, говорилъ Ягайло, стараясь взять ее за руку.

Поята не противилась, только громко зарыдала.

— Да полно же тебѣ, Поята, плакать!.... что это съ тобою дѣлается?..

— Голубчикъ мой, дорогой мой, не томи меня разспросами.... Я не могу сказать тебѣ, отчего я плачу, съ охотою я открылась бы тебѣ во всемъ, но меня удерживаетъ клятва....

— Клятва?— Въ чемъ же ты дала клятву?

— Чтобы не говорить тебѣ...

— Да что не говорить-то?

— Те что говорили мнѣ про тебя....

— Кто говорилъ?

— Не спрашивай... Я не могу сказать тебѣ...

— Что жъ говорили то?

— Многое говорили, со вздохомъ сказала Поэта.

— Что жъ такое про меня говорить могутъ?.. Поэта скажи же...

— Говорили, что ты обманываешь меня, что ты... Ну да маю ли, что говорили...

— И ты вѣришь тѣмъ?! Въ этой фразѣ слышался упрекъ.

— Скажи мнѣ, князь, по чести,— послѣ нѣкотораго молчанія, обратилась къ нему съ вопросомъ Поэта, смотря прямо ему въ глаза: сколько женщинъ ты привязалъ къ себѣ и потомъ изсушилъ, загубилъ? Сколько ихъ любилъ и потомъ разлюбилъ?...

У Ягайлы отъ этого вопроса болѣзненно сжалось сердце, ему сдѣлалось очень не ловко.

— Ну что жъ ты молчишь?... Отвѣчай, князь! продолжала Поэта.

Ягайло готовъ былъ сквозъ землю провалиться.

— Что, князь, вѣрно все правда, что говорили о тебѣ?! Сказала Поэта.

— А что говорили? Спросилъ снова, смущенный Ягайло.

— Я тебѣ сказала, что говорили...

— Ну что жъ такое, что прежде тебя я любилъ другихъ женщинъ?!.. Тѣ не такія какъ ты...

Да я ихъ и не обманывалъ.... На что мнѣ обманывать было ихъ, когда онѣ сами на шею ко мнѣ вѣшались... Если я тебѣ не любъ, такъ я уйду, съ какою то особенною нѣжностью и покорностью сказалъ Ягайло.

— Мнѣ-то ты любъ и очень любъ, да тебѣ — то я не такъ любя, какъ слѣдовало.... князь! мое сердце дѣвичье, хотѣла я на тебя сердиться да не могу, любовь моя къ тебѣ сильнѣе гнѣва.... Мнѣ сказали, что ты не любишь меня, что тебѣ нуженъ только первый поцѣлуй дѣвичій.... князь! умоляю тебя, не отвергай мою любовь, она безпредѣльна, какъ море синее, какъ небо голубое.... никто больше меня не будетъ любить тебя, никто нѣжнѣе меня

не приголубить тебя на своей груди.... князь! Солнце красное и ходить никогда назадъ, такъ и моя любовь къ тебѣ; разлюбилъ тебя я не могу... я вся твоя теперь, только помни, князь, что я одна должна принадлежать тебѣ,—люби и губи меня одну, а если я узнаю, что у тебя найдется другая сердечная, ну тогда не гнѣйся на меня, мщеніе мое будетъ велико.... своими руками тогда я задую и тебя и мою лиходѣйну, да передъ смертью твоею я еще потѣшусь надъ тобой, сколько будетъ мнѣ угодно... помни же это, князь, — сказавъ это, она бросилась не шедъ къ Ягайлѣ.

Вдругъ Ягайло вскрикнулъ,—какъ будто бы змѣей ужаленный и блѣдный какъ смерть, отскочилъ отъ Пояты.

— Что съ тобой, князь? Спросила изумлѣнная Поята.

Но Ягайло съ трудомъ переводилъ духъ и рукою показывалъ на истуканъ Перкунуса.

— Что, что? говори, спрашивала Поята.

— Я видѣлъ....—началъ Ягайло дрожащимъ голосомъ,—мнѣ показалось, что этотъ чурбанъ открываетъ ротъ и что-то говорить... А въ глазахъ его огни какіе то свѣтились, ну вотъ я и испугался,—заклучилъ блѣдный Ягайло.

Поята отъ такого признанія разразилась звонкимъ веселымъ смѣхомъ.

— Небойся князь,—сказала она, цѣлуя Ягайлу. Наши боги говорить не умѣютъ. А если и говорятъ такъ устами людей, съ этими словами она подошла къ идолу Перкуну и нѣсколько разъ ударила его по головѣ и лицу.

— Видишь, князь,—наши боги не обижаются, гдѣ же имъ говорить, когда они сдѣланы руками человѣческими. Это тебѣ такъ почудилось, добавила Поята, подходя къ Ягайлѣ.

— Поята,—голубушка моя! Не знаю почудилось мнѣ или нѣтъ, только я видѣлъ.... мнѣ страшно здѣсь въ этой хранилѣ.... сказалъ Ягайло, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Со мной тебѣ страшно?! Спросила Поята, тономъ — не то насмѣшливымъ, не то удивленнымъ.

— Вотъ что, Поята... пойдѣмъ отсюда...

— Куда?

— Куда хочешь.... въ рошу, а нѣтъ, такъ пойдѣмъ въ мой покои...

— Какъ—къ тебѣ! а сторожевыя увидятъ, а Зничъ безъ меня погаснетъ?!.. Что ты князь!?!

— Сторожевыя не увидятъ, я хожу сюда черезъ нашъ особый княжескій ходъ, который сдѣлалъ мой дѣдъ Гедининъ, а у Знича посидитъ мой конюшій, дядька Войдыло.

— Какой Войдыло?

— Войдыло, мой конюшій—дядька... Онъ здѣсь со мною, у входа въ храмину стоитъ; хочешь я его крикну?

— Зачѣмъ?

— А зачѣмъ, чтобы онъ покаралъ Зничъ, пока мы сходимъ съ тобою....

— Что ты, князь, зачѣваешь.... Вѣдь за это меня сожгутъ, если узнаютъ.

— Не узнаютъ, не бойся, неужели я тебѣ зла желаю?

— А почему я знаю, чего ты мнѣ желаешь; можетъ статься у тебя не доброе на умѣ, сказала Поята, смотря пристально въ глаза Ягайлѣ.

— Такъ ты не вѣришь моей любви? Спросилъ Ягайло тономъ обиженнаго.

— Да ужъ не знаю какъ тебѣ сказать...

Наступило молчаніе, оба смотрѣли другъ на друга.

— Пойдемъ, шепнулъ Ягайло, привлекая Пояту къ себѣ.

— Пойдемъ, отвѣчала она тоже шопотомъ.

— Куда же,—ко мнѣ въ покои или въ рощу?

— Эхъ! да куда хочешь.... я твоя раба....

— Войдыло!.. крикнулъ Ягайло..

Войдыло черезъ минуту стоялъ уже передъ своимъ княземъ.

— Я передъ тобой, княже, сказалъ онъ порусски, дѣлая поклонъ.

— Побудь здѣсь пока мы сходимъ, да посмотривай въ Зничъ, чтобы онъ не погасъ, подкладывай въ него топлива, вонъ дубовыя дрова лежатъ, ихъ и подкладывай въ огонь,—приказывалъ Ягайло своему конюшему.

Войдыло съ ужасомъ обвелъ глазами всю храмину.

— Ты не пугайся, мы будемъ здѣсь по близости,—замѣтилъ. Ну скинь-ка свой кожухъ да шапку, добавилъ онъ.

Войдыло повиновался: снявъ кожухъ и шапку, онъ положилъ ихъ у ногъ своего князя.

— Теперь сними съ меня мой кожухъ, сказалъ Ягайло.

Войдыло и это исполнилъ.

— Поэта! Сними съ себя свой вѣнокъ и бѣлое покрывало и отдай ихъ моему конюшему, пусть онъ надѣнетъ ихъ, пусть на нынѣшнюю ночь онъ сдѣлается войделоткой, да ужъ и зеленый передникъ съ дѣвичьими колокольчиками отдай ему, а то по звуку ихъ узнаютъ мои спальники, что ты переодѣтая войделотка... на себя же надѣнь мой кожухъ и шапку, а я надѣну Войдыловъ кожухъ, продолжалъ приказывать Ягайло.

Все это было скоро исполнено, Поэта была въ кожухѣ и шапкѣ Ягайлы, — послѣдній былъ въ костюмѣ своего конюшаго, а Войдыло машинально надѣлъ на себя дубовый вѣнокъ съ бѣлымъ длиннымъ покрываломъ и подвязалъ зеленый передникъ съ дѣвичьими бубенчиками. Ягайло и Поэта, взглянувъ на него, громко засмѣялись, отчего Войдыло сдѣлалъ кислую гримасу.

— Ну ты смотри же, за огонь, а мы скоро придемъ.... сказала Ягайло конюшему и, обнявъ Поэту, началъ сходить съ ней по ступенькамъ съ жертвенника, а потомъ обое скрылись въ темномъ выходѣ изъ храма.

Войдыло остался одинъ въ капищѣ. Сначала онъ долго стоялъ молча, смотря въ слѣдъ ушедшимъ; но потомъ нерѣшительно и робко обвелъ глазами жертвенникъ, изъ нищъ котораго грозно смотрѣли на него идолы. Страхъ овладѣлъ имъ при видѣ литовскихъ языческихъ истукановъ: Перкууса, Атримпоса и Пеклоса—тѣмъ болѣе, что каждый изъ этихъ истукановъ бросалъ отъ Зничта самны уродливыя тѣни,—которыя черезъ движеніе пламени волнообразно качались. У Войдыло отъ этого занимался духъ, а трескъ, производимый топливомъ въ Зничѣ,—заставлялъ его вздрагивать.

— Успариня *) милостивая! борони меня, прошептала Войдыло, испуганно водя глазами.

Но оставимъ его пока въ капищѣ, а сами послѣдуемъ за нашими героями.

Выйдя изъ храма Перкууса, Ягайло еще крѣпче обнялъ Поэту.

— Куда же мы съ тобой пойдешь? Соросилъ онъ.

— Куда хочешь, я все твоя, отвѣчала Поэта.

*) Успариня богиня неприкосновенности.

— Пойдемъ ко мнѣ въ покои , а те во святой роцѣ насъ могутъ увидѣть.... Сторожа въ ней есть, говорилъ Ягайло.

— Бѣ тебѣ такъ къ тебѣ, пойдемъ, сказала Полята. Оба молча и тихо пошли по направленію къ княжескому терему. Подойдя къ стѣнѣ , которая отдѣляла Ромнова отъ княжескихъ палатъ, Ягайло постучалъ въ желѣзную дверь, она отворилась и на порогѣ длиннаго корридора явился спальникъ княжескій , съ тонкой зажатой смолистой головней , свѣту отъ которой едва хватало на нѣсколько шаговъ, за то дыму было отъ нея вдоволь. Весь корридоръ былъ наполненъ смолистой удушливой гарью. Видно было, что спальникъ давно дожидался своего князя.

— Потуши головню и ступай зажги ночники въ мои покои, да приди сюда сказать, какъ зажжешь, сказалъ Ягайло своему спальнику.

Послѣдній потушилъ головню и тихо побѣжалъ по корридору. Ягайло съ Полятой сдѣлали нѣсколько шаговъ.

Спальникъ не заставилъ себя долго ждать. Потихоньку вбѣжавъ въ корридоръ, онъ доложилъ, что ночники уже зажжены.

— Иди впередъ, указывая дорогу, приказалъ Ягайло спальнику.

Спальникъ повиновался, за нимъ пошли почти оцупью Ягайло и Полята. Выйдя изъ корридора они очутились на княжескомъ дворѣ, гдѣ господствовала могильная тишина, по временамъ нарушаемая окликами дозорныхъ. Какъ ни темна была ночь , но тѣмъ не менѣ княжій теремъ, съ его безчисленными службами, рѣзко обозначался на темномъ фонѣ подножія замковой горы.

— Вонъ тамъ живетъ матушка княгиня, шепнулъ Ягайло Полятѣ, показывая рукою на верхъ терема, откуда, изъ небольшого окна, мерцалъ тусклый свѣтъ лампы. Тамъ ея молельня, добавилъ онъ же.

Полята молча взглянула сперва на то мѣсто, куда указалъ Ягайло, а потомъ на небо, темный плафонъ котораго весь былъ испещренъ звѣздами; съ горъ дунулъ легкій вѣтерокъ, пропитанный благовонными травами. Войделотѣ сдѣлалось легко на сердцѣ, какъ будто бы она совсѣмъ отрѣшилась отъ языческаго міра , какъ буд-

то бы милый Ягайло на вѣки вѣчныя похитилъ ее изъ ненавистнаго ей храма Церкунуса.

— А вонъ красное крыльцо, на которомъ была моя пострига... Помнишь ты еще поцѣловала меня? Шопотомъ обратился Ягайло къ Поятѣ.

— Помню, прошептала она.

Но не буду утомлять читателя описаніемъ какъ наши герои добрались до покоевъ, скажу только что они пришли въ теремъ черезъ туинское крыльцо, расположенное позади терема противъ замковой горы. Взойдя на крыльцо, спальнигъ отперъ ключомъ двери и, пропустивъ въ нихъ Ягайлу и Пояту, снова заперъ ихъ.

— Ты побудь здѣсь и коли что услышишь прибѣги ко мнѣ и извѣсти, сказалъ Ягайло, обращаясь къ спальнику.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по темному и довольно узкому корридору, Ягайло отворилъ дверь гдѣ горѣли два ночника и, пропустивъ Пояту, заперъ ее на большой кругъ.

Вотъ описаніе: довольно длинная комната, съ одной дверью, съ тремя узенькими окнами; стѣны въ иныхъ мѣстахъ обиты разноцвѣтными тканями, а въ иныхъ медвѣжьими кожами, поверхъ которыхъ висѣло разное оружіе. Противъ входа въ углу находилась божница, въ которой помѣщались одна на другой иконы святыхъ въ серебряныхъ ризахъ, передъ иконами висѣла лампада. У божницы стоялъ столъ, на которомъ помѣщались ендова съ штемпемъ и одинъ ночникъ.

— Вдоль стѣны стояли во всю длину комнаты скамейки, покрытыя парчами. На лѣво отъ входа помѣщалась лежанка, укрятая пушыстыми медвѣдями, лебедиными подушками и парчевымъ одѣяломъ, съ гарностаевымъ подбоемъ. Еще далѣе въ уголъ находилась довольно неуклюжая печь, съ какими то затѣйливыми узорами. Между печью и лежанкой стоялъ большой сундукъ на немъ тоже стоялъ ночникъ.

Сначала мои герои молчали. Поята кидала взоры на покои Ягайлы, а послѣдній любовался Поятой, которая, въ мужескомъ боухѣ и мужеской шапкѣ, казалась еще милѣе.

— Какъ хорошо у тебя въ покоѣ, князь, прервала молчаніе первая Поята, бросая робкій взглядъ на Ягайлу.

— А я вот смотрю и люблюсь тобою, Пюта, замѣтилъ ей Ягайло голосомъ полнымъ страсти.

— Ну полно же тебѣ хвалить меня, ты меньше хвали да больше люби, продолжала Пюта.

— Ты слышишь, какъ шибко бьется мое сердце? спросила она у него.

— Слышу, отвѣчалъ онъ; отъ чего это?

— Не знаю... Вѣрно передъ бѣдою.

— Передъ какою бѣдою?

— Узнають, провѣдаютъ, что я была у тебя; что я люблю тебя и сожгутъ меня безъ всякой пощады, восточки мои превратятъ въ прахъ и прахъ этотъ развѣютъ по вѣтру... Да и за дѣло! не давай волю своему сердцу, любила бы какого нибудь войделота, а то нѣтъ... какъ нарочно князя полюбила, говорила Пюта.

— Не бойся Пюта, ни кому не дамъ я обидѣть тебя, за тебя я все Ромнове съ криве-кривейтомъ сожгу, а тебя не выдамъ...

— Что жъ тебѣ? ты вѣдь не мужъ мнѣ?!...

— Не мужъ, а князь! ударя на послѣднемъ словѣ, отвѣчалъ Ягайло.

— Ну вотъ за любовь къ князю-то меня и сожгутъ, замѣтила ему Пюта.

— Да вѣдь войделотеѣ ни кого нельзя любить, ни князя, ни холопа?...

— Да, вотъ отъ того то твоя защита и напрасна будетъ...

— Не бойся, Пюта, узнать не кому, Войдыло за меня умретъ скорѣе, чѣмъ скажетъ, а спальникъ почему вѣдаетъ, кто у меня былъ?

— Эхъ, голубчикъ мой! Злыхъ людей много на свѣтѣ... Вотъ если бы я твоей женой была, тогда у меня не билось бы такъ шибко сердце, не боялась бы я кровопійцы криве-кривейта, а голубила бы тебя моего сокола яснаго, миловала бы, цѣловала, да такъ крѣпко, крѣпко, что земля бы ходенемъ ходила... Ну да что я безумная говорю!?! Ты не сердись, князь на мои рѣчи, я не помню что говорю... Гдѣ ужъ мнѣ быть женой твоей, говорила Пюта.

Ягайло задумался.

— Придетъ же на умъ такая небыллица! продолжала Пюта, какъ будто бы пѣняя на себя. Ягайло вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— А вѣдь будетъ у тебя и жена княгиня, роду знатнаго, не такая безродная, какъ я, и будешь ты ее холить и лелѣять, а любить то она тебя такъ какъ я не будетъ...

— Поята! знаешь что я тебѣ скажу? перебилъ ее Ягаило.

— А что? Спросила она, пытливо смотря на Ягаило.

— Ты будешь моею женою, торжественно сказалъ онъ.

— Князь! не обижай меня.... Неужели тебѣ весело тѣшиться моею любовью? Вѣдь ты самъ знаешь лучше меня, что не женишься на мнѣ; за чѣмъ же смѣешься? Ты думаешь, что если не женишься на мнѣ, то я разлюблю тебя, и поэтому увѣраешь, что будешь моимъ мужемъ; но не бойся, князь, разлюбить тебя не во власти моей... Я и такъ раба твоя, не обижай же меня.

Ягаило вскочилъ съ лежанки и, взявъ Пояту за руку, подвелъ къ божницѣ.

— Поята! я христіанинъ греческаго закона, и клянусь тебѣ крестомъ животворящимъ и пресвятой Богородицей, что ты будешь женою моею.... Пусть покараетъ меня господь Богъ, если я нарушу свою клятву.... Сказавъ это, онъ перекрестился и приложился ко кресту и иконѣ, потомъ въ короткихъ словахъ, но горячо и порывисто, сталъ доказывать Поятѣ правоту своей клятвы. Меня мать моя княгиня любить и черезъ нее я все сдѣлаю, что только захочу.... Возьмемъ тебя изъ этого проклятаго Романа, и ты будешь моею женою.... Только тебѣ придется тогда принять христіанство по греческому закону.... Ты согласна?

Въ словахъ Ягаилы столько было правды и искренности, что Поята по неволѣ сказала: согласна. Послѣ чего оба бросились въ объятіи другъ друга. Какъ тотъ такъ и другой были совершенно увѣрены, что счастье ожидаетъ ихъ.

Теперь попрошу читателя обратиться къ оставленному нами въ языческомъ храмѣ Войднйлѣ.

— «Успаринія милостивая! шепталъ Войднйло, тоскливо смотря на входъ храма куда скрылись Ягаило и Поята, что это они такъ долго нейдутъ, думалъ онъ и сердился на своего князя. Время между тѣмъ шло впередъ; съ теченіемъ времени толпило въ Зничѣ убавлялось и пламя гасло. Войднйло только тогда вспом-

шелъ о приказаніи своего князя, когда въ Зничѣ по краснымъ у-
ольямъ обѣгали голубовато-зеленые огоньки, то есть когда чрезъ
Поюту Зничу второй разъ приходилось потухнуть. Тутъ онъ схва-
тилъ нѣсколько дубовыхъ полѣньевъ и бросилъ въ огонь. Въ это
время, позади себя онъ услышалъ: не то шумъ, не то стукъ какой
то. Онъ былъ вполне увѣренъ что шумъ этотъ производятъ воз-
вращающіеся Ягаило и Поюта и поэтому, сдѣлавъ веселую фи-
зиономію, обратился назадъ и, о... ужась!... вмѣсто ожидаемыхъ
онъ видитъ, что главный богъ Первунушъ страшно щелкаетъ зу-
бами, въ глазахъ же свѣтятся какіе то огоньки....

У Войдыло отъ испуга лицо исказилось, духъ захватило и
на головѣ буквально всталъ дыбомъ волосъ. Онъ хотѣлъ кри-
чать, но не могъ. Ноги измѣнили ему и онъ упалъ на колѣна пе-
редъ истуканомъ.

— Войдыло! слышалось изъ истукана. Ты великій грѣш-
никъ и достоинъ лютой смерти, но я тебя прощаю и милую; толь-
ко поклонись моимъ отцомъ,—богомъ боговъ нашихъ, справедли-
вымъ Прамжинасомъ, что ты исполнишь то, что я скажу тебѣ,—
говорилъ истуканъ какимъ то адскимъ шепотомъ.

— Клянусь!... клянусь!.. клянусь! поспѣшно повторялъ Вой-
дыло, держа правую руку на затылкѣ, по литовскому обычаю во-
время клятвы.

— Смотри же, грѣшникъ, если не исполнишь, то я пошлю на
тебѣ черную смерть и ты оболѣешь въ страшныхъ мученіяхъ.

— Исполню... исполню.... шепталъ несвязно Войдыло.

— Скажи своему князю Ягаилѣ, что у него есть сынъ, кото-
рый находится у колдуньи въ Трокахъ, пусть онъ навѣститъ его
и узнаетъ о его судьбѣ злосчастной.... Колдунья эта живетъ въ
мертвомъ оврагѣ, гдѣ стоитъ одинъ единешенекъ дубъ кудря-
вый, на немъ гнѣздо аиста, подъ дубомъ черный воронъ, а во-
кругъ дуба сплошной кустарникъ по всему оврагу. Когда онъ у-
слышитъ, что его кто то зоветъ,—пусть скажетъ свое имя и кол-
дунья выйдетъ къ нему.... Смотри же, Войдыло, исполни мою во-
лю, продолжалъ истуканъ.

— Исполню.... исполню... потверждалъ Войдыло.

— А если спросить у тебя Ягаило: отъ какой несчастной дѣ-

вицы этотъ сынъ ? то ты отвѣчай: отъ той, которая въ былое время вѣнки изъ васильбовъ ему дарила. Смотри же не забывай въ чемъ поклялся мнѣ. Сказавъ это, истуканъ замолокъ, огоньки бѣгавшіе въ глазахъ его пропали.

— Не забуду, не забуду.... говорилъ Войдыло, со страхомъ смотря на Перкунуса.

Онъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ, да и неудивительно: по его суевѣрной натурѣ и полу языческимъ понятіямъ ему казалось, что это говорить самъ богъ, а онъ первый разъ въ жизни бѣсѣудеть съ богомъ, да еще съ самымъ страшнымъ изъ нихъ. Критически отнестись къ такому явленію онъ никакъ не могъ. Да и будь на его мѣстѣ, самый рыцарскій того времени христіанинъ,—богатырь душой и тѣломъ, и тотъ бы счелъ это за дьявольское наваждение. Равнодушнымъ и спокойнымъ къ этому мнимому чуду могъ быть только тотъ, кто посвященъ былъ во всѣ тайны языческаго міра.

Когда смолкъ истуканъ, Войдылѣ сдѣлалось еще страшнѣе, ему казалось, что другіе боги сойдутъ съ мѣстъ своихъ и начнутъ говорить съ нимъ. Каждый шорохъ заставлялъ его трепетать, даже легкій звонъ дѣвичьихъ колокольчиковъ и бубенчиковъ на зеленомъ передникѣ пугалъ его....

Ягаило и Поята, возвратившись въ капище застали Войдылу на колѣнахъ передъ истуканомъ.

— Что ты это Войдыло, жертву что ли приносишь богамъ!? замѣтилъ ему шутя Ягаило.

Но Войдыло, едва переводя духъ, всталъ на ноги. По лицу его замѣтно было что онъ радъ приходу своего князя. Испугъ и ужасъ смѣнились какою то идиотскою улыбкой.

Поята сняла кожухъ и шапку и одѣлась опять войделоткой, Ягаило надѣлъ свое платье, а Войдыло свое.

— Ну прощай, Поята, сказалъ Ягаило, цѣлуя Войделотку.

— Прощай, отвѣчала она тѣмъ же, перекрести меня. Ягаило осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ, и они растались. Войдыло послѣдовалъ за своимъ княземъ.

— Прощай, шепнула Поята, находясь на жертвенникѣ, въ слѣдъ уходящимъ.

— Прощай, отвѣчала Ягайло на порогѣ храма.

Оставшись одна, Поята погрузилась въ мечтанія. Лице ея пылало счастьемъ и радостью. Выходя изъ мечтаній, она подошла къ одной нишѣ, въ которой помѣщалась богиня Мильда.

— О, Мильда! Мильда! Благодарю тебя.... сказала Поята голосомъ полнымъ нѣги и довольства.

Едва только она успѣла докончить свою послѣднюю фразу, какъ позади ея послышался сдержанный хохотъ; Поята оглянулась.

— Благодари, благодари Мильду, за то что она прибавила тебя къ счету любовницъ Ягайлы, сказалъ какой то женскій голосъ, выходящій изъ усть Перкунуса.

Поята выпрямилась всѣмъ корпусомъ, лице ея запылало гнѣвомъ и презрѣніемъ; это была сама оскорбленная богиня.

— Кто захотѣлъ подсматривать за мною?... Кто влѣзъ въ этотъ бездушный скверный истуканъ? спросила она голосомъ полнымъ негодованія.

— Я... Ригальда... Захотѣлось мнѣ полюбоваться на твое счастье, отвѣчала съ желчью Ригальда изъ истукана.

— Проклятая!!! прошептала Поята, отворачиваясь отъ истукана.

С. Калужинъ.

(Продолженіе впрѣдъ).

ОТЪѢЗДЪ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО АРХІЕПИСКОПА МИХАИЛА.

(бывшаго минскаго и бобруйскаго) изъ епархіи и освященіе
нимъ въ м. Стволовичахъ церкви, устроенной изъ костела.

12-го сего іюня высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Михаилъ совершенно оставилъ минскую епархію, въ которой онъ двадцать лѣтъ *право правилъ слово* Христовой истины. Съ невыразимой скорбію вся минская паства приняла вѣсть объ увольненіи его, ради разстроеннаго здоровья, на покой, съ такою же скорбію она и прощалась съ нимъ.

Едва только узнало духовенство, что ревностный и добрый его архіепастырь оставляетъ свой постъ, какъ единодушно и еди-

повременно поспѣшило съ заявленіемъ ему своей признательности за его милостивыя, ревностныя и богомудрыя дѣянія, вразумленія и наставленія, кои такъ обильно изливались на всю паству для утвержденія и распространенія въ ней православія, укрѣпленія народности русской и добра всѣхъ пасомыхъ, а паче духовенства. И вотъ что между прочимъ оно писало къ нему въ своихъ адресахъ. «Почти при самомъ твоёмъ вступленіи на кафедру минскихъ святителей, ты обратилъ заботливое вниманіе и на образованіе меньшей братіи твоей паствы и на усиленіе церковнаго проповѣдничества, и вотъ, тогда же, по указанію твоему открыты церковныя училища по всей твоей паствѣ, такъ что въ дѣлѣ этомъ ты далеко упредилъ всѣхъ архипастырей святой Руси, а жаждущая духовная нива съ полностію стала напаяваться и оживляться словомъ Божиимъ. Далѣе, ревнуя по православію и укрѣпленію русской народности, ты очистилъ храмы Божіи твоей епархіи отъ остатковъ уніатства, и изъ семействъ всей твоей паствы изгналъ языкъ польскій, какъ языкъ нашихъ недоброжелателей. Слѣдуй заповѣди Спасителя: *будите мудры яко змѣя*, ты такъ дѣйствовалъ, такъ поступалъ, что и инославные, враждебные православію владѣльцы, усердствовали въ устроеніи храмовъ и жилищъ для приставниковъ твоей паствы. Что же сказать о твоихъ архипастырскихъ посѣщеніяхъ твоей паствы, о твоихъ исхожденіяхъ, для освященія храмовъ Божіихъ? Ни старческія лѣта твои, ни недуги телѣсныя, ни трудность путей сообщеній, ни суровость погоды, ни что не могло удержать тебя отъ исполненія этого долга. А во время такихъ посѣщеній, съ какимъ усердіемъ, съ какою любовью ты научалъ твою паству всякому добру. Тогда, окруженный меньшими чадами своей паствы, жаждавшими отъ тебя слова назиданія и принять твое святительское благословеніе, ты по истинѣ являлся не только доблестнымъ архипастыремъ и учителемъ, но и любви обильнѣйшимъ отцомъ. Кто съ такимъ благопопеченіемъ призиралъ несчастныхъ вдовицъ, кто съ такимъ тщаніемъ и поспѣшествомъ отиралъ слезы непріютныхъ сиротъ, какъ ты, милостивѣйшій архипастырь! Ты устроилъ для себя вѣчный памятникъ въ минской епархіи открытіемъ училища для дочерей нашихъ, и въ этомъ дѣлѣ, и на этотъ предметъ ты не щадилъ ни твоихъ трудовъ, ни матеріальныхъ пособій изъ своихъ небогатыхъ средствъ. Вотъ явныя твои дѣянія и благотворенія, милостивѣйшій архипа-

стирь; а кто вѣсть тайны, извѣстны только Богу твои благо-творенія, явленныя тобою чадамъ твоей и не твоей паствы и со-стоявшія: то въ наставленіи на путь истины и добродѣтели, то въ призываніи къ истинной вѣрѣ, то въ посильныхъ подаяніяхъ, нуж-давшимся въ матеріальной и моральной помощи. Да, дѣятельность твоя была многосложна и многоплодна, въ продолженіи твоего двадцатилѣтняго предстоительства церкви минской, ты явилъ себя истиннымъ святителемъ церкви православной, самымъ вѣрнымъ подданнымъ Вѣнцесла русскаго и горячо любящимъ общее оте-чество наше Русь святую.»

Такъ мыслила, такъ чувствовала минская паства предъ своимъ архипастыремъ при вѣсти о разлукѣ съ нимъ. И подлинно: она всегда и во всемъ видѣла въ немъ пастыреначальника ревностнаго, руководителя богомудраго и отца благочестивѣйшаго; естественно, разлука съ нимъ должна была сопровождаться скорбію и слезами.

По полученіи увольненія, архипастырь Михаилъ тотчасъ оста-вилъ управленіе епархіею, но, оставаясь въ кафедральномъ городѣ еще почти четыре мѣсяца, онъ всякій праздничный и воскресный день священнодѣйствовалъ, рукополагая въ диаконы и іереи; а так-же выѣзжалъ въ уѣзды для освященія церквей. Последнее бого-служеніе онъ совершилъ въ Минскѣ 2 сего іюня.

Мы не въ состояніи выразить словами подробностей тяжелаго прощанія съ своимъ приснопамятнымъ архипастыремъ градскаго ду-ховенства, православнаго и инославнаго минскаго общества, воспи-танниковъ и воспитанницъ духовныхъ учебныхъ завѣденій; это можетъ быть изображено только краснорѣчіемъ рыданій, вздоховъ и слезъ.

Напутствуемый благожеланіями бывшихъ своихъ пасомыхъ, 8 числа, послѣ ранней литургіи, архипастырь оставилъ г. Минскъ, сопровождаемый важнѣйшими чиновными лицами и кафедраль-нымъ протоіеремъ, и отправился на мѣсто своего покоя въ м. Жи-ровицы, славное чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, гдѣ поч-ти тридцать лѣтъ тому назадъ, онъ еще въ санѣ протоіерея, подъ руководствомъ доблестнаго первосвятителя виленскаго, вмѣстѣ съ прочими дѣятелями возсоединенія уніатовъ, столь ревностно тру-дился въ дѣлѣ обновленія церкви литовской. По пути слѣдованія, архипастырь былъ встрѣчаемъ народомъ и духовенствомъ съ кре-

стами; благословляя всѣхъ, онъ благодарилъ за любовь и вниманіе къ нему и вездѣ назидаль словомъ своимъ.

9 іюня преосвященнѣйшій Михаилъ освятилъ церковь въ м. Мирѣ, гдѣ стеченіе богомольцевъ было такъ велико и желаніе ихъ принять послѣднее благословеніе и назиданіе отъ любимаго архипастыря такъ усердно, что высокопреосвященнѣйшій, долженъ былъ часа два преподавать благословеніе, со слезами и рыданіями прощающимъ пасомымъ бывшей своей паствы. 10 числа вечеромъ архипастырь прибылъ въ м. Стволовичи для освященія церкви, устроенной изъ костела. Тутъ, множество народа чиновныхъ лицъ Новогрудскаго уѣзда и духовенство стволовичскаго благочинія, обще съ уѣзднымъ и кафедральнымъ протоіереями, встрѣтило его, съ рвѣчью, въ коей ораторъ между прочимъ выразилъ чувства скорби и признательности и просилъ отъ лица всей минской паствы благословенія и молитвъ, чтобы минская паства всегда была таковою, каковою онъ желалъ видѣть ее, когда держалъ въ рукахъ своихъ кормило ея церкви. На это привѣтствіе архипастырь отвѣчалъ словомъ благодаренія и молитвеннымъ пожеланіемъ, чтобы минская паства болѣе и болѣе усовершенчалась въ хожденіи по пути добродѣтели, чтобы въ ней укрѣпилась народность русская и распространялось православіе и чтобы она всегда свято соблюдала обязанности свои въ отношеніи къ Государю Императору и отечеству.

Прослушавъ всенощное богослуженіе, архипастырь отправился на ночлегъ въ домъ мирового посредника М. Н. Алмазова, откуда на другой день въ 10 часовъ прибылъ къ богослуженію. Нужно замѣтить, что къ торжеству освященія храма подоспѣло торжество внесенія въ оный Царскаго дара, — святой иконы. Прежде чѣмъ прибылъ въ имѣющій освящаться храмъ архипастырь, все духовенство, во главѣ кафедральнаго протоіерея, въ полномъ облаченіи, съ крестами и хоругвями, отправилось въ старую церковь за святою иконою. Едва архипастырь вступилъ въ храмъ, какъ, при обратномъ шествіи крестнаго хода, принесена туда была святая икона. Въ мантии и съ посохомъ, маститый архипастырь встрѣтилъ ее въ дверяхъ храма, и, поклонившись благоговѣнно предъ нею, принялъ ее изъ рукъ колѣно-преклоненныхъ г. Алмазова и мѣстнаго старшины. Это была умилительно торжественна минута. Святая икона положена архипастыремъ на приготовленномъ, для

нея нарочито и богато украшенномъ мѣстѣ, при пѣвнн, Тропаря: *Спаси Господи люди Твоя*, и за тѣмъ началось освященіе храма. Нѣтъ нужды описывать величественный крестный ходъ за святыми мощами въ старую церковь: это знаетъ у насъ почти всякій простолудникъ; ибо въ мѣстности нашей освященіе церквей очень часто совершалось усерднѣйшимъ изъ архипастырей. Послѣ освященія церкви и многолѣтія Государю Императору, совершена божественная литургія въ сослуженіи трехъ протоіереевъ и одного священника, при окончаніи которой, въ обыкновенное время, произнесено слово, приличное торжеству, въ которомъ между прочимъ, сказано, что этотъ костель въ м. Стволовичахъ именно построень былъ только на гибель православія.

По окончаніи богослуженія, выходъ архіерейскій продолжался необыкновенно медленно; каждый желалъ принять благословеніе снѣтительское, а богомольцевъ было весьма много; неутомимый архипастырь всѣмъ преподалъ и благословеніе и назиданіе.

Архипастырю, всему духовенству и прочимъ почетнымъ богояльцамъ обѣдъ предложенъ былъ мѣстнымъ посредникомъ М. Н. Алмазовымъ, усерднымъ дѣятелемъ по устройству новоосвященнаго храма. За обѣдомъ высокопреосвященнѣйшій предложилъ тостъ за здравіе Государя Императора, при чемъ все духовенство пропѣло: *многая лѣта*, а пѣвчіе колпеницкаго училища обще съ г. дѣвничимъ Алексѣевымъ исполнили народный гимнь. Послѣ сего г. Алмазовъ сказалъ рѣчь, въ коей живо изобразилъ какъ важность торжества и радости по случаю бывшаго въ тотъ день освященія храма, такъ и скорбь и сѣтованіе по случаю отбытія архипастыря, столь много потрудившагося для блага церкви и торжества православія въ минской епархіи. Глубокоотрогательна была эта рѣчь: она у многихъ исторгала слезы, которыя, впрочемъ, и сами неволью исторгались изъ глазъ при мысли о разлуцѣ съ добрымъ архипастыремъ. Въ заключеніе г. Алмазовъ предложилъ тостъ за здравіе высокопреосвященнѣйшаго; духовенство и пѣвчіе пропѣли: *многая лѣта*. По окончаніи обѣда, въ домѣ г. Алмазова, простились съ архипастыремъ всѣ тутъ бывшіе; слезы и вопли загладили слова и выраженія. Загѣмъ архипастырь отправился на ночлегъ въ домъ мѣстнаго благочиннаго протоіерея Савича. Прѣзжая чрезъ м. Стволовичи, высокопреосвященный заѣзжалъ

прощаться съ пѣвческимъ хоромъ своимъ, еще неуѣхавшимъ оттуда: весь хоръ плакалъ навзрѣдъ при этомъ прощаніи.

При прощаніи архипастырѣ никого не оставилъ безъ слова любви и назиданія; но преимущественно наставленія свои обращалъ онъ къ духовенству, которое всегда было предметомъ особенной его заботливости, во все управленіе минскою епархіей.

На завтра, то есть 12-го іюня, духовенство стволловичскаго благочинія, уѣздный протоіерей, г. исправникъ и другія чиновныя лица, утромъ прибыли въ домъ протоіерея Савича, чтобы еще разъ взглянуть на архипастыря. Высокопреосвященный видимо былъ тронутъ этимъ выраженіемъ любви собравшихся и съ обычнымъ ему смиреніемъ, замѣтилъ, что онъ не надѣялся, чтобы бывшая его паства питала къ нему любовь въ такой мѣрѣ. Бесѣда впрочемъ не была продолжительна; время текло; скоро архипастырѣ слѣшилъ съ отъѣздомъ; и потому, поблагодаривъ собравшихся за вниманіе, преподавъ наставленія всѣмъ, а нѣкоторымъ — на память — и свои фотографическія карточки, послѣ закуски, собрался въ путь. Вотъ и экипажъ поданъ, и когда уже архипастырѣ собирался — помолиться предъ иконами, одинъ изъ священниковъ произнесъ прощальную рѣчь отъ лица всего духовенства, въ коей выразилъ и душевную признательность ему, за его доброту и благосердіе, явленное имъ въ теченіе двадцатилѣтняго предстоительства церкви минской и свидѣтельствовалъ словами св. Писанія предъ Богомъ и людьми, что онъ (архипастырѣ) *никого не обидѣлъ ниже насилствовалъ, ниже взялъ что отъ чіея руки*, что онъ *подвигомъ добрымъ подвизался*, и просилъ отъ лица всей минской епархіи прощенія, если кто чѣмъ хоть неумышленно погрѣшилъ предъ его святительствомъ. Архипастырѣ видимо былъ взволнованъ; обратясь къ оратору, онъ опять смиренно заявлялъ, что доброта его и заслуги слишкомъ преувеличены въ рѣчи, что духовенство и вся паства минская всегда будутъ ему присущи его сердцу и памяти, и что онъ объ нихъ никогда не перестанетъ возносить свои молитвы къ небесному пастыреначальнику. При этихъ словахъ плачь всѣхъ присутствующихъ смѣнился рыданіемъ, такъ что слова архипастыря были заглушаемы воплемъ прощавшихся. Архипастырѣ успѣшилъ преподать всѣмъ послѣднее благословеніе и оставилъ всѣхъ въ плачѣ и рыданіи. До рубежа минской епархіи еще привозжали его у-

ѣдный протоіерей, мѣстный благочинный, протоіерей Савичъ и г. исправникъ: они окончательно простились съ архипастыремъ въ Полонаѣ, откуда высокопреосвященнѣйшій отправился къ мѣсту своего покоя въ м. Жировицы.

Иди съ миромъ, добрый архипастырь! Двадцать лѣтъ ты право правилъ среди насъ слово Христовой истины, руководилъ нами и призиравъ насъ какъ почительнѣйшій отецъ. Мы никогда не забудемъ тебя, завѣщаемъ признательность къ тебѣ нашимъ дѣтямъ и внукамъ, и всегда будемъ умолять небеснаго Пастыреначальника, да приложитъ Онъ тебѣ еще дни на дни и лѣта на лѣта, да поживешь ты еще долго, тихо и мирно послѣ многолюднаго, многотруднаго и многолѣтнаго во Христѣ дѣланія въ церкви минской.

Священникъ Іаннуарій Наркевичъ.

26-го іюля 1868 г. Село Великіе

Луни, Новогрудскаго уѣзда.

Рѣчь, произнесенная 12 іюня 1868 года, при прощаніи съ архіепископамъ Михаиломъ (бывшимъ минскимъ и бобрѣйскимъ)

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Еще позволь намъ нѣсколько времени зрѣть тебя и сказать нѣсколько прощальныхъ словъ.

Четверть года миновала уже, какъ ты оставилъ управленіе, двадцать лѣтъ дѣльянной тобою, минской паствы. Ты знаешь, какими чувствами скорби и сѣтованія исполнилась вся эта паства при вѣсти о разлукѣ съ тобою. Она присылала тебѣ многія и многія писанія, въ конхъ заявлялась и скорбь о разлукѣ съ тобой, и признательность, и благодареніе, и благоговѣнное уваженіе къ тебѣ, какъ къ пастыреначальнику, ревностному руководителю, богомудрому и отцу сердобольнѣйшему. И подлинно, ты всегда являлъ себя таковымъ во все двадцатилѣтнее твое предстоительство церкви минской; и этими качествами прибралъ ту любовь, какую питаешь къ тебѣ вся минская паства. Преподержащая власть и священноначаліе отечественной церкви вполне признали и высоко

оцѣнили твои великіе труды и высокія заслуги для церкви минской, когда съ безпримѣрною щедростію обезпечили повою старческіихъ лѣтъ твоихъ, а дѣяпсатель минской церкви, надлежаше взвѣсивъ твои двадцатилѣтнія дѣянія, знаменательное имя твое, нѣкогда помѣститъ на ряду съ именами: Викторовъ, Серафимовъ Никаноровъ и другихъ ревностнѣйшихъ дѣятелей на ея духовной нивѣ.

Но вотъ милостивѣйшій архипастырѣ, послѣ толикихъ трудовъ твоихъ для блага минской паствы, ты уже въ настоящее время оставляешь ее совершенно, удаляешься отъ насъ навсегда, и мы переживаемъ теперь тяжкія минуты прощанья съ тобою, нашимъ возлюбленнѣйшимъ и благосерднѣйшимъ архипастыремъ.

Приснопамятный архипастырѣ! ты знаешь нашу скорбь, видишь наши слезы; мы сѣтуемъ неутѣшно о разлукѣ съ тобою, какъ сѣтуютъ и скорбятъ дѣти при разлукѣ съ добрѣйшимъ отцомъ.

И вотъ съ непритворными слезами, съ задушевною скорбію, мы прощаемая теперь съ тобою, и живо представляя твое благосердіе, предъ Богомъ и людьми, словами священнаго писанія, свидѣтельствуемъ, что ты во все время священноначальства твоего надъ нами, *не обидѣлъ еси насъ, ниже насильствовалъ еси намъ, ниже утѣснилъ еси насъ, ниже взялъ еси отъ руки чіея что*; что ты, во все время твоего предстоательства минской церкви, *подвигомъ добрымъ подвизался, вѣру соблюлъ*. И потому, мы недостойные, умоляемъ и умолять будемъ небеснаго Пастыреначальника да *соблюдется тебѣ вѣнецъ правды, со же да воздастъ ти Господь въ день оный, праведный судія*. *Поминайте наставники ваши*: научаетъ св. апостоль Павелъ. Но ты архипастырѣ не только былъ нашимъ наставникомъ: ты былъ нашимъ пастыреначальникомъ, руководителемъ, отцомъ и, смѣемъ сказать, другомъ. *О! прильни языкъ, забвена буди десница наша, аще не помянемъ тебя въ молитвахъ, если забудемъ тебя въ прошеніяхъ и моленіяхъ нашихъ! Такъ! молитесь о тебѣ и воспоминайте тебѣ есть и будетъ священная наша обязанность*.

Прими же, архипастырѣ добрый, эту скорбь нашу, эти слезы, эти молитвенныя пожеланія и молитвы, которыя несутся и будутъ нестись къ престолу Божію изъ признательныхъ къ тебѣ сердецъ,

прими, какъ дань душевной благодарности за твою доброту и благопопеченіе о насъ.

Сердце твое было всегда отверсто для насъ: для всякаго въ немъ было мѣсто и любви, и снисхожденію и состраданію. Но если въ нашихъ сердцахъ ты находилъ для себя тѣсноту, если въ комъ изъ насъ ты видѣлъ измѣнчивость, неблагодарность, или холодность и небреженіе о долгахъ и другіе недостатки, то просимъ тебя, милостивѣйшій архипастырь, прости намъ все это. Намъ никогда не забыть, какую обильною любовію покрывалъ ты и прощалъ многіе и многіе наши недостатки, покрой же ихъ и теперь своею любовію, прости и теперь всѣ наши согрѣшенія, въ отношеніи къ твоему святительству содѣянные. Съ словомъ мира и любви вступалъ ты на кафедру минскую, съ миромъ и любовію въ сердца и на устахъ да будетъ и исходъ твой съ оной.

Прости, прости, добрѣйшій нашъ архипастырь и отецъ, предаждь намъ еще благословеніе твое и помяни насъ грѣшныхъ и не достойныхъ въ святыхъ своихъ молитвахъ.

Священникъ Іаннуарій Наркевичъ.

ПОРЯДОКЪ ВЫНОСА ИКОНЫ ИЗЪ ХОЙНИКСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ СЕЛО ВЕЛИКІЙ-ВОРЬ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ ПОЖАЛОВАННОЙ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ ВЪ ТАМОШНЮЮ ЦЕРКОВЬ.

1868 года 25 августа.

1) Ко дню торжества, по предварительному соглашенію и оповѣщенію чрезъ мѣстнаго благочиннаго, придутъ въ м. Хойники гг. уѣздный исправникъ или его помощникъ, предѣдатель мирового съѣзда, мировой посредникъ, становой приставъ, ближайшихъ постовъ жандармы и сосѣднихъ волостей старшины съ должностными лицами и народомъ, а благочинный 24 числа привезетъ икону.

2) 25 августа, по окончаніи заутрени, икона изъ олтаря (съ св. престола) вынесена будетъ на средину церкви, для освященія оной. По освященіи провозгласится многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому; послѣ сего благочинный произнесена будетъ рѣчь. При пѣніи съ колѣноприклоненіемъ

ніемъ «подъ Твою милость» всѣ присутствующіе приложатся къ иконѣ.

Около 9-ти часовъ утра, св. икона подыметя благочиннымъ и, съ крестнымъ ходомъ, во главѣ благочиннаго и трехъ священниковъ, при колокольномъ звонѣ, обнесетя трижды вокругъ церкви съ осѣненіемъ оною предстоящихъ, и понесетя по пути въ село Великій-боръ. За мѣстечкомъ, болѣе версты, на полѣ, совершится краткое молебствіе, при осѣненіи св. иконою сопутствующихъ. Крестный ходъ возвратится обратно въ церковь, а благочинный и всѣ ему сопутствующіе, отправляются на экипажахъ въ дальнѣйшій путь. (Изъ м. Хойникъ въ с. Великій-боръ 18 верстъ).

4) За 5 версть отъ м. Хойникъ, жители деревни Небытова— въ полѣ встрѣтятъ икону съ хлѣбомъ и солью. Благочинный облачится въ эпитрахиль и ризу и осѣнитъ св. иконою народъ, къ коей онъ и приложится послѣ краткой эктеніи. Далѣе, при слѣдованіи иконы чрезъ деревню Куровое, жители ея тоже встрѣтятъ и приложатся къ иконѣ, такимъ же порядкомъ. За 4 версты отъ с. Великаго-бора жители деревни Руденьки (здѣсь есть еще четыре дома латинниковъ) также встрѣтятъ икону и приложатся къ ней. При семъ благочинный скажетъ нѣсколько словъ, въ назиданіе остающимся въ латинствѣ.

5) Отсюда нарочито наряженный отъ волостнаго управленія, отправится въ с. Великій-боръ съ извѣщеніемъ о приближеніи къ нему иконы. Священники (сколько ихъ будетъ) изъ церкви, при крестномъ ходѣ съ народомъ, отправятся за селеніе, около полуторы версты въ поле (подъ самый лѣсъ) и встрѣтятъ икону. Завидя крестный ходъ, благочинный облачится и съ сопутствующими ему, продолжаетъ шествіе. Осѣнивъ св. иконою, народъ соединяется съ великоборскимъ крестнымъ ходомъ и шествуютъ всѣ къ церкви, чрезъ селеніе, гдѣ противъ каждаго дома хозяева встрѣчаютъ св. икону съ хлѣбомъ и солью и погланиются до земли.

6) За порядкомъ шествія крестнаго хода и лицъ участвующихъ въ торжествѣ, будутъ наблюдать гг. уѣздный исправникъ или становой приставъ.

7) Св. икона обнесется вокругъ церквей старой и новоустроенной трижды, съ осѣненіемъ иконою народа и окропленіемъ св. водою. Предъ входомъ въ церковь мѣстнымъ священникомъ произнесена будетъ рѣчь, по окончаніи коей, благочинный передастъ священнику св. икону, при краткомъ назиданіи къ нему и прихожанамъ.

8) По входѣ въ церковь совершится обѣдница (ибо церковь и въ ней престолъ не устроены, но вскорѣ устроится, а въ новоустроенной, уже болѣе года какъ прекратились работы), а потомъ молебень съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому и прочимъ почину. Послѣ сего всѣ присутствующіе приложатся къ св. кресту и иконѣ съ пѣніемъ, при колѣноприклоненіи, «подъ Твою милость.» Сямъ закончится весь церемоніаль настоящаго торжества, участвующіе въ которомъ приглашены будутъ мѣстнымъ священникомъ на хлѣбъ и соль.

Церемоніаль этотъ выполненъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ.

9) О совершившемся настоящемъ торжествѣ, благочинный и г. исправникъ, донесутъ каждый по своему начальству, съ провожденіемъ копія сего церемониала. Независимо отъ сего напишется благодарственное письмо отъ жителей получившихъ Царскій даръ и лицъ участвовавшихъ въ торжествѣ и отошлется къ г. начальнику края, чрезъ посредство епархіального начальства.

Брагинскій благочинный священникъ *М. Еремичъ*.

м. Хойники 1868 года 24 августа.

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ЧЕТВЕРИКОВУ.

Отъ совѣта брагинской Николаевской церкви,
Рѣчицкаго уѣзда, мѣнской епархіи,

Поздравительный адресъ.

Совѣтъ сей церкви, съ восторгомъ прочиталъ публикацію въ газетахъ о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи Васъ съ потомствомъ Вашимъ, изъ почетнаго потомственнаго гражданства въ дворянское достоинство, въ отличіе васъ предъ вашими со-

гражданами, за разныя обильныя пожертвованія въ пользу церквей и народныхъ училищъ въ епархіи нашего бѣднаго западно-русскаго края, нѣкогда стонавшаго подъ игомъ латино-польско—пинско-ксензовскаго властительства.

Совѣтъ сей церкви, честь имѣетъ привѣтствовать васъ, достойно-чтимый благодетель нашъ Иванъ Ивановичъ, съ Монаршею милостію! Высоко-значительна въ жизни награда и благоволенію Царское; по несравненно выше и безцѣннѣе,— награда Царя небеснаго любящихъ благодѣіе Его св. храмовъ, и что важнѣе всего, безкровная жертва въ сихъ храмахъ, вами ущедренныхъ, имѣющая возноситься на олтаряхъ Господнихъ за васъ и потомство ваше, до скончанія вѣка.

Да будетъ же для васъ, награда земная, залогомъ награды небесной!

И въ нашемъ бѣдномъ околоткѣ, нѣкоторые изъ храмовъ Божіихъ, украшаются вашими приношеніями, а дѣти простолюдиновъ обучаются грамотѣ по даровымъ отъ васъ книгамъ. По нашей же минской епархіи во многія церкви высланы отъ щедротъ вашихъ утварныя и ризничныя вещи.

119-тъ лѣтъ вблизи нашего православнаго храма (на разстояніи шести саженой) гудѣлъ органъ въ латинскомъ костелѣ, заглушая по временамъ пѣніе въ церкви. И я многомогущій, председатель сего совѣта, 26 лѣтъ былъ оглушаемъ звукомъ органа, при разнаго рода панско ксензовскихъ проискахъ и утѣсненіяхъ (тревожившихъ сердце мое до 1864 года),—но не попустилъ ни одной овцѣ моего словеснаго стада заблудиться въ чужую ограду латинства.

Нынѣ, силою всемогущаго и всемилосерднаго промысла Божія, изъ сказаннаго костела, на добротныя пожертвованія, церковную сумму и занятія совѣтомъ 300 р. (еще не выплаченные), устроенъ теплый, скромный храмъ, во имя, новоявленнаго святителя и чудотворца Тихона Задонскаго. Это еще первый храмъ и въ нашей, и въ сосѣднихъ съ нами епархіяхъ, богатію Божіею освященный 13-го августа прошедшаго 1867 года, хотя еще и не совершенно оконченный 1), во имя

1) Снаружи не окрашена желѣзная крыша, стѣны и придѣлы и проч: на что потребно около 400 р. Предстоитъ вопіющая нужда въ приобрѣтеніи евангелія, дарохранительницы, на престолѣ-

сего святителя. Совѣтъ сей церкви несказанно радуется и новому храму, пачеже торжеству православія. Къ утѣшенію вашему, какъ щедрому благотворителю на благолѣпіе храмовъ, изъ латинскихъ костеловъ устроенныхъ и устрояемыхъ,—не лишнимъ считаемъ упомянуть, что по сосѣдству съ нами, еще устроятся четыре храмы: три каменные и одинъ деревянный, изъ латинскихъ костеловъ. Первый въ м. Юревичахъ 1), гдѣ находится мѣстно-чтимая чудотворная икона Божіей Матери,—два въ м. Хойникахъ 2), во имя Покрова Богородицы одинъ въ центрѣ мѣстечка, а другой на кладбищѣ Воскресенскій, при фундаментѣ коего въ нѣдрихъ земли покоится прахъ дочери, одного изъ потомковъ русскихъ, московскихъ князей Шуйскихъ (Игнатія), бывшей въ супружествѣ за литовскимъ вельможей, членомъ варшавскаго сейма—Карломъ Прозоромъ. Провидѣніе Господне предопредѣлило надъ прахомъ дочери православной отрасли, совершаться безкровной жертвѣ, во храмѣ православномъ. Четвертый храмъ, въ с. Великомъ-бору 3), гдѣ и жители приняли изъ латинства православіе въ числѣ 760 обоюго пола душъ. Здѣсь устрояется деревянный храмъ отъ правительства, но еще не оконченъ.

Неутѣшительно ли, и для васъ и для насъ такое преуспѣваніе православія? Но не подумайте, высокопочитаемый Иванъ Ивановичъ, что сей совѣтъ, только въ видахъ (нисколько, впрочемъ, непредосудительныхъ) полученія отъ васъ пособія для своей церкви пишетъ къ вамъ эти привѣтственные строки,

наго креста, запрестольнаго подсвѣчника, облачений на престолъ и на жертвенникъ и одного священническаго облаченія. Постройка храма уже стоитъ болѣе 2000 р.

1) Въ эту церковь высланы богатныя утварныя и ризничныя вещи, думаемъ, отъ вашихъ же щедротъ и усердія.

2) Еще въ 1860 году отъ щедротъ Государыни Императрицы присланы въ эту церковь нѣкоторыя утварныя и ризничныя вещи и книги; но не достаетъ паникадила, четырехъ лампадъ, напрестольнаго креста, подсвѣчника и двухъ священническихъ облачений,—свѣтлаго и траурнаго. Кладбищенская церковь никакихъ вещей не имѣетъ.

3) Въ 1866 году получены утварныя и ризничныя вещи и въ эту церковь чрезъ минскаго губернатора, несомнѣнно и отъ вашего усердія. Недостаетъ только паникадила, плащаницы и двухъ хоругвей.

совѣтъ между прочимъ пользуется только случаемъ сообщить вамъ для вѣщаго утѣшенія вашего, кое что о преуспѣяніи православія и въ здѣшной мѣстности.

Впрочемъ совѣтъ брагинской Николаевской церкви твердо увѣренъ, что религиозные чувства ваши и усердіе ко храмамъ Божиимъ—не угаснутъ въ душѣ вашей пока Господь продлитъ дни вашей жизни и потомства вашего, и подастъ вамъ благопотребное въ жизни сей, а еже къ будущей, то оно несомнѣнно приложится вамъ молитвами пастырей тѣхъ церквей, благодѣліе которыхъ вы возлюбили и не престаете любить.

Глубоко почитающіе васъ: предсѣдатель совѣта, брагинскій благочинный, священникъ *Максимъ Еремичъ*.

Потомъ слѣдуютъ подписи членовъ совѣта, волостнаго старшины и 7-ми старшинъ совѣта.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ПОѢЗДКА Г-НА ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА СЪВЕРО - ЗАПАДНАГО КРАЯ ПО МИНСКОЙ И ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНІЯМЪ.

По Минской губерніи.

Въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ пишутъ: 27-го августа, въ 11 часовъ вечера, въ г. Минскъ прибылъ генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ А. Л. Потаповъ, для обозрѣнія расположенныхъ здѣсь лагеремъ войскъ 30-й пѣхотной дивизіи, а также для ревизіи губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. На другой день, въ 9¹/₂ часовъ утра, его высокопревосходительство принималъ у себя гг. военныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ вѣренныхъ ему войскъ и православное духовенство. Затѣмъ, въ 10 часовъ утра, въ залѣ губернаторскаго дома, было общее представленіе всѣхъ гражданскихъ чиновъ, губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, болѣе 70 мѣстныхъ дворянъ, прибывшихъ изъ разныхъ уѣздовъ, городского головы съ депутатами отъ города и римско-католическаго духовенства. По окончаніи общаго представленія, его высокопревосходительство посѣ-

тилъ соборъ и оттуда отправился для обзорѣнія присутственныхъ мѣстъ, посѣтилъ въ этотъ день гимназію, училища, тюремный замокъ и другія городскія учрежденія, а въ 6 часовъ вечера сдѣлалъ обзоръ лагеря 30-й пѣхотной дивизіи, расположеннаго въ двухъ верстахъ отъ города.

29-го, утромъ въ 9-ть часовъ, былъ произведенъ смотръ войскамъ. Ясные дни, наступившіе послѣ недавно выпавшихъ дождей, благопріятствовали ученю и смотру. Послѣ 12-ти часовъ дня генераль-губернаторъ обзорѣвалъ городскую больницу и благотворительныя заведенія, военный госпиталь и остальные учебныя заведенія.

Съ наступленіемъ утра 30-го августа, по случаю тезоименитства Государя Императора и Наслѣдника престола, всѣ спѣшили въ соборъ, чтобы вознести теплую молитву за Ихъ здравіе и благоденствіе. Обойдя соборныя на соборной площади войска, главный начальникъ края поздоровался съ ними и затѣмъ отправился въ кафедральный соборъ. По окончаніи литургіи и молебствія, его высокопревосходительство, поздравивъ войска съ радостнымъ днемъ, произвелъ церковный парадъ съ церемоніальнымъ маршемъ, послѣ чего войска были угощаемы городомъ. Въ это время г. генераль-губернаторъ еще разъ поздравилъ войска съ тезоименитствомъ Государя Императора и Наслѣдника престола. Неумолкаемое «ура» со стороны войска и народа, окружавшаго всю площадь, было отвѣтомъ на привѣтственное слово его высокопревосходительства. Затѣмъ, обращаясь къ городскому головѣ и депутатамъ города, главный начальникъ края благодарилъ ихъ за радушный приемъ, оказанный ввѣреннымъ ему войскамъ. По окончаніи парада, его высокопревосходительство отправился въ губернаторскій домъ, у дверей котораго встрѣченъ былъ старшинами ближайшихъ волостей, принесшими ему поздравленіе съ высокаторжественнымъ днемъ отъ сословія крестьянъ. Въ залѣ губернаторскаго дома главный начальникъ края былъ встрѣченъ лицами всѣхъ сословій, собравшимися еще въ большемъ числѣ, чѣмъ 28-го числа, для принесенія поздравленія его высокопревосходительству съ тезоименитствомъ Государя Императора и Наслѣдника престола. Поблагодаривъ всѣ сословія за

выраженныя вѣрноподданнческія чувства, главный начальникъ края изволилъ объявить, что онъ будетъ имѣть счастье повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества Государа Императора и Его Высочества Государа Наслѣдника поздравительныя телеграммы. Эти телеграммы были слѣдующаго содержанія:

«Югемеймъ - Дармштадтъ». Генераль-адъютанту графу Адлербергу 2-му: 30-я пѣхотная дивизія, дворянство Минской губерніи, жители города Минска и служащіе, послѣ принесенія Господу Богу благодарственныхъ молитвъ, повергають къ стопамъ Его Императорскаго Величества, обожаемаго Монарха, свои вѣрноподданнческія поздравленія и пожеланія.»

«Петербургъ». Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу: 30-я пѣхотная дивизія, дворянство Минской губерніи и всѣ жители города, воздавъ Господу Богу благодарственныя мольбы, повергають къ стопамъ Вашего Императорскаго Высочества вѣрноподданнческія поздравленія.»

Въ 4 часа былъ торжественный обѣдъ у начальника губерніи, на которомъ провозглашены тосты: за здравіе и многолѣтіе Государа Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника престола и всего Августѣйшаго Дома, за благоденствіе горячо любимаго отечества и процвѣтаніе Минской губерніи. Музыка играла русскій народный гимнь, котораго торжественные звуки сливались съ громкими и единодушными «ура». Затѣмъ предложены слѣдующіе тосты: за здравіе г. министра внутреннихъ дѣлъ, Александра Егоровича Тимашева, главнаго начальника края, Александра Львовича Потапова, вновь назначеннаго епископа минскаго и бобруйскаго преосвященнаго Александра и г. начальника губерніи. Въ заключеніе былъ провозглашенъ тостъ г. исправляющему должность губернскаго предводителя дворянства, за здоровье находящейся за границею супруги главнаго начальника края, Екатерины Васильевны Потаповой, Высочайше назначенной главною попечительницею дѣтскихъ пріютовъ сѣверо-западнаго края. Во время обѣда прочтены были депеши, полученныя въ тотъ же день на имя губернатора изъ мѣстностей Минской губерніи, расположенныхъ по линіи телеграфнаго сообщенія: м. Влцка, городовъ Не-

свижа, Бобруйска, Слуцка, и Пинска. Въ нихъ жители, зная, что г. генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Потаповъ, въ день тезоименитства возлюбленнаго Монарха, находится въ г. Минскѣ, просили передать отъ нихъ его высокопревосходительству поздравленіе съ этимъ священнымъ и радостнымъ для Россіи днемъ. Въ 7 часовъ въ лагерѣ 30-й пѣхотной дивизіи происходила зоря съ церемонією, въ присутствіи главнаго начальника края и огромнаго стеченія народа. Для всѣхъ зрителей минута, когда войска были призваны «на молитву», была особенно торжественна. Огни замигались уже на протяженіи всего лагеря, и съ обѣихъ сторонъ, со стороны войска и народа, видно было, какъ осѣняли себя крестомъ здѣсь собравшіеся русскіе люди... освѣщеніе расло болѣе и болѣе, и наконецъ иллюминація вполнѣ освѣтила поле. Лагерь съ своими бѣлыми палатками, расположенными подъ навѣсомъ деревьевъ, войска съ одной стороны, оживленные массы народа съ другой—все это, окаймленное извилинами рѣки Свислочи, окружающей площадь лагеря, придавало картинѣ особое значеніе, исполненное величія и торжественности. Затѣмъ былъ сожженъ блистательный фейерверкъ, подобнаго которому жители Минска рѣдко были свидѣтелями, по собственному ихъ сознанію. Когда освѣтились разноцвѣтными огнями щитъ съ священнымъ для всякаго русскаго сердца вензелемъ Государя Императора и три хора военной музыки грянули «Боже, Царя храни», все поле застонало отъ одинадушнаго «ура» войскъ и народа, покрывавшаго его. Дружныя восклицанія эти не могли быть заглушены даже трескомъ многочисленныхъ взрывовъ букетовъ ракетовъ. Отъ лагеря по конца соборной площади, по обѣимъ сторонамъ, горѣли тысячай огней. Звѣзды, вензеля съ начальными буквами Августѣйшихъ Тезоименитиговъ, изъ темной ночи, всю окружающую природу обратили въ свѣтлый день.... Густыя массы народа всѣхъ сословій повсюду толпились на улицахъ города. Особенно плотно стояли онѣ предъ горѣвшей огнями часовнею, воздвигаемой на Архерейской площади, въ память чудеснаго спасенія 25-го мая Монарха—Освободителя. Движеніе экипажей было необычайное. Словомъ, городъ Минскъ въ этотъ день принялъ небывалый, празд-

ничный видъ.... Въ 9 часовъ вечера главный начальникъ края поѣхалъ въ театръ и оставался до конца спектакля. Когда раздался русскій народный гимнъ, восторженная публика потребовала его повторенія рѣсколько разъ.

На другой день, 31-го августа, въ 7 часовъ утра, главный начальникъ края выѣхалъ изъ Минска по направленію къ Несвижу, для дальнѣйшаго обзора войскъ и губерніи. Послѣ выѣзда его высокопревосходительства, получена, въ 7¹/₂ часовъ, отвѣтная депеша изъ Югенгейма, на имя генераль-губернатора, отъ его сіятельства графа А. В. Адлерберга, въ которой изображено: «Государь Императоръ изволилъ искренно благодарить за вѣрно-подданныческія чувства, выраженные въ телеграммѣ вашей.» Вслѣдъ за тѣмъ изъ Александріи, въ часъ и 50 м. по полудни, получена телеграмма отъ Его Высочества Государя Наслѣдника, слѣдующаго содержанія: «Прошу передать мое душевное спасибо 30-й пѣхотной дивизіи, дворянству и жителямъ Минской губерніи за ихъ привѣтствіе.»

По Гродненской губерніи.

Г-нъ главный начальникъ края прибылъ въ предѣлы Гродненской губерніи, по заранѣ объявленному маршруту, въ ночь со 2-го на 3 сентября, и 3 сентября, въ 4 часа по полуночи, его высокопревосходительство было уже въ Слонимѣ. Въ 10 часовъ утра его высокопревосходительству представлялись дворянство, служащіе всѣхъ вѣдомствъ, лица иновѣрныхъ исповѣданій и городское общество. Затѣмъ г-нъ генераль-губернаторъ отправился въ соборъ, откуда виѣстѣ съ крестнымъ ходомъ шествовалъ на площадь, для освященія только что оконченной часовни, сооруженной въ память 9-ти нижнихъ чиновъ Старо-Ингерманландскаго полка и нѣсколькихъ крестьянъ, убитыхъ во время мятежа, въ дѣлѣ подъ Миловидами. Освященіе часовни совершалъ преосвященный Михаилъ, бывший архіепископъ Минскій, пребывающій теперь на покоѣ въ Жировицкомъ монастырѣ, въ 10 верстахъ отъ Слонима. По окончаніи освященія часовни, генераль-губернаторъ принималъ преосвященнаго Михаила и всѣхъ лицъ право-

славнаго духовенства, въ томъ числѣ и настоятеля Жировицкаго монастыря, архимандрита Николая.

Послѣ приѣма духовенства, генераль-губернаторъ отправился на открытіе женскаго пансіона, только что образованнаго въ Слонимѣ, и затѣмъ объѣхалъ всѣ присутственныя мѣста и посѣтилъ уѣздное и народное училища съ женскою смѣною. Состояніемъ этихъ заведеній и отвѣтами спрошенныхъ учениковъ его высокопревосходительство остался совершенно доволенъ.

Послѣ обѣда генераль-губернаторъ осматривалъ нѣкоторыя зданія, предназначенныя подъ помѣщеніе войскъ и затѣмъ вмѣстѣ съ начальникомъ губерніи отправился въ Жировицкій монастырь, гдѣ, въ присутствіи его высокопревосходительства, было отслужено молебствіе предъ древнѣйшею чудотворною иконою Божіей Матери.

По возвращеніи изъ Жировиць, генераль-губернаторъ принималъ нѣсколькихъ лицъ, имѣвшихъ до него дѣло и затѣмъ занимался съ начальникомъ губерніи.

4-го сентября рано утромъ главный начальникъ края отправился въ село Мизгеры, отстоящее въ 30 верстахъ отъ Слонима, для присутствованія при освященіи только что воздвигнутаго храма, освященіе котораго долженъ былъ совершить преосвященный Михаилъ, еще съ вечера отправившійся изъ Жировиць въ Мизгеры. Народу въ Мизгерахъ собралось отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ. Всѣ желали видѣть главнаго начальника края, въ первый еще разъ посѣтившаго эту мѣстность. Преосвященный Михаилъ, проведеншій ночь у сосѣдняго помѣщика Редута, прибылъ въ Мизгеры къ 10 часамъ утра и тотчасъ началъ службу. Главный начальникъ края прибылъ въ церковь вслѣдъ за преосвященнымъ. Во время обѣдни священникомъ бѣлавицкаго прихода, отцомъ Іоанномъ Гомолицкимъ, было сказано приличное настоящему торжеству слово, въ которомъ онъ между прочимъ изобразилъ въ сжатой картинѣ судьбы православія въ здѣшнемъ краѣ. По окончаніи молебствія преосвященный Михаилъ и главный начальникъ края вышли къ собранному толпамъ народа и тутъ, при провозглашеніи тостовъ за здравіе Государя Императора, Императорской Фамиліи и началь-

ствующихъ лицъ, сначала преосвященный Михаилъ, а затѣмъ главный начальникъ края сказали народу нѣсколько теплыхъ и задушевныхъ словъ, относительно обязанностей крестьянъ къ освободившему ихъ Государю и чѣмъ и какъ они могутъ всего лучше отблагодарить Государя за изліянныя на нихъ безсчетныя милости.

По возвращеніи на мызу, гдѣ останавливался главный начальникъ края, подана была закуска или лучше сказать цѣлый обѣдъ, предложенный священникомъ мизгеровской церкви. По окончаніи обѣда главный начальникъ края отправился въ дальнѣйшій путь по направленію къ Волковыску. На станціяхъ Рожанахъ и Подороскѣ его высокопревосходительство встрѣчали крестьяне съ хлѣбомъ и солью, при чемъ генераль-губернаторъ снова высказалъ крестьянамъ необходимость строго исполнять законы, слушаться властей, трудиться и уважать чужую собственность.

Въ Волковыскъ генераль-губернаторъ прибылъ въ 9 часовъ вечера. Городъ былъ прекрасно освѣщенъ только что сооруженными фонарями, которые обновлялись въ день пріѣзда генераль-губернатора. Немедленно послѣ пріѣзда генераль-губернаторъ принималъ православное духовенство, затѣмъ дворянство, собравшееся въ значительномъ числѣ, и наконецъ служащихъ всѣхъ въ-домствъ. Дворянству его высокопревосходительство между прочимъ сказалъ, что онъ радъ видѣть собравшимися такое значительное число русскихъ дворянъ. Послѣ окончанія пріема, генераль-губернаторъ отправился въ православную церковь, которая была освѣщена; затѣмъ посѣтилъ больницы, острогъ и, по возвращеніи на отведенную квартиру, тотчасъ отправился въ дальнѣйшій путь по дорогѣ въ Гродну.

5-го сентября, въ 4 часа утра, генераль-губернаторъ прибылъ въ мѣстечко Скидель, имѣнія князя Четвертинскаго, гдѣ находились въ сборѣ уланская бригада 7-й кавалерійской дивизіи и № 50 Донской казачій полкъ. Въ 11 часовъ произведены были этими частями парадъ и ученіе, которыми генераль-адъютантъ Потаповъ остался отъѣнно доволенъ. Послѣ ученія, въ домѣ князя Четвертинскаго данъ былъ обѣдъ, на который генераль-губернаторомъ были приглашены всѣ высшіе начальники и старшіе офицеры ча-

гѣй. Послѣ обѣда происходили скачки, на которыхъ исключительно состязались офицеры. Вечеромъ въ 9 часовъ генераль-губернаторъ былъ уже въ Гроднѣ.

6-го сентября, въ 9^{1/2} часовъ генераль-губернаторъ принималъ въ отведенной ему квартирѣ православное духовенство, а затѣмъ въ 10 часовъ, въ большихъ залахъ губернаторскаго дома военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, дворянство, городскія сословія и представителей иностранныхъ исповѣданій. Затѣмъ все утро 6 числа было посвящено объѣзду православныхъ церквей, монастырей, помѣщеній для войскъ, учебныхъ и богоугодныхъ заведеній и нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ. Генераль-губернаторъ осматрѣлъ между прочимъ въ подробности предполагаемыя для приспособленія къ воинскому помѣщенію зданія двухъ упраздненныхъ монастырей, поіезуитскаго и бернардинскаго. По окончаніи объѣзда генераль-губернаторъ обѣдалъ у начальника губерніи и затѣмъ съ вечернимъ поѣздомъ отправился въ Вильну.

ОСМОТРЪ Г. ГЛАВНЫМЪ НАЧАЛЬНИКА КРАЯ УЧИЛИЩЪ ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Изъ сообщеній начальниковъ учебныхъ заведеній видно, что главный начальникъ края, при объѣздѣ Минской и Могилевской губерній для ревизіи, осматривалъ, между прочимъ, и нѣкоторыя училища. 9-го истекшаго августа, около 4 часовъ по полудни главный начальникъ края посѣтилъ игуменское уѣздное училище. Разспросивъ о числѣ и вѣроисповѣданіи учениковъ, находившихся въ заведеніи въ минувшемъ учебномъ году, его высокопревосходительство обратился къ 9-ти ученикамъ, бывшимъ на лицѣ въ училищѣ, съ вопросами объ ихъ происхожденіи, о мѣстожительствѣ ихъ родителей и проч. Осмотрѣвъ потомъ классы, главный начальникъ края нашелъ обстановку училища вообще хорошою, но замѣтилъ только, что крайне неудобно помѣщеніе для класса римско-католическаго закона Божія, и велѣлъ выразить за то свое неудовольствіе отсутствовавшему тогда, по болѣзни, смотрителю этого заведенія.

12-го августа, главный начальник края былъ въ бобруйской прогимназіи. Узнавъ о крайней бѣдности нѣкоторыхъ воспитанниковъ, его высокопревосходительство обѣщало оказать имъ денежное пособіе, и черезъ нѣсколько дней прислалъ черезъ бобруйскаго предводителя дворянства 75 р. для раздачи, по 25 р., тремъ бѣднѣйшимъ ученикамъ изъ крестьянъ: III-го кл. А. Пигулевскому и Ф. Кричкову и II-го кл. М. Кавалевичу. Кромѣ прогимназіи г. генералъ-губернаторъ, того же 12-го числа, посѣтилъ казенное еврейское училище и женскій 2-классный пансіонъ, содержимый г-жею Каменскою, гдѣ изъявилъ свою благодарность за порядокъ и успѣхи учениковъ и ученицъ.

14-го августа его высокопревосходительство осматривалъ въ Мозырѣ гимназію, еврейскую частную школу русской грамотности и приходское училище. Въ гимназіи уроки еще не начинались, и поэтому осмотру могли быть подвергнуты только помещеніе, бібліотека и кабинетъ.

15-го числа, главный начальник края посѣтилъ рѣшное двухъ-классное уѣздное училище, а 18-го числа былъ въ Рогачевѣ, Могилевской губерніи. Послѣ божественной литургіи, въ которой пѣлъ хоръ воспитанниковъ тамошняго уѣзднаго училища, главный начальник края осматривалъ уѣздное и казенное еврейское училище 1-го разряда и остался совершенно доволенъ найденнымъ въ нихъ порядкомъ.

16-го августа главный начальник края, въ сопровожденіи начальника Могилевской губерніи и другихъ лицъ, состоявшихъ при немъ для ревизіи, посѣтилъ гомельскую прогимназію. Ознакомившись съ составомъ учащихся и учащихся, его высокопревосходительство прошолъ по всеѣмъ классамъ, и обращался къ ученикамъ съ совѣтами хорошо учиться и вести себя, достойно ученикамъ прогимназіи. Въ первомъ классѣ г. главный начальник края заставилъ одного ученика сказать молитву Господню и остался вполне доволенъ отвѣтомъ. Обративъ вниманіе на крайнюю бѣдность одного ученика-сироты, генералъ-губернаторъ приказалъ инспектору прогимназіи подать докладную записку о бѣдности означеннаго ученика, и на другой же день выдалъ ему 15 руб. на платье и книги.

Осмотрѣвъ прогимназію, его высокопревосходительство отпра-вился въ другія учебныя заведенія города Гомеля : женскій пансіонъ , еврейское училище и бесплатную женскую школу. Въ женскомъ пансіонѣ и бесплатной школѣ 16 августа еще не начинались уроки , поэтому , хотя къ этому времени собраны были тамъ десятка три , четыре ученицъ , однако главный начальникъ края не производилъ никакого испытанія , а ограничился только общими вопросами о состояніи означенныхъ школъ , о составѣ учащихся и учащихся , о средствахъ къ ихъ существованію и т. п. Въ еврейскомъ же училищѣ , гдѣ продолжалось ученіе обычнымъ порядкомъ , его высокопревосходительство производилъ испытаніе , заставляя читать по-русски одного и другаго ученика 1-го класса и нашелъ ихъ чтеніе вполнѣ удовлетворительнымъ.

19-го числа, его высокопревосходительство , вмѣстѣ съ могилевскимъ губернаторомъ , посѣтилъ въ г. Быховѣ уѣздное училище ; приходское съ находящеюся при немъ женской смѣною и казенное еврейское 1-го разряда , при чемъ въ уѣздномъ училищѣ спрашивалъ учениковъ , разсматривалъ геодезическіе инструменты , геометрическія фигуры , теллуриумъ , географическія карты и похвалилъ хорошій выборъ учебныхъ пособій ; въ приходскомъ же училищѣ и женской при немъ смѣнѣ экзаменовалъ учениковъ и ученицъ , и за хорошіе отвѣты подарилъ имъ по экземпляру сборника для народнаго чтенія И. Щербины . При осмотрѣ казеннаго еврейскаго училища главный начальникъ края сдѣлалъ замѣчаніе о неправильномъ посѣщеніи еврейскими мальчиками классовъ .

22 августа, его высокопревосходительство , вмѣстѣ съ г. попечителемъ учебнаго округа , посѣтилъ въ г. Могилевѣ слѣдующія учебныя заведенія : частный пансіонъ для дѣвицъ г-жи Бояриновой , частное женское училище для еврейскихъ дѣвицъ г-жи Бѣльской и казенное еврейское училище 1-го разряда . Въ пансіонѣ Бояриновой воспитанницы были испытываемы по русскому языку ; въ дѣвичьемъ училищѣ г-жи Бѣльской онѣ писали подѣ диктовку , дѣлали грамматическій разборъ , декламировали наизусть стихотворенія , читали по русски и отвѣчали по географіи . За тѣмъ его высокопревосходительство разсматривалъ письменныя упраж-

ненія учениць по русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ и ихъ тетради чистописанія. Какъ отвѣтами, такъ и письменными работами учениць генераль-губернаторъ остался доволенъ. Въ казенномъ евр. училищѣ г. генераль-губернаторъ и попечитель округа экзаменовали учениковъ изъ русскаго языка, и лучший изъ нихъ его высокопревосходительство подарилъ по книжкѣ. Въ могилевской гимназiи, по случаю неоконченныхъ ремонтныхъ работъ, не было еще уроковъ, и потому главный начальникъ края ограничился только осмотромъ зданiй гимназiи и бывшаго при ней благороднаго пансіона.

25-го числа, главный начальникъ края былъ въ Оршѣ, а 26 въ Сѣннѣ. Но такъ какъ это были дни праздничные и уроковъ не было, то его высокопревосходительство могъ осмотрѣть только внѣшнюю сторону мѣстныхъ училищъ.

27-го числа его высокопревосходительство посѣтилъ борисовское приходское училище. Тамъ собрано было тогда 80 учащихся: христіанскихъ мальчиковъ 20, еврейскихъ 50 и дѣвочекъ 10. Обращаясь къ евреямъ, генераль-губернаторъ сказалъ, что радъ ихъ видѣть учащимися вмѣстѣ съ прочими мальчиками и желалъ бы встрѣтить ихъ въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ. Мѣстный приходскій учитель удостоился благодарности за усердіе.

28-го числа его высокопревосходительство обзрѣвалъ минскiя учебныя заведенiя. Въ 1-мъ приходскомъ училищѣ съ женскою при немъ смѣною ученики и ученицы испытуются были въ знанiи молитвъ и чтенiи; въ женскомъ двухъ-классномъ еврейскомъ дѣвичьемъ училищѣ, содержимомъ г. Раковщикомъ, были спрошены 4 воспитанницы: двѣ по русскому языку, одна по французскому и одна по нѣмецкому, при чемъ за хорошіе, отчетливые отвѣты, дѣвицы были награждены книгами. Удовлетворительны оказались также знанiя учениковъ казеннаго еврейскаго училища 1-го разряда и послѣ - объденной смѣны. Особенное вниманіе генераль-губернатора обратило на себя чтеніе одного ученика И. Гурвича, почти совершенное чуждое признаковъ свойственнаго евреямъ произношенiя и сопровождавшееся удачнымъ логическимъ ударенiемъ. Этотъ ученикъ награжденъ былъ его высокопревосходительствомъ

книгою. — Въ женскомъ двухъ-классномъ еврейскомъ дѣвичьемъ училищѣ, содержимомъ г. Фунтомъ, испытанію подвергнуты были 5 воспитаницъ по русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, и за хорошіе отвѣты всѣ получили въ подарокъ по книгѣ. Въ мужескомъ трехъ - классномъ еврейскомъ училищѣ три ученика получили также награды книгами за удовлетворительные отвѣты по русскому языку, при чемъ въ особенности отличался правильными грамматическими разборами ученикъ 3 кл. Я. Эліашбергъ. Школа русской грамотности, содержащая гг. Горинымъ и Ледеромъ, также заслужила дестное одобреніе главнаго начальника края, наградившаго книгами двухъ учениковъ, спрошенныхъ по русскому языку. Талмудъ-тора обратила на себя особенное вниманіе ея высокопревосходительства; при входѣ въ это заведеніе директоръ училищъ Минской губерніи, г. Богусевскій, доложилъ главному начальнику края, что минская талмудъ-тора можетъ служить живымъ доказательствомъ начала разложенія еврейскихъ предрасудковъ относительно русской школы: мѣстное еврейское общество, долго не рѣшавшееся на введеніе сюда преподаванія русскаго языка, будто бы невозможнаго потому, что это заведеніе содержится на счетъ добровольныхъ приношеній и помѣщается возлѣ главной синагоги на молитвенномъ дворѣ,—рѣшилось съ настоящаго года ежегодно вносить 250 рублей для учителя русскаго языка, обученіе которому, принимая въ соображеніе краткость времени, идетъ очень удовлетворительно. Въ этой талмудъ-торѣ его высокопревосходительство награждалъ книгами трехъ учениковъ.—Воспитанники гимназій, по причинѣ ремонтныхъ работъ, собраны были въ обширномъ помѣщеніи гимназической библиотеки. Генералъ-губернаторъ ограничился только бесѣдою съ учениками, чтобы узнать правильна ли у нихъ разговорная рѣчь. Потомъ его высокопревосходительство осмотрѣлъ классы и помѣщеніе, предназначенное для гимназической церкви, и наконецъ посѣтилъ женскій 4-хъ классный пансіонъ, содержаемый г-жею Шнейдеръ. При выходѣ оттуда главный начальникъ края выразилъ директору, что осмотръ минскихъ учебныхъ заведеній принесъ ему удовольствіе и благодарилъ его за заботливость о ввѣренныхъ ему училищахъ и въ особенности за талмудъ-тору.

29-го августа главный начальник края кончилъ обзорѣніе минскихъ училищъ, побывавъ еще въ этотъ день въ школѣ начального образованія бѣдныхъ дѣвицъ и во второмъ приходскомъ училищѣ.

31-го августа осмотрѣны были въ Несвижѣ приходское училище и школа грамотности для евреевъ. Прозкзаменовавъ тамъ нѣсколько учениковъ, его высокопревосходительство наградило двухъ христіанскихъ мальчиковъ священными картинками и одного еврейскаго книжкою.

3-го сентября г. главный начальникъ края, въ сопровожденіи гродненскаго гражданскаго губернатора, осматривалъ слонимское уѣздное училище, которое найдено было во всѣхъ отношеніяхъ въ весьма хорошемъ состояніи, точно также какъ и гродненская гимназія, которую его высокопревосходительство посѣтилъ 6-го сентября.

(Вил. Вѣст.)

РѢЧЬ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ГЛАВНОЙ ВАРШАВСКОЙ ШКОЛѢ.

Г. министръ народнаго просвѣщенія, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, послѣ осмотра съ 26-го августа (7-го сентября), мужскихъ и женскихъ гимназій, вейверскихъ педагогическихъ курсовъ и нѣкоторыхъ городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ въ трехъ дирекціяхъ варшавскаго учебнаго округа: сузальской, ломжинской и плоцкой, прибылъ 10 (22) сентября въ Варшаву. Обзорѣніе находящихся въ Варшавѣ учебныхъ заведеній, его сіятельство пожелалъ начать съ главной школы, какъ высшаго въ округѣ заведенія, и при представленіи исправляющимъ должность ректора, деканомъ Ковалевскимъ, преподавателей этой школы, собранныхъ 12 (24) числа, въ залѣ совѣта, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

«По случаю присоединенія здѣшнихъ учебныхъ заведеній къ министерству народнаго просвѣщенія, я еще въ прошломъ году намѣревался обзорѣть ихъ, но довольно продолжительное пребы-

ваніе мое въ Новороссійскомъ краѣ лишило меня тогда этой возможности, и заставило отложить до настоящаго времени обзоръ варшавскаго учебнаго округа и удовольствіе познакомиться съ вами, милостивые государи.

При всякой перемѣнѣ естественно возникаютъ вопросы, недоумѣнія; всякій желаетъ знать, что ожидаетъ учебное заведеніе, къ которому онъ принадлежитъ. Я постараюсь, на сколько могу, дать вамъ лично отвѣтъ на эти вопросы.

Воля Государя Императора состоитъ въ томъ, чтобы доставить жителямъ этого края всевозможныя средства къ образованію ихъ дѣтей, разумѣется съ тѣмъ, чтобы оно послужило не во вредъ, а къ пользѣ государства. Эта воля Всемиловѣйшаго Нашего Монарха по большей части уже исполнена. Въ настоящее время, на относительно небольшомъ пространствѣ этой страны находятся 22 гимназій, 15 прогимназій, 9 женскихъ гимназій и 5 таковыхъ же прогимназій. Если сравнить число учащихся въ этихъ заведеніяхъ съ соответственными училищами въ остальныхъ губерніяхъ Имперіи, и расходы на этотъ предметъ государственнаго казначейства, то оказывается, что на нихъ расходуется почти втрое болѣе, а число учащихся пропорціонально къ народонаселенію почти вчетверо болѣе. Женскія гимназіи во внутреннихъ губерніяхъ почти ничего не стоятъ государственному казначейству, такъ какъ онѣ по большей части существуютъ на мѣстныхъ средствахъ, — тогда какъ здѣшнія женскія гимназіи исключительно содержатся на счетъ казны. Мнѣ неизвѣстно другое европейское государство, въ которомъ было бы подобное отношеніе между училищами въ провинціяхъ коренныхъ и присоединенныхъ. — Изъ этихъ цифръ, ариѳметически вѣрныхъ, я вовсе не думаю выводить, что нужно уменьшать здѣсь число учебныхъ заведеній; напротивъ того, я прихожу къ совершенно противоположному заключенію, именно къ тому, что весьма желательно и даже необходимо увеличить число учебныхъ заведеній во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, соответственно съ постоянно и замѣтно возрастающею въ нихъ потребностью въ образованіи. Все это однако же не мѣшаетъ нѣкоторымъ органамъ иностранной печати утверждать, что будто бы

русское правительство стремится къ уничтоженію всякихъ средствъ для образованія здѣшнихъ жителей, и эти невѣрныя свѣдѣнія, не встрѣчая опроверженія, распространяются и укореняются въ общественномъ мнѣніи Европы. Этому способствуетъ также незнакомство съ Россією, зависть къ ея широкому могуществу, ни для кого не опасному, и происходящая оттого бессильная къ ней ненависть. Впрочемъ, на людей мыслищихъ эти возгласы не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія: имъ могутъ безотчетно вѣрить развѣ кучера фіакровъ, которые, отъ нечего дѣлать, въ ожиданіи сѣдока, читаютъ эти баснописныя произведенія. Кто хочетъ уразумѣть славянское бытописаніе, тотъ долженъ отрѣшиться отъ узкости подобныхъ поверхностныхъ воззрѣній, всмотрѣться поглубже въ исторію, вспомнить многочисленныя славянскія племена, трепетно ожидающія своей будущности, и колосса между ними, многомиліоннаго русскаго народа, призваніе коего уже достаточно обозначено Провидѣніемъ. Исторію, милостивые государи, творимъ не мы: мы только ее принимаемъ. Не намъ также направлять и исправлять пути Провидѣнія, мы только должны имъ слѣдовать. Когда такъ посмотримъ на событія, то взоръ нашъ сдѣлается яснѣе, трезвѣе мысль, вѣрнѣе и прямѣе наши дѣйствія.

«Прошу извинить меня за это невольное отступленіе: стоя здѣсь, на этой почвѣ, еще такъ недавно взволнованной печальными событіями, поневолѣ приходится изъ высшихъ сферъ науки и чистаго знанія, о чемъ я привыкъ бесѣдовать съ учеными, спустаться въ область дѣйствительности и современности.

«Возвращаюсь къ сказанному мною.

Государь Императоръ, такъ щедро разсыпавшій средства образованія въ этомъ краѣ, имѣетъ полное право надѣяться, что онѣ послужатъ не къ отчужденію, а къ сближенію его съ остальными частями Имперіи. Въ этихъ видахъ вводится и усиливается преподаваніе въ здѣшнихъ заведеніяхъ на русскомъ языкѣ, и притомъ, какъ я самъ удостовѣрился, безъ малѣйшаго принужденія и съ полною готовностью со стороны учащихся. Мѣра эта вовсе не новая: вы можете ее видѣть во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ которыхъ сильно народное сознаніе, гдѣ многочислен-

тость первенствующаго племени естественно притягиваетъ къ себѣ италіянскія народности, и гдѣ такимъ образомъ языкъ государственнѣйшій становится и языкомъ школы. Правительство вовсе не гнушается этимъ способомъ переродить трехмилліонное польское населеніе въ кровныхъ русскихъ: это было бы невозможно; но оно съ основательностью надѣется, что этимъ самымъ будутъ постепенно изглаживаться разныя недоразумѣнія, раздѣляющія оба нашія родственныя племена. На этомъ именно основаніи я готовъ ходатайствовать о преобразованіи главной школы въ университетъ, чѣмъ самымъ она можетъ быть выведена изъ страннаго положенія, которое не предоставляетъ почти никакихъ существенныхъ правъ, ни преподавателямъ своимъ, ни учащейся въ ней молодежи, и просить о дарованіи ей тѣхъ же преимуществъ, которыми пользуются русскіе университеты, но подъ тѣмъ непрѣмѣннымъ условіемъ, чтобы этотъ будущій университетъ, если только онъ состоится, сталъ не враждебнымъ особнякомъ на окраинѣ государства, а искренно вошелъ въ общую столь почтенную семью Императорскихъ російскихъ университетовъ, гдѣ большинство изъ васъ получило свое образованіе.

«Я изложилъ вамъ, мм. гг., съ полною откровенностью не только виды и предположенія правительства по учебной части въ здѣшнемъ краѣ, но и побудительныя къ нимъ причины. Глубоко почитая ученое сословіе, я не могу выразить большаго къ нему уваженія, какъ полною откровенностью. Вѣдомство, которымъ имѣю честь управлять, не нуждается ни въ какихъ тайнахъ; въ немъ все дѣлается на яву и притомъ съ первой же минуты моего знакомства съ вами, я желалъ, чтобы вы видѣли меня такимъ каковъ я въ дѣйствительности, т. е. вполне русскимъ человѣкомъ, и не по происхожденію и имени только, а по моимъ чувствамъ, моимъ взглядамъ, и, смѣю думать, по всѣмъ моимъ дѣйствіямъ. Впрочемъ, прошу васъ не пугаться: свойство русскаго человѣка вовсе не вищаетъ въ себѣ ненависти къ остальнымъ племенамъ, входящимъ въ составъ нашего государства. Я знаю, вамъ твердятъ, что русскіе ненавидятъ поляковъ—этому не вѣрьте, это неправда. Рѣдкій народъ относится съ такимъ безпристростіемъ къ другимъ

народамъ, какъ русскіе. Дѣйствительно, послѣднія горестныя событія и въ особенности чужеземное вмѣшательство въ наши домашнія дѣла возбудили въ русскомъ народѣ весьма понятное и законное негодованіе; но время это прошло, страсти улеглись, и русскій человѣкъ по прежнему остался чуждъ всякой систематической вражды. — Что касается лично до меня, то полагаю, что изъ моихъ дѣйствій вы сами убѣдились, что я стараюсь быть столь же безпристрастнымъ къ учрежденію, къ которому вы принадлежите, какъ къ кореннымъ русскимъ, и что я всегда готовъ содѣйствовать къ удовлетворенію нуждъ какъ вашего заведенія, такъ и касающихся до васъ лично, на сколько это отъ меня будетъ зависѣть. Надѣюсь, им. гг., что на искренность моихъ словъ вы отвѣтите искренностью вашихъ дѣйствій, и что я найду въ васъ, подобно ученому сословію русскихъ университетовъ, сотрудниковъ въ столь важномъ и нелегкомъ дѣлѣ народнаго образованія, порученномъ мнѣ Всемилоствѣйшимъ довѣріемъ Государя Императора.»

(Варш. Дн.)

ШКОЛЫ ГРАМОТНОСТИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ ВЪ ВОЛКОВЫСКОМЪ УѢЗДѢ.

Инспекторъ народныхъ училищъ гродненской дирекціи, Н. Олонцевъ, доноситъ въ совѣтъ дирекціи о школахъ грамотности для взрослыхъ, или воскресныхъ школахъ, открытыхъ въ Волковыскомъ уѣздѣ, въ селахъ *Лысковъ* и *Ивашкевичаяхъ*, слѣдующія свѣдѣнія:

3-го декабря 1867 года инспекторъ Олонцевъ посѣтилъ воскресную школу въ с. Лысковѣ, или вѣрнѣе, присутствовалъ при бесѣдѣ священника о. Іоанна *Оттевича* со своими прихожанами. Эта бесѣда, четвертая со времени открытія школы, происходила въ помѣщеніи мѣстнаго народнаго училища. Слушателей было болѣе 100 человѣкъ, въ томъ числѣ 20 женщинъ. Содержаніе бесѣды было слѣдующее: рассказъ о событіи наступающаго праздника Рождества Христова и о томъ, какъ святая церковь повелѣ-

ваетъ чтить праздники, о томъ, что человѣку, ежедневно трудящемуся для удовлетворенія своихъ тѣлесныхъ нуждъ, необходимо въ праздничные дни позаботиться и о своей душѣ и что послѣ богослуженія весьма для прихожанъ прилично придти и побесѣдовать со своимъ священникомъ, а также о пользѣ ученія для взрослыхъ крестьянъ.

Бесѣда продолжалась 1½ часа; общее вниманіе видимо было возбуждено, и тишина нарушалась только приходомъ новыхъ слушателей.

Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ о. Іоаннъ Огіевичъ предполагаетъ приступить къ обученію грамотѣ и счету, къ объяснительному чтенію историческихъ и другихъ полезныхъ для народа статей.

По мнѣнію инспектора Олонцева, положеніе села Лыскова весьма благоприятствуетъ развитію воскресной школы: это село находится въ центрѣ прихода, состоящаго изъ 4,000 душъ об. пола. Просвѣщенная дѣятельность священника и мѣстнаго мирового посредника оказываютъ благотворное вліяніе на сельское населеніе: крестьяне любятъ свою церковь, которую выстроили изъ костела на свой счетъ, и весьма расположены къ народному училищу, для котораго также на свой счетъ построили домъ. Церковь всегда полна народомъ, богослуженіе благолѣпно и училище—одно изъ лучшихъ въ уѣздѣ.

Воскресная школа въ с. *Ивашкевичахъ* открыта 30 августа 1867 года. Занимается въ ней мѣстный священникъ о. Игнатій *Кончевскій*. Со дня открытія до 1868 года всѣхъ бесѣдъ было 17. Первые бесѣды о. Кончевскій посвятилъ объясненію крестнаго знаменія и повседневныхъ молитвъ. Въ праздничные дни рассказываетъ исторія праздника; такъ, 14-го сентября была рассказана исторія праздника Воздвиженія Честнаго и Животворящаго креста, 1-го октября—исторія праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, 22-го октября исторія праздника иконы Казанской Божіей Матери, 21-го ноября—исторія праздника введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Кромѣ того, разъяснена была разность литургій и главнѣйшихъ догматовъ православной церкви отъ римско-католической и рассказаны важнѣйшія событія изъ священной исторіи ветхаго завѣта и нѣкоторыя изъ русской исторіи.

Такъ какъ эти бесѣды бывають послѣ обѣдни, поэтому каждая бесѣда всегда начинается объясненіемъ читаннаго въ тотъ день въ церкви Евангелія. Отъ Кончевскій говоритъ простымъ, доступнымъ для крестьянъ языкомъ. Въ пользу такого ученія крестьяне уже достаточно убѣдились и сами изыскивають средства къ побужденію лѣнвыхъ аккуратно посѣщать школу. Въ школу собирается отъ 50 до 80 и до 100 слушателей. Отецъ Игнатій Кончевскій заявляетъ, что было бы весьма желательно, чтобы воскресныя школы открыты были при церквяхъ повсемѣстно, какъ въ видахъ пользы для народа, такъ и потому, что въ такомъ случаѣ въ каждой мѣстности дѣло пошло бы успѣшнѣе, ибо къ каждому новому дѣлу, введенному не вездѣ, а въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, хотя бы весьма полезному, народъ относится съ большимъ недоувѣріемъ и много требуется усилій, чтобы освоить его съ новостію.

Ивашкевичская воскресная школа помѣщается въ домѣ народнаго училища, близъ церкви. Въ приходѣ числится 1900 душъ об. п. Крестьяне весьма расположены и къ церкви и къ училищу, въ которомъ, во время осмотра онаго инспекторомъ Олонцевымъ, было на лицо 47 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ. Благодаря трудолюбію наставника и дѣятельности почтеннаго о. Игнатія Кончевскаго, успѣхи дѣтей весьма удовлетворительны.

Г. попечитель округа, вслѣдствіе представленія гродненскаго директора народныхъ училищъ, разрѣшилъ выдать наставнику лысковскаго народнаго училища свящ. о. Іоанну *Отевичу* и священнику с. Ивашкевичи о. Игнатію *Кончевскому*, за полезную ихъ дѣятельность въ открытыхъ ими воскресныхъ школахъ для взрослыхъ, по 50 руб. каждому,

(*Вил. Вѣст.*).

О СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Обиліе среднихъ учебныхъ заведеній въ виленскомъ учебномъ округѣ, въ которыхъ воспитывались дѣти преимущественно мѣст-

ныхъ польскихъ дворянъ, въ сравненіи съ незначительнымъ числомъ гимназій во внутреннихъ губерніяхъ, имѣло, какъ удостовѣрилъ опытъ, не полезныя, а напротивъ того, вредныя послѣдствія. Вслѣдствіе извѣстныхъ правъ, предоставляемыхъ у насъ воспитанникамъ гимназій, администрація не только западныхъ, но отчасти и внутреннихъ губерній, а также университеты, наполнялись лицами польскаго происхожденія, вносившими всюду, разумѣется, то направленіе, которое было неминуемымъ слѣдствіемъ господства польскаго элемента въ мѣстномъ обществѣ и администраціи. Для болѣе нагляднаго удостовѣренія въ степени польскаго преобладанія представляемъ таблицу о числѣ учащихся по вѣроисповѣданіямъ къ 1-му января 1862 года въ 11-ти гимназіяхъ губерній: Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской.

Гимназіи.	Православн.	Римско-католич.	Лютер. и реформ.	Еврейскаго.	Магометанск.	Итого.
Виленская . . .	53	519	14	11	8	605
Свенцянская . . .	4	122	—	3	1	130
Гродненская . . .	56	262	12	19	4	353
Бѣлостокская . . .	70	354	15	6	1	446
Минская . . .	111	456	16	23	9	624
Новогрудская . . .	29	274	1	2	16	322
Пинская . . .	60	148	4	4	—	216
Мозырская . . .	41	132	—	1	—	174
Случская . . .	56	291	51	4	3	405
Ковенская . . .	24	216	21	28	5	294
Шавельская . . .	15	518	8	8	1	550
Итого .	519	3.301	142	109	48	4.123

Ничтожность числа православныхъ воспитанниковъ, составлявшихъ тогда только $\frac{1}{3}$ долю всѣхъ остальныхъ, и огромное преобладаніе римско-католиковъ, выразившееся цифрою $\frac{4}{5}$ всего числа воспитанниковъ, даетъ вѣрное представленіе о томъ, какое направленіе господствовало при такомъ составѣ учащихся; несоизмѣрно же великая цифра послѣднихъ, доходящая до 80 и до 90 учениковъ въ одномъ классѣ, какъ напр. въ гимназіяхъ виленской, минской, бѣлостокской и шавельской, достаточно объясняетъ, возможенъ ли былъ какой-нибудь педагогическій порядокъ при такомъ ненормальномъ переполненіи классовъ, когда преподаватель

едва разъ въ два мѣсяца могъ спросить гимназиста изъ пройденнаго, не говоря уже о возбужденномъ состояніи умовъ по случаямъ уже начинавшимся тогда извѣстныхъ революціонныхъ демонстрацій. Какое ничтожное значеніе имѣлъ при такихъ обстоятельствахъ не только воспитанникъ православный, но и отецъ его—русскій чиновникъ, приведемъ, въ доказательство тому, изъ множества примѣровъ, слѣдующій. Въ одной изъ упомянутыхъ гимназій, въ концѣ 1861 г., когда во многихъ мѣстностяхъ начались уже враждебныя демонстраціи, ученики римско-католическаго исповѣданія также не упускали случаевъ потѣшиться надъ горстью своихъ православныхъ товарищей. Такъ, въ 5 и 6 классахъ рисовали они на классныхъ доскахъ польскаго одноглаваго орла, который держитъ двуглаваго на цѣпи, обернутой вокругъ его шеи, или двуглаваго же орла—съ пасквильнымъ рисункомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ изображается св. Георгій; при этомъ происходили въ высшей степени неприличныя и оскорбительныя для русскихъ надписи на доскѣ, сопровождаемыя радостными кликами большинства и неистовыми насмѣшками его при этомъ случаѣ надъ учениками православными. Вскипѣло однажды патріотическое чувство русскихъ мальчиковъ, и въ числѣ четырехъ человекъ шестаго класса и трехъ пятаго они отправились съ жалобою къ директору гимназій (римско-католику) и, объяснивъ ему, какія вещи происходятъ въ классахъ и какія преслѣдованія терпятъ они отъ своихъ товарищей, просили уволить ихъ изъ гимназій. Директоръ на это не согласился, обѣщая разслѣдовать дѣло и прекратить преслѣдованія домашнимъ образомъ. Но, должно быть, оскорбленія были такъ невыносимы и увѣренность въ возможности новыхъ—такъ велика, что мальчики рѣшились обратиться съ своею жалобою къ посторонней власти и нѣкоторые самовольно оставили заведеніе. Не вдаваясь въ излишнія подробности хода этого дѣла, мы обратимъ вниманіе на самое интересное, то есть на рѣшеніе его педагогическимъ совѣтомъ гимназій, большинство котораго, разумѣется, состояло тогда по преимуществу изъ *скихъ* и *вичей*—совѣта, искавшаго въ этой исторіи, вполне уясненной дознаніемъ для каждаго непредубѣжденнаго, непременно религіозной вражды, не нашедшаго ея и потому остановившагося на мысли о простой

личной враждѣ между мальчиками. На этомъ основаніи присуждено было жалобу русскихъ мальчиковъ признать неосновательною и наказать ихъ какъ можно строже, а польскимъ мальчикамъ сдѣлать легонькое внушеніе. Такъ, русскихъ положено исключать изъ гимназій—одного съ дурнымъ поведеніемъ въ свидѣтельствѣ, а другаго — съ посредственнымъ, двумъ другимъ выдать свидѣтельства съ убавкою по единицѣ въ поведеніи и то въ такомъ только случаѣ, если они лично явятся въ гимназію за полученіемъ ихъ, и не принимая по этому предмету во вниманіе прошенія роднаго отца мальчика; пятому же присуждено непременно явиться въ классъ, если же не послушается, то выдать ему свидѣтельство только съ *порядочнымъ* поведеніемъ за самовольное оставленіе классовъ и ослушаніе начальства. Мальчиковъ-поляковъ присуждено посадить въ карцеръ—одного на четыре дня, а другаго на два; четверымъ, которые, какъ сказано въ рѣшеніи, хотя дѣйствительно заслуживаютъ взысканія, но, по случаю прощенія ихъ русскими товарищами, опредѣлено сдѣлать только внушеніе, чтобы впередъ ничего подобнаго не было; такое же внушеніе сдѣлать и всему пятому и шестому классамъ.

И могло ли быть иначе при показанныхъ выше въ таблицѣ цифрахъ огромнаго преобладанія представителей польщизны. Несчастный отецъ исключеннаго съ свидѣтельствомъ за дурное поведеніе (маленькій чиновникъ съ семействомъ изъ восьмерыхъ дѣтей) умоляетъ о перемѣнѣ свидѣтельства его сына, бывшаго до того времени однимъ изъ лучшихъ учениковъ, и объ отмѣнѣ непошррно строгой кары за то, какъ онъ объясняетъ въ своемъ прошеніи, что старшій сынъ его исполнилъ священный долгъ вѣрноподданнической преданности престолу и отечеству. Дѣло это, къ счастью, оканчивается тѣмъ, что свидѣтельство перемѣняютъ, съ обозначеніемъ въ немъ поведенія не дурнаго, а добропорядочнаго и съ пропускомъ исключенія изъ гимназій.

Можно себѣ представить, какъ благотѣльно подѣйствовало педагогическое внушеніе на 5-й и 6-й классы гимназій и съ какимъ азартомъ, въ видѣ какого-нибудь армейскаго юнкера, гоняся исключенный молодой человекъ за своими же, можетъ быть,

товарищами, когда они вскорѣ затѣмъ поступили въ дѣсныя школы мятежниковъ.

Послѣ усмиренія мятежа дѣло улучшенія гимназій въ педагогическомъ отношеніи и обрусѣніе ихъ пошло самымъ дѣятельнымъ образомъ. Классы перестали переполняться до невозможной цифры 70 или 80 воспитанниковъ, явилась возможность дѣятельнаго надзора за ними, при ограниченной нормѣ 50 или 40 учениковъ на классъ сдѣлалось удобоисполнимымъ для преподавателей, болѣе строгое наблюденіе за успѣхами учащихся; наконецъ самое освѣженіе личныхъ составовъ, какъ въ средѣ учащихся, такъ и учащихся, людьми русскими, внесло, такъ сказать, механически, новое направленіе, новый духъ въ стѣны опояченныхъ учебныхъ заведеній. Слѣдующая таблица числа учащихся, по вѣромствованіямъ, къ 1-му января 1867 года, сопоставленная съ предыдущею таблицею 1861 года, безъ словъ, но самымъ краснорѣчивымъ образомъ покажетъ, что мѣры, предпринятыя со времени послѣдняго мятежа, привели не только къ весьма значительному численному уменьшенію, а слѣдовательно и нравственному ослабленію польскаго элемента, но и къ чрезвычайно быстрому возрастанію числа воспитанниковъ православнаго исповѣданія. Если дѣло это пойдетъ и далѣе въ той же самой прогрессіи, то недалеко будетъ и то время, когда православно-русскій элементъ въ составѣ учащихся достигнетъ и численнаго преобладанія.

Гимназій.	Православн.	Римско-католич.	Лютер. и реформ.	Еврейскаго.	Магометанск.	Итого.
Виленская . . .	133	291	16	25	1	466
Свенцянская . . .	3	11	—	—	—	14
Гродненская . . .	80	85	7	10	6	188
Бѣлостокская . . .	50	77	9	21	2	159
Минская . . .	105	135	8	26	13	287
Новогрудская . . .	25	93	1	14	11	144
Пинская . . .	86	89	1	10	—	186
Мозырская . . .	108	57	1	22	—	188
Слуцкая . . .	65	120	44	11	—	240
Ковенская . . .	98	105	19	60	2	284
Шавельская . . .	14	165	8	26	—	213
Итого . . .	767	1.228	114	225	35	2.369

Не считая гимназій Витебской и Могилевской губерній, въ которыхъ число православныхъ учениковъ всегда было значительно, оказывается изъ сравненія двухъ таблицъ, что въ продолженіе пяти лѣтъ, съ 1862 года по 1867, число православныхъ учениковъ въ 11-ти гимназіяхъ увеличилось почти на 50%, число же воспитанниковъ римско-католическаго исповѣданія уменьшилось слишкомъ въ 2½ раза, или—въ 1862 году изъ 8 учениковъ былъ только одинъ православный, а въ 1867 году изъ 3-хъ учениковъ одинъ православный. Вообще же число учениковъ въ 11-ти гимназіяхъ уменьшилось въ теченіе пятилѣтія на $\frac{1}{8}$, или почти на половину, вслѣдствіе чего, какъ выше замѣчено, долженъ былъ подняться уровень развитія учащихся, какъ въ нравственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніяхъ. Нельзя не обратить вниманія на увеличеніе, въ тотъ же періодъ времени, числа учениковъ евреевъ слишкомъ вдвое. Такой приливъ евреевъ въ среднія учебныя заведенія со времени принятія мѣръ къ обрусѣнію ихъ, мы считали бы явленіемъ вполне утѣшительнымъ, если бы приливъ этотъ не произошелъ вслѣдствіе искусственнаго привлеченія еврейскихъ мальчиковъ въ гимназіи и уѣздныя училища. Мы говоримъ объ отпускѣ съ начала 1863 года по 12.000 рублей ежегодно для раздачи стипендій, размѣромъ отъ 25 до 60 рублей, евреямъ обучающимся въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ.

Такимъ образомъ, хотя во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ учебнаго округа, за исключеніемъ гимназій могилевской и мозырской, польскій элементъ въ составѣ учащихся имѣетъ еще численное надъ русскимъ преобладаніе, тѣмъ не менѣе можно сказать утвердительно, что съ принятіемъ въ гимназіи отличнѣйшихъ изъ учениковъ народныхъ школъ, при улучшенномъ матеріальномъ положеніи православнаго духовенства, при возрастающемъ по немногу числѣ какъ русскихъ семейныхъ чиновниковъ, такъ и прибывающихъ въ край русскихъ землевладѣльцевъ, русскій элементъ въ непродолжительномъ времени несомнѣнно приобрѣтетъ даже и численный перевѣсъ въ составѣ учащихся. Тогда гимназіи и прогимназіи учебнаго округа, доставляя мѣстному русскому обществу все удобства для воспитанія дѣтей, а администраціи—достаточное число мѣстныхъ служилыхъ силъ, сдѣлаются со временемъ самы-

ми надежными орудіями для дѣйствительнаго упроченія въ кратъ русскаго господства и преобладанія. Само собою разумѣется, что учебныя заведенія нашихъ окраинъ, въ виду сосѣдства съ Польшею и образованными странами нѣмецкими, постоянно должны памятовать о высотѣ своего важнаго здѣсь призванія, чтобы съ успѣхомъ противоудѣствовать какъ польскому, такъ и иностранному вліяніямъ.

(Съв. Почтѣ).

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ И ПОЖЕРТВОВАНІЯ НА ОНЫЯ.

Высоко-литовскій благочинный отъ 15 іюня сего года донесъ, что новоустроенная изъ упраздненнаго ставскаго костела церковь имъ освящена въ 12 день сего іюня во имя преподобнаго Онуфрія. Такъ какъ церковь сія устроена заботливостію священника ставской церкви Александра Красковскаго и усердіемъ мѣстныхъ прихожанъ, пожертвовавшихъ для сего 690 руб., то благочинный вмѣстѣ испрашивалъ признательности епархіальнаго начальства потрудившимся въ дѣлѣ устройства церкви. Священнику ставской церкви Александру Красковскому и прихожанамъ за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія преподано архипастырское благословеніе.

— Шерешевскій благочинный священникъ Михаилъ Токаревскій, рапортомъ отъ 30 іюня, донесъ консисторіи, что 14 іюня при многочисленномъ стеченіи народа освящена вѣжнянская Николаевская церковь, послѣ внутренняго устройства оной. При этомъ онъ присовокупилъ, что прихожане вѣжнянской Николаевской церкви, съ примѣрною ревностію, заботились объ устройствѣ своей церкви. Лѣтъ тому нѣсколько назадъ, они на собственные средства покрыли церковь гонтами, сдѣлали новый куполь и обшили стѣны досками, крышу и куполь покрасили масляными красками. Въ настоящемъ году изъ добротныхъ складокъ сдѣлали новый досчатый полъ съ устройствомъ новой солеи, устроили новый очень приличный иконостасъ, иконы выписаны изъ Москвы, сдѣланы новый престолъ новый жертвенникъ съ

благочиніями. Все это устройство стоило 701 руб. 65 коп. кромѣ работниковъ отъ прихожанъ, могущихъ быть оцѣненными въ 100 руб. Живѣйшее участіе въ устройствѣ вѣжнянской церкви принималъ мѣстный священникъ Іосифъ Теодоровичъ, пожертвовавшій отъ себя 28 руб. деньгами и муки на 8 руб. Священнику и прихожанамъ вѣжнянской церкви за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія преподано благословеніе его высокопреосвященства.

— Радошковскій благочинный священникъ Троянъ донесъ, что построенная въ деревнѣ Каменцѣ деревянная церковь освящена имъ благочиннымъ 29 іюня сего года, въ честь и память первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. При семъ присовокупилъ, что церковь сія построена и украшена усердіемъ мѣстныхъ крестьянъ, которые, кромѣ строеваго лѣсу и рабочей силы, доставленныхъ ими безвозмездно на сей предметъ, собрали еще 97 руб. на необходимую церковную утварь. Крестьянамъ дер. Каменца за усердіе ихъ къ храму Божію и сдѣланныя ими пожертвованія объявлена признательность епархіального начальства.

— Клещельскій благочинный донесъ, что операція постройки деревянной церкви въ дер. Курашевѣ чижевского прихода, клещельскаго благочинія совершенно окончена, и что на матеріалы къ постройкѣ сей церкви пожертвовано прихожанами 739 руб. и 9 коп. сереб.; и именно: главнѣйшее участіе въ семъ дѣлѣ принималъ казенный крестьянинъ д. Курашева Сильвестръ Василюкъ, который кромѣ того, что пожертвовалъ болѣе всѣхъ, именно 50 руб. наличными деньгами, но и постройку церкви произвелъ самъ (такъ какъ онъ же самъ и мастеръ) безвозмездно; второй сотрудникъ ему былъ тойже д. крестьянинъ Лука Прокопюкъ, который тоже пожертвовалъ 50 руб.; кромѣ сихъ двухъ, по засвидѣтельствованію мѣстнаго священника и прихожанъ, особенное усердіе въ семъ дѣлѣ оказалъ старшина той же дер. Прокопій Левонюкъ и братчики: Кирило Заброцкій, Іосифъ Артымуръ и Иванъ Максимюкъ. Освященіе чижевской церкви разрѣшено, а священнику и поименованнымъ прихожанамъ за усердіе къ церкви и сдѣланныя пожертвованія преподано благословеніе его высокопреосвященства.

— Священнику опельской церкви Іоанну Новицкому и пражжанамъ оной, за усердіе къ храму Божию и сдѣланныя ими пожертвованія 650 р. на устройство новаго иконостаса въ опельской церкви, объявлена признательность архіаінаго начальства.

— Священникъ дубенской церкви (Гродн. уѣзда) Малевичъ донесъ, что ввѣренная ему дубенская каменная церковь послѣ капитальной починки ея въ 1859 г. требуетъ въ настоящее время безотлагательной починки, а именно: исправленія во многихъ мѣстахъ штукатурки вокругъ церкви и ограды, побѣлки стѣнъ, окраски крыши и куполовъ, исправленія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ желѣзной крыши, исправленія крылецъ фронтоваго и боковыхъ фасадовъ; на исправленія таковыхъ поврежденій собрано отъ пожертвованій прихожанъ 1150 руб. сер.; на таковыя деньги онъ намѣренъ, въ настоящемъ году, приступить къ починкѣ. Починка дубенской церкви на собственные средства прихожанъ разрѣшена, а имъ и мѣстному священнику дубенской церкви, за усердіе ихъ къ храму Божию, преподано архипастырское благословеніе его высокопреосвященства.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Намѣстникъ виленскаго Свято-Духова монастыря архимандритъ Іоаннъ отъ 12 сего марта за № 82 донесъ литовской духовной консисторіи, что его высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій Іосифъ, митрополитъ литовскій и виленскій, 10 сего марта пожертвовалъ тысячу рублей на предполагаемое въ этомъ году внутреннее обновленіе виленской Свято - Духовской монастырской церкви.

— Виленскаго Свято-Духова монастыря намѣстникъ архимандритъ Іоаннъ, рапортомъ отъ 8 іюня сего года за № 183 донесъ консисторіи, что въ церковь виленскаго Свято-Духова монастыря въ теченіи мѣсяца мая сего 1868 года пожертвованы: а) проживающею въ Псковѣ Капиталиною Макаровою 3 нитяныя рукодѣльныя пелены на св. Виленскихъ Мучениковъ, стоимостію всѣ 22 руб., б) женою священника Марією Сobotковскою, 9 аршинъ краснаго терно на катапетасму къ иконостасу теплой церкви,

стоимостию 9 руб., и в) братствомъ виленскаго Свято - Духова монастыря 71 рубль деньгами на усиленіе средствъ внутренняго обновленія мѣстной церкви. Деньги полученные отъ братства употреблены на позолоту иконостаса теплой церкви, а пелены и терно приняты для употребленія по назначенію.

— Виленскаго Свято - Духова монастыря намістникъ архимандритъ Іоаннъ отъ 2 мая 1868 года за № 142 донесъ литовской духовной консисторіи, что въ теченіи апрѣля мѣсяца 1868 года въ церковь виленскаго Свято - Духова монастыря пожертвованы: а) 13 числа прибывшею мзъ Риги на поклонніе св. Мученикамъ Прасковіею Ивановою Рубцевою 16 арш. канауса на катапетасму дѣвою 22 руб., б) тогоже числа Павломъ Яковлевымъ двѣ иконы съ изображеніемъ Спасителя и Божіей Матери, 4 вершковъ въ вышину и 3 вершковъ въ ширину, въ мѣдныхъ посеребренныхъ и позлащенныхъ окладахъ, стоимостію 3 руб., в) 29 числа неизвѣстно кѣмъ пожертвованъ овальный въ серебряномъ ковчежцѣ 84 пробы образокъ Божіей Матери Владимирской, вѣсомъ 1½ лота, стоимостію 3 руб.; г) тогоже числа жандармскимъ полковникомъ Жидковымъ, двѣ не большія иконы, св. первомученика Стефана и св. Георгія Побѣдоносца, писанныя на мѣдныхъ дощечкахъ по золоченому фону, стоимостію обѣ 2 рубля; д) 30 апрѣля коллежскимъ ассесоромъ Павломъ Ивановичемъ Чуфаровскимъ пожертвованъ образъ Божіей Матери утоленія злыхъ сердецъ, въ серебряной ризѣ, въ деревянной золоченой рамѣ и въ кіотѣ за стекломъ: на вѣнцахъ и окладѣ сего образа 14 камней изъ композиціи. Образъ съ кіотомъ въ 6½ вершковъ вышиною и въ 5 вершковъ шириною, стоимостію по словамъ жертвователя 50 рублей. Всѣ сіи пожертвованія въ опись церковную вписаны.

— Яновскій благочинный священникъ Георгій Шостаковскій отъ 7-го сего марта за № 52, донесъ литовской духовной консисторіи, что причитъ мотольской церкви рапортомъ отъ 30 декабря 1867 года за № 53, донесъ ему, что государственные крестьяне Мотольской волости 30-го мая того года, послѣ служенія благодарственнаго Господу Богу молебствія, за чудесное избавленіе Его Императорскаго Величества 25-го мая въ Парижѣ отъ руки злодѣя, положили собрать добротныя пожертвованія на

украшеніе кладбищенской Борисо-Глѣбской церкви, и въ тотъ ж день собрано 75 руб., въ послѣдствіи пожертвовано на тотъ ж предметъ крестьянами собственниками мотольскаго прихода дв ревенъ: Заезера и Дѣдоваль 36 руб; и бывшимъ волостнымъ писаремъ Кодратомъ Маличемъ 50 руб, сереб., на каковыя деньги съ добавленіемъ изъ церковной суммы 29 руб. устроена осенью прошлаго года на церкви и колокольни новая гонтовая крыша. Упомянутымъ выше прихожанамъ и бывшему волостнымъ писаремъ Кодрату Маличу за ихъ пожертвованіе на украшеніе Борисо-Глѣбской мотольской церкви, простирающаеся до 161 руб., преподано архипастырское благословеніе его высокопреосвященствомъ о чемъ и дано знать указомъ яновскому благочинному.

— Брестскій благочинный протоіерей Соловьевичъ, рапортуетъ отъ 7 мая сего 1868 года за № 225, донесъ консисторіи, что его преосвященство, брестскій епископъ и кавалеръ Игнатій, при предписаніи отъ 20 минувшаго апрѣля за № 245, препроводилъ къ нему въ особомъ ящикѣ икону Казанскія Божія Матери въ серебряномъ позлащенномъ окладѣ, Всемилостивѣйше пожалованную Государемъ Императоромъ въ чернавчицкую православную церковь, устроенную изъ закрытаго латинскаго костела, для передачи по принадлежности. Передача сей иконы совершена слѣдующимъ порядкомъ: благочинный Соловьевичъ прибылъ вмѣстѣ съ діакономъ 5-го мая въ 4 часу утра съ иконою къ заставѣ м. Чернавчиць, здѣсь Царская икона была встрѣчена мѣстнымъ духовенствомъ крестнымъ ходомъ съ хоругвями и св. иконами, при стеченіи многочисленнаго, болѣе 2000 народа, разныхъ исповѣданій, при пѣніи хора сельскихъ пѣвчихъ, съ радостію и любовію. Соединившись съ духовенствомъ въ крестномъ ходѣ, и передавъ св. икону для несенія военному начальнику и мировому посреднику, торжественное шествіе сопровождалось до самой церкви колокольнымъ въ обѣихъ церквахъ звономъ и стройнымъ пѣніемъ. Осѣнивъ присутствовавшихъ въ храмѣ даромъ и благословеніемъ православнаго Монарха, икона возложена была на особый аналогій и по чиноположенію освящена. За тѣмъ, когда духовенство и народъ съ колѣнопреклоненіемъ прикладывались къ иконѣ Казанской Божіей Матери, настоятелемъ мѣстной церкви, о. Стефа-

номъ Пашкевичемъ, было произнесено приличное торжеству, весьма назидательное слово. По окончаніи божественной Литургіи и крестнаго вокругъ церкви хода съ иконою, было собранъ совершено благодарственное Господу Богу съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе о здравіи Государя Императора и провозглашено Его Императорскому Величеству и всему Августѣйшему Дому многолѣтіе при колокольномъ звонѣ и ружейныхъ выстрѣлахъ. Наконецъ торжество это, по усердному прошенію прихожанъ, заключено крестнымъ ходомъ по всему мѣстечку, принятымъ ими съ благоговѣйною радостію и упованіемъ, что съ покровомъ Богоматери распространится, укрѣпится и процвѣтетъ въ странѣ здѣшней, чистѣйшее и святѣйшее православіе. По окончаніи богослуженія, бывшіе въ парадѣ казаки, были приглашены военнымъ начальникомъ къ приготовленной закускѣ, и, при первомъ возглашеніи тоста за здравіе Государя Императора, громкое «ура» огласило воздухъ, — а настоятель мѣстной церкви о. Стефанъ Пашкевичъ угостилъ ихъ особо сытнымъ обѣдомъ и чаемъ.

— Брестскій благочинный, протоіерей Соловьевичъ, отъ 1 іюня сего года за № 256, донесъ его высокопреосвященству, что прошлаго 1867 г. священникъ вистицкой церкви Іаковъ Кульчицкій приглашалъ прихожанъ своихъ въ церковь для слушанія Божественной Литургіи и благодарственнаго Господу Богу молебствія за спасеніе драгоцѣнной жизни Государя Императора Александра Николаевича 25 мая отъ покушенія въ Парижѣ, и по окончаніи службы убѣждалъ ихъ приличнымъ случаемъ словомъ, приобрести въ церковь, въ память вѣчной за сіе событіе Господу Богу благодарности, нѣкоторыя необходимыя церковныя вещи, на покупку которыхъ пожертвовавъ 10 руб., приглашалъ къ тому и прихожанъ. Приглашеніе это и убѣдительныя внушенія священника, приняты прихожанами съ восторгомъ и благоговѣніемъ, такъ что въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ собрано было на сей предметъ значительное количество денегъ, на которыя въ текущемъ году приобретены слѣдующія церковныя вещи: Напрестольное Евангеліе въ листъ, обложено серебряными 84-й пробы досками, съ фиолетовыми изображеніями и отличными стразовыми украшеніями за 100 руб.; за 45 руб. серебряная 84-й пробы кадильница;

икона Рождества Христова на жертвенникъ , двѣ иконы Воскресенія и Вознесенія Господня къ запрестольному кіоту , огромнаго размѣра въ позлащенныхъ рамахъ , и икона Тайной Вечери къ иконостасу , украшенная раззолоченною рѣзбою , за 200 р. Сверхъ сего малолѣтнія дѣти прихожанъ , подражая своимъ родителямъ , сложили особо отъ себя 40 руб. , на которые , по ихъ желаніи , куплена парчевая съ приборомъ риза . Наконецъ въ довершеніе сей складки , священникъ вершковѣцкой церкви Іустинъ Кульчицкій , въ память 25-лѣтняго служенія при вистицкой церкви , пожертвовалъ также на покупку парчевой ризы 35 руб. Такииъ образомъ въ текущемъ 1868 году поступило въ пользу вистицкой церкви всѣхъ вещей на 442 руб. сер. , считая въ томъ числѣ и остальные отъ складки 12 руб. , на которые куплены еще двѣ иконы въ серебряныхъ окладахъ . Довода до свѣдѣнія его высокопреосвященства о такомъ богоугодномъ поступкѣ вистицкихъ прихожанъ , ходатайствовалъ брестскій благочинный протоіерей Соловьевичъ о преподаніи имъ и священнику сей церкви Кульчицкому архипастырскаго его высокопреосвященства благословенія . На семь рапортѣ резолюція его высокопреосвященства отъ 6 іюня 1868 года за № 722, дана такая: «Благословляю за доброе дѣло вистицкихъ прихожанъ и ихъ усерднаго предстоятеля, священника Іакова Кульчицкаго, и предлагаю консисторіи о семъ имъ объявить.

— Вилкомирскій благочинный, протоіерей Приневскій, отъ 13-го апрѣля сего года за № 124, донесъ литовской духовной консисторіи, что вилкомирское православное кладбище, существующее съ 1842 года, не будучи до настоящаго времени, по недостатку средствъ, приведено въ надлежащее устройство и не имѣя даже ограды, представляетъ въ этомъ отношеніи печальную противоположность здѣшнимъ католическому и еврейскому кладбищамъ. Командиръ 28-й артиллерійской бригады, генералъ-маіоръ Петръ Иетровичъ Лемтюжниковъ, движимый ревностію къ св. церкви, видя съ прискорбіемъ, что мѣсто вѣчнаго упокоенія православныхъ христіанъ находится въ такомъ запустѣніи и попирается ногами бродящихъ животныхъ, сыскалъ, при помощи Божіей, средства не только для сдѣланія ограды вокругъ кладбища, но и

для сооружеиія на немъ деревянной церкви вмѣстительностью на 50 человекъ. Довода объ этомъ до свѣдѣнїя его преосвященства, и представляя проэктъ означенной церкви, испрашиваетъ архипастырскаго благословенїя и разрѣшенїя генералу Лемтюжникову на возведенїе по сему проэкту церкви на вилкомирскомъ кладбищѣ и на обнесенїе оной оградю. На семъ донесенїи резолюцїя его преосвященства Александра, епископа ковенскаго, отъ 19 апрѣля 1868 года за № 193, таковая: «Согласенъ на постройку кладбищенской церкви въ городѣ Вилкомирѣ. При семъ препровождается въ консисторїю планъ церкви на постановленїе и распоряженїе на законномъ основанїи.

— Настоятель виленской свято-Николаевской церкви протоіерей Петръ Левицкїй сообщилъ въ редакцію Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, что въ виленскую Николаевскую церковь одновременно поступили слѣдующїя пожертвованїя: а) отъ графини Пелагеи Васильевны Муравьевой *Евангелїе* въ 4-ть листа, въ малиновомъ бархатѣ, обложенное серебромъ. На верхней его доскѣ находится посрединѣ икона Спасителя 1), на серебрѣ, съ вѣнцомъ украшеннымъ мѣлкими алмазиками, а по угламъ четыре серебряныя иконы св. Евангелистовъ; б) отъ тайнаго совѣтника Степана Феодовича Паниютина и его семейства *серебряная кадильница*; в) отъ полковника Василя Ивановича Павлова *храмовая икона Св. Николая* на золотомъ фонѣ, писанная на деревѣ; г) отъ коллежскаго совѣтника Николая Абрамовича Зубкова *воздухъ и покровцы* изъ серебрянаго глазета; д) отъ полковника Бартоломея и его семейства *воздухъ и покровцы*, а также пелена на аналой изъ голубаго бархата, шитые гарусомъ и е) отъ Анны Ивановны Яковлевой, урожденной баронессы Миллеръ-Закомельской, небольшая икона Божїей Матери въ серебряномъ окладѣ; и 2., въ приписную къ Николаевской Пятницкую церковь отъ дѣйств. статс. совѣтн. Ивана Якимовича Никотина *воздухъ и покровцы* изъ серебрянаго глазета, шитые золотомъ и пелью. Цѣнность всѣхъ этихъ пожертвованїй не показана. Приблизительно можно оцѣнить всѣ эти жертвы свыше 350 рублей.

— Бездѣжскїй благочинный, священникъ Іоаннъ Кадлубовскїй, отъ 4 августа за № 160, донесъ литовской духовной консисто-

риі, что вновь устроенный иконостасъ въ хомской церкви освященъ имъ соборнѣ 14 іюля сего 1868 года, при собраніи народа не только изъ хомскаго, но и изъ другихъ сосѣднихъ приходо́въ. При семъ, послѣ обычныхъ молитвословій, произнесено было мѣстнымъ священникомъ приличное настоящему случаю поученіе. Хотя прежній иконостасъ въ сей церкви былъ довольно приличный, но не соответствовалъ величественному каменному зданію, отличающемуся своею архитектурою и имѣющему круглый видъ; почему священникъ Стефанъ Моложавый, побуждаемый ревностію и усердіемъ къ благолѣпію храма Божія, заслуживающимъ благоуваженія епархіальнаго начальства, склонилъ прихожанъ къ пожертвованіямъ и устроилъ красивый иконостасъ въ четыре яруса, иконы къ оному выписаны извѣстнаго московскаго художника живописца Титова. По устройству сказанной церкви, работы были произведены слѣдующія: устроенъ иконостасъ, сдѣланъ новый полъ въ алтарной части и покрашенъ; выбѣлена церковь внутри, изъ притвора открытъ другой боковой входъ въ церковь и починены два крыльца, на что израсходовано 1,303 р. 75 к.; сверхъ того главный управляющій помѣщиковъ Пусловскихъ пожертвовалъ двадцать корней сосноваго дерева и пять дубовъ. Кромѣ означенной суммы прихожане хомской церкви пожертвовали еще въ память событія 4 апрѣля 1866 года 38 руб. на седмисвѣщникъ, и ученики хомскаго народнаго училища на тотъ же предметъ пять р. 10 к., къ этимъ деньгамъ прибавлено изъ суммъ приходскаго попечительства 31 руб. 90 коп.; на собранные такимъ образомъ 75 р. приобрѣтенъ седмисвѣщникъ. По засвидѣтельствованію мѣстнаго священника изъ членовъ попечительства болѣе другихъ содѣйствовалъ устройству церкви крестьянинъ м. Хомска Андрей Понеля. Священнику хомской церкви Стефану Моложавому, прихожанамъ той церкви и другимъ жертвователямъ за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія преподано благословеніе его высокопреосвященства и изъявлена признательность епархіальнаго начальства.

— Волковскій благочинный, священникъ Касперовичъ, отъ 6 сего августа за № 266 донесъ, литовской духовной консисторіи, что въ истекшемъ маѣ мѣсяцѣ присланъ на его имя изъ С.-Петербурга

1-й гильдін купцомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Василюмъ Грозовымъ 5% билетъ государственнаго банка въ 500 руб. сер. на постройку въ г. Волковыскѣ новой каменной церкви. О чемъ донося литовской духовной консисторіи, просить не оставить столь великаго жертвователя волковыской церкви безъ признательности. Жертвователю 1-й гильдін купцу, дѣйствительному статскому совѣтнику Василю Грозову за его усердіе къ храму Божію преподано благословеніе его высокопреосвященства и изъявлена признательность епархіальнаго изчальства.

— Намѣстникъ виленскаго свято - Духова монастыря архимандритъ Іоаннъ, отъ 27 іюли за № 224, донесъ литовской духовной консисторіи, что на обновленіе внутренняго благолѣпія монастырской свято - Духовской церкви, кромѣ 1,000 рублей, пожертвованныхъ его высокопреосвященствомъ митрополитомъ литовскимъ и виленскимъ, еще поступило пожертвованій: отъ іеромонаха Мойсея билетами 300 руб. (по курсу 250 руб.); изъ мѣстной церковной суммы 495 руб. и отъ виленскаго свято-духовскаго братства 71 р., всего 1,821 руб. сереб. Управление монастыря, по совѣту виленскаго губернскаго архитектора Чагина, распорядилось пожертвованною суммою такимъ образомъ: договорило: а) виленскаго еврея Файвиса Гордона на покраску всей внутренности церковной за 1,200 руб. и б) виленскаго гражданина Николая Ейсмунда на покраску иконостаса и исправленіе имѣющейся на ономъ позолоты за 550 руб. Гордонъ своими рабочими и своимъ матеріаломъ оскребалъ, перетеръ, побѣлизъ и покрасилъ клевою краскою въ четыре колера всю внутренность, какъ теплой, такъ и холодной церкви съ имѣющеюся при оной папертью, а масляною краскою всѣ двери и окна, крыльцо, горнее мѣсто за престоломъ и всѣ панели церковныя, побѣлизъ фронтъ церковный и перемостилъ каменный полъ въ паперти, употребивъ на оный, въ замѣнъ бывшихъ кирпичныхъ плитокъ, мраморныя, которыя въ количествѣ 200 штукъ пожертвованы для сей цѣли архитекторомъ Чагинымъ. Другой подрядчикъ Николай Ейсмундъ очистилъ, обшилъ и покрасилъ иконостасы въ холодной и теплой церкви, мѣстами исправилъ, а мѣстами вновь позолотилъ всецѣло царскія двери и раму у запрестольнаго образа Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, покрасилъ подъ мраморъ, примѣнительно къ цвѣту фальшмраморныхъ колоннъ, всѣ имѣющіяся въ основаніи оныхъ тумбы, покрылъ лакомъ всѣ образа и фальшмраморныя колонны, и покрасилъ ма-

сляною краскою клиросы, барьеру и желѣзную дверь у входа въ пещерную церковь. Иконостась въ теплой церкви Ейсундъ позолотилъ за 71 руб., пожертвованные братствомъ. Донося объ этомъ, архимандритъ Іоаннъ присовокупилъ, что всѣ поименованныя работы отъ начала до конца производились подъ руководствомъ архитектора Чагина, который, несмотря на необыкновенное усердіе, являемое имъ постоянно въ семь дѣлѣ, пожертвовалъ мраморную плиту и трудился безмездно. Съ благословенія его высокопреосвященства обновленная Св. Духовская монастырская церковь освящена въ августѣ мѣсяцѣ по чиноположенію; а виленскому губернскому архитектору Чагину, за его усердіе къ храму Божію и сдѣланное пожертваніе въ пользу сей церкви, преподано архиастырское благословеніе.

— Клецельскій благочинный отъ 21 декабря 1867 г. за № 419, донося литовской духовной консисторіи объ освященіи новоберезской Александро-Невской часовни, свидѣтельствуесть объ особенной ревности къ храму Божію прихожанъ новоберезской церкви и просить о награжденіи двоихъ изъ нихъ, именно: церковнаго старосты новоберезской церкви Якова Тарасевича и старшины б. церковнаго совѣта Алексѣя Эліашука. Вслѣдствіе ходатайства благочиннаго, прихожанамъ новоберезской церкви, за ихъ усердіе къ храму Божію, объявлена признательность епархіальнаго начальства, а церковному старостѣ Якову Тарасевичу и старшинѣ б. церковнаго совѣта Алексѣю Эліашуку преподано архиастырское благословеніе съ выдачею имъ похвальныхъ листовъ.

— Высоко-Литовскій благочинный отъ 31 января сего 1868 г. № 46, донесъ литовской духовной консисторіи, что прихожане кринецкой церкви, по засвидѣствованіи мѣстнаго священника Абрамовича, въ прошедшемъ 1867 году, въ память чудеснаго избавленія Его Величества отъ преступнаго покушенія на Его жизнь въ Парижѣ, принесли посильныя жертвы, 1-я) въ кринецкую церковь: прихожанинъ деревни Новоселокъ Ѳедоръ Масвскій купилъ на престольный крестъ въ 7 руб. и паницадило въ 18 р.; женщины, прихожанки тойже церкви, пожертвовали на покушку двухъ хоругвей изъ краснаго сукна 25 руб.; прихожане тойже церкви пожертвовали бархатную ризу со всѣмъ приборомъ, лампаду и подсвѣчникъ на сумму 28 р. на побѣлку внутри церкви и украшеніе кіотовъ, а всего 125 руб.; 2-я) въ приписную пани-

ковскую церковь прихожане с. Панковъ купили: крестъ выносный въ 14 руб., паникадило въ 20 руб., крестьяне Данило и Григорій Демидюки двѣ хоругви въ 17 руб., Юліанъ Явтулпнъ одну хоругвь въ 8 руб., Станиславъ Киселюкъ — крестъ напестольный въ 5 руб., Михаи́лъ Карпуцинюкъ два подсвѣщника въ 5 руб. пожертвована свѣтлая риза со всѣмъ приборомъ стоимостію 30 р., а всего въ паниковскую церковь пожертвовано на 62 руб. Жертвователямъ — прихожанамъ кринейской церкви за ихъ ревность ко храму Божию, обнаруженную ихъ пожертвованіями, въ кринейскую и приписную къ ней паниковскую церковь изъявлена благодарность епархіальнаго начальства.

— Тотъ же благочинный отъ 20-го апрѣля за № 108, донесъ литовской духовной консисторіи о пожертвованіяхъ, поступившихъ въ 1865, 1866 и 1867 годахъ въ рогачскую церковь отъ мѣстнаго священника и прихожанъ оной,—всего на сумму 157 руб. 50 коп. а именно: риза шелковая со всѣмъ приборомъ, цѣною въ 30 руб., 2 подсвѣщника напестольные въ 9 руб. 50 коп., 2 хоругви цѣною 27 руб. 50 к., кадилаица въ 2 руб., Евангеліе въ бархатномъ перешлетѣ цѣною 6 руб., ручной крестъ для благословенія цѣною 9 р., 6 фунтовъ свѣчъ на престолъ бѣлаго воску цѣною 6 руб., напестольный стоячій крестъ, цѣною 7 р. 50 коп., парчевая риза безъ прибора цѣною 25 руб., плащаница 19 руб., выносный крестъ и коверъ 5 р. сер. Священнику рогачской церкви Васи́лю Харламповичу и прихожанамъ, за усердіе къ храму Божию и сдѣланныя пожертвованія объявлена благодарность епархіальнаго начальства.

— Волковскій благочинный, священникъ Мартинъ Касперовичъ, отъ 8-го сего февраля за № 81, донесъ литовской духовной консисторіи, что въ 1867 году въ бережскую церковь, приписную къ зельвянской, неизвѣстнымъ лицомъ пожертвована риза съ полнымъ къ ней приборомъ, цѣною примѣрно 40 р. Въ зельвянскую же церковь, по донесенію мѣстнаго священника Куцевича, тоже неизвѣстнымъ (по засвидѣтельствванію благочиннаго, самимъ Куцевичемъ) пожертвованы серебряная вызолоченная дарохрани-тельница цѣною 100 руб. и напестольный мѣдный вызолоченный крестъ, цѣною 20 руб.; кромѣ того разными лицами изъ прихожанъ зельвянской церкви пожертвовано для украшенія церкви 112 руб. 14 коп. Приказали: и его высокопреосвященство Іосифъ

митрополитъ литовскій и виленскій утвердилъ: священнику зельвянской церкви Августу Куцевичу и прихожанамъ оной, жертвовавшимъ въ пользу бережской церкви приписной къ зельвянской, преподать благословеніе его высокопреосвященства, кромя того священника Куцевича имѣть въ виду при представленіи къ наградамъ.

— Ново-Александровскій благочинный, священникъ Ковалевскій, отъ 22 февраля сего года за № 74, представилъ литовской духовной консисторіи вѣдомость о пожертвованіяхъ, поступившихъ въ видзскую церковь, въ теченіи 1867 года. Изъ вѣдомости этой видно, что 1) причтомъ и прихожанами купленъ колоколь, вѣсомъ въ 3 пуда и 7 фунтовъ, стоящій съ пересылкою 69 руб. серебр., 2) отъ титулярной совѣтницы Екатерины Матѣевой поступило три иконы въ позолоченныхъ рамахъ, за стекломъ, стоящія не менѣе ста рублей, 3) отъ коллежской совѣтницы Маріи Михайловой полное священническое и діаконское облаченія, стоящія не менѣе ста пятидесяти руб. сер., 4) отъ мирового посредника Ново-Александровскаго уѣзда, Вердеревскаго колоколь въ 20 фунтовъ, цѣною 15 руб. сер. и 5) отъ него же деньгами 25 р. сер. на престольную одежду; такимъ образомъ въ видзскую церковь поступило пожертвованій въ теченіи 1867 года на 359 р. сер. Донося о семъ литовской духовной консисторіи, съ просьбою о напечатаніи о сихъ пожертвованіяхъ въ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, благочинный присовокупляетъ, что въ склоненіи прихожанъ и другихъ упомянутыхъ выше лицъ къ сдѣланію пожертвованій принималъ дѣятельное участіе мѣстный священникъ Павелъ Росляковъ, постоянно заботящійся о поддержаніи и украшеніи вѣрнной ему видзской церкви. Упомянутымъ выше лицамъ за ихъ пожертванія въ пользу видзской церкви простирающіяся до 359 руб. сер. и священнику Павлу Рослякову за его заботливость о благолѣпнн вѣрнной ему церкви преподано архипастырское благословеніе.

— Бѣльскій благочинный, протоіерей Маркевичъ, отъ 24 января сего года за № 21, рапортомъ донесъ его высокопреосвященству о пожертвованіи мѣщаниномъ г. Бѣльска Трофимомъ Ивановымъ Антиховичемъ въ старый Николаевскій соборъ мѣдной посеребренной ризы на икону святителя Николая, стоящей сто руб. На семъ рапортѣ резолюція его высокопреосвященства Іосифа митрополита литовскаго и виленскаго, отъ 29 января за № 129, послѣ-

довала такая: „Богъ да благословитъ добраго жертвователя! Консисторія объявитъ ему это благословеніе по принадлежности,“ каковое и объявлено Трофиму Антиховичу чрезъ бѣльскаго благочиннаго.

— Воложинскій благочинный, священникъ Адамовичъ, отъ 2 января сего года за № 6, представилъ литовской духовной консисторіи рапортъ священника Николаевской Покровской церкви, о пожертвованіи въ сію церковь прихожанами ея крестьянами Яковомъ и Гавриломъ Шиторами двухъ иконъ стоимостію 30 рублей сереб., одна икона Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, съ ризою позолоченною въ вызолоченномъ съ рѣзбою кіотѣ, величиною верхковъ двадцать, шириною десять, стоимостію 20 руб. сереб., пожертвована прихожаниномъ Яковомъ Шиторою; другая икона Спасителя, въ ризѣ серебряной, тоже въ такомъ кіотѣ, величиною верхковъ десять, шириною шесть, стоимостію 10 руб. сереб., братомъ его Гавриломъ Шиторою. Иконы сіи освящены на второй день Рождества Христова, при общемъ собраніи народа, и поставлены на обычныхъ мѣстахъ. Жертвователямъ прихожанамъ Николаевской Покровской церкви, за ихъ ревность къ храму Божию, обнаруженную ихъ пожертвованіями въ Николаевскую церковь, объявлена благодарность епархіальнаго начальства.

— Мядзюльскій благочинный, священникъ Бывалькевичъ, отъ 12 минувшаго апрѣля за № 163, донесъ литовской духовной консисторіи: 1) прихожане жоснянской церкви, по случаю освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости въ 1861 году, составили приговоръ купить въ мѣстную церковь на престольный крестъ въ память 4 апрѣля, каковой они и приобрѣли накладнаго серебра позолоченный, цѣною въ 3 руб. сереб.; 2) прихожане старо-мядзюльской церкви пожертвовали въ семь же мѣсяцѣ въ мѣстную церковь: а) образъ 12 праздниковъ, писанный на доскѣ, цѣною въ 14 руб., б) подризникъ бѣлаго газета въ 10 руб. и в) на престольный крестъ накладнаго серебра съ финифтяными изображеніями, украшенными стеклянными камнями, стоимостію 10 руб.; церковный же староста Николай Хвалько пожертвовалъ въ старо-мядзюльскую церковь 2 полуфунтовныя восковыя свѣчи на 90 коп. Жертвователямъ объявлена благодарность епархіальнаго начальства.

— Трокскій благочинный Пѣнькевичъ, отъ 6 мая 1868 года

за № 213, донесъ литовскій духовной консисторіи, что четвертое число истекшаго апрѣля,—ознаменованное толикою милостию Божіею надъ вѣрнопоподаннѣйшею Россіею, праздновалось приходомъ кронской церкви вѣреннаго ему благочинія особымъ торжественно-умилительнымъ образомъ. Причиною такового праздника послужило усердіе нѣкоторыхъ лицъ, въ особенности старшаго помощника надзирателя акцизныхъ соборовъ, завѣдывающаго вмѣстѣ и пограничною корчемною стражею, еврея Мера Давидовича Браславскаго, пожелавшаго ознаменовать столь важный день богоугоднымъ дѣломъ и (что всего замѣчательнѣе) открыто быть участникомъ въ благодарственныхъ молитвахъ православной церкви. Давно задумавъ праздновать день сей съ подобающею торжественностию и тѣмъ напечатлѣть въ памяти грядущихъ поколѣній мѣстныхъ прихожанъ чудодѣйственную силу Божію, видимо охраняющую помазанныхъ своихъ отъ всѣхъ навітовъ вражійхъ, онъ на пожертвованія свои собственныя и нижнихъ чиновъ вѣренной ему стражи, приобрѣлъ къ оному дню для кронской церкви серебряный образъ св. Благовѣрнаго Вел. Князя Александра Невскаго въ красивомъ кіотѣ, съ серебряною лампадкою и свѣчей. По просьбѣ его (и въ его же квартирѣ) въ м. Барсунишкахъ, утромъ 4-го апрѣля образъ былъ освященъ кронской церкви священникомъ Соловьевымъ; послѣ чего началось шествіе съ образомъ къ церкви въ сопровожденіи самаго Браславскаго, нижнихъ чиновъ стражи, множества католиковъ и евреевъ. Между тѣмъ причтъ, оставивъ шествіе на третьей верстѣ, послѣшилъ въ м. Кроны, возлѣ церкви ожидали уже мировой посредникъ 3-го участка, судебный слѣдователь, становой приставъ, всѣ прихожане и очень много изъ другихъ вѣроисповѣданій. Весь народъ, сопровождая крестный ходъ, отправился для встрѣчи образа, который и внесень былъ въ церковь г. Браславскимъ съ двумя старшими объѣзчиками стражи. Вслѣдъ за симъ совершена была Литургія и сказано приличное случаю слово мѣстнымъ священникомъ и отслужено благодарственное Господу Богу молебствіе за сохраненіе драгоцѣнной жизни Государя Императора съ провозглашеніемъ обычнаго многолѣтія. Послѣ сего все собраніе въ училищномъ домѣ было угощаемо г. Браславскимъ закускою съ провозглашеніемъ тостовъ за здравіе Государя Императора, духовныхъ и гражданскихъ властей и ху-

дожника Сазикова, добросовѣстно исполнившаго образа, стоящіе мѣстѣ съ лампадкою 164 рубля сереб. Доброе дѣло не осталось безъ добрыхъ послѣдствій. Г. посредникъ 3-го участка Николай Красовскій во время закуски заявилъ съ своею женою желаніе пожертвовать въ оную же церковь образъ Спасителя въ серебряно-вызолоченной ризѣ, стоимостію въ 40 р., и на другой же день предъ Литургією образъ внесенъ былъ въ церковь самими жертвователями, при значительномъ собраніи прихожанъ и другихъ лицъ. Между тѣмъ усердіе старшаго помощника надзирателя Браславскаго не ограничилось одною этою жертвою для кронской церкви. Восьмаго апрѣля онъ заявилъ мѣстному священнику о своемъ желаніи по мѣрѣ силъ дѣйствовать на пользу церкви, и тогда же принялъ на себя обязанность нанять къ церкви, при содѣйствіи стражи, сторожа постояннаго, въ теченіи года, для ночнаго караула; въ тому же поступающихъ къ нему на службу въ стражники иновѣрцевъ онъ убѣждаетъ присоединяться къ православію и эти убѣжденія почти всегда вѣнчаются добрыми успѣхоми. Доносы о семъ епархіальному начальству благочинный свидѣтельствуешь, что таковое усердіе г. Браславскаго, хотя не христіанина, но, какъ полагаетъ, болѣе или менѣе проникнутаго чувствованіями и убѣжденіями христіанскими, а также и вѣренной ему пограничной стражи, заслуживаетъ поощренія. Опредѣлили и его преосвященство Александръ, епископъ ковенскій, утвердилъ: „о сдѣланныхъ надзирателемъ акцизныхъ сборовъ Браславскимъ и мировымъ посредникомъ Николаемъ Красовскимъ въ кронскую церковь пожертвованіяхъ, а равно и о томъ, что первый изъ нихъ взялъ на себя обязанность, при содѣйствіи мѣстной акцизной стражи, нанять на цѣлый годъ сторожа къ церкви, занести свѣдѣніе въ списокъ вѣдомостей, годично представляемыхъ Св. Синоду и объявить въ общее извѣстіе посредствомъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, и независимо отъ того предписать указомъ благочинному сдѣлать зависящее распоряженіе о внесеніи сего пожертвованія въ церковную опись“

— Свенцянскій благочинный Огіевичъ, отъ 24 мая сего года за № 270, донесъ литовской духовной консисторіи, что прихожанами сосновской церкви, вѣренной его благочинію, сдѣланы въ настоящемъ году слѣдующія пожертвованія: 1) членами приходскаго попечительства пожертвованы два тридцѣтничка на престолъ, стоимостію 10 руб., лампада для свѣчей, накладнаго се-

ребра въ 4 руб., два деревянные выносные креста съ изображеніемъ распятія, цѣною въ 5 рублей; кромѣ того, ими же обѣщаны деньги на отдѣлку иконостаса подѣ мраморъ, и 2) кресты знами: Иваномъ Цѣлякомъ напрестольный крестъ цѣною 2 руб., Викентіемъ Рыбкою въ настоящемъ году на праздникъ Пасхи доставлены свѣчи для освѣщенія съ обѣщаніемъ и на будущее время доставлять ежегодно, самимъ же священникомъ пожертвовать крестъ для требосправленій, стоимостью 3 р., комода съ тремя ящиками и внутренними замками и сундукъ для храненія церковныхъ вещей, стоимостью 10 руб. Жертвователямъ за ихъ усердіе къ храму Божию преподано архипастырское, его высокопреосвященства, благословеніе.

(Лит. Еп. Вѣд.)

ТОРЖЕСТВО ВЪ СЛОНИМѢ.

10-го числа іюля мѣсяца, минувшаго 1867 и настоящаго 1868 г., въ день препод. Антонія Печерскаго, совершено было въ приписной къ слонимскому собору Св.-Троицкой церкви торжественное богослуженіе. Причиною торжества было одно весьма важное и не безынтересное обстоятельство, о которомъ нелишне будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Въ 6. слонимскомъ бернардинскомъ костелѣ, довольно съ давнихъ временъ, былъ поставленъ бернардинскими монахами въ правомъ киотѣ,—не въ дальнемъ разстояніи отъ алтарной части храма,—образъ Антонія Падуанскаго (1). Въ прежнее время, до закрытія сего костела въ 1864 г., съ разныхъ сторонъ стекался сюда народъ не только римско-католическаго, но и православнаго исповѣданія, въ день 13 іюня для празднованія памяти сего святого: монахи, пользуясь въ подобныхъ случаяхъ многочисленнымъ собраніемъ православныхъ, весьма ловко и удобно дѣйствовали на ихъ совращеніе. Такимъ образомъ не мало здѣшняго народа, особенно городскихъ мѣщанъ, было увлечено ихъ ловкой пропагандой и совращено въ римское-католичество. Конечно, православные первоначально об-

1) Мѣсто рожденія сего р. католическаго святого—г. Падуа—въ Итали. По мѣсту рожденія онъ называется Падуанскимъ.

рашались къ сему костелу не изъ сочувствія къ римско-католичеству, котораго они вовсе не понимали; не привлекали ихъ сюда исключительно и одни органы, которые довольно пріятно дѣйствовали на ихъ ухо, не заманивала ихъ пышная обстановка, доходящая до театральности въ богослуженіи: нѣтъ, здѣсь была причина гораздо проще. Народъ приходилъ сюда молиться чтимому имъ св. Антонію, образъ коего находился здѣсь нѣкогда, во время существованія еще на семь вѣстѣ первой Св. Троицкой православной церкви: вотъ что сюда тянуло его! Наши православные поселяне, по неразвитости, не входили въ тонкости, для ихъ разума недоступныя, и не разбирали, къ какой церкви принадлежитъ тотъ или другой святой. Закрѣпленные въ старыхъ, отъ дѣдовъ къ нимъ перешедшихъ привычкахъ, они не внимали даже гласу своихъ православныхъ пастырей, убѣждающихъ, что не всякій святой, чтимый римскою церковью, признается нашею церковью святымъ,—они знали одно, что какъ у римлянъ, такъ и у насъ, есть св. Антоній и этимъ довольствовались; тѣмъ болѣе, что имъ не было тогда еще извѣстно, что здѣсь нѣкогда былъ образъ препод. Антонія Печерскаго, коему ихъ предки воздавали должное почитаніе. Они просто, безотчетно поддавались въ семь случаевъ какому то чувству, хотя сами не могли опредѣлить откуда оно происходитъ и какое имѣетъ значеніе. Да, нашъ народъ, по тогдашней темнотѣ своей, никакъ не зналъ, что на эти его чувства невидимо вліяетъ давно прошедшее время—время полнѣйшаго вѣянія духа привославія въ семь краѣ,—чувства, котороря въ ихъ предкахъ зарождались при посѣщеніи св. града Кіева, бывшаго нѣкогда центромъ и душою всероссійскаго православія, гдѣ жилъ великій подвижникъ препод. Антоній Печерскій, происходившій родомъ изъ Малороссіи—страны намъ сосѣдней и единоплеменной.

Вотъ такія то причины были поводомъ посѣщенія б. бернардинскаго костела въ день 13 іюня нашимъ православнымъ, простымъ и неразвитымъ людомъ!

Съ 1864 года обстоятельства нашего края измѣнились, и привычка православныхъ къ посѣщенію упомянутаго костела сама собою мало помалу начала исчезать. Тому послужило слѣдующее благопріятствующее обстоятельство. Когда закрылись, послѣ мятежа, многіе костелы за участіе римско-ка-

толическаго духовенства въ польскомъ бунтѣ, то и бернардинскій костелъ, находившійся въ г. Слонимѣ, былъ закрытъ, а такъ какъ служеніе въ немъ совершенно прекратилось, то, по распоряженію начальства, вся ризница, утварь и образа были перенесены изъ закрытаго костела въ другой костелъ приходскій, что на Замостьѣ. Въ то же самое время, со всѣмъ прочимъ, вынесенъ былъ туда и чтимый народомъ образъ Антонія Падуанскаго.

Почти два года этотъ костелъ стоялъ закрытымъ, народъ смутно глядѣлъ на пустой храмъ, въ который не такъ давно еще приходилъ на покланіе образу св. Антонія, и, не находя здѣсь болѣе удовлетворенія своему религіозному чувству, наконецъ обратился въ костелъ, въ который перенесенъ образъ Антонія.

Не радостно было православному христіанину смотрѣть на такое безотчетное влеченіе православнаго народа къ римскому костелу: но, однакожь, нельзя было за это строго обвинять народъ нашъ. Ибо въ семъ обычаѣ оказывалась не измѣна православной вѣрѣ, а отпечатлѣвалось лишь явнымъ образомъ старое время, весьма тягостное и убійственное для народнаго духа....

При обстоятельствахъ стараго прежняго времени—времени владычества польскаго духа и вліянія римской пропаганды—трудно было подъ часъ, не только простому народу, но даже православному духовенству бороться на каждомъ почти шагѣ со всѣми враждебными ему началами, и не одинъ ревнитель православія за свою ревность дорого поплатился....

Но никто не могъ бы такъ легко исправить всего этого зла, какъ зашедшая за предѣлы возможнаго римская пропаганда и послѣдній польско-шляхетскій бунтъ. И если что теперь сдѣлано благоприятнаго для русскаго дѣла и для православія въ здѣшнемъ краѣ, такъ это именно, благодаря обстоятельствамъ прошедшаго времени, хотя и смутнаго.

При такихъ то новыхъ условіяхъ, пишущій эти строки, по долгу пастыря церкви, желая отвлечь какъ нибудь собиравшійся 13 іюня изъ разныхъ концовъ уѣзда православный народъ отъ безотчетнаго посѣщенія слонимскаго костела, въ который перенесенъ образъ Антонія Падуанскаго, святаго непризнаваемаго нашею православною церковью,—обратился въ

1866-мъ году къ б: начальнику Гродненской губерніи Ивану Николаевичу Скворцову, съ просьбою объ отдачѣ закрытаго бернардинскаго костела для устройства изъ него православной церкви. Бывшій гродненскій губернаторъ, такъ много содѣйствовавшій утвержденію въ губерніи православія, съ великимъ удовольствіемъ на это согласился. Такимъ образомъ съ его разрѣшенія, по благословенію высокопреосвященнаго митрополита литовскаго Іосифа, костель скоро былъ обращенъ въ православную церковь, устройству которой много посодѣйствовалъ и личнымъ участіемъ, а главнымъ образомъ своимъ денежнымъ пожертвованіемъ, слонимскій предводитель дворянства Николай Егоровичъ Извѣковъ (1).

Когда надлежащимъ образомъ устроена была сія церковь, тогда заказанъ былъ образъ препод. Антонія Печерскаго и поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ образъ Антонія Падуанскаго,

Чтобы отстать совершенно отъ костела, куда собирались православные ради образа св. Антонія, ничего болѣе не нужно было, какъ только то, чтобы они увидѣли здѣсь—въ возобновленной церкви—на прежнемъ мѣстѣ образъ тогоже имени святого, празднуемаго нашею православною церковью. И, Боже мой! какая великая радость объяла всѣхъ православныхъ, когда они увидѣли въ первый разъ въ своей церкви образъ глубоко чествуемаго ими святого Антонія. Какъ душевно они благодарили за это мѣстное духовенство!.... Послѣ того имъ не нужно было ходить болѣе въ костель; ибо уже въ своей церкви они могли вполне удовлетворять своему религиозному духу.

Теперь крестьяне, особенно близкіе, собираются для празднованія памяти препод. Антонія уже не 13 іюня, какъ это водилось до 1867 г., т. е., не въ день Антонія Падуанскаго, а 10 іюля—въ день препод. Антонія Печерскаго. Дальше же идетъ уѣзда богомольцы, хотя собираются для празднованія памяти св. Антонія въ день 13 іюня, но уже не въ костель, гдѣ стоитъ образъ Антонія Падуанскаго, ими чествуемый прежде, а въ церковь, возобновленную изъ костела бернардинскаго, гдѣ есть образъ Антонія Печерскаго. Можно быть вполне

1) Онъ пожертвовалъ 258 руб. сереб.

увѣреннымъ, что вскорѣ и дальніе богомольцы привыкнутъ собираться для празднованія дня св. Антонія въ день опредѣленный нашею православною церковью, и старая привычка, несвойственная православнымъ, совершенно исчезнетъ.

Такихъ-то ради обстоятельствъ и соображеній, въ настоящее время, со всею торжественностію отправляется въ Св. Троицкой церкви въ день 10 іюля церковная служба, которую въ минувшемъ 1867 году совершалъ соборнѣ Жировицкаго монастыря настоятель, о. архимандритъ Николай, послѣ которой сказано было соборнымъ священникомъ г. Слована приличное тому дню Слово, а въ настоящемъ году совершалъ церковное богослуженіе проживающій на покой въ Жировицкомъ монастырѣ высокопреосвященный Михаилъ, б. архіепископъ минскій.

Небезынтересно будетъ упомянуть здѣсь еще, о самомъ днѣ 10-го іюля сего года и о приготовленіяхъ сопряженныхъ съ торжествомъ сего дня.

Вѣсть о служеніи высокопреосвященнаго 10 іюля, какъ электричество пронеслась по всему приходу и всѣ душевно радовались и благодарили Бога, что въ сей великій для слонимскаго прихода день будетъ совершена архіерейская служба. Всѣ дѣлали нужныя къ сему служенію приготовленія. Хоръ пѣвчихъ приготовлялъ къ архіерейскому служенію церковныя пѣсни, устраивался новый для архіерея тронъ; приглашались сосѣдніе священники и проч. Наконецъ все было готово и ждали только наступленія заветнаго дня. 10-го іюля наступило..., въ 9 часовъ утра раздался въ Троицкой церкви благовѣсть, созывающій богомольцевъ на праздникъ, народъ сталъ собираться въ храмъ Божій, и минута за минутой народу собиралось все больше и больше, такъ что скоро наполнился весь храмъ молящимися. На паперти стоялъ съ крестомъ священникъ, облаченный въ свѣтлыя праздничныя одежды, и диаконъ съ архіерейской мантией въ рукахъ. Всѣ съ замираніемъ сердца ожидали пріѣзда владыки! Но вотъ раздается трезвонъ, и взоры всѣхъ обратились въ ту сторону, откуда должна показаться карета. Еще минута, ижданная карета у воротъ церковныхъ остановилась. Владыка, убѣленный сѣдинами, вышелъ изъ экипажа, встрѣченный мѣстнымъ духовенствомъ вмѣстѣ съ настоятелемъ Жировицкаго монастыря, о. Архимандритомъ Ни-

колаемъ, тоже прибывшимъ къ служенію. Послѣ богослуженія во время причащенія сказано было 2-е Слово.

Такимъ образомъ совершились уже, 10 іюля въ Св. Троицкой церкви, въ день препод. Антонія Печерскаго, двѣ торжественныя службы: и намъ вѣрится, что на будущее время, при таковой же торжественной службѣ, память въ народѣ о днѣ 13 іюня, въ который онъ нѣкогда собирался въ бернардинскій костель, въ день Антонія Падуанскаго, совершенно исчезнетъ, и мѣсто сего займетъ на вѣчныя времена день 10-го іюля—день памяти препод. Антонія Печерскаго, который, встрану, до уничтоженія существовавшей на семь мѣстѣ первой Св. Троицкой церкви, здѣсь также предками всегда праздновался.

Можно также надѣяться, что къ празднованію памяти въ сей церкви препод. Антонія Печерскаго современемъ присоединятся и мѣстные р. католики, которые теперь, слава Богу, не чуждаются нашей Св. Троицкой церкви, всегда живо напоминающей имъ прежній костель, и посѣщаютъ ее часто въ дни Богослуженія.

(Лит, Еп. Вѣд.)

ЕЩЕ О ПРИГЛАШЕНІИ ПАПЫ НА РИМСКІЙ ВСЕЛЕНСКІЙ СОВОРЪ.

Съ грустью прочитали мы извѣстіе о новой попыткѣ римскаго первосвященника къ подчиненію себѣ православно—восточной Церкви. Въ этомъ именно смыслѣ понимаемъ мы приглашеніе, адресованное Піемъ IX къ восточнымъ патріархамъ и епископамъ, прибыть на предстоящій вселенскій соборъ. Видимая цѣль приглашенія заключается въ возможности возстановить прерванное между восточной и западной церквами единеніе; но кто усомнится хотя на минуту, что предполагаемое воссоединеніе двухъ церквей заранѣе обуславливается подчиненіемъ Востока Западу? Если же такъ, то на подобныхъ условіяхъ возможно ли, мыслимо ли возстановленіе древняго единства?

Можно было бы предположить, что высокіе умы, которые соберутся на вселенскій соборъ, найдутъ возможность прійти къ соглашенію, что ошибочныя воззрѣнія Западу на причины и по-

дробности вѣковыхъ разногласій будутъ выяснены и исправлены въ живомъ общеніи мыслей ; что предубѣжденіе разсѣется и духъ братской любви, при искреннемъ съ обѣихъ сторонъ желаніи отыскать истину, укажетъ и самыя средства къ примиренію. Но увы ! надежда на подобное направленіе соборныхъ совѣщаній напрасна. Мы не говоримъ объ историческихъ доказательствахъ этой мысли : десятивѣковая исторія папства свидѣтельствуетъ слишкомъ ясно, что эта братская любовь, что это искреннее желаніе прійти въ разумъ истины, никогда не одушевляли Рима, и что всѣ дѣлаемые имъ попытки къ примиренію съ Востокомъ вращались около одной идеи, одного стремленія—подчинить Востокъ своей власти. Убѣдиться въ иномъ направленіи современнаго папства можно было бы только на основаніи какихъ либо признаковъ противоположнаго свойства. Въ сожалѣнію, такихъ признаковъ не замѣтно въ современномъ папствѣ. Многократно высказанный взглядъ нынѣшняго владыки Рима на раздѣленіе церкви остался вѣрнымъ вѣковой идеѣ папства. Всякая попытка очистить католицизмъ отъ чуждыхъ религіи наростовъ всегда встрѣчала въ Піѣ IX только слова порицанія и осужденія, а дѣятельность римской пропаганды на Востокѣ, столь болѣзненно отзывающаяся въ сердцахъ первосвятителей древнихъ восточныхъ церквей, отличается тѣми же свойствами преобладанія и захвата, съ которыми никогда не разставалось папство, и имѣетъ единственною цѣлью, усиливая папство, ослабить и, если возможно, уничтожить православіе. При такомъ направленіи римско-католической церкви, трудно видѣть въ ней искреннее желаніе примиренія съ Востокомъ, и потому едва ли между людьми, преданными восточно-католической истинѣ, найдется хоть одинъ человѣкъ, который бы взглянулъ на послѣднее приглашеніе папы, какъ на серьезное доказательство его стремленія положить конецъ горестному разъединенію,

Телеграмма изъ Рима извѣщаетъ, что представителямъ протестантскихъ общинъ также отправлено приглашеніе на соборъ. Въ этомъ послѣднемъ документѣ папа убѣждаетъ протестантовъ воссоединиться съ римско-католическою церковію, потому что для спасенія христіанства, говорить онъ, необходимо, чтобы было едино стадо и одинъ пастырь. Такимъ образомъ, римскій перво-

связаннымъ относитъ къ папству слова, сказанныя о себѣ Божественнымъ Основателемъ христіанской религіи. Не удивляемся такимъ понятіямъ представителя р. католицизма и такому способу его выраженія: тѣ, которые знакомы съ стремленіями папства, давно къ этому привыкли. Но полагаемъ, что протестанты едва ли согласятся на папское приглашеніе. Они лучше папы, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, понимаютъ смыслъ евангельскихъ словъ. Имъ понятно также то бѣдственное положеніе, въ которомъ находилась христіанская религія наканунѣ XVI столѣтія, и которое было причиною ихъ отдѣленія отъ римской церкви. Съ тѣхъ поръ протестанты не имѣли случаевъ убѣдиться въ улучшеніи этого положенія, и великая бездна все болѣе утверждалась между ними и р. католицизмомъ. Возвращеніе протестантовъ въ лоно р. католической церкви въ цѣломъ составѣ сдѣлалось невозможностью. Частные случаи перехода протестантовъ въ р. католичество, вызванные крайностями протестантизма, ничего не доказываютъ. Напротивъ, если когда либо оно проникнетъ въ духъ и исторію христіанства, то оно всего скорѣе сблизится съ православіемъ. Движеніе въ англо-американской церкви представляетъ въ этомъ отношеніи весьма замѣтный и поучительный фактъ, а нѣкоторые изслѣдованія протестантскихъ богослововъ въ этой области доказываютъ, что безпристрастное и здравое сужденіе о христіанской истинѣ вполне доступно свѣтлымъ умамъ протестантства и можетъ приводить къ счастливымъ результатамъ. Мы убѣждены, что и самъ папа не вѣритъ въ возможность присоединенія протестантовъ съ католицизмомъ, и если отъ него послано упомянутое выше приглашеніе къ представителямъ протестантскихъ общинъ, то это сдѣлано единственно для очистки совѣсти.

Свер. Лист.

ПАПСКОЕ ПОСЛАНИЕ ЕПИСКОПАМЪ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ СЪ ПРИГЛАШЕНІЕМЪ НА ВСЕЛЕНСКІЙ СОВОРЪ.

Занимаемъ изъ «Сѣверной Почты» текстъ папскаго посланія, которымъ приглашаются въ Римъ на вселенскій соборъ неуніат-

скіе восточные епископы греческой и русской церкви. — «Поставленные неисповѣдимымъ опредѣленіемъ Промысла Божія ; хотя и безъ заслугъ съ нашей стороны, наслѣдникомъ всеблаженнѣйшаго князя апостоловъ на сей высокій престолъ, который, по дарованному Богомъ преимуществу (?), есть твердый и надежный камень, на коемъ Спаситель создалъ церковь Свою (?), и побуждаемые ревностью, внушаемою намъ такою должностію, мы искренно желаемъ и стараемся распространить свою заботливость на всѣхъ тѣхъ, которые, будучи разсѣянными по свѣту, носятъ имя христіанъ, и привлечь ихъ въ объятія отеческой любви. Мы не могли бы, безъ крайней опасности для души нашей, пренебречь частью христіанскаго народа, который, искупленный всецѣстною кровью Спасителя и водою святаго крещенія, сопричисленный къ стаду Господню, требуетъ всей нашей бдительности. И такъ, будучи обязаны неослабно обращать всѣ наши помыслы къ тому, чтобы способствовать къ спасенію всѣхъ неповѣдующихъ Иисуса Христа и поклоняющихся Ему, мы обращаемъ наши взоры и наше отеческое сердце къ церквамъ, которыя, нѣкогда соединенныя съ этимъ апостольскимъ престоломъ, чрезъ союзъ единства, сіяли такимъ блескомъ святости и небснаго ученія во славу Божию и спасеніе душъ, а нынѣ злобою и кознями того, кто вызвалъ первый расколъ на небѣ, къ великой скорби нашей, отторгнуты и удалены объ общенія святой римской церкви, распространенной по всей вселенной. Уже въ началѣ нашего высочайшаго первосвятительства мы обращались къ вамъ по этому предмету, въ полномъ изліяніи нашего сердца, слова мира и любви. Хотя эти слова отнюдь не достигли столь желанной цѣли, но все-таки мы никогда не теряемъ надежды, что наши смиренныя и теплыя молитвы будутъ услышаны вротнимъ и смиреннымъ Творцомъ мира и спасенія, Тѣмъ Кто совершилъ спасеніе земли, Кто, явившись свыше и явивъ всѣмъ желанный и желательный миръ, возвѣстилъ его людямъ, *въ нихъ же благоволеніе*, въ день Рождества Своего, служеніемъ ангеловъ, имѣлъ общеніе съ людьми, наставлялъ ихъ словомъ Своимъ и поучалъ Своимъ примѣромъ». Такъ какъ мы недавно, съ одобренія нашихъ достопамятныхъ братьевъ, кардиналовъ святой римской церкви, возвѣстили и созда-

ли вселенскій соборъ , должествующій воспослѣдовать въ будущемъ году въ Римѣ и имѣющій быть открытымъ 26-го ноября (8 декабря), въ день, посвященный зачатію пренепорочной Дѣвы Маріи, то мы еще разъ возвышаемъ свой голосъ къ вамъ и всѣми силами нашими просимъ васъ, извѣщаемъ васъ, наставляемъ передъ вами , чтобы вы явились на этотъ всеобщій соборъ , какъ явились ваши предшественники на соборъ лионскій , созванный Григоріемъ X, досточтимой памяти предѣстникомъ нашимъ, и на соборъ флорентинскій, созванный Евгениемъ IV, достославной памяти предѣстникомъ нашимъ, дабы, по возобновленіи древнихъ законовъ любви и по прочномъ возстановленіи мира отцевъ нашихъ, сего спасительнаго и небеснаго дара Христова , исчезнувшаго на время, возсіялъ предъ очами всѣхъ яркій свѣтъ желаннаго единства , послѣ тучъ долговременной скорби и смутнаго, печальнаго мрака долгой разлуки. Да будетъ сіе счастливымъ плодомъ благословенія, каковымъ Иисусъ Христосъ, всѣмъ намъ Образецъ и Спаситель, утѣшаетъ Свою непорочную и возлюбленную невѣсту, католическую церковь; да осушитъ Овъ ваши слезы въ эти трудныя времена, дабы, по прекращеніи всякаго раздора, несогласные прежде голоса , въ полномъ согласіи духовномъ , хвалили Бога, не хотящаго между нами никакихъ раздоровъ и повѣлывающаго гласомъ апостола всѣмъ намъ одинаково говорить и мыслить; да возносятся выну непрестанныя благодарственныя моленія къ Отцу милосердія отъ всѣхъ святыхъ Его , и наконецъ отъ достославныхъ древнихъ отцевъ и учителей церкви восточной, когда они съ высоты небесной узрятъ возстановленное единеніе съ симиъ апостольскимъ престоломъ, средоточіемъ католической истины и единства, единеніе , которое они во время своей земной жизни старались согрѣвать , способствуя ему всѣми своими изслѣдованіями и неутомимыми усиліями, ученіемъ и примѣромъ, воспламененные любовью , разлитую въ ихъ сердцахъ Духомъ Святымъ къ Тому , Кто примирилъ и удовлетворилъ все цѣною Своей крови ; восхотѣлъ , дабы знаменіе учениковъ Его заключалось въ мирѣ , и обратился къ Отцу Своему съ симиъ прошеніемъ: *да будутъ едино, якоже и Мы.* Данъ въ Римѣ,

у св. Петра, 27-го августа (8-го сентября) 1868 года, въ лѣто нашего первосвятительства двадцать третье».

(Сов. Лист.)

УНІЯ ВЪ ХОЛМСКОЙ РУСИ.

Въ номерахъ 61 и 62 львовскаго «Слова» помѣщена обширная и весьма любопытная статья, подъ названіемъ: «Причины искаженія уніятскихъ обрядовъ». Извлекаемъ изъ нея тѣ свѣдѣнія, которыя касаются собственно уніи въ холмской Руси.

Уничтоженіе «русскихъ костей» и затираніе всякихъ слѣдovъ ихъ въ холмской епархіи, началось со времени усмиренія польскаго мятежа 1831 года, но особенно усилилось и производилось съ лихорадочнымъ послѣдствіемъ послѣ воссоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ съ православною церковью, въ 1839 году. Никогда, повидимому, взаимный союзъ полоно-латинства и холмской уніи не достигалъ такой прочности, какъ со времени этихъ знаменательныхъ событій.

До 1831 года, не только въ Холмщинѣ, но и на Подлясѣ, не были рѣдкостью уніятско-русскіе священники, употреблявшіе какъ въ частномъ быту, такъ и во всѣхъ церковныхъ актахъ исключительно русскій языкъ. При многихъ церквяхъ существовали народныя школы, въ которыхъ приходскій дьячокъ обучалъ дѣтей только на русскомъ языкѣ. Но послѣ 1831 года почти сразу замолкъ въ приходахъ этотъ прирожденный духовенству языкъ, уніятско-русскіе іереи начали подписываться ксендзами, дьячки—огранистами, метрики повелись на одномъ только польскомъ языкѣ, русскихъ училищъ не стало ни одного. До 1839 года уніятскіе храмы по большей части были украшены восточно-православнымъ благолѣпіемъ, и въ богослуженіи не было никакихъ латинскихъ примѣсей; но въ послѣдовавшіе за тѣмъ годы, внутреннее устройство церквей быстро преобразуется по латинскому образцу, особенно размножаются органы, заводятся повсюду рожанцы, народъ ежегодно тысячами переходитъ въ латинство, уніятскіе приходы заустѣваютъ, а храмы разрушаются. Загѣ-

чательно , что всё эти явленія происходили на глазахъ тогдашней администраціи , въ то именно время , когда правительство наше въ первый разъ послѣ 1831. года крѣпко утвердилось въ завоеванномъ Царствѣ Польскомъ , и довольно серьезно , повидному , стало относиться къ полоно-латинству .

Между тѣмъ , пришибенная и по наружности смирившаяся польщизна втихомолку дѣйствовала такъ искусно , что всё мѣры , принимавшіяся съ означенной эпохи правительствомъ къ утверженію русскаго господства въ Царствѣ Польскомъ , и въ частности къ возрожденію уніятско-русскаго народа , приводили совершенно къ противоположнымъ результатамъ , потому что служили въ рукахъ ближайшихъ исполителей орудіемъ къ возбужденію въ уніятско-русской интеллигенціи непріязни къ Россіи , и къ болѣе вѣрному и скорому ополяченію и окатоличенію русскихъ уніатовъ .

На поверхностный взглядъ казалось , что все идетъ очень хорошо , и русское дѣло начало , будто бы , прививаться къ привилегированной почвѣ . Такъ , въ 1840 году правительство достигаетъ того , что въ гимназіяхъ Царства Польскаго преподаваніе производится на русскомъ языкѣ ; въ присутственныхъ мѣстахъ дѣлопроизводство идетъ болѣею частью по русски ; отпускаются суммы для пріобрѣтенія уніятскимъ церквамъ иконостасовъ ; учреждается въ Холмѣ «институтъ дьяковъ» , съ цѣлью приготовить пѣвцовъ для уніятскихъ церквей , и вытѣснить изъ нихъ органы ; воспитываются на казенный счетъ въ московской и кievской духовныхъ академіяхъ уніятско-русскіе семинаристы . И вотъ рядомъ съ этими мѣропріятіями , русскій языкъ окончательно изгоняется изъ церковныхъ уніятско-русскихъ актовъ , церковно-приходскія училища совершенно исчезаютъ , и замѣняются польскими ; въ холмской семинаріи , вмѣсто прежняго преподавательнаго латинскаго языка , вводится польскій , изъ церквей выносятся остатки иконостасовъ , и замѣняются изображеніями бритыхъ и стриженныхъ латинскихъ монаховъ ; изъ института дьяковъ выходятъ отличные органисты , поютъ не смыслящіе въ церковномъ пѣніи , за то въ совершенствѣ владѣющіе польскимъ языкомъ , котораго они до поступленія въ институтъ совершенно не понимали ; уніаты-воспитанники русскихъ духовныхъ академій , по возвращеніи въ

холмскую епархію, встрѣчаются взрывомъ всеобщей непріязни, и въ скоромъ времени начинаютъ служить доказательствомъ того, что правительство совершенно напрасно потратило на нихъ деньги; въ семействахъ русскихъ священниковъ не слышится болѣе русскаго слова; семинаристы вступаютъ въ браки съ католичками, и сами присоединяютъ своихъ священническихъ дочерей къ латинству, словомъ, въ тотъ именно краткій періодъ, когда правительство излило на русскихъ униатовъ столько благодѣній, сколько не видѣли они въ продолженіе всей предъидущей своей исторіи,—особенно сильно развилась въ униатско-русской интеллигенціи ненависть къ Россіи, а въ духовенствѣ въ частности особенно явно обнаружилось небреженіе къ восточно-славянскому богослуженію.

Базалось, послѣдній часъ униіи пробилъ. Ей грозило окончательное поглощеніе латинствомъ, и если бы такой порядокъ продолжился еще нѣсколько лѣтъ, то безъ сомнѣнія, всѣ униатско-русскіе приходы постигла бы такая участь, какую видимъ теперь въ мѣстечкахъ Константиновѣ, Парчевѣ, Радинѣ и другихъ, гдѣ остаются запустѣлыя униатскія церкви среди нѣкогда русскаго населенія, нынѣ окатоличеннаго и ополяченнаго.

Но сами поляки мастера портить собственное свое дѣло. Съ 1857 года, польщизна сняла маску, и рѣшительно потребовала, чтобы оставшаяся самая незамѣтная демаркаціонная линія между русской унией и польскимъ латинствомъ была уничтожена. Съ тѣхъ поръ католическіе епископы самовластно начали распоряжаться дѣлами униіи, не допуская для русскихъ униатовъ и тѣни самостоятельности въ отправленіяхъ религіозной совѣсти и народнаго самосознанія. По естественному закону вещей, такая гегемонія вызвала со стороны униатско-русской интеллигенціи, во главѣ коей всегда стояло духовенство, нѣкоторую оппозицію, проявившуюся въ двухъ фракціяхъ: на Подлясьѣ явились антагонистами такъ называемые «добрые униты», ревниво заботившіеся лишь о сохраненіи іерархической самостоятельности, но совершенно равнодушные къ народно-русскимъ интересамъ своей паствы; въ то же время, изъ среды духовенства въ Холмщинѣ выдѣлился кружокъ истинныхъ народолюбцевъ, солидарный въ своихъ стремле-

нихъ съ галицко-русской интеллигенціей, проникнутый въ равной мѣрѣ и привязанностію къ чистотѣ своей религіи и любовью къ своему единокровному народу. Изъ этой то среды вышелъ извѣстный адресъ къ бывшему намѣстнику, великому князю Константину Николаевичу, умолявшій законныя власти объ охраненіи униі отъ посягательствъ полонизма и латинства.

Насколько бесполезны были для религіи и народа «добрые умыты», свидѣлствуютъ ихъ диспуты того времени съ ксендзами о томъ, кто болѣе полякъ въ лучшемъ значеніи слова — унiate или латинникъ? Мятежъ 1863 г. лучше всего отвѣтилъ на этотъ вопросъ: обѣ стороны оказали революціи равныя услуги, съ тою лишь разницею, что польскіе ксендзы, какъ люди холостые, самолично заправляли организаціей, а ксендзы русскіе, какъ семейные, посредственно лишь доставляли революціи матеріальную и нравственную поддержки. Напротивъ, холмскіе народолюбцы послужили тѣмъ плодоноснымъ корнемъ, изъ котораго вырастаетъ теперь крѣпкое русское дерево. Подкрѣпляемые свѣжими силами прибывшихъ изъ Галичины своихъ братьевъ, проникнутыхъ духомъ религіи и народности, холмскіе дѣятели мало по малу очищаютъ унию отъ паразитныхъ наростовъ польщизны, и приближаютъ свою обрядность къ первобытному греко-восточному благолѣпію. Въ тоже время усилія ихъ, вспомошествоуемыя средствами правительства, въ значительной мѣрѣ пробудили въ меньшей братіи искусственно заглушенное сознаніе того, что природа ихъ русская, и счастливая будущность ихъ возможна только въ общемъ теченіи русской жизни. Ручательствомъ же тому, что этотъ нормальный ходъ исторіи не свернетъ съ праваго пути, служитъ надежное водительство достойнаго нынѣшняго холмскаго архипастыря, и славнаго русскаго народолюбца.

(Варш. Дн.)

ИЗВѢСТІЕ О ВСТУПЛЕНІИ НА ХОЛМСКУЮ ЕПИСКОПСКУЮ КА- ФЕДРУ ЕПИСКОПА МИХАИЛА КУЗЕМСКАГО.

24 августа совершилось торжественное вступленіе на холмскую епископскую *) кафедрѣ новопоставленнаго холмскаго епископа преосвященнаго Михаила Куземскаго. Преосвященный слѣдовалъ въ Холмъ черезъ Томашевскій и Грубешовскій уѣзды, гдѣ сплошное населеніе составляютъ уніаты. По разсказамъ очевидцевъ, особенно трогательно было вступленіе его въ г. Томашевъ въ предѣлы своего новаго великаго отечества. Галицкіе русскіе—народъ и духовенство, сопровождавшіе своего знаменитаго соотечественника и любимаго народнаго вождя, буквально, съ плачемъ и рыданіями прощались съ нимъ на границѣ, раздѣляющей Русь отъ Руси. Въ Холмѣ епископъ прибылъ 24 августа, въ 7^{1/2} часовъ вечера. Съ утра этого дня, народъ и духовенство стали собираться во множествѣ. Изъ ближайшихъ приходоѡ крестьяне являлись съ своими приходскими священниками крестнымъ ходомъ и встрѣчаемы были звономъ соборнаго колокола, не умолкавшаго почти цѣлый день; были церковныя процессіи даже изъ Подлясы, пришедшія за десятки верстъ. На границѣ уѣзда, преосвященный встрѣченъ былъ уѣзднымъ начальникомъ съ гминными войтами, солтысами и лавниками четырехъ ближайшихъ гминъ и народомъ, при чемъ, послѣ краткаго привѣтствія, названнаго начальникомъ уѣзда, гминные войты поднесли, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль, что произвело на преосвященнаго видимо пріятное впечатлѣніе. По пріѣздѣ въ г. Холмъ, епископъ встрѣченъ былъ также съ хлѣбомъ-солью мѣстнымъ бургомистромъ и гражданами у городской заставы, за которою ожидала его преосвященство духовная процессія съ хоругвями и крестами, въ коей участвовало болѣе ста священниковъ, и до пяти тысячъ народа, и во главѣ которой преосвященный вступилъ въ холмскій кафедральный соборъ, гдѣ привѣтствовалъ его предсѣдатель консисторіи, архипресвитеръ Войцицкій.

По совершеніи молебствія, преосвященный отправился въ свою палату, гдѣ представлялись ему: инспекторъ холмской гимназіи, инспекторъ педагогическихъ курсовъ и еще нѣкоторыя лица изъ духовенства. На другой день отправлено было въ соборъ торжественное епископское служеніе, котораго холмская епархія не видала со

1) Греко-унитскую.

времени епископа Шумборскаго. Во время обѣдни проповѣдывалъ соборный протоіерей и законоучитель мѣстной гимназіи о. Маркеллъ Попель. Послѣ церковной проповѣди и по прочтеніи вслѣдъ за тѣмъ вавскихъ буллъ о постановленіи преосвященнаго Михаила холмскимъ епископомъ, протоіерей Попель обратился къ преосвященному съ рѣчью, которую заключилъ слѣдующими словами: «Преосвященный владыка! мы крѣпко вѣруемъ, что ты, свѣтлый нашъ дождь, прольешь лучъ сознанія въ утренніе сумерки здѣшней народной русской жизни, и проснувшаяся Холмщина вспомнить, кто она! вспомнить, что она состояніе св. равноапостольнаго Владимира, и ее оживить русскій духъ, и она возродится, возобновитъ прерванную связь съ предками, и станетъ вѣрною дѣдовскимъ алтарямъ. Владыко нашъ и отче! привлекаемъ къ тебѣ съ полнымъ довѣріемъ и свидѣтельствуемъ искренно преданность и усердную готовность подвизаться за Русь и вѣру предковъ нашихъ. Прими насъ подъ теплый кровъ твой, буди намъ вождемъ правды. Молитвы твои да освѣтятъ паству твою, и лютъ сонмъ, который здѣсь окружаетъ тебя, да приметъ благословіе твое, да возвеселится нѣбогда съ тобою въ небесномъ чертогѣ и да возвеличитъ того, кто избралъ тебя!»

По совершеніи богослуженія, было общее представленіе въ епископскихъ палатахъ, послѣ чего преосвященный присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ въ честь его архипресвитеромъ Войцицкимъ. Послѣ тоста за здравіе Государа Императора, провозглашеннаго виновникомъ торжества, преосвященнымъ Михаиломъ, и сопровождавшагося грожскимъ и единодушнымъ троекратнымъ «ура», комиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ, Г. Ковошинъ, обратился къ его преосвященству съ рѣчью, въ которой особенно замѣчательны слѣд. слова: «Вступленіе ваше на холмскую епископскую кафедру имѣетъ значеніе не только для русской Руси; оно несомнѣнно принесетъ благіе плоды и для вашей осиротѣвшей родины, изнывающей нынѣ въ тяжкомъ польскомъ плену. Намъ невольно припоминается другой отдаленный моментъ вѣковой русско-польской борьбы, когда русскіе люди, не могшіе сносить неволи и позора польскихъ оковъ, покидая свою родину, семьи и домашній очагъ, шли въ вольныя степи за пороги дѣпровскіе, и основали тамъ крѣпкую общину, ставшую на грозной стражѣ противъ враговъ своего отечества. Пусть же и возрожденный Холмъ для повинutoй вами вашей родины станетъ новымъ духовнымъ запорожемъ, свѣтлымъ маякомъ противъ обуревающихъ

ее политических невзгодъ, и твердымъ нравственнымъ оплотомъ въ ея борьбѣ за свои историческія и народныя права. Таково значеніе Холма, къ которому стремятся и наши желанія, и наши усилія. Для осуществленія этой идеи, благодаря щедротамъ правительства и трудамъ, понесеннымъ многими изъ присутствующихъ здѣсь дѣятелей, которыхъ называть я не имѣю нужды, сдѣлано уже много, но все сдѣланное до сего времени имѣетъ характеръ начинанія, подготовки; прежде всего необходимо было расчищать поле для дѣланія отъ тѣхъ сорныхъ травъ и плевель, которыми поросло оно въ продолженіи долгихъ лѣтъ польскаго господства. Вамъ предназначенъ Провидѣніемъ высокій подвигъ возрастить на этомъ полѣ тѣ народныя сѣмена, которыя сохранились живыя въ народной почвѣ,—въ томъ народѣ, который его польскіе властители честили и чествовать именовъ быдла, но который здѣсь, какъ и вездѣ на Руси, явился вѣрнымъ хранителемъ народныхъ началъ и сберегъ ихъ черезъ долгіе годы невзгодъ для лучшаго будущаго. Да поможетъ же вамъ Богъ совершить этотъ честный подвигъ во благо русской народности и во славу общей нашей матери великой и единой русской земли.»

Слова эти заключены были тостомъ за здоровье преосвященнаго. Предсѣдатель люблинской комиссіи Н. П. Воронцовъ—Вельяминовъ, произнесъ также замѣчательную рѣчь, въ заключеніе которой сказалъ:

«Здѣсь, съ высоты этаго холма, увѣнчаннаго древнимъ русскимъ соборомъ и вашимъ жилищемъ, преосвященный Михаилъ, нравственному взору моему представляются новые обширные горизонты, въ которыхъ широко и привольно рвзливаются русская рѣчь и русская жизнь, во всей ихъ красотѣ и во всемъ ихъ богатствѣ. Призовемъ же, милостивые государи, благословленіе небесъ на этотъ холмъ и на это жилище: на нихъ устремлено вниманіе и обращены надежды русскаго міра.»

Обѣдъ окончился русскимъ народнымъ гимномъ «Боже Царя храни,» стройно и съ одушевленіемъ пропѣтымъ всѣми присутствующими.

(Кіев. Еп. Внд.)

КРАТКІЙ БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЕПИСКОПА МИХАИЛА КУЗЕМСКАГО.

Варш. Дневникъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о вновь посвященномъ уніятскомъ холмскомъ епископѣ: Преосвѣщенный епископъ холмскій, Михаилъ Куземскій, какъ блюститель чистоты уніятскаго обряда и въ то же время поборникъ народно-русскихъ интересовъ, представляетъ личность, столь богато одаренную высокими нравственными качествами, что привлекаетъ къ себѣ взоры и своей юной паствы и всѣхъ вообще русскихъ народолюбцевъ. Поэтому читателямъ нашимъ интересно будетъ познакомиться, хотя въ краткихъ чертахъ, съ біографіей преосвященнаго. Она не изобилуетъ вѣчными фактами, за то богата внутреннимъ содержаніемъ.

Происходя изъ духовнаго званія, Михаилъ Куземскій родился 8-го (20-го) ноября 1809 г., въ деревнѣ Шаблинѣ, вблизи мѣстечка Бережанъ, въ Галиціи; гимназическое воспитаніе получилъ онъ въ Бережанахъ, а богословское во Львовѣ. Но училищное образованіе послужило только фундаментомъ для дальнѣйшей работы самоусовершенствованія, благодаря которой преосвященный владѣетъ замѣчательною эрудиціей по многимъ отраслямъ знаній. Это духовно-научное обогащеніе было для него тѣмъ доступнѣе, что онъ, какъ вѣдомъ, обладаетъ основательнымъ знаніемъ языковъ: русскаго, польскаго, греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и французскаго. Проникнувшись любовью къ языку церковно-славянскому, преосвященный Куземскій позналъ все величіе и святость греко-славянскаго обряда и на этой природной почвѣ развилъ въ послѣдствіи свою дѣятельность, направленную къ пробужденію и укрѣпленію народно русскаго духа.

Вскорѣ по окончаніи богословскаго курса, Михаилъ Куземскій, своими блестящими дарованіями и твердымъ характеромъ, обратилъ на себя вниманіе покойнаго митрополита Михаила Левицкаго, который въ 1832 году приблизилъ молодаго Куземскаго къ своей особѣ и вмѣстѣ съ нимъ совершалъ свой объѣздъ львовской епархіи. Но чрезъ годъ Михаилъ Куземскій добровольно оставилъ службу при митрополитѣ и, сочетавшись бракомъ съ священническою дочерью Марією Съчинскою, былъ въ 1833 г. рукоположенъ въ священники и поступилъ на приходъ въ дер. Залозцу.

Здѣсь, на второмъ году іерейства, Михаила Куземскаго посѣ-

тило страшное семейное горе: онъ лишился своей дорогой супруги, и долженъ былъ посвятить много своихъ личныхъ заботъ вскормленію и воспитанію малолѣтней дочери Юліи, которая въ послѣдствіи вышла замужъ за совѣтника львовскаго суда Ковальскаго. И наэтомъ скромномъ поприщѣ Михаилъ Куземскій сумѣлъ, на сколько къ тому представлялось возможности, облагодѣтельствовать своихъ соплеменниковъ и братьевъ въ лицѣ собственныхъ прихожанъ. Пользуясь ихъ довѣріемъ и любовью, онъ основалъ въ Залозцахъ школу и поставилъ ее такъ высоко, что привлечь въ нее не только дѣтей и даже взрослыхъ своего прихода, но также многихъ желающихъ учиться изъ другихъ, часто отдаленныхъ, деревень и мѣстечекъ. Такимъ образомъ онъ своими неусыпными трудами распространилъ въ своемъ окологдѣ. грамотность и элементарныя знанія, и добрымъ вліаніемъ уничтожилъ пьянство, водворилъ миръ и благостояніе между простымъ народомъ. Въ 1836 году Куземскій былъ перемѣщенъ во Львовъ, на должность пенитенціарія при соборѣ св. Георгія, а чрезъ годъ назначенъ членомъ консисторіи, съ титуломъ консисторскаго канцлера. Состоя въ этой должности, онъ въ короткое время привелъ въ строгій порядокъ всѣ дѣла, вѣдѣнію консисторіи подлежащія, и за свои неусыпные труды награжденъ въ 1842 году возведеніемъ въ санъ прелата-схолярха.

По званію схолярха, или главнаго директора народныхъ училищъ, Куземскій принялъ въ свое завѣдываніе едва лишь 24 народныхъ школы, и съ этаго времени поставилъ главнѣйшею задачею своей дѣятельности умноженіе ихъ и устройство на новыхъ, лучшихъ началахъ. Представивъ вниманію правительства, что такъ называемыя народныя школы совершенно не оправдываютъ своего назначенія, такъ какъ учатъ тамъ многому чужому, а напротивъ народный элементъ обученія совершенно не имѣетъ въ нихъ мѣста, вслѣдствіе чего родители видимо предпочитаютъ такимъ училищамъ дьячковскія школы, въ которыхъ обученіе присходитъ на русскому языкѣ.—Куземскій выработалъ проектъ преобразованія первоначальныхъ училищъ въ духѣ чисто-народномъ, и когда послѣдовало одобреніе и утвержденіе этого проекта правительствомъ, то воспитаніе молодого поколѣнія совершалось съ тѣхъ поръ уже въ духѣ русской народности и религіи. Возбудивъ такимъ образомъ въ своихъ соплеменникахъ любовь къ греко-уніатскому обряду, русскому языку и письменности, почтенный схолярхъ заботился

о состояніи русскихъ учебниковъ, о подборѣ надежныхъ во всѣхъ отношеніяхъ преподавателей и, въ результатъ своей дѣятельности, учредилъ въ теченіе 15 лѣтъ болѣе тысячи народно-русскихъ школъ, послужившихъ крѣпкой основой правильнаго развитія народно-русскаго духа. Рядомъ съ этими заботами, Куземскій принималъ самое живо участіе въ заведеніи въ 1846 году учено-благотворительнаго общества, подъ названіемъ галицко-русской матицы, а также въ основаніи первой русской газеты.

Принявъ въ 1848 году предсѣдательство въ главномъ областномъ совѣтѣ во Львовѣ, Куземскій сообщилъ и этому учрежденію чисто-народное направленіе, способствовалъ къ открытію по значительнымъ городамъ второстепенныхъ совѣтовъ, благодаря которымъ пробудилось у русиновъ національное самосознаніе и возродилась братская солидарность между ними. Съ этихъ поръ Куземскій, сосредоточивъ на себѣ неограниченное довѣріе своихъ соплеменниковъ, всегда являлся во главѣ русскихъ депутацій истолкователемъ желаній и потребностей русскихъ галичанъ предъ австрійскимъ императоромъ, и съ этихъ то поръ, то есть съ 1848 года, имя его связывается съ всякимъ народно-русскимъ проявленіемъ. По его вчинанію, собралось во Львовѣ первое засѣданіе русскихъ ученыхъ и народолюбцевъ со всей Галичины, для соглашенія объ одномъ общемъ литературномъ языкѣ и правописаніи; его неутомимыми трудами созданъ во Львовѣ «народный домъ», и благодаря его просвѣщенной дѣятельности возникли народные музеи и книгохранилища.

Дѣятельность въ пользу народа не ослабляла дѣятельности въ пользу церкви. Въ воздаяніе отличій на этомъ поприщѣ, Куземскій былъ возведенъ въ 1856 году въ санъ прелата-кустоша, а въ 1865 въ санъ архидіакона собора крылошанъ, генеральнаго викарія митрополичьяго офіціала. Въ этомъ званіи Куземскій, кромѣ консисторіи, обязанъ былъ распространить свою благотворную дѣятельность и на всю митрополию. Назначенный въ 1860 году членомъ министерства просвѣщенія, онъ сумѣлъ отстоять неоднократно попытки враговъ русскаго народа замѣнить древнія кирилловскія письма латинскою азбукой, за что удостоенъ отъ нашего Августѣйшаго Императора орденомъ св. Анны второй степени съ короною.

Славное имя Михаила Куземскаго сдѣлалось столь извѣстнымъ

въ Имперіи, что этому замѣчательному дѣятелю предложено было со стороны нашего правительства принять вакантную епископскую кафедру въ Холмѣ, и когда сей почтенный іерархъ изъявилъ на то свою полную готовность, то Высочайшимъ указомъ, 21-го мая сего года, назначенъ епископомъ-номинатомъ холмской епархіи и 22-го іюня утвержденъ въ семь званіи, въ собраніи римской консисторіи, папою Піемъ ІХ. Обрядъ посвященія былъ исполненъ въ августѣ, нарочно пріѣхавшимъ во Львовъ папскимъ нунціемъ. Доказательствомъ же довѣрія и благоволенія къ преосвященному Михаилу Государя Императора служить то, что со времени рукоположенія въ епископы Куземскаго присланы отъ Его Величества драгоценные дары: архіерейская митра, омофоръ, серебряный посохъ и другіе знаки епископскаго достоинства.

(Съв. Поч.)

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНІЕ ХОЛМСКАГО ЕПИСКОПА МИХАИЛА.

Епископъ холмскій Михаилъ о вступленіи своемъ на епископскую кафедру извѣстилъ свою паству окружнымъ посланіемъ. Послѣ разказа о своемъ избраніи и посвященіи, преосвященный Михаилъ обратился къ своей паствѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Русскій народе! Ты всегда славился твердою вѣрою, и набожностію, и непоколебимою преданностію къ своимъ монархамъ, вѣдущи, що сущія власти отъ Бога учинены суть, а противляяся власти, Божію повелѣнію противляется (Рим. 13, 23). Не меньше славился ты, русскій народе, постоянностію и любовью къ отеческимъ преданіямъ; любилъ еси и почиталъ завсегда пастырей и духовныхъ отцевъ своихъ. Къ тебѣ отже русскій народе холмской епархіи ввѣренному нашему архіерейскому управленію отзывается днесъ: *не отъ чужины* приходимъ къ вамъ возлюбленный, но отъ того же самаго русскаго народа, который тою самою бѣсѣдою що и вы, говорить, туюжде самую вѣру католическую, що и вы, исповѣдуетъ и тѣхъ же самыхъ святыхъ обрядовъ греческихъ придерживается. Приходимъ къ вамъ съ полнымъ и необмеживымъ упованіемъ, що наставленіямъ архіерея и отца вашего повиноватися и къ нему полное и необмежимое довѣріе имѣти будете.

Намъ не суть тайны ни тяжкое бремя архіерейскаго званія, ниже неудобность силъ нашихъ; однакъ же облегаетъ намъ оныя по части торжественное запорученіе високаго управительства, „що тоежде не якъ не будетъ стѣснати совѣсти нашей, ниже нашему соединенію во вѣрѣ съ римско-каѳолическою церковью въ нѣчемъ препятствовати“; больше же его поддерживаетъ и одобряетъ насъ крѣпкое упованіе на Бога, на Его помощь святую и на молитву вѣрныхъ. Вѣрныи о Христвѣ сынове и дщери! Старайтесь всѣми силами о умноженіи хвалы Божіей и о спасеніи вашихъ душъ. Душъ пастыри—тіи-то отцы и проводники ваши, бдятъ о добро душъ вашихъ. Они приносятъ за насъ безкровную жертву, они преподають вамъ святіи тайны; они проповѣдають вамъ евангеліе Іисуса Христа, и обучають васъ въ истинахъ вѣры и нравственности. Сего ради повинуйтесь наставленіямъ ихъ. Собирайтесь численно на богослуженіи, слушайте съ увагою слова Божего, и исполняйте заповѣди Божія и церковныя, а чада ваша воспитывайте въ страхъ Господнемъ: сіе бо угодно есть Господеви.“ Документъ этотъ замѣчательнъ, какъ по формѣ изложенія и языку, такъ и по внутреннему содержанию. Въ немъ сразу обрисованъ человекъ, взявшій твердою рукою врученный ему жезлъ. Человекъ, который всю свою жизнь провелъ въ борьбѣ за свою народность, который велъ эту борьбу съ рѣдкимъ тактомъ и успѣхомъ, конечно, останется по гробъ вѣренъ своимъ принципамъ, и приобрѣтеніе такого человека для Россіи, и особенно для привисланскаго края можно, кажется, почитать великою находкою. Одна твердая, громкая русская, съ малороссійскимъ выговоромъ, рѣчь его производитъ магическое вліяніе на предстоящихъ.“

(Варш. Днев.)

ВЫСЫЛКА ВЪ НОВГОРОДЪ ПЛОЦКАГО ЕПИСКОПА ПОПЕЛЯ.

Изъ Варшавы пишутъ въ газету *Москва*: «На-дняхъ высланъ на жительство въ Новгородъ плочкій епископъ Попель. Онъ постоянно отличался оппозиціоннымъ характеромъ. Всѣ новыя реформы, даже не касающіяся церкви, находили въ немъ тайнаго или явнаго сопротивника, и не пропускалъ онъ случая возбуж-

дать и въ населеніи подобныя же чувства. Такъ, въ прошломъ году, графъ-намѣстникъ, снисходя къ просьбамъ нѣкоторыхъ католическихъ духовныхъ особъ и некатолическихъ свѣтскихъ, разрѣшилъ епископамъ католическимъ объѣхать свои епархіи. Попель не преминулъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы произвести цѣлый рядъ манифестацій. Карета его была конвоирована отъ 120 до 200 человекъ отрядомъ, составленнымъ изъ польскихъ патриотовъ, наряженныхъ въ видѣ уланъ, гусаръ и т. п. Всюду стекались тысячи народа, предшествуемаго знаменами, хоругвями и проч. На вопросъ администраціи, что это значитъ, Попель объяснилъ, что все это суть выраженія преданности невинныхъ овецъ къ нему, Попелю, какъ къ доброму пастырю, и что во всѣхъ этихъ манифестаціяхъ онъ дурнаго ничего не видитъ. Другіе епископы также обозрѣвали свои епархіи, однако ничего подобнаго не происходило. Но это дѣло прошедшее. Теперь правительство, говорятъ, обратилось къ нему, Попелю, съ требованіемъ выслать депутата въ Петербургъ въ учреждающуюся тамъ коллегію или синодъ католическій. Попель отказался исполнить это требованіе, и потому—такъ рассказываютъ—отправили его на жительство въ Новгородъ. Попелю сохранено и все содержаніе, простирающееся до 6,000 рублей».

(Русск. Инв.)

О РОЛИ ПОЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА СРЕДИ ЗАПАДНО-РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ.

I.

Нельзя не согласиться, что римскій католицизмъ, помимо своего космополитическаго характера, проявляется у разныхъ народностей болѣе или менѣе своеобразно, смотря по тому, какія историческія судьбы пережиты народомъ и въ особенности, въ какія отношенія былъ онъ поставленъ къ римской куріи. Иначе поэтому усвоенъ римскій католицизмъ ирландцемъ, нежели французомъ, иначе проявляется онъ у жителя южной Италіи, нежели у германца. Чѣмъ дольше и сильнѣе находилась нація подъ вліяніемъ Ватикана, чѣмъ продолжительнѣе извѣстный религіозный орденъ направлялъ духовную жизнь народа, тѣмъ фанатичнѣе и нетерпи-

гѣ выработался религіозный обликъ тѣхъ классовъ общества, которые подвергались этому влиянію. Въ этомъ отношеніи польское духовенство и польскій католицизмъ пановъ и шляхты представляетъ самый назидательный примѣръ того, что значить слишкомъ двухъ-сотъ-лѣтняя дѣятельность въ Рѣчи Посполитой самыхъ рыцарскихъ служителей Ватикана—іезуитовъ, опекуновъ и воспитателей восьми поколѣній преимущественно высшаго и средняго слоя польской республики. А извѣстно, что по преимуществу на западный край нашъ, составлявшій нѣкогда часть Рѣчи Посполитой, направлены были самые грозные удары Ватикана и борцовъ его, іезуитовъ—этихъ бичей Христовыхъ, какъ они сами себя называли здѣсь, *jesu—mastigiae*; (*canes latrant dominis suis et tu non vis, ut latrem pro Christo*, сказалъ одинъ здѣшній іезуитъ). Здѣсь боги всего разыгралась вѣковая борьба папства съ православіемъ, здѣсь былъ авангардъ папскаго воинства, въ здѣшнемъ краѣ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Мицкевичъ, могущественная римская церковь приняла *польское* дѣло подъ свое покровительство и *оно сдѣлалось ея собственнымъ дѣломъ*. Понятно послѣ этого, какого рода своеобразностью должно было отличаться здѣшнее *польское* ксендзовство, здѣшній *польскій* католицизмъ; понятно, почему выпало ему на долю носить, даже до послѣдняго времени, печать самаго крайняго ультрамонтанства и почему нравственный кодексъ его мирно, не возмущая совѣсти, уживался съ притворствомъ и лицемеріемъ, съ открыто проповѣдывавшеюся ненавистію къ иновѣрью русскихъ и съ убѣжденіемъ, что папствамъ позволяется все относительно православныхъ, хотя и составляющихъ громадное большинство населенія западныхъ губерній. Разумѣется, что при сложившихся такъ, *подъ покровительственнымъ влияніемъ Рима*, обстоятельствахъ, польское духовенство влеклось къ нему всѣми своими симпатіями, для него не было земляковъ въ родной ему Руси литовской и совершенно справедливо графъ Толстой, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ о католицизмѣ въ Россіи, говоритъ по этому поводу, что «польское духовенство больше принадлежало Риму, чѣмъ своему отечеству, образовывало касту, а не классъ общества, больше привязано было къ своимъ интересамъ, чѣмъ къ интересамъ страны». При папскомъ же влияніи, направленномъ противъ православія громаднаго числа подданныхъ Рѣчи Посполитой, для соблюденія интересовъ

папства ничего не значило прямое неисполнение хотя бы и государственных договоров. Такое хозяйничанье Рима на Руси литовской весьма наглядно выразилось между прочим уже и в то время, когда царь Иванъ III Васильевичъ требовалъ исполненія торжественнаго договора его съ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ, касательно свободнаго исповѣданія православія дочерью его, великою княгинею Еленюю, женою Александра (1478). Царь настаивалъ, чтобы Александръ построилъ женѣ церковь греческаго закона, не давалъ ей слугъ латинской вѣры, не принуждалъ ее носить польское платье, а папа Александръ VI въ то же самое время писалъ литовскому князю, что совѣсть его останется совершенною чиста, если онъ, не смотря на договоръ и присягу, употребить всѣ возможные средства для склоненія Елены къ католицизму, когда же доводы эти не дѣйствовали на князя, то слѣдующій папа Юлій II въ 1505 году дозволилъ Александру жить съ иновѣрною женою только въ ожиданіи смерти отца ея, который уже очень старъ, или въ ожиданіи какого нибудь другаго обстоятельства. Но самое опасное время для западно-русскаго народа наступило съ роковаго года Люблинской уніи (1569), когда, подъ прикрытіемъ конвоя, прибыли въ Вильну іезуиты и принялись усердно за дѣло колонизаціи, къ которому приложили стараніе и другіе ордена. Іезуиты, со свойственною имъ проницательностію, сразу поняли, въ чемъ должна заключаться ихъ задача и съ наибольшимъ рвеніемъ взялись не за религіозную пропаганду, а за ослабленіе на Руси литовской русскою народности. Средствомъ къ тому было избрано попятеніе русскіхъ посредствомъ школы, почему прежде всего іезуиты и захватили въ свои руки народное образованіе, начиная съ высшаго, то есть вліятельнѣйшаго слоя общества. Такъ какъ всегда и вездѣ языкъ служить основною и самую могущественною охраною народности, а оставляя господствующимъ русскій языкъ никогда не прервется связь съ восточною Русью, хранительницею православія Руси западной, то въ іезуитскихъ школахъ преподаваніе происходило на польскомъ и латинскомъ языкахъ, и самыя школы прежде всего заведены въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ особенности преобладалъ уже русскій элементъ и гдѣ уже были кальвинскія школы. Такъ открыты іезуитскія школы сначала въ Вильгѣ, потомъ въ Полоцкѣ, въ Нѣсвижѣ, Смоленскѣ, Оршѣ, Брестѣ-Литовскѣ, Минскѣ

и въ другихъ мѣстахъ, Такимъ-то образомъ костель, по словамъ Мицкевича, взялъ на себя дѣло широкаго развитія и распространения польскаго языка. Съ распространениемъ іезуитскими, а потомъ и другихъ орденовъ школами польскаго языка и польской цивилизаціи, разумѣется, легко достигалось и оватоличеніе высшаго слоя западно - русскаго общества. Опомянутый принималъ католичество, какъ естественное послѣдствіе того воспитанія, которое было привито ему съ дѣтства. Отлучаемый отъ русской народности, онъ нечувствительно отвлекался и отъ православія, колонизируясь, становился ближе къ той вѣрѣ, исповѣданіе которой совершается на польскомъ языкѣ. Оватоличеніе являлось такимъ образомъ закрѣпленіемъ ополяченія. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что вмѣшательство во все польскаго духовенства приносило какъ ему, такъ и Ватикану огромную матеріальную пользу. Вмѣшательство это подчинило имъ съ теченіемъ времени не только пановъ и шляхту, но и самыхъ королей польскихъ съ помощію громадныхъ богатствъ, собранныхъ польскимъ духовенствомъ къ концу 46 лѣтняго царствованія знаменитаго покровителя іезуитовъ, Сигизмунда III, — богатствъ, съ которыхъ вносился папѣ извѣстный процентъ подъ названіемъ аннаты.

Въ это время высшему духовенству въ Рѣчи Посполитой принадлежало 100,530 деревень, а во владѣніи приходскаго духовенства и монастырей было 60,530, и того, слѣдовательно, 161,060 деревень составляло достояніе духовенства, между тѣмъ, какъ король и дворянство имѣли въ своемъ владѣніи только 90,000 деревень, такъ что польское духовенство владѣло два столѣтія тому назадъ $\frac{2}{3}$ всего государства. И при такомъ громадномъ богатствѣ это духовенство, какъ независимая каста, какъ *status in statu*, признававшее своего владыку *ultra montes*, нисколько не считало себя обязаннымъ нести какія либо имущественныя повинности для своего отечества, или подчиняться законнымъ требованіямъ свѣтской власти. Происходили безпрестанныя по этому поводу отелоненія между обѣими властями, доходившія иногда до невыротаго для нашего времени самоуправства духовныхъ. Такъ напр., въ концѣ XIV вѣка, епископъ виленскій Бжостовскій запретилъ крестьянамъ своихъ епископскихъ имѣній снабжать продовольствіемъ расположенныя у нихъ войска, подчиненныя началь-

ству виленскаго воеводы Сапѣги. По понятіяамъ епископа костельныя имѣнія были свободны отъ всякихъ повинностей и если духовенство помогало иногда казнѣ, то не иначе, какъ только добровольными пожертвованіями. Принесенная имъ на Сапѣгу жалоба сперва въ литовскій трибуналъ, а потомъ и королю не была уважена. Тогда Бжостовскій пригласилъ епископовъ начать открытую борьбу противъ свѣтской власти. Не получивъ на то ихъ согласія, онъ рѣшился дѣйствовать одинъ. Онъ собралъ съ крестьянъ деньги, назначенныя для войска и держалъ ихъ у себя, приказалъ сжечь въ епископскихъ имѣніяхъ овесъ и сѣно, чтобы они не попали въ руки солдатъ, приказалъ есендзамъ на исповѣди и въ проповѣдяхъ возмущать народъ противъ войска и его начальника Сапѣги. Нунцій папскій Сантаруце, судья и посредникъ между Сапѣгой и епископомъ, взялъ сторону епископа и обнародовалъ декретъ противъ Сапѣги. Сапѣга отвѣчалъ, что распущеніе войска зависитъ отъ правительства, а не отъ власти церковной и тѣмъ менѣе отъ посла иностраннаго государства, и что въ столь трудное время нѣтъ возможности вывести войска изъ епископскихъ имѣній. 18 апрѣля 1694 года Бжостовскій приказалъ по всей своей епархіи отлучить Сапѣгу и главнѣйшихъ его офицеровъ отъ церкви (на армію онъ не распространилъ проклятія); самъ первый произнесъ анафему противъ Сапѣги въ кафедральномъ костелѣ въ Вильнѣ и прекратилъ на нѣсколько дней всякое богослуженіе, чтобы показать скорбь церкви. Дѣло это, продолжавшееся цѣлыхъ пять лѣтъ, кончилось тѣмъ, что Бжостовскій рѣшился наконецъ помириться съ Сапѣгой, съ тѣмъ, чтобы убытки взыскать со всей епископіи, о чемъ и просилъ папу, „Desiste, frater charissime, отвѣчалъ папа, а fastu et litigiis, sufficient tibi reditus episcopales, qui aliis episcopis sufficiebant et sufficiunt,“ т. е. брось, любезнѣйшій братъ, высокомеріе, и споры, довольно тебѣ епископскихъ доходовъ, какими довольствовались и довольствуются другіе епископы. Случаевъ безсилія государственной власти,—когда постановленія ея папа и польское духовенство находили несогласными съ своимъ интересомъ,—множество; сеймы и короли спокойно подчинялись грозному veto Ватикана, хотя бы оно влекло за собою явный вредъ государству. Такъ два короля польскихъ, Владиславъ и Кзимиръ, вступая на престолъ, торжественно являлись возстановить права православно-русскихъ подданныхъ Рѣчи

Посполитой, а оканчивали, благодаря влиянію на дѣла папъ съ іезуитами, совершеннымъ уничтоженіемъ этихъ правъ! Такъ Владиславъ, при избраніи въ короли, включилъ въ *роста conventa* условіе возстановить права православныхъ и далъ клятву въ ихъ исполненіи. Сильная при дворѣ и на сеймѣ іезуитская партія настаивала при этомъ, чтобы въ проектъ возстановленія правъ внесено было *только* выраженіе «*salvandis juribus Romanae Ecclesiae*,» т. е. съ сохраненіемъ законовъ римской церкви. Чѣмъ же кончилось дѣло? Въ Римъ, для рѣшенія его, отправлено было въ 1633 г. посольство, въ которомъ главная роль предоставлена была уніатскому епископу Корсаку: онъ такъ взволновалъ римскую курію, что конгрегация распространенія вѣры признала незаконными всѣ распоряженія короля, и папскій легатъ въ Польшѣ, архіепископъ Лариссенскій, немедленно получилъ приказаніе употребить всѣ возможные средства къ отклоненію короля отъ даннаго слова и уничтоженію относящихся въ тому пунктовъ сеймовой конституціи, то разумѣется, и удалось легату. Или случай, напр., въ 1658 году, вскорѣ послѣ страшнаго для Рѣчи Посполитой факта—потери Малороссіи. Извѣстно, что гетманъ Выговскій, тотчасъ же послѣ смерти Богдана Хмѣльницкаго, измѣнилъ своему новому отечеству, Россіи, и съ значительною частію казаковъ опять перешелъ на сторону Польши. Заключенъ былъ при этомъ между казаками и Польшею договоръ гадяческій, которымъ Польша сразу дала казакамъ то, чего не могъ добиться Хмѣльницкій со всѣмъ западно-русскимъ народомъ. Она предоставила имъ почти полную самостоятельность, надѣлила ихъ своею нобилитаціею, вполнѣ возстановляла западно-русское православіе, сравняла его въ правахъ съ латинствомъ, а унію рѣшила истребить во всемъ государствѣ. Уступки эти во всей полнотѣ внесены въ сеймовую конституцію, въ исполненіи ихъ клялись всѣ заключавшіе гадячскій миръ, самъ король, два главные представителя латинскаго духовенства, примасъ гнѣзненскій и епископъ виленскій, клялись канцлеры, выборные отъ сейма. Приятное впечатлѣніе производить чтеніе такого либеральнаго документа въ *volumina legum* (т. IV, стр. 395—307) на того, который ограничится только прочтеніемъ его въ *volumina*'хъ. Но какъ діаметрально противоположно разыгралось это дѣло въ дѣйствительности! Іезуитская партія, въ союзѣ съ уніатскою, сумѣла вывернуть на изнанку

самыя ясныя положенія договора. Партія эта стала убѣждать, что не унія, вполне согласная съ латинствомъ, причиною бѣдствій Рѣчи Посполитой, а православіе, въ лицѣ казаковъ и народа, которому, слѣдовательно, унія должна быть прямымъ противодѣйствіемъ. Посланы жалобы къ верховному рѣшителю всѣхъ дѣлъ Рѣчи Посполитой—папѣ, жалобы, которыя повезъ ему совѣтникъ уніатско-іезуитскаго ордена базилиановъ, Пахомій Огилевичъ, а Гавріилъ Коленда, сначала архіепископъ полоцкій, а потомъ митрополитъ уніатскій, ораторствовалъ на сеймахъ въ такомъ смыслѣ, что въ концѣ концовъ всѣ уступки въ пользу православныхъ истолкованы такъ, какъ будто они относятся собственно къ уніатамъ. Мало того, уніаты приобрѣли еще новое преимущество: митрополитъ Коленда получилъ отъ короля Яна Казимира дипломъ, по которому ему предоставлено право назначать на всѣ духовныя вакансіи греческой вѣры (подъ которою разумѣлась и православная) лицъ по своему усмотрѣнію, помимо прихожанъ, патроновъ, сеймовыхъ избраній и даже помимо короля, то есть назначать усердныхъ слугъ своихъ, проникнутыхъ такою же, какъ и онъ, нетерпимостью. Такъ - то отзывалось на несчастной Рѣчи Посполитой *покровительство папъ*, которые, разумѣется, преслѣдовали свои цѣли, а не государственное и общественное благо Польши и ея подданныхъ. Польша была такимъ образомъ только орудіемъ папъ для борьбы ихъ съ православіемъ: нужды нѣтъ, что орудіе можетъ погибнуть, лишь бы цѣль римской куріи достигалась.

Съ теченіемъ времени вліяніе папъ на Польшу и соединенную съ нею Литву нисколько не умалось, напротивъ того, если, съ развитіемъ анархій, правительство польское не имѣло уже силъ справляться и со шляхтою, то тѣмъ менѣе, разумѣется, могло оно дѣйствовать на свое духовенство, слушавшее главу своего въ Римѣ. Какую силу приобрѣлъ папа на фанатизированную іезуитами шляхту видно изъ того, что и въ XVIII столѣтіи онъ еще могъ возжигать въ ней религіозную ревность, какъ нѣкогда въ средніе вѣка въ остальной Европѣ. Такъ въ 1767 году, когда народъ склонялся на уступки, вслѣдствіе требованія сосѣднихъ державъ о расширеніи правъ диссидентовъ, папа Климентъ XIII прислалъ циркулярное письмо къ епископамъ польскимъ, которое должно было воспламенить умы народа и сейма и отклонить отъ уступокъ. Письмо это произвело такое потрясающее дѣйствіе, что тогдашній

посоль нашъ въ Польшѣ, Рѣппинъ, писалъ 17 августа того же года слѣдующее министру иностранныхъ дѣлъ, Панину: «я не могу довольно изобразить, сколь заражена здѣшняя нація суевѣріемъ и фанатизмомъ закона, и думаю, что *не могло то въ сильнѣйшимъ градусѣ быть и во время самыхъ кровадовыхъ*. Но что всего удивительнѣе; такъ это непостижимый союзъ фанатизма религіознаго, съ низостию и двоедушіемъ руководившихъ ими дѣломъ людей, въ томъ числѣ и духовныхъ. «Изволите видѣть,» писалъ далѣе тотъ же Рѣппинъ, «съ сколь честными людьми я имѣю дѣло, и сколь пріятны должны быть мои обороты и поведеніе; истинно боюсь, чтобы самому, въ себѣ ремеслѣ съ ними обращаясь, мошенникомъ наконецъ не сдѣлаться.»

Вліяніе Рима и фанатическое настроеніе польскаго духовенства нисколько не прекратилось и со времени полного воссоединенія съ нами западныхъ губерній и присоединенія на вѣчныя времена Польши. Необузданная анархія и явное неуваженіе къ свѣтской власти не допускались уже съ этого времени нашимъ правительствомъ, но не смотря на то, благодаря Риму, прорывался иногда неожиданно самый грубый фанатизмъ, и притомъ въ самыя торжественныя и священныя для насъ минуты. Извѣстно, что благодушіе и личная инициатива Александра I дала Польшѣ либеральную конституцію, но оставила духовенство въ тѣхъ же неограниченно-подчиненныхъ отношеніяхъ къ Риму—и вотъ, записанный въ „*ramiętniakach Koźmiana*,” фактъ непостижимой въ остальной Европѣ нетерпимости; но всегда возможной при слѣпой преданности Риму. Едва окончилась въ Варшавѣ въ 1825 году печальная церемонія въ память почившаго монарха, какъ польское духовенство начало уже тревожиться мыслию о томъ, имѣло ли оно право возсылать къ небу молитвы о успокоеніи души Государя, принадлежавшаго къ другому исповѣданію. Смущеніе сдѣлалось еще сильнѣе, когда *изъ Рима полученъ былъ строгій выговоръ* по этому поводу; а епископъ Вороничъ, говорившій погребальную рѣчь въ костелѣ св. Яна, поспѣшилъ добровольно наложить на себя эпитимію и удалился на время въ бернардинскій монастырь. Дѣло это покажется еще возмутительнѣе, если обратить вниманіе на отношеніе покойнаго Государя къ римскому католицизму въ Россіи и его представителямъ. Тотъ же самый епископъ Вороничъ принесъ однажды Государю лично жалобу на тогдашня-

го министра народнаго просвѣщенія въ Польшѣ, Станислава Потоцкаго, за изданіе брошюры „Podróz do Ciemnogrodu,“ въ которой Потоцкій отзывался довольно рѣзко о фанатизмѣ польскаго духовенства, его проискахъ, его страсти вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла и т. п. Не смотря на то, что Потоцкій обратился также къ Государю съ письменнымъ опроверженіемъ, въ которомъ еще подробнѣе развивалъ мысль о фанатизмѣ польскаго духовенства и вредномъ его вліяніи на народъ, жалоба Воронича все таки была уважена, и Потоцкій принужденъ былъ выйти въ отставку, а мѣсто его занялъ Станиславъ Грабовскій, извѣстный повровитель польскихъ клерикаловъ. Погребеніе Государя обнаружило окончательно, кто былъ болѣе правымъ: изувѣрь ли Вороничъ, умѣвшій возстановить Государя противъ Потоцкаго, или послѣдній, упрекавшій епископа въ фанатизмъ?

Какъ вело себя польское духовенство во время мятежа 1830 года и даже тотчасъ послѣ усмиренія его, видно между прочимъ изъ даннаго въ 1832 году римско-католической коллегіи предложенія тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, касательно упраздненія римско-католическихъ монастырей въ западныхъ губерніяхъ (191 монастыря изъ числа 304). «Изъ дѣлъ, производящихся въ слѣдственныхъ, комиссіяхъ,» говоритъ министръ, «отерывается, что въ продолженіе бывшихъ мятежей, многіе изъ монашествующихъ дерзнули явно именемъ религіи проповѣдывать измѣну и, какъ своимъ лжеученіемъ, такъ и дѣйствіями явили страшный и почти неслыханный въ иноческомъ санѣ примѣръ вѣроломства. Не довольствуясь сею мѣрою преступленій и употребляя во зло дарованное имъ всемилостивѣйшими манифестами прощеніе, нѣкоторые изъ нихъ, какъ мѣстное начальство имѣетъ право полагать, *даже и по возстановленіи въ западныхъ губерніяхъ спокойствія,* дозволяли еще себѣ волновать умы въ народѣ и, распространяя въ народѣ недѣльные слухи, тѣмъ возбуждать къ непокорству законной власти. (Не происходило ли нѣчто подобное и по возстановленіи спокойствія послѣ усмиренія послѣдняго мятежа, въ особенности въ одной изъ губерній съ ея почти сплошнымъ католическимъ населеніемъ, гдѣ осенью 1865 года почему-то вдругъ понадобилось поднять на ноги цѣлое населеніе для *бержмованія?*) Въ томъ же предложеніи министра весьма характеристично то мѣсто, гдѣ излагаются мотивы упраздненія римско-католическихъ мо-

пастырей въ приходахъ чуждаго имъ исповѣданія, то есть посреди селеній греко-россійскихъ и греко-уніатскихъ. «Мѣстное положеніе римско-католическихъ монастырей», пишетъ министръ, «служить также доказательствомъ, что многіе изъ нихъ *основаны безъ всякой цѣли* и существуютъ безъ всякой пользы для окружающаго ихъ народонаселенія. Въ Литвѣ, Самогитіи и Инфлянтскихъ уѣздахъ, населенныхъ преимущественно жителями римско-католическаго исповѣданія, причитается по одному монастырю на 20, 30 и даже 40 тысячъ душъ римскихъ католиковъ; между тѣмъ какъ въ южныхъ губерніяхъ и Вѣлоруссіи, гдѣ почти всѣ жители греко-россійскаго и греко-уніатскаго исповѣданій, — *по одному монастырю на двѣ и на одну тысячу душъ обоюдо* (конечно, римско-католическаго исповѣданія) сверхъ церквей, завѣдываемыхъ бѣлымъ духовенствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мощи сихъ монастырей, самымъ положеніемъ ихъ, поставляютъ въ необходимость вести жизнь *праздную*, безъ всякаго пособія ближнему и даже служащую въ тягость обществу.» Теперь, благодаря послѣднему мятежу и разоблаченію польскихъ замысловъ, мы достаточно знаемъ о томъ, *безъ всякой ли цѣли* существовали католическіе монастыри среди православнаго населенія и чѣмъ наполняли монахи жизнь *праздную*...

Обратимъ ли наконецъ вниманіе на недавнее время, на тотъ напр. торжественный моментъ въ жизни нашего народа, когда святое слово Царя объ улучшеніи быта крестьянства, возбудило въ средѣ его, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, такое дѣятельное стремленіе къ трезвости. Какъ же отнеслось къ этому дѣлу польское духовенство трехъ западныхъ губерній? Оно сдѣлало изъ него, орудіе самой фанатической пропаганды, оно воспользовалось имъ для порабощенія народа самому тягостному игу, дѣйствуя страхомъ и деспотически устраняя свободную волю и добровольное убѣжденіе крестьянина. Считаая обязательнымъ для себя непризнанный въ Россіи уставъ о братствахъ трезвости папы Пія IX и обходя законъ, запрещающій безъ разрѣшенія правительства заводить какъ бы то ни было общества или братства, польское духовенство заставляло жителей записываться въ установленныя для этой цѣли при костелахъ книги о трезвости и давать клятвенныя обѣщанія не употреблять вина никогда; крестьянинъ, позволявшій себѣ выпить рюмку вина, или *даже подозрѣваемый въ этомъ*, кро-

мѣ публичнаго посрамленія, наказывался духовенствомъ публично розгами и нагайками. Его привязывали къ дереву, заключали въ прикостельныхъ погребехъ, въ колодахъ и цѣпяхъ, и въ склепахъ, гдѣ ставить покойниковъ, вымазывали дегтемъ и т. п. Самый входъ въ питейное заведеніе и даже въ частный домъ еврея запрещался духовенствомъ католику, и нерѣдко, нарушавшій это запрещеніе подвергался тѣмъ же истязаніямъ, какъ и употреблявшій вино. Къ питейнымъ заведеніямъ приставлялись духовенствомъ сторожа изъ церковныхъ старшинъ (маршалковъ) или нищихъ для воспрещенія входа туда католикамъ; словомъ, подъ видомъ развитія нравственности въ народѣ, употреблялись мѣры, не предоставленныя законами даже судебной или исполнительной власти въ отношеніи къ обвиненнымъ по суду преступникамъ. Въ проповѣдяхъ страшили угрозами отлученія отъ церкви тѣхъ, которые употребляютъ вино; грозили не крестить дѣтей ихъ, не допускать до исповѣди и причащенія и не предавать христіанскому погребенію умершихъ. По поводу погребенія напр. былъ случай, который мы приведемъ здѣсь, какъ особенно ярко характеризующій крайнее изувѣрство польскаго духовенства и заносчивое отношеніе его въ то же время къ гражданской власти. Въ 1862 году прибывшій въ одно мѣстечко, по своимъ дѣламъ, крестьянинъ-католикъ скоропостижно умеръ и былъ, какъ въ такихъ случаяхъ водится, похороненъ при посредствѣ полиціи на католическомъ кладбищѣ. Духовенство, на томъ основаніи, что умершій не принадлежалъ къ обществу трезвости, воспользовалось этимъ случаемъ для возбужденія проповѣдями фанатизма въ народѣ и въ заключеніе объявило, что кладбище осквернено и что никто изъ католиковъ не можетъ быть на немъ похороненъ до тѣхъ поръ, пока скоропостижно умершій не будетъ оттуда выброшенъ и кладбище не получить новаго освященія или не отведется мѣсто для новаго. Крестьяне, разумѣется, исполнили внушеніе, т. е. выкопали мертвеца и похоронили его за оградой, а духовное начальство, — то самое, которое, какъ мы видѣли, самовольно присвоило себѣ такую неограниченную власть, судебную и административную, надъ братчиками трезвости и не братчиками, сочло себя въ правѣ, по поводу дѣла о скоропостижно умершемъ, внушительно предложить высшей гражданской власти, чтобы она *не осмѣливалась* мѣшаться въ предѣлы духовной власти, ниже присвоивала себѣ

изузнаніе интересовъ чисто духовныхъ. Не слышится ли въ этихъ выраженіяхъ тотъ же клерикальный деспотизмъ, который съ большею только рельефностью выразился въ столкновеніи Жостовскаго съ Сапѣгой?

Умолчимъ здѣсь о тѣхъ, еще остающихся у всѣхъ въ свѣжей памяти, продѣлкахъ и демонстраціяхъ польскаго духовенства во время послѣдняго мятежа, которыми оно болѣе или менѣе успѣшно волновало бѣлорусскихъ и литовскихъ католиковъ. Умолчимъ и о томъ, какіе происки употребляло это духовенство до послѣдняго времени въ Римѣ при замѣщеніи епископскихъ кафедръ въ Россіи, съ подробностями чего желающіе могутъ ознакомиться въ опубликованныхъ выдержекъ изъ бесѣдъ въ 1858-мъ году гендза Фелинскаго съ студентами с.-петербургской римско-католической академіи, напечатанныхъ въ Вѣстникѣ западной Россіи за 1865—66 годъ. Нынѣ, съ упраздненіемъ конкордата, настало, вѣдается, наконецъ время, когда будутъ изысканы дѣйствительныя средства, чтобы прекратить возможность нарушенія Римомъ неотъемлемыхъ правъ русской державы и подвластныхъ ей русскихъ подданныхъ. Такъ точно, какъ крестьянская реформа призвала къ новой гражданской жизни милліоны несчастныхъ хлопковъ-католиковъ, изнывавшихъ въ вѣковомъ рабствѣ польскихъ пановъ, такъ соответственная энергическая мѣра къ полному устраненію польской пропаганды, въ уродливомъ союзѣ ея съ религіею, способствовала бы нравственному перерожденію русскихъ подданныхъ-католиковъ бѣлорусской и литовской рѣчи. Дѣло это облегчается очевидными уже благими результатами и другой, хотя скромной, но не менѣе важной, реформы народнаго образованія, основаннаго на русскихъ началахъ; мирныя реформы эти прямо доказали, что о благѣ народа заботится теперь русское правительство, а не прежніе владыки и руководители народа—польскіе паны съ гендзами. Только рабство и невѣжество народа обусловливали гнѣтъ послѣднихъ надъ набожною и непроевѣщенной массой, которой навязывалась чуждая ей польщизна. Что же касается до искорененія ея и въ средѣ католическихъ пастырей русскаго и литовскаго народа, то оно наступитъ только въ то время, когда—используемся приведеннымъ выше выраженіемъ Мицкевича—римская церковь будетъ поставлена въ невозможность сливать польское дѣло на Руси съ ея собственнымъ дѣломъ, и когда, слѣдо-

вательно, духовенство среди западно-русскихъ и литовскихъ католиковъ перестанетъ быть *польскимъ*. О возможности же этого желаннаго и нисколько не затрогивающаго религiи дѣла мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

(Продолженіе будетъ).

ПРОЩАНІЕ БЫВ. КОВЕНСКАГО ЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРА СЪ СВОЕЮ ПАСТВОЮ.

8-го сентября, преосвященнѣйшій Александръ, бывшій ковенскимъ, а нынѣ минскій и бобруйскій епископъ, прощался съ своею ковенскою паствою. Чтобы легче представить трогательность этого прощанія, нужно припомнить, что уже семнадцать лучшихъ лѣтъ своей жизни и дѣятельности преосвященнѣйшій Александръ посвящаетъ сѣверозападному краю и что епископское служеніе свое онъ началъ въ Ковнѣ около восьми лѣтъ тому назадъ. Достаточно назвать 1861 годъ, чтобы привести на память начало прошлаго мятежа и неисчислимый рядъ вынесенныхъ русскими тяжкихъ испытаній, язвительныхъ оскорбленій и преслѣдованій. Въ то тяжелое время преосвященный Александръ жилъ въ Пожайскомъ монастырѣ, въ восьми верстахъ отъ города Ковны, на самомъ берегу Нѣмана, слѣдовательно, на самой польской границѣ. Живописная долина Нѣмана, большой лѣсъ, одѣвающій правый берегъ его и окружающій монастырь,—все это очень красиво и привлекательно, особенно въ лѣтнее время; но въ то недоброй памяти время, когда лѣса наполнялись шайками и когда въ самомъ губернскомъ городѣ не было другаго войска, кромѣ обыкновеннаго гарнизона, жизнь въ монастырѣ не представляла никакого ручательства за личную безопасность. По разсказамъ русскихъ старожилковъ, — которыхъ, впрочемъ, въ Ковнѣ не насчитывается болѣе десятка,—самымъ тяжкимъ для нихъ было время приготовленія къ мятежу. Всѣ знали, что замышляется и готовится что-то недоброе; но никто не зналъ, что же будетъ и что будетъ слѣдано въ отпоръ злодѣйскимъ замысламъ. Неизвѣстность становилась тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ болѣе распространялись мятежными прокламаціи и разбрасывались подметныя письма пасквильнаго или угрожающаго содержанія. При неизвѣстности, при униженіи, до

котораго почти систематически доведены были здѣшніе русскіе нужно было много христіанскаго самоотреченія, чтобы безотрадно влечь жизнь и безнадежно выслушивать, какъ тотъ или другой изъ русскихъ или семейства ихъ ежедневно подвергались дерзкимъ оскорбленіямъ. И вспомнить стыдно, что эти оскорбленія доходили до оплеванія. Припоминать-ли, что санъ освященства и даже епископства не спасалъ отъ наглостей грубаго невѣжества и политическаго изувѣрства? Какъ ни больно, но въ этой корреспонденціи нельзя не припомнить, что преосвященнѣйшій Александръ, этотъ благодушнѣйшій и всѣми глубоко чтимый архипастырь, въ самой Вильнѣ былъ жертвою многократныхъ и безнаказанныхъ оскорбленій. И вотъ среди этой мрачной дѣйствительности началось епископское служеніе преосвященнѣйшаго Александра. Всегда благодушный, онъ явился въ Ковнѣ для немногихъ тогда русскихъ утѣшителемъ скорбящихъ, защитникомъ гонимыхъ, а подъ часъ и кормильцемъ голодающихъ, словомъ, пастыремъ бодрымъ и добрымъ. Не смотря на то, что жилъ въ монастырѣ, онъ былъ центромъ, около котораго группировалось нѣсколько лицъ, представлявшихъ все русское общество, въ каждый же воскресный и праздничный день имѣлъ обычай пріѣзжать въ Ковну для богослуженія. Вскорѣ и эти переѣзды на разстояніи восьми верстъ отъ губернскаго города сдѣлались не безопасными; по крайней мѣрѣ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней мѣстный исправникъ предупредилъ преосвященнѣйшаго, чтобы не пріѣзжалъ въ городъ, потому что *и въ мѣсту, и въ городѣ не безопасно*. „Если я не поѣду, кто же поѣдетъ,“ рѣшилъ архипастырь и не измѣнилъ своему обычаю. Не трудно представить, каково было жить въ монастырѣ въ такое время и безъ всякой матеріальной защиты. Немногимъ улучшилось положеніе и тогда, когда во время самаго разгара мятежа было прислано до двадцати козаковъ. Чтобы не распространяться болѣе о тогдѣшнемъ почти безучастномъ положеніи русскихъ людей въ Ковнѣ и Ковенской губерніи, заключу однимъ характернымъ разговоромъ. Въ началѣ 1865 года, когда мятежъ отошелъ уже въ разрядъ мрачныхъ воспоминаній, преосвященнѣйшій Александръ ѣхалъ изъ Вильны въ Пожайскій монастырь. При самомъ вѣздѣ въ монастырскій гѣсъ онъ встрѣтилъ своего намѣстника, о. архимандрита Антонія. Когда они сѣли въ экипажъ, преосвященный обратилъ вниманіе на необычайность подобной встрѣчи. О. намѣстникъ

сперва затруднился, а потомъ разсказалъ, что вышелъ не одинъ, что по лѣсу близъ дороги сторожать и нѣкоторые изъ братіи, потому что всѣ они встревожены слухами и толками, будто „схизматическому бискупу не доносить головы“ до перестройки костела въ православный храмъ. Грозили местію за то, что преосвященный Александръ исходатайствовалъ разрѣшеніе перестроить въ православный храмъ мрачный и уже приближавшійся къ разрушенію костель доминиканскаго монастыря, который былъ упраздненъ за участіе въ мятежѣ тридцатыхъ годовъ. Теперь этотъ ветхій костель—прекрасная, приписная къ собору церковь, освященная во имя московскихъ святителей. Она стоитъ почти на дворѣ гимназіи, оглашается стройнымъ пѣніемъ гимназическаго хора и навсегда останется прекраснымъ памятникомъ просвѣтительной дѣятельности преосвященнаго Александра и бывшаго директора Ковенской гимназіи, а нынѣ помощника попечителя виленскаго учебнаго округа, И. Я. Шульгина. Преосвященный Александръ исходатайствовалъ средства на перестройку костела въ храмъ, а И. Я. Шульгинъ занимался работами по перестройкѣ и потомъ, по освященіи храма, былъ избранъ и доселѣ оставался попечителемъ храма.

Мы припомнили обстоятельства, среди которыхъ началась архипастырская дѣятельность преосвященнаго Александра. Да простить намъ скромность нашего владыки, если скажемъ, что многіе изъ его ковенской паствы обязаны ему разнородными личными одолженіями и всѣ принадлежать ему навсегда глубокимъ почтеніемъ и искреннею любовью.

Мы не имѣли въ виду характеризовать плодотворную его дѣятельность во всѣхъ подробностяхъ. Мы упоминаемъ объ ней на столько, на сколько нужно для оцѣнки впечатлѣній, пережитыхъ нами 8-го сентября. День выдался праздничный и теплый. Исключительность случая собрала въ ковенскій соборный храмъ все русское общество и немало крестьянъ изъ единственнаго въ уѣздѣ православнаго села. Богослуженіе было торжественное и вышло трогательнѣе обыкновеннаго. Общее благоговѣйное настроеніе выразилось въ той совершенной тишинѣ, среди которой, не смотря на массу молящихся, слышалось каждое слово негромкаго голоса архипастыря. По окончаніи литургіи и царскаго молебна, выйдя изъ алтаря, весь растроганный, преосвященный Александръ остановился на амвонѣ и произнесъ прощаль-

ное слово къ бывшей паствѣ своей. Такого рода рѣчи не составляютъ напередъ, не пишутся. Въ какой мѣрѣ эта, послѣдняя для Ковенской паствы, рѣчь, преосвященнаго Александра была прочувствована съ обѣихъ сторонъ, можно заключать изъ того, что не только женщины рыдали, но и у многихъ мужчинъ лились слезы. На сколько память не измѣнила намъ, мы приведемъ, по крайней мѣрѣ, содержаніе прощальной рѣчи преосвященнаго:

„Нынѣ послѣднее къ вамъ, православная братія, отъ меня слово,—слово мира, любви, молитвеннаго благожеланія и сожалѣнія.“ Начавъ этими выраженіями, архипастырь припомнилъ святое содержаніе прощальной бесѣды Спасителя съ Апостолами, указалъ на примѣръ апостоловъ, „вѣщавшихъ миръ градамъ и весамъ,“ и привелъ въ подкрѣпленіе прощальныхъ благожеланій своихъ всю церковь, которая при каждомъ богослуженіи возглашаетъ „миръ всѣмъ“ устами священнослужителей. Потомъ преосвященнѣйшій изъяснилъ миръ, оставляемый и желаемый имъ ковенской паствѣ, не только какъ житейское согласіе и единодушіе, но и какъ спокойствіе совѣсти и примиреніе души съ Богомъ. „Съ такимъ миромъ неразлучна любовь и, лучше, истинный миръ невозможенъ безъ любви.“ Въ любви—новый завѣтъ Христа христіанамъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга.* Собравъ черты любви христіанской у апостоловъ, преосвященный выразилъ молитвенное желаніе, чтобы эта любовь соединяла и хранила наше общество, ибо „и малое по численности своей стадо Христово, согрѣтое такою любовію, дѣйственно и непобѣдимо среди всякихъ испытаній.“ Пожелавъ ковенской паствѣ внутренней силы, почерпаемой въ мирѣ души и въ любви христіанской, преосвященный трогательно перешелъ къ прощанію съ нами. „Прп разлукѣ,“ сказалъ онъ, „любовь пробуждаетъ въ нашемъ сердцѣ сожалѣніе и скорбь. Не могу и я не сожалѣть, оставляя мѣсто почти восьмилѣтняго служенія и прощаясь съ вами, любимыми и любящими. Сожалѣя, не могу и не оскорбѣть, ибо несовершенно исполнилъ долгъ пастыря добраго, не часто бесѣдовалъ съ вами, недовольно поучалъ словомъ, еще менѣе жизнію, мало руководилъ васъ по пути спасенія, многого, къ чему побуждало и сознаніе и даже хотѣніе, не успѣлъ или не могъ сдѣлать. Скорблю и страшусь строгаго отвѣта на судѣ Божіемъ. Страшусь и молю милосерднаго Бога, да проститъ вольную и невольную невнимательность къ пастырскому долгу. Молю и васъ, братья, простить мнѣ

и доброю жизнію засвидѣтельствовать предъ Господомъ, что моя безопасность не имѣла вреднаго вліянія на вашу религіозную жизнь. При сознаніи неисполненнаго долга одно теперь остается мнѣ утѣшеніе. Это—непрерывающаяся молитва за васъ и всѣхъ, вѣр- ренныхъ моему пастырскому водительство. Молюсь, вѣрю и на- дѣюсь, что непрестанная молитва ко Господу о вашемъ спасеніи будетъ восполнять несодѣянное въ свое время, и самъ Господь Своею благодатію уврачуеъ немощное и восполнитъ оскудѣва- щее въ семъ избранномъ стадѣ своемъ. Молю, да призритъ Самъ Всевышній съ небеси, да посѣтитъ и утвердитъ духовный виноградъ сей, насажденный Его всемошною Десницею. Молитвенно желаю, да возрастаетъ малая паства ковенская, да утверждается въ вѣрѣ и да укрѣпляется въ надеждѣ на благодатную, всегда присущую и хранящую помощь Божію. Да преуспѣваете въ любви Христо- вой нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.“

Да проститъ намъ преосвященнѣйшій архипастырь, если, вос- производя по памяти, мы не передали всего, имъ сказаннаго и не- вольно уклонились отъ текста его рѣчи. Помнимъ, что она за- ключилась словами неподдѣльной просьбы о прощеніи и памято- ваниіи въ молитвахъ, словами искренней благодарности за любовь взаимную и пастырскимъ благословеніемъ.

Едва кончилъ архипастырь, какъ за амвономъ сталъ одинъ изъ священниковъ ковенскаго собора, о. Николай Введенскій, и произнесъ тоже полное мысли и неподдѣльнаго чувства любви къ архипастырю прощальное слово. По выходѣ изъ церкви все об- щество проводило архипастыря въ его покон, въ которыхъ высо- копреосвященный предсѣдатель ковенскаго православнаго брат- ства, архіепископъ Антоній, заранѣе назначилъ на 8-е сентября очередное собраніе братства 1). При этомъ имѣлось въ виду, чтобы основатель его, преосвященный Александръ, почтилъ своимъ присутствіемъ послѣднее для него собраніе братства въ тѣхъ же покояхъ, въ которыхъ открылъ и благословилъ его дѣятельность еще 6-го декабря 1864 года. Засѣданіе совершилось въ обычныхъ формахъ. Но нельзя не замѣтить двухъ особенностей этого, хотя и очереднаго, но все же исключительнаго собранія. Во-первыхъ, нашелся неизвѣстный благотворитель, который внесъ 25 руб. въ

1) Ежемѣсячныя очередныя собранія братства бывають обыкновенно въ за- лѣ гимназіи.

братскую кассу. Во-вторыхъ, члены совѣта были такъ настроены, что всѣ прошенія были удовлетворены щедрѣе обыкновеннаго. Преосвященный Александръ, заключая засѣданіе, выразилъ собранію свое удовольствіе, такъ какъ въ теченіе четырехъ лѣтъ дѣятельность братства сдѣлала значительные успѣхи по всѣмъ параграфамъ устава. Едва къ тремъ часамъ окончилось засѣданіе. Преосвященный благословилъ всѣхъ членовъ совѣта и каждого изъ братчиковъ и сестеръ и принялъ приглашеніе ихъ на прощальный хлѣбъ-соль въ залѣ гимназіи.

Предложенная братствомъ нероскопная трапеза не имѣла и не могла имѣть ни вида, ни значенія пира. Это былъ скромный прощальный обѣдъ. Гимназическій и архіерейскій хоры съ аккомпаниментомъ небольшого оркестра исполнили „Коль славень нашъ Господь въ Сионѣ“, когда чествуемый гость вошелъ въ залу, и „Боже Царя храни“, когда нашъ вице-губернаторъ В. Л. Давыдовъ 2) поднялъ начальный и самый дорогой тостъ за здоровье Государя Императора. Когда смолкли не разъ повторенные звуки народнаго гимна и клики народной преданности Государю, В. Л. Давыдовъ произнесъ тостъ „за здравіе маститаго нашего архипастыря, высокопреосвященнѣйшаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго“, а преосвященный Александръ — тостъ „за здоровье главнаго начальника края, А. Л. Потапова.“ Послѣ этихъ тостовъ В. Л. Давыдовъ произнесъ тостъ за чествуемаго гостя въ слѣдующихъ выраженіяхъ :

„Ми. гг. ! въ настоящую торжественно-грустную минуту еще среди насъ высоко чтимый, владѣющій самымъ горячимъ сочувствіемъ нашимъ, нашъ глубоко-уважаемый архипастырь. Скоро его не будетъ съ нами, но въ насъ навсегда останутся неизгладимыми свѣтлыя воспоминанія о его личности, о его дѣятельности. Эти чувства, съ которыми мы провожаемъ ваше преосвященство,

2) Губернатора, кн. М. Л. Оболенскаго, не было въ городѣ. Онъ былъ на рѣзани Россіенскаго уѣзда и, не успѣвъ вернуться къ обѣду въ честь преосвященнаго, съ дороги прислалъ на имя вице-губернатора слѣдующую телеграмму: «Передайте преосвященному Александру искреннее сожалѣніе, что не могу поспѣть къ прощальной въ честь его трапезѣ. Передайте еще болѣе искреннюю скорбь о томъ, что вѣрнная мнѣ губернія лишается достойнаго и любимаго архипастыря. Отъ души желаю успѣха на новомъ служеніи. Прому архипастырскаго благословенія.

конечно, найдете и между новой вѣренной вамъ паствою. Мы же, разставаясь съ вашимъ преосвященствомъ, просимъ васъ и на будущее время не оставлять насъ вашимъ добрымъ вниманіемъ и доброй памятью. Считаая себя счастливымъ, что мнѣ выпалъ жребій выразить предъ вашимъ преосвященствомъ тѣ высокія чувства, которыми всѣ мы къ вамъ преисполнены, поднимаю заздравный бокаль за многолѣтне и благоденствіе вашего преосвященства на минской еаедрѣ.“

Преосвященный Александръ отвѣтилъ на этотъ тостъ тремя тостами „за здоровье г. начальниками губерніи,“ а потомъ „за здоровье предсѣдателя ковенскаго братства, высокопреосвященнаго архіепископа Антонія“ и „за процвѣтаніе ковенскаго братства и преуспѣяніе его плодотворной дѣятельности.“ Послѣ этого ряда тостовъ окружный инспекторъ виленскаго учебнаго округа Н. Н. Новиковъ обратился къ преосвященному Александру съ рѣчью, въ которой обстоятельно изложилъ плодотворную дѣятельность преосвященнаго Александра въ знаменательное время движенія къ православію въ массахъ бѣлорусскаго и частію литовскаго народа. „Вы овладѣли смысломъ этого явленія,“ сказалъ между прочимъ г. Новиковъ преосвященному, вы стали на сторонѣ народнаго чувства, направили его просвѣтительно и освятили для него 38 храмовъ. Мудрено ли, что изъ всѣхъ словъ вами же подготовленнаго мѣстнаго общества, явились вамъ сотрудники? Прощаясь съ вами, мы не можемъ не пожелать, чтобы хранилъ Господь взлелѣянные вами начала въ ихъ непримѣсной святости и далъ имъ ростъ и силу на торжество русскаго православія, во славу Царю-Освободителю и на пользу нашему отечеству.“ Въ отвѣтъ на эту рѣчь преосвященный Александръ смиренно отклонилъ отъ себя рядъ приписываемыхъ ему заслугъ и при этомъ засвидѣтельствовалъ, что весь успѣхъ въ церковной жизни края въ послѣднее время составляетъ плодъ жизни и награду многолѣтней мудрой и зиждательной дѣятельности высокопреосвященнаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго.

Въ ряду послѣдующихъ тостовъ за православное духовенство Ковенской губерніи, за процвѣтаніе гимназій и училищъ Ковенской губерніи, за здоровье всѣхъ русскихъ и т. п., съ особеннымъ одушевленіемъ и единодушіемъ приняты были тосты за здоровье новаго помощника попечителя виленскаго учебнаго округа и здоровье попечительницы братской школы, А. В. Шульгиной.

Простите, корреспонденція моя растянулась. Но мнѣ хотѣлось выразить, что весь день 8-го сентября былъ искренно отданъ цѣлымъ ковенскимъ обществомъ досточтимому и любимому архипастырю и что впечатлѣнія этого дня будутъ принадлежать къ числу самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній каждаго изъ насъ.

12-го сентября, преосвященный Александръ выѣхалъ изъ Пожайскаго монастыря обратно въ Вильну. Снова все ковенское русское общество собралось на станціи желѣзной дороги, чтобы еще разъ засвидѣтельствовать его преосвященству искреннѣйшее почтеніе и получить архипастырское благословеніе въ послѣдній разъ. Мысль объ этомъ послѣднемъ разѣ тяготѣла надъ всеми, но не выражалась, чтобы не вырвались едва сдерживаемыя слезы...

Сообщаемъ о дальнѣйшемъ разставаньи преосвященнаго Александра вообще съ литовскою епархіей.

Дѣйствительно, какъ замѣчаетъ и самъ преосвященный, онъ не имѣлъ времени достаточно бесѣдовать съ своею паствою (ковенскою), ему нѣкогда было поучать ее словомъ, а тѣмъ болѣе жизнію. Почти все время своего восьми-лѣтняго викариатскаго служенія онъ провелъ въ Вильнѣ, куда постоянно, неотступно звали его епархіальныя занятія; да и это время онъ не сидѣлъ сиднемъ, а очень часто ему приходилось *странствовать* по обширной литовской епархіи: онъ извѣздилъ ее по всѣмъ направленіямъ и каждая мѣстность губерній виленской и ковенской ему очень хорошо знакома. Въ одномъ мѣстѣ онъ являлся въ видѣ епархіальнаго ревизора; въ другомъ онъ устраивалъ храмъ Богу, освящалъ его для духовныхъ нуждъ христіянина, провозглашалъ въ истинномъ свѣтѣ имя Божіе, освѣщая своимъ архіерейскимъ словомъ историческую, мѣстную истину, разрушая ложь; въ иномъ мѣстѣ онъ являлся, какъ частный человѣкъ, посмотрѣть духовное преусугбѣніе своихъ пасомыхъ; преподавать отеческій свѣтъ, архипастырское благословеніе. И вездѣ привыкли видѣть въ немъ дорогаго нѣжнаго отца, который всегда приметъ въ васъ участіе, пособитъ вамъ, чѣмъ можетъ, по крайности не отпустить тща. За то и сердца всѣхъ были открыты ему: вездѣ онъ чувствовалъ себя среди своихъ.

И съ такимъ преосвященнымъ пришлось проститься ковенской паствѣ. Понятно, что прощаніе было радушно, искреннее. Виленская губернія тоже привыкла считать его своимъ архіереемъ. Такъ, значить, былъ удаченъ, съ одной стороны, выборъ высокопреосвященнаго Іосифа, который поручалъ преосвященному разнаго рода дѣла; съ другой—избранникъ выполнилъ съ достоинствомъ возложенную на него не легкую задачу и „вѣрный малѣ былъ призванъ на болѣе широкое поле дѣятельности.“

Въ Вильнѣ прощаніе преосвященнаго было не менѣ торжественно, искренно, радушно, какъ и въ Ковнѣ, хотя въ послѣдней оно было гораздо общественнѣе, какъ бы виднѣе; въ Вильнѣ оно совершилось чисто семейственнымъ образомъ. Рано утромъ 17 сентября, преосвященный оставилъ городъ Вильну, напутствуемый благожеланіями многихъ и сопровождаемый до первой станціи Рукоинь нѣкоторыми духовными и свѣтскими лицами. Въ послѣдній разъ преподавъ въ Рукоиняхъ благословіе своимъ спутникамъ, а въ лицѣ ихъ всей бывшей паствѣ, и простившись сердечно, преосвященный послѣшилъ далѣе. Вездѣ, гдѣ приводилось останавливаться преосвященному, его встрѣчало мѣстное духовенство и другіе, чтобы въ послѣдній разъ получить благословіе отъ любимаго своего пастыря. Ночевать преосвященный порѣшилъ въ Молодечнѣ, въ учительской семинаріи.

Учительская семинарія давно знакома преосвященному. Отчасти онъ принималъ участіе въ дѣлѣ ея первоначальнаго основанія. Интересуясь истинно-народнымъ, здоровымъ, русскимъ православнымъ образованіемъ, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ старался заглянуть въ семинарію, желая убѣдиться на сколько порвоначальные проекты и предположенія приводятся здѣсь въ исполненіе. Такимъ образомъ преосвященному приходилось быть три раза въ семинаріи до 1868 года. 1-й разъ въ 1865 году и два раза въ 1866 году. Всякій разъ преосвященный оставался доволенъ этимъ заведеніемъ, полюбилъ его, увидѣлъ въ немъ для себя что то родное, считалъ его какъ бы своимъ домомъ. И теперь въ четвертый разъ, семинарія имѣла счастье принять у себя дорогаго гостя. Онъ прибылъ въ Молодечно, часу въ 10-мъ вечера, и былъ встрѣченъ на дворѣ семинаріи служащими въ ней лицами. На встрѣчу преосвященному послѣшилъ архитекторъ А. В. П., занимающійся постройкою церквей православныхъ по виленскому уѣзду. Такъ какъ въ Молодечнѣ строится новая, ка-

менная церковь, то онъ и просилъ преосвященнаго на слѣдующій день посмотрѣть эту вновь воздвигающуюся святиню и дѣйствительно красующуюся въ Молодечнѣ. Преосвященный съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе. Было уже поздно. Преосвященному пора было и отдохнуть, тѣмъ болѣе, что на слѣдующій день ему предстоялъ новый путь. Предложивши преосвященному чай, за которымъ присутствовала и небольшая семья семинарскихъ наставниковъ, попросивши его посѣтить на слѣдующій день классы семинаріи и съ тѣмъ вмѣстѣ благословить воспитанниковъ, директоръ семинаріи, а съ нимъ вмѣстѣ и наставники простились съ преосвященнымъ до слѣдующаго дня, пожелавъ ему покойнаго отдыха.

На слѣдующій день утромъ, часу въ 8-мъ, явилось къ преосвященному мѣстное и сосѣднее духовенство. Отраднo было преосвященному вездѣ встрѣчать своихъ сотрудниковъ, лицъ, съ которыми въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ трудился на одномъ и томъ же поприщѣ, но съ другой стороны, нѣкоторая жалость закрадывалась въ сердце, при той мысли, что вѣдь это—прощальная разлука. Хорошо знакомый съ мѣстнымъ, современнымъ положеніемъ дѣлъ, преосвященный вездѣ оставлялъ совѣты—не уставать въ началомъ добромъ дѣлѣ ни передъ какими трудностями: Богъ и русскіе добрые люди воздадутъ труженникамъ добромъ за это „во время свое.“ Часовъ около 9-ти преосвященный посѣтилъ классы семинаріи: спрашивалъ у учениковъ грамматическій разборъ, по закону Божию, по русской церковной исторіи, по географіи Россіи; отвѣтами учениковъ преосвященный остался доволенъ и благословилъ каждого изъ нихъ на память крестикомъ, совѣтуя имъ въ то же время помнить о своемъ высокомъ назначеніи, стараться быть достойными его, напоминая также объ ихъ громадной отвѣтственности по своему воспитанію предъ Богомъ, Государемъ и отечествомъ. Попросивши спѣть: „Тапнъ еси, Богородице, рай..“, преосвященный простился съ учениками, Все уже было готово къ отъѣзду. Преосвященный осмотрѣлъ еще семинарскую церковь и отправился въ дальнѣйшій путь. По дорогѣ осмотрѣлъ и строящуюся молодечненскую приходскую церковь. Нѣсколько лицъ провожало преосвященнаго до первой станціи. Еще одна станція, и уже начиналась для преосвященнаго его новая, минская епархія... Все шествіе его сопровождалось одними благожеланіями.“

Въ среду, 18-го мин. сентября, въ 5¹/₄ часовъ по полудни преосвященнѣйшій Александръ, прибылъ въ Минскъ. При въѣздѣ въ городъ, его преосвященство былъ встрѣченъ властями города и городскимъ обществомъ. Благосклонно принявъ поднесенные при этомъ градскимъ головою хлѣбъ-соль, архипастырь благословилъ городъ на всѣ четыре стороны, и затѣмъ, при колокольномъ звонѣ, изволилъ отправиться въ кафедральный соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ всѣмъ духовенствомъ г. Минска и множествомъ народа, наполнявшего соборъ и соборную площадь. Здѣсь, послѣ краткаго молебствія, на которомъ провозглашено было многолѣтне Государю Императору и всему Царствующему Дому, святѣйшему синоду и преосвященнѣйшему Александру, епископу Минскому и Бобруйскому, когда его преосвященство приложился къ мѣстнымъ иконамъ, членъ Минской консисторіи, священникъ Минскаго екатериновскаго собора Никаноръ Смоличъ, обратился къ его преосвященству съ привѣтственною рѣчью, на которую преосвященный отвѣчалъ теплымъ словомъ любви и благожеланія къ присутствующимъ и выразилъ упованіе, что на взаимныхъ молитвахъ и любви созиждется истинный союзъ и духовное единеніе пастыря съ пасомыми.

Потомъ архипастырь, осѣнивъ предстоящихъ животворящимъ крестомъ и преподавъ имъ благословеніе; отправился въ архіерейскій домъ, гдѣ прежде, чѣмъ вошелъ въ свои покои, зашелъ въ домовую архіерейскую церковь и приложился къ иконамъ.

Въ этотъ же день представлялись его преосвященству—духовенство г. Минска и нѣкоторые изъ высшихъ губернскихъ чиновниковъ. Достоинно замѣчанія, что первый шагъ вступленія преосвященнѣйшаго Александра съ управленіе Минскою паствою ознаменовался утѣшительнымъ явленіемъ на благо православной церкви. Въ числѣ представлявшихся въ первый день его преосвященству былъ ксендзъ Свѣбода, настоятель Копыльскаго прихода, Слуцкаго уѣзда, изъявившій при этомъ желаніе присоединиться къ православной церкви съ тѣмъ, чтобы остаться православнымъ священникомъ.

(Вил. Вѣст.)

УНІАТСКОЕ АРХІЕРЕЙСКОЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ ВЪ ВАРШАВѢ.

Въ *Варшав.* *Дневн.* пишутъ : Въ воскресенье, 22-го сентября (4-го октября), въ здѣшной греко-уніатской, или, по мѣстному названію, василіанской церкви совершена была преосвященнымъ Михаиломъ Куземскимъ, епископомъ холмскимъ, въ сослуженіи трехъ священниковъ и двухъ діаконовъ, божественная литургія, закончившаяся молебствиемъ, по случаю спасенія драгоценной жизни Великаго Князя Алексѣя Александровича, о здравіи и благоденствіи Августѣйшаго Царствующаго Дома. Это церковное торжество привлекло въ уніатскій храмъ значительное число варшавской русской интеллигенціи, и нѣсколько лицъ православнаго духовенства. При совершеніи архіерейскихъ часовъ, обыкновенно предшествующихъ литургіи, епископъ возсѣдалъ, подъ нарочно устроеннымъ краснымъ балдахиномъ, въ малиновомъ бархатномъ креслѣ, между каедрой и боковой правой дверью алтара. Облаченіе имѣетъ полное сходство съ православно-архіерейскимъ облаченіемъ, съ тою лишь незначительною разницею, что на руки греко уніатскаго преосвященнаго были надѣты бѣлыя перчатки, составляющія католическую принадлежность. Послѣ часовъ преосвященный, совместно съ остальнымъ духовенствомъ, совершилъ, при пѣніи божественныхъ гимновъ, троекратный крестный ходъ вокругъ престола и, занявъ подобающее ему предъ престоломъ мѣсто, началъ литургію. Посохъ оставался въ архіерейской рукѣ до входа, по входѣ же только при мурствованіи; но перчатки были сняты во время херувимской пѣсни, и надѣты вновь предъ окончаніемъ обѣдни. Преосвященный, въ теченіе священнодѣйствія, собственноручно нѣсколько разъ прибавлялъ серебряной ложечкой въ кадило ладонъ, причемъ становились предъ нимъ на колѣни оба діакона, т. е. подносившіи серебряный ящичекъ съ ладономъ, и державшіи кадило. Католическіе звонки оглашали церковь весьма рѣдко; колѣнопреклоненія предъ алтаремъ совершались только при прохожденіи подлѣ царскихъ вратъ мѣстными церковными клириками; лица же, составляющія церковный штатъ преосвященнаго, бывшіе галиціане, замѣняли присѣданіе, не свойственное восточной церкви, набожнымъ колѣнопреклоненіемъ. При чтеніи евангелія, два діакона стояли бокомъ къ алтарю, а лицомъ другъ къ другу. Одинъ изъ нихъ держалъ раскрытую священную книгу, а другой читалъ слово Божіе: при этомъ преосвященный оставался по сю

сторону престола, лицомъ къ народу; символъ вѣры не былъ пропѣтъ, но прочитанъ. Интонація голоса какъ у священниковъ, такъ и у низшихъ церковныхъ служителей болѣе приближается къ манерѣ католической. Самая внѣшность уніатскихъ служителей алтара, по отсутствію бороды и усевъ, и по короткимъ волосамъ на головѣ, не имѣетъ никакого сходства съ наружностью нашихъ священниковъ. Впрочемъ исключеніе изъ этого правила представляетъ мѣстный варшавскій настоятель церкви, лицо котораго, украшенное волосами, имѣетъ, даже и при остриженной головѣ, отѣнокъ православнаго греко-восточнаго лика. Но самое главное отличіе уніатскаго богослуженія отъ православнаго то именно, которое, вмѣстѣ съ *filioque* составляетъ сущность уніатскаго вѣроисповѣданія, это—помяніе папы римскаго. Такъ, послѣ херувинской пѣсни, преосвященный, держа святую чашу, помянулъ папу, потомъ Государя Императора, и вкратцѣ Царствующій Домъ, православное всероссійское воинство и всѣхъ предстоявшихъ православныхъ христіанъ. Затѣмъ, въ теченіе богослуженія, папа былъ помянутъ еще одинъ разъ. Между прочимъ многолѣтіе Царствующему Дому возглашалъ самъ архіерей, а многолѣтіе епископу было возглашено однимъ изъ сослужившихъ іереевъ. Почти всю обѣдню пѣвчіе пѣли нотную. По окончаніи богослуженія, преосвященный опять сталъ подъ балдахинъ, гдѣ, при пѣніи церковныхъ гимновъ, совершалось разоблаченіе отъ архіерейскихъ ризъ, послѣ чего на малиновую католическаго покроя рясу была надѣта такого же цвѣта мантия, а бѣлыя перчатки замѣнены красными. Въ такомъ одѣяніи, въ митрѣ и съ посохомъ, преосвященный направился къ выходу изъ храма, и окропляя народъ, вступилъ въ церковный притворъ, гдѣ митра была замѣнена маливою скуфьею, а мантия снята. Отсюда преосвященный Михаилъ удалился въ занимаемые имъ покои василянскаго монастыря, гдѣ имѣли честь ему представиться нѣкоторые изъ русскихъ, присутствовавшихъ при архіерейской службѣ. Въ 12 часовъ того же дня, епископъ удостоился быть принятымъ у Августѣйшаго Монарха.—Къ этому прибавимъ, что преосвященный Михаилъ—человѣкъ еще не старій, средняго роста, худощавъ, съ продолговатымъ весьма выразительнымъ и умнымъ лицомъ, на которомъ отпечатлѣвается весьма рѣдкое сочетаніе мягкости нрава и энергіи воли. Въ личныхъ сношеніяхъ, преосвященный Михаилъ отличается тою про-

той, естественностію и благодушіемъ, которыя неотразимо привлекають къ нему всякаго, кто имѣлъ удовольствіе хоть короткое время побывать въ обществѣ этого высокоуважаемаго мужа.

(Съв. Поч.)

ОСВЯЩЕНІЕ ВИЛЕНСКАГО УСПЕНСКАГО СОВОРА.

Во вторникъ, 22-го октября, въ день празднованія Капской Божіей Матери, совершено освященіе послѣдняго установленнаго изъ развалинъ и окончательно отдѣланнаго древняго Успенскаго собора въ Вильнѣ, называемаго Іречисгенскимъ и митрополичьимъ, краткое историческое свѣдѣніе о которомъ помѣщено въ № 116 «Виленакаго Вѣстника». Торжество освященія этого собора началось, можно сказать, еще наканунѣ, всенощнымъ богослуженіемъ въ присутствіи множества молящихся. На другой день съ 10 часовъ утра начато самое освященіе собора, послѣ чего богослуженіе длилось почти до трехъ часовъ по полудни, совершенное тремя іерархами, тремя архимандритами и всѣмъ духовенствомъ какъ Вильны, такъ и прибывшимъ изъ другихъ городовъ. Первенствующимъ въ торжествѣ освященія былъ высокопреосвященный Антоній, бывшій архіепископъ минскій, нарочно пріѣхавшій для этого изъ пожайскаго монастыря, гдѣ пребываетъ нынѣ на покой; съ нимъ сослужили литовскіе преосвященные викаріи—Игнатій брестскій и Іосифъ ковенскій. Большой храмъ едва вмѣщалъ молящихся. Передъ соборомъ стояли войска въ парадѣ, хоръ военной музыки и толпы народа, привлеченнаго величіемъ совершавшагося торжества. Послѣ освященія собора преосвященные вмѣстѣ съ духовенствомъ и со всѣми присутствовавшими отправились крестнымъ ходомъ за антиминомъ въ Свято-Духовскій монастырь. Колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ, сливавшійся съ стройнымъ пѣніемъ архіерейскихъ и семинарскихъ пѣвчихъ, толпы народа, благоговѣйно шедшаго за процессіей, сосредоточенное вниманіе иновѣрцевъ-зрителей—все это составляло величественную картину, которую еще разъ являлъ

нашъ древле-православный городъ при освященіи послѣдней возобновленной нынѣ святыни, возникшей изъ развалинъ и запустѣнія. Послѣ литургіи, назначенный въ этотъ храмъ соборнымъ протоіереемъ нашъ краснорѣчивый проповѣдникъ, отецъ Антоній Пщолко, сказалъ соотвѣтственное торжеству слово, въ которомъ привелъ на память слушателей историческія воспоминанія, связанныя съ судьбою православія въ здѣшнемъ краѣ и съ новоосвященнымъ храмомъ въ особенности, благодарственно относясь какъ къ умершимъ, такъ и живущимъ ревнителямъ и поборникамъ православія. По окончаніи богослуженія, собранными войскамъ было предложено городскимъ обществомъ сытное угощеніе, тутъ же на площадѣ, въ присутствіи всѣхъ вмѣстникъ начальствующихъ лицъ; затѣмъ войска съ музикою разошлись по улицамъ города.

Торжество этого знаменательнаго для Вильны дня окончилось роскошною трапезою у главнаго начальника края Александра Львовича Потапова. За обѣдомъ провозглашены были тосты—первый, предложенный Александромъ Львовичемъ, тостъ за здравіе Государя Императора, встрѣченъ былъ восторженными, единодушными кликами ура; такими же выраженіями радости и восторга сопровождались тосты за здравіе Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича, Августѣйшей Его Супруги и всего Царствующаго Дома. Затѣмъ пили за здоровье маститаго архипастыря высокопреосвященнѣйшаго митрополита Іосифа, главнаго виновника торжества православія въ здѣшнемъ краѣ, за здоровье присутствующихъ іерарховъ и духовенства. Александръ Львовичъ, указавъ затѣмъ на живую связь прошедшаго съ настоящимъ въ нашемъ краѣ, на дѣятельность бывшихъ генералъ-губернаторовъ: покойнаго графа М. Н. Муравьева, К. П. фонъ-Кауфмана и графа Э. Т. Баранова, исполнителей благихъ предначертаній Монарха, провозгласилъ тостъ за здоровье находящихся теперь въ Петербургѣ Константина Петровича, гр. Эдуарда Трафимовича и бывшаго предсѣдателя церковно-строительнаго комитета С. Ф. Паниютина,—тостъ, принятый съ искреннимъ удовольствіемъ присутствующими;

когда же Александръ Львовичъ предложилъ подать объ этомъ тостъ телеграммы въ Петербургъ бывшимъ генералъ - губернаторамъ и начальнику Виленской губернии, то присутствующіе единодушнымъ откликомъ изъявили на это свое согласіе. Изъ многихъ тостовъ упомянемъ еще о тостахъ въ честь духовенства, строителей храма, всѣхъ служащихъ и дворянства нашихъ губерній, представитель котораго, тутъ же присутствовавшій между прочими, Александръ Фаддѣевичъ Домейко кровью запечатлѣлъ свою преданность русскому отечеству въ смутное время послѣдняго польскаго мятежа. Далѣе Александръ Львовичъ, развивая мысль о важности и значеніи здѣсь народнаго образованія, провозгласилъ тостъ въ честь представителя образованія — попечителя виленскаго учебнаго округа П. Н. Батюшкова, неуклонно и съ энергіей исполняющаго предначертанія высшей власти по предмету народнаго просвѣщенія, которое должно быть одною изъ крѣпкихъ основъ прочнаго умиротворенія края. Обѣдъ заключился тѣмъ же тостомъ, который былъ провозглашенъ первымъ — за здравіе Государя Императора, нашего общаго Отца и Благодателя, — и былъ встрѣченъ тѣмъ же неудержимымъ восторгомъ и продолжительными вликами ура.

На посланныя въ С.-Петербургъ, 22 октября, во время обѣда у главнаго начальника края Александра Львовича Потапова, телеграммы, получены на другой день по телеграфу отвѣты:

Отъ графини П. В. Муравьевой:

«Искренно благодарю всѣхъ присутствовавшихъ при сегодняшнемъ торжествѣ за воспоминаніе о возобновителѣ нынѣ освященнаго храма».

Отъ генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана:

«Благодарю отъ души сослуживцевъ моихъ за добрую память. Борьба съ враждебными элементами сроднила

насъ. Уповаю , что честные труды въ пользу Россіи не прошли даромъ».

Отъ генералъ-адъютанта, графа Э. Т. Баранова:

«Душевно порадовала меня ваша телеграмма извѣщеніемъ давно желаннаго освященія митрополитальнаго собора и памятью моихъ дорогихъ сослуживцевъ. Искренно благодарю всѣхъ вспомнившихъ обо мнѣ».

Отъ тайнаго совѣтника С. О. Панютина:

«Глубоко тронуть вниманіемъ вашимъ и бывшихъ моихъ сослуживцевъ. Душевно благодарю; никогда не забуду вчерашней депеши».

25-го октября , ночью , главный начальникъ края А. Л. Потаповъ выѣхалъ въ С.-Петербургъ.

(Вил. Вѣст.)

О П Е Ч А Т К И .

ВЪ III ОТДѢЛѢ 6-ОЙ КНИЖКИ ВѢСТНИКА.

Напечатано :

нужно читать :

Стр. 27 строка 3 сверху:	ηχοιμενιχοσ οιχημενοσ	διχοιμενιχοσ	διχοιμενη
— 29 —	7 и 8 снизу:	есть... чиновничество	что.. человекство
— 30 —	1 сверху:	даже	далѣе.
— 31 —	1 сверху:	никакихъ	нѣкоторыхъ.

Въ 5 книжкѣ Вѣстника опечатку—расположить нужно читать: расположить :

Держаніе 7-ой кн. „Вѣстника западной Россіи“ за 1868 годъ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

- ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.—1) **Западная** записка епископа владимірскаго и архимандрита кіево-вечерскаго монастыря Мелетія Хребтовича на имѣніе Путятичи, данная Аксиньи Богусевои—Балакиревои 1592 г. Стр. 1.—2) **Рѣшеніе** униатскимъ духовнымъ судомъ несогласій между настоятелемъ Богоявленской бѣльской церкви и ея прихожанами, вмѣстѣ съ ревизіей этой и Пречистенской церкви. 1634 г. Стр. 3.—3) **Жалоба** полотскаго ялнтойта Есмана на полотскаго скорняка Федора Алексѣевича, утверждавшаго, что униа—порожденіе діавола 1646 г. Стр. 10.—4) **Донесеніе** холмскаго униатскаго епископа Іакова Сушы римскому папѣ о бездѣльномъ положеніи униатской церкви и угнетеніи униатовъ католиками. Стр. 12.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

- ШВЕЦЪ И КНЯЗЬЯ ЕГО** (прод.) Стр. 1.
ТЕРПИМОСТЬ ПАПЪ (продолж.) Стр. 37.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

- ВРЕМЯ** не старѣется. Стр. 1.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

- МЛО**, историческій романъ (продолж.) часть 1-я, глава 8-я, Ригаьда, и глава 9-я, Соперницы. Стр. 1. **С. Квалунгъ**.
- ВЗДЪ** мископреосвященнѣйшаго архіепископа Михаила. Стр. 27.
- ВЪ** произнесенная 12 июня 1868 года, при прощаніи съ архіепископомъ Михаиломъ (бывшимъ минскимъ и бобруйскимъ). Стр. 33. **Свящ. І. Наркевичъ**.
- ВДОКЪ** выноса иконы изъ хойникской церкви въ село Великій боръ, всемилостивѣйше пожалованной Государемъ Императоромъ въ тамошнюю церковь. Стр. 35. **Свящ. М. Ереничъ**.
- ВАНУ** ИВАНОВИЧУ ЧЕТВЕРИКОВУ. Стр. 37.
- ВЛЧЕНІЕ** ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ. — **Нѣздна** г-на главнаго начальника сѣверо-западнаго края по минской и гродненской губерніямъ. Стр. 40.—**Осмотръ** г. главнымъ начальникомъ края училищъ виленскаго учебнаго округа. Стр. 47.—**Рѣчь** г. министра народнаго просвѣщенія въ главной варшавской школѣ. Стр. 52.—**Школы** грамотности для взрослыхъ въ Волковыскомъ уездѣ. Стр. 56.—**О среднихъ** учебнымъ заведеніяхъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Стр. 58.—**Освященіе** церквей и пожертванія на оныя. Стр. 64.—**Торжество** въ Слонимѣ. Стр. 80.—**Еще** о приглашеніи папы на римскій вселенскій соборъ. Стр. 85.—**Пашенное** посланіе епископамъ восточной церкви съ приглашеніемъ на вселенскій соборъ. Стр. 87.—**Униа** въ холмскій Руск. Стр. 90.—**Извѣстіе** о вступленіи на холмскую епископскую кафедру епископа Михаила Кузенскаго. Стр. 94.—**Краткій** биографическій очеркъ епископа Михаила Кузенскаго. Стр. 97.—**Опруженное** посланіе холмскаго епископа Михаила. Стр. 100.—**Высылка** въ Новгородъ плоцкаго епископа Попеля. Стр. 101.—**О роли** польскаго духовенства среди западно-русскаго населенія. Стр. 103.—**Прощаніе** быв. ковенскаго епископа Александра съ своею паствою. Стр. 114.—**Униатское** апхерейское богослуженіе въ Варшавѣ. Стр. 125.—**Освященіе**

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ на 1868 годъ выходитъ января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ *Вильнѣ*,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ *П. Феннера*, б. Сеньковского. Въ *С.-Петербургѣ*,—у комиссера „Вѣстника“, книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Невскій проспектъ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной. Въ *Варшавѣ*,—у таковогожъ комиссіонера, книгопродавца *А. Н. Оепптова*, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. *Черемны*. Въ *Варшавѣ*,—у книгопродавца г. *Кожанчикова*. Въ *Вильнѣ*,—въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

(за 12-ть книжекъ).

Для жителей *Вильны*, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою докъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Городские и иногородные благоволятъ относиться съ своими требованиями исключительно въ редакцію журнала: „Вѣстникъ западной Россіи“, въ *Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: редактору-издателю „Вѣстника“ *Ксенофонту Антоновичу Говорскому*, въ *Вильну*.

Для желающихъ выписать „Вѣстникъ“ за истекшіе годы дается уступка: за 18⁶²/₆₃ годъ, для жителей *Вильны* по 3 р., для иногородныхъ по 6 руб.; за 18⁶³/₆₄ годъ—для первыхъ по 5 руб. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб.; за 18⁶⁴/₆₅, 18⁶⁵/₆₆ и 18⁶⁶/₆₇ годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб.

Для выписывающихъ „Вѣстникъ“ за истекшіе годы не дается 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не считая 25,—10%,—50,—15%,—100,—20%.

Редакторъ-издатель **К. Говорскій**.

СОДЕРЖАНИЕ 7-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“ ЗА 1868 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

- № 8. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ.**—1) **Закладная** запись епископа владимірскаго и архимандрита печерскаго монастыря Мелетія Хребтовича на имѣніе Путятичи, данная А. Богуневой—Балакиревой 1592 г. Стр. 1.—2) **Рѣшеніе** уніатскаго духовнаго суда о несогласіи между настоятелемъ Богоявленской бѣльскаго церкви прихожанами, вмѣстѣ съ ревизіей этой и Пречистенской церкви. 1634 г. Стр. 3.—3) **Жалоба** полотскаго лютвиота Есмана на полотскаго скорника Алексѣевича, утверждавшаго, что уніа—порожденіе діавола 1646 г. Стр. 4.—4) **Донесеніе** холмскаго уніатскаго епископа Іакова Сушы римскому папѣ о бездѣльномъ положеніи уніатской церкви и угнетеніи уніатовъ католіками. Стр. 12.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

- ВИШНЕВЕЦЪ И КНЯЗЬЯ ЕГО** (прод.) Стр. 1.
ВѢРОТЕРПИМОСТЬ ЦАРЬ (продолж.) Стр. 37.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

- «НОВОЕ ВРЕМЯ»** не стартется. Стр. 1.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

- ЯГАЙЛО**, историческій романъ (продолж.) часть 1-я, глава 8-я, Ригальда, и главы Соперницы. Стр. 1. **С. Калауинъ.**
- ОТЪБѢДЪ** высокопроеванциализмшаго архіепископа Михаила. Стр. 27.
- РѢЧИ**, произнесенная 12 іюня 1868 года, при прощаніи съ архіепископомъ Митрофаномъ (бывшимъ минскимъ и бобрыйскимъ). Стр. 33. **Свящ. І. Нарисевичъ.**
- ПОРЯДОКЪ** выноса иконы изъ хойникской церкви въ село Великій боръ, возмѣнивше пожелаванной Государемъ Императоромъ въ тамошнюю церковь. Стр. 35. **Свящ. М. Ереничъ.**
- ПВАНУ ПВАНОВИЧУ ЧЕТВЕРИКОВУ.** Стр. 37.
- ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.** — **Поездка** г-на главнаго учителя въ сѣверо-западный край по минской и гродненской губерніямъ. Стр. 40. — **Смерть** г. главнымъ начальникомъ края училищъ виленскаго учебнаго округа. Стр. 41. — **Рѣчь** г. министра народнаго просвѣщенія въ главной варшавской школѣ. Стр. 52. — **Школы** грамотности для взрослыхъ въ Волковыжскомъ уѣздѣ. Стр. 56. — **О среднихъ** учебныхъ заведеніяхъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Стр. 58. — **Освященіе** церкви и пожертвованія на оныя. Стр. 64. — **Собраніе** въ Слонимѣ. Стр. 80. — **Еще** о приглашеніи папы на римскій соборъ. Стр. 85. — **Папское** посланіе епископамъ восточной церкви съ приглашеніемъ на вселенскій соборъ. Стр. 87. — **Уніа** въ холмской Руск. Стр. 91. — **Извѣстіе** о вступленіи на холмскую епископскую кафедру епископа Мих. Куземекаго. Стр. 94. — **Краткій** біографическій очеркъ епископа Мих. Куземекаго. Стр. 97. — **Оруженное** посланіе холмскаго епископа Мих. Куземекаго къ папѣ. Стр. 100. — **Высылка** въ Новгородъ плоцкаго епископа Попола. Стр. 101. — **О роли** польскаго духовенства среди западно-русскаго населенія. Стр. 102. — **Прощаніе** быв. ковненскаго епископа Александра съ своею паствой. Стр. 111. — **Уніатское** архіерейское богослуженіе въ Варшавѣ. Стр. 125. — **Освященіе** холмскаго Успенскаго собора. Стр. 127.

ВЕСТНИК ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

ВИЛЬНА

1868.

Printed in

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышло и поступило въ продажу, одобренное учебнымъ начальствомъ, **Краткое руководство къ Географіи Россійской Имперіи съ Вопросами и Задачами Брамсона.** Вильна. 1867 г. Получать можно въ Редакціи *Вѣстника Западной Россіи* и у книгопродавцевъ: *Фоннера* (быв. Сеньковского) въ Вильнѣ; *Косагорова* въ Ковнѣ и *Мендельсона* въ Витебскѣ. Цѣна 30 коп.; за пересылку предлагается за 1 фунтъ по разстоянію. Выписывающіе болѣе 10 экземпляровъ за пересылку не платятъ, а на 100 экземпляровъ уступка 20%. Обращаясь на имя начальника ковенской женской Гимназіи, всѣ учебныя заведенія пользуются той же уступкой, безъ ограниченія числа экземпляровъ.

Въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ можно получать отдѣльными, вновь исправленными оттисками: „**Очерки Бѣлорусскаго Полѣся**“ (89 стр.) Цѣна для подписчиковъ „Вѣстника“ 1 руб. за 3 экземпляра съ пересылкою.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI, — 1868.

КНИЖКА VIII.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназій,
противъ губернскаго правленія.

1868.

Дозволено ценсурою. 31-го октября 1868 года. Вильна.

І.

№ 9.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ И УНІАТ-
СКОЙ ЦЕРКВЕЙ ВЪ ЗДѢШНЕМЪ КРАѢ,

1.

Декретъ виленскаго трибунальскаго суда о перенесеніи на сеймъ дѣла о разрушеніи уніатскимъ епископомъ православной церкви въ Пинскѣ на Полозовщинѣ, — и вообще о притѣсненіи греческой вѣры. 1617 г.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча шесть сотъ семнадцатого Іюля двадцать осмого дня.

Передъ нами судьями головными, на трибуналѣ у великомъ князствѣ Литовскомъ отъ воеводствъ, земель и повѣтовъ на рокъ (годъ) тенерешній тисеча шесть сотъ семнадцатый обраными, вгды съ порядку реестрового ку розсудку нашому припала справа, освѣдоного княжати его милости Януша Радивила-княжати зъ Биржъ и Дубинокъ, на Слуцку и Копылю, подчашого великого князства Литовского, старосты Борисовского, яко опекуна ее милости пани Криштофовое Гарабурдиное, судьиное земское повѣ-

ту Слонимского, пани Рейны Макаровны, яко акторки, (истицы) зъ его милостью отцомъ Паисемъ еромонахомъ Саховскимъ, епископомъ Пинскимъ и Туровскимъ архимандритомъ Кобринскимъ, яко принцыпаломъ, (главнымъ отвѣтчикомъ) а зъ его мил. папомъ Миколаемъ Ельскимъ подстаростимъ Пинскимъ, и зъ его м. папомъ Романомъ Ельскимъ, войскимъ и писаромъ провентовымъ замку пинского, также съ паномъ Станиславомъ Браевскимъ, яко съ помочниками, за чотырма позвы и за отосланьемъ отъ суду вгородского Новгородского зъ рѣчкѣвъ (сроковъ) февралевыхъ, въ семь року шесть сотъ семнадцатомъ судовне отправованыхъ, ино за приволаньемъ (приглашеніемъ) черезъ возного воеводства Виленского сторонъ до права отъ его няжецкое милости пана подчашого за моцью (уполномочіемъ) листовною на зыскъ и страту (прибыль и потерю) даною, земенинъ господарскій воеводства Берестейского панъ Миколай Онихимовскій до права се становилъ: а се м. пани судыная, сама очевисто передъ нами постановившисе, моць на зыскъ и страту томужь пану Миколаю Онихимовскому отъ себѣ злецила. А отъ его милости отца епископа Пинского и его м. пана Романа Ельского войского Пинского и отъ пана Даниеля Понятовскаго за моцми листовными до обмовы (къ росправѣ) се становилъ; а его м. нанъ подстаростій Пинскій самъ се до обмовы становилъ..... А выведечей тую справу зъ фундаменту, умоцованый его кнежачое милости пана подчашого и пани судыное повѣдилъ, иже дей кнегини Марья Олельковна, кнегини Кіевская, Семенова Володимерычова, дѣдичка (владѣтельница) кѣторая яко вдова маючы великіе кривды и утиски (обиды и угнетенія) отъ козаковъ и отъ татаръ и немогучы сама на украинѣ оборонитисе, просила короля его милости светое памяти

Александра, абы оную съ Кіева знесль и далъ ей отмѣну. Король его м. Александро далъ ей отмѣну Пинскъ, Кобрынъ, Городецъ, Рогачевъ, которая мѣла въ себе двое дѣтей,—сына князя Василья,—тотъ въ молодости лѣтъ умеръ,—дочку кнежну Олену, которую тую дочку выдала за мужъ за князя Ивана Ярославича, которая мѣла въ себе сына князя Ѳедора Ивановича Ярославича, которые вси, якъ сама тая кнегиня Марья, такъ и зять ее князь Иванъ Ярославски и дочка ее княгиня Олена, што была за Ярославичомъ, и сынъ тое дочки князь Ѳедоръ Ярославичъ безъ потомства зъ сего свѣта смертю зышли, а тые замки—Пинскъ, Кобрынъ, Рогачевъ знову на короля его м. светое памяти Жикгимонта Першого кадувомъ (по праву сильного) спали. Король его м. Жикгимонтъ Першый, яко спадокъ на его м. прышлый, записалъ то малжонцѣ (супругъ) своей светое памяти Бонѣ. Королевая ее м. Бона немалый часъ держала тые вси замки. А за живота своего оная Марья и зять ее князь Иванъ Ярославичъ и малжонка его кнежна Олена слугамъ своимъ—шляхтѣ, которыхъ немало было, многіе и великіе маестности отъ замку Пинского и въ мѣстѣ Пинскомъ пороздавали, намнѣйшее рѣчи, якъ король е. м. Жикгимонтъ Першый, такъ королевая ее м. Бона, ани король е. м. свѣтобливое памяти Жикгимонтъ Августъ. отъ тыхъ слугъ не отнимали, а потомъ въ року прошломъ тисеча пять сотъ шестдесятъ шостомъ мѣсеца Генвара двадцатого дня на сеймѣ вальномъ главномъ Вилецкомъ уступивши права своего спадокowego (наслѣдникаго) надалъ шляхтѣ Пинской права таковые, яко и вел. князству Лит. и учинилъ съ Пинска повѣтъ Пинскій. Чого доводечи, покладалъ передъ нами выписъ съ книгъ кгородскихъ Пинскихъ въ датѣ (подъ числомъ) року тисеча пять сотъ девятдесятъ сегого

мѣсеца Августа девятого дня вписанья того привелю до книгъ кгородскихъ Пинскихъ, отъ которого того замку пинского оная кнериия Марья немалые маестности годное памети небожчику пану Ивашку Полозу прадѣду першого малжонка ее м. пани судьиное надала, которому тежь и домъ у мѣстѣ Пинскомъ дала, котораго того дому Полозовского вси продковъ ее милости пани судьиное при имѣннн Дубой держачими были. А по смерти ихъ атоли и ее м. пани судьииня за правомъ своимъ при имѣнню Дубой того дому Полозовского держачою будучи, первѣй въ томъ дому монастръ учинила, гдѣ отъ кольконасту (болѣ десяти) лѣтъ служба Божая въ трапежи, то есть въ свѣтлицы столовой, отправоваласе, гдѣ черницы ядали, и тенерь тамъже се служба Божая отправуеть. И доводечи того, ижь то есть пляцъ Полозовскій, на которомъ тая церковь была збудованая, (построена) напервѣй покладалъ выписъ съ книгъ кгородскихъ Пинскихъ, подъ датою року тисеча пять сотъ деведесать шостого мѣсеца Іюля двадцать осмого дня, сознанья возного Остафья Михновича Качановского, ижь онъ по смерти дочки ее м. пани судьиное небожчицы (покойницы) пани Езофовое Будиловое пани Зофеи Ѳедоровны Полозовны имѣнъя по ней зосталые Дубою и иншіе фольварки и тотъ домъ Полозовскій у Пинску, подъ вольностями шляхетскими будучій, до держанья и посесыи (владѣнія) своее за уступеньемъ зята своего пана Езофа Будила взяла. Потомъ покладалъ видимусъ (выписъ) съ книгъ головныхъ трибунальскихъ въ датѣ року тисеча шесть сотъ второго мѣсеца Октебра дванадцатого дня, въ которомъ описуеть, ижь панъ Филонъ Полозъ позволяеть и право свое вливаеть на пана Яроша Терлецкого всихъ имѣней Полозовскихъ и того дому Полозовского у мѣстѣ Пинскомъ у пани судьиное

на онъ часъ будущее пани Васильевое Пелчицкое и у малжонка ея пана Василья Пелчицкого и у пана Езофа Будила доходить. До того покладалъ виднеться съ книгъ земскихъ Пинскихъ въ датѣ року тисеча шесть сотъ шостого мѣсеца Октебра второго дня, въ которомъ описуетъ, ижъ панъ Ярошъ Терлецкій вѣчностъ имѣнья Дубое и двorca Биркозъ и зъ пляцомъ Полозовскимъ, што мѣлъ отъ пана Филона Полоза собѣ пушонье, на пана Василья Пелчицкого влилъ. Притомъ покладалъ выписъ съ книгъ земскихъ Пинскихъ, подъ датою року тисеча шесть сотъ одинадцатого мѣсеца Іюня першого дня, перенесенья тестаменту (духовнаго завѣщанія) съ книгъ вгродскихъ Пинскихъ до книгъ земскихъ Пинскихъ небожчика пана Василья Пелчицкого подсудка Пинского, въ которомъ выписъ описуетъ, ижъ небожчикъ панъ Василей Пелчицкій подсудокъ Пинскій записуетъ малжонцѣ своей пани Раинѣ Макаровнѣ, тене-решней пани судьиной, и тое имѣнье Дубою съ фольваркомъ Биркозами и нляцомъ Полозовскимъ у мѣстѣ Пинскомъ. Покладалъ тежъ выписъ съ книгъ вгродскихъ замку Пинского, въ датѣ року тисеча шесть сотъ девятого мѣсеца Іюля шостого дня, войстья въ держанье черезъ возного Ивана Савича Козляковскаго въ имѣнье Дубою и въ дворець Биркозы и во вси села до нихъ належачіе и въ дома, въ мѣстѣ Пинскомъ будущіе, то есть Фурсовскій и Полозовскій и въ мѣщане на томъ пляцу Полозовскомъ мѣшкающіе (обитяющіе); ижъ ея м. пани судьиная черезъ возного и сторону шляхту до держанья своего водлѣ тестаменту малжонка своего взела, до того покладалъ шесту квитовъ (квитанцій) поборовыхъ..... (*). По

(*) Самыя квитанціи опускаемъ. Въ нихъ говорится объ уплатѣ въ разное время съ описанныхъ имѣній разныхъ податей всѣми вышеозначенными владѣльцами имѣнія, кончая самою Гарабурдиной.

вычитанью тыхъ всихъ справъ повѣдиль умоцованнѣй (уполномоченный) его кнеж. м. и пани судьиное, довелъ дей есми того справаи вѣчными, ижъ имѣние Дубоя зо всеми селы и фольварками и съ тымъ пляцомъ Полозовскимъ, въ мѣстѣ Пинскомъ будущимъ, ижъ есть зъ давныхъ часовъ подъ правомъ и вольностями шляхетскими. А доведечи того, ижъ на томъ пляцу Полозовскомъ была церковь отъ ее м. пани судьиное збудована, покладаю видимусъ протестацни ксендза владыки Пинского подъ датою року тисеча шестъ сотъ чотырнадцатого мѣсеца Августа двадцать пятого дня. Съ которое протестацни его и въ сознанью возного Ивана Андреевича Козляковскаго описуеть, ижъ онъ ксендзъ владыка оповѣдаеть на врадѣ (въ урядѣ), ижъ пана судьиная мела вожо церкви збудовала на пляцу Полозовскомъ; а онъ возный сознаваетъ, ижъ видѣлъ не, мало вожо церкви збудовано на Полозовщинѣ. Покладалъ тежъ умоцованнѣй княжати его милости пана подчасного и ее м. п. судьиное два выписы: одинъ съ книгъ головныхъ трибунальныхъ въ Повгородку отпраованныхъ, а другій съ книгъ кгородскихъ Новгородскихъ въ датѣ року тисеча шестъ сотъ чотырнадцатого мѣсеца Сентебра тридцатого дня, въ которыхъ выписѣхъ — въ одномъ описуеть, што съ книгъ головныхъ трибунальскихъ выданъ, ижъ врадникъ ее м. п. судьиное Дубейскій именемъ ее м. протестуетъ ее на отца владыку Пинского и помочниковъ его о збуренье (разрушеніи) церкви е. м. на кгрунтѣ (земли) е. м. въ монастыру на Полозовщинѣ въ мѣстѣ Пинскомъ будущее, — а въ другомъ выписѣ кгородскомъ Новгородскомъ пишеть, ижъ самъ его м. п. Крыштофъ Гарабурда судья земскій Слонимскій и малжонка (жена) его м. п. Райна Макаровна черезъ служебника своего на врадѣ кгородскомъ Новгород-

свѣтъ о збуреньѣ (разрушеніе) церкви, на крунтѣ Полозовскомъ будучое (протестуетъ); покладалъ тежъ выписъ съ книгъ головныхъ трибунальныхъ, подъ датю року тисеча шесть сотъ чотырнадцатого мѣсеца Сентебра тридцатого дня, сознанья возного енерала повѣту Иннскаго Пронка Денисовича Калаура, въ которомъ описуетъ, ижъ онъ возный видѣлъ мѣстце, гдѣ церковь стояла и только штандаре зостали, а церковь уся зобрана и збурана, и въ чотырохъ кельяхъ видѣлъ двери, защепки, скобли и пробое свежо повырубованы и попсованы (попорчены), а въ комори, гдѣ были аператы церковныя — въ сѣняхъ до оное входечи — двери выломаны и посѣчоны, и на чернцохъ и на дойдидѣ также и на дьяку раны, крыжъ деревяный, што былъ на церкви, и образъ, што былъ надъ дверми церковными, пощепано. Четвертый выписъ покладалъ съ книгъ кгродскихъ Новгородскихъ, въ датѣ року тисеча шесть сотъ чотырнадцатого мѣсеца Сентебра тридцатого дня, сознанья возного енерала его кор. м. скарбового Яна Юшинского, въ коеоромъ описуетъ, ижъ служебникъ ее м. и. судьное въ монастыру ее м., въ мѣстѣ Пинскомъ на Полозовщинѣ надъ рѣкою збудованыиъ, видѣлъ у воротъ того монастыра пробои отсѣчоны и влодка (замокъ) дей взята и ворота отбиты, а въ монастыру самомъ только мѣстце тое, гдѣ была церковь и только штандари зостали, а церковь вся розобрана, тынъ (заборъ) и ворофа отъ рѣчки Пины выломаны, въ чотырохъ кельяхъ у дверей защепки, скобли и пробои знать свѣжо повырубованы и попсованы, въ коморѣ, гдѣ были аператы церковныя, въ сѣняхъ до оное входечи, двери выломаны и посѣчоны, образъ, што былъ надъ дверми церковными, и крестъ деревяный, што былъ на церкви, пощепанъ, на чернцохъ на тесли и на дьяку раны видѣлъ. Покладалъ тежъ

декретъ суду головнаго трибунальскаго въ датѣ року тисеча шесть сотъ чотырнадцатаго мѣсеца Ноябра девятнадцатаго дня, въ которомъ описуеть, ижъ судъ головный трибунальскій, отправуючи справы судовыя въ Новгородку за позволють отъ ея м. п. судьиное земское Слонимское зъ отцемъ владыкою Пинскимъ о збуренье церкви въ монастыру въ мѣстѣ Пинскомъ на вгрунтѣ пани судьиное Полозовскомъ, о пораненье черницовъ и иншихъ особъ и о забранье маестности монастырскаго, ея м. отца владыку съ повѣту Пинскаго до термину неналежаго Менскаго была запозвала, гдѣ судъ, неузнавши форумъ передъ собою, отца владыку Пинскаго отъ того позвѣ и року (срока) вольнымъ учинилъ, а ея м. п. судьиной въ терминѣ (срокѣ) належномъ и въ суду належнаго зъ ея м. отцемъ владыкою вольное мовенье заховалъ. По вычитанью того декрету умоцованый (повѣренный) ея княж. м. и ея м. п. судьиное повѣдилъ, ея дей м. п. судьиная, маючи такъ великую кривду отъ ксендза владыки Пинскаго, назвала была въ року тисеча шесть сотъ петнадцатомъ до суду головнаго трибунальскаго до кола генеральнаго; а ксендзъ владыка Пинскій позвалъ тежъ ея м. п. судьиною до суду головнаго трибунальнаго до кола духовнаго, за которыми позвы, не припускаючи тое справы до розсудку правнаго, ясновельможные панове, ея м. панъ канцлеръ вел. кн. Лит., а ея м. п. гетманъ польный вел. кн. Лит. розняли тую справу на розсудокъ и узнанье сеймовое, чого доводечи покладалъ передъ нами листъ отца владыки Пинскаго подъ датою року прошлаго тисеча шесть сотъ петнадцатаго мѣсеца Августа петнадцатаго дня, а ксендзъ владыка Пинскій, не нереставаючи предсевазатаго умыслу своего, позвалъ ея м. пани судьиною мандатомъ (указомъ) предъ ея кор. м. за дворомъ и о-

держалъ на еи м. п. судьиной заочно въ нестанью е. м. всказу суму пѣвезей три тисечи копь грошей литовскихъ за збудоване церкви на ктрунтѣ ее м. Полозовскомъ, и покладалъ передъ нами декретъ его кор. м. въ датѣ року тисеча шесть сотъ петнадцатого мѣсеца Апрѣля второго дня, при томъ покладалъ протестацію ее м. п. судьиное — выпись съ книгъ кгородскихъ Берестейскихъ, въ датѣ року тисеча шесть сотъ петнадцатого мѣсеца Апрѣля тринадцатого дня, въ которой описуетъ, ижъ панъ Ѳедоръ Шешкевичъ пріятель ее м. п. судьиное чинить протестацію на врадѣ кгородскомъ Берестейскомъ именемъ ее м. п. судьиное о заочный переводъ права въ неналежномъ судѣ. По вычитанью тое протестацїи повѣдилъ умоцованый ее милости пани судьиное: бачечи то, ижъ ксендзъ владыка Пинскій неслушне на ее м. право перевелъ и въ пеналежномъ судѣ взявши мандатъ его кор. м., — позвала была етна владыку Пинского на сеймъ прошлый въ року шесть сотъ шестнадцатомъ минулый, за которымъ мандатомъ тамъ на сеймѣ тая справа не дошла и сужона не была—первѣй въ арештъ на сконченью сейму, а потомъ и въ лимитацію до другого сейму впадала. Чого доводечи, покладалъ передъ нами тотъ мандатъ его кор. м. зъ написомъ на немъ воланья троя и арешту подѣ датою року прошлого тисеча шестнадцатого мѣсеца Марца десятого дня. По вычитанью того мандату повѣдилъ умоцованый его княж. м. пана подчашого и пани судьиное, немаючи дей на томъ досыть, ксендзъ владыка Пинскій, ижъ церковь ее м. п. судьиное збурилъ и три тисечи копь грошей декретомъ его кор. м. маетность пани судьиное обтяжилъ, еще позвалъ ее м. п. судьиную, въ стѣханью ее м. на сеймѣ, тутъ до суду головного трибунальскаго—кола духовного, гдѣ ее м. форумъ

не мѣла, мимо обмовы умоцованого ее м. одержалъ собѣ всказу десеть тисечей золотыхъ. И покладалъ передъ нами декретъ суду головного трибунальскаго— кола духовного въ датѣ року тисеча шесть сотъ шестнадцатого мѣсеца Августа второго дня, о што пріятеле ее м. п. судьное, именовъ кнежати его м. пана подчасшого и именовъ ее м. пани судьное, о тотъ заочный переводъ права и въ неналежномъ судѣ на ксендза владыку Пинскаго протестовали. И покладалъ выписъ съ книгъ трибунальскихъ зъ Вильня выданы, въ датѣ року шесть сотъ шестнадцатого мѣсеца августа четвертого дня. Покладалъ тежъ листъ атестацыи ихъ м. пановъ обывателей вел. кн. Лит. въ датѣ року тисеча шесть сотъ семнадцатого мѣсеца Стычня петнадцатого дня, въ которомъ описуетъ, ижъ ихъ м. мають певную вѣдомость, же его м. отецъ владыка Пинскій церковь ее м. п. судьное въ Пинску на кгрунтѣ ее милости власномъ шляхецкомъ, названомъ Полозовскомъ, съ помочниками своими збурилъ.—А доводечи того, ижъ тая справа, не въ духовномъ колѣ, але у великомъ сужона быти маеть, подалъ артыкуль тридцать третій роздѣлу третего, же о добра шляхетскіе, земскому праву подлежае у суду земского подкоморскаго, а потомъ и въ суду головного кола великаго особы духовные особамъ свѣтскимъ усправедливитисе мають, о чомъ и констытуцыя року тисеча пять сотъосемдесять осмого ясое выража.—Наостатось и то умоцованый пани судьное выводилъ, и ясне передъ нами судомъ показалъ, же люде реліи кгрецкое передъ судьями духовными реліи римское росправоватисе не звыкли, водлугъ давныхъ и старыхъ привилеевъ королей ихъ м. польскихъ и вел. князей Литовскихъ, водлугъ каноновъ концылійныхъ, водлугъ правъ, свободъ и волностей, присягами королей ихъ м. польскихъ и

вел. князей Литовскихъ утвержденныхъ и на уни сей-
 ну Любельского року тисеча пять сотъ шестдесятъ
 девятого кгрунтовне обварованныхъ, и водлугъ всихъ
 правъ вел. кн. Литовского, которые розграниченье
 певное межи правами и вольностями реліи кгрец-
 кее и римское учинили, наостатокъ водлугъ конфе-
 рации енеральное Варшавское, которая также (...) въ
 свое моцы достоенства, влады и вси прерокгативы
 тыхъ двухъ релій кгрецкое и ромское.— А далѣй
 пробуючи того, же люди реліи кгрецкое, якъ свѣцкіе,
 такъ и духовные, хотябъ упоромъ противко правъ и
 вольности реліи кгрецкое до кола духовного римское
 реліи утягованы были, тогда то все у суду голов-
 ного трибунальскаго кола великаго енеральнаго касо-
 вало и зношовано. Чего доведечи, покладалъ передъ
 ними декретъ суду головнаго трибунальскаго въ да-
 тѣ року тисеча шесть сотъ пятаго мѣсеца Августа
 дванадцатаго дня межи годное памяти ксендзомъ мит-
 рополютомъ Кіевскимъ, а межи братства церковнаго
 Виленскаго, которымъ декретомъ форумъ у великаго
 кола узнано и звирхность (начальство) пастыра ихъ
 звывлаго Патріархи Константинопольскаго утвержо-
 но. Другій декретъ суду головнаго трибунальскаго
 покладалъ въ датѣ року тисеча шесть сотъ девятого
 мѣсеца Мая двадцатаго дня, межи братствомъ Вилен-
 скимъ стану свѣцкаго и духовнаго радець, бурми-
 стровъ, лавниковъ и посполитаго чоловіка мѣщанъ
 Виленскихъ, а межи годное памяти ксендзомъ Пате-
 емъ и теперешнимъ ксендзомъ Руцкимъ, митрополи-
 томъ Кіевскимъ—стороны великихъ уразовъ (оскорб-
 леній) реліи кгрецкое старожитное, которой реліи
 нигдѣ индѣй, оно у великомъ колѣ енеральномъ, фо-
 румъ узнано и тые вразы лечоно. Третій девретъ
 въ той же справѣ покладалъ подъ датою року ти-
 сеча шесть сотъ девятого мѣсеца Іюля четвертаго

дня, гдѣ также выразне (ясно) выписано и декретъ кола духовнаго реліи римское скасовавши, (уничтоживъ) въ колѣ великомъ енеральномъ форумъ узнано. И иншихъ немало декретовъ трибунальскихъ передъ нами судомъ положивши, указовалъ то знать, же люде реліи кгречкое старожитное, подъ звирхностью звыхлыхъ пастыровъ своихъ Патріарховъ Константиноольскихъ будучіе, яко взглядомъ (относительно) добръ, такъ и взглядомъ особъ своихъ росправу мѣвали, яко и констытуцями сеймовыми року тисеча шесть сотъ семого и року тисеча шесть сотъ девятого тые права, вольности и стародавныя звычае мере и реліи кгречкой належачіе утвердивши и умонивши отъ тыхъ, которые унею съ костеломъ римскимъ приняли, розграничивши, абы тымъ, которые до тыхъ пристать не хочуть, опресіи (притесненія), препагабанья (поруганія) ниякого жаднымъ (никакимъ) способомъ и претекстомъ (предлогомъ) не чинили, подъ виною десеть тисечами золотыхъ польскихъ, о што форумъ до трибуналу кола великого указано, на который нонктъ, же форумъ у великого кола узнано, небожчикъ (покойный) ксендзь Потей митрополить Кіевскій и протестацію у кгороду Варшавского учинилъ, описуючи въ ней тые слова, же у великомъ колѣ енеральномъ суду головного трибунального — о кривды въ добрахъ церковныхъ, будь тежъ въ реліи, расправоватъ се узнано. А потомъ пришивокъ у той констытуцей таковой учинено, же если бы отъ першого сойму передъ тою констытуцією добръ церковныхъ отнято штокольвекъ было, тогда о то форумъ *compositi iudicii* написано, на который пришивокъ его м. князь Богданъ Окгинскій, подвоморій Троцкій, поселъ и модераторъ, съ кола посельского депутованный, очевисто у судьи кгородского Львовского протестацію учинилъ; также и его м.

панъ Федоръ Обуховичъ, посель съ повѣту Мозыр-
ского, на тотъ же пришивокъ протестацію учинилъ,
и у весь тотъ артыкулъ въ конституции сеймовой
безъ того приписку до кола духовного, такъ якъ
справедливе и згодно постановеный, былъ слово въ
слово до той протестаціи своей уписанъ; некоторы
ми протестаціи передъ нами положивши, указоваль
секретъ суду головного трибунальского, же вжо тотъ
приписокъ зъ очевидное контроверсіи зъ небожчикомъ
ксендзомъ Потеємъ и съ терезнейшимъ (нынѣшнимъ)
ксендзомъ Руцкимъ — митрополитами Кіевскими, от-
ято и знесено есть, бо то и самый прирочоный ро-
зумъ позволить не можетъ, абы люде реліи вгрепкое
передъ судьями римское реліи, яко передъ своими
адверсарми (противниками), въ кривдахъ своихъ ро-
справоватъсе мѣли, бо адверсаръ судьєю справедли-
вымъ быть не може. А што ксендзъ Паисей вла-
дыка Пинскій указуе привилей светое памети коро-
ля его м. Жиггимонта Першого, же безъ благосло-
венства владыки Пинского и Туровского не вольно
церквей у Пинску будовать, тогда тотъ привилей
подъ однимъ часомъ былъ выданный, кгда нетолько
церкви будовать, але и всею маетностью своею каж-
дому шляхтичу безъ позволенья королей ихъ мило-
сти Польскихъ и вел. княз. Литовскихъ, яко пановъ
дѣдичныхъ, шафовать не волно было, о чомъ ширей
описуетъ артикулъ петнадцатый, шестнадцатый и
семнадцатый роздѣлу першого старого статуту Жиг-
гимонта Першого; иле кгда того дѣдичства (наслѣд-
ства) короли ихъ м. Польскіе и вел. князи Литов-
скіе въ князствѣ Литовскомъ отступили и такою жъ
вольностью, яко и коруна Польская маеть, же зъ
вольное елекции обраный панъ коронѣ Польской и
вел. княз. Литовскому пановати маеть, вел. князство
Литовское надарило тогда вжо и обывателемъ вел.

княз. Литовского, яко вшелякою (всякою) маестностью своєю вольно водлугъ воли и уподобаня своего шафовать, такъ и церкви на власныхъ кгрунтѣхъ своихъ будовать, а не тылко церкви будовать, але хочьбы и крушцы (металлы) вшелякіе на кгрунтѣхъ се нашли, вольно шляхтичу безъ позволенья короля его м. уживать (употреблять), о чомъ ширей уніа року тисеча пять сотъ шестдесятъ девятого и артикуль втѳрый роздѣлу третего въ собѣ обмовляетъ, тогда тотъ привилей есть мартвый, скасованный и знесеный напродъ привилеемъ короля его м. светобливое намети Жикгимонта Августа, року тисеча пять сотъ шестдесятъ шостого, на вольность обывателемъ новѣту Пинского выданный, также и унією сойму Любельского, поготовю конфедерацыею енеральною Варшавскою, которая водлугъ своего набоженства (обряда) церкви будовать и духовниковъ водлугъ своего набоженства ховать не забороняеть, знесеный есть привилейми старыми и новыми и присегами королей ихъ м. Польскихъ и вел. князей Литовскихъ и констытуцями сеймовыми апробованы и внивечь (въ ничто) обернены есть. А тымъ още ясне артыкуль пятый роздѣлу третего тотъ привилей, яко праву и волностямъ противный, скасоваль, яко жъ тотъ привилей не инымъ владыкомъ Пинскимъ, только тымъ, которые подъ звирхностью пастырей своихъ звыклыхъ патріарховъ Константинопольскихъ бывали. А ижъ тотъ владыка Пинскій пастыра своего звыклого натріархи Константинопольского и его звирхности отступилъ, тогда тежъ и того привилею, подъ тою звирхностью ему служачого, отстуетъ и самъ его внивечь оборочаетъ, и вжо того привилею, яко чужого права, на помочь собѣ брати не можетъ. — И домовилъ се за тымъ умоцованный ее м. п. судбыное, абы тая спра-

ва, яко о уразъ (нарушеніе) вси права, свободы, вольности и прерогативы, наостатокъ и самое сумнѣнне (совѣсть) заходящій, на сеймъ отослана была, кгда то есть немалая и неслыханая опрессыя (у-тесненіе), же ее м. п. Гарабурдина, яко ее вышей довело, на своемъ кгрунтѣ церковь збудовала и деркви збыла, и еще на ей же властныхъ добрахъ кылкодесять тисечей и на особѣ самой пунеть баницыи (изгнанія) всказано, для кгрунтового успокоенья водлугъ констытуции року шесть сотъ се-мого и шесть сотъ девятого и водлугъ конвокацей Виленскихъ межи станы реліи кгрецкое и рымское черезъ всихъ становъ, сойму належачихъ.—А такъ им судъ въ той справѣ освѣценого княжати его м. п. Радивиля, подчашого вел. княз. Литовского, и ее м. п. Гарабурдино, судьиное земское Слонимское, зъ отцемъ Пансеемъ Саховскимъ владыкою Пинскимъ и Туровскимъ, яко прынцыпаломъ, а зъ его м. п. Николаемъ Ельскимъ, подстаростимъ Пинскимъ, па-номъ Станиславомъ Кграевскимъ, паномъ Романомъ Щасковичомъ Ельскимъ, войскимъ Пинскимъ, яко помочниками, за позвы о кгвалтовное (насильствен-ное) збуренье церкви на кгрунтѣ ее м. п. судьиное шляхетскомъ, названомъ Полозовскомъ, надъ рѣкою Пиною лежачомъ, збудованое, за тымъ и о злый пе-реводъ права черезъ отца владыку, въ колѣ суду головного неналежномъ одержаный всказу на ее м. п. судьиной за ее жъ церковь, черезъ ихъ кгвал-товне збуроную, немалой сумы нѣнезей; въ которой справѣ мы судъ добре вырозумѣвши, а бачечи то съ права посполитого артыкулу трыдцать второго трыдцать третего зъ роздѣлу третего, же есть ли станы духовные реліи стародавное греческое, далеко большъ особы свѣтскіе, въ колѣ духовномъ суду го-ловного мимо судъ належный зъ добръ своихъ шля-

хетскихъ никому отповѣдати не новинни, за чимъ и отецъ владыка Пинскій мимо констытуцыю сойму року тисеча шесть сотъ девятого, отъ обойга народу згодне (согласно) постановеную, которою меновити (особенно) межи людьми въ реліи греческой порозненными покой варованый (обеспеченъ) есть, не рсправивши се зъ ее м. н. Гарабурдиною водлугъ зачатого процесу своего первѣй передъ судомъ его кор. м. всказу сумы пѣнезей на пани судьиной одерживать не могль, въ которыхъ справѣхъ и уразѣхъ зобопольныхъ людей реліи греческое, ижъ потомъ черезъ всихъ становъ вел. княз. Литовского на конвокацыи Виленской на розознанье соймовое отложено. Про то и мы судъ, прихыляючисе до того жъ постановенья конвокацыи Виленское, ижъ въ особѣ тыхъ жалобливыхъ особъ идетъ о парушенье правъ и вольностей всего стану народу шляхетского, тотъ увесь затягъ правный, межи его княж. м. и ее м. п. судьиною и отцемъ владыкою урощоный, на розознанье и постановенья соймовое на соймъ откладаемъ, и покуль се въ томъ розознанье и згодное постановенья соймовое станеть, декрета и всказы, черезъ отца владыку одержанные, до ексекуцыи привожоны быти не мають. Которая справа до книгъ головныхъ трибунальныхъ записана есть, у которыхъ и сесь выписъ подъ печатю земскою воеводства Виленского его м. отцу Пансею Саховскому епископу Пинскому есть выданъ. Писанъ у Вильни. Янъ Коленда Виленскій писарь.

Печатъ вытиснута на бумагъ, положенной на сурьчу. Подлинникъ хранится въ архивъ виленскаго Св. Троицкаго монастыря.

(Лит. Еп. Вѣд.)

II.

ВИШНЕВЕЦЪ И КНЯЗЯ ЕГО.

(Окончаніе *).

1653 года, польскій вождь, князь Димитрій Юрій Вишневецкій, непримиримый врагъ Тимофея Хмѣльницкаго, отбиваго у него невѣсту, во время сочавской осады, прибылъ въ союзное венгерско польское войско, но не зная самъ лично своего врага, обѣщалъ большія деньги тому, кто укажетъ на него. Три шляхтича взялись услужить князю, и когда Тимофей ходилъ между пушками на валу, по указанію шляхтичей, инженеры направили пушки и ядро попало въ возъ, на которомъ стояла казацкая пушка; осколки бревень ударили Тимофея въ ногу и голову, и сильно ранили. Казаки отнесли предводителя окровавленнаго безъ чувствъ. Черезъ четыре дня Тимофей скончался отъ антонова огня. Господарина скрыла тѣло Тимофея и увѣряла, что онъ живъ; Оедеренко, командовавшій войсками, ударилъ на венгровъ и поляковъ такъ удачно, что неприятелей вышло изъ строя нѣсколько тысячъ 155).

Князь Димитрій Вишневецкій за свои подвиги получилъ званіе каштеляна краковскаго и великаго короннаго гетмана. Онъ былъ сынъ Януша короннаго и внукъ князя Константина II, воеводы русскаго, помогавшаго Отрепьеву. Димитрій Вишневецкій служилъ стражникомъ 1653 г.; потомъ пожалованъ воеводою белжскимъ 1609 г. и наконецъ гетманомъ польнымъ

*) См. 7 Кн. Вѣст. Зап. Россіи.

155) Ист. Мал. Рос. Бант.-Кам. ч. I, стр. 291. Богд. Хмѣльн. ч. II, стр. 363 и 364. Annal Polov. chin 1, 386. Лѣт. Вел. 1, 146. Hist. ob exc. Vlad. IV. 129. Annal. Pol. chin 386. Лѣт. Вел. 1, 146.

короннымъ, воеводою краковскимъ 1678 года. Умеръ въ достоинствѣ каштелана 1682 г. въ Краковѣ. Онъ былъ также въ время вбаражской осады въ битвѣ съ княземъ Гереміею и братомъ своимъ Константиномъ III; воевалъ противъ шведовъ участвовалъ въ пораженіи малороссовъ подъ Слободисемъ разбилъ венгровъ подъ Сехнакомъ и не жалѣлъ цѣлыхъ имѣній своихъ въ пользу товарищей 156).

1669 года, 19 іюня, къ общему всѣхъ удивленію, единодуш но избранъ былъ королемъ польскимъ, по смерти Яна Казимира, Михайль Вишневецкій, сынъ славнаго Гереміи, бывшаго непримиримымъ гонителемъ казаковъ 157). Коронація Михайла Вишневецкаго происходила въ Краковѣ, въ день св. Михайла 158), хотя и незаконно: такъ какъ самымъ выборомъ этимъ нарушенъ былъ договоръ андрусовскій, которымъ не уничтожалась статья виленскаго договора, признававшая Алексѣя Михайловича наслѣдникомъ польскаго престола 159). Впрочемъ, самъ Михайль Вишневецкій также не желалъ польской короны. Онъ зналъ исторію своихъ предковъ, видѣлъ, что корона, вообще, не приносила счастья дому Вишневецкихъ. Михайль зналъ, что Сигизмундъ заплатилъ жизни за корону чеховъ, Дмитрій за валахскую шапку княжеско-господарскую. Онъ также хорошо понималъ и свое положеніе среди буйной шляхты и неурядицъ отечественныхъ, и чувствовалъ, что эти новыя почести не обойдутся ему дешево и, упавши къ ногамъ матери, сказалъ: „transeat a me calix iste!“ 160). (Да идетъ мимо меня эта чаша!)

Когда Михайла позвали на престоль, замокъ, или дворецъ варшавскій, находился тогда въ совершенномъ запустѣніи: въ немъ не было ни мебели, ни экипажей, ни посуды, такъ что король принужденъ былъ не только жить, но даже обѣдать и ужинать въ частныхъ домахъ. Такъ разорили эту столицу, бывшія войны съ Швеціею за наслѣдство польскаго престола въ

156) Примѣч. къ 1 ч. Ист. Мол. 251. Енгель стр. 167.

157) Dzieci Polskie Епок. IV, str. 295. Hist. Królcw. Polak. Епок. IV, 303.

158) Dzieci Pol. Епок. IV, 295.

159) Вѣстн. Югоз. Рос. 1867 г. кн. V, отд. II. стр. 110.

160) Podole, Wołyń, Ukraina t. I, 45.

1654 г. и также сильный пожар въ Варшавѣ, бывшій въ 1653 году 161). Самъ король Михаилъ находился въ то время также въ крайности. Отецъ его, Іеремія, чрезъ постоянныя войны свои съ казаками, потерялъ все имущество свое, оставивъ сына въ великой нуждѣ вмѣстѣ съ матерью: вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, во время явки своей на избирательный сеймъ, Михаилъ, для подавія голоса, присталъ къ сендомірскому воеводству 162).

Михаилъ Вишневецкій женился на Елеонорѣ, сестрѣ императора Леопольда 27 февраля 1670 года въ Ченстоховѣ 163).

Избраніе Михаила на польскій престолъ повело къ тому, то, вмѣстѣ съ приобрѣтеніемъ польской короны, онъ приобрѣлъ множество враговъ, которые терзали государство его какъ внутри, такъ и извнѣ. Противъ Михаила Вишневецкаго вооружена была вся партія французская и всѣ высшіе магнаты, такъ, что примасъ и гетманъ, начальникъ французской партіи, хотѣли даже низвергнуть короля. По ихъ проiscaмъ даже самъ Леопольдъ и Елеонора не были чужды этихъ мыслей. Послѣдніе впрочемъ, хотѣли низложенія Михаила на тѣхъ условіяхъ, что бы королемъ избранъ былъ князь лотарингскій и женился на Елеонорѣ 164).

1670 г. при королѣ Михаилѣ Вишневецкомъ заключенъ договоръ вѣчнаго мира съ Россією, на коемъ, въ присутствіи російскихъ и польскихъ пословъ, въ Андрусовѣ, положено: что не только Кіевъ, но и ни одно изъ завоеванныхъ царскимъ оружіемъ селеніе не будетъ уступлено польскому королевству, что оно должно довольствоваться тогдашними ея владѣніями. Король Михаилъ Вишневецкій согласился на эти условія; но, между тѣмъ пока переговоры продолжались, онъ велѣлъ (посламъ воеводѣ черниговскому Станиславу-Казимиру Вѣньевскому, Яну Пѣсочинскому и др. 165) съѣхаться въ Острогъ, гдѣ хотѣлъ рѣшить судьбу заднѣпровской Украины при-

161) Энциклопедич. Лекс. Посвящ. Николаю Павловичу Т. XII, стр. 379.

162) Dzieci Pol. Ер. IV, 295. Hist. Król. Pol. Ер. IV, 303—308.

163) Тамъ-же.

164) Dzieci Pol. Ер. IV, 295—298.

165) Ист. Мал. Рос. Бант.-Кам. ч. II, стр. 119.

соединеніемъ ея къ Польщѣ на вѣчныя времена; но намѣренію его не удалось *). Единственная выгода отъ этого договора

*) Содержаніе этой комиссіи было слѣдующее:

Во имя Бога, въ Троицѣ св. Единаго, Отца, Сына и св. Духа. На вѣчную память современникамъ и потомству.

Найяснѣйшаго Михаѣла, Божіею милостію, короля Польскаго, великаго князя литовскаго, русскаго, прусскаго, мазовецкаго, Жмудскаго, Кіевскаго, Волынскаго, Подольскаго, Лифляндскаго, смоленскаго, сѣверскаго, черниговскаго и всей республики короны польской и великаго княжества литовскаго; Мы Станиславъ Казиміръ Вѣлевскій, воевода генераль черниговскій, богуславскій, носовскій староста, Іоаннъ Францискъ изъ Лубовичъ Лубовичкій каштелянъ хелмскій; Юрій Потоцкій изъ Пигловичъ, кіевскій стольникъ Стефанъ Пясочинскій, брацлавскій, синицкій староста,—властью сейма назначенные комиссары—объявляемъ: Послы отправленные съ Низовья, отъ войска его королевской милости запорожскаго, старшиною своимъ благороднымъ Михаѣломъ Ханенкомъ и всѣмъ войскомъ, къ его королевской милости, пану нашему милостивому—а именно: благородные Семень Богаченко и Яковъ Эрошенко, Романъ Малукъ, Иванъ Полтавецъ, Иванъ Завиша, Степанъ Бѣлый, Василій Олексіенко, съ прочими своими товарищами, представъ предъ его королевскою милостію паномъ нашимъ милостивымъ, какъ природнымъ своимъ государемъ, были приняты благосклонно, и къ намъ, комиссарамъ всей республики, присланы для обстоятельнаго соглашенія. А потому мы, удостовѣряя войско запорожское въ Сѣчи на Низовьяхъ и по городамъ находящееся, что на предстоящемъ вскорѣ сеймѣ будетъ имъ обезпечена и утверждена точною конституціею милость его королевской милости, пана нашего милостиваго; въ особенности чтобы служеніе въ церквахъ греческаго исповѣданія, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда лишь только простирается власть и благополучное державство его королевской милости, не было уничтожаемо; а дабы впредь, касательно монастырей, церквей и иштествъ никакихъ болѣе не было стѣсненій, то на томъ же сеймѣ, по предварительномъ сношеніи съ ихъ милостями, отцами епископами, какъ пастырями подъ державою его королевской милости состоящими, и съ самимъ, его милостію преосвященнымъ отцемъ митрополитомъ, будетъ сдѣлано окончательное постановленіе. Чтобы они тою же самою, какъ и до начатія войны, независимостію и неприкосновенностію пользовались, и какъ о томъ найяснѣйшими предшественниками его королевской милости было постановлено, дабы безопасность, свобода, уваженіе не токмо ишшему, но и всему духовенству на вѣчныя времена принадлежали, стародавнія войсковыя права и привилегіи не токмо относительно

была та, что Дорошенко на нѣкоторое время сдѣлался подозрительнымъ для турокъ и не могъ вредить Польшѣ. За тѣмъ,

церквей греческаго исповѣданія, но и относительно имущества, цуроровъ и всякихъ собственныхъ имѣній козацкихъ всѣмъ и каждому останутся непрекосновенными. Въ судѣ, чтобы двое судили одного, согласно прозьбѣ тѣхъ же пановъ пословъ. Вдовамъ умершихъ козаковъ предоставляется всякая свобода въ имѣніяхъ, цурорахъ, такая же, какою мужа ихъ пользовались; буде же вдова выйдетъ замужъ за козака, то должна пользоваться вольностями козацкими. Также избраніе въ гетманы, согласно давнимъ обычаямъ, какъ они сами требовали, должно происходить на мѣстахъ, правами и обычаями установленныхъ; съ тѣмъ однако, чтобы новозбранный гетманъ на будущія времена всегда былъ его королевское милостію утверждаемъ и получалъ благословеніе по учиненію присяги на вѣрность совмѣстно съ полковниками и войсковою старшиною; и чтобы по званію этому пожизненнаго себѣ не требовалъ права и никакихъ обидъ и притѣсненій сверхъ правъ званіемъ ему представленныхъ, козакамъ не дѣлалъ, но остался бы доколѣ войску благоугоденъ будетъ. Наконецъ, для всѣхъ справедливыхъ прошеній, нынѣ и впредь, открываемъ войску путь къ милостямъ его королевской милости, пана нашего милостиваго и всей республики, обѣщая, что все то, о чемъ только покорно и законно просить будутъ, получать.

А какъ уже войска, по благодати милосердаго Бога, къ его королевской милости, какъ природному своему государю къ республикѣ, какъ матери своей обратились; то и прощеніе и преданіе вѣчному забвенію всего того, чѣмъ Господь Богъ столь долгое время за общіе наши грѣхи наказывалъ, безъ всякаго отвѣта, помышленія на вѣчныя времена получили. Также чрезъ пословъ своихъ они приняли на свою душу и совѣсть обязательство, что отказываются отъ всякаго покровительства постороннихъ монарховъ... Равно никакихъ посольствъ безъ вѣдома его королевской милости—принимать и отправлять къ кому либо изъ постороннихъ не будутъ... и обязаны будутъ выходить противъ всякаго непріятели—коль скоро о томъ послѣдуетъ повелѣніе—со всею воинскою готовностію, подъ хоругвею его королевской милости.... Если же бы нынѣ и впредь (чего Боже сохрани) внутренніе какіе либо, какъ въ Сѣчи, такъ и въ волостяхъ обнаружись мятежи; то всѣми силами своими, усмиряя, злу распространенія не поустать, а всякаго противящагося сему постановленію и подданству его королевской милости и республикѣ, должны какъ врага истреблять, карать и преслѣдовать. А чтобы войско запорожское могло наслаждаться большею свободою и милостями его королевской милости и республики, мы удостоверяемъ, что въ до-

въ грамотѣ, по варшавскому договору, Михаилъ писался такъ: „Михайль, Божією милостію король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жмудскій, лиф-

махъ, имѣніяхъ и хуторахъ козацкихъ впредь никогда не будутъ солдаты стоять постоемъ ни во время перехода, ни же для ночлега; не будетъ для нихъ требуемо продовольствія временнаго ни зиняго; равно они не будутъ чинить на какихъ обидъ и насилій, подъ страхомъ смертной казни. При томъ булава, бунчукъ, печать Комошина на предстоящемъ сеймѣ будутъ возвращены войску запорожскому. При полученіи сихъ войсковыхъ клейнодовъ, гетманъ, полковники, судьи, ассаулы и вся старшина, въ присутствіи комиссаровъ его королевской милости, обязаны учинить присягу на вѣрность его королевской милости и республикѣ. Равнымъ образомъ сословіе дворянское и духовенство имѣютъ право возвратиться безпрепятственно въ свои имѣнія; ибо настоящая коммисія не должна нарушать ни въ чемъ ихъ правъ и вольностей. Все, что принадлежало булавѣ гетманской войска запорожскаго, его королевская милость и республика подтверждаютъ на будущемъ сеймѣ. Все сіе должно быть хранимо вѣчно и ненарушимо,—для чего на память грядущимъ вѣкамъ, сказанную коммисію подписали мы, комиссары его королевской милости, и наши комиссары войска запорожскаго. Учинена въ Острогѣ, дня 2-го сентября, по календарю римскому, лѣта 1670. (Затѣмъ слѣдуютъ подписи съ той и другой стороны уполномоченныхъ).

Коммисію эту король Михайль Вишневецкій утвердилъ слѣдующею резолюціею:

„Принявъ благосклонно прошеніе войска нашего запорожскаго, и увѣрившись въ его постоянной вѣрности и подданствѣ намъ и республикѣ, утверждаемъ во всѣхъ статьяхъ и параграфахъ коммисіи, вельможными и благородными комиссарами, властію прошлаго сейма назначенными—въ Острогѣ составленною, и такуюю общаемъ привести въ исполненіе, изъявляя всему войску нашему запорожскому Низовскому и городовому милость нашу королевскую, которой мы не откажемъ при всякихъ справедливыхъ прошеніяхъ; равно на вѣчныя времена подтверждаемъ имъ, властію настоящаго сейма, привиллегію на вольности, выданную изъ нашей канцеляріи. Для большей вѣры прилагается коронная печать. Дано въ Варшавѣ, въ понедѣльникъ на другой день послѣ праздниа св. Фомы апостола, т. е. дня 22 мѣсяца декабря. лѣта Господня 1670, царствованія же нашего во второй годъ.

(За тѣмъ слѣдуютъ подписи). См. лѣт. событій въ Юго-Зап. Россіи въ XVII вѣкѣ Самуила Величко Т. II, Кіевъ. 1851 г., стр. 262—274.

ландскій, смоленскій, черниговскій и проч. 166).“ Возвратившись изъ острогской комиссіи, запорожскіе послы вручили гетману Многогрѣшному королевскую грамоту на свободный проѣздъ чрезъ Украину. И какъ грамота сія содержала несправедливо присвоенные польскимъ королемъ титулы, и въ ней не было упомянуто о царѣ, то гетманъ остановилъ пословъ и увѣдомилъ о томъ государя. Михайлъ письменно просилъ самодержца російскаго, чтобы выпустить изъ оковъ взятыхъ гетманомъ Многогрѣшнымъ запорожскихъ полномоченныхъ и отдать отнятыя у нихъ знамена, литавры и проч., а также наказать гетмана за его поступокъ. Но государь отвѣтилъ, что изъ грамоты короля онъ усмотрѣлъ явное нарушеніе андрюсовскаго и московскаго договоровъ, и что король присвоиваетъ напрасно російскіе города и украинскаго гетмана, не именовавъ російскаго сей стороны Днѣпра подданныхъ, а только названннмъ сѣвернымъ, и опредѣляетъ безъ согласія и извѣстія государства, и что, потому гетманъ Многогрѣшный несколько не виноватъ и что съ его стороны этимъ не подано причинъ къ нарушенію взаимной дружбы. Такимъ образомъ не было надобности дѣлать удовольствіе королю въ неправильномъ его домогательствѣ 167).

1671 года Магометъ IV объявилъ Михаилу Вишневецкому, королю польскому войну, и когда польскій король приказалъ сдѣлать наборъ, непримиримые враги его примасъ и гетманъ, открыто дѣйствуя противъ короля вмѣстѣ съ своими партіями, не дозволяли, на двухъ сеймахъ, дѣлать наборъ и, вообще, при всякомъ удобномъ случаѣ, старались подрывать авторитетъ короля. Вслѣдствіе чего войска Великой Польши, не снося болѣе обидъ, наносимыхъ противузаконно Михаилу, вооружились на защиту королевскихъ обидъ и въ концѣ 1671 года отправились въ Голембію для составленія своей конфедераціи; Малая Польша послѣдовала примѣру Великой Польши. Но когда войска конфедератовъ прибыли въ Голембію, турки, овладѣвъ Каменцемъ, отправились въ глубину польскихъ владѣній, осадили

166) Ист. Мал. Рос. Вант.-Кам. ч. II, стр. 20, Моск. арх. иностран. дѣлъ.

167 Ист. Мал. Рос. Вант.—Кам. ч. II, стр. 120. Дипл. собр. дѣлъ между Рос. и Пол. Госуд. ч. 4.

Львовъ и расположились лагеремъ подъ Бурачемъ, гдѣ послы короля принуждены были, наконецъ, заключить 18 октября 1672 года съ турками миръ 168). Ходъ самой войны польской съ турками и поводъ къ оной были слѣдующіе: честолюбивый Дорошенко, не довольствуясь гетманствомъ въ польской Украйнѣ, простеръ свои виды и на Украину русскую и, умертвивши Брюховецкаго, объявилъ себя гетманомъ всей Малороссіи. За тѣмъ совершенно отставши отъ Польши съ частію войска, онъ обратился къ Турціи, увѣряя Магомета IV, что при тогдашнемъ положеніи Польши не трудно завоевать Украину, столь выгодную для обезпеченія турецкихъ границъ 169). Не получая однакожь отъ Оттоманской Порта долгое время пособія, Дорошенко обратился къ государю Алексѣю Михайловичу, который совѣтовалъ ему отстать отъ турокъ и находиться въ вѣрномъ подданствѣ польскаго короля 170). Но не довѣряя Польшѣ и опасаясь Россіи, Дорошенко опять предался туркамъ и просилъ ускорить военныя дѣйствія. Тогда Магометъ IV немедленно объявилъ польскому королю войну, а между тѣмъ самъ началъ сильныя приготовленія *). Въ началѣ весны 1672 года приго-

168) Военный Энциклопед. Лекс. ч. VII, стр. 347.

169) Подольскіе Епарх. Вѣд. за 1862 г. № 13 стр. 402.

170) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. часть II, стр.—Прим. къ сей части 21.

(*) Письмо Магомета IV, коимъ онъ объявлялъ войну польскому королю Михаилу,—было слѣдующаго содержанія:

„Najwyniejszy z Panów wielkich wiary Jezusowej, Najślawniejszy z Monarchów ludzi Messiaszowych, Rządca spraw narodu Nazarańskiego, wielkiej czci wyniosłością ozdobiony, sławą inszy sprawco. Niech sprawy twoje na dobry koniec wychodzą, jako was to szlachetne światu dojdzie pisanie, macie wiedzieć, że za pomocą wielką Boską i zwycięstwem tegoż, uciekając się Monarchowie przeczli z majstatami swemi w obronę do przodków naszych w pokoju zawsze zostawali, co i przeszłych czasów od Najjaśniejszego wspanialości naszój bębny, chorągiew, bunczuk, świato świadczające znaki, szczodrobliwie łaską naszą nad narodem kozackim hetmanowi Doroszenkowi daliśmy, które sprawy na koniec dobry niech przychodzą. Który oddając do uciezki świata, szczęśliwych progów od Boga nam danych, usługi swe i życliwe przez suplikę oddał, jakoż od tego czasu statecznym i szczerym we wszystkim sługą naszym zostaje. Co widząc po nim iż nie inaczej sobie postempuje, tylko jako insz zostają pod cień protekcji naszój cesarskiej i państwa ich pod władzą, wziawszy tak, jako insze państwa przestronne, w pokoju i wszelkiej

товленія къ войнѣ у турокъ были окончены. Роздано напередъ изъ султанской казны много шубъ и кафтановъ, множество бубновъ, кинжаловъ и другихъ предметовъ. Султанъ послалъ также крымскому хану 15,000 дукатовъ на расходы первой войны, шубу и два кафтана, при письмѣ, наполненномъ лестью. Великій визирь Кипроли съ своей стороны, послалъ кинжалъ, осыпанный дорогими камнями и 50 кафтановъ мирзамъ татарскимъ. Визирамъ и улемамъ розданы собольи шубы, покрытыя для первыхъ злотошомовъ, а для послѣднихъ шерстяною тканью.

obranie jako monarsze należy i najwyższej wterże naszej, pomienionego po między sługi nasze poczynał i państwo kozackie z powiatami wszystkimi granicą twoją uczyniliśmy, aby żadnym sposobem w kraie dostatkom państwa i samym najmniejszej szkody nie było; i przed tym od najmożniejszych progów naszych przez list oznajmiono i napomniono was, abyście w tych pomienionych punktach acturum zadosyc uczinili. Teraz deszło nam wiedzić, jakobyś się ruszył osobą swoją z polskim wojskiem, na pomienionego hetmana, chcąc samego i państwo, pod władzą naszą zostające, zrujnować. Prawda, żeśmy mieli wspaniałością naszą w Anatolii zimować; i już nakierowałem się był z najjasniejszą powagą naszą, ale teraz z tej przyczyny nie przepawiłem się i na dawniej stolicy w Adrianopolu zimować będę, bo mam dla tego wielką urazą; potrzeba tedy, abyś według i terazniejszego że wspaniałych listów napomnienia posłanych, gonienionemu Doroszenkowi hetmanowi, wojsku jego kozackiemu, także państwom i powiatom żadnym sposobem najmniejszej szkody nie uczynił. Ale według pakt poprzysiężonych, z tych miejsc, na któreś przyszedł, nazad powrócił do państwa swego, aby tak z twojej strony, jako i od wojska twego, samemu albo pod władzą jego państwom i powiatom szkody i rabunku nie było. Albowiem jeśli będzie to złamanie przysięgi, i zepsowanie pakt i słowa niedotrzymanie z strony twojej okaże się z wole Boga Najwyższego i gniewa jego, który jest powodem do wszystkich zwycięstw, i wielkiego proroka naszego Machmet Mustafy, któremu niech pokoj będzie, znacznymi cudami, najwspanialszą i najwiśmożniejszą osobą swoją zaraz na wiosnę, która każdego uwesela, z niezliczonym wojskiem, nieprzyciaciela szukając, ruszą się na ciebie i zapewne pojde. Masz wiedzić i na pogotowiu być stawimy się na placu. Pokoj na prawdziwej drodze będącym. Data Polska w tym liście 3 oktobris anno 1671.

Настоящее письмо списано изъ рукописи: „Кодексъ дипломатический польскаго государства.“ См. рукопись въ государственной слб. библиотекѣ. Также Podole, Wołyń, Ukraina tom I, Wilno 1841 г. przez Aleksandra Przędzieckiego — dodatek pod literą B, str. 201—203.

30 апрѣля султанъ, опустошивъ адрианопольскій дворецъ, бросился по слѣдамъ кесаря, который превратилъ въ прахъ Чукунъ-Чайри. Въ его свитѣ находились знаменитые визирь и улемы. Султанъ имѣлъ на себѣ колчанъ, повѣшенный на плечахъ въ брильянтахъ, и у пояса булатъ, осыпанный дорогими каменьями. Изъ зеленой чалмы выходили два пера; чапракъ и вся дорогая збруя на лошади блистали огнемъ дорогихъ камней. Все придворное войско было разряжено также изысканно; лошади всего войска были въ дорогихъ збруяхъ; кони на этотъ разъ розданы для всѣхъ визировъ изъ султанскихъ стадъ.

Ахметъ-Чаушъ возвратился изъ посольства съ письмомъ отъ короля къ великому визирю, объясняющимъ, что Украина постоянно принадлежала къ Польшѣ, и что Дорошенко бунтовщикъ и крайній негодяй. Великій визирь отвѣчалъ, „что вольный народъ казакскій, ищущій у хана крымскаго помощи, получилъ штандарты и бунчуки и остается отнынѣ подъ опекою султана. Бѣда вамъ, если булатъ долженъ разорвать ваши споры. 8-го юня богатый и знаменитый падишахъ опустошилъ Адрианополь; онъ пойдетъ безпрепятственно къ границамъ съ своими храбрыми войсками, которыхъ имѣетъ, какъ звѣздъ на небѣ. А потому хорошо король сдѣлаетъ, если поспѣшить съ отвѣтомъ, ибо послѣ каждаго шага впередъ труднѣе будетъ сдѣлать миръ.“

Войску выплачено отразу за третью; генералъ кватермистръ Чарменскій получилъ приказъ выйти впередъ съ бунчуками, и султанъ выступилъ въ день, назначенный въ письмѣ визира, т. е. 5 юня. Подъ Балканами погрязъ серебрянный султанскій возъ, который постоянно шель при штандартахъ султанскихъ. Великій визирь подпрягъ собственную лошадь и вытянули оный съ большею трудностію; султанка осталась въ Бабатогаѣ съ пашою Ибрагимомъ, визиромъ Кюпроли. Губернатору Босніи, Ибрагиму, и Беглербею—Анатолиі, Алому пашѣ, приказано идти впередъ съ своими отрядами и подвозить съѣстные припасы, забранные со всѣхъ сторонъ для содержанія войска. Осману пашѣ, санджигу неаполитанскому и Мураду, пашѣ конгринскому поручена защита обоза; а Мугамеду пашѣ оборона дунайскаго моста въ Исакадѣсѣ; губернатору Алеппо и Караманіи Капланъ и Али пашамъ, которыхъ отряды отличались

хорошим порядкомъ, приказано было идти впереди султана, въ почетныхъ кафтанахъ. Въ Бруссъ, въ Мультанахъ, вышелъ приказъ султанскій, которымъ повелѣвалось выйти арміи на встрѣчу падишаха, гдѣ онъ предположилъ проѣзжать между рядами войска.

Когда султанъ прибылъ въ Яссы, столицу Мультанъ, князь Дукасъ, который управлялъ этимъ княжествомъ, уже другой разъ положилъ у ногъ султана кинжалъ въ дорогой каменной оправѣ, двѣ дорогія собольи шубы и цѣлую кипу богатыхъ матерій. Войску розданы чрезвычайные подарки при началѣ военной выправки: янычари, сипаги, джельджи и лошады получили по 1,000 піастровъ каждый. Кхалифу пашѣ, очаковскому коменданту, беглербею Анатоли и Карамани, бею герменскому,—приказано стеречь работы при мостѣ на Днѣстрѣ, а отводъ квартиръ порученъ беглербею Адани. Сандриамъ прибылъ изъ Хилии съ артилеріею.

Когда войска султана расположились при ручьѣ, въ десяти верстахъ отъ Хотина, гарнизонъ Жванца, по ту сторону Днѣстра, выступилъ изъ замка безпрепятственно; на другой день мѣсто его, заступилъ отрядъ турецкій, состоявшій изъ 300 конныхъ янычаръ и 150 человекъ, выбранныхъ изъ команды каймаканз. Великій визирь и Капланъ паша стали у моста для досмотра работъ; на правомъ берегу Днѣстра начали копать рвы и на лѣвомъ воздвигать батареи. Кгалимъ паша комендантъ Очакова, и Мурадъ паша конгританскій, переправились черезъ рѣку 7-го августа 1671 года (120 vebial akiv 1083).

По окончаніи моста, первые прошли янычаре, за тѣмъ султанъ, наконецъ и все мусульманское войско расположило обозы свои на польской землѣ. Каймакамъ визирь, паша Босни и Алеппо, съ нѣсколькими алайбеями и начальниками артилеріи, разузнали положенія каменецкаго замка 15 августа 1672 года. Дукасъ, воевода мультанскій, впалъ въ подозрѣніе и на его мѣсто назначенъ Стефанъ Петрейшакъ. На другой день визирь и беглербеи представили султану хана крымскаго, какъ покорнаго вассала; при чемъ онъ получилъ отъ султана страховое пѣро, осыпанное драгоценными камнями и нѣсколько арабскихъ коней; двадцать особъ изъ его свиты также получили кафтаны. На другой день гетманъ казакскій Дорошенко так-

же отеръ челою пыль съ ногъ султана и получилъ почетный кафтанъ, булаву и коней въ богатой сбруѣ. Наконецъ послѣ 38 переходовъ, войско стало вечеромъ подъ Каменцемъ 18 августа. Тогда наступилъ, замѣчаетъ лѣтопись, для Каменца, послѣдній день (*summa dies et inductabile tempus 170²*).

Шляхта поздно пожалѣла, что не хотѣли принять предъ тѣмъ двухъ полковъ пѣхоты, которыми гетманъ Собѣсскій хотѣлъ обезпечить Каменецъ. Поляки приняли едва полкъ бискупа краковскаго. Великій визирь сталъ противъ войска, облегающаго Каменецъ, съ янычарами и войскомъ изъ Румелии. Правымъ крыломъ командовалъ любимецъ Мустафы паши, другой визирь съ войскомъ Анатолии, Сочарды Баша; лѣвымъ крыломъ каймокамъ Кари Мустафа, съ войсками изъ Шиваса, Самсанднии паша. Сперва начали рыть рвы и окончили ихъ въ пять дней. Началась страшная битва. Король Мизаилъ Вишнинецкій выслалъ подъ Каменецъ короннаго гетмана Яна Собѣскаго противъ турокъ; но этотъ гетманъ имѣлъ у себя небольшой отрядъ войска, — не могъ противустать огромнымъ силамъ султана... Къ чести поляковъ можно сказать, однакожь, что семь дней каменецкій гарнизонъ выдерживалъ турецкую осаду и не допускалъ турокъ въ Каменецъ. Устрашенные жители Каменца выслали въ турецкій обозъ парламентаря, но военныя дѣйствія все таки не прекратились. На 8-й день осады турки взяли приступомъ главнѣйшій бастионъ Каменца и положили на немъ свои штандары (25 августа). На другой день внутренніе окопы были взорваны; явились другіе, но и тѣ должны были взлетѣть на воздухъ отъ турецкаго пороху. Жители Каменца выставили бѣлую хоругвь, въ знакъ сдачи крѣпости. Тогда султанъ заключилъ съ ними условія, коими обѣщаль, что 1) онъ допускаетъ свободный въѣздъ и выѣздъ изъ города и неприкосновенность имѣній; 2) что католики, русскіе и армяне будутъ имѣть свои храмы; 3) что дома шляхты и духовныхъ, остающихся въ Каменцѣ, будутъ свободны отъ по-

170²) Podole Wolyń, Ukraina t. I, str. 176. *Vespasiani Kochowski annalium Poloniae dimacter IV, L. IV, z Mss biblioteki Cezarskiej w Petersburgu;... po tych słowach jest przerwa w oryginalnym rękopismie aż do wjazdu Suлтана do Kamieńca....*

стоя войскъ; султанъ далъ пять своихъ золотниковъ въ обезпеченіе этихъ условій.

30 августа каменецкій бискупъ Ланецкоронскій выѣхалъ въ Львовъ, комендантъ отдалъ ключи города туркамъ и получилъ отъ султана почетный кафтанъ, будучи сверхъ того, какъ утверждаютъ, награжденъ деньгами. Иначе поступилъ въ это время начальникъ гарнизона каменецкаго: онъ зажегъ надъ собой порохъ и во время взятія замка, одновременно съ двумя башнями и частію моста, взлетѣлъ на воздухъ.

31 августа, султанъ принималъ поздравленія отъ знаменитыхъ урядниковъ и каждому отвѣчалъ подаркомъ дорогихъ шубъ 170*). Послѣ того онъ совершилъ триумфальный въездъ въ Каменецъ. въ такомъ порядкѣ: въ главѣ свиты ѣхали беглербей и паши; подишахъ сидѣлъ на арабскомъ конѣ, въ зеленой сбруѣ шитой серебромъ; его сопровождала горсть польской пѣхоты и беспорядочная толпа турокъ. Султанъ поѣхалъ къ кафедральному католическому костелу, который, съ этаго времени, былъ обращенъ въ султанскую мечеть. Предъ дверями этаго костела султанъ слѣзъ съ коня и приказалъ подать себѣ императорскій штандартъ, на которомъ была означена хронологія Каменца и бытность султана Магомета въ городѣ; дальнѣйшія обрядности превращенія костела въ мечеть никому неизвѣстны, потому что никто не могъ присутствовать при турецкомъ молитвословіи. Извѣстно только то, что турки схватили на рынкѣ восьмилѣтняго мальчика, котораго, въ присутствіи султана, по турецкому обряду, обрѣзали для посвященія избранной святыни*). За тѣмъ и всѣ другіе святыни и общественныя мѣста, вопреки договору, были заняты турками. Францисканскій костелъ (нынѣшняя архіерейская церковь), костелъ св. Станислава въ крѣпости, Троицкій монастырь и Иоанно-Предтеченская церковь, обращенны въ мечети. Въ іезуитскомъ коллегіумѣ, равно и въ костелѣ св. Екатерины, устроены ко-

170*) Podole Wołyń, Ukraina t. I, str. 178. Historia Turecka Państwa cytowana w dziele Pana de Homera; Histoire de l'empire ottoman.

(*) Это былъ нѣкто Пертъ Яктренбей, уведенный послѣ въ Польшу... Коховскій встрѣтилъ его въ Венгріи, гдѣ онъ принялъ было службу у князя Любомірскаго.—Podole, Wołyń, Ukraina t. I, str. 179.

конюшни; доминиканскій кляшторъ обращенъ въ казармы для янычаръ. Другія общественныя зданія получили подобное же назначеніе. Вообще варварство турецкое ничего не пощадило: кресты и другіе символы христіанской вѣры были уничтожены, а на мѣстѣ ихъ блистала металлическая луна. Тѣла умершихъ, погребенные при церквахъ и въ костелахъ исторгнуты изъ мѣста своего упокоенія и выброшены изъ города. Словомъ все, что составляло святыню города подверглось поруганію 171).

Завладѣвши Каменцемъ, султанъ отправилъ визира, хана и Дорошенку съ войскомъ для занятія разныхъ городовъ и сель принадлежащихъ Польшѣ. Тщетно тогда жители скрывались въ лѣсахъ, ущельяхъ горъ и проч.,—невѣрные и тамъ находили ихъ и обагрjali руки свои ихъ кровію.

Главная польская армія, собранная королемъ Михаиломъ-Корибутомъ Вишневецкимъ замѣтно уменьшалась отъ безчисленныхъ побѣговъ нижнихъ чиновъ и водворившагося несогласія между самими предводителями. Ханенко присоединился къ королю съ своими запорожцами и бывшими подъ его командою поляками, но потерпѣлъ также значительное пораженіе отъ турокъ; кромѣ того часть войска его совсѣмъ досталась Дорошенку 172). Наконецъ турки, преслѣдуя поляковъ, подошли къ Львову и осадили его. Здѣсь 14 дней они громили городскія стѣны, но комендантъ крѣпости Ілія Лонецкій мужественно отстаивалъ городъ; когда же въ стѣнахъ сдѣланы были турками проломы, гарнизонъ принужденъ былъ сдаться на капитуляцію 173). Среди такого всеобщаго смятенія и неудачъ военныхъ король Михаилъ вынужденъ былъ прекратить бесполезную брань и предложилъ Магомету IV миръ, который былъ заключенъ въ Бушаковѣ, навѣстенъ подъ именемъ бучацкаго и состоялся 18 октября 1672 года.

По бучацкому договору, Польша обязалась 1) платить туркамъ дань 2200 червонныхъ, а за Львовъ выдать, единовременно 80,000 ефимковъ; 2) Каменецъ отданъ туркамъ, козаки по-

171) Подольскія Епарх. Вѣд. за 1862 г. № 13, стр. 403—404. Также Podole, Wołyń, Ukraina t. I, str. 171—180.

172) Ист. Мал. Рос. Вант. Кам. ч. II, стр. 129.

173) Военный Энциклопед. Лекс. ч. VII, стр. 355.

ступили подъ ихъ же защиту *). Послѣ сего Магометъ поставилъ въ Меджиботѣ, Борѣ и др. городахъ турецкихъ начальниковъ и выступилъ изъ Польши, обогащенный многочисленною добычею. Крымскій ханъ и Дорошенко, главный виновникъ похода, удалились также въ свои земли 174).

Между тѣмъ, пока тянулись переговоры буцацкаго перемирия, Чарницкій, познанскій епископъ Стефанъ Вернебовскій, юмскій епископъ Сигизмундъ Жегоцкій и воевода спрадинскій Феликсъ Потоцкій образовали голембовскую конфедерацію противъ примаса и гетмана Яна Собѣскаго. Все войско, въ числѣ около 180,000, признало справедливость заявленной означенными лицами конфедераціи...

Въ слѣдующемъ 1673 году 4 января, по постановленію въ Дублинѣ конфедераціоннаго сейма, примаса и двухъ братьевъ его лишили чиновъ и имѣнія ихъ описали въ казну, а прервавшихъ сеймы объявили безчестными измѣнниками. Но конфедерація не могла держаться, потому что многочисленное войско, по удаленіи турокъ, разошлось по домамъ и при королѣ осталось только 500 человекъ. Вслѣдъ за означенною конфедераціею Собѣскій образовалъ въ своемъ войскѣ конфедерацію въ Ловичѣ, 24 ноября, на коей положено было дѣйствовать противъ конфедераціи голембской. Междоусобіе готово было возгорѣться; но король, потерпѣвшій много отъ турокъ, не хотѣлъ сражаться съ врагами внутренними, желалъ спокойствія и заключилъ съ примасомъ, въ началѣ 1673 года, въ Увадовѣ договоръ, коимъ положено конфедерацію уничтожить и утвердить власть короля, также права и привилегіи народа

(*) Камешецъ Подольскъ оставался у Турокъ по 1649 годъ, послѣ чего варловицкимъ договоромъ положено было возвратить оный къ Польшѣ. Во время своего господства, турки построили въ Каменицѣ при кафедральномъ костелѣ минаретъ съ полумѣсяцемъ, и устроили мостъ: а по возвращеніи Каменца къ Польшѣ, поляки поставили на полукружии минарета Божію Матерь, въ знакъ торжества надъ невѣріемъ. При заключеніи карловицкаго договора упомянуто также и то, дабы минаретъ никогда не былъ, уничтоженъ.—Подол. Епар. Вѣд. № 13, стр. 404.

174) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. часть II, стр. 130. Примѣч. къ сей части 21. Также Podole, Wołyń, Ukraina t. I, dodatek pod lit. D. E. F.

и возвратить примасу имѣніе его. Сеймъ, состоявшійся 11 апрѣля 1673 года, подтвердилъ все это. Но вскорѣ примасъ послѣ сего умеръ, а Собѣсскій изъявилъ королю Михаилу искреннюю покорность 175).

Между тѣмъ, заключенный съ Турціею постыдный миръ возбуждалъ въ Польшѣ всеобщее негодованіе и даже Рѣчь-Посполитая отказалась (1673 г.) подтвердить оный. Приверженцы Собѣскаго восторжествовали... война съ Турціей возгорѣлась снова. На этотъ разъ войска польскія, сильныя и многочисленныя, уже успѣли очистить отъ турокъ многіе города, замки и мѣстечки. Король Михаилъ отправилъ Яна Собѣскаго, канцлера краковскаго, противъ турокъ подъ Хотинъ; войска перешли чрезъ рѣку и устремились на окопавшагося подъ Хотиномъ Гусейна пашу. Войско польское напало на турокъ и перебило ихъ почти всѣхъ съ потерю своихъ человѣкъ до 500. Объ этой побѣдѣ польскій историкъ замѣчаетъ: „*że w tej bitwie widziany był jawnie od wszystkich w obłokach nad Polskim wojskiem święty Stanisław Kostka z najświętszą Marią Panną modlący się za Polskę 176.*“ (Что въ этомъ сраженіи ясно всѣми былъ видѣнъ надъ польскимъ войскомъ, въ облакахъ молящимся за Польшу св. Станиславо Костка съ пресвятою Дѣвою Маріей).

Во время войны съ турками, царь Алексѣй Михайловичъ не оставилъ также безъ пособія союзника своего короля Михаила. Онъ повелѣлъ кошевому атаману вмѣстѣ съ донскими козаками беспокоить на Черномъ морѣ турокъ и татаръ. Стольникъ и воевода воронежскій Михайло Самаринъ и гетманъ Самойловичъ, одержали разныя побѣды подъ Перекопомъ надъ крымцами, получивъ отъ нихъ богатую добычу. Съ этимъ извѣстіемъ явился къ королю въ декабрѣ посольскаго приказа подьячій Семень Протопоповъ, съ которымъ Ханенко имѣлъ тайный разговоръ о принятіи его въ российское подданство. Сверхъ того российский самодержецъ ходатайствовалъ отъ сво-

175) Военный Энциклопед. Лекс. ч. VII, стр. 347.

176) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. II, стр. 130—131. Dzieie Polski Epos. IV, str. 295—298. Upadek znaczniejszych królestw od pierwszego stworzenia aż do naszych czasow X. Szymona Machrowicza Missionerza towarzystwa Jezusowego. 1764 r. czenść II. Rozdz. V, 56. Dział I.

его имели у всѣхъ европейскихъ монарховъ объ оказаніи Польшѣ скорѣйшей помощи, а именно: Курфирста Саксонскаго, Бранденбургскаго, въ Венеціи, Курляндіи, во Франціи, Англіи, Швеціи, Даніи и проч. 177). Наконецъ, когда происходила битва подъ Хотиною, Россія, подъ предводительствомъ Родановскаго готовилась также соединиться съ поляками, какъ вдругъ внезапная смерть постигла короля Михаила Корибута—Вишневецкаго въ г. Львовѣ 10 ноября, 1673 года 178). Въ это время, въ надеждѣ на русское войско, Янъ Собѣсскій, отчаянно дрался съ непріателемъ, одерживалъ надъ ними постоянныя побѣды, разбилъ 50,000 турецкій корпусъ, забралъ обозъ, артилерію, военные припасы, отбилъ Хотинъ и, освободивъ литовскаго гетмана Паца, разбилъ Гусейна, молдавскаго господара, обративъ сверхъ того до 20,000 мусульманъ въ бѣгство, возвратился въ Варшаву. На другой день, по смерти короля, Собѣсскій прибылъ въ Львовъ и, извѣстивъ о своихъ побѣдахъ надъ прахомъ короля собравшихся на погребеніе его соотечественниковъ, тутъ же и избранъ былъ единогласно на польскій престолъ 179).

Михаилъ Корибутъ Вишневецкій король польскій, по сказанію нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, умеръ будто бы отъ удара, узнавъ о взятіи Каменца, а по другимъ онъ отравленъ въ евхаристіи ксендзомъ. Но исторически извѣстно, что король, заключившій бучацкій договоръ въ лицѣ своихъ пословъ, зналъ уже о потерѣ Каменца и послѣ того еще долго жилъ, а потому, если на первыхъ порахъ по взятіи Каменца не умеръ отъ удара, то чрезъ долгое время послѣ того, онъ могъ уже, во всякомъ случаѣ, утолить свою печаль, и не умирать по этой причинѣ. И какъ апоплексія отъ 18 октября до 10 ноября, очевидно, не могла дѣйствовать на короля, то вѣроятнѣе всего, что Михаилъ отравленъ въ евхаристіи ксендзомъ. Извѣстно что король Михаилъ имѣлъ множество враговъ со времени вступленія своего на престолъ, которые, во всякомъ случаѣ, могли подговорить безсовѣстныхъ іезуитовъ на преступленіе, а тѣмъ болѣе, что предвидѣли блестящіе успѣхи соотечествен-

177) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. II, стр. 130.

179) Лѣт. опис. Соб. Сам. Величко, т. II, стр. 336. Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. II, стр. 132. Dziei Pol. ERos. IV, 298.

никовъ надъ врагами... Ибо на этотъ разъ никто не могъ сомнѣваться въ успѣхахъ польскаго войска, такъ какъ оно было многочисленно, имѣло храбраго и искуснаго вождя и кромѣ того на помощь ему собралось войско русское 180).

Польскіе писатели хвалятъ Михаила Вишневецкаго, бывшаго еще княземъ, какъ человѣка весьма милостиваго и вѣжливаго, и говорятъ, что онъ до того былъ впечатлительнъ, что если ему когда нибудь приходилось встрѣтить всенда идущаго съ св. дарами къ больному, то онъ тотчасъ соскакивалъ съ коня, просилъ на свое мѣсто всенда, а самъ провожалъ его пѣшкомъ до того дома, гдѣ находился больной. Почему предполагаютъ, что за свою набожность, подобно императору Рудольфу, по опредѣленію Божію, онъ достигъ монаршаго престола 182).

Михаилъ Вишневецкій, король польскій, кромѣ природнаго польскаго, зналъ языки: латинскій, французскій, волошскій, нѣмецкій, русскій, турецкій и татарскій. Тѣло его, по замѣчанію польскихъ лѣтописцевъ, похоронено въ Краковѣ, а сердце у камендуловъ, на Бѣлянахъ, подъ Варшавой, на мѣстѣ, которое было любимѣйшимъ его мѣстомъ. На Михаилѣ Корибутѣ Вишневецкомъ окончилась первая линія Вишневецкихъ князей Корибутовъ, начавшаяся отъ Александра, въ коей (линіи) мы встрѣтили двухъ знаменитѣйшихъ Дмитрія и Іеремію и наконецъ польскаго короля Михаила, лицъ рѣзко отличившихся предъ другими членами этой фамиліи 183).

Около 1612 и 28 годовъ воспитывался еще изъ князей Вишневецкихъ, по второй линіи отъ Ивана, старосты шисскаго, князь Янушъ I, Вишневецкій, сынъ Константина II, подавшаго помощь Дмитрію самозванцу, извѣстный въ послѣдствіи конюшній коронный. Онъ служилъ королю Владиславу II, какъ одинъ изъ его вѣрнѣйшихъ любимцевъ и усерднѣйшихъ магнатовъ; но не удостоился особенныхъ отъ короля почестей. Извѣстно только то, что уже предъ самою смертію выслана была

180) *Podole, Wołyń, Ukraina*. t. I, str. 183. *Лѣт. опис. соб. Сам. Величко* т. II, стр. 336.

182) *Upadek znaczniejszych królestw Machrowicza. część II, rozdział IV*, str. 151, *Dział 11*.

183) *Dzieje Pał. Eroc. IV*, 207—298.

ему булава, полная, коронная, которая застала его въ предсмертныя минуты и только лишь сопровождала его до гроба.

Изъ сыновей Януша I, Димитрій II, каштелянъ краковскій, гетманъ Вел.-Княжества Литовскаго, преслѣдовалъ въ послѣдствіи татаръ подъ Кременцемъ, розаковъ подъ Жванцами и вѣдь Сочовой, гдѣ погибъ молодой Хмѣльницкій; участвовалъ также въ войнахъ московской, венгерской и турецкой, которыя перебылъ счастливо.

Константинъ III, воевода бѣльтскій, нераздѣльный товарищъ трудовъ и подвиговъ своего брата, не однократно поражалъ татаръ, весьма часто нападавшихъ на Вишневецъ. Но въ 1672 году турки, овладѣвъ Подолемъ, осадили Вишневецъ, по указанію жидовъ овладѣли замкомъ и коменданта Барановскаго съ многочисленною шляхтою вырѣзали всѣхъ до одного, а самое мѣстечко превратили въ прахъ и пепель. За тѣмъ, когда Собѣскій поразилъ турокъ въ хотинской битвѣ, Вишневецкій опять возвратился на прежнее мѣсто и нашель его въ развалинахъ. Въ это время Константинъ Вишневецкій III избранъ былъ комиссаромъ для заключенія журавлинскаго трактата.

На сыновьяхъ Константина III Янушъ II и Михаилъ I домъ Вишневецкихъ князей имѣлъ уже совершенно погаснуть. Князья сіи вышли на сцену политическую 1700 г., когда могущественный домъ Сапѣговъ поднялъ противъ себя всю литовскую шляхту.

Казиміръ Сапѣга былъ воевода и великій гетманъ Литовскаго Княжества, Венедиктъ, братъ его подканцлеръ литовскій, а Михаилъ, сынъ гетмана конюшимъ великаго княжества литовскаго. Но когда Августъ II сдѣлался королемъ, литовская шляхта, вооруженная противъ Сапѣговъ, виленскимъ бискупомъ, за разграбленіе принадлежащихъ костеламъ имѣній, съѣхалась для совѣщанія, на которомъ общимъ голосомъ положили: выслать въ Варшаву Огинскаго и Поцея съ жалобой на Сапѣговъ предъ королемъ на злоупотребленія гетманской власти. Но едва только означенные послы отправились въ дорогу, какъ Сапѣга послала за ними погоню и Поцей едва спасъ жизнь свою, а Огинскій смертельно раненъ. Раздраженная шляхта завязала конфедерацію подъ предводительствомъ Котла, каштеляна ви-

тебскаго, и донесла королю о злоупотребленіяхъ гетмана. Вслѣдствіе чего король Августъ II выслалъ фельдмаршала Флеминга съ нѣсколькими тысячами челоувѣкъ войска для усмиренія возмущившихся Сапѣговъ и отнятія гетманской власти. Войска поспѣшили въ Гродно и начали дѣйствія свои отъ имени короля. Сапѣги должны были сдаться на капитуляцію. Но вскорѣ начали собирать своихъ жолнеровъ и сдѣлали ополченіе; война возгорѣлась. Съ одной стороны выступили Сапѣги съ многочисленною толпою жолнеровъ, съ другой толпа шляхтичей, въ числѣ которыхъ присутствовали и Вишнивецкіе князья Янушъ и Михаилъ. Во время этого междоусобія Вишнивецкіе едва не лишились жизни, и возвратились изъ военныхъ дѣйствій подстрѣленные, а особенно тяжело раненъ князь Михаилъ Вишнивецкій.

Послѣ этой стычки Михаилъ Вишнивецкій избранъ былъ командующимъ войсками для окончательныхъ дѣйствій надъ Сапѣгами. Впрочемъ, посовѣтовавшись, шляхта и король, для избѣжанія кровопролитія, предложили Сапѣгамъ покориться: но послѣдніе и слушать не хотѣли о покорности и расположились обовомъ на поляхъ Лербунскихъ. Шляхта собралась также около Олкинина. Тогда каждый велъ братьевъ своихъ на поле битвы и вдругъ началось кровопролитное олкинское сраженіе, на которомъ, со стороны шляхты, вторично, отличились Вишнивецкіе князья. Впрочемъ битва эта, какъ она ни была упорна, не повела ни къ какимъ рѣшительнымъ послѣдствіямъ, тѣмъ болѣе, что ее захватили сумерки. Ночью вся шляхта собралась около Вишнивецкаго въ Олкиникъ. Посовѣтовавшись, на другой день опять вступили въ битву съ Сапѣгами; послѣдніе принуждены были сдаться на капитуляцію. Такъ окончилась война шляхтичей съ Сапѣгами, и послѣдніе, изъ мести къ королю Августу II, пристали къ шведамъ.

Князь Михаилъ Вишнивецкій принадлежалъ тогда до партіи сасовъ и сперва получилъ польную, а затѣмъ и великую булаву, литовскую. Получивши послѣдній титулъ, новый гетманъ дѣйствовалъ съ генералами короля Карла XII съ перемѣннымъ счастіемъ. Вѣрный, однакожь, Августу, онъ не отступалъ отъ него до тѣхъ поръ, пока Августъ былъ королемъ; когда же послѣ Августа вступилъ на престолъ Станиславъ Ле-

винскій, Михаилъ Вишневецкій присталъ съ войсками своими къ новому королю, какъ нѣкогда съ шведами, такъ теперь сражался Вишневецкій съ Петромъ Великимъ: но съ паденіемъ Карла XII, пало и счастье Михаила князя Вишневецкаго. Послѣ двухъ мѣсяцовъ битвы подъ Полтавою, онъ взятъ былъ въ плѣнъ и просидѣлъ мѣсяць въ Глуховѣ. За тѣмъ, когда получилъ свободу, онъ отправился къ королю шведовъ, въ Бендеры, но узнавъ, что турки заключили трактатъ съ королемъ, поѣхалъ къ нему въ Великую Польшу; окончательный миръ заключенъ въ Прагѣ. Тогда князь Вишневецкій возвратился въ отечество, и Августъ II, на сеймѣ 1720 г., далъ ему печать велико-литовскую, а впослѣдствіи и виленское воеводство.

Князь Янушъ II, Вишневецкій, который послѣ олкинской битвы остался виленскимъ каштеляномъ, по смерти гетмана Сенявскаго, поступилъ на каштелянство краковское. Съ тѣмъ поръ Михаилъ оставилъ военныя дѣйствія и вмѣстѣ съ женою своею Екатериною, княжною Дубовскою, жилъ попеременно въ Королинѣ подъ Пинскомъ,—то въ Вишневецѣ, и выдавши въ короткое время своихъ дочерей Анну за Огинскаго, старосту герцдавскаго, а Елисавету за Замойскаго, короннаго ловчаго, Вишневецкій, желая хотъ въ старости отдохнуть отъ бурь жизни построилъ въ Вишневецѣ дворецъ на прежнемъ мѣстѣ замковомъ и развелъ вокругъ него прекрасный садъ. Дворецъ этотъ выстроенъ съ особеннымъ искусствомъ и украшенъ серебромъ и золотомъ. Въ немъ устроенъ театръ, весьма дорогая мебель, украшенъ богатыми картинами, серебрянными вазами и другими безчисленными драгоценностями. И неудивительно: имѣнія Вишневецкаго были огромны. Михаилъ Сервацій (такъ звали послѣдняго князя Михаила Вишневецкаго) владѣлъ девятью мѣстечками и сто пятьдесятью селами. Кромѣ того, у него было еще много имѣній въ Литвѣ и на Украинѣ, полученныхъ по наслѣдству отъ княжны Дульской *). Не смотря на все

(*) Выпишемъ самый реестръ имѣній Вишневецкаго князя Михаила, взятый нами изъ рукописи, хранящейся нынѣ въ м. Червоостровѣ Подольской губерніи.

Г) *Волинскія имѣнія:*

1. Старый Вишневецъ и селъ 16:

Квагозна, Окнина великая, Окнина малая, Горника, Куш-

это, смерть начала посѣщать вишневецкій дворець и истребила весь родъ Вишневецкихъ князей Корибутовъ до основанія. Въ

- линь, Подгайчикъ, Янковцы, Кадшевка, Вербка, Маневъ, Котюжинцы, Кривчицъ и Раковца.
2. Новый Вишневецъ и сель 23:
Ложи, Бодаки, Кохановка, Гнидава, Вербовець, Чепелевка, Лопушка, Пахина, Коячевка, Голюбисы Мартышковцы, Бѣлая Битечка, Раковецъ, Раковецъ другой, Мшиковцы, Номана, Кунаковцы, Бутынь, Млиновцы, Бакота, Дзвиняче и Зацься.
 3. Черно-Островъ и сель 6:
Грузевица, Мартиновка, Войтовцы, Педосы, Захаровцы и Осташи.
 4. Чеховцы и сель 30:
Соболевка, Гнилица, Милова, Космоки малыс. Вышная Гнилица, Голотки, Кошлаки большіе, Москалевка, Ванджуловъ, Бѣлозарка высшая, малая Бѣлозарка, Янковцы, Шибенна, Щастновка, Пальчинцы, Почапинцы, Иванковцы, Гавратинъ, Гальчинцы, Медашевка, Колесиць, Габришловка, Свинна, Собковцы, Юхимовцы, Смаиловка, Левковцы, Купелс, Голадки возлѣ Купеля, Чернава.
 5. Данитовщина и сель 12:
Шнуровка, Передимірка, Борсуковды, Нападовна, Гнилородка, Бадка, Загладцы, Кутковцы великіе, Снявка, Жуковцы, Андриевка, Борзиевка.
 6. Боморно и сель 22:
Хлопы, Германы, Бучокъ, Татариновъ, Андрияновъ, Ловчинцы дальные, Ловчинцы церковные, Свингоша, Чуловець, Порича, Колодручи, Березовка, Подвисоке, Новоселка, Саски, Римна, Поверховъ и Литавка.
 7. Новодольскъ и сель 18:
Любичевъ, Уруничъ, Берчницъ, Червище, Ляховцы, Пневка, Вулка, Любишевка, Желѣзница, Деревекъ, Горка, Быховъ Одржинъ, Вулка одрижинская, Любечъ старый, Дольскъ Шлепанъ, Хоценсъ и Баландыче.
 8. Королинъ и сель 4:
Пѣсочна, Оедоры, Кослявича и Пеньковцы.
 9. Дембровица.
 10. Столинъ.
 11. Хомашъ.
 12. Ополе.
 13. Телеханы.
 14. Мендзырєнзъ.
 15. Волковишки.
 16. Брагинъ.

Эти ключи безъ показанія сель къ нимъ принадлежатъ.

этомъ дворцѣ сперва умерла первая жена Михаила, оставивши ему двухъ замужнихъ дочерей. Михаилъ женился на другой, а затѣмъ на третьей; но другая жена его, Магдалина Чарторыйская, хорунжанка литовская, и сынъ, прижитый съ нею, умерли на второмъ году; умерла за тѣмъ и третья супруга Михаила Фекла Радзивиллова, вдова по фельдмаршалѣ Флемингѣ, а вслѣдъ за него вымерло и все потомство ея. Умеръ вслѣдъ

II) Литовскія имѣнія:

17. Дзиньва и сель 7:
Радзивинишки, Войшнароеъ, Олзевъ, Польчевъ, Папенія, Ворошкловъ и Инзолия.
18. Великій Можайковъ и сель 5:
Дякушка, Лебедка, Макиришка, Шуменишки и Гайковщина.

III) Украинскія имѣнія:

19. Володарка и сель 8:
Березна, Косовка, Рудешло, Гайворонка, Петрашовка, Свирка, Салеровка и Токаровка.
20. Гдашевъ и сель 8:
Юрковцы, Дзѣринцы, Билизь, Крушитовка, Бундары, Цитковцы, Лоевцы и Носовцы.
21. Боризовка и сель 12:
Кринцы, Вабенка, Камна, Варисовна, Голохвасты, Свѣрна, Шахновка, Ставичка, Лавенки, Шорнилинцы, Капустинцы и Мормолевка.
22. Торчица.)
23. Дзѣньковъ.) безъ поименованія сель.
24. Антоновъ и сель 13:
Теремки, Билевка, Семеновка, Рудеченки, Лавришки, Лучини, Воробіевка, Начачовка, Щербиновка, Дунаевка, Шаблевка Чемижовка и Токаровка.
25. Монастырище и)
26. Тоханьча.) безъ счета сель.

См. настоящій реестръ еще въ книгѣ Podole Wolyń, Ukraina t. I, str. 57—61.—Przeździeckiego, drukowany z tegoż rękopiśma Czarno-Ostrowskiego.

184) Podole, Wolyń, Ukraina t. I, str. 46—62. Olkinička potyczka, росма в давнімъ рѣкопiсми. Мss. Библиотеки Олицзановской в Коростазовіе, на Полісiу. Подобнiежъ вилеченіе powiatów з ихъ назчалниками з најдучесіе в описаніу Олкiнської потyczки в рѣкопiсмие подчасъ зчеза, з Мss. Библиотеки Чарноостровской—на Подолу.—Описаніе рзечы в Palaca Wіszniewickiem. №....

за тѣмъ и князь Янушъ Вишневецкій, оставивъ одну только дочь за княземъ Михаиломъ Казиміромъ Радзивилломъ, воеводою троцкимъ, гетманомъ польнымъ короннымъ. По семь умерли изъ литовскихъ князей Огинскіе и Замойскіе. Наконецъ остался на все имѣніе вишневецкое одинъ 64 лѣтній старецъ Михаилъ: но и онъ не долго влчилъ жизнь свою одиночкой: пришелъ роковой часъ и старикъ скончался въ 1744 году, и похороненъ вмѣстѣ съ гербомъ своимъ въ кармелитскомъ вишневецкомъ костелѣ. На семь князѣ окончилась послѣдняя линия Вишневецкихъ князей Корибутовъ отъ Ивана, старосты шискаго.

По смерти Михаила (Сервація) Вишневецкаго имѣнія его достались сперва Огинскимъ и Замойскимъ, кажется, въ третьемъ родѣ. За тѣмъ первая половина досталась Плятеру, Пржездзѣцкимъ, Бростовскимъ и Віельгорскимъ; а другая часть, съ самымъ Вишневцемъ, вошла въ домъ Мнишковъ съ единственною дочерью Елесаветой, отъ Вишневецкой Замойской 184). На послѣдокъ 1857 года и самый Вишневецкъ совсѣмъ имѣніемъ перешелъ въ руки графовъ Плятеровъ, фамилія которыхъ владѣетъ имъ и по настоящее время 185).

Опишемъ теперь самые памятники мѣстечка Вишневца, которые послужили поводомъ настоящаго нашего описанія, и которые, между прочимъ, своими особенностями открываютъ дальнѣйшую исторію м. Вишневца и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разъясняютъ нѣкоторыя черты всего вышесказаннаго.

При въѣздѣ въ м. Вишневецъ изъ Подоля, въ новомъ Вишневецѣ, за плотиною, соединяющею съ новымъ старымъ Вишневецъ, на полугорѣ, возвышается каменная, небольшая церковь. Она стоитъ внѣ замковыхъ укрѣпленій, ниже замковыхъ стѣнъ и безъ всякой ограды. Это церковь, устроенная во имя Вознесенія Господня, о коей мы упомянули въ началѣ нашей статьи. Въ дренности церковь эта была замковою церковію князей Вишневецкихъ-Корибутовъ, когда они находились еще въ православіи и не отступали отъ вѣры и обычаевъ своихъ предковъ. Подъ сего церковію находится каменный склепъ, а въ немъ,

между прочими, помѣщается прахъ Михаила III, Вишневецкаго князя, сына Михаила I, который (Михаиль III) былъ старостою овруцкимъ и имѣлъ за собою дочь валахскаго господаря.

Михаиль III, воевавшій и жившій большею частію въ Молдавіи, окончилъ тамъ и жизнь свою, но перевезенъ въ Вишневецъ къ роднымъ могиламъ и похороненъ въ домовомъ склепѣ, вмѣстѣ съ женою своего; въ этотъ гробъ положены (говорить преданіе) значительныя драгоценности 186).

Вознесенская церковь построена, какъ можно полагать, въ концѣ 14-го или въ началѣ 15-го столѣтія, дѣдомъ Димитрія и Михаила, или же, быть можетъ, и самимъ отцемъ его. Она состоитъ изъ трехъ частей: алтарной, средней и трапезной. Первые двѣ части покрыты сводами, а послѣдняя простымъ потолкомъ и, какъ можно полагать, пристроена впоследствии, когда эта церковь выдѣлена изъ замковыхъ стѣнъ и сдѣлалась приюдною, для расширенія ея; стѣны, какъ и во всѣхъ древнихъ постройкахъ очень толсты. На церкви этой три купола, изъ нихъ передній отличается отъ прочихъ своею формою и служитъ колокольною, на которую взбираются, изъ трапезной части, по плохой деревянной лѣстницѣ. Купола эти деревянные, безобразны и, подобно крышѣ, покрыты гонтомъ, который сгнилъ отъ времени, а мѣстами совсѣмъ сорванъ бурями; въ потолкѣ трапезной части подѣлались большія щели, отъ чего замѣтна въ церкви значительная течь. Въ сей-то церкви (какъ утверждаетъ и преданіе), очевидно, совершенно было торжественное обрученіе Гришки Отрепьева съ Мариною Мнишекъ: ибо намятники не показываютъ, чтобы въ это время былъ замковый костель.

Вознесенская церковь, кромѣ древности своею, замѣчательна еще слѣдующими предметами: серебрянымъ складнемъ съ чудотворнаго иконой, крестомъ и богатымъ іерейскимъ облаченіемъ.

Складень этотъ выкованъ изъ серебра; онъ просто и походитъ на ящикъ съ двустворчатою крышкою, для храненія въ немъ иконы. На наружной сторонѣ этого ящика, на правой

186) Podole, Welyń, Ukraina t. I, str. 40. См. на этой стран. сноску.

половинѣ дверцы, находится на польскомъ языкѣ слѣдующая надпись: Ten obraz roku 1704 przy Regimentu Moskiewskim w wielkim zostajacy się poszanowaniu, wzięty od Szwedow w batalii pod Krzyżobozkiem 5 augusta, odebrany tegoż roku od Xięcia Serwacego Korybuta Wiszniewieckiego hetmana Litewskiego w wygranych od niego Batalij pod Skydomir 1 Nowembris, oddany przez tegoż xięcia do cerkwi Wiszniewickiej roku 1727.“ Когда раскрыть крышку ящика, то на обѣихъ половинкахъ ея, т. е. на внутреннихъ стѣнкахъ дверецъ, открываются изображенія иконъ, вытѣсненныхъ на серебрѣ золотомъ плоско, на манеръ нашихъ работъ подъ чернью. Надъ иконами этими находятся надписи, вырѣзанныя крупнымъ уставнымъ славянскимъ шрифтомъ, безъ обычныхъ, впрочемъ, въ славянскомъ языкѣ сокращеній словъ. Эти надписи объясняютъ самыя изображенія иконъ. На каждой половинѣ по три иконы: въ верхней части одна большая, а въ нижней двѣ малыхъ. На лѣвой половинѣ изображены сверху Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, а надъ нимъ Алексѣй челоувѣкъ Божій, и, правѣ его св. Сергій Радонежскій; на правой же половинѣ сверху икона нерукотвореннаго образа Иисуса Христа, а подъ него св. Великомученица Екатерина. Въ ящикѣ хранятся икона знаменія пресвятой Богородицы, писанная на деревянной доскѣ; на ней золотая риза, богато украшенная финифтью и драгоценными камнями, въ числѣ которыхъ два довольно большіе куска рубина, обдѣланные слезками, въ видѣ привѣсокъ; качества остальныхъ камней опредѣлить невозможно частію потому, что они худо и неправильно обдѣланы и вставлены, частію потому, что на нихъ отъ времени наростъ толстый слой пыли. Къ нижней части ризы на младенцѣ Иисусѣ привѣшенъ довольно большой финифтевый крестъ съ заостренными концами, на толстой шелковой тесьмѣ, цвѣта которой, по ветхости ея, опредѣлить также невозможно.

По смыслу надписи утверждаютъ, что икона эта отнята у шведовъ въ сраженіи подъ Крейцбургомъ княземъ Вишневецкимъ Михаиломъ Корибутомъ, гетманомъ литовскимъ въ 1704 г., и пожертвована имъ въ церковь Вознесенія Господня, въ память побѣды, одержанной имъ надъ Скидомиромъ въ 1727 году. Что же касается выраженія надписи, говорящей, что икона эта пользовалась большимъ уваженіемъ въ „Regimencie Moskiewskimъ,”

то нельзя предполагать, чтобы здѣсь подразумѣвался полкъ Шведской и Польской службы, носившій названіе Московскаго; ибо обычай называть полки по городамъ и другимъ урочищамъ существовалъ, а частію и теперь еще существуетъ, во многихъ европейскихъ государствахъ; но только эти названія полкамъ всегда давались и даются по городамъ и урочищамъ своей отечественной страны. А потому очевидно, что здѣсь подъ выраженіемъ „Regimencie Moskiewskiem“ разумѣется войско московское и именно роты новгородская и псковская, которыя, по самому положенію своему, находясь ближе къ шведамъ, однѣ только и могли лишиться въ столкновеніи съ ними войсковою святыни, подобно тому какъ и сами шведы лишились ее потомъ, въ столкновеніи своемъ съ поляками подъ Крейцбургомъ.

Другая замѣчательная древность Вознесенской церкви большой серебрянный крестъ, чеканной работы, вызолоченный. Онъ древней русской шести конечной работы; снаружи украшенъ камнями, которыхъ, по случаю покрывающаго ихъ толстаго слоя пыли, опредѣлить трудно. Внутри онъ пустъ и только въ нижнемъ концѣ уцѣлѣлъ небольшой кусокъ дерева около отверстія для винта. Верхняя часть сего креста падломлена.

Когда и кѣмъ этотъ крестъ устроенъ и пожертвованъ въ церковь Вознесенія неизвѣстно.

Третья замѣчательность Вознесенской церкви богатое іерейское облаченіе. Оно все вышито шелкомъ и золотомъ, изображаетъ херувимовъ и угодниковъ Божіихъ. Какъ попало сюда это облаченіе и гдѣ шито тоже неизвѣстно. Впрочемъ, соображаясь съ временемъ и обстоятельствами м. Вишневца, а также и съ обстоятельствами Вознесенской церкви, бывшей замковою, мы полагаемъ, что послѣднія двѣ принадлежности церкви Вознесенской (и быть можетъ и самая икона) перенесены сюда изъ Москвы во времена І самозванца, когда сей послѣдній достигъ престола, и присланы вмѣстѣ съ дарами къ невѣстѣ предъ обрученіемъ. Кажется этими дарами Гришка думалъ увѣковѣчить день своего обрученія, а равно отослалъ эти святыни въ Вознесенскую церковь для большаго великолѣпія при обрученіи.

Повыше Вознесенской церкви выдвигаются башни древняго кармелитскаго монастыря, бывшаго когда то замковымъ кресте-

ломъ. Это нынѣшняя православная св. Михайловская церковь. Она лежитъ ближе къ центру мѣстечка и на болѣе видномъ мѣстѣ. Церковь эта гораздо обширнѣе и вмѣстительнѣе первой и до поврежденія своего пожаромъ служила приходскою церковію, при которой Вознесенская церковь была приписною.

Основаніе кармелитанскаго монастыря, нынѣ св. Михайловской церкви, принадлежитъ ко временамъ Михаила (Сервація) Вишневецкаго, который въ таже время надѣлилъ этотъ монастырь богатыми помѣстьями, къ числу коихъ принадлежали селенія: Великій и Малый Раковецъ, Лопущна, Паханы и Мышковцы.

Въ 1832 г. монастырь этотъ, за участіе монаховъ въ мятежѣ, упраздненъ и переданъ въ православное духовное вѣдомство, а въ 1835 году костель посвященъ въ православную церковь во имя св. Архистратига Михаила.

Въ 1863 году церковь эта повреждена пожаромъ; кровли уничтожены, стекла выбиты, своды и верхнія части башенъ полуразрушены, полы изломаны. Въ одномъ мѣстѣ своды пробиты насквозь упавшимъ сверху колоколомъ *).

Бывшія монастырскія зданія находятся также въ полуразрушенномъ состояніи и только въ одномъ, нѣсколько болѣе уцѣлѣвшемъ, флигелѣ помѣщается мѣстный приходскій священникъ.

Въ склепѣ подъ сею церквію почіють останки князя Михаила Вишневецкаго, послѣднаго потомка доблестнаго князя Іереміа, ревностнаго защитника русской народности и православной церкви въ Червоной Руси, и почіють вмѣстѣ съ костями латинскихъ монаховъ кармелитанскаго ордена (не следовало бы!...)

Въ св. Михайловской церкви также находится древняя икона Божіей Матери. На иконѣ сей находится серебряная вызолоченная риза, въ нижней части которой, между складками

(*) Жители м. Вишнивица рассказываютъ путешественникамъ почаевскимъ, что когда погорѣла св. Михайловская церковь, то изъ верхняго свода ея упали четыре булавы осипанныя драгоценными камнями, покрытыя золотомъ, и имѣющія на себѣ какія то надписи. Но не имѣя о томъ письменныхъ свѣдѣній, мы не можемъ о томъ сказать ничего болѣе.

оставлено гладкое мѣсто для надписи, находящейся здѣсь на польскомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія: „Ten obraz cudowny dawny iest do kościoła naszego Wiszniowieckiego karmelitów Bossyeh A. P. 1718 dnia z Awgusta od i. o. Michała Koributa X. Wiszniowieckiego, fundatora naszego który iest maliowany w mieście Kostromie nad Wołgą rzeką, a wyprowadzony z Moskwy do Polski cudownie przez Konstantego Wiszniowieckiego K. P. 1608 dnia z. Januarii.“

Риза, на которой помѣщается эта надпись, судя по ея обдѣлкѣ, кажется, принадлежить къ временамъ Петра Великаго. Она далеко не можетъ сравниться съ древностію самой иконы. Полагають, что эта икона досталась кармелитамъ безъ оклада, и что окладъ сдѣланъ ими уже въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго. Риза эта, впрочемъ, не отличается ни богатствомъ, ни изяществомъ отдѣлки; во всѣхъ отвѣрстіяхъ сдѣланныхъ для ликовъ и ручекъ вставлены стекла, вѣроятно для предохраненія иконы отъ дальнѣйшей порчи.

Икона эта вмѣстѣ съ ризою утверждена въ деревянной рамкѣ-алюповатой работы, покрытой черною краской и украшена нѣсколькими серебряными накладками въ видѣ арабесковъ; впрочемъ украшенія эти работы также неизящной. Самая рамка также далеко моложе иконы, но кажется древнѣе ризы. Икона сія называется чудотворною и, какъ полагають, была украшена прежде драгоценною ризою; но поляки, овладѣвъ ею, оборвали серебро, золото и драгоценныя камни и отдали икону монахамъ въ оборванномъ видѣ (*).

Судя по надписи эта икона писана въ Костромѣ, на р. Волгѣ и вывезена изъ Москвы Константиномъ Вишневецкимъ въ 1608 году и пожертвована кармелитанскому монастырю сыномъ его Михаиломъ въ 1718 году. 188)

Наконецъ, за Михайловскою церквію рѣзко выдается самый дворецъ, Вишневецкихъ князей Корибутовъ, окруженный желѣзными пушками, вбитыми въ землю, изъ которыхъ многія уже приняты съ своего мѣста, а цѣпь, прежде соединявшая ихъ, уничтожена. Дворецъ этотъ (какъ мы упомянули выше) устроенъ послѣднимъ княземъ Михаиломъ (Серваціемъ) Виш-

(*) Вѣст. Югозап. Россіи 1855—56 г. кн. III, отд. IV, т. I.

188) Вѣстникъ. Зап. Россіи 1865—66 кн. III, т. I, отд. IV, стр. 308—325.

неведкимъ , послѣ того какъ онъ выдалъ въ замужество дочерей своихъ . Онъ въ стилѣ 18-го вѣка, и устроенъ въ видѣ подковы изъ тесаного камня . Дворецъ сей высится на вершинѣ самой горы, на западъ отъ Вознесенской церкви и святы Михайловской,—построенъ въ два этажа съ выпуклой крышею и покрытъ свинцомъ .

Въ главной передней этого дворца находится надпись на мраморной доскѣ , которая открываетъ дальнѣйшую исторію Вишневецъ ; эта надпись слѣдующаго содержания : „Tu zjechali się w 1781 roku Stanisław August, Król Polski, z Pawłem pod ówczas Wielkim Xięciem Rosyjskiem , który z żoną cudze kraie odwiedzał . Tu po dwa króć zajeżdżał jeszcze Król Polski w 1787 r.—raz jadąc do Koniowa dla widzenia się z Katarzyną II i Cesarzem Józefem ; i potem wracając do Warszawy.“

Согласно этой надписи лѣтописи также свидѣлствуютъ о бытности польскаго короля и великаго князя россійскаго Павла Петровича, и говорятъ, между прочимъ, что во время встрѣчи Павла Петровича въ Вишневецѣ съ польскимъ королемъ,—еврейскій кагалъ подарилъ въ это время королю огромнаго быка для принятія великаго князя Павла , при пышной рѣчи раввина на латинскомъ языкѣ 190).

Стѣны этой передней обложены полированными мраморными досками съ синими жилвами на бѣломъ фонѣ ; здѣсь же помѣщаются и восточныя ступени . По обѣимъ сторонамъ передней висятъ большія картины, изображающія свадьбу и коронацію въ Москвѣ самозванца съ Мариною Мнишекъ , а также триумфъ предковъ Мнишковаго дома во время Карла Великаго и Оттона III . По правой сторонѣ идетъ цѣль малыхъ комнатъ, а съ лѣвой стороны находится огромная зала, украшенная гербами, выбитыми золотомъ и такими же карнизами, съ дорогими картинами знаменитыхъ художниковъ, въ резолоченныхъ рамахъ и съ дорогими зеркалами . Въ залѣ этой находятся также бюсты и портреты польскихъ знаменитыхъ людей . Далѣе слѣдуетъ цѣль комнатъ гостиницы . На верхнемъ этажѣ , съ правой стороны отъ входовъ, высокая зала, служащая вмѣсто прихожей . Она также выложена мраморными

190) Вѣст. Югозап. Рос. 1863 г. кн. IV, отд. II, (въ статьѣ Инов. Волын. губерніи).

питами; въ ней, между прочимъ, находятся изображенія трехъ польскихъ королей въ натуральную величину. За этою залю слѣдуетъ зала Корибутовъ, въ коей помѣщаются портреты всѣхъ Вишневецкихъ князей; далѣе слѣдуютъ опять нѣсколь- ко залъ, обитыхъ дорогими тканями; затѣмъ спальня, въ коей находится, между прочимъ, кровать великаго князя Павла Петровича, выбитая атласомъ. По лѣвой сторонѣ комнаты князей Любомірскихъ, съ ихъ портретами; за ними библіотека, модель- ня, наконецъ, комната, въ которой жилъ Станиславъ Августъ. Здѣсь посѣщаль его съ утра великій князь Павелъ и, не за- ставши короля дома, оставилъ вмѣсто визитнаго билета над- писъ, вырѣзанную бриллантомъ на зеркалѣ: „Le Comte du Nord.“

Въ правомъ фасѣ верхняго этажа находится театръ; а уни- зу, равно какъ и въ цѣломъ лѣвомъ фасѣ, гостинные покои. Во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ разсыпано безчисленное множе- ство портретовъ фамилныхъ и другихъ произведеній живописи, вазиа и пр. Вишневецкій дворецъ помѣщаетъ въ себѣ около полтораста знаменитыхъ картинъ, между коими находятся произведенія художниковъ итальянскихъ, голландскихъ, фран- цузскихъ и нѣмецкихъ живописцевъ.

Библіотека вишневецкая слагалась когда то изъ 15,000 то- мовъ, кромѣ различныхъ рѣдкостей, каковы, напр., произведе- нія Папроцкаго, Хроника цѣлаго свѣта—Бѣльскаго, Статутъ, Ляскаго, на пергаментѣ, и проч. Также множество рукописей, оригинальныхъ писемъ монарховъ и знаменитыхъ людей,—мно- жество матеріаловъ, относящихся къ исторіи великаго маршалка короннаго Михаила Юрія Мнишки 191) и др.; изъ этихъ ману- сриптовъ въ настоящее время не осталось и половины.

Весь Вишневецъ окруженъ лѣсами, какъ говоритъ преданіе, засѣянными послѣднимъ Вишневецкимъ княземъ 192).

Такое воспоминаніе возбуждаютъ вишневецкіе памятники, сохранившіеся до настоящихъ временъ. Они выдвигаютъ въ исторію жизни всѣхъ вишневецкихъ князей и изображаютъ въ себѣ цѣлыхъ четыре вѣка слишкомъ (1341—1344).

191) Мнишекъ М. В. К. родился отъ Замойской, внучъ по- слѣдняго кн. Вишневецкаго и глѣзъ за собою Замойщанку — отъ Понатовскихъ.

192) Podole, Wołyń, Ukraina t. I, str. 62—65.

Теперь въ Вишневецѣ около 5000 жителей. Его, по всей справедливости, можно отнести въ настоящее время къ категоріи мѣстечекъ средняго разряда. Богатое по своимъ воспоминаніямъ, оно теперь отражаетъ смутную тѣнь прошедшаго. Древніе рыцари не поднимаются изъ гробовъ для возобновленія развалинъ и умноженія ратей между народомъ; соотечественники измѣнниковъ православія—поляки,—отступили отъ этой мѣстности и, не имѣя здѣсь болѣе защиты въ покровителяхъ, мнимою *ойчизною*, — не имѣя гдѣ болѣе составлять ковы противъ Москвы, заключились теперь въ Царствѣ Польскомъ, какъ пчелы въ ульѣ, ожидая часъ отчасу папскаго паденія и послѣдняго конца своей жизни.

Священникъ Ананія Длугопольскій.

ВЪРОТЕРПИМОСТЬ ПАПЪ.

(Историческій очеркъ).

*(Продолженіе *).*

2) ИСТРЕВЛЕНІЕ ПРОТЕСТАНТСТВА ВО ФРАНЦІИ.

И въ Франціи протестанство также широко распространилось, какъ и въ Германіи, не смотря на то, что король Францискъ I и, его сынъ Генрихъ II были необыкновенно строгі относительно исповѣдниковъ новаго ученія и нерѣдко въ Парижѣ и частію въ Тулузѣ воздвигали на нихъ костры. Однако спокойствіе и радость, съ какою умирали приговоренные къ смерти, умножали число исповѣдниковъ протестанства. Къ тому же распространитель новаго ученія Иванъ Кальвинъ нашелъ себѣ могущественную покровительницу и защитницу въ образованной королевѣ наварской Маргаритѣ, сестрѣ Франциска I. Покровительство это произвело то, что новое ученіе съ удивительною быстротою распространилось во всѣхъ сословіяхъ народа, лучшіе люди, ученѣйшіе, самая, что называется интеллигенція, а равно и нѣсколько особъ королевскаго дома сдѣлались тайными послѣдователями этой новой религіи. О

*) См. Кн. 7 Вѣст. Зап. Россіи.

прито, впрочемъ, они рѣдко осмѣливались исповѣдывать эту религію, потому что такихъ исповѣдниковъ заключали въ тюрьму и казнили. Но совсѣмъ другая эпоха должна была настать для мильвинистовъ, или реформатовъ, когда, по смерти Генриха II въ 1559 г., на французскій престолъ вступилъ Францискъ II.

Новый король, 17 лѣтній, духомъ и тѣломъ слабый юноша, былъ неспособенъ самъ держать бразды правленія, и потому на Франціи необходимо было регенство. Но кому же быть регентомъ: *Катерини* ли *Медичи*, какъ матери короля, *герцогини бургонскаго*, какъ ближайшимъ родственникамъ королевскаго дома, или *принцамъ Гизамъ*, какъ почетнѣйшимъ сановникамъ государства? „Гизы“ происходили изъ древняго дома герцоговъ *Лотарингскихъ*, потому что въ правленіе короля Франциска I, второй братъ Лотарингскаго герцога, *Клавдій*, при своемъ бракосочетаніи, получилъ графство Гизъ въ Пикардіи и скоро возведенъ былъ королемъ въ достоинство герцога. Въ 1559 г. главою фамиліи былъ герцогъ *Францискъ Гизъ*, старшій сынъ *Клавдія*, человекъ необыкновенно храбрый, умный и чрезмѣрно честолюбивый; его окружали пять братьевъ, между которыми самый славный былъ кардиналъ *Карлъ Лотарингскій*. Всѣ они при покойномъ королѣ заняли высшія мѣста, пользуясь его благоволеніемъ, большую часть государственныхъ должностей замѣстили своими друзьями; всего же болѣе они старались свою власть упрочить тѣмъ, что выступали равностанными защитниками католичества и рѣшительными противниками новой религіи. „Бурбоны“ происходили отъ *Роберта*, второго сына *Людовика IX*, такъ какъ этотъ, чрезъ бракъ получилъ графство Бурбонъ, которое тотчасъ переименовано было въ герцогство. Они всѣхъ ближе стояли къ трону, и если бы Францискъ II съ тремя своими братьями умерли, не оставивъ мужскаго потомства, то право на престолъ перешло бы къ главѣ Бурбонской фамиліи, *Антону Бурбону*, герцогу вандалскому и (чрезъ женитьбу на *Юаннѣ Албертѣ*) титулярному королю наварскому, которому принадлежалъ также и *Беарнъ*. Впрочемъ и *Антонъ Бурбонъ*, король наварскій, былъ не одинъ, у него было два родныхъ брата, кардиналъ *Карлъ Бурбонъ*, человекъ добродушный, но не весьма даровитый, и принцъ *Людовикъ Бурбонъ Конде*, отважный и храбрый герой, и еще нѣ-

скольво двояродныхъ, наприм. герцоги *Монтморанси* и *Монпансье*, съ братомъ своимъ принцемъ *Ла-Домъ еюрж юинъ*, Катерина Медичи, вдова покойнаго короля, была, какъ видно по самому имени, отраслю герцоговъ Флоренціи, и отличалась многими свойствами, во первыхъ, своею, болѣе чѣмъ обыкновенною красотою, далѣе необыкновеннымъ умомъ, наконецъ безграничною и неотступавшею и предъ беззаконіемъ, силою воли, съ какою она выполняла всѣ свои планы. Будучи близкою родственницею папы Пія IV, она естественно была привязана къ католичеству, но еще болѣе стремилась она къ власти и потому рѣшилась во чтобы-то ни стало присвоить себѣ регенство.

Но это возможно было только тогда, когда бы она соединилась съ которою либо изъ двухъ упомянутыхъ партій, и только въ этомъ случаѣ она достигла бы громаднаго могущества. Котораго же изъ конкурентовъ избрать себѣ въ союзники: герцога Гиза, или герцога Бурбонскаго и Наварескаго? Для родственницы папы выборъ былъ нетруденъ, тѣмъ болѣе, что Гизы, одушевленные тѣми же стремленіями, предупредили ее на половинѣ дороги. Союзъ былъ заключенъ и власть раздѣлена была между герц. Францискомъ и Катериною Медичи съ ихъ общими приверженцами. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было то, что бурбонская партія была удалена отъ двора и лишена почти всякаго политическаго вліянія, потому что главу этой партіи, короля наварскаго сослали въ его помѣсть Беарнъ, принца Конде отправили съ чрезвычайнымъ порученіемъ въ Мадритъ, а коннетабля, т. е. генералиссимуса Франція Анну Монтморанси, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, уволили на покой. Можно себѣ представить, что Бурбоны не могли равнодушно сносить такое постыдное обращеніе съ ними, на противъ, они о томъ только и помышляли, какъ бы отнять власть у Гизовъ. Особенно неспокоенъ былъ горячій Конде, онъ тотчасъ устроилъ, въ своемъ замкѣ Лафертѣ, на границѣ Шампани, тайное свиданіе съ своими болѣе искренними друзьями, чтобы посоветоваться, какъ дѣйствовать. Къ числу этихъ друзей принадлежалъ и адмиралъ Франціи *Каспаръ Комитъ*, изъ дома Шатильонъ, человекъ высокоуважаемый за свою храбрость, рѣшительность и воинскую опытность, также братъ его

Данделотъ—самый отважный и неустрашимый французъ, какиъ производила когда либо эта страна, и оба они съ совершеннымъ безстрашиемъ исповѣдывали кальвинскую вѣру. Вслѣдствіе этого послѣдняго, когда большая часть собравшихся на свиданіе готова была, повидимому, принять безразсудно смѣлый планъ—съ оружіемъ въ рукахъ прекратить деспотизмъ господствующей партіи, Колинны, не надѣясь на успѣхъ,—такъ какъ враги были гораздо многочисленнѣе,—соглашался съ общимъ предположеніемъ только подѣ условіемъ союза съ исповѣдниками новой вѣры, которые, хотя угнетаемы были и преслѣдуемы, однакожь были многочисленны и распространены по всей Франціи, чтобы так. обр. не только расподожить къ себѣ могущественную партію въ самой Франціи, но и обезпечить за собой, въ тоже время, помощь протестантовъ въ Германіи и Англіи. Такой планъ былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ. Такимъ образомъ единогласно заключили низвергнуть Гизовъ съ помощію протестантовъ и поручили адмиралу, съ братомъ его Данделотомъ и Вицедомомъ Шартрскимъ, изъ дома Бурбоновъ вандейскихъ, привлечь на свою сторону представителей кальвинизма, обѣщая имъ довести дѣло до того, что кальвинизмъ будетъ пользоваться такими же правами во Франціи, какъ и католичество. *Такимъ-то образомъ союзъ Екатерины Медичи съ ультра-католическими Гизами вызвалъ противоположную тѣю, а именно Бурбоновъ съ досель незначительными въ политическомъ отношеніи протестантами.*

Но этотъ союзъ въ самомъ началѣ привелъ протестантовъ въ крайне опасное положеніе. Случилось такъ, что одинъ протестантскій дворянинъ, по имени *Ла-Реноди*, человекъ смѣлый, будучи раздраженъ несправедливостями, которыя приходилось ему терпѣть за свою вѣру, въ надеждѣ на поддержку со стороны Бурбоновъ, соединился со многими другими недовольными, чтобы уничтожить правителей Гизовъ, находившихся тогда во всемъ дворомъ въ г. Блуа, и такимъ образомъ принудить Франциска поручить правленіе принцу Конде—защитнику кальвинизма. Планъ однако открылся, и Гизы перевели тогда козла изъ Блуа въ крѣпкій замокъ амбуазовій; окруживши замокъ окопами, они стянули туда всѣ войска, какія были у нихъ подъ рукой. Однако, когда *Ла Реноди* подошелъ съ своею

храброю толпою къ замку и грозилъ взять его штурмомъ, герцогъ рѣшилъ употребить хитрость и выслалъ къ предводителю недовольныхъ кальвинистовъ герцога Немура, обѣщаясь тотчасъ удовлетворить требованіямъ протестантовъ, если они будутъ предложены честнымъ образомъ. Лареноди повѣрилъ обещанію и послалъ 500 своихъ храбрыхъ товарищей въ качестве посредниковъ въ Амбоазъ, но едва они вступили въ замокъ были схвачены какъ мятежники и затѣмъ тотчасъ растрѣяны. Послѣ такою низкаго вѣроломства, Лареноди пошелъ на штурмъ Гизы однако воспользовались временемъ, которое шло въ переговоры, чтобы подкрѣпить себя новыми войсками и потомъ кальвинисты, подавленные превосходствомъ силъ, потерпѣли значительное поражение. Большая часть изъ нихъ пали на полубитвы, не мало взято ихъ въ плѣнъ и только нѣкоторымъ удалось избѣгнуть кровавой бани. Съ плѣнными, впрочемъ, расправа была короткая: всѣ они на другой же день были или утоплены, или повѣшены, или обезглавлены, а молодой король равно какъ и братъ его и мать и всѣ фрейлины двора, смотрѣли на эти казни, какъ на увеселительныя зрѣлища!

Такимъ образомъ такъ называемый амбоазскій заговоръ (11 марта 1560 г.) окончился гибелью всѣхъ заговорщиковъ. Нѣтимъ Гизы не удовольствовались; убѣдившись, что кальвинисты, или гугеноты (это насмѣшливое прозваніе получили реформаты со времени амбоазскаго заговора *) ихъ опаснѣйшіе и непримѣримѣйшіе враги, они рѣшили ихъ совершенное уничтоженіе и по всѣмъ дорогамъ Франціи разослали строжайше повелѣніе совершенно подавить протестанство. Хотя и повездѣ, однакоже въ большей части провинцій, особенно въ Дофинѣ, управляемомъ герцогомъ Гизомъ, и въ Провансѣ, гдѣ

*) Такъ обыкновенно объясняютъ названіе «гугенотовъ». Въ городѣ Тур господствовало суевѣріе, будто давно умершій король «Гуго» ходитъ по ночамъ какъ привидѣніе по улицамъ города и потомъ исчезаетъ за такъ называемыми «гуговыми воротами». И кальвинисты города Тура въ началѣ имѣли обыкновение собираться тайно, ночью, а сверхъ того еще въ одномъ домѣ, находившемся близъ гуговыхъ воротъ. Такимъ образомъ кальвинистовъ въ Турѣ прозвали въ насмѣшку «гугенотами». А такъ какъ случайнымъ образомъ первыя инициалы амбоазскаго заговора открыты были въ Турѣ, то первоначальное насмѣшливое прозваніе, данное турскимъ кальвинистамъ, распространено было и на всѣхъ кальвинистовъ во Франціи.

генерал-губернаторомъ былъ Таваннъ, повелѣніе исполнялось ревностно и королевскіе жандармы стали распорядиться здѣсь чисто по звѣрски. Не противъ только низшихъ классовъ воздвигнуто было гоненіе, но и противъ высшихъ. Велѣно было схватить даже принца Конде и при посредствѣ парижскаго парламента (судилище совершенно отъ нихъ зависимое) 26 ноября осудить на смерть, а въ то же время принуждали короля подписать парламентское опредѣленіе и потомъ немедленно велѣть привести его въ исполненіе. Между тѣмъ въ это же самое время опасно занемогъ Францискъ II и вскорѣ за тѣмъ (2 декабря 1560 г.) умеръ, оставивъ приговоръ неподписаннымъ. Возшедшему послѣ него на престолъ старшему изъ оставшихся братьевъ Францисковъ, *Карлу IX* было только десять лѣтъ и слѣдов. открывалась необходимость въ опекуномъ правленіи. Всѣхъ больше имѣла права на такое правленіе *Катерина Медичи*, какъ мать короля; но она опасалась притязаній герцоговъ Гизовъ, потому что изъ многихъ случаевъ, когда послѣдніе два мѣсяца она была въ союзѣ съ ними, узнала, какъ безгранично было ихъ властолюбіе. По этому она въ самое скорѣйшее время сблизилась съ королемъ наварскимъ и общала тотчасъ помиловать принца Конде и его братьевъ, если онъ поддержитъ ее своею партіею и своимъ вліяніемъ, далѣе остановить казни гугенотовъ и, наконецъ, созвать государственное собраніе, на которомъ должны быть законнымъ образомъ приведены въ порядокъ дѣла кальвинистовъ. На это условіе согласился король наваррскій, и слѣдствіемъ этого было то, что Екатерина Медичи его стараніемъ объявлена была правительницею государства и опекуншею короля.

Такая быстрая перемена въ правленіи вдругъ поставила франц. протестантовъ въ совершенно другое положеніе, и вмѣсто гоненій, которымъ доселѣ подвергались, имъ настала теперь періодъ терпимости. Королева регентша надала даже 17 янв. 1562 г. эдиктъ, предоставлявшій гугенотамъ совершенную свободу исповѣдывать свою религію во всѣхъ городахъ Франціи. Однако эта терпимость не могла быть продолжительна, потому что папа Пій IV такъ былъ огорченъ этимъ, что рѣшился прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ средствамъ, какія употреблялись до сихъ поръ для подавленія протестан-

ства. Его намѣреніе было соединить всѣхъ католическихъ государей, а въ особенности германскаго императора, испанскаго короля, герцога савойскаго и итальянскихъ князей съ главами католичества во Франціи, чтобы этимъ сильнымъ союзомъ постоянно давить все протестантское. Планъ былъ великолѣпный и Гизы тотчасъ согласились съ нимъ, соединившись для выполненія его даже съ коннетаблемъ Монъ-Моранси, своимъ прежнимъ врагомъ и нѣкогда пылкимъ католикомъ; папа же послалъ кардинала феррарскаго и генерала іезуитовъ Лайнеза, съ цѣлымъ воинствомъ нищенствующихъ монаховъ, во Францію, чтобы приготовить народъ, а въ особенности бароновъ и вельможъ государства къ предстоящей борьбѣ; изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ переходили монахи и возбуждали всѣхъ взяться за оружіе противъ протестантовъ. Еще большую дѣятельность обнаружили іезуиты, потому что имъ удалось даже поселить вражду между самими Бурбонами,³ и слабаго кардинала Бурбона и короля наваррскаго большими обѣщаніями *) привлечь на свою сторону; но не смотря на это, дѣла гугенотовъ были вовсе не дурны, потому что ихъ ученіе распространялось въ особенности въ средѣ низшихъ дворянъ и лучшей части населенія, такъ что число реформатскихъ общинъ тогда заходило за 2,000. Въ Нормандіи почти въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ большинство состояло изъ реформатовъ, тоже самое было въ Гвиенѣ, Лангедокѣ, Свеннахъ, въ княжествѣ Оранскомъ, въ Шампаніи, Дофинѣ и т. д. Короче, никогда во Франціи не было столько протестантовъ, какъ въ это время, и если бы дѣло дошло до войны между обѣими партіями, то борьба должна бы быть столько же кровавая, сколько и продолжительная.

Герцогъ Гизъ сдѣлалъ первое нападеніе. Вдучи съ своимъ братомъ, кардиналомъ лотарингскимъ въ Парижъ, онъ остановился со свитою въ 200 вооруженныхъ людей въ городкѣ *Васси* въ Шампаніи.

*) Папа не постыдился обѣщать титулярному королю наваррскому, что принудитъ испанскаго короля, фактическаго владѣтеля Наварры, очистить для него Наваррское королевство, если онъ приступитъ къ ихъ союзу. Если же испанскій король не согласится на очищеніе Наварры, то онъ, папа, предоставитъ ему островъ Сардинію. Подобныя обѣщанія предлагаемы были и другимъ предводителямъ протестантовъ, но были съ презрѣніемъ отвергнуты.

Было воскресенье, и реформатскіе жители Васси совершали свою молитву предъ городскими стѣнами въ одномъ сараѣ, именно въ то время, когда проѣзжалъ герцогъ. Замѣтивъ это, всадники Гизовы окружили сарай, смѣялись и ругались самымъ жестокимъ образомъ надъ находящимися тамъ, и когда реформаты на насмѣшки отвѣчали насмѣшками, употребили въ дѣло оружіе, ворвались въ импровизированную церковь, стали рубить всѣхъ безъ разбора: мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Болѣе 60 безоружныхъ гугенотовъ остались убитыми на мѣстѣ и нѣсколько сотъ было тяжело ранено, такъ что прозваніе „*рѣзня въ Васси*“, которое дали этому безчестному поступку, конечно справедливо. Однако, хотя теперь въ Васси произошло всеобщее возстаніе, чтобы уничтожить убійцъ, герцогу удалось уйти далѣе безъ всякой потери. Теперь онъ могъ себѣ представить, что не замедлятъ возстать всѣ гугеноты, и поэтому онъ, соединившись съ нѣсколькими тысячами приверженцевъ, съ возможною поспѣшностію отправился въ Парижъ, чтобы обезпечить за собой столицу государства. И это ему удалось, потому что большая часть истинно католическаго населенія Парижа была на его сторонѣ и встрѣтила его съ торжествомъ. Тотчасъ онъ перевелъ малолѣтняго короля вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ для безопасности въ Мелунъ, вооружилъ всѣхъ преданныхъ ему парижанъ, велѣлъ поджечь дома въ предмѣстіи, гдѣ собирались гугеноты, позволилъ грабить и убивать всѣхъ еретиковъ и въ заключеніе донесъ папѣ и королю испанскому о первой побѣдѣ своего оружія, требуя въ тоже время, чтобы ему прислана была обѣщанная по договору помощь.

Началась упорная война: ее называютъ *первою гугенотскою войною*, потому что принцъ Конде, по отпаденіи своего брата, признанный главою гугенотовъ, тотчасъ направилъ первыхъ и важнѣйшихъ членовъ своей партіи къ Орлеану, и овладѣвши этимъ городомъ 2 апр., при помощи реформатовъ, рѣшился здѣсь силъ противопоставить силу *). Немедленно

*) Для доказательства того, какіе сильные господа пристали къ протестанству, приведемъ нѣсколько именъ. Вотъ они: Колинъи, Данделотъ, Антонъ фонъ Круа, принцъ Португійскій, Францискъ Ларошъ Фуко, могущественный графъ Пуагусскій, графъ Роганъ, глава реформатовъ въ Бретани, графъ Грамонъ въ Гаскони, графъ Монтюмери изъ Нормандіи и т. п. 11 апр. всѣ они

Конде издалъ манифестъ ко всѣмъ реформатскимъ церквамъ во Франціи, которымъ приглашалъ ихъ въ возможной скорости послать опытныхъ въ войнѣ въ Орлеанъ, а также написалъ къ протестанскимъ государямъ Германіи, особенно къ курфирсту пфальцскому и къ королевѣ англійской, чтобы тѣ оказали съ своей стороны помощь. Манифестъ Конде не остался безъ послѣдствій.

Не только массы вооруженныхъ стекались къ Орлеану, но даже гугеноты овладѣвали всѣми тѣми городами, напр. Лиономъ, Руаномъ, Ла-Рошелью, Нимомъ, Греноблемъ, всего болѣе 20 городовъ, въ которыхъ было больше католиковъ, причемъ, конечно, не всегда обходилось безъ кровопролитія. Почти такой же тактикѣ слѣдовали Гизы и ихъ приверженцы. 21 апр. они пригласили всѣхъ франц. дворянъ явиться къ нимъ вооруженными, чтобы одолѣть „худыхъ христіанъ“ и заставили состоявшаго въ ихъ власти малолѣтняго короля издать эдиктъ, въ которомъ объявлялось, что во всей Франціи должна быть одна вѣра, именно римско-католическая. И они также овладѣвали всѣми городами, гдѣ протестанты составляли меньшинство, но поступали въ такихъ случаяхъ совершенно другимъ способомъ, т. е. проливали крови гораздо болѣе, чѣмъ ихъ противники, потому что держались того правила, чтобы не только „одолѣть,“ но „истребить враговъ.“ Такимъ-то образомъ началась религіозная война, превосходившая жестокостію всѣ извѣстныя религіоз. и другія войны. Грабежъ и раззореніе, убійства и поджоги—вотъ средства, которыми католики старались доставить себѣ побѣду: примѣръ употребленія такихъ средствъ къ побѣдѣ показалъ авиньонскій комендантъ, дѣйствовавшій по инструкціи папы; завоевавши 6 іюня городъ Оранъ, онъ велѣлъ всѣхъ реформатовъ, даже дѣтей, стариковъ и женщинъ предать мучительнѣйшей казни. Съ особенною жадностію бросались приверженцы Гизовъ на реформ. проповѣдниковъ, которыхъ папа приказывалъ сожигать всѣхъ безъ исключенія: Каждый воскресный и праздничный день во всѣхъ католическихъ церквахъ доказывалось, что убіеніе гугенотовъ—жертва угодная

подписали актъ союза, которымъ обязывались, не щадя имѣній и жизни, не слагать оружія до тѣхъ поръ, пока не освободятъ короля изъ рукъ Гизовъ и не возвоятъ себѣ свободу религіи.

Богу; послѣ такого объявленія, понятно, въ короткое время составила^{сь} шайка воровъ, разбойниковъ и убійцъ, чтобы, подъ покровомъ религіи, совершать всякія преступленія, внушаемыя имъ ненавистью, страстью къ грабежу и убійству. Не вдаваясь въ подробное описаніе всѣхъ ужасовъ, совершившихся въ эту войну, выставимъ болѣе крупныя изъ нихъ, напр. маршалъ С. Андре, взявши 1 авг. городъ Пуатье, въ теченіи восьми дней позволилъ его грабить и велѣлъ безъ всякаго изключенія всѣхъ реформатовъ повѣсить на оконныхъ рамахъ; въ городѣ Барѣ на Сенѣ не только перебиты были всѣ мужчины, женщины и дѣти, но и надъ ихъ трупами ругались самымъ страшнымъ образомъ; въ г. Труа, гдѣ совершалось тоже самое, королевскій прокураторъ Рале велѣлъ повѣсить собственнаго своего сына за исповѣданіе новой вѣры; въ г. Масонѣ губернаторъ С. Пуанвѣ, дворецъ котораго стоялъ подлѣ Схонскаго моста, каждый разъ, для удовольствія посѣщавшихъ его домъ, приказывалъ бросать съ моста по полдюжину пойманныхъ реформатовъ: Монтёмонъ, бывшій впослѣдствіи франц. маршаломъ, никогда не выѣзжалъ иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ палачей, и открыто хвастался, что никто больше его не казнилъ тугенотовъ; въ Провансѣ, гдѣ главнокомандующимъ былъ Соммернъ, исповѣдниковъ реформ. вѣры не только разстрѣливали, обезглавливали, вѣшали, не только побивали камнями, открывали жилы, или живыми зарывали въ землю, или съ высокихъ домовъ бросали на разставленные внизу колья, но и у живыхъ еще отнимали или выдергивали члены, разрѣзывали животъ и внутренности бросали собакамъ и свиньямъ, отсѣченными головами убитыхъ играли какъ кегельными шарами; въ тѣла живыхъ мужчинъ и женщинъ втыкали колъ, на которомъ ихъ, обнаженныхъ, до тѣхъ поръ вертѣли, пока онѣ обезумѣвъ отъ жесточайшей боли не выпускали духъ среди богохульствъ. Изъ этого краткаго перечисленія видно, что эта война жестокостію и свирѣпостію превосходитъ всѣ другія войны. И гугеноты, сначала строго соблюдавшіе военную дисциплину, наконецъ не вытерпѣли и отплачивали католикамъ тою же монетою, напр. генералъ Дюрасъ, по взятіи небольшой крѣпости Лоцеры, велѣлъ заколотъ болѣе 500 человекъ, въ числѣ которыхъ было 174 католическихъ священника, искавшихъ себѣ здѣсь спасенія; одна-

кожъ справедливость требуетъ сказать, что протестанты не совершали и десятой доли тѣхъ жестокостей, какими ознаменовали себя католики.

Цѣлый годъ такъ обр. длилась война, наконецъ на равнинѣ у Дрѣкса 10 декабря 1562 г. произошло рѣшительное сраженіе, въ которомъ Конде былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Герцогъ Гизъ послѣ этого (главнаго укрѣпленнаго мѣста) подступилъ къ Орлеану, чтобы взятіемъ этого главнаго укрѣпленнаго мѣста протестантовъ положить конецъ войнѣ, но въ полдень 18 февр. 1563 г., когда онъ хотѣлъ укрыться въ замокъ Корне, гдѣ была его главная квартира, въ него коварнымъ образомъ выстрѣлилъ одинъ протестанскій дворянинъ Жанъ Польтро де Мерай, сказавшійся дезертиромъ изъ протестанскаго лагеря, и такъ тяжело ранилъ, что отъ этой раны Гизъ 24 февр. умеръ. Потеря эта была невознагражима, и Катерина Медичи такъ это чувствовала, что немедленно рѣшилась заключить съ реформатами миръ. 7 марта начались переговоры, а 12 уже состоялся договоръ. Протестантамъ предоставлялась свобода совѣсти и позволялось открыто совершать свое богослуженіе въ предмѣстьяхъ большихъ городовъ, за исключеніемъ Париза, запрещалось только строить церкви. Такимъ образомъ тутъ не было вовсе свободы религіи, а только терпимость, объ уравненіи правъ съ католиками и рѣчи не могло быть; однакожъ католическіе прелаты, а особенно римскій первосвященникъ, въ высшей степени были недовольны такою „поблажкою нечестивымъ еретикамъ,“ какъ выразился папа, и желалъ сколько возможно скорѣе уничтожить договоръ. Эта война, хотя продолжалась только одинъ годъ, поставила Францію на край гибели. Безчисленные деревни и города были разграблены, опустошены и превращены въ пустыни. Тысячи людей, лишившись собственности, скитались какъ нищіе. Воровство, грабежъ, убійства и другія преступленія воцарились, о религіи или даже о нравственности думали уже не многіе. Коротко, состояніе Франціи было самое печальное и только продолжительный миръ могъ се исправить.

Но что думалъ о такомъ положеніи дѣлъ папа? Выгода его требовала, чтобы договоръ былъ уничтоженъ, чтобы снова началась война. Поэтому онъ отлучилъ королеву

наваррскую за то, что она противилась ввѣрить своего сына, впоследствии короля Генриха IV, исключительно католическому воспитанію и въ тоже время далъ повелѣніе испанскому инквизитору Эстинозъ, хитростію или силою, захватить находившуюся тогда въ Беарнѣ, на границѣ Испаніи, королеву вмѣстѣ съ сыномъ, чтобы препроводить ихъ обоихъ въ инквизиціонную тюрьму въ Севильѣ. Такой насильственный поступокъ былъ бы, конечно, совершенъ, если бы благоразумная королева не поостереглась и не съумѣла перехитрить генераль-инквизитора. Но если не посчастливилась эта затѣя, за то удалась другая. Именно, хитрый кардиналъ *Антинори*, который посланъ былъ папою съ тайными порученіями во Францію, въ замкѣ *Руссьонъ* у Виенны устроилъ между королевою Франціи Катериною и королевою Испаніи договоръ, въ которомъ приняли участіе знаменитый герцогъ Альба, герцогъ Савойскій, равно кардиналы Лотарингскій, Арманьякъ, Штроцы и Монлюкъ. На этомъ „тайномъ конгрессѣ“, душою котораго былъ Антинори, среди блестящихъ празднествъ, которыми хотѣли прикрыть истинную цѣль сродки, уговорились, чтобы, во 1-хъ, всѣ католики во Франціи, Испаніи и Италіи образовали одну священную лигу, или братство для охраненія славы Божіей, (*ad majorem Dei catholicaeque ecclesiae gloriae*) католич. церкви и папства; во 2-хъ, чтобы совершенно подавлена была реформація во Франціи, заглажены были прежде всего предводители гугенотовъ, и такъ или иначе уничтожены, и что всеобщее избіеніе еретиковъ—единственное средство, которое могло бы даровать Франціи продолжительный религіозный миръ *). Только окончательно уговорившись на счетъ способа дѣйствованія, обѣ королевы разстались, и разсуждающая поверхностно публика была того мнѣнія, что царственные дамы назначали себѣ свиданіе въ Руссьонѣ только для того, чтобы повеселиться и покутить.

Истинная цѣль свиданія открылась, разумѣется, не вдругъ, однакожъ у реформатовъ и тогда уже запало нѣкоторое подозрѣніе, потому что королева регентша тогда же велѣла на вер-

*) Герцогъ Альба былъ того мнѣнія, что бесполезный трудъ ловить лягушекъ (но что гораздо важнѣе упражняться въ ловѣ лососей и др.) большихъ рыбъ, такъ какъ сто тысячъ лягушекъ не стоятъ и одной головы лосося.

бовать 6 тысяч швейцарцевъ, да сверхъ того изъ перехваченныхъ писемъ явствовало, что католич. партія замышляетъ новый ударъ. Тогда и Конде, вмѣстѣ съ Колиньи, въ авг. 1567 г., пригласили своихъ храбрѣйшихъ генераловъ на тайный военный совѣтъ, на которомъ постановлено было, ни въ какомъ случаѣ не дожидаться, пока ихъ связанныхъ по рукамъ и ногамъ поведутъ на эшафотъ въ Парижъ. Гугенотамъ ясно было, что малѣйшее съ ихъ стороны промедленіе будетъ для нихъ гибельно, потому что враги превосходили ихъ числительною силою, да сверхъ того они владѣли всѣми крѣпкими пунктами Франціи. Имѣя это въ виду, военный совѣтъ опредѣлилъ 29 сентября 1567 г., чтобы предупредить враговъ, произвести возстаніе одновременно во всей Франціи. Это былъ настоящій заговоръ, и заговорщикамъ удалось не только сохранить тайну заговора до назначеннаго дня, но и захватить въ свои руки не менѣе какъ пятьдесятъ укрѣпленныхъ мѣстъ; какъ напр. Нимъ, Альба, Орлеанъ, Монтпелье и т. д. Представлялся имъ случай въ г. Мо завладѣть особою короля, но на выручку явились только что на вербованные 6 тысяч швейцарцевъ. Такимъ-то образомъ королева мать счастливо выбралась изъ Мо въ Парижъ и призвала къ оружію всѣхъ вѣрныхъ католиковъ. Сверхъ того она послала курьеровъ въ Мадридъ и Римъ, взывая о немедленной помощи, и въ самомъ дѣлѣ къ королевской арміи тотчасъ присоединилось восемь ротъ испанско-нидерландскихъ жандармовъ, и три полка пѣхоты подъ предводительствомъ герцога Арамберга, между тѣмъ какъ за ними шелъ папскій военачальникъ Людвигъ Гонзага съ 14,000 итальянцевъ и швейцарцевъ, нанятыхъ на церковные капиталы. Такому превосходству силъ не могли противостоять гугеноты, и потому Конде, оказавъ чудеса храбрости въ сраженіи при С. Дени, гдѣ нашелъ свою смерть коннетабль Монтморанси, отступилъ въ Шампань, для соединенія съ пфальцграфомъ Іоанномъ Казимиромъ, который привелъ ему изъ Германіи 6 тысячъ конныхъ и три тысячи пѣшихъ. Дѣла гугенотовъ такимъ образомъ снова поправились, тѣмъ болѣе, что итальянскіе солдаты, по соединеніи съ королевскою арміею, стали пренебрегать военною дисциплиною. Побуждаемая этимъ и, опасаясь потерпѣть почти неизбѣжное пораженіе, королева мать предложила миръ, кото-

рый 23 марта 1568 г. былъ заключенъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и миръ 1563 г. По заключеніи мира войска Конде разошлись, нѣмецкіе наемные солдаты тоже возвратились въ свое отечество.

Опять Франція получила миръ, но какой? Тотчасъ по заключеніи его разсѣялись вездѣ іезуиты и нищенствующіе монахи и открыто и громко проповѣдывали, что нѣтъ нужды держать слово, данное еретикамъ, но что каждый добрый христіанинъ обязанъ вооружиться для истребленія гугенотовъ. Возбужденные такими проповѣдями, католики во многихъ мѣстахъ дружно нападали на реформатовъ и въ теченіи апрѣля, мая и іюня перебили ихъ болѣе десяти тысячъ. Конечно, реформаты заволались, но ни судъ, ни дворъ, ни королева-регентша не слушали ихъ жалобъ. Напротивъ, легко было замѣтить, какое было намѣреніе у Екатерины Медичи, когда папа Пій V въ маѣ 1568 г. разрѣшилъ ей продать церковныя имущества, цѣнностію до трехъ милліоновъ ливровъ, за обѣщаніе употребить всѣ мѣры къ искорененію реформат. ученія. Вскорѣ регентша выступила и открыто, въ сентябрѣ обнародовала два эдикта, въ которыхъ повелѣвалось протестантамъ въ теченіе двухъ недѣль сложить съ себя всѣ должности и званія, и потомъ запрещалось подъ страхомъ смерти и конфискаціи имущества исповѣдывать во Франціи другую религію, кромѣ католической. Вслѣдствіе этого возгорѣлась *третья гугенотская война*, для которой папа, какъ и слѣдовало ожидать, опять послалъ свое вспомогат. войско, предводимое его незаконнымъ сыномъ, графомъ Сантафіоре, а гугеноты получили подкрѣпленія изъ Англій деньгами изъ Германіи солдатами. Два года военное счастье колебалось съ одной стороны на другую, наконецъ регентша увидѣла, что невозможно побѣдить протестантовъ вооруженною силою и потому 8 августа 1571 г. заключила въ Ст. Жерменѣ третій миръ, по которому протестантамъ предоставлены были гораздо большія права, именно: они получили не только свободу въ отправленіи богослуженія, не только право доступа ко всѣмъ должностямъ и званіямъ, но и ключи отъ городовъ Ла-Рошели, Монтобала, Коньяка и Ла-Шарите, въ залогъ того, что съ ними будутъ поступать честно.

Такъ казалось, что этотъ миръ будетъ проченъ, и это припи-

сывали тому обстоятельству, что король Карль IX. достигнувъ теперь 21 лѣтняго возраста, сталъ обнаруживать большее вліяніе на дѣла правленія, чѣмъ прежде. Этотъ монархъ, которому сама мать, женщина въ высшей степени подлая, внушала правила самыя безнравственныя, и въ словахъ и въ движеніяхъ такъ научился лицемѣрить и притворяться, что обманывалъ не только всѣхъ своихъ придворныхъ, но даже за-частую свою мать. Потому онъ, когда, во время переговоровъ о мирѣ, не только обошелся дружески съ гугенотскими депутатами и искренно, но даже храброму Ла-Ну, прозванному „железною рукою“ (отстрѣленную правую руку онъ замѣнилъ железною) и рыцарственному графу Телины, зятю Колины самымъ дружественнымъ образомъ высказалъ, что онъ въ интересахъ Франціи (и потому что внѣшнюю войною всего скорѣе можетъ быть остановлено возобновленіе религіозныхъ безпокойствъ внутри) станетъ помогать противъ испанскаго короля протестанскимъ Нидерландамъ, хлопотавшимъ тогда о завоеваніи себѣ свободы и въ то же время въ обезпеченіе религіознаго мира выдастъ свою сестру Маргариту за сына недавно умершаго короля наваррскаго Антона; при такомъ обхожденіи короля, въ гугенотахъ пробудилась совершенная довѣренность къ нему. Адмиралъ Колины рѣшился даже послѣдовать приглашенію короля, явился къ двору и, когда Карль IX. предъ собравшимся въ Блуа дворомъ принялъ его самымъ почетнѣйшимъ образомъ, назвалъ его вторымъ отцемъ и со слезами объявилъ, что въ жизни его не было дня прекраснѣе настоящаго, такъ какъ онъ увѣренъ, что навсегда положенъ конецъ безпокойствамъ въ его царствѣ,—Колины совершенно убѣдился, что король честно подружился съ гугенотами и навсегда отказался отъ нетерпимости свойственной папизму. И кто могъ думать иначе, особенно когда Карль сталъ дѣйствительно теперь дѣлать приготовленія къ свадьбѣ своей сестры съ Генрихомъ Наваррскимъ и въ то же время назначилъ Колины главнокомандующимъ въ предстоявшемъ походѣ противъ Испаніи?

Не много спустя, въ началѣ 1572 г., папа Пій V послалъ своего внука, или, какъ нѣкоторые думаютъ, своего сына, кардинала Александрію, къ французскому двору, съ порученіемъ уговорить короля выдать замужъ принцессу Маргариту не за

принца наваррскаго, а за короли португальскаго, это, покрайней мѣрѣ была видима: сторона миссiи кардинала, истинною же дѣлю было еще болѣе обмануть гугенотовъ на счетъ истинныхъ чувствъ короля. Въ самомъ дѣлѣ, кардиналъ прибылъ затѣмъ, чтобы напомнить королю, что пора наконецъ привести въ исполненіе давній планъ противъ еретиковъ, о которомъ говорились въ Русильонѣ. „Тайно“ король далъ свое обѣщаніе, а въ торжественной аудіенціи въ присутствіи всего двора, съ жесткостію отвергъ предложеніе папскаго легата на счетъ бракосочетанія Маргариты и даже высказалъ потомъ вдовствующей королевы наваррской, которая тогда съ своимъ сыномъ Генрихомъ, съ принцомъ Конде, съ графомъ Нассаускимъ и съ многочисленною свитою прибыла ко двору въ Блуа,—что она для него дороже папы, и если послѣдній откажетъ въ разрѣшеніи на бракъ принца Генриха съ принцессой Маргаритой по причинѣ ихъ близкаго родства, то онъ самъ поведетъ свою сестру къ вѣнцу. Такимъ то образомъ удалось королю обмануть весь свѣтъ на счетъ истинныхъ своихъ намѣреній, и особенно обмануть былъ адмиралъ Колиньи, совершенно убѣдившійся, какъ сказано выше, въ честности монарха. Конечно, въкоторые изъ единовѣрцевъ Колиньи, бывшіе въ Ла-Рошели, напоминали ему о непримиримой ненависти католиковъ къ реформатамъ, о клятвѣ королевы Екатерины уничтожить всѣхъ еретиковъ, о характерѣ короля, съ молодыхъ лѣтъ усвоившаго себѣ макиавелевскія правила, равно и о папскомъ декретѣ, въ силу котораго не слѣдовало держать слова, даннаго еретикамъ; но адмиралъ съ настойчивостію объявилъ, что уже нѣтъ никакого повода къ недовѣрчивости и подозрѣнію, потому что „Богъ явно произвелъ перемѣну въ мысляхъ короля;“ съ убѣжденіемъ Колиньи все болѣе и болѣе соглашались и гугеноты, а Карлъ IX умѣлъ поддержать въ нихъ такое убѣжденіе; онъ расположилъ даже юнаго герцога Гиза, сына убитаго Франциска Гиза, помириться съ Колиньи, не смотря на то, что партія Гизовъ его считала виновникомъ, покрайней мѣрѣ нравственнымъ, смерти стараго Гиза. Когда, такимъ образомъ, 18 августа дѣйствительно совершилась свадьба короля Генриха Наваррскаго съ принцессой Маргаритой (свадьба эта, по причинѣ послѣдовавшей 10 іюня смерти королевы Наваррской, т. е. матери

Генриха, была на нѣсколько недѣль отсрочена), то уже безразсудно было бы сомнѣваться болѣе въ благонамѣренности короля Карла. Таково было положеніе дѣлъ въ Парижѣ, какъ одинъ опрометчивый поступокъ едва не разстроилъ всѣ тайныя планы Карла. Именно, когда адмиралъ Колиньи, 22 авг. 1572 г. изъ Лувра, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ королемъ, возвращался домой, изъ окна одного дома, возлѣ котораго онъ остановился послѣдовалъ выстрѣлъ, оторвавшій у адмирала указательный палецъ на правой рукѣ и тяжело ранившій въ лѣвую. Конечно, проводники его тотчасъ вломились въ домъ, и хотя они не поймали самаго убійцу, ускокавшаго на приготовленной лошади, однакоже явно было, что на жизнь адмирала покушался не кто другой, какъ *Николай Лувьеръ де Морвертъ*, который и прежде коварнымъ образомъ убилъ искренняго друга Колиньи, и который принадлежалъ къ числу вѣрныхъ слугъ герцога Гиза. Сверхъ того домъ, откуда послѣдовалъ выстрѣлъ, принадлежалъ Виллемюру, бывшему прежде гофмейстеромъ герцога Гиза, и служилъ обыкновенно пристанищемъ его прислугѣ, когда самъ герцогъ бывалъ въ Парижѣ. По всему этому нельзя было сомнѣваться въ томъ, что виновниковъ злодѣянія надобно искать въ средѣ партіи Гизовъ, и гугеноты высказывали это довольно открыто, заявивъ въ тоже время чрезъ посредство короля Наваррскаго и принца Конде королю о своемъ желаніи оставить Парижъ, гдѣ жизнь ихъ подвергалась явной опасности. Но что же сдѣлалъ король съ своей стороны? Онъ тотчасъ призвалъ короля Наваррскаго Генриха, своего уже шурина, а равно принца Конде, съ главнѣйшими изъ гугенотовъ, прикинулъся страшно раздраженнымъ на злодѣевъ, покушавшихся на жизнь Колиньи, и далъ имъ священную клятву перевѣщать и зачинщиковъ и преступниковъ, и даже тѣхъ, кто звалъ о покушеніи, какое бы высокое положеніе ни занимали они. Чтобы придать больше вѣры своей клятвѣ, онъ всюду разослалъ гонцовъ для преслѣдованія убійцы, нарядилъ особую комиссію для изслѣдованія преступленія, велѣлъ арестовать герцога Гиза, вслѣдствіе чего послѣдній принужденъ былъ нѣкоторое время (двое сутокъ) скрываться. Не ограничившись этими мѣраами, онъ на другой день, въ сопровожденіи своей матери и своихъ обоихъ братьевъ, вмѣстѣ съ многими другими высоко-

поставленными дамами и кавалерами, посѣтилъ раненнаго адмирала, съ необыкновеннымъ участіемъ бесѣдовалъ съ нимъ, выражалъ самую глубокую скорбь о случившемся и торжественно клялся, что накажетъ злодѣевъ самымъ примѣрнымъ образомъ. Точно въ такомъ родѣ говорила и корелева мать и такимъ образомъ имъ удалось разсѣять всѣ подозрѣнія и адмирала Колиньи, и его зятя, графа Телиньи, и принца Конде, и короля Наваррскаго, и большей части гугенотовъ. Они остались съ своими спутниками въ Парижѣ, потому что съ Шартрскимъ вicedомомъ, настаивавшемъ или тотчасъ отмстить герцогу Гизу и слѣдовательно, возобновить войну съ католиками, или въ крайней мѣрѣ немедленно оставить Парижъ и собраться въ Ла-Рошели,—согласились лишь не многіе и тѣмъ вынудили его почти безъ проводниковъ выѣхать изъ Парижа, гдѣ онъ ни за что не хотѣлъ оставаться.

Не смотря на то, король увидѣлъ, что трудно было совершенно изгладить впечатлѣніе, произведенное опрометчивымъ поступкомъ Моренерта, и что многіе изъ гугенотовъ, коренныхъ жителей Парижа, естественно, должны были сдѣлаться осторожнѣе, вслѣдствіе возбужденнаго недовѣрія, и потому онъ рѣшился „поскорѣе сдѣлать то, что онъ хотѣлъ сдѣлать“, именно, исполнить теперь же обѣщаніе, данное папѣ—немедленно произвести давно предположенное повальное избіеніе гугенотовъ. Послѣ визита, сдѣланнаго Колиньи, возвратившись въ Лувръ, онъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ своею матерью, и потомъ избраннѣйшіе изъ католической партіи приглашены были на вечеръ въ Тюльерійскій садъ, для совѣщанія о приведеніи въ исполненіе королевскаго рѣшенія. Этотъ страшный трибуналъ, собравшійся тамъ ночью въ девять часовъ, составляли, кромѣ короля и его матери: герцоги Анжуйскій и Наварскій, великій пріоръ Ангулемскій, хранитель печати Бигаро, маршалъ Таваннъ и графъ Гонди-Редъ. Король раскрылъ свой планъ и за тѣмъ тотчасъ единогласно рѣшено было исполнить его безусловно. Это было рѣшеніе—*потребуется только за одинъ разъ во всей Франціи*. Относительно Парижа, наступающая ночь должна была быть ночью смерти, а между тѣмъ различнымъ окружнымъ губернаторамъ хотѣли чрезъ особыхъ гонцовъ сообщить повелѣніе, чтобы и въ провинціяхъ сдѣ-

дано было по примѣру столицы. Такъ уговорились папа и король, и потому послѣдній поклялся любимую свою вѣтвь „смертію Господа“ что „не оставитъ ни одного реформата, который бы могъ потомъ упрекнуть въ кровавомъ злодѣяннѣи, за исклеченіемъ двоихъ только, именно: короля Наваррскаго и принца Кэде, ради ихъ родства съ королевскимъ домою, и то въ такомъ случаѣ, если они обратятся въ лоно католической церкви.“ Едва только рѣшено было это, какъ стали приготовляться къ выполнению плана съ послѣдностію, таинственностію и энергіею по истинѣ изумительными. Прежде всего призванъ былъ въ замокъ герцогъ Гизъ, который послѣдніе два дня „официально скрываясь,“ и на него возложено было заправлять повальнымъ избініемъ, въ особенности ему поручено было убить Колинни, чѣмъ должна была открыться эта страшная трагедія. Герцогъ немедленно собралъ главныхъ швейцарцевъ, а равно и начальниковъ королевскихъ войскъ, и въ присутствіи короля объявилъ имъ его волю. Потомъ призвалъ перваго бургомистра Парижа, по имени Харона, и купеческаго старшину, Клавді Марцела, въ Лувръ и приказалъ имъ (также въ присутствіи короля) тотчасъ запереть все городскіе ворота и вооружить всехъ католич. гражданъ. Наконецъ съ маршаломъ Таванномъ согласились они дѣйствовать по слѣдующей программѣ: „послѣ полночи войска разставить подъ Лувромъ, а городскую милицію предъ ратушей, особымъ отрядамъ вооруженныхъ гражданъ войти по всемъ кварталамъ Парижа и католикамъ для отличія имѣть на шляпѣ бѣлый крестъ и бѣлую повязку на лѣвой рукѣ съ первымъ ударомъ въ колоколь Луврской башни, все выходившіе городскіе оцѣнить, а все дома католиковъ освѣтить зажженными смоляными факелами: солдатамъ и вооруженнымъ гражданамъ тотчасъ ворваться въ дома гугенотовъ и рубить безпощадно все, называющееся еретичествомъ.“

(Отпчаніе впрѣдъ).

НАШИ РОДИЧИ И СОСѢДИ.

Не вѣрю чести игрока,
Любви къ Россіи поляка,
Не вѣрю я француза дружбѣ,
И безкорыстной нѣмца службѣ.—

Пушкинъ.

Нашъ поэтъ жестоко и, какъ иные думаютъ, довольно метко, охарактеризовалъ этимъ четверо—стишіемъ отношенія къ намъ нашихъ родичей и сосѣдей. Но, если эта характеристика, положимъ, справедлива, то, надобно прибавить, и слишкомъ беспощадна. Не можетъ быть, чтобы между поляками не нашлось непристрастныхъ и добросовѣстныхъ людей, которые любятъ Россію, столь снисходительную и благодѣтельную къ нимъ. Изъ уваженія къ человѣческому уму и еердцу *вообще*, мы готовы утверждать, что такихъ поляковъ очень много даже въ настоящее время, послѣ неудавшихся двухъ революцій, и даже среди непрестающей работы невидимаго революціоннаго ржонда, строящаго ковы на окончательную погибель своей отчизны. Не можетъ быть, чтобы и между французами не было такихъ достойныхъ людей, на дружбу которыхъ мы могли бы положиться съ полною безопасностью. Еще менѣе можно допустить то обидное для насъ предположеніе, будто служба нѣмецкая неразлучна съ корыстолюбіемъ и исключаетъ всякое самопожертвованіе. Напротивъ, мы скорѣе можемъ похвалиться усердіемъ нѣмцевъ, которые только своею нѣмецкою аккуратностью могутъ иногда невиннымъ образомъ навлекать на себя несправедливыя упреки въ неправыхъ видахъ. Что же касается до «чести игроковъ», то, если поэтъ разумѣлъ не отъявленныхъ и презрѣнныхъ

шулеровъ, а просто «игроковъ», въ обыкновенномъ смы-
слѣ этого слова, то надобно сказать, что большинство
этихъ господъ—самые любезные, учтивые, гуманные, до-
брые, даже готовые къ пожертвованіямъ на общую пользу
люди. Однимъ словомъ: эпитафия поэта слишкомъ обо-
щаетъ взглядъ на нравы людей и обязана своимъ проис-
хожденіемъ желанію поостриться, да случайному, вѣроятно,
желчному расположенію его души. Конечно, поэтъ могъ
бы указать много недѣлимыхъ, своими къ намъ и Россіи
отношеніями подтверждающихъ истинность его сарказма,
но неумолимая логика требуетъ, чтобы мы изъ нѣсколь-
кихъ частныхъ случаевъ не выводили общаго заключенія,
и чтобы исключеній не возводили въ значеніе правила.
Дѣло не въ возможныхъ исключеніяхъ, но въ нормаль-
номъ образѣ дѣйствій и отношеній большинства, которое
мы назвали нашими родичами и сосѣдями. Будемъ на-
зывать это «большинство вообще *національностью*, и на
этотъ разъ остановимъ вниманіе на польской національ-
ности. А имѣя дѣло съ *національностью вообще*, мы у-
страняемъ отъ себя всякое подозрѣніе въ попользованіи
оскорбить чью-либо личность, и надѣемся, что никто изъ
благоразумныхъ и честныхъ людей не будетъ принимать
нашихъ словъ и мнѣній за *личную* обиду.

И такъ—«не вѣрю я любви къ Россіи поляка»??

Несчастливая Польша! несчастная сестра Россіи! За что
ты не любишь Россію? За что не любишь насъ?.. Неужели
за то, что обѣ вы: и Россія и ты, происходите отъ
однихъ и тѣхъ же родоначальниковъ, славянъ? Нагляд-
нымъ доказательствомъ едипоплеменности нашей служатъ
языки, русскій и польскій. Польскіе историки сохрани-
ли преданіе, что въ древности эти два языка были почти
тождественны, чему доказательствомъ служатъ оставшіяся
и доселѣ въ польскомъ языкѣ многія русскія слова, какъ-
то: названія королей, городовъ, рѣкъ, и проч. *). И въ
настоящее время, поляки и русскіе очень легко и скоро

*) Chrobry, Krasny staw, Ostrow, Bohorodzica, etc... Dzieje Krol.
polskiego, przez J. S. Bandke. 1820. T. I., стр. 67.

понимаютъ другъ друга, даже не учившись одинъ языку другаго. Напрасно поляки захотѣли разрознить и отчуждить свой языкъ отъ русскаго языка, принявши несвойственный себѣ латинскій алфавитъ, съ пристройкою къ нему разныхъ знаковъ для изображенія славянскихъ звуковъ, неизвѣстныхъ латинянамъ. Если бы Цицеронъ, Виргилій и Гораций увидѣли польскій текстъ, изображенный латинскими буквами, они изумились бы такому злоупотребленію своего алфавита, не умѣли бы прочесть ни одной строчки, и присвоеніе поляками латинскаго алфавита назвали бы *профанаціей* латыни. Бѣдные труженники! чтобъ изобразить одинъ славянскій звукъ щ, поляки набираютъ цѣлую фалангу латинскихъ буквъ (szcz); а для прочихъ славянскихъ звуковъ, то ломаютъ букву І, то надъ латинскими буквами, сверху и снизу, ставятъ баррикаду изъ крючковъ, точекъ и запятыхъ... Въ чему вся эта архитектура и перестройка чужихъ буквъ, когда у васъ есть свой, славянскій алфавитъ, пригодный для всѣхъ звуковъ вашего языка? Признайтесь, любезные братья, что вы это дѣлаете, и отцы ваши дѣлали изъ ненависти къ русскому языку, чтобъ написанный славянскими буквами текстъ польской рѣчи не былъ похожъ, на русскую рѣчь. Польскіе историки свидѣтельствуютъ, что древніе поляки употребляли славянскій алфавитъ, но папа Іоаннъ XIII, буллою 968 года, запретилъ имъ этотъ алфавитъ, назвавъ его *еретическимъ*, а на папскомъ соборѣ 1059 года выдумана была и пущена въ ходъ нелѣпная ложь и клевета, «же письмо то походзиць мяло одъ якѣгось кацержа Методиуса, ктуры за таконъ религій католицкей образе нагло былъ смерціо одъ Бога укараны 1).» Какъ вамъ угодно, братья, а это похоже на ребячество, которое даже не имѣетъ чести быть жалкимъ, а которое просто—смѣшно. Еще смѣшнѣе та нелюбовь (чтобъ не сказать злоба), съ какою нѣкоторые, quasi ученые; поляки хотѣли бы отказать русскому языку въ его славянскомъ происхожденіи, и по причинѣ

1) Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie słowian. Pierwotne dzieje chrześcijańskiego kościoła u słowian. Wydał W. A. Maciejowski. Pamiętnik 1. Стран. 76. 117.—(1839 года).

какихъ-нибудь десяти татарскихъ словъ, залѣзшихъ въ русскій языкъ, во время татарскаго порабоженія, называютъ цѣлый языкъ русскій монгольскимъ, а братьевъ своихъ, русскихъ, чествуютъ названіемъ какихъ-то турановъ и монголовъ. Помилосердуйте, панове, надъ самими собою! При нынѣшнемъ просвѣщеніи въ Европѣ, едва ли найдется въ ней хоть одинъ, столь услужливый вамъ невѣжда, который бы повѣрилъ такой генеалогіи, каковую вы сочиняете для единокрорной вамъ Россіи и для единоплеменнаго вамъ русскаго языка. Пожалѣйте себя и не говорите, и не пишите такихъ нелѣпостей: вѣдь васъ же осмѣютъ за это всѣ, скольконибудь развитые люди. А если вы стыдитесь *славнаго* родства славянскаго съ нами, то выдумывайте для себя какое вамъ угодно происхожденіе, только ужъ позвольте исторіи нашей оставаться неприкосновенной и не замѣняйте ее вашими баснями. Развѣ вы не замѣчаете, что на дорогѣ, поперекъ всѣмъ вашимъ генеалогическимъ сочиненіямъ, стоитъ славяно-русское племя, равно родственное и вамъ и намъ,—племя малороссійское, которое вы пробовали (хоть и безуспѣшно) ополячивать, и еще недавно, во время прошедшаго мятежа вашего, разсѣвали между нимъ ваши золотыя грамоты о вольности. Всѣми подобными продѣлками вашими вы невольно *признались* предъ всѣмъ свѣтомъ въ своемъ родствѣ съ этимъ племенемъ, а чрезъ него и въ коренномъ родствѣ со всѣми русскими. Такъ же точно и провинціальное русское нарѣчіе украинскаго племени вы хотѣли было преобразовать въ польскій языкъ, доказывая, что малороссійское нарѣчіе есть тотъ же польскій языкъ, только безъ примѣси мазурскихъ словъ, принятыхъ поляками, между тѣмъ какъ сами малороссы утверждаютъ, что ихъ провинціальное нарѣчіе есть тотъ же древне-русскій языкъ, только испорченный полонизмами, насильно навязанными имъ на шею вмѣстѣ съ бывшимъ ярмомъ польскаго владычества. Братья! опомнитесь! Общая наша родоначальница—*слава!* Другіе народы не имѣютъ такого знаменательнаго родоначалія.—А что вамъ иногда угодно бываетъ называть насъ москалями, или московитами (отъ имени столичнаго города Москвы), мы за

это не сердимся на васъ, надѣясь, что и вы не разсердитесь, если бы мы вздумали называть васъ краковяками, или варшавцами. Зовите насъ, пожалуй, даже поляками, а мы будемъ называть васъ русскими, — это все равно, вѣдь мы съ вами одна плоть и кровь. За что же вы не любите насъ?..

Неужели за разность нашихъ вѣроисповѣданій?

Плохо же вы знаете вашу собственную исторію, которая свидѣтельствуетъ, что у насъ—русскихъ и у васъ—поляковъ были одни и тѣ же апостолы: св. Андрей Первозванный, и св. Кириллъ и Меѳодій, и что вся древняя Польша первоначально исповѣдывала христіанскую вѣру, согласно апостольской проповѣди, по восточному обряду. Согласитесь по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, что христіанство перешло съ востока на западъ, а не на оборотъ, и что Иерусалимъ, въ которомъ совершилось великое таинство искупленія рода человѣческаго, важнѣе Рима. Изъ вашей собственной исторіи извѣстно также и то, что въ древней Польшѣ, гораздо раньше Мечислава I-го, восточное богослуженіе было совершаемо на славянскомъ языкѣ, а не на латинскомъ, который долго не нравился полякамъ (*nie przemawiał do polaków*) даже послѣ отторженія ихъ отъ православія и совращенія въ римское католичество 1). А начали ваши предки оставлять православіе только послѣ Мечислава I; древняя Польша примкнула къ западной р. католической Европѣ на правахъ вассальной державы въ отношеніи къ римскому (т. е. нѣмецкому) императору въ дѣлахъ свѣтскихъ и на такихъ же правахъ въ отношеніи къ римскому папѣ въ дѣлахъ духовныхъ. Читайте вашихъ историковъ, о которыхъ вы не можете сказать, чтобъ они были подкуплены „московскими рублями“,—и вы изъ добросовѣстныхъ сказаній ихъ должны убѣдиться, что имя *схизмы* неотъемлемо принадлежитъ западу, а не востоку, Польшѣ, а не Россіи. Схизматикъ—значить *отдѣлившійся*. Кто же отъ кого отдѣлился? Русскіе какъ стояли, такъ и те-

1) Pierwotne dzieje chrześcijańskiego kościoła u Słowian. Maciejowski. 1839. Стран. 70, 77, 58, 148, 149.

перь стоять въ восточномъ благочестіи, а поляки изъ восточнаго перешли въ западное, слѣдовательно—они *отдѣлились* отъ своей прародительской церкви. Вы не можете равнодушно говорить о схизмѣ, и когда сердитесь, то всегда браните насъ именемъ *схизматиковъ*, а если вы сердитесь, то вы и виновны, то вы схизматики, а не мы. Насъ скорѣе можно упрекнуть въ чрезмѣрной религіозной терпимости, чуть не въ индифферентизмѣ, нежели въ фанатизмѣ; безъ котораго никогда не существовала никакая религіозная схизма, и которымъ именно отличается вся ваша исторія, со времени принятія вашей націей римскаго католичества. Этотъ фанатизмъ и погубилъ вашу несчастную Польшу. Прочитайте исторію уніи. Русскіе епископы Подѣй и Терлецкій, а равно и несчастный Иосафать Кунцевичъ, были только орудіями въ рукахъ іезуитовъ, а вся унія, со всѣми ея кровавыми явленіями, была изобрѣтеніемъ и дѣломъ іезуитизма, погубившаго Польшу. О чемъ шло дѣло? О томъ, чтобы христіяне восточнаго исповѣданія, вромѣ Спасителя Иисуса Христа, вѣрили еще и въ римскаго папу, признавая его духовнымъ царемъ всего міра и, въ этомъ смыслѣ—намѣстникомъ Христа, который самъ о себѣ сказалъ, что Его царство не отъ міра сего. Невходя въ теологическіе споры съ римскимъ католичествомъ, мы съ братскою любовью просимъ васъ подумать о томъ: можно ли изъ царства любви, каковымъ должна быть Христова церковь, дѣлать мірское царство, вооруженное ружьями и пушками, жандармами и артиллеріей? Если Иисусъ Христосъ никого изъ грядущихъ къ нему не отгоняетъ отъ себя, то какъ же смѣетъ папство утверждать, что для христіянина нѣтъ спасенія внѣ римской церкви?!.. Св. Апостолъ спрашивалъ: кто убо есть Павелъ? Кто же ли Апполосъ? А мы, согласно съ Апостоломъ, продолжаемъ: Кто же есть папа римскій? Развѣ раздѣлился Христосъ? Развѣ папа распялся за васъ? Развѣ во имя папы вы крестились? (1 Кор. 1. 13. III. 5). Мы говоримъ это не для того, чтобы побудить васъ, любезные братья—поляки, къ возвращенію въ нѣдра общей нѣкогда нашей православной церкви,—это дѣло Божіе, кто угоденъ Богу, того Онъ призоветъ и возвратитъ,—

а обращенія въ православіе изъ корыстныхъ или политическихъ видовъ мы не одобряемъ,—нѣтъ! Мы говоримъ это единственно изъ желанія вамъ побольше безпристрастія и справедливости, — чтобы вы перестали ненавидѣть Россію за разность ея православной вѣры отъ римскаго католичества. Оставайтесь, если вамъ угодно, папистами, а мы останемся, по прежнему, восточными христіянами; только перестаньте ненавидѣть насъ такъ, какъ язычники ненавидѣли христіанъ въ первые вѣки христіанства. Трудно опредѣлить: когда больше было христіанскихъ мучениковъ, во время ли гоненія римскихъ языческихъ императоровъ на христіанство, или во время римской инквизиціи и послѣ брестской уніи... Нероны и Діоклетіаны по крайней мѣрѣ не прикрывали своего варварства лицемѣрнымъ именемъ *святости*, а инквизиція и унія, обѣ облитыя христіанскою кровью, имѣли святотатскую дерзость называться святыми: *Sacro-Sancta Inquisitio*, *Sacro-Sancta Unio*... Никто не скажетъ, чтобы мы, русскіе были виновны во всѣхъ этихъ кровопролитіяхъ... За что же вы не любите Россію?..

Не ужели за уничтоженіе польскаго королевства? Но— вы сами знаете и убѣждены въ томъ, что ваша *Польша не ужгла быть ни королевствомъ, ни республикой, а потому и сдѣлалась ничѣмъ*, вслѣдствіе неотразимаго накопленія причинъ, зависѣвшихъ отъ нея самой. Кто изъ умѣющихъ читать не знаетъ теперь того, что Польша погибла самоубійственною смертію, такъ что этотъ трупъ нельзя уже было оживить ни подъ именемъ Варшавскаго Герцогства, ни подъ именемъ Царства Польскаго? Сваливая на Россію причину своей смерти, загробное привидѣніе погибшей Польши обнаруживаетъ чрезъ то свою бессильную и жалкую зависть къ этой живой сестрѣ своей, которая не только устояла среди напора враждебныхъ силъ, стремившихся разрушить ее, подобно Польшѣ, но еще, съ Божіей помощью, побѣдила всѣхъ своихъ враговъ и оvrѣпла въ своемъ государственномъ строѣ. Завидовать не только грѣшно, но даже бесполезно, а для васъ, братья-поляки, даже вредно—потому, что ваша *зависть* благосостоянію Россіи, какъ вы сами знаете, всегда превраща-

ется въ *ненависть* къ этой могущественной славянской державѣ, которая *одна* изъ всѣхъ европейскихъ державъ всегда желала вамъ добра, если бы только вы умѣли пользоваться имъ. Отказавшись, сколько возможно, отъ зависти и злобы, вслушайтесь внимательнѣе въ слѣдующіе историческіе вопросы, предлагаемые вамъ съ искреннею братскою любовью:

Исторія Польши раздѣляется на двѣ половины. Одна половина—отъ Мечислава I-го до смерти послѣдняго Ягеллона, Сигизмунда—Августа, когда короли ея вступали на престолъ *по праву наслѣдства*; а другая — отъ смерти послѣдняго Ягеллона до окончательной смерти самой Польши, *при короляхъ избираемыхъ*. Не смотря на свѣтлыя имена королей Болеслава Великаго или Храбраго, Казимира II или Справедливаго, Казимира III Великаго, Стефана Баторія, и Іоанна Собіесскаго, одна половина исторіи Польши мрачнѣе другой, и какъ будто силится одна превзойти другую въ грустномъ и фатальномъ стремленіи къ разрушенію всякаго благосостоянія и порядка. Прескрасная часть славянскаго края, Польша, при самомъ началѣ своего политическаго развитія, измѣнила православію и славянству и, примѣнувши къ западной Европѣ, невольно приняла отъ тевтоновъ, саксовъ и фрапковъ обычаи ихъ, образъ политической жизни и законы. Такимъ образомъ, съ неестественнымъ славянству феодализмомъ, вошло въ Польшу изъ среднихъ вѣковъ и *кулачное право*, право личной мести за обиду, безъ участія законовъ (*rochwałki i odpowiedzi*), наѣзды, разбои, поединки, самоуправство аристократіи. Напримѣръ, вмѣсто законной кары за убійство человѣка, въ Польшѣ былъ установленъ платежъ за голову убитаго (*głowszczyzna*): 10 грошей за убитаго крестьянина, 15 грошей за шляхтича, и—это продолжалось даже до 1768 года!! Не смотря на такую дешевизну человѣческой головы, каждый шляхтичъ почиталъ себя равнымъ воеводѣ, а магнать—равнымъ королю; вельможи не слушали королей, духовенство нерѣдко проклидало ихъ... Скажите же по совѣсти, не правда ли, что Польша, скоро послѣ рожденія своего, уже носила въ самой себѣ сѣмя

своего разрушенія? И положи руку на сердце, отвѣчайте: не ужели въ этомъ виновна Россія?

Едва только начинала крѣпнуть въ Польшѣ королевская власть, сейчасъ подстерегали республиканскіе *сеймы* эту угрожающую своеволю ихъ опасность, и постоянно принимали самыя возмутительныя мѣры къ ослабленію благодѣтельной монархической власти. Польскіе сеймы состояли исключительно изъ дворянства и духовенства. Напрасно Сигизмундъ I-й пробовалъ два раза вводить въ сеймъ депутатовъ отъ мѣщанъ,—буйная шляхта выгнала ихъ изъ сейма, и себѣ присвоила названіе польскаго народа. А крестьяне, составлявшіе преимущественную, по своей численности, *массу народа*, въ 1496 году, въ слѣдствіе приговора піотрковскаго сейма, потеряли личную свободу, лишились права собственности надъ принадлежавшею имъ землею, были обращены въ панскихъ невольниковъ и были признаваемы за рабочій скотъ (*bydło*). Чтобы разорвать всякую связь между королемъ и этимъ несчастнымъ *народомъ*, сеймы отняли у своихъ королей право собирать войско, чеканить монету и даже употреблять при своемъ имени титулъ *господина* (*papa i dziedzica* *), а паны присвоили себѣ надъ крестьянами право жизни и смерти.

Обращаемся къ вамъ, потомки такихъ предковъ: скажите откровенно, долго ли могла Польша существовать при такомъ разстройствѣ внутренняго ея состава? И—Россія ли виновна въ этомъ?

До 1642 года всё дѣла на польскихъ сеймахъ вершилось по большинству голосовъ, хотя въ приговорахъ и была соблюдаема фраза о *«единогласномъ согласіи»*; но съ того времени сеймы начали требовать единогласныхъ рѣшеній, и почти каждый сеймъ былъ «разрывается» крикомъ какого-нибудь пьянаго шляхтича: *«не позволяемъ»*. По крайней мѣрѣ мы просимъ васъ, братья—поляки: потрудитесь сами сдѣлать разысканіе въ вашихъ хроникахъ, не ошибаемся ли мы, если скажемъ, что съ 1642 года по день

*) *Historya książąt i królów Polskich*. Teod. Wagi. Стр. 210, 211.

окончательной гибели Польши, *только два сейма* прошли спокойно и не были *разорваны*, а именно—такъ называемый *нѣмой сеймъ* 1717 года, бывший подъ вліяніемъ русскаго императора Петра Великаго, искренно желавшаго добра Польшѣ, и—другой сеймъ, такъ—называемый *миро-творительный* (расуфикаcyjny) 1736 года, хотя — надобно признаться—ни тотъ ни другой сеймъ не принесъ желаемого добра и мира больному организму Польши, зараженному гангреной фаватизма и своеволия.

Въ польскихъ сеймахъ сосредоточивалась верховная власть законодательная и правительственная; сеймъ рѣшалъ миръ и войну, возвышалъ и понижалъ налоги, издавалъ законы, и вообще устанавливалъ все, что касалось до управления Польши. А если всѣмъ и каждому извѣстно, что постановленія сеймовъ почти никогда не были утверждаемы *единогласіемъ* всѣхъ депутатовъ и, слѣдовательно, не были приводимы въ исполненіе, то неизбѣжно слѣдуетъ вопросъ: какое же было правленіе въ Польшѣ? И даже — было ли въ ней какое-нибудь правленіе?... На этотъ вопросъ уже отвѣтилъ историкъ Польши Нарушевичъ, поднося свою исторію королю польскому; вотъ — что онъ сказалъ: «трудно обманывать себя, — *мы никогда не имѣли правленія, и никогда не были счастливы*» (*). Къ этой печальной картинѣ надобно прибавить еще и то, что постоянного войска никогда въ Польшѣ не было, кромѣ придворной гвардіи, число которой, въ самое лучшее время, не превышало одной тысячи человекъ. А собиравшееся по временамъ всеобщее ополченіе (pospolite ruszenie) никогда не отличалось ни воинскою дисциплиной, ни гражданскою нравственностью и, по окончаніи войны, расходилось по домамъ, оставляя нерѣдко своихъ командировъ безъ всякихъ средствъ воспользоваться плодами завоеванія, или побѣды. Паны заводили свои *дворы*, на подобіе королевскихъ, держали свой придворный штатъ, придвор-

(*) Trudno Sobie pochlebiać, Najjaśniejszy Panie: nigdyśmy nie byli narodem Systematycznie rządny, a zatem i szczęśliwym. Tom VII. (1804) do Króla.... Стр. 8.

ныхъ воиновъ, и сами собою управлялись, презирая всякіе законы; нѣкоторые изъ нихъ шли войною даже противъ своего короля. Вся тяжесть государственныхъ податей лежала только на крестьянахъ, а шляхта ничего не платила. Скажите на милость: что такое была тогда Польша, о которой вы вздыхаете?.. И неужели Россія была виновна въ такомъ жалкомъ состояніи ея, приблизившемъ ее къ уничтоженію?..

Съ половины XVI вѣка Польша, не оглядываясь, побижала къ своей гибели:

Въ 1566 году кардиналъ Гозиусъ ввелъ въ Польшу иезуитовъ.

Въ 1569 году Польша объявила свой престолъ избираемымъ.

Въ 1596 году состоялся въ Брестѣ-Литовскомъ соборъ о церковной уніи.

Со времени сотворенія міра много было между людьми злоупотребленій самыми священными предметами, но ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться съ тѣмъ поруганіемъ божественнаго имени Господа нашего Иисуса Христа, какое сдѣлали и продолжаютъ дѣлать люди, дерзнувшіе называться *іезуитами*—e Societate Jesu (!). Прикрываясь наружностью христіанскихъ добродѣтелей и даже монашескихъ обѣтовъ, иезуиты краеугольнымъ камнемъ своего учрежденія полагаютъ неограниченное повиновеніе папѣ, и хотя цѣлю своею объявляютъ распространеніе христіанской вѣры (разумеется, римскаго исповѣданія), но эта цѣль всегда у нихъ обращается въ средство, а цѣль у нихъ другая—утверждать и распространять власть папы и своего ордена, т. е., какъ выразился мѣтко народъ въ своей пословицѣ: работать *не для Иисуса, но для хлѣба куса*. Всѣ средства къ достиженію этой цѣли, какъ бы онѣ ни были противузаконны, у нихъ считаются *позволительными*; а потому на всѣхъ поприщахъ своей дѣятельности иезуиты признаны людьми лукавыми, корыстолюбивыми, пронырливыми и вредными. Многія правительства, преимущественно р.-католическія, выгнали ихъ изъ своихъ странъ. Наконецъ даже папа Климентъ XIV, *якобы* уничтожилъ этотъ

орденъ, вредный для человѣчества,—т. е. хотя *de jure* считается этотъ орденъ уничтоженнымъ, но *de facto* продолжаетъ и теперь существовать; потому что и папство, основанное на неправдѣ, не могло бы продолжать своего существованія безъ такихъ помощниковъ. Такихъ-то всемирныхъ агентовъ папства Гозиусъ ввелъ въ Польшу на ея погибель! Іезуиты тотчасъ овладѣли въ Польшѣ воспитаніемъ юношества и повально все молодое поколѣніе Польши заразили фанатизмомъ и обскурантизмомъ. Всѣ науки были преподаваемы ими съ особенною, придуманною отъ нихъ цѣлю, напримѣръ: логикѣ учили они не для того, чтобы научить правильно мыслить, но чтобы умѣть изъ правды дѣлать неправду (*). Вмѣстѣ съ тѣмъ они завладѣли цензурою книгъ и на площадяхъ городскихъ сожигали, рукою палача, многія книги, несогласныя съ ихъ направлениемъ,—въ томъ числѣ сожгли даже святую Библию, переведенную въ Гданскѣ въ 1532 году на польскій языкъ... Продолжая такимъ образомъ *просвѣщать* несчастную Польшу, іезуиты овладѣли совѣстью всѣхъ знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ поляковъ, начиная съ короля Сигизмунда III, и постоянно задачею для жизни своихъ духовныхъ чадъ; равно и непремѣннымъ условіемъ для вѣчнаго ихъ спасенія указали имъ: истребленіе своихъ согражданъ—иновѣрцовъ (диссидентовъ), т. е. воздвигли самое упорное и кровавое междоусобіе, помогли Польшѣ поднятъ на самую себя свою самоубійственную руку... Вотъ кого ненавидѣть должны вы, несчастные поляки! Вотъ гдѣ ищите причинъ уничтоженія вашей отчизны!—

Когда всѣ прочіе престолы въ Европѣ изъ избирательныхъ обращались въ потомственно—наслѣдственные, тогда именно, какъ будто на переکورъ общему порядку вещей, урокамъ исторіи, Польша дѣйствовала на оборотъ, и на люблинскомъ сеймѣ (1569) объявила свой престолъ избирательнымъ. Имѣя не правленіе, а какой-то призракъ правленія, составленный изъ странной смѣси анархіи съ

(*) O zakładach naukowych i o Skutkach oswiaty u slowian, przez Maciejowskiego. Стран. 332, 333.

деспотизмъ , Польша не была уже похожа на королевство , но во всѣхъ актахъ тщеславно именовала себя республикой (Rzeczpospolita), а между тѣмъ — выбирала себѣ короля!! Выбирала единственно для того , *чтобы побурмить, покутить, почваниться правомъ выбора*, чтобы гордиться о коронѣ , и всегда выторговывать что-нибудь въ пользу аристократіи; при чемъ рѣдко обходилось безъ подкуповъ и безъ предательства собственной своей отчизны... Идея *республики, имѣющей короля*, оказалась на практикѣ такою уродливою , что не допускала никакой надежды на продолжительное существованіе этой несчастной державы, потому что уроды вообще не долговѣчны. Король Генрихъ Вазуа бѣжалъ съ польскаго престола. Гниный Баторій, предвидя гибель Польши, хотѣлъ—было утвердить въ ней наследственный престолъ съ предоставленіемъ королю должныхъ правъ , но не могъ сдѣлать этого, по причинѣ мятежнаго характера пановъ, неспособныхъ ни къ какому правленію и порядку. Янъ—Казиміръ еще яснѣе предвидѣлъ гибель Польши и торжественно отказался отъ правленія, сложивши съ себя корону 16-го сентября 1668 года на варшавскомъ сеймѣ. Обливаясь слезами , онъ произнесъ къ бывшимъ своимъ подданнымъ прощальную рѣчь съ такимъ пророчествомъ : «О , еслибъ я былъ живымъ пророкомъ ! Но , увы , то несомнѣнно, что безъ вѣрнаго наследства престола ваша республика будетъ раздѣлена между сосѣдними народами : Русь возьметъ себѣ Литовское Княжество; бранденбургскій курфирстъ присоединитъ къ себѣ великую Польшу и пограничныя съ Пруссіей провинціи; австрійскій домъ завладѣетъ Краковскою областью». — Когда , послѣ Яна—Казимира , избраніе въ короли пало (19 іюня 1669) на Михаила Корибута—Вишневецкаго, то онъ со слезами отказывался отъ избранія , и искренно (хотя безуспѣшно) говорилъ своимъ избирателямъ: «да мимо меня идетъ чаша сія»... Наконецъ дошло до того , что никто уже не хотѣлъ быть королемъ польскимъ и , какъ прежде , по смерти короля являлись многіе кандидаты на польскій престолъ, такъ послѣ смерти предпоследняго короля Августа III, никто уже не искалъ

себѣ этой сомнительной чести, кромѣ сына умершаго короля, да и тотъ объявилъ себя кандидатомъ не по собственному желанію, а изъ угожденія честолюбивой супруги своей.—Неужели Россія довела несчастную Польшу до того жалкого состоянія? Скажите, ради Бога, чѣмъ провинилась Россія, если Промыслу угодно было отдать третью часть Польши?

Сколько противорѣчія было между именемъ *іезуитовъ* и дѣлами ихъ, столько же — между именемъ уніи и проявленіями: не *соединеніе*, а разрывъ и междуусобъ внесла унія въ Польшу. — Территорія Польши была большая; жителей въ ней, настоящихъ поляковъ, было много; а потому умные поляки давно уже были убѣждены, что маленькому отечеству ихъ не можно существовать и соединившись съ Россіей, — если на первый разъ не всюю, то, по крайней мѣрѣ, съ тою частью сосѣдней Россіи, которая тогда называлась Вел. Литовско - русскимъ княжествомъ (*). Ягелло положилъ первое основаніе такому соединенію, а на люблинскомъ сеймѣ 1569 года, по видимому, было довершено соединеніе двухъ народовъ польскаго и русскаго, въ одно политическое тѣло. Поляки уже начали — было сообщать жителямъ присоединенныхъ областей свой безобразный образъ правленія и приучали ихъ къ польской вольности; самый языкъ русскій въ тѣхъ областяхъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе уже портился отъ смѣшенія съ польскимъ языкомъ. Оставалась пока мѣсть неприкосновенною только русская, греко-восточная вѣра, которая, составляя главную стихію русской національности, сильно напоминала этимъ областямъ о древнемъ единеніи ихъ съ московскою Русью. Поляки рѣшились ступевать и эту черту русской національности, т. е. обратить литовскую Русь восточнаго исповѣданія къ римскому исповѣданію. Средствомъ къ этому они избрали — *унію*. Встрепенулась вся литовская Русь; поднялись козаки, началась рѣзня, запылали города и села, полилась

(*) Состоявшимъ изъ нынѣшнихъ русскихъ губерній: Виленской, Ковенской Минской, Гродненской, Витебской, Могилевской, Черниговской, Киевской, Волынской и Каменецъ-подольской.

христіанская кровь!... Увольняемъ себя отъ описанія ужасовъ униі; только укажемъ вамъ, братья — поляки, на кровавыя тѣни Косинскаго, Наливайки, Павлюка, Острилицы, Данила Кушнира и на запертые православно—христіанскіе храмы, отданные поляками на откупъ жидамъ... Довольно! — Надобно имѣть безпримѣрное въ исторіи безстыдство, чтобы доказывать, будто Россія виновна въ гибели Польши. —

Неизбѣжность этой гибели, по причинѣ рѣшительной неспособности Польши существовать, была такимъ настоятельнымъ требованіемъ времени, что еще въ царствованіе Сигизмунда III молдавскій господарь *Михаилъ* задумалъ — было раздробить Польшу — съ тѣмъ, чтобы Россіи отдать Литовское княжество, Швеціи Ливонію, Австріи Браговскую область, а остальную часть присоединить къ Молдавіи. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это предпріятіе, если бы тогда не спасъ Польшу доблестный Замойскій, который, при изумительной апатіи Рѣчи Посполитой къ угрожающему ей уничтоженію, собралъ на свои счетъ войско и разбилъ Михаила. Даже султанъ турецкій понималъ, что Польша нельзя существовать больше и, въ 1770 году, предлагалъ австрійскому посланнику Тугуту раздѣлить Рѣчу-Посполитую между Австріей и Турціей. Какъ будто нарочно для того, чтобы еще болѣе усилить въ Европѣ всеобщее убѣжденіе въ необходимости уничтоженія Польши, тогдашніе поляки — конфедераты сперва объявили своего короля Станислава Августа лишеннымъ престола, а потомъ напали на него среди улицы и хотѣли — было взять его въ плѣнъ. —

При такихъ вопіющихъ признакахъ посягательства Польши на всякое безчиніе, на царубійство и даже на самоубійство, сосѣднія государства, естественно, должны были подумать, изъ чувства состраданія и самосохраненія, объ укрощеніи Польши. Вотъ — императрица австрійская *Марія-Терезія* повелѣла своимъ войскамъ занять польскую область, — староство Спижское съ солянными коями Велички и Босніи; а *Фридрихъ II*, король прусскій ввелъ свое войско въ воеводства Бульмское и Познанское.... Совер-

шился первый раздѣлъ Польши!.. При этомъ случаѣ Бѣлая Россія возвратилась отъ Польши къ прежнему своему соединенію съ Великою Россіей, и Россійская имперія (слушайте!) не взяла себѣ отъ Польши *ни одной пяди польской земли*, а только возвратила *свою Бѣлоруссію*.

Послѣ перваго раздѣла, Польша еще оставалась самобытною съ пространствомъ болѣе 10 тысячъ квадр. миль и 8-ю милліонами жителей. Наказаніе вразумило ее только на 12 лѣтъ,—съ 1775 по 1788 годъ, въ продолженіе этого времени она наслаждалась тишиною, безпримѣрною въ ея исторіи. Но дальнѣйшій срокъ благоразумія и тишины былъ не по силамъ тогдашнимъ полякамъ: вскорѣ послѣ того они разсорились между собой и распочали страшное междоусобіе за *конституцію 3-го мая*. Одна конфедерація выступала противъ другой и, безъ сомнѣнія перерѣзали бы одна другую, если бы сосѣднія державы, *по соглашенію самихъ поляковъ*, не вмѣшались въ это дѣло. Такимъ образомъ—послѣдовалъ *второй раздѣлъ Польши* при которомъ Россія также (слушайте! слушайте!) *не взяла себѣ ни одной пяди польской земли*, а только возвратила себѣ свои природныя русскія области: *волинскую, подольскую и минскую*.

И послѣ втораго раздѣла поляки, къ удивленію и къ сожалѣнію, не поняли, *кто и что* было причиною несчастія ихъ и, въ своемъ заблужденіи, считали всему виною Россію! Въ бессильной злобѣ своей, они напали на безоружныхъ русскихъ солдатъ въ ихъ квартирахъ, и зарѣзали болѣе двухъ тысячъ человекъ.... Послѣ сего, въ предсмертныхъ судорогахъ ярости, возсталъ вся Польша противъ сосѣднихъ державъ и преимущественно противъ Россіи. Кровь зарѣзанныхъ ею русскихъ воиновъ вопіяла на небо.... *Finis Poloniae*, сказалъ самъ диктаторъ Польши Косцюшко, и... эта несчастная сестра Россіи испустила послѣднее дыханіе.... — При этомъ третьемъ, окончательномъ раздѣлѣ, Россія опять—таки (слушайте! слушайте! слушайте!) *не прикоснулась къ родовитой польской землѣ*, а возвратила себѣ отъ Польши свои древнія области *литовскую и гродненскую*, да къ нимъ присоединила

еще Бурляндію, которая никогда не составляла существенной части Рѣчи-Посполитой, а зависѣла только отъ нея на ленномъ правѣ. Напрасно вы, поляки, называете «*забранными краями*» тѣ русскія коренныя провинціи, которыя, по троекратномъ раздѣлѣ Польши, возвратились изъ—подъ польскаго ига къ прежнему своему соединенію съ Великою Россіей: это—*возвращенный край*, а не «забранный»; это—коренная, древняя Русь, случайно, во время татарскаго погрома, подпавшая власти литовскихъ князей, и потомъ, съ своими князьями, попавшая въ союзъ съ Рѣчью-Посполитою, которая не умѣла дорожить этимъ союзомъ и безпримѣрно угнетала бѣдную Русь. Жители этихъ русскихъ областей, возвратившись въ давно-желанное ими соединеніе съ единокровною себѣ Россіей, благословляли и доселѣ благословляютъ свою судьбу. За что же вы не любите насъ? Неужели за это?.. Но мы еще разъ повторяемъ вамъ, что при всѣхъ трехъ раздѣлахъ вашей Польши Россія не взяла себѣ *ни одной пяди польской земли!* Вся польская земля была тогда раздѣлена между нѣмцами и ваша столица Варшава досталась тогда пруссакамъ.

Если бы Варшава доселѣ находилась во власти нѣмцовъ, какъ была послѣ послѣдняго раздѣла до учрежденія эфемернаго Варшавскаго герцогства, то на свѣтѣ уже давно бы не было поляковъ; всѣ они уже превратились бы въ нѣмцовъ, и всѣ эти паны Заржембскіе и Пршибильскіе давно бы съ гордостью назывались *фонз-Зарембергими* и *фонз-Пршибильгофами*. Но—Наполеону I-му, при его непрестанныхъ войнахъ, нужно было учредить между поляками постоянное депо рекрутъ для комплектованія своей арміи; вотъ онъ, изъ отнятыхъ имъ у Пруссіи и Австріи польскихъ провинцій, и устроилъ такое депо подъ именемъ *Варшавскаго герцогства*. Надежды поляковъ воскресли! Мечты разыгрались! И они смотрѣли на Наполеона, какъ на будущаго возстановителя всей бывшей ихъ Рѣчи Посполитой.—Напрасныя надежды!...

Съ паденіемъ Наполеона, пало и Варшавское герцогство.—Наступила рѣшительная для поляковъ минута: *быть или не быть?!!* Божіей волею, Александръ Благословен-

ный сказалъ на вѣнскомъ конгрессѣ: *быть*,—и явилось Царство Польское, съ своимъ собственнымъ благоустроеннымъ войско́мъ, съ арсеналомъ, съ сенатомъ, университетомъ, съ казначействомъ полнымъ денегъ, и съ прочими принадлежностями благоустроеннаго парства.—*Неужели вы, поляки, за это не любите Россію??* Вы же сами называли нашего Благословеннаго «*Воскресителя Польши!*

Десятилѣтнее существованіе Царства Польскаго подъ правленіемъ всероссійскаго императора Александра I-го было самымъ счастливымъ, безпримѣрно - счастливейшимъ временемъ во всей польской исторіи. Ну, почему бы вамъ, братья—поляки, не продолжать такъ жить, какъ жили въ эти десять лѣтъ?.. Нѣтъ! вамъ захотѣлось чего-то лучшаго, мечтательнаго и несбыточнаго. Вы забыли, что *le mieux est l'ennemi du bien*, и—давай бунтовать противъ благодѣтельной вамъ Россіи!.... Вамъ никто и ничѣмъ не можетъ угодить; сколько вамъ ни давай, вамъ все кажется мало; вамъ не угодила даже и автономія, дарованная вамъ во время управленія Царствомъ маркиза Велепольскаго.. Не будемъ разстраивать вашихъ, несчастные братья, горячихъ ранъ воспоминаніемъ о вашихъ революціяхъ противъ русскаго правительства... Вы безотвѣтны предъ судомъ исторіи и потомства, такъ точно какъ безотвѣтны и на слѣдующій вопросъ: *за что вы не любите Россію?!*

Г. Нѣживъ.

IV.

ЗАПИСКИ ВОЛОСТНАГО ПИСАРЯ *).

Прибывъ изъ внутреннихъ великороссійскихъ губерній на службу въ сѣверо-западный край, я посланъ былъ на должность волостнаго писаря въ м. С—ву, ...скаго уѣзда. Приѣздъ мой и назначеніе меня на должность совпало съ тѣмъ временемъ, когда энергическія мѣры, бывшаго тогда начальника края уже сильно охладили кипящую кровь польскихъ патріотовъ и, слѣдовательно, когда, вопреки всѣмъ опасеніямъ моихъ родныхъ и знакомыхъ, жизни и личности моей вообще не угрожала никакая опасность. Но все таки, уѣхать за тысячу верстъ отъ родины, почти лишиться надежды когда нибудь опять увидѣть ее и поступить на незавидную должность волостнаго писаря, мнѣ было очень и очень тяжело; но когда я увидѣлъ себя въ кругу людей не только мирныхъ, но даже уже черезъ чуръ запуганныхъ и забытыхъ, когда я узналъ, что мнѣ пришлось имѣть дѣло не съ польскими патріотами, а съ простыми людьми, не измѣнявшими Россіи, сердце мое успокоилось.

Съ замираніемъ сердца взглянулъ я на новое мѣсто моего жительства; когда пара еврейскихъ лошадокъ притащила меня къ крылечку волостнаго правленія. Съ сильнымъ душевнымъ волненіемъ переступилъ я порогъ новаго, непривлекательнаго моего жилища; съ невольнымъ страхомъ встрѣтился я съ тѣми лицами, отъ милости которыхъ зависѣло мое благополучіе. Мнѣ показалось, что и тѣ то лица встрѣтили мою особу съ непонятными для меня въ то

*) Волостные писаря, по своей близости къ народу, могли бы при всей скромности своей профессіи, подарить нашу прессу «весьма интересными наблюденіями.»

время чувствами не то сомнѣнія, не то опасенія. Впрочемъ, въ это время въ волостномъ правленіи собственно было одно лицо, которое встрѣтило меня съ неподдѣльнымъ испугомъ. Да, помню тебя, мой незабвенный предмѣстникъ, панъ В—ичъ! когда руки твои принимали отъ меня роковой сѣрый полулистикъ мирового посредника. . .

Въ мірѣ житейскихъ суетъ все смѣняется одно другимъ: радость смѣняется слезами, слезы радостію. Зналъ я это твердо на— твердо и, заручившись этою опытною истиною, сталъ утѣшать себя: что бываетъ съ другими, будетъ и со мною; послуживъ немного, я забуду первыя непріятныя впечатлѣнія, привыкну къ своему положенію и, Богъ дастъ, все пойдетъ хорошо. Новыя лица, неизвѣстныя мнѣ обычаи и нравы жителей этого края давали поводъ молодому воображенію моему рисовать въ будущемъ пріятныя и утѣшительныя картины; но не такъ вышло: восемь мѣсяцевъ службы волостнымъ писаремъ было такимъ тяжелымъ для меня временемъ, которое нести еще разъ въ жизни я бы ни за какія блага не рѣшился.

Какъ ни странно, а приходится начать рассказъ свой съ погоды, потому что она имѣла огромное вліяніе и на мое здоровье, и душевное настроеніе. И такъ, въ первые дни моего служенія писаремъ, погода стояла самая непріятная и скучная; это были обманчивыя первыя числа апрѣля мѣсяца. Какъ быть, чѣмъ заниматься въ свободное время отъ службы? О книгахъ нечего и говорить, такъ какъ ихъ не имѣлось ни у кого изъ обывателей мѣстечка, исключая, конечно, книгъ въ родѣ польскихъ молитвенниковъ, катихизисовъ, или букварей. Нужно было завести знакомство, но съ кѣмъ? Ближе не было ко мнѣ человѣка по мѣсту жительства, какъ мой предмѣстникъ В—ичъ. Онъ одинъ только могъ бы сколько нибудь помочь коротать время, которое подвигалось впередъ невыносимо лѣново. В—ичъ не отказался быть моимъ знакомымъ, онъ даже самъ заискивалъ моего знакомства.

Наружность В—ича очень обыкновенная; зачесывалъ волосы онъ по извѣстной причинѣ съ затылка и висковъ на макушку, хотя ему лѣтъ было и не много. Лицо полное, глаза маленькіе, блестящіе и какъ будто масляные; В—ичъ носилъ огромные длинныя усы, что придавало его лицу нѣчто воинственное. Самъ про себя онъ рассказывалъ, что онъ трусъ; сильно побаивался начальства,

въ особенности когда-то бывшего мировымъ посредникомъ нѣкоего В—каго ; но я ему не вѣрилъ : онъ только остороженъ и хитръ. Одежда В—ича изъ домашняго сѣраго сукна , сапоги съ длинными голенищами и въ придачу шапка изъ сѣрыхъ барашковъ, говорилъ В—ичъ всегда тихо, мягко, сквозь зубы и часто употреблялъ въ разговорахъ предлогъ *съ*, неизвѣстно отъ чего усвоенный инъ. В—ичъ, съ своей точки зрѣнія, понималъ свое дѣло очень хорошо и исполнялъ писарскія обязанности усердно. Каждая дѣловая бумажка, побывавшая въ его рукахъ была аккуратно принята къ прочимъ бумагамъ. Поруески писалъ онъ не совсѣмъ правильно. Онъ также не много музыкантъ: умѣлъ играть на скрипкѣ, предлагалъ и инѣ пользоваться своимъ инструментомъ. Кромѣ этого инѣ не отказывалъ въ самоварѣ, даже самъ часто напоминалъ о немъ, когда наступало время чаепитія ; но почти всегда отказывался выпить со мною стаканъ чаю. О происхожденіи своемъ В—ичъ говорилъ, что онъ дворянинъ, только, за потерю документовъ на дворянство, герольдіей не утвержденъ въ этомъ почетномъ званіи ; говорилъ еще, что онъ обучался въ гимназіи, но не кончилъ курса.

Жена В—ича, хотя говорятъ, что онъ женился по любви, была очень дурна собою. Отличалась живымъ характеромъ, питала необыкновенную страсть къ сплетнямъ и держала мужа своего въ строгомъ повиновеніи. Почтенный мужъ сильно ея боялся ; онъ ничего не смѣлъ дѣлать безъ ея позволенія, а во многихъ даже случаяхъ онъ не рѣшился бы и просить позволенія. Такъ, когда бывало кто нибудь позоветъ его въ корчму за весьма понятнымъ дѣломъ (В—ичъ былъ не безъ грѣха), онъ долженъ былъ вслѣдствіи хитрить, чтобы скрыть свое намѣреніе отъ зоркихъ глазъ своей супруги. Къ его ли благополучію или несчастью, только корчма находилась подъ самыми окнами волостнаго правленія ; чтобы побывать въ корчмѣ, онъ, бывало, идетъ въ совершенно противоположную отъ нея сторону, потомъ осторожно, разными закоулками, пробрается къ ней и заходитъ въ кортму задними воротами. Но и послѣ такихъ хитрыхъ предосторожностей, походы В—ича рѣдко оставались тайною для его жены, а потому и безъ должнаго возмездія. Впрочемъ В—ича я никогда не видалъ сильно пьянымъ.

Къ біографіи жены В—ича можно еще прибавить, что, за ея сплетни и сварливость, сосѣди и сосѣдки ея не любили ;

а частія перебранки изъ за пустяковъ съ старухою—женою сторожа, ясно говорили, что она не могла жить безъ брани и сплетней. За дѣтьми она мало смотрѣла, мало заботилась объ ихъ чистотѣ и опрятности. Наконецъ дома и сама любила подѣ часъ выпить горькаго, но корчмы не посѣщала: крестьяне обзаны были приносить ей на домъ.

Такъ вотъ съ какими личностями я прежде всего имѣлъ несчастіе познакомиться.

— Вы все скучаете, г. П.? обращался обыкновенно ко мнѣ В—ичъ, появляясь въ моей комнатѣ.

— Да, г. В—ичъ, мнѣ скучно. Увѣренъ, что и вамъ не весело: мое неожиданное появленіе на вашемъ мѣстѣ, чувствую, очень непріятно вамъ.

— Что же дѣлать-съ? ни вы, ни я тому не причиною... Если бы васъ на мое мѣсто не прислали, другаго бы прислали; мнѣ все равно—больше не служить.

Послѣ такого отвѣта, г. В—ичъ держить бывало рѣчь къ отсутствующимъ мятежникамъ, какъ виновникамъ его несчастія, ублажая ихъ разными энергическими наименованіями.

Однако, отзываясь неласкаво о мятежникахъ, почти безъ повода къ тому съ моей стороны, на болѣе подробные вопросы о мятежѣ, какъ напримѣръ: кто изъ пановъ больше принималъ въ немъ участія, дѣйствовалъ и побуждалъ къ мятежу, В—ичъ отказывался отвѣчать подѣ благовиднымъ предлогомъ не знанія. Спросишь бывало его: за что такой-то ксендзь арестованъ, за что имѣніе такого-то помѣщика секвестровано или конфисковано, за что штрафована такая-то пани, В—ичъ отвѣчалъ общими мѣстами: говорить за то, что допустилъ пѣніе возмутительныхъ гимновъ въ костелѣ, а вѣрно не знаю; говорятъ, что доставлялъ провизію мятежникамъ, да многіе увѣряютъ, что это не правда; говорятъ за то, что носила трауръ, пѣла гимны въ костелѣ, но я не видалъ ее въ траурѣ, не слышалъ ея пѣнія. Такъ отдѣльвался В—ичъ. Быть можетъ онъ и не принималъ въ мятежѣ фактическаго участія, но быть можетъ что онъ сочувствовалъ мятежникамъ, нѣкоторые же изъ его родственниковъ открыто принадлежали къ мятежу и взяты въ плѣнъ, по разбитіи шаякъ русскими войсками.

О крестьянахъ В—ичъ отзывался также не дружелюбно: «Этотъ грубый, необразованный, неблагодарный народъ! вопіалъ онъ. За-

впечатлительно, что отзываясь такъ о крестьянахъ за глаза, въ глаза онъ льстилъ имъ и при томъ безъ всякаго къ тому повода и основанія. Вообще В—ичъ человекъ ловкій и практичный. Крестьяне рассказывали, что онъ, до поступленія на должность писаря, промышляя обученіемъ крестьянскихъ дѣтей польской грамотѣ, былъ голъ какъ соколъ, когда же сдѣлался волостнымъ писаремъ, въ короткое время успѣлъ прилично устроиться, обзавестись и коровами и другими животными. Такое счастье, при очень ограниченномъ жалованьи, можетъ быть объяснено только умѣньемъ служить. За то многіе изъ крестьянъ были просто безъ души отъ угодливости В—ича: онъ и прошенія имъ строчилъ, и волостные порядки превосходно велъ, да и не брезгалъ выпить съ ними. Комната его постоянно была набита крестьянами: о чемъ они тамъ совѣщались, одному Богу извѣстно.

Какъ-то, въ самомъ началѣ моей службы, проѣзжалъ чрезъ м. С—ву одинъ изъ чиновниковъ и остановился у ксендза. Въ С—вѣ ему нужно было переѣздить лошадей и сторожъ отправился за ними въ деревню. Только проходитъ часъ, проходитъ другой и третій, наступаетъ и вечеръ, а лошадей все нѣтъ, да нѣтъ.

Синкевичъ! (фамилія сторожа) скоро ли лошади придутъ? неоднократно спрашивалъ я сторожа.—«Не вѣдаю», неоднократно, отвѣчалъ мнѣ сторожъ. Иди опять за лошадьми,—и Синкевичъ опять пойдетъ. Однакожъ путешествія Синкевича были безуспѣшны: лошадей все нѣтъ, а ночь на дворѣ; чиновникъ, не обращая ни на что вниманія, требуетъ лошадей. Наконецъ вижу, что мнѣ самому приходится идти въ деревню за лошадьми и проводить поскорѣе разгнѣвавашагося чиновника, и пошелъ я вмѣстѣ со сторожемъ; общими усиліями достали лошадей. Возвращаясь домой, сторожъ обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Вамъ извѣстно, что крестьяне хотятъ подать на васъ прошеніе мировому посреднику?

— Нѣтъ не слыхалъ.

— В—ичъ ужъ и прошеніе имъ приготовилъ.

— Чтожъ онъ писалъ въ прошеніи?

— То, что крестьянѣ не хотятъ имѣть васъ писаремъ;—для нихъ любъ прежній.

— Если меня крестьяне хотятъ смѣнить, В—ичу все таки не

придется занять мое мѣсто; потому что другаго русскаго пришлеть, добавилъ я Синкевичу.

— Хвала Богу! воскликнулъ сторожъ.

— Чтожъ, развѣ не хорошъ былъ для тебя Б—ичъ?

— Еслибъ вы, паничъ, знали, сколько зла дѣлаеть мнѣ этотъ панъ Б—ичъ, какъ зла его жена, то поняли бы, какъ я съ моею старухой радъ, что намъ прислали русскаго писаря!.. Не дай Боже, чтобы тебя отъ насъ отняли!

— Не безпокойся, Синкевичъ, просьбу крестьянъ въ этомъ случаѣ посредникъ не уважить.

— Вотъ что еще, паничъ! крестьяне говорятъ: если посредникъ не разберетъ нашей просьбы, мы подадимъ и губернатору, а все таки настоимъ, что его не будетъ.

— Я сказалъ тебѣ: если меня не будетъ, вѣдь и Б—ича не будетъ,—русскаго опять пришлеть.

Старикъ какъ будто успокоился.

Синкевичъ былъ крѣпостнымъ, помѣщикъ хотѣлъ сдать его въ рекруты, но онъ избавился отъ рекрутчины тѣмъ, что у него не было на правой рукѣ двухъ пальцевъ. Въ свое время онъ былъ веселый, развеселый *хлопецъ* и пьяница; но однажды зимою, хвативъ черезъ чуръ, онъ едва не замерзъ въ полѣ и съ тѣхъ поръ пересталъ навсегда пить водку. Когда то онъ былъ высокій стройный дѣтина, а теперь сталъ сгорбленный, беззубый семидесятилѣтній старецъ. Отъ всего прежняго Синкевича осталось только то, что онъ подъ часъ пошутить, подъ часъ затанецъ какую нибудь русскую пѣсню,—запоеть хорошо, весело, непринужденно, вспоминая свою молодость, а кончить грустно и многозначительными словами: «О! когда-то я былъ!»

Извѣстie, сообщенное сторожемъ, не показало мнѣ новость: я былъ увѣренъ, что не обойдется безъ интриги и происковъ. Всѣ крестьяне С—ской волости—римско-католики и, естественно, послѣ фанатической пропаганды, не могли сразу почувствовать довѣрiя къ русскому человѣку, я долженъ быть безъ вины виноватъ. Я понималъ, что прошенiе крестьянъ останется безъ успѣха, потому что всѣмъ извѣстно, что писарей поляковъ вѣдѣно удалять отъ должности. При томъ, какую уважительную причину могъ выставить Б—ичъ въ прошенiи крестьянъ за что бы слѣдовало меня отставить? Я сознавалъ, что поведенiе мое было безупречно, что

канцелярскій порядокъ вель я исправно; а что крестьянамъ нравился Б—ичъ, а не я, эта причина мнѣ казалась слишкомъ недостаточною къ увольненію меня.

Тѣмъ не менѣе извѣстіе сторожа нѣсколько меня огорчило; я досадовалъ не столько на Б—ича, сколько на самого себя; я раскаивался даже и въ томъ, что поѣхалъ въ этотъ край на службу.

Однако, едва прошло первое впечатлѣніе, какъ я одумался и на другой же день, послѣ разговора со сторожемъ, я даже виду не подавъ Б—ичу, что знаю его замыслы; мои наружныя отношенія къ нему ни сколько не измѣнились.

Все это происходило передъ самымъ праздникомъ Пасхи.

Первые дни этого праздника я провелъ въ Вильнѣ. Какъ встрѣтилъ и проводилъ я праздникъ, объ этомъ говорить много не стоитъ. Изъ нѣсколькихъ рублей, которые имѣлъ я, ко времени возвращенія изъ Вильны въ С—ву у меня осталось нѣсколько лишь копѣекъ, на которыя нужно было жить болѣе мѣсяца до полученія жалованья. Такія стѣснительныя обстоятельства невольно вызвали въ моемъ духѣ самыя мрачныя размышленія: въ головѣ моей возникалъ страшный вопросъ: чѣмъ буду я существовать, если меня, по просьбѣ крестьянъ, лишатъ и писарской должности? Къ счастью, дѣло мое приняло благополучный для меня исходъ.—Возвращаясь изъ Вильны, я заѣхалъ въ мировому посреднику узнать, не будетъ ли отъ него какихъ бумагъ или распоряженій. Вхожу въ переднюю, которая исправляла въ тоже время и должность канцеляріи посредника; посредникъ сидитъ на диванѣ, куритъ и читаетъ какую-то бумагу; передъ нимъ стоитъ С—скій старшина.

— Имѣю честь...

— Добро пожаловать, перебилъ меня посредникъ... Послушайте, началъ опять онъ, — вотъ вы не успѣли поступить на должность, а крестьяне ужъ жалобы подаютъ на васъ... Такъ не годится служить! Вы обязаны жить согласно съ крестьянами, они вѣдь вамъ за труды платятъ, сколько вы получаете съ нихъ?

— Сто рублей и четыре четверти ржи. Позвольте узнать: за что же жалуются на меня крестьяне?

Прочитай.

При этихъ словахъ посредникъ передалъ мнѣ прошеніе крестьянъ и тетрадку, содержаніе которой сейчасъ я объясню. Крестьянамъ выдавались изъ казначейства окладные листы съ обозна-

ченіемъ количества оброка, слѣдующаго во взносу съ каждаго сельскаго общества въ пользу помѣщиковъ; а затѣмъ крестьяне сами должны были дѣлать раскладку, по сколько оброка приходилось на каждаго хозяина, пользующагося надѣломъ земли. Эта тетрадка и содержала въ себѣ сказанную раскладку оброка, когда каждому изъ нихъ нужно было записывать въ выданныя имъ книжки взносимую повинность, и, для ускоренія дѣла и по другимъ соображеніямъ, на этой тетрадѣ ставилъ мѣтку изъ маленькаго креста противъ тѣхъ, кто уплатилъ оброкъ, ни чуть не подозревая, что изъ за этихъ крестиковъ можетъ выйти непріятность. Прочиталъ я прошеніе, осмотрѣлъ и тетрадь. Прошеніе состояло въ томъ, что вотъ мы де крестьяне, вѣрные своему правительству и послушные властямъ, желаемъ, что бы у насъ былъ писаремъ опять Б—ичъ, а назначеннаго вновь, т. е. меня, мы не хотимъ, такъ какъ онъ порядковъ нашихъ не знаетъ. Почему и просимъ в. в—діе сдѣлать свое начальниче распоряженіе по сему предмету. За тѣмъ слѣдуютъ подписи человѣкъ семидесяти крестьянъ, изъ коихъ многіе, быть можетъ, и не думали подавать на меня прошеніе. Нечего говорить, что сочинялъ и переписывалъ даже прошеніе мой предшественникъ Б—ичъ, по всей вѣроятности, не предполагавшій что мнѣ придется его сочиненіе читать у посредника и даже встрѣтиться тамъ глазъ на глазъ съ старшиною.

— Ну, что же ты скажешь на это? обратился ко мнѣ посредникъ, когда замѣтилъ, что я кончилъ читать прошеніе.

— Прошеніе это сочинялъ и переписывалъ Б—ичъ: я хорошо знаю, какъ онъ сочиняетъ и переписываетъ. Также знаю, и то, что онъ же и научилъ крестьянъ подать на меня прошеніе.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до того, кто писалъ и переписывалъ прошеніе,—вопросъ въ томъ: зачѣмъ вы испачкали нужную и важную бумагу? Посредникъ началъ горячиться.

— Я не вижу, чтобъ эта бумага на столько была неприкосновенной, чтобы я могъ отвѣчать за сдѣланныя мною на ней, едва замѣтныя и для меня нужныя, помѣтки. Позвольте вамъ доложить; что тетрадь эта ни кѣмъ даже не скрѣплена, стало быть я могу переписать ее, если это только нужно или вамъ угодно.

Посредникъ недоувѣрчиво осмотрѣлъ тетрадь, покачалъ головою, потомъ съ ногъ до головы осмотрѣлъ меня, наконецъ старшину, который безмолствовалъ какъ рыба, изрѣдка только почесы-

валъ затылокъ и откашливался осторожно въ кулакъ; наконецъ посредникъ улыбнулся и сказалъ.

И въ самомъ дѣлѣ, старшина, бумага-то неважная,—изъ чего же ты съ крестьянами поднимаешь такую тревогу? Меня только напрасно отрываете отъ дѣла и писаря своего хотите очернить напрасно. Онъ не маленькій,—посредникъ указалъ на меня,—чтобы не понималъ своего дѣла... а когда подольше послужить, вы увидите, что онъ лучше стараго вашего писаря. Только вотъ что, старшина! скажи крестьянамъ, чтобъ они жалованья—то ему прибавили... сто рублей маловато.

— Я, баринъ, постараюсь.

Старшина, съ согласія самаго посредника, называлъ его баринкомъ потому, что многіе изъ крестьянъ, объясняясь съ нимъ величали его и сіятельствомъ, и превосходительствомъ.

— Ну то-то, постарайся. Да смотри, чтобы впередъ подобныхъ прошеній я не видалъ!— А тому писарю скажи, чтобы онъ квартиру себѣ искалъ, ему давно пора оставить волостное правленіе. Слышишь?

— Слушаю, баринъ!... Я не виноватъ, что крестьяне подали прошеніе; я давно имъ говорилъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, сколько бы они не просили.

— Ты вѣдь слышалъ распоряженіе начальства, чтобы поляковъ писарями не держать: они только мутятъ крестьянъ.

— Слушаю, баринъ! А крестьянамъ что сказать? Вѣдь они послали меня съ прошеніемъ.

Крестьянамъ я бумагу напишу. Теперь идите съ Богомъ, да живите ладно, не ссорьтесь. А вы, молодой человекъ дѣла ведите такъ, чтобъ и вамъ и другимъ было хорошо.

Нечего говорить, что эта сцена у посредника была далеко мнѣ не по душѣ. Я съ трудомъ могъ удержаться, чтобы не заплакать, а скрывалъ слезы потому, что мнѣ казалось стыдно плакать при свидѣтеляхъ. Всю дорогу отъ Вильны до С—вы я ѣхалъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Кромѣ служебныхъ непріятностей, сама природа располагала меня къ безсознательной, но глубокой тоскѣ. Случно было ѣхать по пустынной, каменистой дорогѣ. Свинцовое небо, порывистый вѣтеръ, однообразный цвѣтъ сосенъ и елей, иногда ветхія хатки возлѣ дороги,—все это такъ тоскливо смотрѣло мнѣ въ глаза, что просто плачь—да и только.

Подъ конецъ дороги, когда горе мое не много поутихло, я стараясь разговориться съ крестьяниномъ, который везъ меня.

- Паничу скучно, началъ крестьянинъ.
- Отъ чего же быть веселому? спросилъ его въ свою очередь.
- Извѣстное дѣло, когда паничъ одинъ, а то все чужіе.
- Скажи, пожалуйста, перебилъ я его; — ты знаешь, что на меня крестьяне подали прошеніе?
- Слышалъ, да не знаю о чемъ они тамъ писали.
- Ты изъ какой деревни?
- Изъ М—шекъ.
- А имя твое?
- Винцентій Томашевичъ.
- Ты подписывался подъ прошеніемъ?
- Нѣтъ, я не подписывался, а должно быть сами подписали.
- Кто сами?
- Извѣстное дѣло кто, они? Б—ичъ и крестьяне.
- А ктожъ научилъ крестьянъ подать на меня прошеніе, — вѣрно, Б—ичъ?

— Извѣстное дѣло онъ, ктожъ больше?.. Я тогда быль, когда крестьяне говорили, что вотъ молъ молодой писарь порядковъ нашихъ не знаетъ и съ нами не хочетъ знаться. И Б—ичъ тоже самое говорилъ, а тотъ крестьянинъ, которому паничъ сказалъ, чтобы онъ въ канцелярїи трубки не курить, да въ шапкѣ не сидѣлъ, первый подхватилъ, что намъ не нужно такого писаря... Ну и присудили всѣ: писать, такъ писать!

— Ты былъ тогда въ волостномъ правленїи, когда я сказалъ тому крестьянину, чтобы онъ не курить трубки и не сидѣлъ въ шапкѣ въ волостномъ правленїи?

— Былъ, я оброкъ тогда приносилъ.

— А если бы ты случился на мѣстѣ того крестьянина, обидѣлся ли бы, если бы тебѣ сказали, что тутъ не мѣсто курить трубку и не годится сидѣть въ шапкѣ?

— Извѣстное дѣло, когда паничъ сказалъ, то нужно слушать.

— Я объяснилъ Томашевичу, съ какимъ уваженіемъ они должны относиться къ мѣсту ихъ судилища, и Томашевичъ не пренинулъ и на этотъ разъ вполне со мною согласился.

Нельзя тутъ не замѣтить объ одной общей чертѣ крестьянъ этого края, чертѣ, какъ мнѣ кажется весьма знаменательной. Здѣ-

нѣ крестьянинъ повидимому, всегда соглашается съ мнѣніемъ лица, которое имѣетъ надъ нимъ власть или стоитъ выше его въ умственномъ развитіи. Онъ никогда не станетъ противорѣчить, но за то и на самомъ дѣлѣ убѣдить его въ чемъ нибудь маломальски выходящемъ изъ круга его понятій почти невозможно. «А такъ, пане! Разумѣю, пане!» Вотъ всѣ его отвѣты на самые убѣдительные и на самые очевидные доводы. Слыхалъ я отъ одного духовнаго лица про одинъ случай, бывшій въ Жировицахъ еще во времена уни. Въ первый день Пасхи на литургіи читали евангеліе нѣсколько священниковъ, на разныхъ языкахъ, между прочимъ, и на еврейскомъ языкѣ. Читавшій на этомъ языкѣ привлекъ всеобщее вниманіе стоящихъ въ церкви, такъ что его плотно окружили слушатели—крестьяне. Въ промежуткѣ чтенія, читавшій священникъ замѣтилъ между слушателями его окружающимъ—крестьянина, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдившаго за чтеніемъ, и спросилъ у него: повялъ ли онъ, что сейчасъ читалось?—«А яже, пане! повялъ»,—отвѣтилъ простодушно крестьянинъ.

И Томашевичъ не былъ исключеніемъ изъ общаго правила: онъ во всемъ соглашался, но едва ли чему нибудь вѣрилъ. Съ такимъ собесѣдникомъ долго вести разговоръ невозможно и потому до самаго мѣстечка, между мной и Томашевичемъ длилось безмолвіе, изрѣдка нарушаемое только понуканіями, обращаемыми къ лошади.—Хвала Богу! вотъ видно и костель,—и Томашевичъ указалъ кнутовщомъ на видѣвшееся вдали высокое, бѣлое зданіе съ красною крышею.

Открытіе Томашевича мнѣ было очень пріятно; дорога, хоть и недалняя, утомила меня; холодъ становился все чувствительнѣе, такъ что я съ большимъ удовольствіемъ сталъ мечтать о теплѣ и покоѣ. Еще какихъ нибудь полчаса — и я въ своей квартирѣ. Отблагодаривъ чѣмъ могъ Томашевича и простившись съ нимъ, я, входя въ свою комнату, на порогѣ встрѣтилъ сторожа Синкевича, объявившаго мнѣ, что онъ для моего пріѣзда печь натопилъ жарко, а то, дескать, паничъ перезабѣ въ дорогѣ, такъ ему треба согрѣться. Не успѣлъ я раздорожиться, какъ явился панъ Б—ичъ, а за нимъ и другая важная персона, панъ Я—на, о которомъ мнѣ придется еще говорить. Оба пана, судя по ихъ довольнымъ фізіономіямъ и нетвердымъ ногамъ, какъ видно проводили время предъ моимъ пріѣздомъ не скучно:

— Мое ушанован... мое почтеніе, запѣлъ панъ Б—ичъ, между тѣмъ какъ панъ Я—на утиралъ губы, приготовляясь къ измѣненію своихъ чувствъ въ поцѣлуяхъ.

Здравствуйте, г. Б—ичъ,—отвѣтилъ я съ возможною сухостію, желая избѣжать дальнѣйшихъ любезностей; но это не помогло: поцѣлумъ противъ моей воли посыпались безъ счету. Я вполне увѣренъ, что Б—ичъ, цѣлуя меня á lá iуда; съ своей стороны и я принималъ его лобзанія съ полнѣйшимъ отвращеніемъ, но нужно же было соблюсти приличіе: мы цѣловались до истомы. Послѣ Б—ича приступилъ ко мнѣ и панъ Я—на, еще издали протягивая не только руки, но и губы, не заботясь о томъ, пріятно ли другимъ лобзать измятую и вѣчно не бритую его физиономію, — отъ прикосновенія которой на лицѣ жертвы оставались разные слѣды. Мнѣ много разъ приходилось испытывать удовольствіе такихъ лобзаній.

— Что новенькаго слышно въ Вильнѣ? били у посредника?... началъ было закидывать меня вопросами панъ Б—ичъ.

— Вы прежде меня знаете о новостяхъ, разумѣя, конечно, тѣ, которыя касаются меня и васъ. Я хотѣлъ заразъ покончить съ Б—ичемъ, но онъ не понялъ, или не хотѣлъ понять меня.

— Что вы лукавите, г. Б—ичъ! обратился я опять къ нему, и на этотъ разъ со всею откровенностію.— Будто не догадываетесь, о чемъ я говорю вамъ? Вы научили крестьянъ подать на меня прошеніе; это прошеніе сами же вы сочиняли и переписывали; а его собственными глазами видѣлъ и читалъ у посредника въ то время, когда тамъ былъ и старшина для подачи его. Вотъ вамъ доказательство, что я правду говорю. При этихъ словахъ я показавъ ему извѣстную тетрадку, — аргументъ моей неопытности. Вы ничего не можете сказать въ свое оправданіе ни слова. Ни одинъ крестьянинъ во всей волости не умѣетъ писать порусски, стало быть, только вы могли такъ безсовѣстно перетолковать нѣжкіе монѣтки на тетради, достать ее изъ шкафа и приложить ее къ прошенію,—и все это для того, чтобы сдѣлать вакантнымъ мѣсто волостнаго писаря и снова занять его.

Б—ичъ, во все время моей обличительной рѣчи, кривлялся на все-возможныя манеры, чтобы состроить невинную рожу; но на этотъ разъ притворство ему измѣнилось: онъ могъ выразить на лицѣ своемъ что-то, чего я не могу передать. Панъ Я—на, который

всё время разговора издавалъ какіе - то неопредѣленнаго свойства звуки, по окончаніи его, дернулъ В—ича за рукавъ, желая вѣроятно выразить этимъ, что имъ нечего больше со мною говорить. И точно В—ичъ и Я—на успѣшили оставить мою комнату, чему, безъ сомнѣнія, былъ я очень радъ.

Но этимъ дѣло не кончилось, хотя конецъ былъ не далеко. В—ичъ и крестьяне еще почему-то имѣли надежду спихнуть меня съ должности. Поведеніе В—ича, отсутствіе довѣрія и невыносимо дерзкое обхожденіе со мною нѣкоторыхъ крестьянъ, доказывали, что я еще не на мѣстѣ и что крестьяне все еще надѣются быть меня съ рукъ. Положеніе мое было такъ тяжело, что хотя я не имѣлъ ни копѣйки, ни куска хлѣба и ровно ничего въ перспективѣ, но я согласенъ былъ потерять мѣсто лишь бы не страдать. Распоряженіе посредника, чтобы крестьяне не смѣли безъ уважительной причины подавать прошенія на писарей, назначенныхъ правительствомъ, равно отказъ крестьянамъ въ ихъ прошеніи оставить прежняго писаря, обезоружили моихъ недоброжелателей, а В—ичъ принужденъ былъ очистить квартиру. Нужно было видѣть В—ича, какъ онъ переѣхался, когда настала часъ разлуки со мною!

Съ отъѣздомъ В—ича я сталъ покойнѣе; крестьяне ко мнѣ сдѣлались довѣрчивѣе, такъ что начали обращаться за совѣтами непосредственно ко мнѣ. Впрочемъ, не многосложныя обязанности волостнаго писаря, въ особенности въ рабочіе лѣтніе мѣсяцы, когда въ недѣлю едва ли кто изъ крестьянъ завернетъ въ волостное правленіе, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней,—оставляли мнѣ довольно времени, которымъ я могъ располагать по своему усмотрѣнію. Но какъ и на-что я могъ употреблять время? Прежде всего я пересмотрѣлъ и перечиталъ всѣ дѣловыя бумаги, имѣющіяся въ волостномъ правленіи отъ самаго его основанія, не исключая повѣстокъ тысяцкимъ и пятисотскимъ о высылкѣ какой нибудь солдатки въ станovou квартиру; перечиталъ по гдѣсьскому разъ всѣ циркуляры и распоряженія высшаго начальства; пробѣжалъ всѣ наличные ЛМ Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей; со всѣми припечатанными въ нихъ объявленіями; но на все это не много потребовалось времени,—какихъ нибудь недѣль

двѣ. А дальше что? опять скука. Неистощимый по видимому Синкевичъ, сторожъ и слуга мой, и тотъ истощилъ весь запасъ своихъ свѣдѣній, которыя онъ собиралъ съ 1812 по 1864 годъ, и которыми дѣлился со мною на досугѣ.

Мнѣ хотѣлось познакомиться съ кѣмънибудь, кромѣ сторожа и пана Б—ича. Къ счастью моему, сосѣдь мой ксендзь С—бакъ прихода не веселѣе меня проводилъ время. И онъ и я, и смотря на разность убѣжденій — религіозныхъ и политическихъ почти по неволѣ, протянули другъ другу руки и познакомились. Общими силами доставали мы въ Вильнѣ газеты и журналы, хоть и отсталые, но на русскомъ языкѣ; читали, судили, спорили и все таки подъ часъ скучали, потому что и отъ этого удовольствія времени оставалось довольно. За то въ праздничные дни скучать рѣшительно было нѣкогда. Въ эти дни, съ ранняго утра до поздней ночи, народу въ волостномъ правленіи всегда было много. Кромѣ желанія побывать въ костелѣ, его влекло въ правленіе или желаніе принести жалобу, или выслушать рѣшеніе, или услышать какуюнибудь новость, или, наконецъ, просто повидаться съ кумомъ или кумою и покутить въ корчмѣ, которая помѣщается какъ разъ противъ волостнаго правленія.

Содержаніе жалобъ крестьянъ С—ской волости не выходило изъ ряда обыкновенныхъ явленій крестьянскаго быта. Потравы причиненныя скотомъ сосѣда, побои, нанесенные недружелюбною рукою и наконецъ семейные раздѣлы. Разбирательство жалобъ производилось или избранными очередными судьями, или старшиною, или цѣлымъ сельскимъ обществомъ, въ которому принадлежали тяжущіеся. Разбирательство почти всегда было своеобразно, чтобы не сказать — нелѣпо. Всякій изъ присутствующихъ, былъ ли то судья или посторонній зритель, при разбирательствѣ дѣла признавалъ за собою право голоса и никто не признавалъ за собою обязанности молчать; поэтому при отправленіи волостнаго правосудія, всегда былъ страшный крикъ и шумъ. Многія дѣла оканчивались миромъ, по нѣкоторымъ рѣшеніямъ судей записывали въ книгу, но исполненія по нимъ никогда не производилось. И виновнаго присуждали уплатить штрафъ деньгами, но онъ никогда не платилъ, и никто за этимъ не настаивалъ. Водили примиряла самыхъ ожесточенныхъ враговъ, хотя не надолго, нѣрѣдко — до слѣдующаго праздничнаго дня. Весьма часто и

приходилось видѣть такого рода случаи: обиженный клялся предъ людьми всѣмъ священнымъ, что онъ не проститъ врагу; если волостной судъ рѣшить дѣло неудовлетворительно, то онъ обратится з жалобомъ къ мировому посреднику, къ губернатору, — а дѣло кончивалось тѣмъ, что обиженный съ своимъ непримиримымъ врагомъ позже всѣхъ выходили изъ корчмы, одинъ другаго поддерживая и убажая самыми задушевными ласкательными эпитетами. Конечно такая дружба мимолетна: въ слѣдующій волостной годъ опять клятвы, опять угрозы—ищенія и опять взаимное угоженіе до поздней ночи, до взаимной поддержки и задушевныхъ клятв.

Тяжело было присутствовать при семейныхъ раздѣлахъ, при чемъ которыхъ бывали по большей части ссоры между женщинами. Въ волостномъ правленіи, предъ лицомъ достопочтенныхъ судей и родныхъ, прекрасный полъ не стѣснялся высказывать всегда громко, а подчасъ очень не благопристойно самыя сокровѣннѣйшія грѣшки своихъ соперницъ и самыя незначительныя пороки собственныхъ душъ и сердецъ. Часто все имущество хозяина состоитъ изъ какихъ нибудь пары воловъ, старой—престарой лошаденки, трехъ-четырехъ овецъ, двухъ поросенковъ, полуразваливагося жилья... Ну что тутъ, кажется, дѣлать? а дѣлать...

Вообще о С—скомъ волостномъ судѣ можно сказать то, что онъ подобенъ непостоянному вѣтру, дующему то съ одной, то съ другой стороны. Дѣла рѣшались тамъ не большинствомъ голосовъ, не по силѣ закона и здраваго смысла, а силою болѣе крикливаго одного голоса, или изъ какихъ бы то нибыло видовъ. Перевѣсъ бывалъ то на правой, то на лѣвой сторонѣ, смотря потому, на чьей сторонѣ слышался болѣе громкій голосъ.

Былъ одинъ забавный случай, когда весь волостной сходъ крокъ старшины, дружно принялся рѣшать одно дѣло. Можно себя представить безобразный шумъ, какой подняли нѣсколько испрошенныхъ судей. Дѣло шло о побояхъ, нанесенныхъ шляхтичемъ Я—ною двумъ крестьянкамъ, или на оборотъ, о побояхъ, нанесенныхъ двумя крестьянками шляхтичу Я—нѣ. Дѣло, помнится, состояло въ томъ, что животныя, принадлежащія жалующимся крестьянкамъ, вздумали прогуляться по полю, арендуемому Я—ною. Я—на, увидя животныхъ, счелъ нужнымъ, наказать

ихъ за своеволие и согнать съ поля; крестьянки, въ с
увидали, какъ Я—на наказывалъ животныхъ, вступил
и своимъ судомъ расправились съ нимъ. Я—на, ког
нялся отъ двухъ фурій и произошло побоище; на ст
раснаго пола была сила количественная, на сторонѣ
качественная, словомъ—арміи были равносильны. Кре
несли жалобу первоначально въ волостное правленіе
Я—на принесъ въ послѣдствіи жалобу на крестьяно
приставу, и-загорѣлось дѣло. Кто правъ, кто виноват
было трудно, очевидцевъ событія, кромѣ животныхъ
обѣ стороны считали себя обиженными, а свидѣтели
ими давали такія показанія, что не только не разъя
по еще болѣе путали и явно противорѣчили самому дѣ
узнавъ о происшествіи, закипѣла сильнѣйшимъ против
Я—на негодованіемъ. Насталъ воскресный день, со
стной сходъ. Какъ поступить съ Я—ной? Чѣмъ са
нанесенный, въ лицѣ двухъ особей, прекрасному полу
сти? Болѣе дальновидные и деликатные крестьяне рѣ
гласить, чрезъ особо наряженную депутацію, пана Я—
лостное правленіе. Многіе усумнились: пойдеть ли,
сюда къ намъ. Опять присудили: просить вѣжливо и
его прежде времени, а когда придетъ, тогда сообрази
нимъ дѣлать. Послали и съ нетерпѣніемъ ожидали,
ныя предположенія и догадки объ успѣхѣ посольства
идеть, идетъ! раздались голоса въ сходѣ. Дѣйстви
Я—на, неровной, разгоряченной походкой. Вошелъ въ
окинулъ всѣхъ гнѣвнымъ взоромъ. Но, ужасъ! вмѣсто
проникнуться должнымъ благоговѣніемъ предъ шляхет
побитыя бабы завопили на Я—ну изо всего своего бабь
сыпая его всѣми проклятіями, какія подвернулись на
этотъ, впрочемъ, разъ потокъ проклятій удержанъ бы
приказаніемъ судей—молчать. Тишина водворилась,
надолго.

Пане Я—на,—началъ старѣйшій, почетнѣйшій и
цати волостныхъ судей,—на васъ принесли жалобу во
стьянни,—вы ихъ побили.

Я—на началъ было говорить по польски, но те
остановленъ голосомъ схода, что теперъ прошло вре

въ присутственныхъ мѣстахъ по польски, а *треба* говорить по русски. Я—на сдался, но не потерялся.

Кто? я билъ?... Меня избили, мнѣ грудь всю отмяли, бока переломали,—вскинулся Я—на. Бабы не выдержали, и поднялся такой крикъ, что хотъ затыкай уши. «Тихо, хихо, смирно»!... Кричали судьи, но долго нужно было ждать, пока водворилась тишина.

Предложили Я—нѣ рассказать, какъ было дѣло. Онъ, при дружной помѣхѣхъ противной партіи, рассказалъ, какъ крестьянки сами загнали на его огородъ скотину и,—когда онъ хотѣлъ согнать ее, онѣ начали бить, бросать въ него камнями, а наконецъ схватили и повалили его на землю и били столько, сколько ихъ душѣ угодно. Бабы толковали со всѣмъ другое, именно, что скотина вовсе не была на огородѣ, а только проходила мимо огорода, что Я—на сталъ бить ее, а за что — бабы не знаютъ. Когда же они стали говорить ему, за что онъ бьетъ скотину, онъ бросился и на нихъ съ палкой, ударивъ одну по спинѣ, другую по други. Въ подтвержденіе истины, явились въ натурѣ и спина и грудь крестьянокъ. Я—на не вытерпѣлъ, онъ обнажилъ свою грудь и бока, чтобы показать всему честному сходу нанесенные побои. При всеобщей суматохѣ, рѣшительно не было возможности разобрать: кто правъ, кто виноватъ. Спрашивали и свидѣтелей; свидѣтели, какъ выше замѣчено, ни мало не разъяснили путаницы. Что тутъ дѣлать? Одна благоразумная судейская голова, соскучившись, безъ сомнѣнія, длиннымъ разборомъ дѣла, предложила покончить его миромъ. Предложеніе было одобрено цѣлымъ сходомъ, мало того, принято было съ удовольствіемъ и тяжущимися. Благоразумная голова торжествовала, что успѣла такъ скоро распутать такое темное дѣло,—но не надолго. Мужья побитыхъ крестьянокъ выступили впередъ и объявили, что они не прочь помириться, если панъ Я—на согласится уплатить каждому изъ нихъ, по 15 рублей, а всего 30 рублей. Я—на былъ уступчивѣе: онъ соглашался взять съ каждой бывшей его крестьянки по 10 рублей, а всего 20 рублей. Однимъ словомъ—и крестьянки считали себя невинно побитыми, и Я—на — крайне обиженнымъ и изуродованнымъ: миръ стало быть не могъ состояться. Дѣло началось снова; опять спросы и допросы; опять тѣже отвѣты и показанія; опять шумъ и крикъ. Благоразумная судейская голова

почесала затылокъ, придумывая еще какія нибудь мѣры подѣлительнѣе и, къ общему удовольствію цѣлаго схода, придумала.

— Ребята! чѣмъ попусту кричать да тратить время, вотъ что я вамъ скажу: ты, пане купи ведро пива и вы, обращаясь къ мужьямъ побитыхъ крестьянокъ, по ведру, и все дѣло разомъ покончили бы; сами выпьете и намъ поднесете.

Хорошо придумано, да не всѣмъ эта дума по праву. Отъ чего не выпить, если только найдутся добрые люди, которые согласны поднести. Къ счастью, или точнѣе къ несчастью, въ волостномъ правленіи не нашлось человѣка, готоваго сдѣлать угощенія судьямъ. Первые отказались купить пива крестьяне, говоря, что ихъ жонь искалѣчили, и еще требуютъ угощать за то судей пивомъ! Вотъ нашли дураковъ!

— Изъ чего вы взяли, что бы я сталъ угощать другихъ за то только, что меня избилъ?... Да и кого угощать! панъ Я—на хотя не досказалъ, кого угощать, но мысль его понята была всѣми.

— Послушай, пане! отозвался одинъ изъ среды судей, теперь не то время, что было прежде. Ужъ прежняго не воротить!... Когда ты былъ экономомъ у помѣщика Н Н, тебѣ любо было мучить насъ? Теперь настала наша очередь не хочешь съ нами жить мирно, такъ давай судиться!...

На сторону судьи оратора сталъ весь волостной сходъ. Тяжело было Я—нѣ слушать жестокіе упреки разгнѣваннаго схода; ему не давали слова выговорить въ свое оправданіе. Я—на терпѣлъ, терпѣлъ, и наконецъ не вытерпѣлъ, онъ взялъ шапку въ охапку и домой, не дождавшись приговора волостнаго схода. Крестьяне проводили его дружнымъ хохотомъ и самыми оскорбительными насмѣшками.

Честь и слава старшинѣ за то, что онъ во все время сказаннаго разбирательства подавалъ самый скромный, но вліятельный голосъ, хотя на него, среди всеобщей неурядицы, мало обращали вниманія. По возможности укрощая глумящую публику, онъ въ тоже время внимательно прислушивался къ каждому сужденію, выходящему изъ устъ многорѣчивой толпы, прислушивался, но ничего, кажется, дѣльнаго не выслушалъ. Весь міръ судилъ пристрастно, потому что имѣлъ личное неудовольствіе на Я—ну и къ тому же негодовалъ на все шляхетство, когда-то угнетавшее его.

— Романовичъ! обратился старшина къ одному изъ мужей по-

битой жены, твою бабу побилъ Я—на, и ты принеся на него жалобу мнѣ. Я тебѣ и тогда говорилъ и судьямъ говорилъ, что волостной судъ не можетъ судить шляхтича, если онъ добровольно не пойдетъ на мировую; а *треба* на него писать бумагу къ становому приставу. Становой приставъ знаетъ, какъ повести это дѣло.

— Правда пане старшина! отозвались нѣкоторые.

— Вѣдомо же правда, подтвердили всѣ.

И такъ мудрые судьи вышли на правый путь только тогда, когда, промучившись часа три, изъ опыта узнали, что они не могутъ осудить шляхтича, хотя законъ этотъ знали, и предъ самымъ судомъ онъ былъ прочитанъ и объясненъ имъ.

— Напишите рапортъ къ становому приставу, обратился ко мнѣ старшина; а вы бабы, расскажите г. писарю, какъ у васъ было дѣло съ Я—ною.

Крестьянки рассказали, я написалъ съ ихъ словъ прошеніе, старшина подписался и рапортъ былъ отправленъ по принадлежности. Крестьяне разошлись, толкуя о происшедшемъ. Въ свое время и Я—на подалъ жалобу становому приставу на крестьянобъ, причинившихъ ему потраву и побой. Не знаю чѣмъ это дѣло кончилось; знаю только то, что враждовавшія партіи часто были вызываемы для отвѣтовъ и показаній. Мнѣ не пришлось видѣть конца этого дѣла, потому что я, спустя полгода послѣ его начала, выѣхалъ изъ этой волости на другую должность. Впрочемъ теперь, какъ я слыхалъ, подобныя дразги и кривосудія постепенно сокращаются въ своемъ качествѣ.

Поставить на своемъ общая слабость всего человѣческаго рода, хотя бы выигрышъ не стоилъ и пареной рѣпы. Вездѣ есть Иваны Никифоровичи, повсюду встрѣчаются Иваны Ивановичи. Между крестьянами тяжёбныя дѣла не могутъ имѣть крупныхъ результатовъ, потому что ихъ средства малы.

Вѣдность этихъ средствъ объясняется время препровожденіемъ праздничныхъ дней. Сходить въ костель въ день праздничный, отслушать обѣдню съ поученіемъ, вотъ и вся религіозность съ небольшими добавленіями. Отбывъ въ урочное время праздничныя обрядности, крестьянинъ остатокъ святаго дня посвящаетъ наслажденію пребыть въ корчмѣ. Работать по праздникамъ народъ считаетъ великимъ грѣхомъ, пребыть дома безъ дѣла тяжело; удо-

вольствій , мало мальски облагороженныхъ не имѣется, на долю еврея и выпала счастливая обязанность принять каждый праздничный день гостей мужскаго и женскаго і сѣтителі угощаются больше всего водкою , отъ которой одинъ только винный запахъ, и пивомъ, или правильнѣ какую то бурдою: эта бурда носить громкое названіе м пива. Корчемныя угощенія не лишены, впрочемъ, своего интереса.

Въ хорошую лѣтнюю погоду, когда собраніе моли костелѣ бываетъ многочисленно, то по окончаніи мессы г не могутъ помѣститься въ корчмѣ , а располагаются н противъ нея, образуя изъ себя небольшіе кружки человекъ шесть и болѣе. Одинъ изъ кружка отражается за ш водкою, смотря по надобности, а женщины кладутъ на приготовленную закуску; мясо, сыръ, масло, хлѣбъ и і ожиданіи посланнаго , гости ведутъ себя чинно, благо разговоры между ними отрывисты и касаются какихъ ниб учительныхъ и религіозныхъ предметовъ, какъ напримѣ повѣди, говоренной въ тотъ день ксендзомъ, или о че подобномъ. Въ разговорахъ одинъ другаго не называютъ а величаютъ словами: *вацпанъ*, *вацпани*. Являетс ный. Не безъ церемоній и препирательствъ каждый і стаканъ, уступая первенство выпить другому, разговоры оживленіе: женщины не упускаютъ случая поговорит дахъ, о сшитыхъ обновкахъ, пересудить и посмѣяться н ствующими своими соперницами, мужчины толбуютъ о п сѣвахъ, скотѣ и о прочихъ обыденныхъ предметахъ. *І вацпани* уступаютъ мѣсто Томашамъ , Казюкамъ, В Ганулямъ, Петруслямъ и прочимъ именамъ, или ласкатель раженіямъ въ родѣ слѣдующихъ: *рыбка моя*, *кохан* Прекрасный полъ отъ нарядовъ и обновокъ незамѣтно п къ свадьбамъ, родинамъ, крестинамъ, похоронамъ, съ уди точностію опредѣляя, кто скоро женится, кто скоро умъ прекрасный полъ задаетъ и рѣшаетъ вопросы, какіе не ли въ голову никакому министру, дѣлаетъ географически такихъ земель, какихъ не найдете ни на какой картѣ если еще въ кружокъ пирующихъ вотрется какой нибуд воинъ! Его рассказы о походахъ чуть не на облака, о

подвигахъ, героемъ которыхъ приходилось большею частію бывать ему, до того удивительны и страшны, что только и слышны вздохи да охи слушающихъ. Заподозрить же рассказчика въ справедливости его словъ никто не посмѣетъ тѣмъ больше, что онъ выставляетъ свидѣтелей,—своихъ сослуживцевъ, проживающихъ гдѣнибудь въ другомъ уѣздѣ или въ другой губерніи. Если же и придетъ комунибудь изъ слушающихъ дерзкая мысль усумниться въ справедливости рассказываемаго, то воинъ положительно увѣряетъ, что все сказанное имъ правда, а если не вѣрить кто, пусть самъ испытаетъ. «Вѣдомо же правда, когда такъ рассказываетъ;»—увѣряетъ себя каждый слушающій о чудесныхъ подвигахъ стараго воина.

Между кружками, бесѣдующими мирно о высокихъ предметахъ, попадаютъ кружки, которые разеуждаютъ о предметахъ довольно обыкновенныхъ, столкновенія рѣдко случаются на этихъ собраніяхъ, потому что сосѣди, какъ только слышатъ крупный разговоръ, замѣтятъ порывистыя и размахистыя движенія, тотчасъ принимаютъ участіе въ спорѣ и скоро примиряютъ разгорячившихся, резонно убѣждая, что стыдно при такомъ великомъ собраніи людей заводить ссоры.

Праздники на долинѣ противъ корчмы проходятъ весело и большею частію благополучно: попьютъ, потолкуютъ и расходятся по домамъ до свиданія въ слѣдующій праздникъ.

Не то бываетъ въ ненастную и холодную погоду: тогда гулять подъ дождемъ или на снѣгу не совсѣмъ удобно. Въ дурную погоду приходится всему обществу тѣсниться подъ гостепріимнымъ кровомъ корчмы; но тутъ нѣтъ такого простору, какъ на дворѣ; въ корчмѣ каждый вынужденъ помѣщаться потѣснѣе, такъ чтобы для всѣхъ гостей хватило мѣста. Благодаря распорядительности Лейбы и его домочадцевъ, вопреки явной почти невозможности, бывало, мѣста хватаетъ для всѣхъ. Болѣе почетнымъ и благонадежнымъ посѣтителямъ еврей уступаютъ даже заповѣдный свой чуланчикъ, спальню всего семейства, хранилище его шабашоваго платья и всѣхъ цѣнныхъ вещей. Когда гости размѣстятся по всѣмъ уголкамъ корчмы, и около печи, и возлѣ порога; когда настанетъ самая середина разгула, развяжутся языки, душа распахнется,—тогда корчма представляетъ изъ себя что-то странное. Корчемный воздухъ самъ по себѣ переполненъ такими миазмами, что непривычному ды-

шать имъ трудно; а какъ еще раскурятся люльки, и стаканы нальются водкой еврейской передѣлки, въ корчмѣ, непривычный ежъ посѣтитель могъ бы впасть въ обморокъ. Чувства обонянія и вкуса нашихъ крестьянъ не такъ тонки и разборчивы, чтобъ изъ за убійственного воздуха отказать себѣ въ удовольствіи попить и повеселиться въ праздникъ, если есть деньги. Крестьянинъ—на верху блаженства, когда онъ пьетъ за свой грошъ, сидитъ себѣ на почетномъ мѣстѣ, подлѣ него и жена и свояченица, и кумъ, и свать и братъ, да всѣ такіе веселые, разговорчивые. А еврей не знаетъ какъ и угодить имъ, и то предлагаетъ, и другое: и ржавую селедку, и прошлогодніе баранки, и вонючія яйца, и полученную въ наслѣдство отъ отца таранъ; юлить между группами пирующихъ, словно бѣсъ передъ заутреню, просить и въ слѣдующій праздникъ не забывать его корчмы. Тутъ подъ часъ случится и скрыпачъ, забившійся съ своимъ инструментомъ въ самый уголъ и разыгрывающій разныя пѣсни и плясовыя не жалѣя струнъ.

Вотъ вѣрная картина праздничныхъ удовольствій крестьянъ с—ской волости. Разнообразія въ празднованіи очень мало, по крайней мѣрѣ почти никакой праздникъ не обходится безъ корчмы. Даже и семейные праздники, какъ напримѣръ: свадьбы, крестины, и проч. на половину отправляются въ корчмѣ. Это обыкновеніе, какъ мнѣ приходилось видѣть и слышать, едва ли не повсемѣстно въ этомъ краѣ.

Съ первыхъ дней моего поступленія на должность, мнѣ, еще незнакомому съ этимъ краемъ, нѣкоторыя обыкновенія его жителей казались странными; но мало по малу я сталъ привыкать къ нимъ, и нашелъ во многихъ случаяхъ значительное сходство ихъ съ великорусскими, доказывающее единство племени. Я очень скучалъ во все время моей службы писаремъ; особенно, въ осеннее время дожди, вѣтеръ, грязь, безлюдье и бездѣлье такую тоску наводили, что не хотѣлось смотрѣть на свѣтъ Божій. Съ какою, бывало, радостію встрѣчаешь какого либо проѣзжающаго чиновника! А если чиновникъ еще ласковый, обходительный человекъ,—съ какими бывало удовольствіемъ стараешься услужить ему чѣмънибудь, удовлетворить его любопытству, рассказать ему что знаешь! это на долго успокаивало меня, возвышая меня въ собственныхъ глазахъ. Но сказать правду мало проѣзжало чрезъ м. С—ву чиновниковъ.

Мелкопомѣстная шляхта, съ которою волею не волею писарю приходится имѣть дѣла, воскурала предо мною такой густой ошмялъ лести, угощала такимъ самоуниженіемъ, что я, изъ уваженія къ человѣческому достоинству и своей скромности былъ у двухъ шляхтичей по одному разу, да и закаялся.

Послѣ неоднократныхъ приглашеній, отправился я къ пану Я—нѣ, тому самому Я—нѣ, который подрался и судился съ крестьянками. Панъ Я—на не имѣетъ собственнаго поля и жилища, а арендуетъ то и другое у помѣщицы В. Жилище Я—ны больше смахиваетъ на хлѣвъ, такъ оно бѣдно и грязно, хотя съ разу можно замѣтить, что въ немъ помѣщается не простой смертный, а шляхтичъ: надъ койкой, гдѣ почиваетъ самъ панъ, развѣшенъ остатокъ какого то ковра, въ углу стоитъ трубка съ длиннѣйшимъ чубукомъ, шитый кисетъ для табаку, хотя самаго табаку давнымъ давно не водилось у пана; самоваръ глубокой древности, никогда не ставленный. Нужно, замѣтить, что Панъ Я—на вдовъ; отъ того, безъ сомнѣнія, онъ и живетъ такъ грязно. Съ нимъ проживаетъ однородный его сынъ, который не умѣлъ связать двухъ понятій, и съ которымъ я всегда избѣгалъ встрѣчи. Къ счастью моему, когда вздумалъ я пойдти къ пану Я—нѣ, *панича* не было дома,—онъ поѣхалъ къ своей невѣстѣ.

— Какъ здоровье пана? обыкновенно спрашивалъ панъ Я—на, послѣ самыхъ жаркихъ и обильныхъ поцѣлуевъ, оставлявшихъ разные слѣды на моей физиономіи.

Благодарю васъ, слава Богу.

Нѣтъ, видно по всему, что панъ скучаетъ... Прежде панъ былъ *ладнѣйшій*, а теперь совсѣмъ не то. Если бы панъ до насъ ходилъ, ему не было бы такъ скучно.

— Я съ удовольствіемъ ходилъ бы къ вамъ, да вы сами знаете, что у меня есть занятія.

— То правда, я знаю. Эти хлопы ни кому не дадутъ покоя: постоянно лѣзутъ до канцеляріи. Я ихъ хорошо знаю, Они видятъ, что панъ человѣкъ добрый, обходительный.... Можетъ быть, панъ не любитъ похвалъ? Но я люблю правду говорить!.. Сколько я ни зналъ русскихъ, всѣ они добрые люди. А панъ откуда къ намъ прѣхалъ?

— Изъ Вильны.

— Какъ! панъ виленскій?

— Тульскій уроженецъ.

— Я подумалъ, что панъ на самомъ дѣлѣ, виленскій сказалъ, что изъ Вильны прѣхалъ. Тула славный городъ многихъ слыхалъ, что славный городъ... Тамъ самовары и ружья дѣлають... Славный городъ! А Вильна пану понравилась?

— Хорошій городъ.

— Что Вильна! Если бы панъ побывалъ въ Варшавѣ, то зналъ бы, какой это славный городъ!

— Я въ Петербургѣ былъ.

— Былъ панъ?.. Но и Варшава славный городъ... Тамъ ружья дѣлають.

— Я читалъ объ этомъ.

— Гдѣ панъ читалъ?

— Въ газетахъ, во время мятежа.

— Не то пану я хотѣлъ сказать. Въ Варшавѣ есть оружейный заводъ на самой Вислѣ.

— Объ этомъ я не слыхалъ.

— Висла большая рѣка.

— Да, большая.

— Отъ чего бы пану не поѣхать до Варшавы? Пану тамъ бы лучше, чѣмъ тутъ... Панъ такой разумный, всегда получитъ хорошее мѣсто въ самой Варшавѣ.

— Мнѣ и здѣсь довольно хорошо.

— Я знаю, что хорошо, а тамъ было бы лучше... И панъ курить?

— Курю.

— Мой Альфонсъ (сынъ Я—ны) отправился въ одессу, весь табакъ съ собою взялъ, а то я пана угостилъ бы... И панъ имѣетъ свои папиросы?

— Есть... неужто ли и вамъ?

— А какой это табакъ?

— Одесскій.

— О, Одесса хороший городъ, торговый городъ, у самъ панъ. Ну, какъ пану понравились наши страны?

— Мало нахожу разницы отъ великороссійскихъ губерній.

— Когда панъ выучится попольски говорить, то ему будетъ такъ же, какъ и дома.

— Я чувствую, что никогда не выучусь говорить попольски.

— За чѣмъ такъ панъ говорить? Такому разумному пану все можно скоро понять... Я когда-то учился у пiarовъ латинскому языку... А панъ учился этому языку?

— Учился.

— Наши ксендзы хорошо знаютъ по латинѣ... Панъ, я полагаю, знаетъ, что у насъ все богослуженіе на латинскомъ языкѣ отправляется.

— Это я знаю.

— Пану нравится наше богослуженіе?

— Я мало его понимаю.

— Я когда-то думалъ быть ксендзомъ; хотѣлъ совсѣмъ уже поступить въ семинарію, да раздумалъ.

И затѣмъ Я—на началъ разсказъ о томъ, какъ онъ учился, какъ готовился поступить въ семинарію, потомъ — въ ксендзы и почему не поступилъ. Панъ Я—на, разсказывая о себѣ, о своемъ воспитаніи, образованіи, не упускалъ случая похвалить и русское образованіе, и меня, и мою родину, и все русскіе города, и всю православную Русь. Касался догматическихъ вопросовъ, которые рѣшалъ съ плеча, не находя, впрочемъ, никакой разницы въ вѣроученіи церковей восточной и западной. Разсуждалъ и о политикѣ,—однимъ словомъ, касался всего, о чемъ ему приходилось что либо слышать или хотъ видѣть во снѣ... Замѣтивъ, что Я—на расходился, такъ что не предвидѣлось конца его разсужденіямъ, я неоднократно пытался прервать его, хотя бы то на самыхъ глубокомысленныхъ выводахъ, стараясь поскорѣй убраться отъ словоохотливаго собесѣдника. Послѣ этого посѣщенія, у меня обмчалась охота ходить въ гости къ пану Я—нѣ; хотя онъ не одинъ разъ заходилъ ко мнѣ самъ и усердно приглашалъ къ себѣ. И посѣщенія Я—ны были не безкорыстны: придетъ бывало подъ предлогомъ звать къ себѣ въ гости, а между тѣмъ выпросить въ займы, безъ отдачи, разумѣется, чаю съ сахаромъ, табаку,—объясняя недостатку этихъ продуктовъ тѣмъ, что Альфонсъ поѣхалъ въ Вильну за покупками, да еще не возвратился. На самомъ же дѣлѣ Альфонсъ и не думалъ никуда ѣхать. Раза три такъ было; однажды даже просилъ и денегъ въ займы, но я рѣшительно отказалъ ему и тѣмъ повончилъ свое съ нимъ знакомство.—Также точно отказался я отъ знакомства и съ прочими шляхетными особами, отговариваясь то недосугомъ, то болѣзнію, то еще чѣмъ

нибудь. Однимъ словомъ, дожилъ я до того, что въпросить меня къ себѣ въ гости и, благодаря Бога, половать и ко кнѣ. Одинъ панъ органистъ не оставялъ меня, возвращаясь изъ корчмы, со свадьбы, поминокъ какого торжества. Панъ органистъ былъ веселый павыпивши. Жаль его бѣднаго! Онъ, какъ я слыхалъ, бирая коледу предъ праздникомъ Р. Христова, отмопальцы на рукахъ, и чрезъ это, какъ неспособный свою службу, лишился мѣста органиста.

Не помню личностей, которыя интересовали бы меко, чтобы упомянуть о нихъ въ настоящихъ моихъ. Съ помѣщиками мнѣ не приходилось знакомиться; я вообще не любилъ, кромѣ одного ксендза Г—скаго ксендзъ д—скаго прихода нѣсколько заинтересовалъ—но ненадолго и слишкомъ односторонно. Это старый—пяръ... И этимъ — то ксендозомъ — пяромъ приходи кончить свои скудныя записки.

Простился я съ С—вою и обитателями этого мѣстечка равнодушно, какъ равнодушно и они разо мною.

Г. Покро

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ И ПОЖЕРТВОВАНІЯ НА

Каменецкій благочинный, священникъ Будзиловичъ августа сего 1868 года за № 171, донесъ литовской консисторіи, что дмитровицкая церковь надлежаше построить въ ней новый иконостасъ и освящена имъ бл 6 августа въ день Преображенія Господня въ сослуженіи сосѣднихъ священниковъ и діакона, при многочисленномъ народа.

Иконостасъ плотнической работы, очень красивой рѣзьбою и позолотою—стоитъ 740 р.; иконы къ нем

изъ Москвы, живописи художника Титова за 225 р.; всего на устройство иконостаса употреблено 965 р.; деньги эти въ количествѣ 895 р. пожертвованы мѣстными прихожанами, 30 р. священникомъ дмитровицкой церкви о. Келестиномъ Будзиловичемъ, а недостающіе 40 р. взяты изъ церковной кружки. Въ собраніи на прописанный предметъ денегъ и въ производствѣ работъ оказали особенное усердіе мѣстный священникъ Будзиловичъ и члены приходскаго попечительства. Священнику Келестину Будзиловичу, членамъ приходскаго попечительства и прихожанамъ дмитровицкой церкви, за усердіе къ храму Божію, преподано благословеніе его высокопреосвященства и изъявлена благодарность епархіальнаго начальства. Кромѣ того священника Келестина Будзиловича определено имѣть въ виду при представленіи въ настоящемъ году къ наградамъ духов. лицъ.

— Кобринскій благочинный, священникъ Пашкевичъ, отъ 20 августа за № 208, донесъ литовской духовной консисторіи, что указомъ оной, отъ 15 марта сего года за № 1960, разрѣшено было прихожанамъ ляховицкой церкви починить кладбищенскую церковь. Нынѣ священникъ означенной церкви Василій Лехачевскій донесъ, что таковая починка на счетъ прихожанъ уже кончена, и проситъ исходатайствовать разрѣшеніе на освященіе упомянутой церкви. А потому благочинный, представляя расчетъ въ израсходованіи денегъ, пожертвованныхъ на починку кладбищенской ляховицкой церкви, проситъ консисторію дать просимое разрѣшеніе на освященіе означенной церкви. Изъ расчетнаго листа видно, что 1) пожертвовано прихожанами ляховицкой церкви на починку кладбищенской своей церкви 190 руб. серб.; 2) мѣстнымъ священникомъ Лехачевскимъ 10 р. сер.; 3) служащимъ прикащикомъ на ляховицкой мызѣ Давидовичемъ 1 руб. сер.; 4) по приглашенію священника, управляющимъ вотчинами князя Барятинскаго, Михаиломъ Мейеромъ пожертвовано 52 коря сосноваго дерева, стоимостью 30 руб. серб.; 5.) продано оставшгося лѣснаго матеріала на 15 р. серб.; кромѣ жертвы деньгами, прихожане еще много жертвовали своими работами, доставкою и очисткою матеріала. Итого на починку ляховицкой церкви, пожертвованныхъ

разными выше указанными лицами собрано было налагами, считая и вырученные отъ продажи оставшагося матеріала, 216 руб. сереб., да еще лѣсомъ 52 коровъ 30 руб. сереб. Опредѣляли: и его высокопреосвященнаго митрополита; 1) разрѣшить освященіе ляховицкой кладбище; 2) жертвователямъ и мѣстному священнику Василю, за усердіе ихъ къ храму Божію, изъяснить признательнаго начальства. О чемъ для вѣдома и надлежнаго послать указъ кобринскому благочинному, священнику, съ тѣмъ, чтобы о времени освященія означеннаго допесено было консисторіи.

— Вилейскій благочинный, протоіерей Балицкій, отъ сего года за № 381, донесъ литовской духовной консисторіи съ дозволенія епархіальнаго начальства, объявленнаго литовской духовной консисторіи, послѣдовавшимъ на него апрѣля за № 2950, каменная часовня, находящаяся въ томъ кладбищѣ, обращена въ церковь кладбищенскую, каменная постройка, которая состояла въ слѣдующемъ: по размѣру своему довольно малой и невмѣстительной, деревянная пристройка, стѣны которой и крыша соединены въ одинъ уровень;—стѣны часовни, изъ сырости совершенно разсѣвшіяся, вновь скрѣплены и желѣзомъ, затѣмъ въ часовнѣ и въ деревянной пристройкѣ положенъ новый полъ, потолокъ и устроена новая крыша. На таковую постройку часовни и пристройки деревяннаго притвора израсходованы всѣ пожертвованнаго предмета прихожанами деньги, а именно; сто пятьдесятъ руб., считая въ томъ числѣ матеріалъ и наемъ рабочихъ чернорабочихъ, которые были даваемы отъ прихожанъ платно. Что же касается внутренняго устройства часовни, то таково: онъ благочинный принялъ на себя: на свои собственныя средства онъ устроилъ иконостасъ принадлежностями алтаря, считая тутъ же и покрову прикрѣпленъ иконостасъ; украсилъ какъ иконостасъ стѣны новоустроенной церкви иконами, крыша на сѣ-

устроена имъ же, а на деревянной къ ней пристройбѣ—прихожанами: всего на внутреннее устройство кладбищенской церкви и на крышу ея израсходовано имъ благочиннымъ балицкимъ сто восемь руб. сорокъ пять коп. Каковая сумма въ совокупности съ суммою пожертвованною прихожанами, равняется 266 руб. и 45 к. Въ настоящемъ видѣ все зданіе новоустроенной кладбищенской церкви довольно обширно и вмѣстительно—въ длину 17, а ширину 6½ аршинъ. Въ этой церкви пристроена новая колокольня о двухъ столбахъ съ крышею и на ней повѣшены три колокола: одинъ въ пудъ, другой въ полъ-пуда, а третій въ десять фунтовъ. Освященіе новоустроенной кладбищенской церкви совершено имъ въ сослуженіи священниковъ мѣстнаго благочинія 29-го іюля мѣсяца съ приличнымъ случаемъ торжествомъ. Протоіерею касутской кладбищенской церкви Балицкому и прихожанамъ, за ихъ усердіе въ храму Божію, преподано благословеніе его высокопреосвященства.

— Высоколитовскій благочинный, священникъ Красковскій, отъ 29 августа сего года за № 233, донесъ литовской, духовной консисторіи, что вслѣдствіе разрѣшенія даннаго изъ оной отъ 3 августа за № 6215, имъ совершенно освященіе барщевской церкви въ 18 день прошлаго августа. Отецъ благочинный деньгамъ употребленнымъ на устройство въ сей церкви новаго иконостаса и другія работы при семъ представилъ на благоуваженіе епархіальнаго начальства, и просилъ признательности онаго мѣстному священнику Іоанну Паевскому и прихожанамъ оной, средствами которыхъ возобновлена сія церковь. Изъ представленнаго благочиннымъ при семъ расчетнаго листка видно, что пожертвовано прихожанами барщевской церкви 741 р. 39 к. Сверхъ того пожертвовано мѣстнымъ священникомъ на сверхъ—контрактныя работы 30 рублей. Прихожанамъ барщевской церкви и мѣстному священнику Іоанну Паевскому изъявлена признательность епархіальнаго начальства. О чемъ для вѣдома и надлежащаго исполненія посланъ указъ высоколитовскому благочинному священнику Красковскому.

— Слонимскій благочинный, протоіерей Іосифъ Соховевичъ, отъ 16 сего сентября за № 323, донесъ литовской духовной конси-

торін, что 3-го числа сего сентября, въ бытность въ немъ Г. Главнаго Начальника Сѣверо-Западнаго края Гродненской губерніи, освященъ памятникъ, сооруженный на пожертвованныя деньги въ память убитыхъ старонингерманладскаго пѣхотнаго полка, полковника Слонимскаго уѣзда, въ дѣлѣ польскаго возстанія совершалъ высокопреосвященный Михаилъ б. архіепископъ, въ сослуженіи о. архимандрита жировицкаго монастыря, соборнаго причта и другихъ священниковъ уѣзда, въ присутствіи гг. главнаго начальника здѣшняго начальнаго губерніи, при собраніи всѣхъ какъ военныхъ гражданскихъ чиновниковъ и многочисленномъ стеченіи народа собравшагося къ этому дню. Освященіе совершено съ крестнымъ ходомъ къ памятнику изъ собора и обратно такимъ же ходомъ въ соборъ.

(Лит., Еп

ОСВЯЩЕНІЕ ЧАУСОВСКАГО КОСТЕЛА ВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВИ.

Въ виду незначительности чаусовскаго римско-католическаго прихода, состоявшаго всего изъ 158 городскихъ жителей сего года, съ разрѣшенія г. главнаго начальника западнаго края, послѣдовало, какъ сообщаютъ здѣшніе священники, закрытіе чаусовскаго костела, съ причисленіемъ прихода къ другимъ ближайшимъ костеламъ. Въ тоже время губернаторствомъ, по соглашенію съ начальствомъ епархіальнаго управления было возможнымъ приспособить упраздненный католическій костелъ къ православному богослуженію и, вслѣдствіе сего, въ Преображенской церкви, въ которой, по совершении чина, еще въ 1863 году прекращено служеніе, перенесены въ упраздненный костелъ иконостасъ и въ зданіи костела необходимыя передѣлки. Затѣмъ, 8-го сентября, преосвященнѣйшимъ Евсеіемъ, архіепископомъ мѣстиславскимъ, торжественное освященіе упраздненнаго костела.

въ присутствіи г. могилевскаго губернатора, находящихся въ городѣ Чаусахъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и при многочисленномъ стеченіи городскихъ жителей и православнаго населенія окрестностей города.

При передѣлкѣ костела рабочими, 21-го августа, подъ доскою верхняго алтара передъ распятіемъ Спасителя сдѣлана интересная находка: антиминсъ, который, какъ видно изъ ниѣющей на немъ надписи, освященъ въ 170 году архіепискомъ витебскимъ, могилевскимъ, оршанскимъ и мстиславскимъ.

(Могил. Губ. Вѣд).

ОБОЗРѢНІЕ СѢДЛЕЦКИХЪ УЧИЛИЩЪ.

Въ «Варш. Дн.» пишутъ изъ Сѣдльца, что министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, въ сопровожденіи г. почитателя варшавскаго учебнаго округа, съ 25-го по 28-е сентября вѣдчательно, изволилъ осматривать въ Сѣдльцѣ мужскую и женскую гимназіи. Обозрѣвая гимназію, его сіятельство съ одинаковымъ вниманіемъ слушалъ всѣ предметы гимназическаго курса; но преимущественное вниманіе было обращено имъ на русскій языкъ. Въ низшихъ 4-хъ классахъ министръ нашелъ вполнѣ удовлетворительнымъ знаніе этого языка, а въ высшихъ, особенно въ 6-мъ классѣ, успѣхи учениковъ оказались неудовлетворительными. Не вполнѣ успѣшное знаніе учениками высшихъ классовъ русскаго языка должно отнести къ тому, что въ этихъ классахъ по программѣ удѣленъ на этотъ предметъ одинъ только часъ. Для устраненія этого недостатка, его сіятельство приказалъ усилить преподаваніе русскаго языка въ 3-хъ высшихъ классахъ. По другимъ предметамъ во всѣхъ классахъ отвѣты были вполнѣ удовлетворительны. Должно замѣтить, что сѣдлецкая гимназія преобразована изъ польской въ русскую 4-го сентября 1866 года, когда русскому языку почти совсѣмъ не учили. Теперь же, черезъ два года, новый порядокъ такъ развился, что заведеніе носитъ на себѣ русскій отпечатокъ. Г. министръ народнаго просвѣщенія обозрѣвалъ также женскую прогимназію и

остался совершенно доволенъ успѣхами учащихся по всѣмъ предметамъ и особенно по русскому языку.

(Спа. Поч.)

ПО ПОВОДУ ОСВЯЩЕНІЯ ХРАМА ПРЕЧИСТОЙ БОГОМАТЕРИ ВЪ ВИЛЬНѢ.

Въ библіотекѣ виленской классической гимназій найдена брошюра, на польскомъ языкѣ, коллежскаго совѣтника, профессора анатоміи и медицины бывшаго виленскаго университета, Ивана-Андрея Лобенвейна, заключающая въ себя Высочайшее повелѣніе объ отдачѣ «митрополитскаго дома» въ вѣдѣніе университета, и рѣчь, сказанную имъ въ 1815 году въ торжественномъ засѣданіи этого же университета, по случаю открытія «новаго театра *человѣческой и скотской анатоміи*».

Незначительная по своему объему, она тѣмъ не менѣе очень важна по содержанию, потому что заключаетъ въ себѣ одно изъ многочислѣннѣйшихъ доказательствъ той неразборчивости средствъ, которыми всегда пользовалась въ здѣшнемъ краѣ польская пропаганда для подавленія и уничтоженія въ немъ и православно-русскихъ началъ, и величавой православно-русской старицы.

Въ виду возобновленія вышепоименованнаго храма, т. е. одного изъ разрушенныхъ православно-русскихъ памятниковъ, мы думаемъ, не безъинтересно будетъ для читателей узнать причины и обстоятельства, сопровождавшія его разрушеніе.

По ходатайству бывшаго попечителя виленскаго учебнаго округа, кн. Адама Чарторыжскаго, министромъ народнаго просвѣщенія, гр. Завадовскимъ, былъ поднесенъ, 16 мая 1808 года, для подписанія Государю Императору Александру Благословенному всеподданнѣйшій докладъ слѣдующаго содержания:

«Попечитель виленскаго университета, тайный совѣтникъ, князь Чарторыжскій представилъ мнѣ, что университетскій анатомическій театръ находится въ великомъ несовершенствѣ и на невыгодномъ мѣстѣ. *Прибытіе профессора скотолпченія, котораго курсъ и школа*, по обширности предмета и по самой ново-

ствѣ въ Вильнѣ, требуютъ многихъ пособій и просторнаго помѣщенія, еще болѣе стѣснило сей театръ, необходимый и для казенныхъ воспитанниковъ, приготовляемыхъ въ университетѣ для учебной части. Дабы пособить сему, университетъ, сдѣлавъ планъ и смѣту, представилъ попечителю проектъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы анатомическій театръ, который, *кромя тѣсно-ти своей, причиняетъ неприятность главной улицѣ въ городѣ*, перевести изъ настоящаго мѣста и соединить со школою скотобчеченія *на просторномъ мѣстѣ въ сторонѣ отъ города и надъ рѣчкой Вилейкою*. Въ сей планъ входятъ не только два театра обѣихъ анатомій, кабинеты, жилище прозекторовъ, бани, кухни, ванны и прочее, но также лазаретъ для животныхъ и манежъ для гимнастическихъ упражненій. Къ помѣщенію всего того признано *единственно удобнымъ ветхое каменное строеніе, подъ названіемъ домъ митрополита унитскаго *)*, который, по высочайшему повелѣнію въ 1805 году, назначенъ былъ для главной духовной семинаріи, а потомъ, когда опредѣленъ для оной Августинскій монастырь, остался свободнымъ для другаго употребленія. *Убѣждаясь имѣющею произойти отъ сего пользою*, попечитель представляетъ мнѣ объ исходатайствованіи Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, чтобы деньги, потребныя на перестройку всего онаго употребить изъ общихъ остатковъ по-іезуитскаго дохода, и чтобы помянутый, *такъ называемый митрополитскій домъ*, для семинаріи уже ненужный, *обращенъ былъ нынѣ на сей предметъ и отданъ въ полное распоряженіе университета*.

«Представляя о семъ Вашему Императорскому Величеству испрашиваю на оное Высочайшаго соизволенія».

Резолюція: «Быть по сему».

Такимъ образомъ одна изъ древнѣйшихъ православно-русскихъ святынь въ Вильнѣ, представленная, по волѣ неразборчивой на

*) Въ непродолжительномъ времени мы помѣстимъ въ Вѣстникѣ болѣе обстоятельную, составленную на основаніи найденныхъ въ публичной библіотекѣ матеріаловъ,—статью о томъ, какимъ способомъ польской интригѣ удалось завладѣть и домомъ и соборомъ митрополитскимъ. Р е д.

средства Польской интриги, подъ вымышленнымъ названіемъ *«ветхаго строения, или такъ называемаго митрополитскаго дома»*, была пожертвована *«пріятностямъ главной улицы»* и отдана подъ анатомическій театръ со школою скотолѣченія. Но крѣпко было это *ветхое строеніе*, когда вліяніе 60-ти безпощадныхъ дальнѣйшихъ лѣтъ не могло разрушить его, такъ что въ настоящее время потребовалось только возобновить его!...

Открытіе этого новаго анатомическаго и скотолѣчебнаго заведенія послѣдовало 13-го августа 1815 г. и, по обычаю университета, сопровождалось рѣчью. Вникните, читатель, въ эту рѣчь витіеватаго профессора анатоміи и подивитесь той его неслыханной безцеремонности, съ которою онъ искажаетъ историческую правду, и тому предумышленному невѣжеству, съ которымъ онъ глумится надъ русской православной святыней, уже принесенной въ жертву торжествовавшей тогда латинопельской идее.

«Исторія первоначальной закладки этихъ развалинъ, говорилъ витіа, далеко отодвинута отъ нынѣшнихъ поколѣній и сокрыта во мракъ вѣковъ. Всѣ наши розысканія по этому предмету не достигли даже почина. Древнѣйшіе акты этой старожитной столицы, которые бы могли разъяснить это дѣло, по своей испорченности, не могли сполна удовлетворить нашимъ усиленнымъ желаніямъ. Быть можетъ, эпоха основанія этой, нѣкогда старожитной святыни Божіей кроется во глубинѣ тѣхъ временъ, когда еще письменность не имѣла надлежащаго развитія. Быть можетъ, наконецъ, гдѣ нибудь и находятся слѣды этого памятника, уважаемаго потомствомъ, но признаемся, что намъ не удалось найти ихъ раньше XV в.»

«Въ XV в., т. е. въ 1486 года, по свидѣтельству Семена Юрьевича кн. Ольшанскаго и архимандрита Лавришевскаго Ивана Глинскаго, ей приносили дары княжны Ольшанскія: Софья Дмитровна и Марья Семеновна. Если ей приносили дары, то, значитъ, она существовала раньше.»

«Въ XV в. о ней упоминается чаще. Сигизмундъ 1-й привилегією 1511 г. позволилъ возобновить ее гетману князю Константину Острожскому. Въ концѣ же этого вѣка, т. е. въ

1588 г. , константинопольскій патриархъ Іереміа поставилъ въ ней Михаила Рогозу митрополитомъ всея Руси.—Спустя два столѣтія она была соединена съ *каплицей* (т. е. часовнею) Пречистой Богородицы».

«Каплица эта, перешедшая на степень митрополитальной церкви, сохранялась очень хорошо въ продолженіе всего XVII ст. и даже значительной части XVIII. Но въ дальнѣйшемъ движеніи человѣческихъ дѣлъ , этотъ домъ , посвященный Божіей чести и сохранявшійся въ продолженіе 400 л. , постепенно теряя свою *światność* (ze stopnia światności swojej coraz bardziej zstępując) подвергся наконецъ общей участи твореній человѣческихъ рукъ. *Тяжело было для него даже собственное долготлѣтіе!*»

«Упраздненная отъ всякихъ церковныхъ службъ, и эта церковь *служила только печальнымъ памятникомъ своего прежняго значенія. Никто не могъ поднять ее и возвратитъ ей потерянное.* Осмотрительному правительству, конечно, нужно было приспособить эти опущенныя и пренебреженныя развалины для какого нибудь другаго полезнаго предмета. Благодѣтельныя намѣренія нашего монарха , внимательнаго къ просвѣщенію сыновъ этой доброй ойчины , предназначили имъ служить для известной части просвѣщенія».

«Предположенная прежде для главной духовной семинаріи, она *оказалась неудобною, по причинѣ своей низменной и нездоровой для обитателей мѣстности, болѣе пригодною оказалась для анатоміи и ветеринаріи.* Это обстоятельство и было причиной высочайшаго повелѣнія».

«Такимъ образомъ , лучшая нѣкогда уніатская церковь , по волѣ высочайшаго и милостиваго покровителя и распространителя наукъ , теперь предназначена для общеобразовательныхъ цѣлей. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду и того, что когда, согласно приведенной въ известность воли монарха, приступлено было къ перестройкѣ за—ново строенія , какъ въ то же самое время *громъ ударилъ въ старую башню, какъ бы указывая на то, что слѣдуетъ сбить и остальные, для выполненія высочайшаго предназначенія.*»

«На этомъ и оканчиваются историческія свѣдѣнія объ этой церкви, называемой Снаскою».

Далѣе авторъ распространяется объ анатоміи и приходитъ къ тому умозаключенію, что храмъ Божій, что анатомія—все равно, а потому, заключаетъ онъ, «и съ уничтоженіемъ мѣста, первоначально посвященнаго Божьей чести, никогда не можетъ исчезнуть богопочитаніе».

Нужно ли прибавлять, что такія рѣчи и такія уснегескія могутъ произносить только глубоко развращенныя прозелитивномъ и ложью природы.

С. Шолоховичъ.
(Вил. Вѣст.)

СВОДЪ ГАЗЕТНЫХЪ СУЖДЕНІИ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМЪ СОБОРѢ ВЪ РИМѢ.

I.

По поводу новаго собора, который созываетъ папа въ Римъ на 8-е декабря 1869 года, въ «Вечер. Газетѣ» пишутъ: можетъ быть, яснѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ, древній языческій міръ отличается отъ новаго христіанскаго міра изолированностію народовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вавилонское столпотвореніе разогнало человѣческій родъ въ разныя стороны, поселилась въ народахъ страсть къ обособленію, къ отчужденію; первый призывъ къ единенію, къ союзу, къ братству, къ совмѣстной дѣятельности услышала міръ изъ устъ всемогущаго Учителя—изъ тѣхъ самыхъ устъ, которыя произнесли человечеству приговоръ разединенія, недовѣрія и отчужденія между племенами и народами. Истины Христовой вѣры были первыми узлами, которыми началъ связываться человѣческій родъ снова во едино; вселенскіе соборы церкви христіанской были въ свое время единственными обнаруженіями того духа братства и любви, который въ настоящее время имѣетъ органами своими разнообразныя международныя собранія по разнымъ вопросамъ науки и жизни. И чѣмъ болѣе распространяется просвѣщеніе, чѣмъ образованнѣе дѣлаются на-

роды, чѣмъ больше промышленная предприимчивость и научная любознательность покоряють власти христіанскихъ государствъ иди, по крайней мѣрѣ, дѣлають доступными человѣческому знанію малозвѣстныя племена и страны,—тѣмъ больше міръ подвигается къ исполненію молитвеннаго слова Основателя христіанства, *да вси едино будутъ*, тѣмъ больше онъ пріобрѣтаетъ средствъ къ установленію вселенскаго единства и внутренней цѣлости.

Но міръ и доселѣ еще только находится на пути къ всемірному единству, достоиніе котораго составляетъ пока только предметъ полусознательныхъ его стремленій. И пока еще только въ одной области—въ области вѣры—были испробованы и оказали великія благодѣянія человѣчеству опыты всемірнаго, вселенскаго обсужденія и рѣшенія вопросовъ. Но начала древняго языческаго міра, начала отчужденности, національной исключительности и господственнаго отношенія даже къ рѣшенію вопросовъ вѣры оказались живучими въ столицѣ древняго міра, и Римъ отпалъ отъ единства вселенской церкви для безпрепятственнаго упражненія своихъ господственныхъ притязаній на западѣ. Съ тѣхъ поръ вселенскій способъ рѣшенія церковныхъ вопросовъ уже болѣе не употреблялся въ христіанской церкви, хотя Римъ и послѣ многихъ своихъ соборовъ придавалъ названіе вселенскихъ, которыхъ, вмѣсто признанныхъ семи, онъ теперь насчитываетъ уже двадцать. Провозглашенный папою на 8 декабря будущаго года соборъ будетъ, такимъ образомъ, уже двадцать первымъ вселенскимъ соборомъ по латинскому счету. Можно напередъ сказать, что будущій соборъ останется вселенскимъ только по имени, потому что духъ *вселенства* давно уже отлетѣлъ отъ римской церкви.

Уже извѣстны тѣ главные предметы, которые папа предложитъ собору, это: 1) соединеніе римской церкви съ греческою; 2) установленіе отношеній между церковію и государствомъ, въ виду повсемѣстнаго преобразованія управленій въ конституціонныя; 3) отношенія католическаго духовенства и жепскихъ монастырей къ «революціи, обнявшей весь италянскій полуостровъ;» конечно теперешняя революція въ Испаніи также сдѣлается пред-

метомъ разсужденій собора, хотя она доселѣ не могла войти въ его программу; 4) лучшія средства къ устройству религіознаго преподаванія, чтобы поставить преграды распространенію безбожія, разрушающаго нравственность и вѣру. Всѣ перечисленные предметы, за исключеніемъ третьяго, конечно вполне достойны того, чтобы сдѣлаться предметомъ обсужденій вселенскаго собора, если бы только папа могъ составить его теперь, и мы не сомнѣваемся, что древніе соборы никейскіе, константинопольскіе не отказались бы прилѣжно заняться такими важными вопросами, если бы они возникли въ ихъ время. Но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ глазахъ папы и его ближайшихъ совѣтниковъ первое по важности мѣсто занимаетъ именно третій пунктъ о революціи въ Италіи, лишившей папу свѣтской власти, что вопросъ объ этомъ именно и былъ главнымъ побужденіемъ къ созванію quasi-вселенскаго собора.

Триста лѣтъ назадъ папство находилось въ такомъ же критическомъ положеніи, въ какомъ находится теперь; противъ усилій и распространенія реформации оно искало тогда помощи во вселенскомъ же соборѣ. Составился самый важный въ глазахъ римской церкви—тридентинскій соборъ, который продолжался съ перерывами около двадцати лѣтъ, во время пресвященства трехъ папъ, и котораго опредѣленія доселѣ считаются на западѣ главнымъ закономъ вѣры, нравственности и церковной дисциплины. На этотъ соборъ не были приглашены епископы православнаго восточнаго. Въ настоящій разъ папа Пій IX, можетъ быть, для того, чтобы во крайней мѣрѣ по внѣшности придать римскому собору 1869 года значеніе вселенскаго, разослалъ пригласительныя посланія протестантамъ и епископамъ православной восточной церкви. Но относительно протестантовъ возникаетъ серіозный вопросъ: епископовъ у нихъ, за исключеніемъ англиканской церкви, нѣтъ; какія же лица со стороны ихъ могутъ по праву явиться представителями на соборѣ, и будутъ ли такіе представители имѣть здѣсь право *«рѣшающаго»*, не совѣщательнаго только, голоса, который принадлежитъ лишь епископамъ или ихъ уполномоченнымъ? Впрочемъ, это мимоходомъ. Для насъ гораздо важнѣе приглашеніе

на соборъ восточныхъ епископовъ. Поставивъ, между прочимъ, своею задачею соединеніе церкви западной и восточной, папа не могъ не пригласить на соборъ предстоятелей восточныхъ церквей. Посланіе это, безъ сомнѣнія, или уже получено, или будетъ получено и святѣйшимъ всероссійскимъ синодомъ, и мы не станемъ предрѣшать, какой отвѣтъ дастъ папѣ нашъ всероссійскій помѣстный соборъ. Въ своемъ посланіи, котораго текстъ уже напечатанъ въ иностранныхъ газетахъ, глава римской церкви называетъ себя прямо преемникомъ того святаго князя апостоловъ, который получилъ отъ Бога преимущество предъ другими, и въ слѣдствіе этого онъ не можетъ, безъ большой опасности для своей души, пренебрегать ни одною отраслю народовъ, носящихъ христіанское имя. Затѣмъ папа пишетъ, что еще при самомъ началѣ своего первосвященства онъ приглашалъ отпавшихъ въ свою паству, но тщетно. Но онъ не покинулъ надежды на успѣхъ своего званія и еще разъ призываетъ, проситъ и заклинаетъ православныхъ епископовъ изъ глубины сердца, чтобы они явились на вселенскій соборъ 8 декабря 1869 г., подобно тому, какъ предшественники ихъ присутствовали на второмъ ліонскомъ соборѣ при Григоріѣ X и при Евгеніѣ IV,—римскихъ преосвященникахъ.

Попытки римской церкви возстановить единеніе съ восточною ми, точнѣе, *подчинить себѣ* восточную половину христіанскаго міра, начались почти сряду по окончательномъ раздѣленіи ихъ. Въ началѣ XIII вѣка, когда латиняне утвердились съ Константинополѣ (1204 года) и основали здѣсь латинскую имперію, повидному, легче всего было папамъ подчинить греческую церковь, и Иннокентій III пробовалъ сблизиться съ греками на соборѣ латеранскомъ: но усилія его и латинянъ, владѣвшихъ Константинополемъ, были столь же безуспѣшны, какъ и предъидущія. То же самое повторилось и на соборѣ ліонскомъ въ 1274 году. Въ 15 вѣкѣ, когда турки угрожали восточной имперіи и самому ея существованію, когда грекамъ оставалось искать помощи только на западѣ, папа воспользовался ихъ отчаяннымъ положеніемъ и на флорентинскомъ соборѣ въ 1439 году сдѣлалъ новую попытку

ку вынудить ихъ признать его главенство. Но и эта попытка повела только къ образованію грекоунитской церкви, весьма ограниченной и по объему, и по значенію. Это была со стороны Рима уже *пятнадцатая неудачная попытка* къ соединенію съ востокомъ. Во время тридентинскаго собора въ Римѣ такъ мало рассчитывали на уступчивость грековъ, что ихъ уже не приглашали присутствовать официальнымъ образомъ, и нѣкоторые изъ нихъ случайно присутствовали на немъ, бывъ привезены 1) венецианцами съ подвластныхъ послѣднимъ греческихъ острововъ. Послѣ флорентинскаго собора не было уже замѣчательныхъ попытокъ со стороны папъ къ соединенію церквей, кромѣ мѣстныхъ; такъ, на примѣръ, въ XVIII вѣкѣ нашъ посолъ въ Римѣ, князь Буракии, велъ по этому дѣлу довольно оживленные переговоры съ римскою курією, не приведшіе ни къ какому результату.

Пій IX—папа пропагандистъ, и за это превозносятъ ультрамонтанскія газеты. Благочестивый, но вмѣстѣ отважный и тщеславный, Пій IX искренно желаетъ оставить по себѣ слѣдъ въ церковной исторіи, сдѣлать имя свое славнымъ для всѣхъ вѣрныхъ римскихъ католиковъ и на всѣ послѣдующія времена. «*Непорочное зачатіе*», возведенное имъ въ догматъ латинской церкви, еще не утвердитъ его славы въ потомствѣ, потому что новый догматъ не утвержденъ еще общимъ соборомъ. Но и вообще новый quasi—вселенскій соборъ, даже, если бы онъ и не помогъ папѣ достигнуть какихъ нибудь особенныхъ результатовъ, самъ по себѣ весьма прославилъ бы его царствованіе. Между тѣмъ присутствіе на соборѣ протестантскихъ обществъ и предстоятелей восточной церкви весьма много возвысило бы и самый соборъ въ глазахъ народовъ: подобное соображеніе, въ связи съ пропагандистскимъ характеромъ папы, повело къ приглашенію на соборъ протестантовъ и восточныхъ христіанъ.

Конечно на востокѣ и западѣ, между находящимися внѣ общенія съ Римомъ, можно было бы найти представителей, которые своимъ положеніемъ, если не своими личными достоинствами, мог-

1) Насильно прибавить.

ли бы занять видное мѣсто въ ряду членовъ собора; но вопросъ въ томъ, какъ эти представители и ихъ мнѣнія и заявленія будутъ трактоваться на соборѣ? Что представителямъ континентальныхъ протестантовъ римскій соборъ не дастъ права на *привилегированный* голосъ, въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться, потому что иначе римская церковь отступила бы отъ своихъ каноническихъ правилъ. Можетъ быть, они будутъ допущены на соборъ только съ правомъ *совѣщательнаго* голоса или даже простыми зрителями и слушателями, какъ были допущены на первый вселенскій соборъ даже языческіе философы? Но въ такомъ случаѣ официальное приглашеніе не имѣло бы смысла, потому что недостатка въ любопытныхъ зрителяхъ и слушателяхъ изъ среды протестантовъ, особенно изъ среды праздныхъ англійскихъ лордовъ, не будетъ на соборѣ. Что касается до восточныхъ епископовъ, то имъ римская церковь имѣетъ полное право дать одинаковыя права съ латинскими членами собора, и, конечно, она дастъ такія права, особенно при вопросѣ о воссоединеніи восточнаго христіанства, съ западнымъ; но вопросъ самый важный здѣсь въ томъ, явятся ли еще на соборъ восточные епископы, примутъ ли они приглашеніе папы съ готовностію, даже могутъ ли они принять его?

Одна ультрамонтанская газета на эти вопросы отвѣчаетъ: «Вѣроятно, никто не явится—не потому, впрочемъ, что этому помѣшаютъ короли, султаны и цари, но потому, что эти восточные епископы, эти ихъ святѣйшіе синоды несговорчивы во всемъ, что касается римскаго православія.»

Ультрамонтанская газета едва ли ошибается, предсказывая, какъ на востокѣ принято будетъ папское приглашеніе на соборъ. Но это будетъ зависѣть не отъ несговорчивости восточныхъ синодовъ и епископовъ, а отъ характера самаго приглашенія и вообще постановки вопроса о единеніи церквей. Папа въ своемъ приглашеніи къ епископамъ, находящимся внѣ римской церкви, обращается, какъ намѣстникъ Христа, какъ преемникъ князя апостоловъ, который имѣетъ особенныя обязанности заботиться о всѣхъ христіанахъ и въ силу своихъ преимуществъ не можетъ

пренебрегать ни одною частію народовъ, носящихъ христіанское имя. Вдумываясь глубже въ дѣло, мы не можемъ не сознаться, что римскій первосвященникъ, неизмѣняя себѣ и притязаніямъ папства, не измѣняя всеѣмъ латинскимъ традиціямъ, не могъ поступить иначе. Восемь слишкомъ вѣковъ римскій папа открыто предъ всеѣмъ міромъ выдавалъ себя за верховнаго правителя Христовой церкви, римскіе католики издавна привыкли смотрѣть на него, именно какъ на верховнаго правителя церкви. Какъ верховный правитель, папа пишетъ католикамъ свою послѣднюю буллу о созваніи собора. Нельзя было ему, при обращеніи къ православнымъ епископамъ востока, вдругъ понизить *владычественный* тонъ и заговорить, какъ равному съ равными, какъ брату съ братьями, какъ единому отъ пастырей и слугъ Христовыхъ съ равными ему сопастырями и сослужителями. Нельзя было ему одною стороною лица смѣяться, а другою плакать: лицемеріемъ и ловкостію подобнаго рода онъ, по всей вѣроятности, заронилъ бы подозрѣнія въ умахъ восточныхъ христіанъ относительно искренности «братскаго» приглашенія и несомнѣнно оскорбилъ бы убѣжденія и притязанія ультрамонтанъ—католиковъ, такъ какъ это равнялось бы публичному сознанію папою того, что всеѣмъ послѣднихъ столѣтій исторіи латинской церкви—одна громадная ошибка. Съ своей стороны и православные епископы едва ли найдутъ возможнымъ принять приглашеніе, въ которомъ такъ ясно и такъ высокомерно ставится въ самомъ началѣ ученіе о папскомъ главенствѣ въ церкви, — ученіе, восемь вѣковъ отвергаемое ими. Папскій монархическій деспотизмъ въ области вѣры не можетъ вызывать сочувственнаго отношенія со стороны восточныхъ епископовъ, держащихся и привыкшихъ къ древнему управленію церкви Христовой, *представительному или соборному*, и въ этомъ случаѣ ультрамонтанская газета совершенно права, когда говоритъ, что *«восточные епископы и эти синоды ихъ весьма неговорчивы относительно всего, касающагося римскаго православія»*.

И по всей вѣроятности, вопросъ о соединеніи двухъ церквей придется римскому собору 1869 года разсматривать и рѣшать безъ

участія представителей одной изъ церквей, и именно безъ участія представителей древней вселенской церкви. Вся ошибка здѣсь можетъ быть выражена коротко такъ: *Римъ хочетъ присоединить къ себѣ восточную православную церковь, тогда какъ ему следовало бы хотѣть присоединиться къ ней.* Кто отпалъ и удался, тотъ первый и долженъ уничтожить прежнія раздѣленія, возвратиться и соединиться съ тѣми, кого произвольно оставилъ. Человѣческій родъ, — увидѣвшій первыя проявленія началъ общности и братства народовъ и племенъ земнаго шара въ области вѣры въ древнихъ вселенскихъ соборахъ, потомъ самъ начавшій стремиться къ осуществленію этихъ началъ средствами науки и просвѣщенія въ другихъ областяхъ дѣятельности и уже введшій; хотя и *не вселенскіе*, а пока только разные *международные* конгрессы и общества, — съ горестію долженъ видѣть теперь, какими непобѣдимыми трудностями окружено въ настоящее время повтореніе вселенскихъ церковныхъ соборовъ, которые прежде собирались съ такою легкостію, не смотря на отсутствіе желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и телеграфовъ и благодаря тогдашнему духу братства и христіанскаго единенія странъ и народовъ — безъ примѣса деспотическихъ притязаній на главенство — въ царствѣ Христовомъ.

(Кіев. Еп. Вѣд.)

2.

Иностранныя газеты, говоря о посланіи папы «*кѣ остымъ протестантамъ и не католикамъ,*» впали и увлекли насъ въ ошибку: онѣ, не имѣя подъ руками самаго посланія, думали, что оно непременно должно быть ни болѣе, ни менѣе, какъ приглашеніе на соборъ. Даже ультрамонтанская „Univerſ“, состоящая подъ особенно сильнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ Ватикана, писала, что въ этомъ посланіи папа приглашаетъ на соборъ «*всѣхъ, отдѣлившись отъ римской церкви въ XVI столѣтіи.*» Протестантамъ пришлось горько разочароваться: папа унивилъ предъ восточною православною церковію, когда въ посланіи

къ епископамъ ея, обнародованномъ въ день рождества Пресвятой Богородицы, умоляетъ ихъ прибыть на соборъ, а въ посланіи, отъ 13 сентября, къ протестантамъ только извѣщаетъ о соборѣ, не удостоивая ихъ приглашенія на него. Тонъ посланій къ восточнымъ епископамъ и къ протестантамъ также весьма различенъ: въ первомъ притязанія папы высказываются далеко не такъ ясно и опредѣленно, какъ въ послѣднемъ, что, въ свою очередь, также не могло не быть замѣчено протестантами.

И однако-жъ, въ противоположность надеждамъ и увѣреніямъ папы, именно тѣ страны міра, которыя входятъ въ составъ римско-католической церкви и имѣютъ счастье быть подъ верховнымъ пастырствомъ римскаго первосвященника, обнаруживали и обнаруживаютъ въ послѣднее время особенную склонность къ внутреннимъ смятеніямъ и особенное недовольство своимъ состояніемъ, таковы: Италія, Мексика, Ирландія, Австрія, Польша и правобѣрѣйшая Испанія. Но это мимоходомъ, и мы возвращаемся къ той точкѣ зрѣнія, съ которой мы посмотрѣли на посланіе папы къ протестантамъ въ началѣ настоящей статьи. Не только это посланіе обнародовано не одновременно, а спустя пять дней послѣ обнародованія посланія къ епископамъ православной восточной церкви, не только папа не удостоиваетъ здѣсь протестантовъ приглашенія на соборъ, но самый тонъ того другаго посланія весьма различенъ. Въ посланіи къ восточнымъ епископамъ *державныя права и автократическія притязанія* папы едва-едва высказываются и весьма ловко смягчаются фразами о единеніи и любви, заимствованными изъ древнихъ отцовъ церкви и изъ писемъ прежнихъ папъ: папа однажды только здѣсь упоминаетъ вскользь о преемствѣ своемъ отъ апостола Петра, и ни разу прямо не называетъ себя *намѣстникомъ или викаріемъ Христа на землѣ*. Въ посланіи къ протестантамъ и некатоликамъ онъ нѣсколько разъ начинаетъ рѣчь объ апостолѣ Петрѣ, о его и своихъ отъ него правахъ, прямо говоритъ, что онъ съ восшествіемъ на папскій престолъ исполняетъ обязанности намѣстника Христа на землѣ, отъ разномыслія протестантскихъ обществъ производитъ смятенія политическія и общественныя и говоритъ, что про-

пестанты не исповѣдуютъ истинной Христовой вѣры. Трудно опредѣлить, какія соображенія руководили римскою курією, когда она оставила столь различныя по тону посланія къ восточнымъ епископамъ и къ протестантамъ: но то вѣрно, что протестанты встрѣтили папское посланіе укоризнами и даже насмѣшками.

«Какъ добръ папа! иронически замѣчаетъ «Times,» по поводу его посланія къ протестантамъ. «Несмотря на всѣ удары судьбы, онъ печется о тѣхъ, которые давно отъ него отшатнулись. Что казалъ бы испанцы, если бы ихъ королева Изабелла стала убѣждать ихъ покориться ей, обязуясь управлять ими такъ же постыдно, какъ до сихъ норъ?... Потому папѣ слѣдуетъ готовиться къ вѣжливому отказу на его приглашеніе.» Другая англійская газета «Saturday Review» всѣмъ, рѣшительно всѣмъ недовольна въ папскомъ посланіи къ протестантамъ. Она обвиняетъ папу прежде всего въ небрежности и въ скарденности, съ какими онъ обнародовалъ свое посланіе въ своей малоизвѣстной официальной газеткѣ. Затѣмъ, она предполагаетъ, что у римской куріи были свои соображенія, когда она подобнымъ тономъ сочла нужнымъ говорить съ своимъ заблудшимъ козламъ. Папа, увѣряетъ газета, написалъ свое посланіе протестантамъ такъ, чтобы нельзя было ожидать на него отвѣта: оно рассчитано на то, чтобы не привлечь, а оттолкнуть протестантовъ. «Посланіе это, читаемъ въ «Saturday Review,» имѣетъ свою цѣну, и оно можетъ быть выставлено, какъ самое смѣлое проповѣдываніе самыхъ высокоумѣрныхъ притязаній, къ которымъ пришла новѣйшая римская теологія. Въ этомъ отношеніи, т. е. какъ указаніе того, до какихъ крайнихъ предѣловъ можетъ и расположена доходить ультрамонтанская партія, оно не только любопытно, но и весьма важно: но какъ посмотрѣть на него другія римскія партіи? Что касается до тѣхъ, къ кому именно адресовано посланіе, то, конечно, самъ папа не ожидаетъ, что оно будетъ принято, — если только не будетъ отвергнуто вовсе съ другимъ чувствомъ, а не съ чувствомъ, близкимъ къ презрѣнію.» Нѣмецкая газета «Freie Presse» увѣряетъ, что ни епископальные англійскіе и шведскіе протестанты, ни протестанты германскіе никогда не войдутъ въ соглашеніе съ Римомъ. «Съ ва-

ликою массою нѣмецкаго народа, который проникнуть духомъ протестансима, пишетъ означенная газета, папство ни теперь, ни въ будущемъ не можетъ рассчитывать на соглашеніе. Слишкомъ рѣзко и враждебно относятся они другъ къ другу. Папство требуетъ подчиненія мысли вѣрѣ, воли—державной власти духовнаго владыки; нѣмецкій протестансизмъ даетъ свободу мысли... Папство и протестансизмъ—это древнее и новое время, тьма и свѣтъ, это противоположности... Но что же значить послѣ этого папское посланіе? По всему видно, имъ хотѣли заставить міръ повѣрить тому, будто папство имѣетъ еще жизненные силы въ себѣ, будто оно можетъ взять на себя инициативу въ великомъ дѣлѣ примиренія разныхъ христіанскихъ церквей, будто оно можетъ создать то золотое время, когда будетъ едино стадо и единъ пастырь. Пожалуй, и можно было бы осуществить эту великую идею, но только согласно съ духомъ времени, а не противъ него. Первая реформація раздѣлила церкви, вторая могла бы соединить ихъ. Конечно, при *non possumus* невозможна никакая реформація. Папство уже не въ состояніи больше влить новыя силы въ старѣвшуюся церковь и соединить разъединенные члены христіанства: этого можно достигнуть посредствомъ священнаго духа свободы, а не посредствомъ той благочестивой страсти поработать и подчинять себѣ, которую проникнуто папское посланіе.»

Мы далеки отъ того, чтобы согласиться со всѣми сужденіями протестантской публицистики о папскомъ посланіи къ протестантамъ, сочувствовать ея насмѣшливымъ и презрительнымъ выходкамъ противъ папы, но думаемъ, что это посланіе, какъ болѣе ясно и откровенно высказывающее воззрѣнія и стремленія господствующей въ настоящее время въ совѣтахъ папы ультрамонтанской партіи, не должно быть упускаемо изъ виду восточными епископами при составленіи отвѣта папѣ на посланіе, обращенное собственно къ нимъ. Прежде всего въ посланіи къ протестантамъ папа не старается снизить до того, чтобы доказывать имъ свои положенія; хотя онъ увѣряетъ, что всѣ протестанты покрыты облакомъ заблужденія, но и онъ самъ не старается нисколько разсвѣять это облако; онъ принимаетъ за несомнѣнное такое ученіе,

которое составляло и составляет предметъ споровъ не только между нимъ и его епископами съ одной стороны и между православною восточною церквію и протестантами съ другой, но и между богословами и канонистами римско-католическими. Мы разумѣемъ то основное положеніе, которое папа опредѣленно развиваетъ въ посланіи къ протестантамъ, что онъ, въ своемъ званіи монарха и самодержца церкви, имѣетъ верховныя права управлять всею церквію и есть ея единый высшій законодатель и правитель. Такого ученія никогда формально не признала римская церковь, и можно опасаться, что вселенскій соборъ и созывается именно съ цѣлю формально утвердить подобную диктатуру. Не забудемъ, что подобное ученіе отвергли Босюеть, Де-Марка, Ван-Еспенъ, сорбонскіе доктора и соборы констанцскій и базельскій.

Выходя изъ такого воззрѣнія на себя, папа совершенно естественно поступаетъ, когда вслѣдъ затѣмъ обращается къ протестантамъ, какъ школьный начальникъ къ мальчикамъ. Древняя церковь совершенно иначе обращалась съ своими еретиками и раскольниками; она вразумляла, она доказывала имъ, она ихъ, какъ Арія, напримѣръ, приглашала для объясненій на соборы. *«Никто, говоритъ онъ, напримѣръ, не можетъ отвергать или сомнѣваться, что самъ Иисусъ Христосъ, чтобы усвоить всѣмъ сынамъ человѣческимъ плоды искупленія, на лицъ св. Петра устроить свою церковь»* и т. д. Что же это такое, что *«всякій знаетъ,»* чего *«невозможно отвергать,»* что *«неопровержимо?»* Это есть то самое ученіе, которое греки и протестанты, русскіе и англиканцы, пресвитеріане и сектаріанцы всегда отвергали и отвергаютъ. Папа говоритъ: этого никто не можетъ отвергать, — значитъ, мы не въ состояніи понимать того, что говоримъ, когда отвергаемъ это. Онъ смотритъ на настоящій міръ и говоритъ, что мы не должны говорить того, что говоримъ; онъ обращается къ міру прошедшему и увѣряетъ, что исторія всегда говорила то, чего, какъ известно, она никогда не говорила. Обыкновенно прежде говаривали пословицу: *Roma locuta est, causa finita est* (Римъ сказалъ, дѣло кончено); теперь слѣдуетъ сказать: *Pius loquitur, causa non est* (Пій говоритъ, основаній не ожидая!).

Въ заключеніе, мы остановимъ вниманіе читателѣй на одномъ странномъ утвержденіи, встрѣченномъ нами въ статьяхъ протестантской публицистики противъ папскаго посланія. Несмотря на то общее уваженіе, какое у насъ принято оказывать учености нѣмцевъ, странное утверженіе, обнаруживающее заразь и незнаніе церковной исторіи, и фанатическо-ультрамонтанскую недоброевѣстность относительно Россіи, мы встрѣтили именно въ нѣмецкой и притомъ въ протестантской газетѣ. «*Neue Freie Presse*» увѣряетъ, что въ продолженіе многихъ вѣковъ греческая церковь господствовала надъ латинскою. Не только въ первые вѣка, когда римскимъ епископамъ еще не приходило въ голову высказывать притязаній на игемонію въ христіанскомъ мірѣ, и когда большая часть соборовъ, и притомъ главнѣйшихъ, происходили на востокѣ и состояли почти изъ однихъ греческихъ епископовъ, но и послѣ даже до IX вѣка замѣчается преобладаніе греческой церкви; но когда подарки Пипина и Карла Великаго положили основаніе церковной области, и папы сдѣлались территоріальными владѣтелями, тогда они начали обнаруживать высокомеріе и фанатически присвоили себя господство въ христіанствѣ. Нѣкогда господствовавшая греческая церковь была заклеяна наименованіемъ еретической и, въ сравненіи съ Римомъ, стала развѣнчанною царицею.»

Но слѣдующее, чисто ультрамонтанское воззрѣніе особенно странно встрѣтить въ протестантской газетѣ. Оно не ново, но до такой степени любопытно, что мы приведемъ его сполна: «Въ настоящее время греческая церковь опять достигла своего могущества. Она стала государственною церковію имперіи, по странству величайшей въ мірѣ, и такъ какъ ей не удалось однако-жь уравнивать константинопольскаго патріарха съ папою, то, *въ замѣнъ этого, она сдѣлала папою петербургскаго царя (!)* Слѣдовательно (?) въ настоящую пору рѣшительно невозможно примиреніе, смиренное возвращеніе грековъ въ лоно католицизма. Противъ этого возстанутъ и царизмъ (!), и весь русскій народъ (это-то и главное!), и нельзя понять, какую цѣль имѣлъ въ виду Пій IX, приглашая на соборъ греческихъ епископовъ: они не явятся, они не могутъ явиться.

Замѣтимъ, съ своей стороны, одно. Какъ ни дико звучитъ въ православномъ русскомъ ухѣ подобное увѣреніе, что, кромѣ римскаго папы, есть еще «петербургскій папа» и за этою «дичью», распускаемою по Европѣ нашими же великосвѣтскими отступниками отъ православія, гоняются даже протестантскіе писатели, и находятъ возможнымъ выставлять ее на показъ, какъ цѣнную добычу. И все это зависитъ не столько отъ существа дѣла, сколько отъ неопредѣленности у насъ отношеній между церковію и государствомъ, о которой такъ много и иногда весьма основательно разсуждала одна московская газета.

(*Вечерн. Газета*).

3.

Приглашеніе на римскій вселенскій соборъ, адресованное папою къ православнымъ и протестантамъ, все еще продолжаетъ занимать иностранную публику и печать. Всѣ единодушно соглашались, что приглашеніе это никоимъ образомъ не достигнетъ предполагаемой цѣли. Протестантизмъ слишкомъ далеко ушелъ отъ папства, чтобы возможно было между ними примиреніе. Недавно еще берлинская Voergeshalle («Биржевая Газета») указала на бездну, раздѣляющую эти два вѣроисповѣданія. «Папство, говоритъ она, требуетъ покорности мысли, полного ея подчиненія верховной волѣ единой духовной главы; протестантство смотритъ на мысль, какъ на щитъ, и предоставляетъ каждому право отрицать или вѣровать: при такомъ глубокомъ антагонизмѣ никакая сдѣлка невозможна. Папство и протестантство, старое время и новое, тьма и свѣтъ—это такія противорѣчущія понятія, которыя по меньшей мѣрѣ равносильны одно другому,» и т. д. Но не о томъ мы намѣрены повести рѣчь въ настоящую минуту. Насъ занимаетъ то, какъ смотритъ иностранная журналистика на возможность осогланенія между православіемъ и католицизмомъ и на самое устройство православной церкви. Въ этомъ отношеніи мы встрѣтили въ нѣкоторыхъ органахъ иностранной журналистики такія мысли, которыя безспорно дѣлаютъ честь ихъ безпристраст-

ному взгляду на дѣло. Изъ множества заявленій въ этомъ смыслѣ мы приведемъ особенно выдающіяся, и прежде всего укажемъ на ту самую берлинскую газету, о которой уже упомянули выше.

«Биржевая Газета» полагаетъ, что греческіе епископы жевѣ, чѣмъ когда нибудь, имѣютъ побужденій къ примиренію съ Римомъ. Указавъ на историческія и политическія причины, препятствующія этому примиренію, она переходитъ къ вопросу о главенствѣ папы. «Въ продолженіи многихъ вѣковъ, говоритъ берлинская газета, ерховная власть въ дѣлахъ церковныхъ принадлежала востоку. о времяхъ Иисуса Христа до IX вѣка, епископамъ римскимъ даже и въ голову не приходило заявлять какія либо притязанія на главенство въ церкви. Большая часть важнѣйшихъ соборовъ собирались на греческой почвѣ, и являлись на нихъ преимущественно греческіе епископы. Все это было весьма естественно. Патріархъ константинопольскій возсѣдалъ въ центрѣ обширной имперіи, на политическія дѣла которой онъ нерѣдко оказывалъ важное вліяніе, тогда какъ папа, хотя и пользовался духовною властію въ Римѣ, но былъ лицомъ безсильнымъ, подчиненнымъ произволу эзарховъ или королей ломбардскихъ. Но когда подарки Пипина Короткаго и Карла Великаго основали церковную область, тогда папы, пріобрѣвъ могущественную свѣтскую власть, присвоили себѣ всѣ возможные права и захватили въ свои руки власть надъ христіанскимъ міромъ, заклеивъ въ тоже время восточную церковь именемъ еретической. Въ настоящую пору церковь греческая сдѣлалась снова могущественной и, подъ покровительствомъ русскаго Царя, обращеніе ея въ католичество сдѣлалось невозможнымъ. Не только цари, но и весь русскій народъ, весь востокъ возстанутъ противъ подобнаго обращенія,—и рѣшительно становится непонятнымъ, какою цѣль могъ имѣть въ виду Пій IX, обращающійся съ своимъ приглашеніемъ къ греческимъ епископамъ. Они не пойдутъ въ Римъ, они не могутъ идти туда.»

Устраняя то, что есть чисто внѣшняго въ этомъ взглядѣ протестантской газеты на отношенія востока къ западу, нельзя не согласиться, что ею высказана глубокая правда римскому первосвященнику, и хорошо было бы, если бы онъ воспользовался этимъ

случаемъ, чтобы взвѣсить свое собственное положеніе и стать на историческую почву для опредѣленія своихъ правъ въ церкви христіанской.

Но вотъ другая статья иностранца, замѣчательная въ другомъ отношеніи. Въ парижской газетѣ Temps («Время») появилась корреспонденція изъ Флоренціи, касающаяся вопроса о церкви русской и именно объ отношеніи ея къ свѣтской власти. Известно, что по этому предмету въ западномъ мірѣ господствуетъ чрезвычайно ложный взглядъ, вызванный сколько общимъ складомъ возрѣній западнаго и собственно католическаго міра на отношенія церкви къ государству, столько же невѣжествомъ и ненавистью католицизма къ православію. Западно-католическій міръ упорно твердитъ, не смотря ни на какія опроверженія и ни на какіе факты, что въ Россіи свѣтская власть облечена властію духовною и въ этомъ качествѣ даже устанавливаетъ догматы и утверждаетъ правила вѣры. Читатели наши, вѣроятно, не забыли блистательной полемики, веденной по этому вопросу лѣтъ семь тому назадъ почтеннымъ предстоятелемъ православной нашей церкви въ Парижѣ (нынѣ предсѣдатель учебнаго комитета при святѣйшемъ Синодѣ), протоіереемъ І, В. Васильевымъ съ епископомъ нантскимъ Александромъ. Знаменитое письмо о. Васильева къ этому прелату, путемъ безошадной логики и неопровержимыхъ фактовъ, уничтожило фальшивыя возрѣнія на русскую церковь, высказанныя вышеупомянутымъ епископомъ въ посланіи къ своей паствѣ. Но, какъ видно, съ людьми, которые насильственно закрываютъ глаза отъ свѣта, трудно дѣйствовать путемъ убѣжденія. Фальшивыя возрѣнія на русскую церковь ходятъ и будутъ еще долго ходить въ католицизмѣ. Упомянутый выше корреспондентъ парижской газеты, пользуясь приглашеніемъ папы къ восточнымъ епископамъ, рѣзко возстаетъ противъ этого намѣреннаго ослѣпленія и осыпаетъ ихъ вполне заслуженными упреками и насмѣянками за распространеніе лжи.

Мы не будемъ приводить здѣсь самаго изложенія сущности дѣла, изложенія правдиваго, заключающагося въ корреспонденціи. Для русскихъ читателей въ немъ нѣтъ ничего новаго; но любо-

пытно это защищеніе православной церкви со стороны человека посторонняго и принадлежащаго къ инославному исповѣданію. «Устройство святѣйшаго Синода, говоритъ онъ, часто было представляемо въ искаженномъ видѣ католическими писателями. Кто не читалъ ихъ рассказовъ о русскомъ императорѣ, который, въ слѣдъ за военнымъ парадомъ, занимается будто бы составленіемъ членовъ вѣры? Кто не слышалъ объ этомъ артилерійскомъ или гусарскомъ полковникѣ, устанавливающимъ церковныя обряды? Все это ребяческія бредни писателей, которыхъ я охотно называю бы потѣшниками сакристін. Впрочемъ эти потѣшники далеко не забавны въ своихъ остроумныхъ выходкахъ... Говорятъ, что соединеніе свѣтской власти съ высшимъ наблюденіемъ въ области церковной въ лицѣ русскаго монарха дѣлаетъ русскую церковь какою-то принадлежностью кавалерійскихъ полковниковъ, — это ложь, это нелѣпость; но само собою разумѣется, что это соединеніе устраняетъ возможность рѣзкаго противорѣчія въ дѣлахъ церкви съ общимъ ходомъ государственныхъ дѣлъ... Къ чему это маскарадное преодѣванье? къ чему эта ложь? Я прочелъ много католическихъ сочиненій, направленныхъ противъ русской церкви, и никогда не встрѣчалъ такого безстыднаго соперничества въ сферѣ духовной... И какъ легко было бы обратить противъ самаго Рима тѣ самыя упреки въ суетвѣрнхъ, которыми онъ осыпаетъ русскую церковь... Когда посмотришь на эти возмутительныя глупости, то невольно приходятъ на мысль тѣ ничтожныя личности, которыя въ своемъ площадномъ неистовствѣ кричатъ: «А, ты не хочешь молчать, — такъ я выскажу все,» и они дѣйствительно высказываютъ все, что взбредетъ имъ на умъ.»

Это рѣзкое слово правдиваго человека, возмущающагося явною ложью, приводитъ насъ къ мысли, какъ хорошо было бы, если бы представители православной церкви на Востокѣ и въ Россіи, по поводу вызова, сдѣланнаго папой, въ торжественномъ посланіи высказали свое твердое, убѣдительное и вѣстѣ братское слово римскому первосвященнику. Мы помнимъ, что по поводу приглашенія къ соединенію съ католическою церковью, сдѣланнаго восточной церкви тѣмъ же папою, при возшествіи своемъ на рим-

скій престоль, православные патриархи востока отвѣчали ему посланіемъ, которое навсегда сохранится въ лѣтописяхъ православной церкви. Посланіе это не убѣдило папы; но важно, если православная церковь будетъ по временамъ высказываться въ слухъ всего христіанскаго міра. Если братское слово православнаго востока останется бездѣйственнымъ въ стѣнахъ Рима, то оно не пройдетъ безслѣднымъ для истинно вѣрующихъ и для ищущихъ истины во всѣхъ странахъ христіанскаго міра. Слово истины, проникнутое духомъ любви, не можетъ не отозваться въ сердцахъ ихъ. Оно особенно важно теперь, когда между христіанами нѣкоторыхъ исповѣданій пробудилось движеніе для изысканія религіозной истины и когда самъ глава католической церкви призываетъ къ обсужденію религіозныхъ вопросовъ. Но и во всякомъ случаѣ, слово православнаго востока было бы его торжественнымъ исповѣданіемъ вѣры, еще разъ свидѣтельствующимъ объ истинѣ, принесенной на землю Божественнымъ Испытателемъ. Это было бы лучомъ свѣта посреди мглы, облегающей отовсюду религіозное сознаніе современнаго человѣчества...

(Совр. Лист.)

4.

ПРИЕМЪ ПАПСКИХЪ ПОСЛОВЪ ЕГО СВЯТѢЙШЕСТВОМЪ ПАТРИАРХОМЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМЪ.

Въ субботу, 5-го октября, въ 10 ч. утра, члены латинской церкви въ Константинополѣ, дон-Теста и три аббата, прибыли въ патриархатъ. Принятые протосингеломъ со всею церемоніею, употребляемою въ подбныхъ случаяхъ, члены латинской церкви были допущены до его святѣйшества патриарха, который принялъ ихъ благосклонно, позволилъ имъ поцаловать свою руку и обнялъ ихъ по обычаю, изъявляя удовольствіе видѣть ихъ у себя.

Дон-Теста и три аббата встали съ мѣсть своихъ, и въ то время, какъ дон-Теста вынималъ изъ кармана богато преплетенную брошюру, одинъ изъ трехъ аббатовъ его свиты произъ есъ на греческомъ языкѣ слѣдующую рѣчь: „Въ отсутствіе монсиньора Брунони, находящагося теперь въ Римѣ, мы пришли пригласить ва-

ше святѣйшество принять участіе во вселенскомъ соборѣ, долженствующемъ собраться въ Римѣ въ слѣдующемъ 1869 году, 8-го декабря, и просимъ васъ принять пригласительное посланіе его святѣйшества папы“.

По знаку патриарха, дон-Теста положилъ возлѣ его принесенное имъ посланіе, и его святѣйшество пригласилъ всѣхъ чстырехъ латинскихъ аббатовъ снова сѣсть на свои мѣста.

Послѣ нѣкотораго молчанія, патриархъ, тономъ, исполненнымъ кротости и смиренія, сказалъ: „Еслибъ въ римскихъ газетахъ не было уже напечатано письмо, которымъ его святѣйшество приглашаетъ насъ въ Римъ на соборъ, который вы называете вселенскимъ, и еслибъ мы не знали уже цѣли и желаній папы, то съ большимъ удовольствіемъ приняли бы письмо патриарха древняго Рима, въ надеждѣ найти въ немъ какую-нибудь новую мысль; но это письмо, уже дошедшее до насъ въ печати, объяснило намъ цѣль его святѣйшества—цѣль, діаметрально противоположную православной церкви Востока, и мы объявляемъ вамъ, почтеннѣйшіе отцы, съ искренностью и прискорбіемъ, что мы не можемъ принять ни подобнаго приглашенія, ни подобнаго письма, которое повторяетъ тѣ же правила, противоположныя духу евангелія, постановленіямъ вселенскихъ соборовъ и писанію св. отцовъ.

„Въ 1848 году, его святѣйшество папа уже сдѣлалъ подобный шагъ, побудившій тогда вселенскую церковь послать ему соборное посланіе, въ которомъ просто и ясно было изложено несогласіе между апостольскими преданіями и принципами Рима, посланіе, которое было очень непріятно его святѣйшеству, что ясно доказывалъ его тогдашній отвѣтъ.

Такъ какъ папа не уклонился отъ своихъ правилъ и такъ какъ мы, милостію Божіею, не отклонились отъ нашихъ, то и не желаемъ напрасно причинять новыя неудовольствія папѣ и растревлять застарѣлыя раны. Мы не хотимъ также разжигать уснувшую ненависть, потому что мы всѣ, болѣе нежели когда нибудь, нуждаемся въ евангельской любви, чтобъ предохранять церковь Христову отъ разнородныхъ опасностей, ее окружающихъ. Мы думаемъ, что разрѣшеніе церковнаго вопроса надобно псать въ исторіи.

„Десять вѣковъ назадъ существовала одна церковь, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, исповѣдовавшая одни и тѣ же догма-

ты. Обратимся къ этой эпохѣ и посмотримъ, кто измѣнилъ ихъ прибавленіями и убавленіями. Уничтожимъ нововведенія, если онѣ окажутся, и тогда мы незамѣтно снова станемъ на ту точку каеолическаго православія, отъ которой все болѣе и болѣе удаляясь, древній Римъ увеличилъ пропасть, насъ раздѣляющую, вводя новыя догматы и новыя постановленія, несомвѣстныя съ священными преданіями“.

Въ отвѣтъ на вопросъ аббата Тесты, о какихъ разнствующихъ принципахъ говорить, его святѣйшество, патріархъ сказалъ: “ Не входя въ подробности, повторяемъ вамъ, что до тѣхъ поръ, пока на землѣ будетъ существовать церковь Христова, мы не можемъ допустить ни другого верховнаго пастыря, кромѣ самаго Господа нашего, ни существованія непогрѣшимаго патріарха, превышающаго власть вселенскихъ соборовъ, которымъ однимъ принадлежать титулъ *непогрѣшимыхъ*, потому что они всегда соображались съ духомъ св. Писанія и апостольскихъ посланій. Мы не можемъ допустить неравенства апостоловъ, вѣря равносильности просвѣщенія ихъ св. Духомъ, ни первенства какого-нибудь патріарха или папы, основаннаго не на соборномъ и человѣческомъ распоряженіи, а, какъ вы утверждаете, на правѣ божественномъ.”

Одинъ изъ аббатовъ замѣтилъ, что Римъ не думаетъ измѣнять этихъ принциповъ, что флорентинскій соборъ провозгласилъ соединеніе обѣихъ церквей и что папа, въ виду рѣшенія, имъ изложеннаго, приглашаетъ всѣхъ еще несоединившихся и непросвѣщенныхъ участвовать въ римскомъ соборѣ, съ цѣлью просвѣтить и свести ихъ воедино. Патріархъ отвѣчалъ: “Только одни люди безъ образованія могутъ не знать того, что было писано противъ флорентинскаго собора, и, конечно, вы не изъ числа этихъ людей, почтенные отцы. Собраніе, созданное съ политическою цѣлью и для интересовъ свѣтскихъ, а не духовныхъ, не заслуживаетъ названіе св. собора, хотя оно и принудило нѣкоторыхъ изъ вашихъ, голодомъ и всякаго рода насиліями, принять на нѣкоторое время рѣшеніе тогдашняго папы. Св. отцы церкви Востока и Запада и семь соборовъ, которые одни только и могутъ называться вселенскими—вотъ руководители непогрѣшимые и вѣрные пастырю западной церкви, если онъ искренно хочетъ и ищетъ евангельской истины, и только ими и чрезъ нихъ мы можемъ соединиться въ священномъ объятіи догматическаго единенія. Все,

что будет сдѣлано вѣ этого пути, будетъ признано немогущимъ присоединять къ себѣ членовъ церкви восточной. Впрочемъ, если нѣкоторые епископы западной церкви, неувѣренные въ догматахъ вѣры, ими исповѣдуемой, желаютъ собраться, чтобъ провѣрить ихъ, то они имѣютъ полное право собраться, когда и гдѣ имъ угодно; но мы не имѣемъ въ этомъ никакой надобности, потому что тверды въ преподаваемой намъ вѣрѣ св. отцовъ. Но, почтеннѣйшіе отцы, если уже мы говоримъ о вселенскихъ соборахъ, то позвольте сказать вамъ, что они собирались совершенно иначе, нежели это дѣлается теперь. Еслибъ его святѣйшество папа, принявъ за правило равенство и братство апостольское, сознавалъ, что по каноническимъ законамъ, онъ только *primus in paribus* (первый между равными), то вмѣсто того, чтобъ публиковать въ газетахъ слова и рѣчи, доказывающія намѣреніе его выдавать себя за верховнаго главу христіанства, онъ долженъ бы былъ письменно адресоваться къ каждому патріарху восточной церкви, спрашивая своихъ братьевъ во Христѣ, раздѣляютъ ли они его мнѣніе о созваніи собора, какіе вопросы должны быть разсматриваемы, гдѣ и когда долженъ быть созванъ предполагаемый соборъ. Обратимся опять къ исторіи и къ вселенскимъ соборамъ, если вы искренно желаете нашего соединенія; если же нѣтъ, если это для васъ слишкомъ большой трудъ, то ограничимся тѣмъ, что будемъ возсылать къ престолу Божию молитвы „о мирѣ всего міра и о соединеніи церквей!“ При теперешнихъ же обстоятельствахъ мы объявляемъ вамъ, что не можемъ принять ни вашего приглашенія, ни вашего окружнаго посланія“.

„Однѣ молитвы поведутъ ли насъ къ соединенію?“ спросилъ одинъ изъ аббатовъ. „Если человекъ боленъ, мы призываемъ къ нему врача, хотя надѣемся на Бога и молимъ о его выздоровленіи“.

Патріархъ отвѣчалъ: „Когда дѣло идетъ о болѣзни духовной и нравственной, Господь Богъ нашъ знаетъ, кто боленъ, сколько онъ страдаетъ, какой родъ его болѣзни и какія должны быть употребляемы лекарства. Повторяемъ, что считаемъ молитву необходимою для того, чтобъ Спаситель міра внушилъ каждому рѣшимость дѣйствовать во славу Божию“.

Сказавъ это, патріархъ приказалъ протосингелю, присутствовавшему при аудіенціи, взять брошюру и передать ее предста-

вителю монсиньора Брунони. Послѣ чего четыре аббата откланялись его святѣйшеству вселенскому патриарху и, провожаемые протосингеломъ до лѣстницы, оставили патриархатъ.

Эта аудіенція, полная достоинства со стороны патриарха, произвела сильное впечатлѣніе на все православное населеніе 1).

Совр. Лист.

*(Продолженіе будетъ *).*

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРАВОСЛАВНЫХЪ БРАТСТВАХЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

Православныя братства въ нашихъ западныхъ губерніяхъ начали возникать и укрѣпляться преимущественно въ то время, когда гнетъ латино-польской пропаганды, стремившейся къ истребленію православной вѣры и русской народности, сдѣлался невыносимымъ, въ особенности во время продолжительнаго царствованія Сигизмунда III. Скромныя ремесленныя и купеческія корпорации, пользовавшіяся значительной автономіей по Магдебургскому праву, подъ руководствомъ и покровительствомъ сильныхъ защитниковъ православія изъ западно-русскаго дворянства и аристократіи, сами составили себѣ тогда точныя, опредѣленные *уставы дѣятельности* для защиты православной вѣры и русской народности, выхлопотали утвержденіе ихъ королевскими грамотами и, въ такомъ видѣ, братской дѣятельности своей придали характеръ благотворительности въ самомъ обширномъ значеніи слова. Богатые, роскошные дворцы немногихъ ухранившихся отъ ополченія западно-русскихъ магнатовъ гостеприимно открывали тогда братчикамъ свои залы, гдѣ скромные иноки, на ряду съ именитыми вельможами и гражданами, трудились усердно для уничтоженія чуждаго іезуитскаго вліянія и для защиты силою слова православія и угнетенной народности. По мѣрѣ накопленія матеріальныхъ средствъ братства начали заводить тогда богадѣльни, училища, типографіи, раздавать пособія деньгами, утварью, кни-

1) И, конечно, инославное, потому что подобныхъ примѣровъ христіанскаго братолюбія, величія истины, ясности, силы и полноты (при краткости) довольно, немного представляетъ исторія. Ред. «Вѣст. Зап. Россіи».

*) Смотри 6-ю кн. Вѣстника З. Р. отдѣлъ III, и 7-ю отдѣлъ IV.

гами и т. п., такъ что, напр., братство, существовавшее при Богоявленской церкви въ Кіевѣ, основало въ концѣ XVI вѣка ту знаменитую школу, обратившуюся въ послѣдствіи въ кіевскую академію, которая послужила потомъ образцомъ подобной же школы въ Москвѣ, подъ именемъ Законоспаскаго училища или славяно-греко-латинской академіи. На эти историческія воспоминанія навело насъ печатаемое ниже письмо изъ Пропойска о дѣятельности существующаго тамъ съ 15 мая 1864 года православнаго братства. Въ ничтожномъ мѣстечкѣ Быховскаго уѣзда Могилевской губерніи, Пропойскѣ, благодаря религіозному усердію нѣкоторыхъ искреннихъ ревнителей православія, возникло братство, которое въ теченіи четырехлѣтней дѣятельности своей успѣло возбудить къ себѣ такое сочувствіе, что со всѣхъ концовъ Россіи отозвались съ участіемъ жертвователи, снабдившіе братство деньгами болѣе 5½ тысячъ, церковною утварью и разными вещами, на сумму болѣе тысячи рублей, да книгами болѣе тысячи экземпляровъ. Кромѣ того, пожертвованъ братству деревянный домъ, капитально передѣланъ имъ на пожертвованныя деньги другой домъ каменный, въ которомъ помѣщено народное училище, поддержанное и улучшенное на братскія же средства, наконецъ его же стараніями созданъ стройный хоръ пѣвчихъ изъ учениковъ народнаго училища и мѣстныхъ причетниковъ. Въ настоящее время братство занято уже осуществленіемъ новаго дѣла — устройствомъ на свои средства больницы и богадѣльни. Такіе результаты, достигнутые небольшимъ кружкомъ русскаго общества въ незначительномъ мѣстечкѣ, служатъ самымъ нагляднымъ доказательствомъ того, что правительство, разрѣшивъ возобновленіе братствъ, дало въ руки русскаго общества силу, которая самымъ культурнымъ образомъ можетъ воздѣйствовать на развитіе и укрѣпленіе въ народѣ русскіхъ началъ жизни, среди далеко нещезнувшихъ еще здѣсь чуждыхъ неблагоприятныхъ вліяній. Мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣми, которые смятыя доказать, что въ настоящее время, при энергическомъ покровительствѣ православію и русской народности со стороны правительства, и то и другое находится

внѣ всякой опасности отъ гибельныхъ вліяній, что братства, возникшія здѣсь во время гоненій на нашу вѣру и народность, нынѣ отжили свой вѣкъ и составляютъ теперь не что иное, какъ апахронизмъ. Мы отвѣтимъ на это, что далеко не достигнута еще цѣль нравственнаго объединенія нашихъ единовѣрцовъ на окраинахъ съ велико-русскими собратьями, многое еще, оставшееся отъ прежняго порядка вещей, повторяется и нынѣ и не перестаетъ поражать свѣжаго русскаго человѣка своимъ безобразіемъ. Еще много у насъ храмовъ Божіихъ, лишенныхъ благолѣпія, много еще сохранилось особенностей, идущихъ со временъ уни и неизвѣстныхъ въ церкви православныхъ бѣлоруссовъ, равнодушныхъ къ посѣщенію православныхъ храмовъ, наклонныхъ къ костелу, читающихъ молитвы по польски, уклоняющихся отъ русскихъ школъ народныхъ. Явленія эти едва ли могутъ скоро прекратиться, если правительство будетъ дѣйствовать въ край одно, безъ поддержки русскаго общества; официальные мѣры его будутъ преслѣдовать только внѣшнее проявленіе зла, не касаясь внутреннихъ его основъ. Мѣрами этими могутъ, напр., быть предупреждены открытыя соvrащенія, тогда какъ возможны соvrащенія тайныя; а можно ли отрицать послѣднія, когда существуютъ въ край римско-католическіе приходы съ богатыми костелами и резиденціями? Короче, нужно быть на мѣстѣ или послушать вѣстей изъ глухихъ захолустьевъ, гдѣ лучше видно настоящее положеніе вещей, чтобы понять, какъ много слѣдовъ пропаганды остается еще и доселѣ и какія нужны усилія *именно со стороны русскаго общества*, чтобы бороться съ вредными вліяніями и дѣло народности и, въ особенности, православія поставить внѣ всякой опасности. Поэтому всѣми мѣрами нужно содѣйствовать правильной и плодотворной организаціи здѣсь русскихъ общественныхъ силъ и предупреждать поползновенія къ разьединенію, столь у насъ обыкновенному; необходимо это въ особенности въ виду единодушія и крѣпкой солидарности польскаго и еврейскаго обществъ.

Чтобы убѣдиться нагляднѣе, до какой степени недостаточенъ одинъ правительственный образъ дѣйствованія въ дѣлѣ религіи

и народной культуры, мы сошлемся въ заключеніе
ство лица, бывшаго посредникомъ между нуждами
скихъ приходоѡвъ и школъ съ одной стороны и бл
русскихъ людей съ другой,—лица, которое, по само
своему, могло безпристрастно обсудить разницу меж
емъ, возникшимъ по частной инициативѣ, и такимъ
веденнымъ казеннымъ способомъ. «Опытъ прежнихъ
ворится въ отчетѣ этого лица, по устройству п
церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ западныхъ губе
жавшійся болѣе четверти столѣтія (въ 1832 по 18
казалъ, что *однихъ правительственныхъ средс
ныхъ мѣръ, какъ бы онѣ ни были значительны
не достаточно было для успѣха дѣла.* По вѣд
ставленнымъ изъ западнаго края, о состояніи право
вей, оказывалось, что свыше трехъ тысячъ изъ
въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, принадлежащихъ бо
полямъ, были въ столь неудовлетворительномъ с
многія изъ нихъ грозили разрушеніемъ и были по
ны, а остальные, по своему безобразію, убожеству
требовали безотлагательной помощи. Оказывалось
многихъ мѣстностяхъ, за недостаткомъ церквей и
шей утвари, въ теченіе 20 и болѣе лѣтъ, не сове
служенія; въ церквахъ же, перешедшихъ къ намъ
треблялись прежніе, почти негодные по своей ветх
жебные предметы и книги типа уніатскаго, и на
одномъ почти приходѣ не существовало народныхъ
ти православныхъ родителей нерѣдко посѣщали учи
жимыя ксендзами при сосѣдственныхъ костелахъ».
отчетѣ далѣе читаемъ: «успѣхъ устройства церквей
участіемъ мѣстныхъ прихожанъ и содѣйствіемъ русск
*безъ чего всѣ казенныя распоряженія оказывал
ми, поверхностными и односторонними.* Дал
требовалось также знаніе истиннаго положенія края
къ его народонаселенію и близкаго знакомства съ
ходовъ, о чемъ *не только гражданское, но и б*

вославное въдомство имѣли до 1858 года самая свѣдѣнія, крайне неполныя свѣдѣнія. Наконецъ устройство церквей было немислимо безъ участія такихъ дѣятелей, для которыхъ водвореніе на западѣ Россіи присущихъ ей началъ было не одною только обязанностію службы, но и дѣломъ глубокаго внутренняго убѣжденія». Такъ отзывалось о нашихъ западныхъ епархіяхъ лицо, знакомое съ состояніемъ ихъ не по рассказамъ анонимныхъ корреспондентовъ, но по документамъ, не подлежащимъ сомнѣнію и по заявленіямъ, не боявшимся повѣрки.

Въ настоящее время въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ существуетъ, сколько извѣстно, 187 православныхъ церковныхъ братствъ, большинство которыхъ возникло послѣ 1863 года. Желательно, чтобы эти общественныя учрежденія заявляли о своей дѣятельности. Мы съ удовольствіемъ открываемъ для этого страницы «Вил. Вѣстника» 1).

(Вил. Вѣст.)

ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ РЕЛИГІОЗНЫХЪ БРАТСТВЪ И ОРДЕНА ІЕЗУИТОВЪ ВЪ ИСПАНІИ.

Въ «Мадридской Газетѣ» напечатанъ текстъ упомянутыхъ нами прежде декретовъ объ уничтоженіи религіозныхъ братствъ и ордена іезуитовъ. «Принимая во вниманіе,» сказано въ первомъ изъ этихъ декретовъ, «что религіозныя братства и общины, образованіе которыхъ не только допускалось прежнимъ правительствомъ, но даже находилось подъ особымъ его покровительствомъ, имѣютъ цѣлью ввести въ Испаніи учрежденія, несовмѣстныя съ свободой; что эти религіозныя братства составляли существенную и главную часть той угнетательной и позорной правительственной системы, которую народъ такъ блистательно низвергъ; что для упроченія начатой революціи и для введенія новыхъ учрежденій существенно необходимо въ самомъ скоромъ времени уничтожить эти братства и общины, — верховная мадридская правительствен-

1) А мы, съ своей стороны, страницы „Вѣстника Зап. Россіи.“

ная юнта и временное правительство предлагаютъ въ видахъ общественнаго блага, слѣдующія мѣры: 1) упразднить религіозныя братства и общины, вновь основанныя новленными прежнимъ правительствомъ съ 1835 годъ; 2) дать свободный выходъ изъ всѣхъ братствъ, которыя изъяты отъ предъидущей мѣры; 3) отменить всѣ дарованныя религіознымъ братствамъ». Мадридъ 1-го 1868 года. Президентъ Іоакимъ Агвирре.

«Приказъ по министерству юстиціи: Предписываю правильное-организованнаго ордена, извѣстнаго именемъ «братства Іисуса», какъ въ предѣлахъ полуострова на обрестныхъ островахъ. Всѣ семинаріи и коллегіи, находящіяся на владѣніи свѣтскими имуществами, должны быть закрыты въ теченіе трехъ дней. Для достиженія этой цѣли мѣсту въ каждомъ изъ нихъ вѣщается въ обязанность разослать предписаніе духу во всѣ провинціи, гдѣ существуютъ подобныя братства. Подъ свѣтскими владѣніями, подлежащими конфискаціи, считаются всѣ земли, все движимое имущество, принадлежащее къ орденамъ, зданія и доходы, составляющіе часть народнаго имущества. По силѣ королевскаго декрета отъ 4-го іюля 1835 года. членство въ орденахъ не дозволяется составлять новоприходящимъ, кромѣ того, носить платье ордена или находиться въ какой-либо зависимости отъ начальниковъ обществъ, существующихъ какъ въ самой Іспаніи, такъ и внѣ ея границъ. Члены ордена, принадлежавшія къ этому ордену, подчиняются гражданскому суду. Возлагая на архіепископовъ, епископовъ и священниковъ, облеченныхъ церковной или гражданскою властью, обязываю ихъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами исполненію настоящаго постановленія. Мадридъ, 12-го іюля 1868 года. Министръ юстиціи, Антонію Рамеро Ортица,»

(Санкт-Петербургъ.)

РОЛИ ПОЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА СРЕДИ ЗАПАДНО-РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ.

(Окончаніе. См. кн. 7-я).

Изъ предыдущихъ статей о роли польскаго духовенства на Руси достаточно уясняется, что для Рима такъ называемый полонизмъ сдѣлался орудіемъ достиженія цѣлей римской куріи, орудіемъ, хотя и погубившимъ Рѣчь Посполитую (спасеніе которой, разумѣется, не входило въ своекорыстные расчеты папъ), но не перестававшимъ приносить пользу римской куріи и сильно помогавшимъ осуществленію задачи Ватикана—распространенію всѣми способами римскаго католицизма. Въ этомъ-то и заключалась роль *польскаго* духовенства среди западнаго *русскаго* и литовскаго населеній. Руководствуясь такою точкою зрѣнія, мы призываемъ, что не польскій народъ является историческимъ врагомъ нашимъ, а взлелѣванный папами полонизмъ въ смыслѣ уродливаго союза религіи съ панско-шляхетскими преданіями 1). Полонизмъ въ такомъ смыслѣ одинаково враждебенъ какъ русскимъ, такъ и польскимъ *народнымъ* началамъ, и постоянная оппозиція его, выражающаяся мятежами, хотя и представляется агитаторами клерикально-бѣлой партіи политической и національной, въ дѣйствительности—оппозиція просто сословная, іезуитско-шляхетская, стремящаяся къ восстановленію утраченнаго, къ прежнему, весьма выгодному и доходному произволу. Чтобы не быть голословнымъ, достаточно указать на всѣмъ извѣстный фактъ систематическаго обезземеленія польскими панами крестьянъ 2), на отношенія ихъ

1) Еще въ 1550 году состоялся въ Рѣчи Посполитой законъ о томъ, что только шляхтичъ можетъ быть возводимъ въ высшее духовное званіе, то есть быть прелатомъ и каноникомъ; въ 1639 году законъ этотъ распространенъ и на Великое Княжество Литовское; даже и по воссоединеніи съ Россіей западныхъ губерній онъ примѣненъ нашимъ правительствомъ при новообразованной въ 1783 году могилевской епархіи и въ 1798 году—минской.

2) Такъ въ Польшѣ къ времени Высочайшаго указа объ улучшеніи быта крестьянъ изъ 3,270,000 земледѣльцевъ оказалось до 40%, т. е. 1,338,000 крестьянъ пролетаріевъ, изгнанныхъ панами и лишенныхъ земли, скота и даже самыхъ необходимыхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Тоже самое и въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ, какъ напр. въ Ковенской съ ея польскими панами, оказалось до 21% безземельныхъ батрковъ-пролетаріевъ, да 20% такъ называемыхъ безземельныхъ же вольно-сказковыхъ крестьянъ.

къ народу, какъ къ рабочему скоту (быдлу) и въ западной Россіи, и въ Рѣчи Посполитой—этой классической странѣ самоуправства аристократіи и безправія народа. Уже король Янъ Казиміръ предвидѣлъ, что бѣдственное положеніе крестьянъ погубитъ со временемъ Польшу. Въ 1657 году, во время войны съ Швеціею и Россіею, король и паны публично признавались въ кафедральномъ соборѣ во Львовѣ, что Богъ семь лѣтъ караетъ Польшу голодомъ и войною за слезы и угнетеніе простаго народа, и клялись, послѣ заключенія мира, употребить всѣ мѣры для освобожденія народа отъ угнетенія. Но по окончаніи войны паны не захотѣли разстаться съ привиллегіями—и клятва забыта. Все улучшение по отношенію къ крестьянамъ ограничилось тѣмъ, что черезъ сто слишкомъ лѣтъ, именно въ 1768 году, на барской конфедераціи постановлено лишить помѣщиковъ права на жизнь своихъ «подданныхъ», за нарушеніе каковаго права шляхтичъ съ тѣхъ поръ долженъ судиться въ городскихъ или земскихъ судахъ. Двадцать лѣтъ спустя, въ 1788 году, проектъ короннаго канцлера Андрея Замойскаго о лучшемъ устройствѣ крестьянъ возбудилъ противъ него только страшное гоненіе и ненависть пановъ. Предпринятія въ то же время подскарбіемъ литовскимъ Тизенгаузомъ улучшения въ столовыхъ литовскихъ королевскихъ имѣніяхъ остались также безъ послѣдствій; его планы показались опасными панамъ и онъ также сдѣлался жертвою ихъ козней. Благая мысль нашего правительства при введеніи въ 1846 году инвентарей, которыми предполагалось обезпечить крестьянамъ извѣстныя права за исправно - отбываемыя повинности, также не могла положить предѣла произволу пановъ, а въ Польшѣ указъ объ инвентаряхъ просто *обманнымъ* образомъ, которому покровительствовала шляхетская администрація, не только не приведенъ въ исполненіе, но чуть ли не послужилъ еще къ ухудшенію быта крестьянства 1). Всѣми этими данными, кажется, достаточно подтверждается, что смыслъ польско - ксендзовскихъ мятежей въ западной Россіи ужъ никакъ нельзя объяснить желаніемъ блага *народнаго*, а просто, какъ замѣчено выше, стремленіемъ къ возврату утраченныхъ польскимъ духовенствомъ и панствомъ матеріальныхъ выгодъ, извлечавшихся ими отъ безправнаго русскаго и литовскаго народа.

1) Съ подробностями этого обстоятельства можно ознакомиться въ извѣстномъ сочиненіи Моллера Situation de la Pologne.

Теперь, по инициативѣ Царя-Освободителя, народъ этотъ свободенъ, обеспеченъ, имѣетъ русскія и русско-литовскія школы, русскіе люди некутся о его благосостояніи — и неужели только пастырей его духовныхъ слѣдуетъ оставить при ихъ старыхъ *польскихъ* традиціяхъ, при той старой польской закваскѣ, которая воспитана римскою куріею въ ея собственномъ интересѣ, на началахъ ненависти ко всему русскому и православному? Неужели для бѣлоруссовъ и литовцевъ-католиковъ священниками непременно должны быть поляки или, правильнѣе, бѣлоруссы и литовцы, искусственно ополченные семинарскимъ воспитаніемъ? Зачѣмъ, по прежнему, въ нашихъ замкнутыхъ для остальнаго міра римско-католическихъ семинаріяхъ будущіе пастыри русско-литовскаго народа должны поучаться духовному краснорѣчію по образцамъ польскаго іезуита конца XVI вѣка Петра Скарги, всѣ поученія котораго пропитаны ненавистію къ русскимъ «схизматикамъ»? Неужели для святаго служенія русскому отечеству католическими пастырями — гомилетика, наука духовныхъ поученій, должна обращаться въ исторію польской литературы, съ выборкою образцовъ изъ тѣхъ духовныхъ польскихъ писателей, которые вражду къ иновѣрію русскихъ возводятъ чуть не въ добродѣтель, награждаемую всѣми райскими блаженствами? Если допускать неприкосновенность польщизны и *старыхъ преданій* въ стѣнахъ заведеній, подготовляющихъ духовныхъ руководителей народа, то развѣ не значить это съ полнымъ равнодушіемъ ждать новаго появленія такихъ пастырей и даже клириковъ, какихъ, во время послѣдняго мѣтежа, много десятковъ бѣжало до ясу и поступало по преимуществу въ жандармы-вѣшатели? Конечно, всякій безусловно признаетъ, что въ ряду преобразованій различныхъ учреждений въ западномъ краѣ нашемъ самой настоятельной реформы требуютъ римско-католическія семинаріи въ смыслѣ подготовленія изъ клириковъ истинныхъ служителей алтаря, — католиковъ, преданныхъ *русскому* отечеству, а не агитаторовъ и мечтателей. Это кроется между прочимъ въ самой *организации* у насъ учреждений, воспитывающихъ клириковъ и, слѣдовательно, устраненіе его, во сколькоу оно зависить отъ организаціи, возможно и нисколько не выходитъ изъ сферы правительственнаго вліянія. И въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, воспитанникамъ которыхъ до известной степени затруднена притомъ служба государству въ запад-

ныхъ губерніяхъ, польщизна изгнана окончательно, но сколько же разъ необходимое изгнаніе ея изъ стѣнъ семинарій, воспитанники которыхъ всѣ поступаютъ на священную службу отечеству, — именно въ западно-русскомъ краѣ?

Когда, по воссоединеніи съ Россіей западныхъ губерній, императрица Екатерина поручила исполненіе своихъ предначертаній, по отношенію къ римско - католикамъ воссоединенныхъ областей, талантливому и просвѣщенному р. католическому епископу Сестренцевичу, то первымъ дѣломъ его было правильное и сообразное высокому призванію духовенства устройство семинарій, каковую и основалъ онъ въ 1778 году въ Могилевѣ, въ замѣнъ жалкихъ пародій, на семинаріи, существовавшихъ по нѣскольку при епархіяхъ подѣ безконтрольнымъ завѣдываніемъ епископовъ. Въ семинарію впервые введенъ въ курсъ преподаванія языкъ русскій, при чемъ замѣчательно также, что знаменитый римско - католическій іерархъ находилъ нужнымъ преподавать въ семинаріи *«каноническое право въ тѣхъ границахъ, которыя будутъ начертаны императоромъ для католической въ Имперіи церкви, пользующейся его покровительствомъ»*. Но извѣстно, какое гоненіе воздвигла на всѣ блага начинанія Сестренцевича, въ томъ числѣ и на его семинарію, старая польско-клерикальная партія, руководимая иезуитами, которые въ то время пользовались пріютомъ въ одной только Россіи, будучи изгнаны, вслѣдствіе упраздненія ордена папою, изъ всѣхъ государствъ Европы. Такимъ образомъ по прежнему не переставала чувствоваться потребность въ замѣнѣ невѣжественнаго духовенства образованнымъ. Въ удовлетвореніе этой потребности въ 1803-мъ году, по проекту знаменитаго куратора виленскаго университета, князя Чарторыйскаго, открыта, такъ названная, главная семинарія при виленскомъ университетѣ, въ которую для окончательнаго образованія должны были поступать лучшіе воспитанники епархіальныхъ семинарій. Непосредственное управленіе ея было поручено, подѣ предсѣдательствомъ ректора университета (лица духовнаго), особому комитету, составленному изъ трехъ профессоровъ богословскаго факультата, двухъ членовъ виленской канитулы и униатскаго священника. И противъ этой семинаріи подняты гоненія тою же партіей. Поводомъ къ нимъ она выставляла подчиненіе семинаріи не мѣстному епи-

скому, а комитету (хотя и составленному изъ лицъ духовныхъ) въ дѣйствительности же главнымъ мотивомъ недовольства была боязнь, что сопривосновеніе клириковъ съ обществомъ студентовъ убьетъ духъ касты и традиціонной нетерпимости, что знакомство съ истинною наукою уничтожитъ выгодный для касты фанатизмъ, и не трудно было для нея бороться съ ненавистной семинаріей: деньги, въ количествѣ всего 65,000 рублей, назначенныя изъ доходовъ богатыхъ монастырей на содержаніе семинаріи, нарочно не доставлялись исправно, а петербургскіе доминиканцы, въ концѣ царствованія Александра, прямо просили его закрыть семинарію, какъ вредную, такъ какъ ни въ одномъ католическомъ государствѣ нѣтъ главныхъ семинарій, а есть только епархіальныя. Не смотря на могущественное заступничество князя Чарторыйскаго, не смотря на существенную пользу, которую приносила главная семинарія 1), она была упразднена.

Правительство наше, какъ вѣрный представитель народной русской вѣротерпимости, не смотря на всѣ пережитыя испытанія, никогда не лишало католическаго духовенства своего довѣрія и даже, по конкордату 22-го іюля (3 августа) 1847 года, предоставило ему самоуправленіе до такой степени, что относительно семинарій, напр., у епископа въ своей епархіи по прежнему осталось право высшаго управленія по предмету воспитанія, ученія и внутренней дисциплины, — право выбора и увольненія ректоровъ, инспекторовъ, профессоровъ и учителей съ одобреніемъ правительства, — право прекращенія на время одного или нѣсколькихъ курсовъ наукъ въ семинаріи и даже — совершеннаго прекращенія всѣхъ курсовъ вдругъ, съ доведеніемъ объ этомъ до свѣдѣнія правительства. Понятно, какъ пользовались этими правами тѣ епископы, которые довели правительство во время послѣдняго мятежа до необходимости лишить ихъ епископскихъ кафедръ и выслать изъ Россіи. Они воспользовались между прочимъ этимъ правомъ въ такой ущербъ своему русскому отечеству, что клирики, русскіе же подданные, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ не имѣли ни русскихъ библіотекъ, ни учителей русскаго языка и словесности, не говоря уже объ отечественной исторіи, а если и имѣли, то

1) Между прочимъ, всѣ лучшіе современные римско-католическіе іерархи, какъ замѣчаетъ авторъ исторіи католицизма въ Россіи, принадлежать къ воспитанникамъ главной семинаріи.

вольнонаемныхъ, безъ права голоса въ совѣтъ, или вообще педагогическаго или нравственнаго вліянія на воспита Кромѣ того не только общее образованіе, столь необходимо учебныхъ заведеній, гдѣ вошло въ обычай, какъ въ н скихъ семинаріяхъ, принимать неуконъ изъ 4-го и д класса, но и специально-духовное—отличалось такимъ н ровнемъ, что оканчивавшіе курсъ семинаристы, дѣлались в выносили изъ стѣнъ семинаріи полное *невѣжество* (даз учивались языку латинскому) съ самымъ дикимъ притол тизмомъ. Короче, семинаріи только внѣшнимъ образомъ вали клериковъ въ знаніи преимущественно обрядовой латинскаго богослуженія, чему въ особенности способствов *крытость семинарій*, отчуждавшая ихъ совершенно от наго міра. Само собою разумѣется, что *полонизованный преподавателей* проводилъ польщизну въ души семина какъ политико-религіозную доктрину, о которой многіе, бенности изъ простаго народа—бѣлоруссы, литовцы или жму весьма часто до поступленія въ стѣны семинаріи имѣл смутное понятіе.

Разумѣется, что семинаріи, наравнѣ съ другими учре западнаго края, должны подлежать полному пересозданію болѣе, что и начала, которыя должны быть положены в ніе этого дѣла, теперь указаны. Это—провнесенное ст трона обрусеніе западной окраины Россіи и указъ 22-г прошедшаго года, отмѣнившій обязательную силу конкорда года и подчинившій управленіе дѣлами римско-католичес Ховенства вѣдѣнію установленныхъ для того въ государс стей и управленій, *на основаніи коренныхъ законовъ сійской Имперіи и Царства Польскаго*.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго прямо, логич текается то необходимое заключеніе, что для упраздне навсегда возможности проявленія той вредной историческ какую играло *польское* духовенство въ судьбахъ западно края, слѣдуетъ радикально преобразовать, по нашему мнѣ томники этого духовенства — семинаріи и положить въ преобразованія ихъ слѣдующія начала:

1) *обрусеніе ихъ* посредствомъ поднятія въ нихъ русской науки и представителей ея, русскихъ преподават

2) *открытость семинарій* въ замѣнъ интерната, для ослабленія въ средѣ семинаристовъ фанатизма и преобладанія виѣшней дрессировки, притупляющихъ свободное развитіе чувства нравственнаго и гражданскаго долга, и

3) *поднятіе уровня образованія*, какъ общаго, такъ и духовнаго, съ цѣлю, посредствомъ безпристрастной науки и дѣльнаго преподаванія, дать будущимъ пастырямъ народа надежную точку опоры противъ революціонныхъ внушеній мнимыхъ патріотовъ и возстановителей ойчизны. Разсмотримъ каждое изъ этихъ положеній по-рознь.

Безспорна, до очевидности, необходимость расширенія преподаванія русскаго языка, словесности, русскои и всеобщей исторіи и географіи, равно какъ и предоставленіе учителямъ этихъ предметовъ права голоса въ педагогическомъ совѣтѣ семинаріи, наравѣ съ преподавателями духовныхъ предметовъ; само собою разумѣется, что для перевода въ слѣдующіе классы и для выпуска изъ семинаріи, съ удостоеніемъ въ духовное званіе, отгѣтки изъ этихъ предметовъ должны быть удовлетворительны. Естественно предполагать, что трое или четверо русскихъ преподавателей, съ достаточнымъ штатнымъ содержаніемъ, соразмѣрнымъ, напр., съ жалованьемъ учителя гимназій, съ правами на пенсію и классъ должности по учебному вѣдомству, вполне обезпечить независимость, почетное значеніе и вліяніе ихъ въ средѣ другихъ преподавателей семинаріи. Сосредоточеніе трехъ семинарій сѣверо-западнаго края въ одну также представляетъ своего рода удобство, такъ какъ предполагаемое при этомъ соединеніе и матеріальныхъ средствъ можетъ способствовать, безъ увеличенія издержекъ, улучшенію и возвышенію матеріальнаго и духовнаго благосостоянія семинаріи и ея воспитанниковъ, число которыхъ въ сѣверо-западномъ краѣ не доходитъ въ настоящее время и до 150-и. Излишне распространяться о томъ, что мѣра эта, вполне согласуясь съ Высочайшею волею обрусенія, нисколько не нарушаетъ коренныхъ основаній католицизма, ибо совершенно обходитъ религію, а опытъ соединенія семинаристовъ изъ разныхъ епархій въ одной, такъ называемой, главной семинаріи былъ произведенъ уже при Чарторыйскомъ, основавшемъ ее при виденскомъ университетѣ, и оказался весьма полезнымъ.

Правительствомъ нашимъ и дѣйствующими въ Имперіи и Цар-

ствѣ Польскомъ законами уже давно отдано предпочтеніе открытымъ учебнымъ заведеніямъ, экстернатамъ, предъ закрытыми, интернатами. На этомъ основаніи почти въ каждомъ губерскомъ городѣ Имперіи и Царства возникли женскія гимназіи для приходящихъ ученицъ, закрыты монастырскія школы и пансіоны, и даже кадетскіе корпуса раскрыли двери свои для приходящихъ кадетовъ; пансіоны при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и всѣхъ корпусахъ существуютъ до настоящаго времени только какъ необходимая, пока неизбѣжная мѣра при нашихъ огромныхъ разстояніяхъ, чтобы давать недостаточнымъ и удаленнымъ отъ учебныхъ заведеній родителямъ возможность приличнаго воспитанія дѣтей за сравнительно умѣренную плату, Отчего не примѣнить этого благаго и руководящаго наше правительство принципа въ дѣлѣ свѣтскаго образованія — къ семинаріямъ, тѣмъ болѣе, что принципъ этотъ вполне примѣненъ и къ православнымъ семинаріямъ? Жизнь въ обществѣ, а не въ четырехъ стѣнахъ, имѣетъ отрезвляющее вліяніе на умъ и фантазію молодаго человѣка; между тѣмъ, какъ отчужденность отъ міра и корпоративная замкнутость, какъ извѣстно, всегда и вездѣ способствовала прочному водворенію въ стѣнахъ заведенія дурныхъ привычекъ, а слѣдовательно — и ксендзовской дрессировкѣ и фанатическому отупленію. Скажутъ, что жизненная среда Вильны и другихъ губерскихъ городовъ западной Россіи имѣетъ въ себѣ столько польскихъ элементовъ, что не можетъ быть признана вполне здоровою воспитательною сферою? Но это легко опровергается тѣмъ положеніемъ, что какъ бы ни были полонизованы города наши, все таки полонизація эта не въ состояніи совершенно устранить отрезвляющаго вліянія свободной жизни, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время во очію совершается столь замѣтная перемѣна къ лучшему, что отвергать постепенное возрастаніе русскихъ началъ жизни въ полонизованныхъ городахъ нашихъ, значило бы совершенно игнорировать всѣ послѣднія нововведенія и зачатки русской жизни въ формѣ ли русскихъ общественныхъ мѣстъ для развлеченія, русскаго театра, русскихъ клубовъ, читаленъ и постоянно увеличивающагося здѣсь наплыва русскихъ людей, не говоря уже объ ожидаемыхъ результатахъ знаменательнаго указа 10-го декабря 1865 года. Наконецъ ничто не препятствуетъ примѣнить и къ открытымъ семинаріямъ существующій въ гимназіяхъ западныхъ губерній обычай посѣще-

ни и воспитателями ученическихъ квартиръ для наблюденія за образомъ жизни воспитанниковъ и ихъ домашними работами. Такимъ образомъ и съ этой стороны открытость семинарій предотвратитъ до известной степени нехорошее вліаніе элементовъ городской польщизны, а между тѣмъ принесетъ существенную пользу болѣе здоровому направленію и воспитанію клириковъ.

Поднятіе науки и болѣе солидное и серьезное отношеніе къ образованію, какъ по общимъ предметамъ, такъ и по духовнымъ, необходимо обусловитъ пріятіемъ въ семинарію или кончившихъ курсъ въ гимназіяхъ (въ такомъ случаѣ безъ экзамена), или по экзамену не ниже 5-го класса. Взрослый, до известной степени уже научно развитой гимназистъ будетъ не такъ легко податливъ на фанатизацію, кромѣ того, что большая научная подготовка способствуетъ къ болѣе солидному и дѣльному продолженію занятій съ нимъ науками въ семинаріи. Поднятіе уровня образованія въ семинаріи, по отношенію къ занимающему насъ вопросу, важно и въ томъ отношеніи, что вообще наука имѣетъ свойство дѣлать людей болѣе консервативными, болѣе устойчивыми въ сохраненіи порядка, существующаго всегда и вездѣ на основаніи постепенно и органически слагающихся условій исторіи. Невѣжество и фанатизмъ всегда были и будутъ наиболѣе легкою добычею агитаторовъ, тогда какъ люди солидно-развитые никогда не уступаютъ трудомъ пріобрѣтенныхъ убѣжденій безъ упорнаго боя. Вотъ почему Высочайшимъ указомъ 30 августа 1864 года, о преобразованіи учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ, признано необходимымъ поднятіе уровня образованія, какъ прямое противодѣйствіе агитаторамъ волновать мечтательными планами невѣжественную молодежь. И социалистскіе агитаторы, напр., сороковыхъ годовъ во Франціи и Германіи набирали партизантовъ своихъ наиболѣе среди невѣжественныхъ artisan'овъ и ремесленниковъ, или недоучившагося пролетаріата, между тѣмъ, какъ весьма рѣдко видимъ мы людей истинно-образованныхъ, а тѣмъ менѣе, французскихъ *сигэ* и нѣмецкихъ пасторовъ — такихъ же католиковъ, какъ и наши есенды, только съ лучшимъ образованіемъ, — въ числѣ агитаторовъ; только у насъ удавалось крамогѣ втягивать въ свои сѣти невѣжественныхъ и фанатическихкихъ пастырей. Съ какой же стати будемъ мы искусственно поддерживать невѣжество въ ринско-католическихъ семинаріяхъ, принимая туда не-

уковъ ? Напротивъ , примемъ достаточно подготовленнымъ жимъ семинаріи экстернатомъ, дадимъ имъ нашихъ лучшихъ телей — и новое поколѣніе римско - католическихъ священниковъ забудетъ свое прежнее позорное историческое значеніе среди русскаго и литовскаго населеній и, проникнутое сознательной исторической правдою, сдѣлается искреннимъ служителемъ своего русскаго отечества.

(Вил. Вѣст.)

О ВИЛЕНСКОМЪ МУЗЕУМЪ ДРЕВНОСТЕЙ.

Бывшій главный начальникъ края графъ М. Н. ... предложилъ, въ 1865 году, особой наряженной имъ коммиссіею сдѣлать подробный разборъ виленскаго музеума древностей, чтобы предметы, напоминающіе польское въ краѣ владѣніи искусственно поддерживающіе между здѣшнимъ населеніемъ точныя надежды и преступныя стремленія, были собраны и размѣщены въ отдѣльной залѣ, впредь до дальнѣйшаго распоряженія. На основаніи этого предложенія бывшая коммиссія раздѣлила всю коллекцію на четыре отдѣла: русскій, литовскій, смѣшанный или обще-научный и польскій. Первые три отдѣла въ зданіи музеума, коммиссія выдѣлила въ отдельный четвертый и помѣстила его временно, до другаго назначенія, въ одной изъ залъ виленской классической гимназіи, а на время этою коммиссіею поручила, съ согласія бывшаго попечителя учебнаго округа одному изъ преподавателей гимназіи. Нынѣшній попечитель учебнаго округа П. Н. Батюшковъ, желая ознакомиться, между прочимъ, съ польскимъ отдѣломъ музеума и, не находя ни въ зданіи музея, ни въ бумагахъ публичной бібліотеки, (принадлежащихъ музеуму) съ 1866 года состоитъ музеумъ) надлежащихъ описателей этого отдѣла, назначилъ, съ согласія, главного инспектора края А. Л. Потапова, при депутатѣ отъ генераль-губернскаго управленія, особую коммиссію, подъ предѣтельствомъ инспектора виленскаго учебнаго округа Н. Н. Новоторая, согласно даннаго ей порученія, составила подро-

си вещамъ польскаго отдѣла, хранившимся въ зданіи гимназіи. По разсмотрѣніи этихъ описей генераль-губернаторъ, раздѣляя мысль покойнаго графа М. Н. Муравьева по предмету этого отдѣла, нашелъ необходимымъ вывезти его, въ цѣломъ его составѣ, въ московскій публичный Румянцовскій музей и предложилъ попечителю войти по этому предмету съ представленіемъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Управляющій министерствомъ съ своей стороны, не встрѣчая никакого препятствія къ осуществленію этого предположенія, предоставилъ попечителю привести его въ исполненіе, и такъ какъ ни Румянцовскій музей, ни министерство не могли, за неимѣніемъ денежныхъ средствъ, принять на свой счетъ издержки по перевозкѣ въ Москву коллекцій польскаго отдѣла, то главный начальникъ края отпустилъ нужную на этотъ предметъ сумму изъ средствъ генераль-губернаторскаго управленія. Нынѣ, вещи эти, въ 39 тюкахъ, уже отправлены въ Москву при особомъ чиновникѣ изъ управленія учебнаго округа. Считаемъ не безынтереснымъ для нашихъ читателей помѣстить здѣсь опись отправленнымъ вещамъ, не вдаваясь ни въ какія особенныя комментаріи, такъ какъ и безъ нихъ самый перечень вещей можетъ дать довольно ясное понятіе о научномъ и археологическомъ достоинствѣ и значеніи отправленной коллекціи. Не лишнимъ считаемъ присовокупить при этомъ о городскомъ слухѣ объ одномъ лицѣ, намѣревающемся предъявить претензію на принадлежность ему нѣкоторыхъ вещей, отданныхъ музею будто бы на храненіе. На основаніи вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ, мы имѣемъ достаточное основаніе заявить, что ни въ дѣлахъ учебнаго округа, ни въ бумагахъ библиотечно-музейныхъ нѣтъ ни одного заявленія или другихъ документальныхъ данныхъ о томъ, чтобы какой либо изъ предметовъ былъ данъ музею только для храненія; притомъ вопросъ этотъ окончаельно былъ рѣшенъ еще первою комиссіею для пересмотра коллекцій музея, которой бывшій попечитель его и членъ той комиссіи графъ Евстафій Тышкевичъ, въ третьемъ засѣданіи (5 марта 1865 года), засвидѣтельствовалъ, что *«наличное имущество музея составляетъ общественное достояніе.»* Съ другой стороны нѣтъ никакого повода предполагать, чтобы, въ случаѣ представленія со стороны

претендующаго не голословныхъ показаній, а вполне доказанныхъ доводовъ принадлежности ему нѣкоторыхъ вещей лекціи—управленіе того или другаго музеевъ отказало п ту въ законномъ удовлетвореніи, тѣмъ болѣе, что ни в случаѣ не можетъ имѣть вліянія на ограниченіе чьего-л собственности на музейныя вещи—самый актъ перевоза Вильны въ Москву, изъ одного ученаго учрежденія въ другое же.

Списокъ отправленнымъ вещамъ:

- Урна баллотировочная съ латинскими словами: „Affirmo“
Алебастровый снимокъ съ памятника Варвары Радзивилл.
Барельефъ Любецкаго.
Гербъ Варвары Нарушевичъ.
Алебастровый снимокъ съ памятника Варвары Радзивилл.
Ельскій—его работы барельефъ.
Загайскій—надгробный камень съ польскою надписью.
Іосифъ Понятовскій, алебастровая головка.
Еще одинъ алебастровый снимокъ съ памятника Варвары Радзивилл.
Слизень, художникъ, барельефъ его работы.
Ходкевичъ, бюстъ.
Алебастровая копія съ памятника Мицкевичу.
Ягеллоны, мраморное надгробіе княгини изъ дома Ягеллоновъ.
Маленькій алебастровый барельефъ Варвары Радзивилл.
Изразецъ въ четырехъ кускахъ съ гербъ Ходкевичей.
Горскихъ.
Дзялынскій, польскій писатель, — разбитый медальонъ изъ гипса.
Два изразца изъ лѣтнаго дворца великихъ князей Литвы.
Станиславъ Августъ—фарфоровый бюстъ его.
Кохановскій—алебастровая бронзированная статуетка.
Чугунный надгробный барельефъ съ пушками.
Чугунный барельефъ изъ Ковенскаго костела бернардинцевъ.
Стушевучъ—польскій живописецъ—алебастровая маска.
Гомолицкій Михаилъ, ученый—алебастровая маска.

Мицкевичъ—маленькій алебастровый бюстъ.

Маленькій чугунный бюстъ Гофмановой.

Профессора Юндзилла алебастровая маска.

Брасницкій—архіепископъ Глѣзенскій—маленькій алебастровый бюстъ.

Лѣтная работа изъ базилианскаго св. Троицкаго монастыря.

Нарбутъ—алебастровая маска.

Ходкевичъ—гипсовая маска его.

Мраморная доска съ польскою надписью о постоянной льготѣ во время сеймовъ.

Балинскій—докторъ—алебастровый барельефъ.

Абихтъ—докторъ—алебастровая маска.

Колаковскій епископъ, гипсовый барельефъ его.

Алебастровый снимокъ (3-й) съ памятника Варвары Радзивиллъ.

Ирида, разбитый барельефъ.

Пара мѣдныхъ стѣнныхъ подсвѣчниковъ, составленныхъ изъ герба Сапѣговъ.

Алебастровый снимокъ (4-й) съ памятника Варвары Радзивиллъ.

Четыре изразца съ изображеніемъ на двухъ изъ нихъ апостоловъ Петра и Павла.

Круглый гипсовый барельефъ неизвѣстнаго содержанія.

Алебастровый снимокъ (5-й) съ памятникъ Варвары Радзивиллъ.

Изразцы съ лѣтнаго дворца великихъ князей Литовскихъ.

Сигизмундъ 1-й—изразецъ съ изображеніемъ его въ коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ.

Августъ III, металлическій медальонъ, масл. красками.

Надгробная дощечка Готарда Тивенгауза, 1640.

Наленчъ, Лодзь и два неизвѣстныхъ герба на камнѣ.

Барельефъ съ 4 неизвѣстными гербами.

Три бляхи, содранныя съ гербовъ Огинскихъ.

Гербовая бляха неизвѣстнаго герба.

Трава съ могилы Карпинскаго.

Тарелка съ именемъ кн. Радзивилла.

Изображеніе на мѣди неизвѣстнаго лица.

Св. Доминикъ—живописное изображеніе его на мѣдномъ медальонѣ.

Иванъ Непомувъ—живописное изображеніе его на м. дальонѣ.

Кубокъ изъ слоновой кости съ гербомъ Сапѣговъ.

Бекешъ, вождь Стефана Баторія; предполагаемые к шапка, найденные при обрывѣ горы и башни его Вильнѣ.

Хрустальный бокаль съ именемъ князя Карла Радзвигъ.

Хрустальный бокаль съ гербомъ Раецкихъ.

Хрустальный бокаль съ гербомъ Труба.

Рюмка съ гербомъ и именемъ Михаила Огинскаго.

Августъ III, кубокъ съ его изображеніемъ.

Хрустальный бокаль съ польскою надписью: «вивать»

Хрустальный бокаль съ гербомъ Чарторыжскихъ.

Кубокъ съ гербомъ Радзивилловъ и Сапѣговъ.

Хрустальный бокаль съ гербомъ Огинскихъ.

Казиміръ великій—зеленаго стекла кубокъ съ крышею, на немъ изображенъ коронованный рыцарь, опирающийся на мечъ; находится надпись: „Kraakowiae Casimirus Rex polsky.“

Бокаль съ гербомъ Нарбутовъ.

Хрустальный бокаль Тышкевича съ гербомъ Литвы.

Хрустальный бокаль, названный Кулявка, съ гербомъ Сапѣговъ.

Графинъ, стаканъ и подносы, принадлежавшіе бывшему обществу Шубравцевъ, которое издавало: «Вѣдмостовой,» главною цѣлью коихъ было осмѣиваніе русификаціи (безъ надписи).

Алебастровый снимокъ (6-й) съ памятника Барвары Радецкой.

Фотографическіе снимки съ моделей памятниковъ Леопольда II.

Мраморный барельефъ съ истертою надписью.

Собчевскій, латинскій поэтъ XVII вѣка.

Чарнецкій—мраморный барельефъ его.

Модель памятника митрвополиту Дмоховскому.

Августъ II, клинокъ отъ одной изъ шпагъ, названныхъ густовскими.

Сабля изъ дома гр. Тышкевичей; съ одной стороны орлы и надпись: «Вивать шляхтичъ, панъ фундаторъ вѣковъ»

вать воля и добро повсехносци; съ другой—литовскій всадникъ и слова: «вивать найвысша владза шляхты, вивать вольные сей-ники и послы.»

Августъ II, бердышъ, почетное оружіе внутренней стражи Августа II.

Сигизмундъ III, сабля съ его изображеніемъ.

Сабельный клинокъ.

Клиники съ польскою подписью «Янъ Островскій.»

Августъ II, два молотка для разбиванія латъ, время Августъ II-го.

Сабля Костюшки въ латинскою надписью: «Америка своему другу» и проч.

Сабля съ латинскою надписью: pro gloria Poloniae.

Сабля съ польскимъ орломъ и надписью: pro gloria et patria.

Гитара поэта Карпинскаго.

Съданный молью плащъ Мицкевича.

Салфетка съ гербами Польши и Литвы.

Владиславъ IV; кайма отъ занавѣса той кровати, на которой онъ будто бы умеръ

Польскій поясъ изъ лакированной кожи съ голунами и гербовою пряжкой.

Шапка-конфедератка.

Уланская шапка польскихъ войскъ.

Шапка гетмана Забѣлло съ литовскимъ гербомъ.

Суконный коверъ съ гербомъ Подубинскихъ.

Поясъ литовскій съ гербовою бляхою.

Шапочка, въ которой будто бы умеръ въ Парижѣ Нѣмцевичъ.

Янъ Собѣскій—чепракъ, принадлежавшій ему подъ Вѣною.

Станиславъ-Августъ—шитый серебромъ чепракъ его.

Уланская шапка 1813 г. съ гербомъ Литвы.

Каска полка Чарторыжскихъ.

Мундиръ съ шитьемъ.

Кафтанъ съ шитымъ воротникомъ Снядецкаго, ректора Виленскаго университета.

Зеленый артиллерійскій мундиръ Костюшки.

Іосифъ Понятовскій—халать и два шелковые ка-
товскаго.

Контушь.

Шелковые жупаны.

Красный камзолъ.

Бѣлый камзолъ.

Пара бѣлыхъ штабъ-офицерскихъ мишурныхъ эпс

Пара красныхъ шерстяныхъ эполетъ.

Красный султанъ къ уланской каскѣ, будто бы 18

Коверъ съ гербами.

Ягаило, мраморный бюсть его.

Хрентовичъ—бюсть его.

Якутовичъ—бывшій путеводитель по Виленскому
барельефъ его.

Копія съ барельефа надгробнаго памятника Коханов-
Жилинскій—бюсть.

Ромеръ—маршалъ—бюсть его.

Нѣмчевскій, профессоръ—бюсть его.

Снядецій Андрей—докторъ.

Липинскій—бюсть его.

Нарушевскій—польскій писатель.

Нишковскій—бюсть его.

Рустемъ—художникъ.

Якутовичъ, бывшій путеводитель по Виленскому
бюсть.

Сырокомля—портретъ его.

І. Франкъ—докторъ—бюсть его.

Іосифъ Понятовскій—бюсть его.

Гонсѣвскій—надгробный камень съ могилы его.

Стефанъ Баторій—столъ, на которомъ, по преданію,

Баторій подписалъ привиллегію на основаніе Виленской

Станиславъ Августъ—бюро его изъ Гродненскаго за

Два кресла Станислава Августа съ рѣзными коронам

Двѣ тронныя галлебарды Августа II-го.

Знамя цеховое Виленское (по словамъ гр. Тышкевича)

Воинское знамя съ гербомъ Наленчей.

Сигизмундъ III—знамя трокскаго воеводства съ его именемъ.

Радзивиллъ—воинское знамя его.

Модель дверей Гнѣзенскаго костела.

Портретъ Стефана Баторія.

Стефанъ Баторій—большой портретъ маслянными красками.

Сапѣга—портретъ его.

Станиславъ - Августъ — изображеніе его на конѣ маслянными красками.

Портретъ Януша Тышкевича.

— — Гетмана Тышкевича.

— — Епископа Тышкевича.

Хрептовичъ—портретъ Ливора Хрептовича, канцлера великаго княжества литовскаго (прозваніе «Litaueg,» по объясненію графа Тышкевича, дано ему вслѣдствіе того, что православные предки его отставали на сеймахъ литовскія дѣла).

Портретъ Валицкаго.

Булгакъ—последній униатскій митрополитъ—портретъ.

Богданъ Хмѣльницкій—портретъ.

Августъ II, портретъ его маслянными красками.

Станиславъ Лещинскій—портретъ его маслянными красками.

Августъ II—его изображеніе на конѣ.

Варвара Радзивиллъ—портретъ ея маслянными красками.

Альбертъ-Войцехъ Радзивиллъ—современный портретъ его.

Гюбель—профессоръ.

Флемингъ—подскарбій великаго княжества литовскаго временъ Августа III.

Тышкевичъ Янъ—портретъ его.

Сапѣга—портретъ его.

Вишневецкій—портретъ его.

Радзевскій Иванъ—Виленскій кастелянъ.

Ходкевичъ—портретъ его маслянными красками.

Вольскій Николай—Витебскій кастелянъ, основатель монастыря въ Кременцѣ; обогатилъ это учрежденіе, принуждая православныхъ крестьянъ ходить въ костель подъ страхомъ пени вода на монастырь; доселѣ при звонѣ костельнаго колокола народъ повторяетъ поговорку: «звонъ рявецъ—вола тягнѣць.»

Марина Мнишекъ—портретъ ея масляными красками
Радзивилль, Пана Коханку, предводитель барской
циі въ 1790 г., портретъ его.

Браницкій Иванъ-Клементій, великій гетманъ киев-
товскаго, портретъ его.

Огинскій—портретъ его.

Кантемиринъ, духовникъ Радзивилловъ, портретъ.

Тышкевичъ Евфросинія—портретъ.

Букатый Францъ, посолъ Станислава-Августа.

Дашела, польскій живописецъ сосланный въ Сибирь
за поддѣланіе фальшивыхъ ассигнацій.

Чарнецкій—портретъ его.

Зноско—портретъ.

Янъ Собѣскій—портретъ жены его Маріи Казиміры

Почобуть—іезуитъ, основатель Виленской обсерваторіи

Пинабель—профессоръ.

Княгиня Радзивилль—писательница, портретъ.

Мадонна—живописное изображеніе на мѣдномъ медальонѣ

Варвара Радзивилль—портретъ ея масл. красками.

Кулаковскій, директоръ Бѣлостокской гимназіи.

Тизенгаузъ Антоній—подскарбій великаго княжества

польскаго—портретъ его.

Тышкевичъ, маршалъ, портретъ его.

Мократскій—художникъ, портретъ его.

Догель Піаръ, учредитель Виленскаго конвикта, портретъ

Понятовскій, примасъ—портретъ.

Коссаковскій, участникъ барской конфедераціи въ Виленскомъ
году.

Гедройць—примасъ, архидіаконъ, портретъ.

Станиславъ-Августъ—портретъ его.

Генрихъ Валуа (Valois), портретъ его масляными красками

Мушинскій, докторъ.

Ленчицкій, іезуитъ, портретъ.

Владиславъ III, его портретъ масляными красками.

Чарторыжскій—портретъ его.

Мицкевичъ—портретъ его.

Радзивиллъ , князь Матвѣй — Виленскій каштелянъ , поясной портретъ его масляными красками.

Владиславъ IV , портретъ масляными красками:

Володковичъ—соврем. Карла Радзивила, портретъ.

Мопахъ Кордецкій, портретъ.

Мицкевичъ, поэтъ—портретъ.

Екатерина Ягеллонка—портретъ ея матери.

Сигизмундъ старшій—его портретъ масляными красками.

Портретъ Малаховскаго.

Радзивилъ-Николай—портретъ.

Богушь, Виленскій прелать—портретъ.

Заіончекъ, генералъ, портретъ.

Аллегорическій барельефъ, изображающій передачу Виленскаго университета Императоромъ Александромъ 1-мъ отъ Чарторыжскаго Стройновскому 1803 года. Стройновскій стоитъ подъ сѣнію бюста, увѣнчаннаго лаврами Стефана Баторія, основателя Виленской академіи.

Казиміръ Сапѣга.

Фотографія послѣдняго суда.

Костельный дѣдъ—портретъ.

Сѣцинскій—изображеніе трупа его, который доселѣ хранится въ костелѣ м. Упитъ Поневѣжскаго уѣзда, какъ непринятый землемъ за сорваніе сейма 1666; воспѣтъ Мицкевичемъ, какъ виновникъ бѣдствій польскаго народа.

Доска съ именами всѣхъ верховныхъ маршалковъ литовскаго трибунала.

Сундукъ Петра Ткарги.

Іоаннъ Казиміръ—лядунка съ его изображеніемъ.

Зрительная трубка Костюшки.

Станиславъ-Августъ—ему принадлежавшая лента бѣлаго Ора.

Крестъ Царства польскаго.

Металлическая бляшка съ изображеніемъ Мадоны.

Двѣ деревянныя дощечки съ польскими печатными этикетками на память о Фарѣ въ г. Слуцкѣ.

Частица платья Петра Скарги.

Три герба съ ушками для шапокъ.

Три знака масонской ложи съ именемъ «усердный»
 Перстень греко-уніатскихъ митрополитовъ, по завѣщанію
 Тышкевича, данный папою первому изъ нихъ, Поцѣю,
 щественно носимый всѣми ими и особенно послѣднимъ,

Медальонъ съ неизвѣстнымъ изображеніемъ.

Крестикъ съ литовскими буквами с. с. s. s. № Дв
 Владиславъ Ягайло—два знака масонской ложи Я
 Перстень Гнѣзенскаго архіепископа Красицкаго.

Пряжка съ литовскимъ гербомъ.

Частица платяя епископа Нарушевича.

Станиславъ-Августъ—перстень съ груднымъ изображеніемъ

Крестъ жмудской римско-католической епархіи.

Станиславъ-Августъ—камергерскій ключъ двора ег

Дощечки съ литовскимъ гербомъ.

Сигизмундъ III изображеніе его на янтарѣ, имъ са
 ланное.

Уніатскій крестъ—дисинкторій брестской епархіи.

Мѣдный знакъ отъ лядунки съ груднымъ изображеніемъ
 тюшки.

Станиславъ-Августъ—двѣ стальные пуговицы съ
 S. A. K. за konstitutioe 3 го мая 1791 года.

Перстень Костюшки.

Іосифъ Понятовскій, перстень, сдѣланный изъ подки
 шади.

Четыре пластинки панцыря и кусокъ кольчуги Жо

Станиславъ-Августъ—обломокъ ордена, принадлежан

Знакъ масонской ложи, имени Казимира великаго.

Ходаковскій—писатель, сплуетъ.

Валицкій Михаилъ—карточныя марки его.

Изразцы изъ лѣтняго дворца великихъ князей лит

Двѣ жестяные контрмарки съ гербомъ Варшавы.

Іосифъ Понятовскій—перстень его.

Перстень гетмана князя Массальскаго.

Двѣ запонки отъ жупановъ.

Станиславъ-Августъ—знакъ отъ лядунки съ его ве

Бляха съ польскимъ орломъ и надписью: „pro glori

Пряжка Виленской временной городской стражи съ польскимъ орломъ.

Папа Григорій—живописное изображеніе его на мѣдномъ медальонѣ.

Польско-литовскіе оттиски съ печатей польскихъ, польско-литовскихъ и германо-польскихъ городовъ, пользовавшихся магдебургскими законами.

Гербовая мѣдная пряжка съ литовскимъ гербомъ.

Кромѣ того отправлено 56 портретовъ польскихъ королей на большихъ и малыхъ листахъ, 160 портретовъ частныхъ лицъ; 93 гравюры съ иконъ и другихъ священныхъ католическихъ изображеній, 203 разныхъ историческихъ картинъ, видовъ и т. п.

(Вил. Вѣст.)

СТАТУИ РИМСКО КАТОЛИЧЕСКИХЪ СВЯТЫХЪ, КАПЛИЦЫ И Т. II. ПАМЯТНИКИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

1.

При въздѣ въ города, мѣстечки и даже нѣкоторыя селенія Сѣверо-Западнаго Края, кромѣ крестовъ, зачастую случается встрѣчать статуи изображенія разныхъ римско-католическихъ святыхъ; при прудахъ, рѣкахъ и мостахъ—вмѣстѣ съ крестами, можно иногда видѣть такія же изображенія Іоанна Крестителя; гораздо рѣже попадаются каплицы, нѣчто въ родѣ русскихъ часовень. 1)

Если еще можетъ быть какой нибудь споръ о крестахъ, то извѣстныя изображенія святыхъ, безъ всякаго спора и сомнѣній, должны быть отнесены, какъ по происхожденію, такъ и по характеру своему къ сооруженіямъ чисто римско-католическимъ, такъ какъ онѣ не допускаются правилами нашей православной церкви.

Подтверженіемъ этому служить еще и то обстоятельство, что

1) Нѣкоторыя статистическія данныя приведены нами въ № 31 Мѣсячныхъ вѣдомостей въ статьѣ «Взглядъ русскаго на обычай ставить придорожные кресты въ западной Россіи.»

такіе памятники встрѣчаются преимущественно тамъ, гдѣ гуще расположено римско-католическое населеніе. Подобныя статуи ставятся обыкновенно на пьедесталахъ, т. е. болѣе или менѣе высокихъ каменныхъ колоннахъ и сверху прикрываются навѣсами или будочками.

Откуда произошелъ обычай ставить подобные памятники?

Просимъ извиненія у читателей, если сообщимъ имъ на этотъ счетъ лишь краткія и отрывочныя свѣдѣнія; но, во первыхъ, отъ легкой, газетной статьи, изготовляющейся обыкновенно вѣско-ро и притомъ безъ особыхъ пособій и источниковъ, нельзя требовать достоинствъ серьезной диссертаци; а во вторыхъ, это собственно говоря и не особенно важно для нашего вопроса.

На основаніи разныхъ историческихъ и археологическихъ данныхъ, есть большая возможность предполагать, что какъ кресты, такъ и всѣ подобныя памятники, имѣли вначалѣ, въ самые первые времена введенія христіанства въ краѣ, по большей части значеніе памятниковъ надмогильныхъ.

Обращаясь къ римской исторіи, мы находимъ, что еще языческими законами римской имперіи было запрещено хоронить умершихъ въ городахъ и вообще въ населенныхъ мѣстахъ. Не только всѣ жители вообще, но даже царственные лица погребались обыкновенно за городомъ, на поляхъ и преимущественно при большихъ проѣзжихъ дорогахъ. Христіане не имѣли никакой возможности противиться этому закону, обратившемуся притомъ въ общій обычай; да можетъ быть не видѣли и надобности противиться. Такимъ образомъ обычай этотъ одинаково раздѣлялся, какъ христіанами, такъ и язычниками; но вмѣстѣ съ тѣмъ христіанамъ естественно было желать отличить могилы своихъ умершихъ братій отъ могилъ язычниковъ; вслѣдствіе этого, они стали ставить надъ ними кресты и часовни (молитвенныя дома *), язычники же украшали свои могилы разными дорогими памятниками и преимущественно изваянными изображеніями умершихъ. Подтверженіе тому мы видимъ, между прочимъ, въ открываемыхъ гробницахъ древней Пантикалеи (наша Керчь), матери всѣхъ милетейскихъ городовъ, по выраженію Амміана

*) Эти памятники были первоначально въ пещерахъ или катакомбахъ, гдѣ ставились гробы христіанъ, и только впоследствии вышли на поверхность земли.

Марцелина,—славной еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова. Изъ того что мы сказали выше, очевидно, что кладбища древнихъ вовсе не походили на нынѣшнія, такъ-какъ могли были разсѣяны вдоль дорогъ и иногда на весьма значительное разстояніе. 1).

Классическая Ольвія (колонія эллиновъ, знаменитое милетское торжище) 2), процвѣтавшая также еще до Рождества Христова, слѣды которой сохранились и по нынѣ у слиянія рѣкъ Буга и Днѣпра, недалеко отъ ихъ впаденія въ Черное море,—представляетъ наглядное тому доказательство. У подножія Акрополиса „счастливой Ольвіи“, нѣкогда огражденнаго стѣною, заключавшаго въ себѣ храмъ, найдена, какъ намъ извѣстно, одна только гробница; между тѣмъ, за городомъ, особенно подъ насыпями (въ курганахъ), гробницы находятъ весьма часто. Входъ въ нихъ, по обычаю древнихъ, заложенъ каменною плитою, за которою, посреди склепа, открываютъ глиняныя урны (амфоры) съ прахомъ умершаго.

Такое расположеніе могилъ имѣло какъ для христіанъ, такъ и для образованныхъ язычниковъ свой нравственный смыслъ: оно напоминало прохожимъ о тлѣнности человѣка.

Переходя затѣмъ къ похороннымъ обычаямъ славянъ-язычниковъ, мы встрѣчаемъ свидѣтельство лѣтописца Нестора, который говоритъ, между прочимъ, что они сожигали мертвецовъ на кострахъ или колодахъ, потомъ кости или пепель ихъ собирали въ сосудину малу и ставили на столпѣ при путяхъ 3). Обычай хоронить при дорогахъ и распутіяхъ и ставить здѣсь урны съ прахомъ умершихъ—былъ, если не исключительнымъ, то все таки главнымъ похороннымъ обычаемъ славянъ 4); очень вѣроятно, что онъ имѣлъ для нихъ тотъ же нравственный смыслъ, какъ и для древнихъ (о чемъ мы упомянули нѣсколько выше); но можно думать, что эти могилы и столпы имѣли еще особое обществен-

1) Бароній въ своихъ аналахъ насчитываетъ въ окрестностяхъ Рима до 42 кладбищъ (по именамъ дорогъ).

2) Въ Херсонской губерніи, гдѣ нынѣ с. Парутино, Ильинское то же. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей Т. 1, II, V и VI.

3) Полное собраніе Русск. лѣтописей, 5, 6.

4) Иногда хоронили внутри городовъ и селеній; но гораздо чаще, особенно въ первыя времена,—слѣдовали обычаю старины, хороня умершихъ на перекресткахъ и другихъ проѣзжихъ мѣстахъ.

ное значеніе. Извѣстно, что при переходѣ первобытныхъ людей отъ жизни кочевой, скитальческой—къ жизни осѣдлой, первымъ пунктомъ осѣдлости служатъ большею частію могилы отцевъ, кровныхъ. Онѣ служатъ первою поземельною собственностью, *отчиною* для поселенцевъ; обозначаютъ межи или границы, поземельныя владѣнія семействъ, родовъ, племенъ; границы, дающія направленія и дорогамъ. 1). Вотъ почему *чуръ* (дѣдъ, пра-дѣдъ умершихъ) и *домовой* (тоже возникшій изъ почитанія умершихъ родоначальниковъ) представляются по стариннымъ вѣрованіямъ охранителями границъ, дома, двора, усадьбы, владѣнія. Вотъ почему нарушеніе межевыхъ знаковъ и уничтоженіе или передвиженіе межей чужихъ считалось изстари тяжкимъ *религіознымъ* преступленіемъ: здѣсь было не только посягательство на чужую собственность, но и оскорбленіе памяти, праха, чести отцевъ. Вотъ почему наконецъ слово *чуръ*, утерявъ первобытное значеніе свое, стало означать границу, рубежъ, межу, (наприм. въ дѣтскихъ играхъ Великороссіи); также—*условіе, запретъ*; напримѣръ, *чуръ молчать, чуръ раздѣлять поровну! чуръ не давать никому!* 2).

Какъ первенствующіе христіане не считали нужнымъ или удобнымъ отступать отъ общаго и древняго, хотя языческаго обычая хоронить умершихъ при дорогахъ,—такъ поступали и славяне, принявшіе христіанство; только вмѣсто прежнихъ урнъ, они начали ставить кресты, часовни и т. п.—Впослѣдствіи, обычай хоронить умершихъ при дорогахъ утратился; владбища сосредоточились около городовъ и селеній; но вкоренившееся въ народѣ уваженіе къ поставленнымъ памятникамъ, охранило послѣдніе отъ истребленія. Нынѣ, какъ видимъ, въ Западной Россіи утратилось самое понятіе о бывшемъ значеніи этихъ памятниковъ (какъ и большей части надмогильныхъ знаковъ); тогда какъ въ Великой Россіи оно сохранилось, и русскій обычай ставить кресты и прочіе памятники только [надъ могилами умершихъ можно, по всей справедливости, назвать обычаемъ древне-христіанскимъ. И такъ, вотъ естественный переходъ въ Западной Россіи отъ крестовъ и часовенъ надмогильныхъ къ крестамъ и другимъ памятникамъ придорожнымъ—Статуи же и другіе римско-католическіе

1) О придорожныхъ крестахъ Малышевскаго.

2) Академич. Словарь.

памятниковъ появились здѣсь несомнѣнно только по занятіи края поляками. 1). Здѣсь, пожалуй, вѣстать замѣтить слѣдующе; послѣ VII вселенскаго собора (посвященнаго, какъ извѣстно, собственно вопросу объ иконопочтаніи) древній христіанскій обычай—выставлять иконы, заново поощренный этимъ соборомъ, развился съ особою силою. Это была естественная реакція иконоборству. Однакожь въ развитіи своемъ обычай этотъ получилъ нѣкоторыя особенности на Востоку и Западѣ. На Западѣ иконныя изображенія стали чаще появляться изваянными, нежели живописными; это объясняется можетъ быть обиліемъ памятниковъ ваянія и скульптуры древнаго міра, доставшихся въ наслѣдіе Риму. На востокъ удержались и навсегда утвердились (за немногими исключеніями) изображенія живописныя, что свидѣтельствуешь о лучшемъ религіозно-эстетическомъ вкусѣ восточныхъ святителей, умѣвшихъ предпочесть ваянію живопись, искусство болѣе тонкое, болѣе приличное христіанской святинѣ.

Въ католическихъ земляхъ западной Европы и до сихъ поръ граздо чаще встрѣчаются на разныхъ открытыхъ мѣстахъ статуи изображенія святыхъ, нежели иконы и кресты.

Вотъ сжатый и быть можетъ правдоподобный очеркъ появленія религіозныхъ памятниковъ въ Западной Россіи. Конечно съ археологической стороны можно многое возразить противъ этого и кое-что спросить въ разъясненіе нѣкоторыхъ пунктовъ; но мы не намѣрены вдаваться въ подробности и входить въ полемику объ этомъ вопросѣ по причинамъ, которыя объяснили выше.

Теперь перейдемъ къ Минской губерніи. Она, во времена владычества Литвы и Польши, составляла вмѣстѣ съ другими областями такъ называемую *Литовскую Русь* и нисколько не меньше другихъ частей княжества подвергалась вліянію католицизма, разсмотрѣніемъ памятниковъ котораго мы теперь и займемся.

Намъ удалось получить нѣкоторыя свѣдѣнія, по этому предмету, собранныя официальнымъ путемъ. При всей скудости и:

1) Распространеніе католицизма въ Литвѣ началось съ Ягелло, принявшаго католическую вѣру въ 1386 году, а до тѣхъ поръ процвѣтала, во всей ея яркой чистотѣ и непримосовенности, православная вѣра, цѣрно зародившаяся здѣсь и пользовавшаяся покровительствомъ даже языческихъ князей литовскихъ напр. Гедимина, его сына и преемника Ольгерда (1340—1377) и сыновей послѣдняго, которые даже сами приняли православіе.

неудовлетворительности своей, онѣ въ значительной степени подтверждаютъ высказанныя нами выше соображенія о происхожденіи упомянаемыхъ памятниковъ, т. е., что хотя нынѣ они и потеряли, въ большинствѣ случаевъ, свое прежнее значеніе (памятниковъ надмогильныхъ); однако же и теперь встрѣчаются между ними такіе, и какъ бы намекаютъ на нашу мысль. Такъ на примѣръ, близъ самаго Минска, за такъ называемою Игуменскою заставою, по дорогѣ, не въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи находятся три памятника, въ видѣ столбиковъ или колоннъ изъ кирпича съ черепичною покрышкою 1); на двухъ первыхъ польскія надписи; на одномъ 3 Мая 1800 г. для людей честныхъ 2); на другомъ: 15 Августа 1812 г. *Иматій Свенторжецкій*. По увѣренію старожиловъ и по донесенію полицейскаго чиновника, эти памятники стоятъ надъ могилами двухъ братьевъ Свенторжецкихъ.

Нѣкоторые прибавляютъ къ этому легенду романческаго характера о дуэли братьевъ за какую-то дѣвицу, въ которую будто бы оба они были влюблены; но нѣтъ никакого основанія придавать этому разсказу вѣроятность. На третьемъ памятникѣ надпись: 1-ю Августа 1855 г. Онъ поставленъ, по словамъ того-же донесенія, надъ могилою какой-то Теофили Милодовской, умершей въ минскомъ тюремномъ замкѣ (который, замѣтимъ встать, находится недалеко отъ того мѣста). 3) Но какимъ образомъ моглы съ памятниками очутились за городомъ? Это прямо даетъ поводъ думать, что здѣсь было въ прежнее время кладбище, нынѣ оставленное. Дѣйствительно, говорятъ, что на этомъ мѣстѣ существовало прежде кладбище римско-католическаго рохитанскаго монастыря, а впоследствии хоронили умирающихъ арестантовъ минскаго, тюремнаго замка. Все это очень вѣроятно. Такимъ образомъ нерѣдко перемѣщались съ одного мѣста на другое кладбища, а вслѣдствіе этого разсѣивались по разнымъ мѣстамъ надмогильные памятники и кресты, память о

1) Донесеніе полиціймейстера, основанное на донесеніи полицейскаго пристава.

2) Тамъ же Примѣч. Мы расположили думать, что это только отрывокъ изъ цѣлой надписи, вѣроятно очень стершейся, а потому не вполнѣ разобранный полиціймейскимъ чиновникомъ.

3) Донесеніе минскаго полиціймейстера.

значеніи которыхъ, съ теченіемъ времени, постепенно терялась въ народѣ.

Впослѣдствіи стали воздвигать статуи и прочіе памятники по поводу какихъ-либо семейныхъ обстоятельствъ или общественныхъ явленій, какъ въ благодарность Богу за радостныя событія, такъ и для умилостивленія его, по разнымъ случаямъ. Очень многіе кресты и памятники обязаны своимъ появленіемъ эпидемической холерѣ, бывшей въ 1830—31, 1847—48 и 1852 годахъ; другіе воздвигнуты по поводу юбилея 1826 года 1). Нѣкоторые вызваны особыми, болѣе частными случаями; или же семейными обстоятельствами.

Вотъ нѣсколько примѣровъ этому. Подъ самымъ Минскомъ, по такъ называемому Койдановскому тракту, почти до послѣднихъ дней стояла статуя Св. Викентія, по обыкновенію на довольно высокомъ каменномъ пьедесталѣ. По донесенію полицейскаго пристава (основанному, вѣроятно, на разказахъ старожиловъ) 1), она была поставлена въ давнее время г-жею Фрибесъ, по слѣдующему случаю: сынъ ея, Викентій Фрибесъ, бывшій содѣлникомъ губернскаго правленія, влюбился въ горничную тогдашняго минскаго губернатора Гецевича—какую-то Шидловскую (отецъ которой въ то время служилъ поваромъ у Гецевича, а впослѣдствіи содержалъ въ Минскѣ трактиръ) и принялъ весьма серьезное намѣреніе жениться на ней. 2) Когда старанія матери, г-жи Фрибесъ, разстроить этотъ неравный бракъ увѣнчались успѣхомъ, тогда она, согласно своему обѣту, воздвигла вышесказанную статую въ честь патрона своего сына Св. Викентія 3). Въ 1863 году, во время препровожденія мятежниковъ, нѣкоторые изъ жителей Минска, въ особенности польская молодежь, выходили изъ города на встрѣчу тѣхъ мятежниковъ и при означенномъ памятникѣ молились и пѣли гимны, впрочемъ, безъ участія духовенства 4).

Въ Минскѣ, на дворѣ комитара (римско-католическаго косте-

1) Юбилеи, въ этомъ случаѣ, называется празднованіе объявленія папскихъ индульгенцій. Послѣдній случай подобнаго празднованія происходилъ въ Россіи въ 1826 году.

2) Донесеніе пристава 1 части 20 Сентября 1867 года.

3) Тамъ же.

4) Донесеніе того же пристава.

ла) на каменномъ возвышеніи поставлено изображеніе Христа Спасителя покойнымъ провинціаломъ ордена Св. Франциска—Лу-невскимъ въ память юбилея 1826 года *).

Въ Пинскѣ же 1), на базарной площади, на каменномъ возвышеніи стоятъ изображеніе Христа Спасителя въ память прекращенія холеры въ Пинскѣ въ 1831 году *стараниемъ встѣхъ христіанскихъ сословій юрода* (явно прибавляетъ донесеніе 2).

Тамъ же, при комунитскомъ костелѣ въ 1860 году съ разрѣшенія пинскаго городничаго Обрицкаго устроены двѣ небольшія каменные колонны: одна съ фигурою Іоанна Крестителя средствами пинскаго почтмейстера Винскаго, изъ остатковъ прежде-существовавшей фигуры того же святого (времени постройки которой никто не помнитъ) 3); другая колонна съ фигурою пресвятой Богородицы сооружена провизоромъ Рудзинскимъ въ память дозволенія свободнаго отправленія богослуженія въ комунитскомъ костелѣ. 4).

О нѣкоторыхъ памятникѣхъ неизвѣстно даже того, зачѣмъ и по какому случаю они поставлены. Напримѣръ: Борисовскаго уѣзда близъ мѣстечка Зембина поставлена фигура Іоанна Крестителя, но кѣмъ и по какому поводу—неизвѣстно.

Въ Борисовскомъ же уѣздѣ есть 5) еще двѣ статуи, о которыхъ извѣстно только слѣдующее: „лѣтъ сорокъ назадъ, какой-то рѣзчикъ Пульманъ, проживавшій въ имѣніи Скуплинѣ, сдѣлалъ двѣ деревянныя статуи, одну Архистратига Михаила, а другую—Іоанна Крестителя. Первая, по распоряженію помѣщика Монюшки, поставлена въ Скуплинѣ, гдѣ и нынѣ находится, но уже совершенно испорченная; а другая поставлена при фольваркѣ Подлѣсьѣ, у самой дороги. Въ плечахъ послѣдней устроены улей для пчелъ, и она очень ветха. Обѣ не имѣютъ никакого значенія въ глазахъ народа.“ 6)

Послѣдняя фраза повторяется и въ нѣкоторыхъ другихъ донесеніяхъ.—Мы охотно вѣримъ этому въ виду того, что статуи и каплицы надобно считать памятниками не только католиче-

*) Донесеніе пинскаго полиціймейстера.

1) Донесеніе пинск. полиціймейстера 2) Тамъ же. (3 и 4) Тамъ

5) Донесеніе борисовскаго исправника,

6) Донесеніе борисовскаго исправника.

скими, но и панскими по преимуществу. Понятно, что по этому они, въ настоящее время, чужды массѣ народа.

Вотъ и всѣ сколько-нибудь замѣчательныя свѣдѣнія, которыя намъ удалось извлечь изъ официальныхъ донесеній исправниковъ и военныхъ начальниковъ; конечно они недостаточно полны. Къ такимъ же чисто-католическимъ памятникамъ должна быть отнесена и значительная часть придорожныхъ крестовъ. Противъ этого не спорятъ даже защитники обычая ставить кресты. „Есть кресты съ украшениями и атрибутами совершенно католическими, даже съ польскими надписями. Подобные кресты называются панскими. Они воздвигнуты панами въ разнѣхъ углахъ имѣній, часто на крестьянскихъ участкахъ, и нерѣдко служатъ пограничными знаками смежныхъ имѣній..... Надписи на этихъ крестахъ польскія—рѣдко латинскія“ 1). Этого не отвергаетъ и г. Малышевскій. Но въ сожалѣнію, защитники обычая чрезвычайно-осторожно обходятъ вопросъ: какая часть изъ всѣхъ существующихъ крестовъ можетъ быть отнесена къ православнымъ и какая къ католическимъ?

А этотъ статистическій вопросъ не лишенъ своего значенія въ разсматриваемомъ нами дѣлѣ и потому мы намѣрены вернуться къ нему впоследствии. Мы сказали уже, что статуи святыхъ и кресты съ изваяніями слѣды болѣе или менѣе отдаленной римско-католической и польской пропаганды.

Укажемъ на очевидныя тому доказательства, сохранившіяся и нынѣ въ Минской губерніи. Не говоря уже о томъ, что въ городахъ Несвижѣ, Пинскѣ и другихъ, фигуры Рожа и т. п. вы видите и въблизи самыхъ монастырей и въблизи костеловъ, но крокъ того, приближаясь почти къ каждому сколько нибудь замѣчательному упраздненному монастырю (напримѣръ городищенскому бенедиктинскому въ 14 верстахъ отъ Пинска, кимборовскому (цистеровскому) въ 3 верстахъ отъ Мозиря, Св. Креста въ 3 верстахъ отъ Несвижа и т. д.). вы встрѣтите за нѣскольکو верстъ, по сторонамъ дороги, къ нему ведущей, или кресты съ католическими изваяніями, или каменные и деревянные капители, съ римско-католическими же изваяніями. Тамъ, гдѣ значительные костелы или монастыри упразднены, кресты и капители

1) Котовичъ Виленскій вѣстникъ. № 78 1868 г.

цы видимо приходятъ въ разрушеніе: ихъ *некому и для чего* болѣе поддерживать.... Эти кресты и каплицы, очевидно сооружены по прояскамъ ксендзовъ и монаховъ, для указанія пути богомольцамъ въ мирную обитель: царство святости и молитвы.... Это безъ сомнѣнія, тѣ внѣшніе знаки, которые воздвигала пропаганда, желая дѣйствовать на воображеніе впечатлительнаго народа. Но увы! нерѣдко этиже религіозно-межевые знаки приводя богатыхъ сподвижниковъ римско-католическаго духовенства за высокія стѣны монастырской ограды, гдѣ въ комфортабельно-устроенныхъ бесѣдкахъ можно было, скрываясь отъ докучливыхъ взоровъ простолюдина, предаваться свѣтскимъ забавамъ и Луккуловскою роскоши яствъ и питей.... Явные слѣды тому и теперь еще можно видѣть въ городнищенскомъ монастырѣ, гдѣ, за высокою оградою, въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ сохранилась бесѣдка и въ ней уцѣлѣлъ *биллиардъ*, принадлежавшій бенедиктинскимъ монахамъ....

Теперь считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько заключительныхъ словъ. Чужды фанатизма и нетерпимости, какъ мы уже и старались заявить то и въ настоящей статьѣ и въ предыдущей—мы совершенно расположились къ возможной терпимости въ отношеніи и къ этимъ памятникамъ. Но никто, конечно, не можетъ требовать отъ русской администраціи и православныхъ русскихъ поддержки и поощренія чуждыхъ, иновѣрныхъ обычаевъ. И потому никто не долженъ быть удивленъ, если католическіе памятники, приходя все болѣе къ ветхости и разрушаясь безъ обновленія, будутъ постепенно закрѣпляться памятниками чисто-русскаго, православнаго характера.

Въ примѣръ мы можемъ привести упомянутую выше статую св. Вивентія. Въ прежнее время, говорить донесеніе, для поддержанія онаго (памятника) присылаемы были отъ Фрибсовъ деньги коллежскому ассессору Ефиму Лончковскому (нынѣ уже умершему). Въ настоящее же время означенный столбъ и фигура ни кѣмъ не поддерживаются.“ 1)

Въ послѣднее время эта статуя снята и передана въ костелъ, а на мѣстѣ ея устроена часовня въ православномъ стилѣ, въ которой поставленъ образъ пресвятой Богородицы. Кстати замѣ-

1) Донесеніе пристава 1 части 1867

чить, что пресвятая Богородица изображаются и въ древнемъ и въ новомъ гербѣ Минской губерніи, какъ ея Святая Покровительница.

Надобно сказать правду, что статуи римско-католическихъ святыхъ, стоящія при въѣздѣ въ русскіе города и селенія, производятъ странное впечатлѣніе на русскаго человѣка, и если со временемъ всѣ онѣ замѣнятся православными памятниками, то не только не о чемъ будетъ жалѣть, но это будетъ и справедливо и естественно въ странѣ съ огромнымъ большинствомъ православнаго населенія.

В. Рюминъ.

2.

НѢКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. РЮМИНА: «ВЗГЛЯДЪ РУССКАГО НА ОБЫЧАЙ СТАВИТЬ ПРИДОРОЖНЫЕ КРЕСТЫ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.»

Кто слѣдилъ за развитіемъ въ литературѣ вопроса объ обычѣ въ западной Россіи ставить при дорогахъ кресты и имѣлъ возможность прочесть, наконецъ, статью г. Рюмина, по этому поводу, тотъ вѣроятно не думаетъ уже встрѣтить болѣе сочиненій о придорожныхъ крестахъ, будучи увѣренъ, что г. Рюминъ окончательно рѣшилъ этотъ вопросъ. И въ самомъ дѣлѣ о придорожныхъ крестахъ судили и верили и вкось; каждый органъ смотрѣлъ на это явленіе съ своей точки зрѣнія: съ большимъ или меньшимъ вниманіемъ дѣла, съ большею или меньшею односторонностію и съ большимъ или меньшимъ пристрастіемъ. Но вдругъ, среди тихъ разнородныхъ толкованій, объясняется г. Рюминъ и разомъ рѣшаетъ все дѣло. Онъ излагаетъ предъ читателемъ мнѣнія какъ защитниковъ обычая, такъ и ихъ противниковъ, и, принявъ на себя роль *безпристрастнаго* критика, провозноситъ объ нихъ сужденіе, наконецъ выводитъ изъ нихъ свое *единственно стѣнное* заключеніе, какъ независимое, а главное лишенное крайностей; такъ — что литературное произведеніе г. Рюмина представляетъ собою какъ бы вѣнецъ и окончаніе той трудной работы, которая была не по силамъ многимъ. Какъ послѣ этого не вѣрить, что всѣ полемическіе споры, вызываемые вопросомъ о придорожныхъ кре-

стать, прекратятся?... Но я не мирюсь со взглядомъ, г. Рюмина на этотъ предметъ и позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу его статьи.—Обозрѣвъ вѣратцѣ мнѣнія какъ защитниковъ обычая, (обычай ставить кресты) такъ и ихъ противниковъ, и тѣ доказательства, какія приводятъ обѣ стороны въ подтвержденіе своихъ мнѣній, г. Рюминъ говоритъ, что „между послѣдними, т. е. оппонентами, не нашлось ни одного достаточно искусснаго въ веденіи полемики и достаточно спокойнаго духомъ, чтобы понять, что спорный вопросъ былъ поставленъ неправильно и притомъ перенесенъ на такую почву, на которой ихъ неминуемо ожидало поражение.“ Мы надѣялись услышать отъ г. Рюмина дѣйствительно что нибудь новое. Но и та почва, на которую онъ перенесъ спорный вопросъ, тоже неудобна, потому что и на ней плоды оказались неудовлетворительны. „По вашему мнѣнію,“ говоритъ г. Рюминъ, „имъ слѣдовало въ спорномъ вопросѣ строго различать двѣ стороны, или, лучше сказать, сдѣлать изъ него два вопроса: 1-й, согласенъ ли упоминаемый обычай съ правилами и опредѣленіями вселенскихъ соборовъ, а слѣдовательно и съ православіемъ? 2-й, Можно ли его назвать обычаемъ въ строгомъ смыслѣ обще-православнымъ и обще-русскимъ? Послѣ того, что г. Малышевскій сказалъ о придорожныхъ крестахъ, едва ли нужно доказывать, что упоминаемый обычай есть чисто православный. Въ самомъ дѣлѣ, если обычай ставить при дорогахъ кресты ведетъ свое начало съ древнѣйшихъ временъ христіанства, со временъ апостольскихъ, если мы находимъ о немъ подтвержденіе въ твореніяхъ отцовъ и учителей церкви, если этотъ обычай существовалъ и въ древней христіанской Руси, если, наконецъ, онъ не противорѣчитъ постановленіямъ и опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ, то можно ли его назвать не православнымъ? Конечно, наша релігіозно-обрядовая сторона много имѣетъ общаго съ р.-католическою. Но кто же смѣетъ утверждать, что всѣ обряды и вѣрованія въ церкви православной, напоминающіе сходство съ обрядами и вѣрованіями церкви р.-католической, нужно уничтожать? Тѣмъ болѣе, что такой обычай, какъ водруженіе крестовъ, истекаетъ изъ глубокаго релігіознаго сознанія здѣшняго народа своей немощи и зависимости отъ Бога и тому благоговѣннаго уваженія, какое онъ питаетъ къ кресту. Не рѣдко здѣсь встрѣчаются кресты, поставленные во время эпидеміи, или другого какого неща-

стія, постигшаго тотъ или другой край. Въ концѣ селѣ и деревнѣ здѣшній народъ ставитъ кресты, какъ осѣненіе ихъ жилищъ и огражденіе отъ враговъ. Если бы противники обычая были внимательнѣе, они замѣтили бы, что всякій прохожій и проѣзжій, поровнявшись съ крестомъ, вмѣняетъ себѣ въ обязанность перекреститься и прочитатъ краткую молитву; такимъ образомъ, видимый знакъ заставляеть ихъ хоть на время отрѣшиться отъ обыкновенныхъ житейскихъ помысловъ и вспомнить о Богѣ. Не смотря на все это, многіе изъ ультра-русскихъ твердятъ на разныя лады, что это обычай р. католическій, и чтобы доказать это, позволяютъ себѣ дѣлать нѣкоторыя натяжки и неточности въ объясненіи церковныхъ правилъ. Самъ г. Рюминъ, при всемъ желаніи своемъ анализировать спорный вопросъ безпристрастно, увлекается общимъ настроеніемъ и нерѣдко измѣняетъ себѣ. Такъ, опредѣленіе VII вселенскаго собора, которое всего болѣе говоритъ въ пользу защитниковъ обычая, г. Рюминъ значительно ослабляетъ. „Опредѣляемъ,“ говоритъ соборное правило, „подобно изображенію честнаго и животворящаго креста, полагать во святыхъ божіихъ церквахъ, на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и доскахъ, въ домахъ и на путяхъ честныя и святыя иконы.“ Г. Рюминъ говоритъ, что это „опредѣленіе не прямо повелѣваетъ, но лишь разрѣшаетъ, и то косвенно, ставить кресты. Главный же предметъ опредѣленія составляютъ иконы, какъ видно изъ приведенной выписки.“ Что главный предметъ приведеннаго опредѣленія составляютъ иконы, объ этомъ никто спорить не станетъ, но что г. Рюминъ не такъ понялъ приведенное опредѣленіе какъ слѣдуетъ, это также не подлежитъ сомнѣнію. Дѣло въ томъ, что VII вселенскій соборъ, созванный по причинѣ явившейся иконоборческой ереси, имѣлъ цѣлью утвердить и распространить догматъ объ иконопочитаніи. Сопоставляя приведенное опредѣленіе съ цѣлью, мы видимъ, что отцы собора приводятъ въ примѣръ повсемѣстный обычай ставить кресты и ссылаются на него, какъ на обычай самый авторитетный. Слѣдовательно, на что указываетъ приведенное опредѣленіе? На то, очевидно, что обычай ставить кресты былъ въ то время общимъ и имѣлъ догматическую важность; въ противномъ случаѣ отцы церкви не стали бы и ссылаться на него. Собственно о крестахъ отцы собора и говорить здѣсь не думали. Они только пользуются ими какъ готовымъ

материаломъ, необходимымъ для поддержанія того ученія, за которое они ратовали. Какъ кресты полагаются въ церквахъ и домахъ, на доскахъ и путяхъ, такъ точно должны быть употребляемы и чтимы и самыя иконы. Ослабивъ соборное опредѣленіе, г. Рюминъ даетъ намъ знать, что это самый авторитетный и канитальный аргументъ, которымъ пользуются защитники обычая, полемизируя съ своими оппонентами. Историческія доказательства у него ничего не значать.

Но, если въ первомъ случаѣ, рассматривая соборныя опредѣленія, приводимыя защитниками обычая, г. Рюминъ ослабляетъ ихъ, то въ послѣднемъ, когда разбираетъ тѣ же опредѣленія, указываемыя противною партією, слишкомъ усиливаетъ, и, по своей ловкой изобрѣтательности, отыскиваетъ въ нихъ такой смыслъ, какого они вовсе не имѣютъ.

Такъ, 73 правило VI вселенскаго собора, гдѣ сказано: „изображенія креста, начертываемыя на землѣ, изглаждать, чтобы знаменіе побѣды нашея не было оскорбляемо попираніемъ ногъ,“ по мнѣнію г. Рюмина, противорѣчитъ обычаю ставить кресты при дорогахъ. Но онъ долженъ разстаться съ этимъ мнѣніемъ, потому что здѣсь говорится о тѣхъ крестахъ, которые, въ буквальномъ смыслѣ, начертывались на землѣ, и которые по злонамѣренности, а легко и по невѣдѣнію, попирались ногами. Самыя слова, „чтобы знаменіе побѣды нашея не было оскорбляемо попираніемъ ногъ,“ уже достаточно указываютъ на причину, вызвавшую это опредѣленіе.

Точно также, правило, указываемое г. Рюминимъ и Туристомъ въ Базиликахъ, ничего не говоритъ, ничего не доказываетъ, ничего не объясняетъ въ ихъ пользу. Оно запрещаетъ только ставить кресты въ мѣстахъ неприличныхъ и среди народныхъ зрѣлищъ, такъ какъ чрезъ это оскорбляется святиня и оказывается явное неуваженіе къ кресту; что видно какъ изъ смысла рѣчи, такъ и изъ снесенія этого мѣста съ другими. Г. Малышевскій приводитъ многія мѣста изъ тѣхъ же Базиликъ, говорящія совершенно въ пользу защитниковъ обычая. И потому умозаключеніе, что будто этимъ правиломъ прямо запрещается упоминаемый обычай, слишкомъ отважно, чтобы не сказать больше, и объясняется только тою крайностію, въ какую вдался Туристъ, полемизируя съ защитниками обычая и тою запальчивостію, которая не позволяла

ему серьезно и спокойно вдуматься въ смыслъ сказаннаго имъ слова. Почему г. Рюминъ такъ понялъ это правило, объяснить трудно.

Мы сказали выше, что г. Рюминъ утверждаетъ о необходимости различать въ вопросѣ о придорожныхъ крестахъ двѣ стороны, или лучше, сдѣлать изъ него два вопроса. А по нашему мнѣнію, въ такомъ случаѣ, необходимо сдѣлать изъ него три вопроса. Именно второй вопросъ, предлагаемый авторомъ: „можно ли водруженіе крестовъ назвать обычаемъ въ строгомъ смыслѣ обще-русскимъ,“ необходимо разсматривать честиѣе. Дѣйствительно ли всѣ русскіе національные обычаи на столько важны, что всѣ безъ исключенія, непремѣнно должны быть вводимы въ жизнь западно-русскаго народа, или же можно обойтись безъ нѣкоторыхъ изъ нихъ? Извѣстно напр., что во многихъ великороссійскихъ губерніяхъ *) существуетъ между крестьянами обычай въ воскресные и праздничные дни, послѣ богослуженія, собираться къ мѣстному священнику и заниматься у него полевыми работами. Между русскимъ народомъ существуетъ также не мало разнаго рода повѣрій и суевѣрій, составляющихъ его національную принадлежность. Но слѣдуетъ ли изъ сего, что все это необходимо вводить въ жизнь здѣшняго народа, потому только, что все это обще-русская принадлежность? Однимъ словомъ, для насъ остается непонятнымъ изреченіе г. Рюмина: „мало доказать, что извѣстный обычай не противорѣчитъ тому, или другому религіозному вѣрованію; надобно принимать въ соображеніе, на сколько онъ принятъ и усвоенъ народомъ, т. е. на сколько онъ сдѣлался общимъ, національнымъ обычаемъ. Это имѣетъ весьма важное значеніе.“ Мы только прибавимъ къ тому что сказали: было время, когда общенациональною принадлежностію русскаго народа считалась борода, когда въ ней видѣли образъ Божій и когда, поэтому, она имѣла весьма важное значеніе; но это доказываетъ только, что русскій человѣкъ самъ иногда дѣлаетъ промахи. „Напримѣръ,“ продолжаетъ г. Рюминъ, „употребленіе органовъ тоже не воспрещено канонами нашей церкви; оно только не въ обычай. Представьте же себѣ такой случай, что если бы органы были въ употребленіи во всей Россіи кромѣ Западной и если бы русскіе хо-

*) Не знаю во всѣхъ ли.

тѣли навязать ихъ послѣднему краю, увѣряя и доказывая, что это не противорѣчитъ каноническимъ правиламъ, какъ вы думаете; неужели народъ могъ бы немедленно, безъ всякихъ колебаній принять этотъ обычай и счелъ бы его своимъ роднымъ, національнымъ обычаемъ? Да и это сравненіе, говоритъ авторъ, недостаточно сильно и рельефно "... и не совсѣмъ удачно, прибавляемъ мы отъ себя. Приводя этотъ примѣръ, г. Рюминъ забылъ обратить вниманіе на слѣдующія, не совсѣмъ лишеныя важности, обстоятельства: что до VII вѣка христіанская церковь не знала употребленія органовъ; что употребленіе при богослуженіи музыки противорѣчитъ ученію отцовъ и учителей церкви *); что, наконецъ, вся восточная церковь смотрѣла на органы, какъ на нововведеніе, чуждое духу православной церкви. Если же г. Рюминъ иныше свое о согласіи употребленія органовъ съ канонами православной церкви основалъ на томъ, что между соборными опредѣленіями нѣтъ правилъ, прямо запрещающихъ этотъ обычай, то и въ такомъ случаѣ онъ неправъ. Вся суть въ томъ, что вселенскіе соборы, на которыхъ формулировались христіанскіе догматы, были еще до раздѣленія церквей, когда восточная и западная церкви находились въ единеніи между собою и когда, слѣдовательно, не было необходимости говорить противъ органовъ. Послѣ же раздѣленія церквей, когда западная церковь, вмѣстѣ съ прочими нововведеніями, приняла органы, нашлись обличители этого обычая въ восточной церкви и противники его въ западной **). Но, приведенный г. Рюминымъ примѣръ,—примѣръ, въ которомъ слышится рѣзкій диссонансъ съ ученіемъ православной церкви и духомъ православной вѣры, къ какому результату насъ приводитъ? Все таки въ томъ, что самое положеніе, изъ котораго онъ выведетъ, неправильно. Онъ совершенно логически выведенъ изъ даннаго положенія; онъ только по мыслямъ неправиленъ; а по мыслямъ неправиленъ потому, что неправильно положеніе, изъ котораго примѣръ логически вытекаетъ: положеніе, ложное въ своемъ основаніи, всегда бываетъ ложно и въ заключеніи. Никто, конечно, не сомнѣвается, что вопросъ о національныхъ обычаяхъ имѣетъ весьма важное значеніе, въ такомъ дѣлѣ, какъ обрусеніе края, но дѣло въ томъ, что г. Рюминъ слишкомъ обобщилъ этотъ во-

*) Златоуста, Пелусіота, Θεодорита Кирскаго и др.

***) Учитель западной церкви XII вѣка Тома Аквинатъ.

прось, въ то время, когда его необходимо разсматривать частиѣе т. е. необходимо дѣлать строгое разграниченіе между національными обычаями, дѣйствительно имѣющими значеніе въ осуществленіи заданной цѣли и вовсе ничего не значащими. А критериумъ для этого различія, въ области религіи,—самое близкое согласіе того или другого обычая съ ученіемъ православною церкви и духомъ православной вѣры. Если, напр., вы станете утверждать о необходимости крестить дѣтей чрезъ погруженіе, а не чрезъ обливаніе, какъ это было въ западномъ краѣ до сихъ поръ, то вы поступите совершенно справедливо. Но если, напротивъ, вы будете доказывать необходимость заниматься полевыми работами въ воскресные и праздничные дни, или ставить кресты исключительно лишь на однѣхъ могилахъ, то вы сдѣлаете капитальную ошибку.

Не менѣе страннымъ представляется и то, что г. Рюминъ не сумѣлъ вывести логическаго заключенія изъ тѣхъ посылокъ, какія находятся въ его собственномъ сужденіи. Онъ говоритъ, что русскимъ чиновникамъ чрезвычайно не понравились лоскутки развѣшанныхъ на крестахъ матерій, польскія и латинскія надписи, изваянное распятіе и прочіе атрибуты и признаки католичества, указывающіе на латино-польское влияніе въ западномъ краѣ. Г. Рюминъ говоритъ, что не будь на крестахъ католическихъ признаковъ, русскій человекъ отнесся бы благосклонно къ этому явленію, тѣмъ болѣе, что не находилъ въ немъ ничего противнаго его религіознымъ взглядамъ и тому благоговѣнію, какое русскій народъ питаетъ къ кресту. Г. Рюминъ соглашается даже, что упоминаемый обычай—православный и не противорѣчитъ канонамъ церкви. Изъ этихъ данныхъ какъ слѣдовало бы рѣшить вопросъ о придорожныхъ крестахъ? Очевидно, чтобы обычай ставить кресты имѣлъ православный характеръ и чтобы видъ ихъ не возбуждалъ неродованія русскихъ чиновниковъ, необходимо уничтожить на нихъ тѣ знаки, которые составляютъ главный атрибутъ католическихъ крестовъ, и чтобы, такимъ образомъ они приняли видъ чисто православно-русскихъ крестовъ, а не представлять уничтоженіе ихъ времени, какъ рѣшилъ г. Рюминъ. Повсемѣстное существованіе костеловъ въ западномъ краѣ гораздо болѣе указываетъ на влияніе въ немъ католицизма и полонизма, тѣмъ не менѣе никто не утверждалъ, что, для обрусѣнія края, нужно разорвать

эти костелы, или предоставлять уничтоженіе ихъ времени. Правительство совершенно справедливо и совершенно добросовѣстно поступило въ этомъ случаѣ, когда распорядилось вынести изъ костеловъ разныхъ Роховъ и Фелиціановъ, и на мѣсто ихъ поставить иконы Спасителя и Богоматери, а вмѣсто закрыстій, устроить православные алтари. Нельзя ли было бы поступить точно также и съ крестами, какъ и совѣтуетъ это г. Малышевскій? Намъ кажется, что чрезъ уничтоженіе придорожныхъ крестовъ западный край не сдѣлается вдругъ чисто русскимъ краемъ, равно и существованіе этого обычая не превратитъ его въ Польшу; тѣмъ болѣе, что существованіе его, скажемъ словами самаго г. Рюмина, не пренятствуетъ дѣятельности русскихъ людей, желающихъ честно и сознательно и, прибавимъ, разумно служить интересамъ русскаго дѣла.

Н. Боборыкинъ.

3.

ФИГУРА СПАСИТЕЛЯ ВЪ Р.-КАТОЛИЧЕСКОЙ КАПЛИЦѢ (*).

Въ трехъ верстахъ отъ г. Борисова, Минской губерніи, по направленію къ г. Оршѣ, находится р.-католическое кладбище «Кальварія», здѣсь построена каплица, пользующаяся известностію между окрестными жителями, какъ мѣсто, освященное присутствіемъ находящейся въ ней яко-бы чудотворной фигуры Спасителя. Фигура одѣта въ бѣлый плащъ, съ крестообразно сложенными руками и вѣнцомъ на главѣ. Изображеніе Спасителя въ такомъ видѣ напоминаетъ моментъ Его состояніи передъ судомъ иудеевъ.

Насъ не удивляетъ изображеніе Спасителя въ пластической формѣ; это не новость, съ которою бы мы рѣдко встрѣчались въ здѣшнемъ краѣ, съ его особенностями и оригинальностями: важна для насъ въ историческомъ отношеніи судьба фигуры, какъ собраніе фактовъ, разоблачающихъ дѣйствія латинно-польской пропаганды въ былыя времена.

Преданіе говоритъ, что одинъ литовскій бояринъ, по имени,

(*) Изъ свѣдѣній, имѣющихся въ минской консисторіи и въ канцеляріи г. начальника губерніи.

Босога, путешествуя по разнымъ монастырямъ вслѣдствіе религіознаго побужденія, обрѣлъ гдѣ - то фигуру Спасителя, принесъ на свою родину и поставилъ на липовомъ пнѣ въ урочищѣ Замчищѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ деревни Стаекъ, немоницкаго прихода, а впоследствии, при помощи другихъ ревнителей благочестія, построилъ церковь во имя Св. Николая Чудотворца. (Обрѣтеніе фигуры и построеніе церкви относится, по преданію, ко времени существованія здѣсь униі). Можно предположить, что строители церкви были возбуждены къ сооруженію ея сильнымъ энтузіазмомъ: иначе нельзя объяснить такую искреннюю готовность на непринужденные труды. Что же развило въ нихъ такой религіозный энтузіазмъ? Мы объясняемъ это тѣмъ, что бояринъ, принеши фигуру домой, должно быть, не пожалѣлъ красокъ расписать ея обрѣтеніе въ такихъ чудесныхъ формахъ, въ какія обыкновенно укладываются свѣдѣнія о чудотворно являющихся или обрѣтающихся иконахъ. Эти свѣдѣнія онъ постарался пустить въ массу народа, всегда легко-вѣрно относящагося къ подобнымъ фактамъ, а народъ еще болѣе увеличилъ ихъ значеніе прибавкою чего-нибудь чудеснаго и такимъ образомъ фигура Спасителя стала слѣть чудотворною. Легковѣрность народа не должна удивлять насъ: предполагая этотъ фактъ въ XVII столѣтіи, мы находимъ причину его въ слѣпой вѣрѣ простаго народа во все чудесное, безъ критическаго суда.

Такимъ образомъ слухъ о фигурѣ, разрастаясь въ народѣ, проникая и охватывая всѣхъ окрестныхъ жителей, обратилъ на нее вниманіе не только униатовъ, но и р.-католиковъ. Движимые благочестіемъ, они стали собираться въ униатскую церковь въ безчисленномъ множествѣ. Число поклонниковъ фигуры доходило до десяти тысячъ человекъ. Такой фактъ не замедлил броситься въ глаза ксендзовъ. Они почувствовали себя въ неловкомъ положеніи: поклонники католицизма охладѣли къ костеламъ, потому что значеніе и доходы униатской церкви возвысились въ ущербъ костеламъ. Чтобы выйти изъ такого положенія, они рѣшились на самый безцеремонный поступокъ: похитили фигуру и поставили ее въ своей «Кальваріи»; въ народъ же распустили слухъ, что она чудеснымъ образомъ оставила прежнее мѣсто и явилась въ «Кальваріи». Черезъ нѣсколько времени, ксендзы довершили о-стальное; совершенно раззорили замчищскую церковь. Такой фа-

натическій поступокъ не возбудилъ оффиціального протеста со стороны уніатовъ; впрочемъ, вѣроятно, всякое подобное заявленіе ихъ осталось бы безъ удовлетворенія.

Расчеты всендзовъ съ одной стороны были достигнуты : движеніе богомольцевъ дѣйствительно направилось въ «Кальварію»; оно постепенно умножалось, до того, что въ настоящее время число поклонниковъ, разумѣется, считая и православныхъ собирающихся, по обыкновенію, въ каждую недѣлю по новолуніи и въ особенности на 10-ю пятницу послѣ Пасхи, простирается до 10 тысячъ человекъ. Поклонники жертвуютъ въ каплицу, кто чѣмъ можетъ: деньгами, шерстью, льномъ и другими домашними произведеніями.

Но другая цѣль всендзовъ не осуществилась. Они думали, увозя икону и устанавливая ее въ каплицѣ,—что уніаты забудутъ о прежнемъ мѣстопребываніи фигуры, прильнуть къ ихъ каплицѣ всей душой и сердцемъ, освоятся съ католицизмомъ, полюбятъ и, быть можетъ, перейдутъ въ лоно ихъ церкви; между тѣмъ послѣдующіе и настоящіе факты явно обличили несостоятельность этой цѣли. Какъ прежде уніаты, такъ и теперь вновь присоединенные православные — собираются въ каплицу и молятся; но ихъ привлекаетъ сюда не любовь къ католицизму, а фигура Спасителя, преданіе о которой еще свѣжо и живо въ народѣ.

Слѣдовало-бы, кажется, разъяснить передъ православными, истинное значеніе фигуры. Низшій слой нашего общества настолько легковѣренъ, что доступъ къ нему всегда удобенъ. Зная настроеніе крестьянъ, всендзы долго еще будутъ поддерживать народное преданіе о чудесахъ фигуры и рисовать исторію ея въ самыхъ живыхъ и увлекательныхъ краскахъ, и, конечно, не безъ пользы для своихъ личныхъ интересовъ, привлекать въ «Кальварію» не только католиковъ, но и чисто-православное населеніе.

К. С—цовъ.

(Мин. Г. Вид.)

ЕЩЕ О ФИГУРАХЪ СВЯТЫХЪ И ДРУГИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ РЕЛИГИОЗНАГО ЗНАЧЕНІЯ.

Если въ вопросѣ о придорожныхъ крестахъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ возможно еще хотъ съ значительными натяжками утверждать, что водруженіе крестовъ не есть обычай исключительно католилескій, то въ вопросѣ о статуяхъ и памятникахъ религіознаго значенія положительно и тѣни этой возможности не можетъ быть допущено. И сколько намъ извѣстно, съ тѣхъ поръ, какъ поднять вопросъ о придорожныхъ крестахъ, никто, даже изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ этого обычая, ни слова не сказалъ о томъ, что и ставленіе изваянныхъ фигуръ на открытыхъ мѣстахъ также не противорѣчитъ канонамъ церкви и можетъ считаться обычаемъ чисто-русскимъ и обще-православнымъ. А коли хотите, и этотъ послѣдній обычай, т. е. сооруженіе изваяній, безъ особенно большихъ натяжекъ можно найти не противорѣчающимъ если не буквѣ, то духу церковныхъ кононовъ, которыми не можетъ быть отвергаемо все то, чѣмъ питается религіозное чувство, чѣмъ можетъ утверждаться вѣра, въ чемъ ищеть проявленія себѣ искреннее благоговѣніе. Никто, напримѣръ, не можетъ убѣдить насъ, что біеніе въ перси, во время молитвеннаго настроенія, можетъ противорѣчить духу церковныхъ канонв; но за то, съ другой стороны, едвали кто можетъ доказать, что это обычай общеправославный, чисто-русскій. Въ томъ то и заключается, по нашему мнѣнію, высота христіанскаго ученія, что оно не сковываетъ, подобно древнему іудаянзму, религіозной совѣсти человѣка одними вѣшними, строго опредѣленными формами, по выше всѣхъ формъ ставить *сердце чисто, духъ сокрушенъ и смиренъ* и требуетъ отъ человѣка только искренняго чувства, требуетъ поклоненія *духамъ и истинно* (Іоан. IV, 23).

„Упогребленіе органовъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Рюминъ (Ж 31 Мисск. Вѣд. 1868 г.), тоже не воспрещено канонами нашей православной церкви. Тѣмъ не менѣе вся православная Россія, не исключая и западной, привыкла смотрѣть на органы, какъ на принадлежность чуждаго римско-католическаго богослуженія.“ Но изъ-того, что какой-нибудь обычай не противорѣчитъ канонамъ церкви и тѣмъ менѣе еще проти-

ворѣчитьъ духу христіанскаго ученія, нисколько не слѣдуетъ, что онъ не можетъ стоять въ противорѣчій съ православіемъ вообще и православіемъ русской церкви въ особенности. Умозаключать такимъ образомъ значило бы впадать въ грубую ошибку противъ логики. Каждое исповѣданіе христіанскаго ученія носить на себѣ слѣды религіознаго міросозерцанія того народа, которому оно принадлежитъ, подобно тому какъ и національное чувство всякаго отдѣльнаго народа непременно должно выражаться и дѣйствительно выражается въ своеобразныхъ формахъ, свойственныхъ только этому одному народу. Особенности міросозерцанія всякаго народа должны выражаться во всемъ, что принадлежитъ ему, именно—въ языкѣ, въ наукѣ, въ національности, а слѣдовательно должны выражаться и въ религіи. Какъ на одну изъ особенностей религіознаго міросозерцанія католичества можно, на нашемъ крайнему разумѣнію, смотрѣть на обычай римско-католической церкви ставить при дорогахъ и вообще на мѣстахъ открытыхъ кресты и фигуры различныхъ святыхъ, чтимыхъ этою церковію. Справедливость сказаннаго нами можетъ быть подтверждена также и тѣмъ, что обычай этотъ вполне гармонируетъ со всемъ строемъ римско-католической церкви, любящей во всемъ, какъ справедливо выразился „Вѣстникъ западной Россіи“ (1865 г. май), *внѣшность и аффектацію*. Дѣйствительно, ни одно изъ христіанскихъ исповѣданій не представляетъ въ своихъ обрядахъ и религіозныхъ церемоніяхъ столько драматизма, поражающаго внѣшнія чувства, какъ исповѣданіе римско-католическое. Во многихъ костелахъ, какъ извѣстно, въ день Рождества Христова ставится лѣлька, въ которую кладутъ куклу. Обычай требуетъ, чтобы каждый истинный сынъ римско-католической церкви при посѣщеніи костела покачалъ ее. . . . Въ великій пятокъ точно также устроится гробъ, который сберегаютъ куклы, одѣтыя во всѣ воинскіе доспѣхи. Словомъ во всемъ можно видѣть стремленіе этой церкви представить свое вѣроученіе какъ можно нагляднѣе и изобразительнѣе. Изъ духа этого стремленія къ наглядности и символизму, логически, по нашему мнѣнію, какъ слѣдствіе изъ причины, вытекаетъ также и обычай ставить кресты не рѣдко со всеми атрибутами страстей Спасителя и фигуры раз-

ныхъ святыхъ иногда въ самыхъ драматическихъ и въ самыхъ импонирующихъ позахъ.

Такимъ образомъ положительно можно сказать, что безчисленное множество крестовъ и фигуръ разныхъ святыхъ, какъ особенность сѣверо-западнаго края, обязано своимъ происхожденіемъ вліянію католицизма. Благодаря предупредительности г. начальника губерніи, мы имѣли доступъ къ официальнымъ свѣдѣніямъ о придорожныхъ фигурахъ, статуяхъ и другихъ памятникахъ, устроенныхъ въ Минской губерніи ксендзами іезуитами и частными лицами. Свѣдѣнія эти, по распоряженію мѣстной власти, доставлены въ 1866 г. по всемъ восьми уѣздамъ, кромѣ Слуцкаго, и заключаютъ въ себѣ довольно интересныя данныя. О придорожныхъ крестахъ въ Минской губерніи помѣщены уже въ 31 № Минск. Губ. Вѣдомостей довольно подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія,—а потому мы намѣрены сообщить только нѣкоторыя свѣдѣнія о фигурахъ святыхъ и другихъ памятникахъ религіознаго значенія. Всѣхъ вообще памятниковъ этого рода считается до 117 въ губерніи. Имено: фигуръ св. Яна 46; I. Христа 18; св. Роха 2 (одна близъ имѣнія Борздыня, а другая въ фольваркѣ Марьяново, Минскаго уѣзда); св. Изидора, плотника и покровителя странниковъ 1 (въ имѣн. Дзягильно, Минскаго уѣзда); св. Іосифа съ младенцемъ Іисусомъ 1 (въ им. Русиновичахъ Минск. уѣзда); св. Викентія *) въ 350 саженьяхъ отъ г. Минска; Архангела Михаила 1 (при фольв. Подлѣсьи Борисовскаго уѣзда); св. Антонія По-

Примѣч. 1. Статистическія данныя о числѣ католиковъ въ Новогрудскомъ, Минскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ мы взяли за 1865 г. потому что съ этихъ поръ послѣдовало запрещеніе вновь воздвигать фигуры и статуи, а также и потому, что съ этого года послѣдовало въ довольно значительномъ количествѣ обращеніе католиковъ въ православіе.

Примѣч. 2. Почему въ Минскомъ уѣздѣ меньше фигуръ и памятниковъ, чѣмъ въ Новогрудскомъ, въ которомъ католиковъ меньше чѣмъ въ первомъ, можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ Минскомъ уѣздѣ римско-католическое населеніе больше слито въ г. Минскѣ, между тѣмъ какъ въ Новогрудскомъ оно болѣе распространено по уѣзду и составляетъ преимущественно классъ земледѣльческой.

*) На мѣсто статуи св. Викентія Минскимъ Николаевскимъ братствомъ 18 августа нынѣшняго года поставлена икона Богоматери—копія съ мѣстной минской чудотворной иконы. См. 34 № Минск. Губ. Вѣдом.

дунскаго 1 (въ мѣстечкѣ Глускѣ Бобруйскаго уѣзда); св. Казимира 1 (въ им. Кузыничаяхъ Мозырскаго уѣзда); св. Феклы 1 (въ фольв. Марьяново Минск. уѣзда); св. Матильды 1 (въ им. Святыхъ Новогрудск. уѣзда); св. Агафьи 1 (въ им. Наруцевичаяхъ Новогрудск. уѣзда). Иконъ, поставленныхъ на крестахъ съ изображеніемъ І. Христа 1; Пресвятой Дѣвы Маріи 6, Николая Чудотворца 1. Разныхъ колонъ и столбовъ безъ фигуръ считается въ 8 уѣздахъ до 30. Наконецъ фигуръ безъ имени 3. По уѣздамъ размѣщены эти памятники слѣдующимъ образомъ: Въ Новогрудскомъ 32, въ Минскомъ 26, въ Пинскомъ 18, въ Бобруйскомъ 18, въ Игуменскомъ 8, Борисовскомъ 5 и Рѣчицкомъ 4. При этомъ замѣчаніи то достойно обстоятельство, что тѣмъ больше въ какомъ-нибудь уѣздѣ жителей римско-католическаго исповѣданія, тѣмъ фигуры и статуи въ такомъ уѣздѣ многочисленнѣе и наоборотъ. Такъ, самое большое количество упомянутыхъ изваяній и фигуръ находится въ уѣздахъ Новогрудскомъ и Минскомъ,—наименьшее въ Рѣчицкомъ. Въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, при 4928 кат. обоого пола, показано 4 фигуры, изъ которыхъ двѣ только помѣщаются на открытомъ мѣстѣ, другія же двѣ помѣщаются въ часовняхъ. Въ Новогрудскомъ же на 33562 кат. обоого пола—23, въ Минскомъ на 48395 кат.—26. См. примѣчаніе. Далѣе изъ вышеупомянутыхъ официальныхъ донесеній явствуетъ, что наибольшую популярность, если можно такъ выразиться; полсзуется св. Янъ: такъ, число фигуръ во имя св. Яна въ 2¹/₂ раза превышаетъ число фигуръ Христа Спасителя,—именно—последнихъ только 18, тогда какъ первыхъ, т. е. во имя св. Яна, 46 въ губерніи. Это обстоятельство не можетъ не остановитс на себѣ вниманія, если принять въ соображеніе, что вообще западнымъ католичествомъ превыше всѣхъ ставится чествованіе Пресвятой Дѣвы Маріи, которую католицизмъ польскій къ тому же считаетъ королевою Польши, что извѣстно изъ нѣкоторыхъ молитвъ. Зная, что патрономъ Литвы католики сѣверо-западнаго края признають не св. Яна, но св. Казимира, мы рѣшились обратиться къ католикамъ и не католикамъ съ вопросами о причинахъ преимущественно предпочтительнаго чествованія св. Яна еще и потому, что всѣ словесные договоры и аренды годичныя дѣлаются въ сѣверо-западномъ графѣ, какъ го-

воротъ, отъ Яна до Яна; но, къ сожалѣнію, никто не могъ разрѣшить намъ этаго небезынтереснаго факта. А потому, представляя другимъ болѣе компетентнымъ людямъ сказать по этому вопросу послѣднее слово, мы выскажемъ только наше личное предположеніе, замѣтивъ предварительно, что въ Ковенской губерніи, которая, какъ говорятъ, по количеству придорожныхъ крестовъ, статуй и фигуръ святыхъ безспорно занимаетъ первое мѣсто въ краѣ, фигуръ св. Яна несравненно больше, чѣмъ другихъ. Причемъ присовокупляютъ, что фигуръ св. Яна, отдѣльно стоящихъ, очень много, между тѣмъ какъ при фигурахъ Христа Спасителя всегда въ сосѣдствѣ ставятся и статуи св. Яна. Вникая въ этотъ фактъ и принимая въ соображеніе, что св. Іоаннъ Креститель былъ первымъ предвозвѣстникомъ новаго христіанскаго ученія, невольно соглашаешься, что ставленіе на открытыхъ мѣстахъ крестовъ и изваяній святыхъ есть произведеніе латинской пропаганды, любящей выѣшность, аффектацію, употребляющей крестъ святой вмѣсто межевыхъ знаковъ завоеванной страны (Вѣстникъ западной Россіи 1865 г. Май. Статьи Туриста). При исключительности взгляда калолитизма, по которому диссидентовъ не признаютъ даже за христіанъ *), и при свойственномъ ему стремленіи всякое свое проявленіе обозначать внѣшнимъ видимымъ знакомъ, очень можетъ быть, что на каждомъ клочкѣ земли, который дѣлался достояніемъ Рима, водружали крестъ Спасителя, приносящаго на землю Божественное откровеніе, или же ставилась фигура св. Іоанна, перваго предвозвѣстника этого откровенія. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ особенно предпочтительное чествованіе св. Яна въ здѣшнемъ краѣ сравнительно съ другими святыми римско-католической церкви едва ли можетъ быть признано одною случайностью.

Наконецъ изъ тѣхъ же официальныхъ донесеній видно, что сооруженіе только 6 памятниковъ этого рода относятся не къ XIX вѣку,—именно—2 фигуры св. Яна въ Пинскомъ уѣздѣ къ 1730 годамъ, два столба съ безыменными фигурами въ Рѣчицкомъ уѣздѣ къ 1795—90 г. и два столба безъ фигуръ въ Мо-

*) П р и м ѣ ч. Потому, кажется, покойниковъ принадлежавшихъ къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ не дозволяется даже отгѣвать въ костелахъ.

зырскомъ уѣздѣ за 200 лѣтъ тому назадъ ко времени, будто бы, закладки мѣстечка Копаткевичъ,—остальные же всѣ 111 соору-жены въ XIX в. и при томъ во вторую его четверть. И этотъ фактъ, какъ и всякій другой, не долженъ быть безпричиннымъ. Въ официальныхъ источникахъ показано, что много крестовъ и фигуръ сооружено было преимущественно въ 1826, 1830 1848 и 1855 годахъ: въ память юбилея, который праздновала римско-католическая церковь въ 1825 г., и въ память избавленія отъ холеры, которая свирѣпствовала въ Минской губерніи два раза во вторую четверть нынѣшняго столѣтія. Дѣйствительно въ минувшую четверть кромѣ упомянутыхъ всенародныхъ бѣдствій край этотъ страдалъ нѣсколько разъ отъ мировой язвы поражающей скотъ. Безъ сомнѣнія, всѣ эти бѣдствія способствовали къ самоуглубленію духа народнаго и возбуждали въ немъ религіозную настроенность. Но нельзя упускать при этомъ изъ виду того обстоятельства, что упомянутыя бѣдствія всею своею тяжестью ложились больше на православное населеніе; болѣе рабствующее, чѣмъ на католическое,—шляхетское, болѣе господствующее. А между тѣмъ почти всѣ фигуры и поставлены римско-католиками и теперь принадлежать имъ. Такимъ образомъ кромѣ упомянутыхъ причинъ должны быть и другія, не менѣе основательныя. Для уразумѣнія причинъ, породившихъ религіозное, почти фанатическое, настроеніе въ этомъ періодѣ времени въ здѣшнемъ католическомъ населеніи, не должно упускать изъ виду и политическихъ событій въ минувшую половину XIX столѣтія. Извѣстно, что въ этотъ промежутокъ времени политическія стремленія поляковъ и Царства Польскаго и, такъ называемой, Литовской Руси нѣсколько разъ оказывались пустою химерою, изобличавшею непростительное легковѣріе и крайнюю, чтобы не сказать больше, самонадѣянность. Послѣ 3-го и окончательнаго раздѣла Польши, который можетъ дѣйствительно считаться концемъ Польши (*finis Poloniae*), всѣ надежды на возстановленіе королевства были возлагаемы на Наполеона 1-го, поддерживавшаго этотъ энтузіазмъ для борьбы съ Россіей. Мечты эти воскрешены были княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, но и эти легковѣрныя мечты не осуществились. Тогда поляки задумали своими собственными силами возстановить умершую навсегда Польшу и произвели въ 1831 г. воз-

ствіе, которое, какъ извѣстно, не имѣло тоже никакого успѣха. Несмотря на это надежды поляковъ не умирали и еще разъ проявили себя въ возбужденіи послѣдняго польскаго мятежа въ 1863 году.

Неминуемымъ слѣдствіемъ всѣхъ этихъ безумныхъ, несбывшихся надеждъ было горькое разочарованіе, которое также, по вашему мнѣнію, не могло не способствовать къ усиленію религіознаго фанатизма, тѣмъ болѣе, что, по понятію польскихъ католиковъ, религія и патріотизмъ составляютъ одно и тоже. Нельзя не припомнить при этомъ, что дѣтъ 12, 15 *) тому назадъ извѣстнымъ уроженцемъ Минской губерніи Рогалевичемъ распространяема была въ Минской губерніи между католическимъ населеніемъ революціонная брошюра, въ которой проповѣдывалось, какъ догматъ, что не вѣрующій въ воскресеніе Польши не вѣритъ въ воскресеніе души и во второе пришествіе І. Христа и тотъ да будетъ проклятъ во вѣки вѣковъ; что днемъ смерти Польши былъ раздѣлъ ея; второй день погребеніе 1812 г.; третій день настоящее время, когда Польша несомнѣнно возстанетъ изъ мертвыхъ.

Очень можетъ быть, что вожаки революціонныхъ стремленій, ксендзы, пользуясь религіозною настроенностью населенія и не пренебрегая никакими средствами для усиленія ея и направленія къ политическимъ цѣлямъ увѣщевали ставить кресты и фигуры—вмѣсто межевыхъ знаковъ страны, завоеванной для католицизма, или, что все равно, для умершей Польши. Если ксендзы не совѣстились прибѣгать къ самымъ непростительнымъ средствамъ для своихъ цѣлей, то нѣтъ ничего удивительнаго и невѣроятнаго въ томъ, что на сооруженіе крестовъ и фигуръ съ цѣлями революціонными они могли смотрѣть какъ на самое надежное и на самое позволительное средство. Извѣстно, что во время послѣдняго возстанія цѣляя толпы собирались у этихъ крестовъ и фигуръ для того, чтобы молиться и пѣть революціонные гимны, а можетъ быть и для того, чтобы приносить свои *офяры* для имѣющаго быть возстанія: ибо при нѣкоторыхъ фигурахъ, какъ наприм., при фигурѣ Антонія Падуанскаго въ мѣстечкѣ Глускѣ, Бобруйскаго уѣзда, имѣлись кружки для добродѣтельныхъ приношеній.

*) 185 № Моск. Вѣдом. 1868 г.

Съ этой точки зрѣнія взглянула, кажется, на эти произведенія латинства и высшая администрація русская, которая, какъ извѣстно, запретивъ вновь сооружать кресты и фигуры, уничтоженіе прежнихъ предоставило времени. Чуждые фанатизма и нетерпимости, мы совершенно расположены наблюдать поужайшую терпимость къ этимъ памятникамъ. Но никто, конечно, не можетъ требовать ни отъ русской администраціи, ни отъ русскаго православнаго населенія поддержки и поощренія чуждыхъ, иновѣрныхъ обычаевъ. Нельзя при этомъ не пожелать, чтобы на мѣсто католическихъ памятниковъ, которые съ теченіемъ времени приходятъ болѣе и болѣе въ ветхость и начинаютъ уже разрушаться, воздвигаемы были памятники чисто русскаго и чисто православнаго характера.

II. 3.

(Минск. Губ. Вѣд.)

О РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОМЪ ПРАЗДНИКѢ ТѢЛА ГОСПОДНЯ *)

(Festum corporis Christi). Въ западной церкви, кромѣ праздниковъ общихъ ей съ православной церковью, есть еще особые праздники, введенные въ ней со времени отдѣленія ея отъ церкви восточной. Съ этими нововведеніями западной церкви православные еще весьма мало знакомы, тѣмъ болѣе, что ихъ достаточно еще не касалась наша журналистика ни свѣтская, ни духовная. А между тѣмъ, эти учрежденія Запада не лишены своего интереса, и многія изъ нихъ служатъ яснымъ выраженіемъ извѣстной эпохи и характернымъ изображеніемъ дѣйствій римской Церкви со времени отдѣленія ея отъ вселенскаго единства. Притомъ, самое отправленіе этихъ праздниковъ, нерѣдко соединяемое съ оригинальными обычаями и обрядностію, въ состояніи возбудить любопытство всякаго православнаго, на глазахъ котораго оно происходитъ. Вотъ напр. въ римско-католической церкви еже-

*) 30-го прошлаго мая въ латинской церкви, нынѣ былъ совершенъ этотъ праздникъ, хотя не съ такой помпой, какъ бывало это прежде. Полагая, что сообщая замѣтку объ этомъ праздникѣ, мы возобновимъ свѣдѣнія нашихъ читателей не безъ пользы для нихъ, дочерпнутыя ими когда-то при изученіи церковной исторіи въ школѣ.

годно совершается праздникъ Тѣла Господня. Кто изъ православныхъ, еще такъ недавно, не замѣчалъ въ этотъ день нѣкотораго особеннаго религіознаго движенія между латинянами, а также кто не присматривался къ виѣшнимъ алтарямъ, устроеннымъ въ этотъ день на улицахъ, вѣстнымъ ходамъ и т. п., и кому не хотѣлось знать, въ чемъ состоитъ сущность этого праздника и какова его исторія? И такъ познакомимъ нашихъ читателей съ праздникомъ Тѣла Господня, столь торжественно, хотя и своеобразно, совершавшимся у латинянъ въ западной Россіи, какъ съ образцомъ всѣхъ подобныхъ празднествъ этой церкви, введенныхъ со времени отдѣленія ея отъ церкви восточной.

Праздникъ Тѣла Господня (*Festum Corporis Christi*) или Святой Евхаристіи (*solemnitas Eucharistiae*), какъ видно изъ службы праздника и самаго названія его, имѣетъ предметомъ своимъ воспоминаніе той Св. Евхаристіи, которую Христосъ Спаситель совершилъ на канунъ своей смерти и которую повелѣлъ постоянно повторять въ его воспоминаніе. Прежде это воспоминаніе совершалось въ Великій Четвертокъ, въ день самаго установленія Спасителемъ Тайной вечери; но, съ теченіемъ времени, оно отдѣлено отъ общей службы Великаго Четверга и послужило предметомъ особаго торжества.

Поводъ къ отдѣльному установленію этого праздника былъ слѣдующій. Въ началѣ 13-го вѣка, въ монастырѣ Монъ-Карнильонъ, близъ Люттиха (въ Германіи) жила одна подвижница, по имени Юліанія. Съ христіанскимъ смиреніемъ, благочестіемъ и другими добродѣтелями, какъ повѣтствуютъ западные писатели, она соединяла особенную религіозную черту — необыкновенную привязанность и пламенную любовь къ таинству Евхаристіи, такъ что всякое священнодѣйствіе литургіи, а еще болѣе, всякое приобщеніе св. таинъ приводило ее въ состояніе восторженности и нѣкотораго рода изступленія. Однажды, когда она въ такомъ религіозномъ энтузіазмѣ стояла на молитвѣ, ей представилось видѣніе, предметомъ коего была полная, восходящая на горизонтѣ, луна, съ небольшимъ ущербомъ, какъ бы выемкою. Видѣніе это повторилось въ другой, третій разъ и т. д. Всячески стараясь разгадать это явленіе, она дождалась еще одного видѣнія, изъ котораго узнала, что луна означаетъ церковь, а недостатокъ въ ней означаетъ недостатокъ одного праздника въ церкви и

именно праздника Евхаристіи. Это видѣніе и объясненіе его она сообщила Іоанну Лазанскому, канонику церкви Св. Мартина въ Люттихѣ, и просила его употребить свое посредство въ дѣлѣ введенія этого праздника. Каноникъ сообщилъ это дѣло всѣмъ люттихскимъ ученымъ богословамъ и всѣмъ представительнымъ лицамъ тамошняго духовенства, между которыми оказался особенно расположеннымъ въ пользу этого торжества архидіаконъ Іаковъ—Пантелеймонъ, вполсѣдствіи папа Урбанъ IV. Долго разсуждали и спорили объ этомъ откровеніи, и наконецъ большинство рѣшило, что весьма похвальное и богоугодное дѣло—прославить установленіе Св. Евхаристіи большимъ торжествомъ, нежели какимъ оно чествуемо было до сихъ поръ. Вслѣдствіе сего рѣшенія, епископъ люттихскій Робертъ де-Торотъ (de-Torote) въ 1264 г. разослалъ по всей епархіи своей предписаніе, въ силу котораго всѣ обязаны были ежегодно въ четвергъ, послѣ отданія праздника пятидесятницы, совершать праздникъ Евхаристіи. Папа Иннокентій IV (1252 г.), узнавъ о возникшемъ въ Люттихѣ новомъ празднествѣ, нарочито послалъ туда двухъ кардиналовъ Гюгона и Петра Каносъ именемъ его благословить, утвердить и распространить новое празднество во всей церкви. Но ничто не могло утвердить народъ въ дѣйствительности и серьезномъ значеніи откровенія Юліанія, а потому и праздникъ сей распространился не далѣе предѣловъ Люттиха, тогда какъ насмѣшки надъ Юліаніей и ея откровеніями сдѣлались почти повсемѣстными въ епархіи. Въ такомъ состояніи дѣло введенія новаго праздника продолжалось до второй половины 13-го вѣка. Но съ сего времени обстоятельства начали перемѣняться въ пользу праздника. Въ 1261 г. на престолъ папскій взошелъ Урбанъ IV, тотъ самый, который, будучи еще архидіакономъ въ Люттихѣ, весьма одобрялъ введеніе новаго праздника въ церкви. Подруга Юліанія, затворница люттихская Ева, которой первая на смертномъ одрѣ своемъ завѣщала попеченіе о поддержаніи начатаго дѣла, приступила къ папѣ и просила его привести въ исполненіе завѣщаніе Юліанія, предмету коего онъ самъ нѣкогда такъ сочувствовалъ. Папа давно уже желалъ ввести этотъ праздникъ въ церкви, но, видя крайнюю недовѣрчивость христіанъ къ видѣніямъ подвижницы, рѣшился ожидать благоприятнаго къ сему случая. Случай этотъ скоро представился. Въ мѣстечкѣ Вольсенѣ, близъ резиденціи

папской Орветы, одинъ священникъ, совершавшій однажды литургію, усумнился въ присутствіи истиннаго тѣла и крови Христовой въ таинствѣ Евхаристіи. Слѣдствіемъ такого сомнѣнія, по словамъ западныхъ дѣеписателей, было превращеніе самаго вина въ кровь, которая якобы въ обилии потекла изъ чаши и омочила весь антиминсъ. Это событіе, а еще болѣе распространившаяся въ сіе время ересь послѣдователей Беренгарія 1) были для папы окончательнымъ побужденіемъ къ установленію праздника Евхаристіи, и немедленно за симъ (1264 г.) послѣдовавшая булла его обязывала весь католическій міръ ежегодно, въ первый четвергъ послѣ отданія праздника пятидесятницы, совершать праздникъ Евхаристіи или Тѣла Господня: „да собирается,“ говоритъ онъ, „все духовенство и всѣ вѣрные въ этотъ день въ храмъ и да почтутъ гимнами и священными пѣснями торжественный праздникъ Св. Евхаристіи; епископы и прелаты церкви да поучаютъ народъ приготовляться къ сему празднику чистосердечнымъ покаяніемъ въ своихъ грѣхахъ, молитвами, милостынями и другими благочестивыми упражненіями... а чтобы болѣе возбудить вѣрныхъ къ прославленію сего великаго дня, мы жалуемъ 100 дней индульгенціи всѣмъ тѣмъ, которые будутъ присутствовать на заутрени и столько же дней за вечерню, 40 дней за каждый изъ часовъ, т. е. 1-й, 3-й, 6-й и 9-й, наконецъ 100 дней за цѣлую службу въ день отданія праздника (octava).“ Эта булла послана была въ Лютихъ на имя Евы, къ ней приложена также особая тетрадь, заключающая въ себѣ самую службу праздника, составленную Фомою Аквинатскимъ, и особое посланіе, которымъ первосвященникъ благословлялъ списывать эту службу и совершать ее во всѣхъ церквяхъ. Но и послѣ этихъ распоряженій, праздникъ Тѣла Господня остался частнымъ праздникомъ, тѣмъ болѣе, что въ самый годъ обнародованія буллы (1264 г.) папа Урбанъ умеръ, а преемники его, тревожимые смутами Гвельфовъ и Гибеллиновъ, не имѣли времени заняться имъ. Уже по истеченіи 40 лѣтъ отъ обнародованія буллы, по прекращеніи смуть въ Италиі, папы обратили вниманіе на это важное въ ихъ политикѣ дѣло Урбана IV и всячески начали стараться о повсемѣстномъ распространеніи новаго праздника

1) Ученный огословъ-діалектикъ XI вѣка, отвергавшій въ Евхаристіи пресуществленіе хлѣба и вина.

Первый принялся за это дѣло Климентъ V-й; за нимъ Іоаннъ XXII, Мартинъ V-й, Евгений IV-й; присовокупляя индульгенціи въ индульгенціямъ, достигли наконецъ цѣли. Впослѣдствіи соборъ тридентскій, дѣйствуя противъ реформатовъ вообще и въ частности противъ реформатскаго ученія объ Евхаристіи, окончательно утвердилъ этотъ праздникъ и даже оградилъ его угрозою анаемы*, „если кто говоритъ,“ сказано въ одномъ изъ опредѣлений собора, „что Спаситель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ, едиnorodный Сынъ Божій, не долженъ быть почитаемъ внѣшнимъ богочтениемъ въ таинствѣ, и, слѣдовательно, что таинство сіе не должно быть почтено особымъ частнымъ праздникомъ... да будетъ анаема (Concil. Trid. sess. XIII cap. 1, cap. VI).“ Въ силу этого окончательнаго опредѣленія собора, праздникъ Тѣла Господня вскорѣ въ западной церкви занялъ мѣсто на ряду съ первостепенными древними христіанскими празднествами и въ настоящее время со всею пышностію отправляется не только въ Европѣ, но даже на берегахъ Миссури, и Миссисипи, и въ Парагваѣ.

Особенность праздника Евхаристіи, или Тѣла Господня состоитъ въ томъ, что на обѣднѣ освящаются двѣ гостіи (два агнца), изъ коихъ одною причащается священнослужачій, а другая выставляется на престолѣ въ даропозвательницѣ (*ostensorium*), которая ставится на антиминсъ (*palla*). Для сего храмъ и престолъ украшаются и освѣщаются какъ можно роскошнѣе и съ престола снимаются статуи. Послѣ обѣдни, по римскому чину, или предъ обѣдней по чину галликанскому, бываетъ съ западной гостіей торжественная процессія, въ которой принимаютъ участіе въ городахъ западной Европы не только бѣлое и черное духовенство (*clerus secularis et regularis*), но всѣ свѣтскіе чины и даже царственныя особы. Сущность этой процессіи составляетъ чтеніе четырехъ евангелій по зачалу изъ cadaго евангелиста и пѣніе гимновъ. Гимны употребительны въ этотъ день слѣдующіе: пѣснь Амвросія медиоланскаго *Te Deum*, пѣснь Захаріи, гимнъ Фомы Аквинатскаго *verbum supernum* и гимнъ *rangelingua gloriosi*. Съ самымъ большимъ великолѣпіемъ совершается эта процессія въ Римѣ, гдѣ въ крестномъ ходѣ участвуетъ въ это время вся, находящаяся на лицо, пѣхота и конница, а также музыка струнная и духовая. При входѣ въ церковь бываетъ торжественное благословеніе гостіей, при чемъ народъ падаетъ на колѣна, а

войска отдають честь таинству ружьями. Послѣ процессіи, въ продолженіе 7-ми дней бываютъ выставлены Св. Тайны на престолѣ, и каждый вечеръ благословляется ими народъ. Въ осьмой день (octava) праздника бываетъ опять процессія, столь же торжественная, какъ и въ первый день. Для сего при всѣхъ важнѣйшихъ храмахъ дѣлаются на улицахъ временные престолы (altaria temporaria); подлѣ нихъ останавливается процессія и на престолѣ поставляется св. гостія въ дароповозательницѣ, хоръ поетъ гимны, послѣ которыхъ священнодѣйствующій читаетъ молитву и потомъ благословляетъ дарами народъ; послѣ того процессія продолжаетъ свое шествіе и тоже самое повторяется на другомъ престолѣ и т. д. Въ городахъ Западной Россіи, гдѣ есть костелы, временные престолы нынѣ устроиваются внутри костеловъ въ самый день праздника Евхаристіи. Этотъ день и отличается здѣсь особенною торжественностію. [Отданіе праздника (octava) совершается здѣсь безъ особыхъ внѣшнихъ церемоній.

И такъ, предъ нами подробное изложеніе одного изъ величайшихъ праздниковъ римской церкви, торжество, которымъ гордится эта церковь, сожалья въ то же время о насъ православныхъ, будто мы не сознаемъ, подобно латинянамъ, необходимости чествовать особымъ праздникомъ таинство Евхаристіи. Дѣйствительно, наша православная церковь не сознавала и не сознаетъ необходимости учреждать особое празднество для того Таинства, которое ежедневно совершается предъ нашими глазами для освященія и спасенія вѣрующихъ и въ которомъ св. Дары ежедневно чтутся боголѣпнымъ поклоненіемъ: въ истинной церкви Христовой ничего нѣтъ лишняго. Притомъ, относительно этого торжества римско-католической церкви, наше православное христіанское чувство никакъ не можетъ помириться ни съ тѣми маловажными, не имѣющими никакого каноническаго значенія, поводами, которые лежатъ въ основаніи установленія этого праздника на западѣ, ни съ самымъ обычаемъ носить по улицамъ и площадямъ, на показъ вѣрнымъ и невѣрнымъ, то святѣйшее Таинство, на которое, по ученію церкви, не могутъ безъ трепетнаго благоговѣнія взирать небесныя силы.

(Лит. Еп. Внд.)

О ВВЕДЕНИИ РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНИИ ВЪ РОССИИ.

Въ „Вил. Вѣстн.“ уже было сообщено о предположеніи исключить польскій текстъ изъ римско-католическаго требника (Rituale sacramentorum), по которому преподаются ксендзами требы русско-католическому населенію, и о замѣнѣ текста этого русскимъ; съ изданіемъ новаго требника, нынѣшній съ польскимъ текстомъ предполагаютъ изъять изъ употребленія въ римско-католическихъ семинаріяхъ и между ксендзами сѣверо-западныхъ губерній. „Въ прошедшемъ августѣ — пишутъ теперь въ той же газетѣ—министръ внутреннихъ дѣлъ отозвался, что раздѣляетъ мнѣніе о пользѣ новаго изданія римско-католическаго требника, съ замѣною въ немъ польскаго текста русскимъ, а для ускоренія распространенія его ассигнуетъ въ распоряженіе главнаго начальника края потребную сумму, для отпечатанія 2,000 экземпляровъ требника и для бесплатной затѣмъ раздачи его по всѣмъ римско-католическимъ приходамъ сѣверо-западныхъ губерній. Въ то же время оберъ-прокуроръ, съ своей стороны, отозвался, что *введеніе русскаго языка при богослуженіи въ римско-католическихъ костелахъ, по мнѣнію святѣйшаго синода, зависитъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которому подчинены всѣ иностранныя исповѣданія въ предѣлахъ Россіи, и что къ допущенію этого введенія, равно какъ къ изданію на русскомъ языкѣ католическихъ молитвенниковъ и другихъ богослужебныхъ книгъ со стороны синода препятствій не встрѣчается, съ тѣмъ только, чтобы всѣ такія книги, предварительно напечатанія, были подвергнуты строжайшей цензурѣ. Въ настоящее время, при управленіи главнаго начальника края, уже работаетъ надъ переводомъ требника особая коммисія, въ составъ которой входитъ, между прочимъ, одно духовное лицо римско-католическаго исповѣданія. Теперь окончень уже печатаніемъ отдѣльный отъ катехизиса краткій римско-католическій молитвенникъ на русскомъ языкѣ, для употребленія учащихся въ училищахъ виленскаго учебнаго округа, а въ томъ числѣ и *народныхъ* училищахъ; на изданный же недавно катехизисъ съ молитвенникомъ поступаетъ такое огромное количество требованій отовсюду, что предполагается приступить вскорѣ ко второму изданію.“*

(Русск. Инв.)

ИЗДАНИЕ ПАМЯТНИКОВЪ СТАРИНЫ ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ ИМПЕРІИ.

Мы имѣли случай ознакомиться съ недавно вышедшимъ въ свѣтъ, въ С.-Петербургѣ, первымъ выпускомъ капитальнаго учено-художественнаго труда, подъ названіемъ „Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи.“ Мысль этого изданія, состоящаго изъ отдѣльныхъ большихъ листовъ текста и 14 изящныхъ хромолитографическихъ рисунковъ, возникла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Тайный совѣтникъ П. Н. Батюшковъ, при осмотрѣ ихъ осенью 1866 года православныхъ церквей западнаго края, поручилъ, сопровождавшему его, съ Высочайшаго свѣдѣнія, художнику московской оружейной палаты Струкову снимать вѣрныя копіи съ тѣхъ развалинъ, которыя лежали на пути слѣдованія по бѣлорусскимъ и югозападнымъ губерніямъ, а также и по смежному съ Волынской Холмскому уѣзду Люблинской губерніи, съ тою цѣлю, чтобы ознакомить общество съ остатками этихъ древностей, постепенно разрушаемыхъ временемъ и руками человѣка. По его же порученію подполковникъ генеральнаго штаба А. В. Эртель, завѣдывавшій тогда устройствомъ православныхъ церквей на Волыни, собралъ и привелъ въ порядокъ мѣстные свѣдѣнія, легенды и преданія, относящіяся къ снятымъ съ натуры развалинамъ. Рисунки ихъ, вмѣстѣ съ описаніемъ, составленнымъ на основаніи какъ мѣстныхъ народныхъ преданій, такъ и точныхъ историческихъ данныхъ, удостоились быть представленными, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, Государю Императору, и Его Величество, благосклонно принявъ этотъ сборникъ, повелѣлъ приступить къ его печатанію, съ отпускомъ нужной на то суммы изъ средствъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Для выполненія технической части принятаго такимъ образомъ труда, (который на первый разъ предположено ограничить губерніями Витебскою, Могилевскою, Волынскою и Подольскою), по Высочайшему повелѣнію приглашенъ былъ академикъ Соляцевъ, который принялъ на себя провѣрку и окончательную отдѣлку рисунковъ; провѣрку же исторической части при составленіи монографій къ рисункамъ обязательно принялъ на себя тайный совѣтникъ К. С. Сер-

Биновичъ, извѣстный въ ученomъ мѣрѣ по изслѣдованіямъ въ области русской исторіи и изданіемъ, вмѣстѣ съ графомъ Д. Н. Блудовымъ, XII-го, посмертнаго, тома „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзина.

Такими благоприятными обстоятельствами, благодаря Высочайшему Государя Императора вниманію къ этому замѣчательному труду, сопровождалось появленіе въ свѣтъ въ мартѣ сего года 1-го выпуска памятниковъ старины. При поднесеніи его Государю Императору, Его Величество изволилъ благосклонно отнестись и къ старательно выполненному изданію и повелѣлъ продолжать его на основаніи прежнихъ Высочайшихъ повелѣній. Въ вышедшемъ выпускѣ заключаются памятники старины, съ историческими монографіями, городовъ Владиміра Волинскаго и Луцка; въ непродолжительномъ же времени, какъ мы слышали изъ достовѣрнаго источника, послѣдуютъ еще два выпуска съ памятниками старины городовъ Острога и Овруча.

Въ настоящее время нельзя уже пожаловаться, чтобы западныя губерніи наши, какъ до послѣдняго мятажа, представляли страну, къ которой бы равнодушно относилась русская наука. Благодаря появляющимся время отъ времени археологическимъ сборникамъ документовъ, палеографическимъ снимкамъ, рисункамъ и прочему, какъ у насъ въ Вильнѣ, такъ и въ Кіевѣ, Москвѣ и Петербургѣ, постепенно начала разоблачаться передъ нами минувшая судьба и настоящее положеніе нашей западной окраины. Настало наконецъ время, когда, при свѣтѣ безстрастной науки, сами собою должны пасть авторитеты польскихъ историковъ и публицистовъ, беззащитно, изъ политическихъ видовъ, искажавшихъ истину и распространявшихъ ложныя о краѣ мнѣнія, пользуясь прежнимъ безучастнымъ къ нему отношеніемъ нашей науки. Теперь—издаваемые акты и вѣрные снимки уцѣлѣвшей старины самымъ нагляднымъ и вразумительнымъ образомъ убѣждаютъ каждого, что не смотря на долговременное и жестокое господство здѣсь чуждаго коренному русскому населенію племени, не смотря на систематическое, въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, искорененіе этимъ племенемъ всего русскаго и православнаго,—западныя губерніи наши и понынѣ сохранили разнообразныя

фактическія свидѣтельства, указывающія безпристрастному ислѣдователю на кровную связь этой страны съ общимъ нашимъ отечествомъ и на древность господства здѣсь основныхъ русскихъ началъ. Языкъ здѣшняго народа, его нравы, обычаи и преданія, древніе акты и документы, юридическіе и семейные, православныя церкви и другіе памятники русскаго зодчества, изъ которыхъ нѣкоторые относятся даже къ X, XI и XII вѣкамъ и сохраняются теперь возобновленные или лежатъ въ развалинахъ, кромѣ множества истребленныхъ временемъ или рукою человѣка, о существованіи которыхъ имѣются указанія только въ лѣтописяхъ или въ народныхъ преданіяхъ, — все свидѣлствуетъ неопровержимо, что здѣсь была и сохранилась старая, коренная Русь, достойніе святаго равноапостольнаго князя Владиміра, Ярослава Мудраго и ихъ потомковъ.

Въ текстѣ, сопровождающемъ рисунки, мы находимъ нѣсколько указаній на то, какъ и до настоящаго времени постепенно уничтожаются остатки старины не столько временемъ, сколько, къ сожалѣнію, руками человѣка. Такъ напр. въ текстѣ, заключающемъ краткое описаніе кладбища женскаго Пречистенскаго монастыря, основаннаго еще князьями Мстиславомъ Владиміровичемъ (Мономаховичемъ) и Василиемъ Романовичемъ, и находившагося среди города Луцка на крутомъ обрывѣ горы, называемой святою,—говорится, что „отъ монастыря остался нынѣ только фундаментъ бывшаго храма и слѣды могильныхъ склеповъ, въ которыхъ погребались монахини; на нѣсколькихъ же надгробныхъ камняхъ, лежащихъ близъ склеповъ, еще уцѣлѣли надписи. Всесокрушающее время мало по малу уничтожаетъ остатки этой древности, а евреи довершаютъ дѣло времени. Они раскрадываютъ съ уцѣлѣвшихъ сводовъ кирпичъ и открываютъ такимъ образомъ склепы, въ которыхъ лежатъ человѣческія кости, надгробныя же плиты употребляютъ на пороги своихъ домовъ. Подъ горою видно и теперь нѣсколько плъть, вѣроятно, спущенныхъ евреями сверху для своихъ потребностей. Вся земля подъ бывшимъ Пречистенскимъ монастыремъ и его кладбищемъ находится нынѣ въ вѣдѣніи православнаго духовенства, но по распоряженію консисторіи отдана, къ сожалѣнію, въ вѣчный чиншъ евреямъ,

подъ постройку домовъ, и притомъ за самую ничтожную плату.“ Въ историческомъ описаніи развалинъ великолѣпной когда-то Крестовоздвиженской церкви въ Луцкѣ читаемъ, что „въ 1864 году, вслѣдствіе настоятельнаго со стороны гражданской власти требованія о немедленной разборкѣ этихъ развалинъ, въ предупрежденіе опасности отъ ихъ паденія, мѣстная волынская духовная консисторія, не имѣя средствъ приступить къ разборкѣ зданія хозяйственнымъ образомъ, нашлась вынужденною продать его съ торговъ, и еврей купилъ его за весьма ничтожную сумму, 500 рублей. Грустное впечатлѣніе на народъ отъ разломки евреями столь драгоцѣннаго памятника православія побудило министерство внутреннихъ дѣлъ уничтожить эту продажу, съ вознагражденіемъ купившаго зданіе денежною суммою. Однако пока шла переписка евреи успѣли воспользоваться временемъ для сломки главнаго купола и трехъ стѣнъ церкви и увести большую часть добытаго матеріала. Нынѣ отъ знаменитой Крестовоздвиженской церкви остается нетронутою одна алтарная часть. Министерство приняло мѣры къ охраненію этихъ развалинъ и къ постройкѣ часовни на склепахъ церкви, надъ усыпальницею фундаторовъ Крестовоздвиженскаго братства.“ Въ текстѣ историческаго описанія города Луцка, гдѣ обстоятельно изложены тѣ бури, которыя пережили городомъ во время плачевной борьбы между двумя христіанскими исповѣданіями, также приводится свидѣтельство, что борьбою этою воспользовались евреи, „усердно и нынѣ работающіе надъ искорененіемъ и слѣдовъ христіанства въ этомъ городѣ. Селясь, предпочтительно предъ другими мѣстностями, около развалинъ православныхъ церквей и католическихъ костеловъ и монастырей, они преднамѣренно заваливаютъ ихъ нечистотами, крадутъ кирпичи и плиты разрушающихся строеній и кощунствуютъ надъ остатками древности. Можно безъ преувеличенія сказать, что нынѣшній Луцкъ, почти весь построенный на развалинахъ святыхъ христіанскихъ храмовъ, сдѣлался настоящимъ еврейскимъ городомъ.“

Скажемъ, въ заключеніе, что произведенія, подобныя „памятникамъ старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи,“ пробуждая любовь къ старинѣ въ обществѣ, должны, по нашему

мнѣнію, имѣть на него самое благотворное вліяніе: такіа издація самымъ вразумительнымъ образомъ проясняютъ и укрѣпляютъ въ немъ историческое сознаніе. Возстановляя великое былое, онѣ побуждаютъ насъ сознательно полюбить и уважать свое родное, народное. Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтеніе такихъ произведеній для здѣшнихъ учебныхъ заведеній и размѣщеніе ихъ, вмѣстѣ съ описаніями памятниковъ, на видномъ мѣстѣ, въ залахъ для рекреаціи, должно самымъ воспитательнымъ образомъ вліять на молодое, приготавливающееся къ патріотической дѣятельности поколѣніе. Только то народное образованіе прочно и плодотворно, которое коренится на исторической почвѣ и въ самомъ стремленіи къ прогрессу не отрывается отъ завѣтныхъ преданій старины.

Мы заявили выше, по поводу обилія появляющихся въ послѣднее время изданій подобнаго рода, о пробудившейся въ нашемъ обществѣ любви къ старинѣ и ея завѣтнымъ преданіямъ. Спросъ производить соответственное предложеніе; если это экономическое положеніе примѣнимо и къ литературному производству, то мысль наша о проявляющихся въ обществѣ любви и уваженіи къ нашей родной старинѣ получаетъ еще новое подтвержденіе. Насъ просятъ напечатать въ „Вѣстникѣ“ нижеслѣдующее:

„Въ югозападномъ краѣ находится много памятниковъ русской старины, относящихся ко времени св. равноапостольныхъ княгини Ольги и князя Владиміра. Эти дорогія для каждого русскаго по своимъ историческимъ воспоминаніямъ древности, къ крайнему сожалѣнію, разрушаются какъ отъ времени, такъ еще болѣе отъ невѣжественныхъ и злонамѣренныхъ рукъ.

„Съ цѣлью сохраненія этихъ древностей, волынской губернской инженеръ, г. Поляновскій, съ другими техниками, предпринялъ снять съ нихъ фотографическіе снимки и потомъ, отлитографировавъ, издавать въ свѣтъ съ пояснительнымъ текстомъ особыми выпусками. Шестдесятъ видовъ уже сняты и 10 изъ нихъ отлитографированы.

Такъ какъ это полезное предпріятіе можетъ осуществиться воплнѣ только при сочувствіи къ нему людей, которымъ дорого все русское,—а такихъ, безъ сомнѣнія, не можетъ не

найтись весьма значительное число, то слѣдуетъ ожидать частыхъ выпусковъ въ свѣтъ столь любопытнаго и въ высшей степени полезнаго изданія.“

(Вил. Вѣст.)

СОДЕРЖАНИЕ 8-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“ ЗА 1868 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

№ 9. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ И УНИЯТСКОЙ ЦЕРКВЕЙ ВЪ ЗДѢШНЕМЪ КРАѢ. — 1) **Декретъ** виленскаго трибунальскаго суда о перенесеніи на сеймъ дѣла, о разрушеніи униятскимъ епископомъ православной церкви въ Пинскѣ на Полозовщинѣ, — и вообще о притѣсненіи греческой вѣры. 1617 г. Стр. 15.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

ВИШНЕВЕЦЪ И КНЯЗЬЯ ЕГО (оконч.) Стр. 51. **Свящ. А. Даугопольскій.**
ВѢРОТЕРПИМОСТЬ ПАПЪ (продолж.) Стр. 82.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

НАШИ РОДИЧИ И СОСѢДИ. Стр. 71.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

ЗАПИСКИ ВОЛОСТНАГО ПИСАРЯ. Стр. 131. **Г. Новиковскій.**

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.—**Освященіе** церквей и пожертвованія на оныя. Стр. 156. — **Освященіе** чаусовскаго костела въ православную церковь. Стр. 160.—**Обозрѣніе** сѣдлецкихъ училищъ. Стр. 161.—**По поводу** освященія храма Пречистой Богоматери въ Вильнѣ. Стр. 162.—**Сводъ** газетныхъ сужденій о предполагаемомъ соборѣ въ Римѣ. Стр. 166.—**Пріемъ** папскихъ послѣдовъ его святѣйшествомъ патриархомъ константинопольскимъ. Стр. 183.—**Нѣсколько** словъ о православныхъ братствахъ въ западной Россіи. Стр. 187. — **Объ уничтоженіи** религіозныхъ братствъ и ордена іезуитовъ въ Испаніи. Стр. 191.—**О роли** польскаго духовенства среди западно-русскаго населенія (окон.) Стр. 193.—**О виленскомъ** музеумѣ древностей. Стр. 202.—**Статуи** римско-католическихъ святыхъ, каплицы и т. п. памятники въ западной Россіи. Стр. 213. — **Нѣсколько** словъ по поводу статьи г. Рюмина: «взглядъ русскаго на обычай ставить придорожные кресты въ западной Россіи». Стр. 223.—**Фигура** Спасителя въ р.-католической каплицѣ. Стр. 230.—**Еще** о фигурахъ святыхъ и другихъ памятникахъ религіознаго значенія. Стр. 233.—**О римско-католическомъ** праздникѣ Тѣла Господня. Стр. 240. — **О введеніи** русскаго языка въ р.-католическомъ богослуженіи въ Россіи. Стр. 246.—**Изданіе** памятниковъ старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи. Стр. 247.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ на 1868 годъ выходитъ января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ *Вильну*,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ *И. Феннера*, б. Сеньковского. Въ *С.-Петербургѣ*,—у комиссера „Вѣстника“, книгопродавца *А. Θ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, у Казацкаго моста, въ домѣ Ольхиной. Въ *Житоми*,—у такогожь комиссiонера, книгопродавца *А. Н. Шевцова*, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. *Черемна*. Въ *Варшавѣ*,—у книгопродавца г. *Кожанчикова*. Въ *Минскѣ*,—въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

(за 12-ть книжекъ).

Для жителей *Вильны*, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою по мѣсту 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Изъ иногородные благоволятъ относиться съ своими требованиями исключительно въ редакцію журнала: „Вѣстникъ западной Россіи“, въ *Вильну*.

Подписки и письма слѣдуетъ адресовать: редактору-издателю „Вѣстника“ **Ксенофонту Антоновичу Говорскому**, въ *Вильну*. Для желающихъ выписать „Вѣстникъ“ за истекшіе годы дается уступка: за 18⁶²/₆₃ годъ, для жителей *Вильны* по 5 р., иногородныхъ по 6 руб.; за 18⁶³/₆₄ годъ—для первыхъ по 6 р. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за 18⁶⁴/₆₅, 18⁶⁵/₆₆ и 18⁶⁶/₆₇ годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб.

Для выписывающихъ „Вѣстникъ“ за истекшіе годы не дается 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не считая: 25,—10%.—50,—15%.—100,—20%.

Редакторъ-издатель **И. Говорскій**.

СОДЕРЖАНИЕ 8-ой кн. „Вѣстника Западной Россіи“ за 1868 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

№ 9. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ И УНИЯТСКОЙ ЦЕРКВЕЙ ВЪ ЗАПІСНОМЪ КРАѢ. — 1) **Девретъ**, вилленскаго трибунала суда о перенесеніи на себя дѣла, о разрушеніи униятскихъ епископствъ славной церкви въ Пинскѣ на Подолящинѣ, — и вообще о притѣсненіи грековъ. 1617 г. Стр. 15.

ОТДѢЛЪ II.

ВИШНЕВЕЦЪ И КНЯЗЬЯ ЕГО (оконч.) Стр. 51. **Смич. А. Дзубонольскіе**
ВѢРОТЕРПИМОСТЬ ПАВЪ (продолж.) Стр. 82.

ОТДѢЛЪ III.

НАШИ ГОДИЧНІИ И СОСѢДИ. Стр. 77.

ОТДѢЛЪ IV.

ЗАПИСКИ ВОЛОСТНАГО ПИСАРЯ. Стр. 131. **Г. Покровский.**

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ. — **Беншение** церквей и имуществъ на оныя. Стр. 156. — **Беншение** хуковскаго костела изъ православной церкви. Стр. 160. — **Обзвѣніе** сѣдлецкихъ училищъ. Стр. 161. — **Иже воду** беншениа храма Пречистой Богоматери въ Вильнѣ. Стр. 162. — **Съ газетныхъ свидѣній** о предполагаемомъ соборѣ въ Римѣ. Стр. 166. — **Иже лавскихъ посланій** его свѣтлѣйшему патриарху константинопольскому. Стр. 183. — **Иже слово** о православныхъ братствахъ въ западной Россіи. Стр. 187. — **Объ уничтоженіи** религіозныхъ братствъ и ордена Іезуитовъ въ Испаніи. Стр. 191. — **О роли** помѣщика духовенства среди западно-русскихъ населеній (оконч.) Стр. 193. — **О вилленскомъ** музее древностей. Стр. 201. — **Статуи** римско-католическихъ святыхъ, каплицы и т. п. памятники въ западной Россіи. Стр. 218. — **Иже слово** по поводу статьи г. Ржевскаго о свѣдѣніи русскаго на обманъ ставленіи придорожные кресты въ западной Россіи. Стр. 223. — **Фигура** Спасителя въ римско-католической каплицѣ. Стр. 230. — **Объ о фигурахъ** святыхъ и другихъ памятникахъ религіознаго значенія. Стр. 237. — **О римско-католическомъ** праздникѣ Тѣла Господня. Стр. 240. — **Иже виденіи** русскаго языка въ римско-католическомъ богослуженіи въ Римѣ. Стр. 246. — **Иже изданіе** памятниковъ старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи. Стр. 247.

ВЕЩНИЦА

ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

Список
Историческая
Истина
Вильна
1868

И РЕЧЕ
ОЛЕГЪ
КІЕВЪ
СЕ БУДИ

ЖАТИ
СОДАМЪ
РУССКИМЪ

ВИЛЬНА

1868.

Printed in Vilna

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ И ВЪ БУДУЩЕМЪ 1869 Г.

Цѣна за 12 книжекъ 6-ть рублей на мѣстѣ и 8-мъ рублей съ пересылкою во все мѣста Имперіи.

Адрессоваться въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ въ Вильнѣ, и къ комиссіонерамъ „Вѣстника“ А. О. Базунова въ С. Петербургѣ и А. Н. Оеранонтову въ Москвѣ.

Въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ можно получать отдѣльными, вновь исправленными оттисками: **„Очерки бѣлорусскаго Полѣся“** (89 стр.) Цѣна для подписчиковъ „Вѣстника“ 1 руб. за 3 экземпляра съ пересылкою.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI, — 1868.

КНИЖКА IX.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи,
противъ губернскаго правленія.

Digitized by Google

Дозволено ценсурою. 25-го ноября 1868 года. Вильна.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“

Въ будущемъ 1869 году.

(СЕДМОМЪ).

Шестилѣтнее существованіе „Вѣстника Западной Россіи“ настолько уяснило характеръ его и направленіе, что мы можемъ избавить себя отъ всякихъ на эту тему объясненій съ читающею публикой. Шестилѣтнее существованіе изданія спеціальнаго, провинціального, съ трудомъ пробивавшагося сквозь сплошную массу препятствій внѣшнихъ и внутреннихъ, и неуклонившагося ни на шагъ отъ принятаго однажды направленія, служить наглядною порукой и прочности изданія, и его цѣлесообразности, и вниманія къ нему патріотической части русской интеллигенціи края и отечества. Усилившіяся въ теченіи послѣдняго года и достигавшія нерѣдко крайняго безобразія нападки на „Вѣстникъ“ и его дѣятелей со стороны нѣкоторыхъ газетъ несомнѣнно доказываютъ, что это изданіе сильно перечить ихъ теоріямъ, симпатіямъ и намѣреніямъ и бодро стоитъ на стражѣ началъ охранительныхъ, патріотическихъ.

Такіе признаки жизненности нашего изданія и продолжающагося на него запроса побуждаютъ насъ, съ вѣрою въ помощь Божію и надеждою на нравственную и матеріальную поддержку со стороны людей истинно-русскихъ, приступить къ продолженію нашего дѣла и въ слѣдующемъ 1869-мъ году.

— „Вѣстникъ Западной Россіи“ будетъ издаваться по прежней своей программѣ, именно:

Отдѣль I.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной Россіи, въ *буквалныхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводомъ на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ,—съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, которые писаны на древнемъ русскомъ языкѣ и съ прибавленіемъ необходимыхъ примѣчаній.

Отдѣль II.

Очерки и рассказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи источниковъ для исторіи западной Россіи,— научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ,—біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ,—свѣдѣнія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

Отдѣль III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ,— опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно врагами нашего отечества,—обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ, вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію благосостоянія и цѣлости нашей вѣры и народности.

Отдѣль IV.

Повѣсти, рассказы, очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной Россіи, въ

III

связи съ ея прѣшедшею исторіею,—свѣдѣнія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи,—о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ западной Россіи, новыя государственныя постановленія и мѣстныя административныя распоряженія, исключительно касающіяся сихъ областей,—извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной Россіи,—библиографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти области,—некрологи и разныя мѣлкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подь рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденціи. Объявленія и проч.

„ВѢСТНИКЪ“

будеть выходить съ января мѣсяца книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

- ВЪ ВИЛЬНѢ—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ **А. Г. Сыркина** (б. Сеньковского).
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ—у комиссіонера „Вѣстника“, книгопродавца **А. Ф. Вазунова**, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной.
ВЪ МОСКВѢ—у такогожъ комиссіонера, книгопродавца **А. Н. Оерапонтова**, на Никольской улицѣ, во флигелѣ Заиконоспаскаго монастыря.
ВЪ ВАРШАВѢ—у книгопродавца г. **Кожанчикова**.
ВЪ КОВНѢ—въ книжномъ магазинѣ **Косогорова** и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

Для жителей *Вильны*, безъ доставки 5 р., съ доставкою на домъ 7 руб., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволят относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала: **Вѣстникъ Западной Россіи, въ Вильну.**

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: Редактору-издателю „Вѣстника“ *Ксенофонту Антоновичу Говорскому*, въ Вильну.

Для желающихъ выписать „Вѣстникъ“ за истекшіе годы дѣлается уступка: за 18⁶³/₆₃ годъ, для жителей Вильны, по 4 руб., для иногородныхъ по 6 руб.; за 18⁶³/₆₄ годъ, для первыхъ по 5 руб., для послѣднихъ по 6 руб., 50 коп. за 18⁶⁴/₆₅, 18⁶⁵/₆₆ и 1867 годы — для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. Для выписывающихъ „Вѣстникъ“ за истекшіе годы не менѣе 10-ти экземпляровъ, дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ: не менѣе 25—10%, 50—15% и 100—20%.

Редакторъ - издатель **К. Говорскій.**

Редакторъ-сотрудникъ **И. Эрмицъ.**

I.

№ 10.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ И УНІЯТ-
СКОЙ ЦЕРКВЕЙ ВЪ ЗДѢШНЕМЪ КРАѢ,

1.

Письмо Ипатія Потѣя къ виленскимъ мѣ-
щанамъ о томъ, чтобы они отобрали у пра-
вославныхъ виленскія церкви. 1609 г.

Ипатей Потей, Божью милостію архіепископъ ми-
трополита Кіевскій, Галицкій и всея Русѣ, шляхет-
не врожоннымъ ихъ милости паномъ бурмистромъ мѣ-
ста Виленскаго лавицы Руское сыномъ возлюбленнымъ
смиренія нашего. Певенемъ тогѡ, ижъ листы мое
першіе, еще передъ святы писанные, рукъ вашей ми-
лости дошли, въ которыхъ писалемъ до вашей милос-
ти зъ стороны церквей Виленскихъ, юрысдыцны моей
митрополей прилежнѣхъ, абысте вапа милость, яко
благочестивые ктиторове и дозорцы ихъ, старане о
нихъ въ томъ замѣшаню мѣли, поневажъ протопопа
Виленскій зъ инными всѣми пожами ласкою Божюю
и господарскою възгордѣли а торгнувшись безъ вся-
кое причины на юрысдыцню мою, привилеями госпо-

дарскими утверженую и посесеюю черезъ килка лѣтъ ненарушоною, послушенство мнѣ выповѣдсли (отказали) и сами тыхъ церквей негодными осудилися, которыхъ безъ благословенья моего, яко и власные привилія самыхъ вашихъ милостей носвѣдчають, держати и въ нихъ дѣйствовати никакъ не могутъ; а прото съ повинности моее пастырское вашу милость, яко сыновъ послушныхъ, прошу и въпоминаю а зверхностью мнѣ отъ Бога и отъ господара короля его милости даною повелѣваю, абысте ваша милость яко соборную церковь, такъ и вси окресные церкви, отъ тыхъ зрадець, кривоприсяжцовъ и отступниковъ моихъ, зъ моцы взяли, скарбы вси церковные одъ мала до велика списали: если бы чого въ нихъ не доставало, пилно (тщательно) огледали, дошли насъ таковыя слухи, ижъ немало перель и вленнотовъ (драгоцѣнностей) на тыхъ часехъ въ одѣханю моемъ зъ скарбу церковного погубло, абы потомъ вѣдомость была, гдѣ ся што подѣло. А штося дотычетъ Самойло Сенчила, бывшего архимандрыта виленского, который, взгордившы (презрѣвъ) добродѣтельную права, не хотѣлъ отца Рутского до знесенья декрету изъ себе если бы былъ неправны, позывати, и невинности своее передъ нами показати, на што ему отъ мене и позовъ былъ данный, абы могъ справы своее ратовати (спасать), для чого и съ публикацьею декрету нашего розказали мы ся были отцу Рутскому задержати, а ижъ тою ласкою нашою погордилъ и на учтивость нашу пастырскую непристойне торгнулся, спотваривши (оклеветовъ) насъ речми не былыми, послушенство намъ выновѣдилъ и самъ гордостію своею, яко Григорей Богословъ мовить на себе клятву наволокъ, одъ которого снадне могъ быти воленъ. Протожъ абысте ваша милость оного яко за проклятого и за изверженнаго мѣли и за архимандрыта не почитали и до монастыра Святое Живо-

чальное Троицы Виленского не припущали, подъ таковоюжъ клятвою. Писанъ у Берести року Божого Нарожена 1609, мѣсяца Генвара второго дня, по старому. Вашей милости зычливый богомолецъ Ипатей архієпископъ властною рукою.

Печатанъ по выписи изъ книгъ виленскаго магистрата, скръпленной печатью.

2.

Королевскій приказъ виленской ратуши объ отобраніи виленскихъ церквей отъ православнаго духовенства. 1609 г.

Жикгимонтъ.....

Славутнымъ бурмистромъ и всей лавицы мѣста нашего господарского столечного Виленского. Обтяжливе жаловалъ намъ въ Бозѣ велебный отецъ Ипатей Потей, архієпископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Росіи владыка Володимерскій и Берестейскій о томъ, ижъ духовенство его, то есть Вареоломей Жашковскій, протопопа Виленскій, котораго былъ самъ отецъ митрополитъ на тое протопопство всадилъ, и зъ другими попами Виленскими, то есть зъ Леонтіемъ Бобрыковичомъ Воскрѣсенскимъ, Александромъ—Пятницкимъ, Васильемъ—Покровскимъ, Иваномъ—Росскимъ и Федоромъ—дьякономъ соборовымъ, рукоположенцомъ отца митрополитовымъ, зваснившисьъ противъ отца митрополита пастыра своего и збунтовавшисьъ зъ Самойломъ Сенчиловичомъ архимандритомъ Троецкимъ, выклятымъ року прошлаго тисеча шесть сотъ осмого, мѣсяца Декабра десятого дня, ставшы на врадѣ кгородскомъ Виленскомъ безъ всякое слушное (справедливой) прычины, безъ суду, безъ права духовного, безъ позвовъ *), аже своволне

выповѣдали отцу митрополитови, пастыру своему, послушенство; церковь соборную Светое Пречыстое и иные церкви окрестные вси, которые водлугъ привильевъ стародавнихъ одъ предковъ нашихъ и одъ насъ господара никому иному, одно митрополиомъ Кіевскимъ и теперешнему отцу митрополиту въ мощь и въ рейментъ поданы суть, тые ото свовольные попове зъ влады (власта) и зъ рейменту (управленія) его милости выняли и юрисдыцци своей привлащили (присвоили) противъ праву и привильямъ стародавнимъ отца митрополитовымъ, въ которыхъ то меновите доложено, ижъ митрополитове Кіевскіе церкви свое Греческого закону въ своей мощи мѣти, пасвити, справовати и подавати ихъ водлугъ правилъ светыхъ мають, — до того владыки, архимандрыты, игумены попы, діяконы и всякій станъ священнической Греческого закону яко духовныхъ, такъ и свѣцкихъ судити, рядити и всякіе sprawy духовные справовати, благословляти, а непослушныхъ и выступныхъ повстегати и карати мають никимъ не възбранно. Ино кгдажъ тые попы отцу митрополитови, пастырови своему послушенство выказали, тымъ самымъ негодныхъ себе до держанья тыхъ церквей быти осудили, которыхъ противъ ясныхъ привильевъ отца митрополитовыхъ, безъ благословенья его пастыра своего никако держати не могутъ; а претожъ прыказуемъ вамъ, абысте тые церкви вси одъ поповъ помененныхъ зъ мощи ихъ взяли скарбы церковные на реестръ списавшы отобрали и въ пилномъ захованью церковномъ мѣли, а если бы чого водлугъ старыхъ реестровъ и инвентаровъ не доставало, пилное вывѣданье, гдѣ ся што подѣло, учынили и о всемъ отцу митрополитови, яко старшому церковей оныхъ, справу дали. И еслибы шкода (убытокъ) ячая наменная въ скарбѣхъ церковныхъ отъ когожъ колвекъ, будь то

отъ поповъ помененныхъ, будь тежъ одъ самыхъ дозорцовъ пре (зѣ) недбалость (небрежность) ихъ стала ся, жебысте того съ пилностью досмотрѣли, якобы все въ цалости церквамъ Божиымъ вернено и нагорожено было. Къ тому попомъ тымъ, которымъ бы отецъ митрополить на мѣстце тыхъ свовольныхъ и непослушныхъ поповъ церкви поручыти и подати хотѣлъ, жебысте неспротивляли се, але (но) тые церкви въ дозоръ подали конечно подъ ласкою нашою, иначе того не чынечы. Писанъ у Варшавѣ на соймѣ валномъ (главномъ) року Божого Нароженья, 1609, мѣсеца февраля 20 дня.

Копія. Подписей нѣтъ. На обратной сторонѣ одна русская и двѣ польскія надписи о содержаніи акта. (Въ библиотекѣ мит. сем. есть и другая копія этого документа, писанная польскими буквами). Одна изъ польскихъ надписей гласитъ, что копія эта писана рукою Поття. На основаніи одной указанной и нѣсколькихъ (маловажныхъ) пропущенныхъ помарокъ можно думать, что это не копія, а черныкъ, написанный рукою Поття для королевской канцеляріи.

3.

Королевскій приказъ виленской ратушѣ о передачѣ виленскаго Троицкаго монастыря Рутскому и объ оказаніи ему при этомъ помощи. 1609 г.

Жикгимонтъ и проч. Бурмистромъ, райцомъ, лавникомъ и всему посполству мѣщаномъ мѣста нашего Виленскаго вѣры Руское (*). Ознаймуемъ вамъ, изъ науцы мы вѣдомость отъ велебного въ Бозѣ отца Ипатея Патея, митрополонита Кіевского, Галицкаго и всея Руси, владыки Володимерскаго и Берестейскаго,

о выстѣпкахъ (преступленіяхъ) Самойла Сенчиловича, бывшаго архимандрита монастыря Светое Живоначальное Троицы въ мѣстѣ нашомъ Виленскомъ и зложенью его судомъ духовномъ зъ стану архимандритчого, а за залеченьемъ (ходатайство) тогожъ отца митрополита зъ ласки нашею господарьское преречонный монастырь Светое Троицы Виленскій съ фольварками, зъ кгрунтами и зо всеми до него належностями дали есмо отцу Іосифу Велямину Рутскому, ермонаху тогожъ монастыря, до живота его, о чомъ ширѣй въ привилею нашомъ на то ему отъ насъ даномъ описано есть. Про то абы есте о томъ выдаючи преречонного отца Іосифа Велямина Рутского за архимандрита того монастыря маючи учтивость всякую и послушенство звыклое (звыклое) въ справахъ духовныхъ оному отдавали и въ чомъ будетъ потреба, помощни ему были, иначею того не чинечи подъ ласкою нашею. Писанъ у Варшавѣ лѣта Божьего Нароженья тисеча шесть сотъ девятаго, мѣсеца Февраля двадцатого дня. Sigismundus rex. Янъ Соколинскій писарь.

Большая королевская печать оттиснута на бумагу; писанъ на листъ.

4.

Жалоба Рутскаго на виленское Свято-Духовское братство, пытавшееся возвратить Троицкій монастырь отъ уніатовъ. 1609 г.

Лѣта Божого Нароженья тисеча шесть сотъ девятого, мѣсеца Марца двадцатого дня. Передо мною Деметріемъ Карпемъ секретаромъ его королевской милости, намѣстникомъ Виленскимъ, ставшы очевиство велебный въ Бозѣ отецъ Іосифъ Веляминъ Рутскій, архимандритъ Виленскій светое Троицы, оц-

вѣдалъ и обтяжливе жаловалъ на Самойла Сенчиловича въ томъ, ижъ дей будучы онъ отъ превелебно-го въ Бозѣ отца его милости Ипатея Потея митрополита Кіеского, Галицкого и всея Росіи, владыки Володимирского и Берестейского за розныя выступки свои декретомъ суду духовного выклятымъ и зъ стану, который на собѣ носилъ, архимандрычого, зложонимъ отъ часу вжо немалого, то пакъ року идучого тисеча шесть сотъ девятого, мѣсеца Марца девятнадцатаго дня, собравшыся съ чернѣцами церкви новое, а яко се сами жъ они называютъ Светого Духа, и зъ множествомъ людей розного стану, противящихся зверхности его милости отца митрополита звышъменованого, человекъ на пятьдесятъ опрочъ головнѣйшихъ мѣщанъ до братства тоежъ церкви уписныхъ, а мяновите: Семена Красовского, Семена Новгородца, Петра Коптевича и многихъ иныхъ тогожъ брацтва мѣщанъ Виленскихъ, которые передъ воротами монастырскими стояли, будучы готовыми на помочь ему Сенчиловичу, квалтовне (насилно) нашолъ на монастыръ помененный Светое Троицы подъ часъ одираванья въ церкви Литургіи светое, — чернцовъ, черницъ и людь въ церкви на онъ часъ на набоженствѣ будущый потурбовалъ и монастыръ посполу съ церковью квалтовне осѣсти и брацтво звышъ помененое до него впровадити усиловалъ, въ чомъ ижъ нарушилъ покой посполитый и помененому отцу Іосифу Веляминови Рутскому въ спокойномъ держанью и вжыванью того монастыра перешкоду учинилъ, хочети о томъ зъ нимъ у права мовити и съ тыми, которые его впроважали на тотъ часъ до монастыра, або личными якожъ колкекъ были, протестовалъ ся и просилъ, жебы до книгъ вгородскихъ Виленскихъ то записано было, што есть записано. Съ которого записанья и есть выписъ подъ моею печатью отцу Іосифу Рутскому, архиман-

дрыту Светое Троицы Виленскому есть выданъ. Писанъ у Вильнѣ. Лукашъ Велевскій писарь.

Скрѣпленъ печатью, оттиснутою на бумагъ, положенною на воскъ.

5.

Заявленіе западно-русскаго православнаго духовенства, дворянства и мѣщанъ о томъ, что они не признають Ипатія Потѣя своимъ законнымъ митрополитомъ. 1609 г.

Постановившы очевисто его милость отецъ Сахойло Сенчыло архимандрытъ Виленскій монастыря Святое Троицы, отецъ Варѣоломей Жашковскій протопопа, отецъ Леонтей Бобрыковичъ, священникъ Воскресенскій и все духовенство клиросу Виленского, а зъ стану шляхетского ихъ милость князь Александръ Пузына, панъ Василей Харевскій, панъ Арнольдъ Вырыковскій, панъ Давидъ Солтанъ, а пры ихъ милостяхъ великое згромаженъе яко стану шляхетского, такъ и челоувѣка посполитого мѣстского реліи Греческое послушенства натріархи Константинопольского прѣстествуемъся и оповѣдаемъся вашей милости и обтяжливе жалуемъ мы особы духовныя и свѣтскіе такъ стану шляхетского, яко и челоувѣка посполитого мѣстского, паслядовцы старожытное реліи Греческое, о томъ, ижъ што въ року теперешнемъ тисеча шесть сотъ девятомъ мѣсеца Апрѣля чотырнадцатого дня нѣкоторые съ пойсродку рады вашей милости лавицы Руское, а именовите: панъ Лукашъ Бандиковичъ, бурмистръ виленскій, панъ Томашъ Олшаница, панъ Хведоръ Михайловичъ, панъ Александръ Мамоничъ, панъ Левонъ Мамоничъ—райцы, панъ Лукашъ Ильничъ, панъ Лукашъ Сатаничъ—лавники, панъ Иванъ Яцевичъ,

писарь учинили претестацію на врадѣ вгородскомъ Виленскомъ именемъ своимъ и именемъ другихъ, тамъ непомененныхъ такъ зъ рады стороны Руское, яко и человекъка посполитого, даючи въ той мѣрѣ причину поступкови дозорцовъ тогорочныхъ церкви монастыра Светое Троицы, ижъ пры внесеню протестацїи на его милость отца Ипатїя Потѣя и ксендза Юсифа Велямина Рутского и по даню имъ позвоу, его отца Ипатїя митрополитомъ Киевскимъ и всея Руси не называютъ, а того Рутского ксендзомъ зовутъ, не признаючи ихъ тымъ самымъ за власныхъ и правдивыхъ пастырей своихъ, презъ которыхъ якобы жадное (никакое) уближенье и нарушенье старожитное религи наше греческое дѣветсе не мѣло. Што ижъ насъ всихъ старожитное релии Греческое людей непомалу заходить и долегать мусить, же персоны тые назвискомъ старожитное релии наше Греческое тытулуячыся, а речю самую, то есть отданьемъ послушенства власнымъ, костела и вѣры римское паслядовцами будучы, хочутъ презъ таковыя поступки ку вонтпливости (сомнѣнїе) и сказѣ (искаженїе) привести права и вольности старожитные релии наше Греческое зъ давныхъ вѣковъ служачы, межы которыми тежъ суть права и свободы отъ королей ихъ милости и теперь щастливе намъ нануючого пана нашего милостивого наданые обывателемъ того столечного мѣста Виленского зъ одное стороны радѣ лавицы римское и посполству тоежъ релии, а зъ другое стороны радѣ лавицы Руское и человеку посполитому южъ не набоженства и послушенства костела римскаго, але людемъ релии Греческое, которая въ тыхъ паньствахъ его королевское милости далѣй, нижъ шесть сотъ лѣтъ подь благословенствомъ звыклого (обычно-го) пастыра своего патриархи Константинопольского вдалѣ и ненарушоне за ласкою Божю трвала и тры-

ваетъ (пребываетъ); которымъ то благословенствомъ и духовнымъ послушенствомъ звыклого пастыра своего светѣйшого патриархи Константинопольского и жъ его милость отецъ Ипатій Потѣй посполу и зъ едномысленниками своими взгородѣвши (презрѣвъ), ему самому и продкомъ его незвыклогое его милости отцу палежови римскому послушенство отдалъ; теды яко тымъ самымъ, такъ и примноженьемъ розныхъ што часъ уразовъ (обидъ) и ангарый (притѣсненій) не только до нарушенья, але и зъ кгрунту выверненья всехъ правъ и волностей старожитное реліи наше Греческое, такъ духовныхъ, яко и свѣцкихъ, великую и значную, иле зъ него быти могло, давши причыну, жаднымъ способомъ за правдивого въ реліи нашей пастыра, то есть митрополита Кіевского и всея Руси, ани водлугъ права, ани водлугъ звычаю, почитанъ быти не можетъ; што яко декретами власти духовное, такъ и розными поступками и процесами правными отъ всехъ вобецъ наслядовцовъ старожитное реліи наше Греческое розныхъ часовъ и на розныхъ мѣстахъ учинеными, ку тому декретами трибуналскими а наветъ (даже) и самими констытуцями сеймовыми явне и значне указано, объяснено и оголошено есть. Съ тыхъ теды всехъ мѣръ, яко самъ его милость отецъ Ипатей Потѣй правдивымъ митрополитомъ, такъ и вси его за пастыра собѣ признавающы, власными и правдивыми реліи наше Греческое наслядовцами называтися и правъ и волностей людемъ реченое реліи будущымъ служащихъ, водлугъ права и вшелякихъ слушностей, привлащати (присвоивать) собѣ не могутъ. Которые то права и волности и жъ персоны вышей поменены въ вонтиливость привести хотечы и другихъ за собою поменивши глухо въ той протестацни чловѣка посполитого затыгнути усилюють, — прото ми всё, которые се теперь на томъ пляцу особами своими

становимо, такъ сами отъ себе, яко и именемъ всихъ власныхъ и правдивыхъ старожитное реліи наше Греческое наслядовцовъ соленнитеръ (торжественно) протестуемо се, ижъ о жадномъ таковомъ згромаженью людей реліи наше Греческое не вѣдаемъ, которые бы его милость отца Ипатія за пастыра своего, то есть правдивого митрополита Кіевскаго и всея Руси, признавати мѣли. А если бы якая персона съ посполства, або клира, о которыхъ теперъ не вѣдаемъ, тому намъ и порядкамъ нашимъ незвыкелому ярму карки (спины) свое покладати мѣли; тогда тымъ самымъ не Греческое, але рымское реліи наслядовцами оказать бы се мусѣли. А мы съ каждымъ таковымъ, который бы привлещенъ съ собѣ неналежного тытулу и инымъ якимъ колвекъ способомъ права и вольности наши въ якую вонпливость прыводити хотѣлъ, вольное собѣ право и мовенъе заховуючы, просимъ, абы тое сповѣданъе и протестаця наша до книгъ враду вашей милости прынята и записана была.

Печатанъ по выписи изъ книгъ виленскаго магистрата. Писанъ на листъ. Внизу оттиснута на бумагѣ малая печать.

6.

Дозволеніе отъ митр. Ипатія Потѣя виленскому мѣщанину Петру Васильевичу на возобновленіе и на арендное содержаніе—зданій, принадлежащихъ деревянной церкви св. Николая. 1612 г.

Ипатей Потей Божою милостью архіепископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Росіи, владыка Володимерскій и Берестейскій. Ознаймемъ симъ листомъ нашимъ, ижъ што передъ погоренъемъ мѣста

Виленского мѣшкане въ мурѣ подѣ звонницею Никольскою, на церковь светого Николы належачое, то есть свѣтлица съ комнатою, другая свѣтлишка на горѣ тежѣ мѣшканье въ тылѣ съ пивницею мурованою было и черезъ тую пожару все погорѣло. А такъ хотѣчы мы мѣти, абы мурѣ церковныя безъ поправенья не стояли и за тымъ абы шкоды церквамъ Божиимъ не было, дали и завели есмо на побудоване тые помененыя мѣшканья нры церкви деревяной светого Николы подѣ звонницею будучыя при улицы Сумлинской ворота ку той улицы однимъ бокомъ а одѣ дому тежѣ Никольского, въ которомъ на сесь часъ мѣшкаеть Янъ Лятецкій маляръ, а другимъ бокомъ презъ улицу одѣ дому Якуба ложовника, а тыломъ отъ дому Станислава шевца нану Петру Васильевичу, меснику и мѣщанину Виленскому и малжонцѣ его Аннѣ; который же тотъ Петръ а зѣ малжонкою своею водлугъ потребы тые мѣшканья своимъ власнымъ коштомъ и наладомъ поправившы або и што прибудовавшы, сами и потомкове ихъ до животовъ своихъ мѣшкати мають, платячи въ каждомъ року священникомъ Никольскимъ, которые на тотъ часъ одѣ митрополитовъ Кіевскихъ тую церковь держати будутъ, по семь копѣ грошей литовскихъ на двѣ ратѣ: одна рата полчварта копы грошей на день Петра светого, а другою—полчварти копы грошей на день Божого Нароженья водлугъ старого календара, которое колвекъ раты. А по животѣ ихъ и потомковъ ихъ все тое будованье на церковь Никольскую маеть быти. А вѣдъ же если бы потомкове ихъ хотѣли въ тыхъ мѣшканьяхъ мѣшкати, того..... постановеньемъ держачимъ на тотъ часъ тое церкви никольское и съ повышеньемъ чиншу держати тое будутъ, до чого мимо иншого кого близкийи до того быть маеть. Шинкѣ тежѣ медовый, пивный, горѣлчаный и вшелякого напою имъ самымъ и по-

томкомъ ихъ въ томъ дому своемъ держари и иншихъ пожитковъ водлугъ воли своее прибавляти вольно будетъ. А если они сами похочутъ а по нихъ потомковѣ ихъ тое доживотье свое кому иному, такъ повиннымъ своимъ, яко и людямъ обчимъ наняти, въ сумѣ заставить або продати, ино то имъ вольно будетъ за вѣдомостью и позволеньемъ вряду духовного, который одъ митрополитовъ Кіевскихъ на тотъ часъ въ томъ мѣстѣ Виленскомъ будетъ. И на то дали есмо помененному Петру Васильевичу .и малжонцѣ его сесъ нашъ листъ съ печатью и съ подписомъ руки моее. Писанъ у Вильнѣ року Божого Нароженья тисеча шесть сотъ двенадцатаго, мѣсеца Іюля 29 дня.

*Собственноручная подпись Потья: власною рукою.
Видны слѣды печати. Ветхъ.*

7.

Допесеніе вознаго въ трибуналъ о томъ, что нѣмецъ Балверъ, строя домъ на мѣстѣ св. Михайловской церкви, вырылъ много чело- вѣческихъ костей. 1622 г.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча шесть сотъ двадцауъ второго, мѣсеца Мая двадцать семого дня. Передъ нами судьями головными, на трибуналъ у великомъ князствѣ Литовскимъ зъ воеводство, земль и повѣтовъ на рокъ теперошний тисеча шесть сотъ двадцать второй обраными, ставшы очевисто возный воеводства Виленского Янъ Кроностайскій квитъ свой ку записанью до книгъ головныхъ трибунальныхъ призналъ, писанный въ тые слова: Я Янъ Кроностайскій, возный воеводства Виленского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ року. теперь идучого тисеча

шесть соть двадцать второго, мѣсца Мая двадцать пятаго дня, маючы я при собѣ стороною людей добрыхъ трехъ шляхтичовъ: пана Стефана Гуторовича, пана Миколая Островского а пана Яна Пузовского, съ которыми быломъ въ справѣ велебного въ Бозѣ его милости отца Юсифа Рутского, архіепископа, митрополиты Кіевского, Галицкого и всея Руси, и баптилы его законниковъ монастыра Виленского Светое Троицы, и будучы мнѣ возному тутъ въ мѣстѣ Виленскомъ за оказанемъ велебного отца Захаріяша Вѣлеского, презвитера закону светого Влсиля, видѣломъ съ тою стороною шляхтою въ дому Петра Балвера, нѣмца, на улицы Великой, идучы до костела светого Яна по правой руцѣ на рогу улочки, которая идетъ ку Збору Евангелицкому, долъ глубокой на закладане муромъ фундаментовъ выкопанный, и фундамента закладать почато, тамъ виделомъ трунъ (гробъ) тѣлъ змерлыхъ похованныхъ до килку десять, которыхъ для поламана и покгрухотаня (разрушенія) въ компанью фундаментовъ поличыть трудно, бо нѣкоторые труны въ полъ поперединано, конаючи доски повыкидано а костей въ трунахъ въ полъ долу въ земли барзо сила видеть; потомъ шлисмы въ домъ того Петра Балвера и нашодемъ въ стайни костей людей змерлыхъ кадъ велкую наложено и прыкрыто, снать съ тогожъ долу вымовано. Што все отецъ Бѣлескій мною вознымъ и стороною освѣтчылъ, повѣдаючи, ижъ дей тотъ Балверъ зъ другими участниками своими, не вѣдати, якимъ правомъ, набывшы собѣ мѣстца церковного, гдѣ передъ тымъ церковь светого Михаила Архангеля была, и онъ самъ тотъ нѣмецъ, будучы геретикомъ, кгвалтитъ мѣстца церковные, не даючи тѣламъ людей католицкихъ, Пану Богу змерлыхъ, въ покою лежать. Што я, возный, видечы и слышечы по достатку на квить

слисавшы, ку записаню до книгъ головныхъ трыбунальныхъ съ печатью и зъ подписомъ руки мосе и зъ печатми стороны шляхты вышмененое даю. Писанъ у Вилни року мѣсеца и дня вышписаного. У квити печатей притисненыхъ чотыры, а подпись руки возного тыми словы: Jan Gronostaysky renkon swon. Который тотъ квити за устнымъ и очевистнымъ признанемъ помененого возного есть до книгъ головныхъ трыбунальныхъ уписанъ, съ которыхъ и сесь выписъ подъ печатью земскою воеводства Виленского въ Бозѣ велебному его милости отцу Юсифу Велямину Рутскому есть выданъ. Писанъ у Вильни.

Скрьпленъ печатью и польскими подписями маршалака трыбунала Николая Глебовича и другихъ пяти чменовъ.

8.

Опись имущества церкви св. Георгія на Росскомъ предместьѣ въ Вильнѣ. 1640.

Року тысяча шесть сотъ четиредесятого, мѣсеца Марца по старому пятого дня, за розказанемъ въ Бозѣ превелебного его милости отца Антонія Селавы, архіепискона Полотского, а намѣстника метрополіи, я Естафи Каменскій, протопопа Виленскій, подалемъ церковь светого Георгія въ мѣстцѣ Виленскомъ на предмисцю Роскомъ и речи въ ней ведлугъ реестру у пана Лебядича, райцы, написаного знайдуючіесе чесному отцу Василю Доросеевичу, священникови помененое церкви. Крестъ сребный, Евангеліе подъ аксамитемъ зелонымъ, критее сребромъ зъ obu сторонъ безъ клавикулки одное, лихтаровъ мосяжнихъ па двухъ ножкахъ два, лихтаровъ обруглихъ пара мѣло бы быть леть zostали не выкупленіе. Лихтаръ высячій о два-

насту рукахъ, другій о шестцу рукахъ мѣль бы быть, але поламаныи ледво о чтырехъ; келихъ сребный злоцистый, дискосъ, звѣзда и ложка сребрные, Апостола писаныи, Трефолой писаныи, Псалтирка писаная.

Рыза китайная зеленая, рыза бурациковая прстрая, рызы черныи аксамитнѣе и натрахилъ чорный, поручѣе, воздушокъ, стихарь плоцѣнный, антепендая бурациковая прстрая, товалня сѣтковая съ червонымъ едвабѣмъ, на жертвонку полотно прстрое. аксамитъ накривало чорный староподшарпаныи, кадилница мосьяжная безъ денга, коцилчикъ мѣдзяный для воды свѣцной, звонокъ до сугнованя, толваня вышиваныи, лиштвы отъ пани Сафановой наданыи, звоновъ па звонници чотыри высячихъ.

Естафій Каменскій, протопопа Виленскій, рукою власною.

Затѣмъ приписано рукою протопопа Каменскаго: Придатокъ речи, которые се за моимъ старанемъ въ той же церкви найдуются, то есть хоръ, который ми коштуе копу и грошей 12, кадилицы верхъ новыи. за которую грошей 50 литовскихъ, свѣчь у лихтару висячимъ за осмь потройныхъ.

Печати нѣтъ. Писанъ на полулистѣ.

9.

Подтвердительная запись Льва Салѣги жи-
ровицкому монастырю на землю. 1816 г,

Року отъ Нароженья Господа нашего Иисуса Христа тисеча шесть сотъ шестнадцатого, мѣсеца Августа 22 дня. Я Левъ Салега, концлеръ великаго княжства Литовского, Могилевскій, Шерешовскій и иныхъ староста чыню, явпо и вѣдомо всемъ посполите и каждому зъ особна, кому одно то належало вѣдати

нинешного и на потомъ будущога вѣка людемъ, изъ што продкове мои зъ имѣня Шыловицкога съ маестности своее надали на домъ и церковь Божію Пречистое Богородици въ Жыровичахъ шмать кгрунту земли пашное по сей сторонѣ рѣчки противъ церкви, гдѣ теперъ сельцо Огородники сѣдятъ. А изъ мнѣ се тое имѣнье Шыловичи достало съ подаваньемъ церкви Божей. протожъ я тотъ кгрунтъ церкви Божой отъ продковъ наданый подтверждаю, а надъ то корчму Шыловицкую тамъ же въ Жировичахъ по сей сторонѣ рѣчки, гдѣ и огородники церковные сѣдятъ зъ тымъ кгрунтомъ, на которомъ тая корчма стоитъ и што колвекъ тамъ есть кгрунту надъ тою рѣчкою у верхъ тагъ поля орогого, яко сѣножатеи и зарослей до тогъ церкви Жыровицкое Пречистое Богородици надаю обѣль вѣчно и нейорушно, А хто бы што колвекъ зъ наданя моего и продковъ моихъ на тую церковь Пречистое Богородици отъ тое церкви отнати и отда-ти хотѣлъ, тотъ будетъ проклятъ въ симъ вѣку и въ будущемъ и розсудится зо мною на страшномъ судѣ Христовомъ. А изъ бы въ той церкви Божой Пречистое Богородици хвала Божья часто се отправовала а за господара нашего короля его милость и за ею королеву и за королевичовъ ихъ милость, такъ тежъ за душу мою и за дѣтки мои и за увесь людъ Божый завжды молитвы были, надалемъ тежъ въ тотъ же домъ Божый Пречистое Богородици рызы Сурецкого златоглаву кветомъ чырвонымъ великимъ на днѣ бѣлымъ окладка гаетованая съ перлами и зъ бляхами серебряными и позлотистыми,—поруче также перлами гаетованые на чырвономъ аксамитѣ, эпитрахили два златогловны, митра светительская съ перлами и зъ денусомъ серебрянымъ, посохъ светительскій, серебромъ оправный зъ шмалцомъ, площеница гаетованая съ перлами, а передъ тымъ келихъ серебряный зъ днѣ-

скосомъ; што нехай будетъ на честь и хвалу Божью, а намъ на спасеніе и грѣховъ отпущенъе. Левъ Сапега; канцлеръ великаго князства Литовскаго власною рукою.

Эта собственноручная записъ князя Льва Сапегы находится въ концѣ рукописнаго Евангелія 16 вѣка, хранящагося въ семинарс. библиотекѣ подъ № 2.

Ю.

Жалоба базильянкаго монаха Фрика на Теодора Корсака за отнятіе отъ уніатовъ церкви св. Теодора въ Пинскѣ. 1632 г.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча шесть сотъ тридцать втораго мѣсеца Мая шестнадцатаго дня. На врадѣ его королевской милости кгородскомъ Пинскомъ передомною Николаемъ Кунцевичомъ, подстаростимъ Пинскимъ, отъ ясне освѣцонаго княжати его м. Альбрехта Станислава Радивила, княжати на Олцѣ и Несвижу, канцлера великаго князства Литовскаго, старосты Пинскаго, Каневскаго, Тухолскаго установленымъ, ставшы очевисто отецъ Неофитъ Фрыкъ оповѣдане на нисмѣ именовъ въ Бозѣ велебнаго его милости отца епископа Пинскаго и Туровскаго, съ подписомъ руки своее ку записаню до книгъ подаль въ тые слова: Милостивые господа, засѣдающіе въ городскомъ Пинскомъ судѣ! Заявляю предъ вами и приношу жалобу на Теодора Корсака, котораро Православные Пинскіе мѣщане, пользующіеся Магдебурскимъ правомъ, именно бурмистры, радцы, лавники и простой народъ настроили предствитъ его королевской милости, моему милостивому государю, будто они не имѣютъ возможности свободно отправлять свое Бого-

служеніе въ г Пинскѣ. Этотъ г. Корсакъ, прибывши въ Пинскъ и не давши знать королевскимъ универсаломъ, писаннымъ ко мнѣ Рафаилу Корсаку, епископу Туровскому и Пинскому, объ уступкѣ (православнымъ) церкви св. Θεодора, и пришедши въ нынѣшнемъ 1633 г., Мая 14, въ упомянутую церковь, находящуюся въ г. Пинскѣ, имѣлъ намѣреніе отдать ее означеннымъ мѣщанамъ для отправленія Богослуженія. Но капитула Пречистенской соборной церкви въ Пинскѣ, а также базильянской монахъ Неофитъ Фрыкъ, протопопъ Леонтій Михайловичъ Курциловичъ вмѣстѣ съ священникомъ этой Θεодоровской церкви и другими священниками—членами капитулы—въ присутствіи вознаго и шляхты, въ субботу 14 Мая, возбраняли передачу этой церкви поданнымъ ему, Корсаку, документомъ и указывали ему на королевскія привиллегіи, которыми эта церковь св. Θεодора взята у пинскихъ мѣщанъ и отдана навсегда пинской епископіи; при чемъ указывали и на то, что (православные) въ пинской епархіи въ различныхъ мѣстахъ могутъ свободно отправлять Богослуженіе, какъ и отправляютъ. На сеймѣ, бывшемъ при коронаціи теперешняго короля моего милостивого государя, именно въ актѣ составленномъ всею Речью Посполитою ничего не говорится о передачѣ церкви св. Θεодора и упомянутые мѣщане, представивъ дѣло въ ложномъ видѣ, выпросили себѣ эту церковь; на основаніи всего этого (уніятскіе священники) и возбраняли передачу церкви, что признали на бумагѣ. Г. Корсакъ, принявши эти бумаги, не передалъ православнымъ церкви означеннаго 14 Мая, а между тѣмъ, когда съ 14 на 15 Мая, съ воскресенія на понедѣльникъ, священникъ Θεодоровской церкви Янъ Созоновичъ пришелъ по обычаю для совершенія утренняго Богослуженія въ третьемъ часу ночи, какъ онъ самъ

доносилъ имъ объ этомъ, то увидѣлъ, что церковныя ворота и церковь св. Теодора отперты и въ церковь засталъ мѣщанъ и священниковъ Каменскаго и Тимофея Аввакумовича, которые совершали Богослуженіе. И за тѣмъ, когда я послалъ возного съ шляхтою, то онъ засталъ еще мѣщанъ и, по свидѣтельству священника, это видѣли возный съ шляхтою. О такомъ незаконномъ поступкѣ и передачѣ церкви, не смотря на сдѣланныя письменныя заявленія, намѣреваясь начать судебное дѣло съ Корсакомъ, я прошу занести эту мою протестацію въ гродскія пинскія книги. По порученію его м. епископа пинского и туровского отецъ Неофитъ Фрыкъ, инокъ ордена св. Василія; то есть записано, съ которыхъ и сесь выписъ подъ моею подстаростего печатью и съ подписомъ руки писарское въ Бозѣ велебному его м. отцу пинскому есть выданъ. Писанъ у Пинску.

Скрепленъ печатью, оттиснутою на бумагу, положеной на сургучъ. Переведено съ польскаго. Хранится въ библиотекѣ литовской семинаріи.

(Лит. Еп. Вѣд.)

II.

ВЪРОТЕРШИМОСТЬ ПАПЪ.

(Историческій очеркъ).

(Продолженіе *).

ИСТРЕВЛЕНІЕ ГУГЕНОТОВЪ.

Для совершенія избіенія гугенотовъ назначена была ночь съ 23-го на 24-го августа. Въ день, предшествовавшей ночи избіенія, были приняты всѣ мѣры, чтобы увѣрить обреченную на смерть партію въ совершенной безопасности; это удалось такъ, что реформаты никогда спокойнѣе не отходили ко сну, какъ въ тотъ вечеръ, послѣ котораго среди ночи ихъ ожидало столь ужасное пробужденіе. Всѣ приготовленія къ кровавой банѣ были сдѣланы въ величайшей тайнѣ и уже подъ вечеръ мать и братъ короля не отходили отъ него ни на часъ, чтобы удержать его при произнесенномъ однажды рѣшеніи; но на короля выходило то раскаяніе, то страхъ. Когда при началѣ Варсоевеева дня, 24-го августа, онъ услышалъ первый выстрѣлъ, которымъ началось избіеніе, то послалъ одного дворянина съ повелѣніемъ пошадить адмирала и остановить все предпріятіе. Но раскаяніе короля, равно какъ и это повелѣніе, было уже поздно: глубокая тишина ночи во всѣхъ частяхъ города была прервана шумомъ оружія, крикомъ сражающихся и стenanіями умирающихъ; свѣтъ факеловъ и смоляныхъ вѣнковъ превратилъ ночь въ день и освѣщаль совершеніе убійствъ. Быстрѣе всѣхъ дѣйствовалъ герцогъ Гизъ: побуждаемый мщеніемъ, онъ

* См. 8 Кн. Вѣст. Зап. Россіи.

поспѣшилъ къ дому Колиньи, куда при крикѣ „во имя короля“ ворвалась толпа убійць. Надобно замѣтить, что не французъ обагрилъ свои руки въ крови достойнаго Колиньи; убійцею его былъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, богемецъ, по другимъ же нѣмецъ изъ слугъ Гизовъ *). Онъ съ тремя французскими полковниками и однимъ итальянцемъ изъ Сиены, по имени Петруцци, ворвался въ комнату адмирала; адмиралъ въ то время стоялъ у стѣны и молился. На вопросъ богемца: „Ты ли адмиралъ?“ Онъ спокойно отвѣчалъ „я, но ты, молодой человекъ, долженъ быть потчителенъ къ моимъ сѣдинамъ.“ Въ сто отвѣта богемецъ пронзилъ его мечемъ и далъ нѣсколько ударовъ въ голову; трупъ чрезъ окно былъ выброшенъ на дворъ, гдѣ ожидали его герцогъ Гизъ и графъ Ангулемскій.

Собственно по смерти Колиньи началось убійство по всему городу; съ неистовыми воплями „смерть еретикамъ, бей еретиковъ“, изувѣры вламываются во всѣ жилища гугенотовъ: колютъ, рубятъ всякаго, кто попадетсѣ. Пробужденные отъ сна, безоружные, по большей части полуодѣтые, обреченные на смерть дѣлаются легкою добычею убійць; кому удалось убѣжать на улицу, тѣхъ ловятъ и убиваютъ. Пошады нѣтъ никому: ни возрасту, ни полу, ни заслугамъ, ни достоинствамъ; въ короткое время всѣ улицы покрываются кровью и трупами. Родственники убиваютъ своихъ родственниковъ, даже десятилѣтнія дѣти бѣгаютъ съ кинжалами, чтобы колоть спящихъ гугенотскихъ младенцевъ. Только и слышится, что выстрѣлы изъ мушкетовъ, смѣшанные съ воплями раненныхъ, трескъ и бречанье разламываемыхъ дверей и оконъ, крикъ и стонъ гробителей и убійць; обезумѣвъ отъ ужаса, многіе, которые и могли избѣгнуть смерти, собственными руками вонзаютъ кинжалъ въ свою грудь!

Но если на улицахъ Парижа происходило такое страшное кровопролитіе, то Дувръ—это священное жилище монарха Франціи, представлялъ еще болѣе ужасное зрѣлище. Сейчасъ по-

*) По изслѣдованіямъ Вахлера убійцею Колиньи былъ богемецъ, именно Діановичъ; Французскіе же источники показываютъ, что онъ былъ нѣмецъ: *Vemius Germanus in Guisii familia a puero educatus*, говоритъ Туанъ кн. III стр. 128. Канефъ говоритъ объ немъ: *Behen, Allemand très dévoué à la maison de Lorraine; il avait épousé une bâtarde du Cardinal.*

съ полночи, король Карль IX, въ сопровожденіи матери и братьевъ своихъ, вышелъ на балконъ замка и дожидался начала кроваваго представленія. Долго безмолвно присматривался онъ къ тишинѣ, наконецъ подъ балкономъ раздался выстрѣлъ—условный знакъ посланнаго отъ герцога Гиза, что Коллиньи убитъ. Тогда король, съ звѣрскою радостію, вскочилъ и отдалъ приказъ ударить въ колокола замка. Съ первымъ звономъ ихъ швейцарская гвардія выстроилась въ два длинные ряда, у входа въ дворъ, чтобы убивать каждаго гугенота, который бы захотѣлъ проникнуть въ Лувръ, или выйдти оттуда; другая часть гвардіи, подъ начальствомъ капитановъ Колонны и Крунса, бросилась въ галереи замка, перешарила всѣ покои, гдѣ спали гугенотскіе дворяне или прислуга, исторгла ихъ съ постелей, тащила на дворъ, гдѣ они, по приказанію гвардейскаго полковника д'О, тотчасъ были перебиты. Все это совершалось, на сколько возможно, безъ малѣйшаго шума, чтобы не обратить вниманіе въ другомъ флигелѣ помѣщавшагося короля Наварскаго, ранѣе того времени, когда всякое вооруженное сопротивленіе было бы совершенно бесполезно. Генрихъ Наварскій, вечеромъ 23 августа за часъ до полночи, пригласилъ въ свои покои принца Конде, съ вѣрными его друзьями, посовѣтоваться, какъ поступить, если король Карль не сдѣлаетъ имъ требуемаго удовлетворенія за покушеніе на жизнь адмирала. Совѣщаніе тянулось нѣсколько часовъ, наконецъ согласились — рано утромъ потребовать отъ короля еще разъ правосудія, объявивъ ему, что если онъ откажетъ въ немъ, то они сами разыщутъ и накажутъ виновныхъ. Разумѣется они уже не ложились спать, такъ какъ было уже около трехъ часовъ утра, и при лунномъ свѣтѣ начали играть въ мячъ, въ ожиданіи, пока встанетъ король. Такъ мало предчувствовали они ужасы этой страшной ночи! Но едва они взошли въ приемную короля, какъ были окружены многочисленною стражею, и арестованы. Короля Навар. и принца Конде привели къ королю на балконъ, и здѣсь только узнали они о тѣхъ ужасахъ, которые происходили. На площади подъ балкономъ бушевала толпа, недалеко отсюда цѣлая груда труповъ, освѣщаемая смоляными факелами, а на балконѣ король Карль, съ ружьемъ въ рукѣ, стрѣлялъ въ собственныхъ своихъ поддан-

ныхъ, хотѣвшихъ спастись вплавь по Сенѣ. „Tués, Tués, (стрѣляй).!!“ кричалъ король, когда они выходили на балконъ, а самъ схватилъ другое ружье, которое, только что заряднымъ, подавъ ему его оруженосецъ. Въ изумленіи оба принца отскочили назадъ, но въ ту же минуту король обернулся среди страшныхъ проклятій, назвалъ ихъ измѣнниками и бунтовщиками и грозилъ имъ снести головы, если они въ теченіи трехъ дней не отрекутся „отъ своего безбожнаго невѣрія и не обратятся къ католической религіи.“ За тѣмъ, онъ велѣлъ ихъ увести и посадить подъ арестъ, такъ что они, хотя и арестованные, были по крайней мѣрѣ въ безопасности. Не такъ были счастливы ихъ друзья и единовѣрцы: ихъ перехватили, вывели на дворъ замка и тотчасъ избили. Многіе сопротивлялись и, за неимѣніемъ своего оружія, вырывали его изъ рукъ гвардейцевъ, чтобы сколько возможно дороже продать свою жизнь. Иные пытались спастись бѣгствомъ, но гвардейцы преслѣдовали ихъ по всѣмъ комнатамъ и галлереймъ и убивали. Къ четыремъ часамъ утра не осталось во всемъ замкѣ ни одного уголка, который бы не былъ обгаженъ кровію. Болѣе двухъ сотъ храбрѣйшихъ и знатнѣйшихъ гугенотовъ,—все герцоги, графы и бароны и болѣе шести сотъ мелкихъ дворянъ и прислуги нашли свою смерть въ Луврѣ въ эту ночь. Изъ всѣхъ гугенотовъ, квартировавшихъ въ замкѣ, кромѣ Кбндэ и Наваррскаго, остались въ живыхъ только пятеро, и то по тому, что имъ посчастливилось убѣжать въ спальню Маргариты, супруги короля Наваррскаго и сестры короля Карла *).

Пока это происходило въ замкѣ, убійство въ городѣ не прекращалось ни на минуту, и ни одинъ домъ, гдѣ подозрѣвали гугенота, не оставленъ безъ обыска. Къ убійству присоединилось воровство, грабежъ и поруганіе надъ женщинами, по-

*) Это были герцогъ Граммонтъ, герцогъ Дюрасъ, Арманьякъ первый канцлеръ наварскій,—Бонсъ первый шталмейстеръ и капитанъ Гастонъ-фонъ Лейранъ. Получивъ нѣсколько ранъ, преслѣдуемые цѣлымъ десяткомъ гвардейцевъ, они подбѣжали къ дверямъ королевскаго покоя; она, подлѣтая, заступилась за нихъ и предводитель гвардейцевъ, маркизъ Намсе не отважился продолжать преслѣдованія, потому, что это было бы оскорбленіе личности королевы Наваррской, сестры ея государя. Маргарита залезла свою комнату, дождалась пока окончатся рѣзня и затѣмъ посѣлила къ королю, чтобы броситься къ его ногамъ и испросить помилованіе этихъ итернихъ.

тому что къ вооруженнымъ гражданамъ и солдатамъ примену-ли толпы черни и всякой сволочи, которая пользовалась замѣшательствомъ, чтобы къ убійствамъ прибавить воровство и удовлетвореніе животнымъ склонностямъ ! Только часть реформатовъ, жившихъ въ предмѣстіи С. Жерменъ, по ту сторону Сены, между которыми жилъ и гр. Монтюмери, шартрскій вице-домъ, избѣжала смерти. Дѣло было такъ! когда герцогъ Гизъ подошелъ къ этому предмѣстью, мостовые ворота, чрезъ которые только и можно было проникнуть въ предмѣстье, оказались запертыми. Гизъ послалъ за ключами, но пока посланные воротились, прошло не мало времени, а между тѣмъ одному реформату, бывшему свидѣтелемъ убіенія Колиньи, удалось переплыть Сену, и извѣстить объ этомъ обстоятельстве своихъ единовѣрцевъ ; они пустились бѣжать въ такомъ безпорядкѣ, что многіе пѣшіе были безъ обуви, а конные безъ сѣдла и узды. Впрочемъ, не многимъ посчастливилось бѣжать и изъ Кале уплыть въ безопасную Англію, большая часть настигнута была Гизовскими всадниками, у которыхъ, конечно, пощады не было ни для одного. Эта ужасная ночь извѣстна въ исторіи подъ именемъ *вареоломеевской*, такъ какъ рѣзня гугенотовъ произведена въ день св. апостола Вареоломея.

Наконецъ разсвѣло, и лучи солнца освѣтили ужасное зрѣлище. На всѣхъ порогахъ лежали мертвые, вездѣ разбросаны были оторванные члены человѣческіе. Въ канавахъ журчала кровь, какъ передъ бойней, и въ Сенѣ скопилось такое множество труповъ, что не было возможности пройти челноку. Но не смотря на то, что многія тысячи гугенотовъ были перебиты, рѣзня не прекратилась, а продолжалась и днемъ съ такимъ же безумнымъ ожесточеніемъ, какъ и ночью. Люди перестали быть людьми, они превратились въ каннибаловъ, купавшихся въ крови. Многіе приносили домой, вмѣсто предписаннаго блага креста, отрѣзанныя уши убитыхъ. Иные ругались надъ мертвыми, перебрасываясь отрѣзанными головами и другими членами. Иные хватали даже колыбельныхъ младенцевъ, потѣшались ихъ плачемъ и даже носили ихъ на длинныхъ шестахъ. Только къ вечеру король велѣлъ по всѣмъ унцамъ объявить, чтобы каждый возвратился въ свой домъ. Но не многіе торопились исполнить королевское повѣленіе, и

убійство, соединенное съ грабежемъ, не прекратилось ни ночью, ни на слѣдующій день. Да и самъ король не придавалъ серьезнаго значенія своему приказанію, потому что послѣ солнечнаго захода онъ поѣхалъ съ матерью, братьями и со всѣми придворными дамами по главнымъ улицамъ города, обограннымъ кровью, и по веселымъ лицамъ и шутивымъ рѣчамъ этой кавалькады слишкомъ замѣтно было какую радость доставляло имъ путешествіе по улицамъ, покрытымъ кровью *). Самъ король подѣвжая къ висѣлицѣ, на которой висѣлъ изтерзанный трупъ адмирала, съ улыбкой сказалъ: „Такого прекраснаго зрѣлища мнѣ въ жизни не приводилось видѣть и запахъ трупа Колинны пріятнѣе для меня розъ и фіялокъ.“ Какъ же могли отказать себѣ въ удовольствіи бить и рѣзать еретиковъ парижане, когда ихъ король проявлялъ такую радость на мѣстахъ ужаса.

Между тѣмъ какъ Парижъ плавалъ въ крови, по провинціямъ, особенно по большимъ городамъ, происходило тоже самое, что и въ столицѣ. Еще въ ночь съ 23 на 24 авг. послакали во всѣ стороны курьеры, съ строгими указами къ губернаторамъ, чтобъ они захватили реформатовъ и ихъ имущества и возбудили противъ нихъ народный фанатизмъ. Разумѣется, чиновники поусердствовали исполнить волю короля, и такъ обр. въ городахъ Лионѣ, Орлеанѣ, Бордо, Тулузѣ и т. д. 25 и 26 разыгрывалась тоже драма, какъ и въ варезоломѣвскую ночь въ Парижѣ. Хотя нѣкоторые честные люди воспротивились было исполнить королевскій приказъ, какъ напр. виконтъ *Ортеизъ*, губернаторъ Байонны, писалъ королю: „я сообщилъ вашъ указъ городскимъ жителямъ и гарнизоннымъ солдатамъ, но между ними не нашлось, ни одного, кто бы согласился быть палачемъ.“ Впрочемъ, говоря вообще, не многіе уклонились отъ роли палача; даже въ самыхъ малыхъ деревняхъ отправлялись

*) Какъ на доказательство развращенія нравовъ при французскому дворѣ того времени, укажемъ на то обстоятельство, что королевская кавалькада особенно долго стояла на берегу Сены, гдѣ лежали обнаженные (чернь снимала одежды съ убитыхъ) трупы убитыхъ въ Лузрѣ гугенотскихъ дворянъ. Королева Екатерина и сладострастныя придворныя ея дамы, любовались на эту картину, особенно же обращало на себя вниманіе тѣло барона Карла-Субиза де-Понтъ, супруга котораго незадолго предъ тѣмъ просила развода....

„Вареоломеевскія ночи.“ Такъ какъ всё поля покрыты были трупами, то отъ разложенія ихъ заразился весь воздухъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ открылась опасная эпидемія. Многіе воспользовались обиліемъ труповъ, вываривали ихъ и торговали человѣческимъ жиромъ. Точно впрочемъ нельзя опредѣлить, сколько вообще кальвинистовъ убито было въ эти дни и показанія историковъ колеблются между 50 и 100 тысячами *). Но судя по времени и способу рѣзни, можно думать, что даже и послѣдняя цифра ниже дѣйствительнаго числа убитыхъ.

Неудивительно, поэтому, что радость противной стороны была почти неописанна, и что особенно торжествовалъ въ сердцѣ своемъ „великій изъ римлянъ.“ Впрочемъ, не въ душѣ только торжествовалъ онъ, а открыто—предъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что *намитникъ* Христовъ, получивъ первую вѣсть о событіи, тотчасъ отправился въ торжественной процессіи со всеми своими кардиналами въ церковь св. Петра принести благодареніе Богу за славную побѣду католичества^а, а съ замка св. Ангела стрѣляли изъ пушекъ и ввечеру весь городъ былъ иллюминированъ. Святѣйшій отецъ, въ восторгѣ сердца, даже объявилъ юбилей съ неограниченнымъ отпущеніемъ грѣховъ, и когда онъ наконецъ получилъ въ спиртѣ голову Колиньи, посланную королемъ Франціи, то пришелъ въ такой экстазъ, что даровалъ королю титулъ „*Piissimus*“. Этимъ онъ еще не удовольствовался, и такъ какъ высшее духовенство Рима не имѣло счастья лично созерцать бойню гугенотовъ, велѣлъ лучшимъ своимъ художникамъ изобразить кистью и увѣковѣчить главныя сцены этой страшнѣйшей ночи, чтобы почтенныя кардиналы

*) Знаменитый Сускла число убитыхъ полагаетъ 70,000, а Перефиксъ, издавшій въ 1661 г. жизнеописаніе Генриха IV, опредѣляетъ въ 100,000. Во всякомъ случаѣ вѣрно-то, что не каждая война похищаетъ столько жертвъ, когда въ одномъ Парижѣ, насчитывали не менѣе десяти тысячъ гугенотскихъ труповъ.

**) Первая изъ этихъ картинъ представляетъ адмирала Колиньи, какъ его раненаго злоумышленникомъ Морсмертомъ ведутъ домой и внизу подписанъ: *Gregorius XIII Pontif. Max. 1572.* На второй убіеніе адмирала въ его дворцѣ мѣстѣ съ Тезиньи—затѣмъ его и нѣкоторыми другими. На третьей Карлъ IX выслушиваетъ донесеніе о смерти Колиньи и радуется этому, а на заднемъ планѣ убійцы съ распятіемъ и княжаломъ въ рукахъ нападаютъ на бозоружныхъ женщинъ и дѣтей, передеваютъ черезъ кучи труповъ, чтобы проникнуть въ жилища гугенотовъ. Кстати прибавимъ, что папа велѣлъ выбить медаль въ

и самъ онъ могли хотъ любоваться картиною, когда лишены были удовольствія любоваться событіемъ. Три картины кроваваго содержанія, написанныя знаменитымъ Базаря, висятъ и теперь въ королевской залѣ Ватикана и краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о папскомъ умѣ и сердцѣ.

Не меньшая радость высказалась и въ Парижѣ: и тамъ совершились во всѣхъ церквахъ благодарственныя молитвословія и празднества. Парламентъ постановилъ даже во всѣ времена ежегодно въ день Вареоломея совершать торжественную процессію въ благодарность Богу за уничтоженіе гугенотовъ, а королю Карлу IX воздвигъ возлѣ церкви Богоматери памятникъ, на которомъ представлено, какъ онъ попираетъ ногами гугенотовъ!

Казалось что протестанство навсегда погибло во Франціи, потому что страхъ, наведенный рассказаннымъ сейчасъ событіемъ былъ такъ важенъ, что пережившіе ужасы Вареоломеевской ночи, не осмѣливались открыто исповѣдывать свою вѣру и, хотъ наружно, переходили въ католичество. Но чрезъ нѣсколько недѣль гугеноты опять ободрились, и особенно граждане укрѣпленной Ла-Рошели показали другимъ примѣръ безстрашія. Не желая безъ сопротивленія отдаться въ руки своихъ враговъ и рѣшившись до послѣдней возможности защищать свою вѣру и жизнь, они заперли ворота своего города и съ геройскимъ мужествомъ противостояли всѣмъ нападеніямъ королевскихъ войскъ. Другіе города послѣдовали ихъ примѣру и закипѣли снова гугенотскія войны, конца которымъ нельзя было предвидѣть, особенно когда впослѣдствіи во главѣ реформатовъ стали король наварскій и принцъ Конде. Конечно, это возбудило страшный гнѣвъ папы (Пій уже умеръ, а преемникъ его Сикстъ V, конечно, былъ съ нимъ одного образа мыслей) и по повелѣнію его іезуиты и капуцины разошлись по всей Франціи, чтобы воспламенить ревность католиковъ противъ кальвинистовъ. Возобновилась священная лига и всѣ

память событій Вареолом. ночи, и эти медали раздавалъ вѣрующимъ. На лицевой сторонѣ медали портретъ самаго его святѣйшества, а на задней ангелъ смерти, съ распятіемъ и мечемъ, которыми онъ поражаетъ все встрѣчающееся ему, а въ кругѣ надпись: „Ugonotton Strages“ (избіеніе гугенотовъ).

затолич. князя, а особенно король испанскій и герцогъ савойскій получили повелѣніе вступить во Францію для истребленія еретиковъ. Папа Сикстъ проповѣдывалъ противъ нихъ даже всеобщій крестовый походъ и объявилъ, что „было бы бо-
*оудное дѣло убить короля Генриха наварскаго и встѣхъ ею еди-
копрцего, хотя бы то и соннахъ.*“ Тяжело и утомительно было бы рассказывать дальнѣйшіе эпизоды гугенотскихъ войнъ во Франціи, осквернившей исторію христіанства, такими кровавыми страницами, подобныхъ которымъ не представляетъ даже исторія гоненія язычниковъ на христіанъ первыхъ вѣковъ нашей эры. Намъ нужно было только показать какимъ образомъ папы исполняли законъ христіанской терпимости и милосердія. Слѣдствіемъ впрочемъ, гугенотскихъ войнъ было со всѣмъ не то, чего ожидали въ Римѣ, потому что, вопреки папскому приговору, по смерти Карла IX и обоихъ его братьевъ взомель на престолъ не герцогъ Гизъ, свирѣпый глава ультра католич. партіи, а законный наслѣдникъ дома Валуа, Генрихъ IV, который, по нантскому эдикту (13 апр. 1598 г.) обезпечилъ гугенотамъ религіозную свободу и тѣмъ даровалъ миръ разоренной и залитой кровью Франціи.

Но не долго наслаждалась Франція этимъ миромъ, столь противнымъ симпатіямъ его святѣйшества. Уже Урбанъ VIII (1638 г.) умѣлъ расположить короля Людовика XII къ попыткѣ повторить рѣзню гугенотовъ, и несказанно былъ обрадованъ вѣстію, что Ла-Рошель, главный укрѣпленный городъ гугенотовъ, послѣ четырнадцатимѣсячной осады, вынуждаемый страшнымъ голодомъ, долженъ былъ сдаться католикамъ. Но надежда папы, что Людовикъ XII „искоренить и остальныхъ всѣхъ еретиковъ“ (буквальное выраженіе папы) не исполнилась, такъ какъ англичане принудили короля подтвердить гугенотамъ свободное отправленіе ихъ исповѣданія. Гораздо счастливѣе была іезуитско-римская партія при Людовикѣ XIV, которому принадлежитъ незавидная слава, что онъ протестанству сдѣлалъ гораздо болѣе зла, чѣмъ какой-либо другой монархъ.

Въ правленіе его протестанты уже не составляли вооруженной политической партіи, но, обезпеченные нантскимъ эдиктомъ, жили мирно и трудолюбиво; за свое скромное и непризвательное поведеніе, они приобрѣли себѣ уваженіе даже отъ

самихъ католиковъ. Только папа и зависимое отъ него духовенство не ослабляли къ нимъ своей ненависти и день и ночь думали, какъ бы уничтожить самихъ еретиковъ до послѣдняго. Но этого достигнуть нельзя было иначе, какъ привлеки короля на свою сторону, но къ несчастію ультрамонтанъ нѣкоторое время нельзя было подступить къ Людовику. Когда онъ былъ молодъ и пылокъ, онъ съ увлеченіемъ отстаивалъ папскія притязанія, но впоследствии, когда пресытился всѣми мирскими удовольствіями, духовникъ его, іезуитскій патеръ Ла-Шезъ, котораго онъ принялъ къ себѣ по указанію папы Климента X, а также настроенная упомянутымъ папой, и даже пожалованная имъ золотою розою метресса, знаменитая Монтевонъ, привели его къ убѣжденію, что для снисканія милости на страшномъ судѣ ему необходимо заняться обращеніемъ реформатовъ, и потому король только и думалъ объ обращеніи гугенотовъ въ католичество. Средствомъ къ этому избрали сначала ограниченія и стѣсненія, затѣмъ различныя приманки. Когда эти средства оказались мало дѣйствительными, прибѣгли къ другимъ и съ 1670 г. не только запрещены были браки между католиками и реформаторами, но даже объявлено было, что гугеноты не могутъ вступать въ общественныя должности, не могутъ заниматься даже ремеслами, и сверхъ того болѣе 600 мѣстечекъ лишены были права отправлять протестантское богослуженіе. За переходъ изъ католичества въ протестанство положена была смертная казнь, а гугенотскихъ дѣтей тысячами брали у родителей, подъ предлогомъ, что эти дѣти хотятъ сдѣлаться католиками. Въ то же время каждый новообращенный изъ совершеннолѣтнихъ освобождается былъ на два года отъ всѣхъ гражданскихъ повинностей, преимущественно же отъ „постоянной“, которая всею тягостію своею ложила на гугенотскихъ домовладѣльцевъ, особенно если послѣдніе упорствовали въ обращеніи къ католичеству. Въ 1682 г. Людовикъ XIV издалъ строгій эдиктъ, по которому всякая попытка къ эмиграціи наказывалась пожизненною каторжною работою, а за содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ полагался штрафъ не менѣе 300 ливровъ. Сверхъ того, всѣмъ католикамъ запрещалось покупать у гугенотовъ дома и другое имущество и каждая такая покупка считалась не дѣйствительною. Въ то же время разставлена

была по всѣмъ границамъ (особенно по береговой линіи) бдительная стража, чтобы ловить дѣйствительныхъ бѣглецовъ, и даже арестовать „подозрѣваемыхъ“ въ намѣреніи оставить Францію. Вездѣ, гдѣ только были самыя незначительныя гугенотскія общины, съ давно запечатанными уже церквами, во множествѣ располагались солдаты и милиція, чтобы препятствовать и разстроивать каждое богослужебное собраніе въ открытомъ ли полѣ, или въ частныхъ домахъ, а захватываемые при этомъ проповѣдники присуждаемы были къ колесованію, къ висѣлицѣ, или къ каторжной работѣ. 1684 г. король пошелъ еще далѣе и по всеуслышаніи объявилъ, что въ его царствѣ на будущее время *должна* существовать *одна* только *религія*. Вслѣдствіе этого солдаты заняли протестантскія деревни и до тѣхъ поръ не выходили изъ нихъ, пока крестьяне, доведенные до отчаянія ихъ грабительствомъ и насиліемъ, не отрекались отъ своей вѣры. Такого рода обращеніе совершалось въ Беарнѣ, въ Лангедокѣ, Гвиеннѣ, Пуату и т. д., въ продолженіи года, до ста тысячъ такъ, что даже папа Иннокентій XI умѣралъ миссіонерскіе порывы короля ханжи, говоря, что не стоитъ заботиться объ остальныхъ еретикахъ, которые еще держатся своей вѣры „*только по капризу,*“ а довольно будетъ указа объ окончательномъ запрещеніи протестантства во Франціи. Такимъ образомъ 22 окт. 1685 г. особымъ декретомъ нантскій эдиктъ уничтоженъ, и реформатамъ, подѣ страхомъ казни и лишенія имущества, запрещено отправлять богослуженіе. Всѣ гугенотскія дѣти должны быть немедленно крещены по р. католическому обряду и на счетъ ихъ родителей воспитаны въ католич. вѣрѣ, а гугенотскимъ жителямъ и проповѣдникамъ велѣно или обратиться, или же въ теченіи двухъ недѣль оставить Францію, если они не хотѣли идти на галеры. Кратко сказать, *король хотѣлъ совершенно покончить съ протестантствомъ!*

Гугеноты пришли въ отчаяніе отъ этого фанатическаго эдикта. Каждый только и помышлялъ лишь о бѣгствѣ, и не смотря на то, что пойманнымъ бѣглецамъ грозила каторжная работа, или же смертная казнь, нѣсколькимъ тысячамъ удалось бѣжать за границу. „Прощай родина,“ говорили они и веревѣвшись нищими, слугами, странствующими музыкантами, богомольцами, студентами, солдатами, не смотря на бдительную

стражу, отправлялись, оставляя почти все свое имущество, въ Швейцарію, Голландію и даже на утлыхъ челнокахъ, въ Англію. Многихъ задерживали и въ оковахъ, отправляли на галеры, или даже въ Вестъ-Индію; но это не устрашало прочихъ, они готовы были лучше отдать все свое имущество на подкупъ пограничной стражи, лишь бы только уйти. Исчислено, что такимъ образомъ, въ продолженіе года, Франція лишилась болѣе сими сотъ тысячъ трудолюбивѣйшихъ, зажиточнѣйшихъ и умнѣйшихъ своихъ обитателей. Съ распростертыми объятіями приняты были бѣглецы протестанскими нѣмцами, а равно и швейцарскимъ правительствомъ, и такъ какъ теперь французская промышленная дѣятельность перешла въ чужіе края, то Франція потерпѣла такой уронъ, котораго нельзя было вознаграждать никакими завоеваніями.

Впрочемъ всѣ французскіе реформаты, разумѣется, не могли уйти, да и оставшіеся не желали вдругъ отречься отъ своей вѣры. Такъ, напр., въ провинціи Лангедокъ, гдѣ интендантомъ былъ поставленъ Бавилль, въ 1686 г. не смотря на отиъну нантскаго эдикта, жители не хотѣли прекратить своихъ реформатскихъ богослужебныхъ собраній. Бавилль прибѣгнулъ къ строгимъ мѣрамъ, онъ велѣлъ перебить участвовавшихъ въ собраніи женщинъ и дѣтей, а мужчинъ взять подъ арестъ и отправить на галеры. Всего жесточе поступилъ онъ съ проповѣдниками: всѣхъ, которые только попались ему, онъ приказывалъ или повѣсить, или утопить, или колесовать *). Но не смотря на все это, протестанская вѣра не была уничтожена, и если впоследствии ни одинъ духовный не осмѣливался отправлять богослуженіе, то являлись изъ простаго народа такіе, которые, при знаніи библіи, чувствовали въ себѣ призваніе утѣшать своихъ собратьевъ по вѣрѣ и проповѣдывать имъ покаяніе. Такихъ проповѣдниковъ покаянія (ихъ называли пророками), переходившихъ изъ одного дома въ другой, было не мало уже въ 1688 г., а въ слѣдующіе за тѣмъ годы число ихъ умножалось,

*) Во время богослужебнаго собранія въ Оранжѣ, напр. было убито 28 человекъ, а сто тридцать пять, именно девяносто семь мужчинъ, и тридцать семь женщинъ вмѣстѣ съ проповѣдникомъ схвачены. Всѣхъ ихъ отвезли въ Монпелье, проповѣдника повѣсили, женщинъ, всѣхъми розгами, заключили на всю жизнь въ тюрьму, а мужчинъ отправили на галеры.

и они разсѣялись по всему нижнему Лангедоку и особенно въ горахъ севеннскихъ. Разумѣется интендантъ Бавиль обходился съ этими проповѣдниками такъ же безпощадно, какъ прежде съ дѣйствительными духовными и, въ теченіи одного ноября 1701 г., 21-го осудилъ на смерть. Не смотря на то казни и гоненія всегда сопровождались тѣмъ, что число пророковъ не уменьшалось, а даже увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалось число посѣщавшихъ католич. церкви. Узнавъ объ этомъ папа Климентъ XI послалъ своихъ миссіонеровъ, которые своими краснорѣчивыми проповѣдями заставили бы замолчать пророковъ, но народъ ихъ и слушать не хотѣлъ. Убѣдившись что гугенотовъ можно обращать только силою, начальникъ миссіонеровъ, архіепископъ Lang Cade du Chaiba сталъ въ главѣ солдатъ, которые разосланы были по всей странѣ, чтобы днемъ и ночью разыскивать богослужебныя собранія; они проникали во всѣ, самые сокровенные уголки и не только, по приказанію архіепископа, вѣшали пойманныхъ проповѣдниковъ, но и самихъ слушателей, которые имъ попадались, вынуждали пытками выдать своихъ единовѣрцевъ, чтобы, такимъ образомъ, заразъ восторжествовать надъ ересью *). Такая жестокость довела народъ до отчаянія и, когда архіепископъ однажды велѣлъ нѣсколькихъ состоятельныхъ реформатовъ, которые пойманы были въ бѣгствѣ въ Геноръ, заключить въ находившуюся возлѣ его жилища тюрьму, и не принявъ довольно значительной выкупной суммы, которую предполагали родственники и знакомые заключенныхъ, эти послѣдніе, вооружившихъ дубинами, косами и алебардами, ночью окружили его домъ, зажигли его и, освободивши заключенныхъ, убили наконецъ самаго архіепископа, а сами бѣжали. Это случилось 23 іюня 1702 г.; разумѣется, за виновными тотчасъ послана была погоня; хотя многіе изъ нихъ были схвачены и, конечно, казнены, однакожъ большей части изъ нихъ удалось спастись въ горы, гдѣ они рѣшились

*) Онъ велѣлъ, напр. пойманныхъ выдергивать по волоску брови или бороду, или класть имъ въ руки горячія уголья, или обертывать пальцы хлопчатой бумагою, пропитанною масломъ и потомъ зажигать, или забивать ноги въ деревянные колодки, такъ что имъ нельзя было ни стоять, ни лежать, или въ глазахъ родителей дѣвочекъ бить щетью, а мальчиковъ сплывать, отчего тѣ и другіе не рѣдко умирали.

защищаться до послѣдней крайности. Ихъ примѣръ подѣйствовало на другихъ: въ скоромъ времени составились и другія партіи, нашлись для нихъ и предводители, напр. *Кастанетъ*, *Роландъ* и особенно Іоаннъ *Каваньеръ* крестьянскій сынъ, но замѣчательцо даровитый человекъ. Такъ началась „война въ Севеннахъ, называемая „касмисардскою“ *), окончившаяся только тогда, когда около ста тысячъ „принесено было въ жертву вѣрѣ.“

На первыхъ порахъ надѣялись управиться скоро съ мятежными крестьянами и начали съ того, что безъ суда казнили всѣхъ, которыхъ подозрѣвали въ снабженіи „горныхъ разбойниковъ“ съѣстными припасами (въ одномъ городѣ Алэ, за это подозрѣніе повѣшено было 62 реформата), но когда увидѣли, что такъ называемые разбойники, не только защищались отъ нападеній и за жестокость въ отношеніи ихъ родственниковъ мстили сожженіемъ католич. церквей и избіеніемъ католич. дуловныхъ, убѣдились, что нужно принять болѣе серьезныя мѣры. Папа Климентъ XI велѣлъ проповѣдывать всеобщій крестовой походъ и обѣщалъ совершенное отпущеніе грѣховъ каждому, кто вооружится на избіеніе и истребленіе этого „проклятаго и гнуснаго отродья.“ По соглашенію съ Людовикомъ XIV, въ началѣ 1703 г., онъ послалъ въ Лангедокъ маршала Монтревелиа, съ двадцатью баталіонами пѣхоты, для подавленія мятежа, однако эта послѣдняя мѣра, не смотря на страшныя жестокости Монтревелиа, не привела ни къ чему. Хотя онъ велѣлъ не только всѣхъ вооруженныхъ и подозрѣваемыхъ въ доставленіи провіанта стариковъ, женщинъ и дѣтей безъ разбора сжигать на общихъ кострахъ, но и приказалъ разорить до основанія нѣсколько сотъ деревень и мѣстечекъ, при чемъ жителей всѣхъ убивать, а дома и имущество сжигать; не смотря на то камисарды во все не думали о сдачѣ. Даже напротивъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ счастливыхъ сраженій съ королевскими войсками, къ нимъ стали присоединяться рекруты. Такъ одинъ Кавальяръ (въ 1704 г.) имѣлъ у себя подъ командой отрядъ, со-

**) Отчего происходятъ названіе камисардъ, достоверно не извѣстно; можетъ быть, отъ Сатіри т. е. кургокъ, камзоловъ, какіе носили мятежные гугеноты, а можетъ быть отъ Сашіа большая дорога, такъ что камисардъ будетъ значить прокладывающаго столбовую дорогу.

стоящій изъ тысячи пѣхоты, и двухъ сотъ всадниковъ, и этотъ отрядъ всюду между католиками распространилъ страхъ, убійство и пожаръ, почти такіе же отряды были и у другихъ камисардовъ. Но теперъ Людовикъ XIV послалъ въ Севенны лучшаго своего генерала, маршала Виллара, съ такою многочисленною арміею, что никакъ нельзя было подумать, что у непріятеля не болѣе четырехъ или пяти тысячъ. Такой силѣ, естественно, камисарды не могли долго противостоятъ и скоро были разсѣяны и подавлены. Впрочемъ, Вилларъ своею побѣдою обязанъ былъ болѣе хитрости и подкупу, а равно и объявленію, что всякій добровольно сдавшійся гугенотъ имѣетъ право продать свое имущество и безпрепятственно отправиться за границу. Такимъ объявленіемъ онъ заманилъ многихъ, и когда ему открыта была одна большая пещора, служившая до сихъ поръ камисардамъ и госпиталемъ и складочнымъ мѣстомъ и пороховымъ заводомъ, когда перебиты были всѣ раненные и отняты были всѣ съѣстные и военные снаряды, тогда Кавальеръ не устоялъ противъ лестнаго предложенія поступить полковникомъ въ королевскую службу, и даже съ большею частію своихъ воиновъ принялъ католичество. Остальные предводители камисардовъ, Роландъ, Раванель и Катинать объявили его измѣнникомъ и старались продолжать войну, но маршалъ Вилларъ послалъ къ нимъ эмиссаровъ съ деньгами, и такимъ образомъ они перешли на его сторону. Этимъ способомъ окончено было камисардское возстаніе, но оно все же стояло четырехъ сотъ городовъ, деревень и мѣстечекъ, пятидесяти тысячъ гугенотовъ, и столько же католиковъ. Не смотря на все это, реформатское исповѣданіе не прекратилось во Франціи, какъ это видно изъ того, что въ 1728 г. повѣсили въ Монтпелье одного протестанскаго проповѣдника, и что даже въ 1744 г., въ одной отдаленной мѣстности нижняго Лангедока, составилъ протестанскій синодъ, въ которомъ было не менѣе пятидесяти представителей отъ тайныхъ гугенотскихъ общинъ. Еще позже въ 1746 г. протестанство опять свободнѣе подняло свою главу, и хотя тогда въ одномъ городѣ Греноблѣ болѣе трехъ сотъ челоувѣкъ казнено было за вѣру, однакожъ впоследствии времени, при усиливавшемся просвѣщеніи, перестали уже слушаться папскихъ приглашеній избивать всѣхъ еретиковъ. Послед-

нимъ реформатскимъ мученикомъ во Франціи былъ Францискъ Рошеттэ, повѣшенный въ г. Тулузѣ 18 февраля 1762 г. Со времени революціи 1789 г. къ величайшему ужасу римскаго престола исповѣданіе протестанства дозволено государственнымъ закономъ.

3) Истребленіе протестанства въ Англіи.

Совершенно другой ходъ, чѣмъ во Франціи, приняло протестанство въ Англіи. Сначала казалось, будто по смерти Генриха VIII, при его дочери *Маріи*, вступившей на англійскій престолъ въ 1553 г., католичество насильно будетъ введено во всей странѣ, потому что эта королева, сейчасъ по возшествіи на престолъ (въ тотъ же 1553 г.), заключивъ союзъ съ папой Юліемъ III, приказала всѣхъ протестанскихъ проповѣдниковъ немедленно заключить въ темницы; папскому легату Полю дала полномочіе назначать католическихъ епископовъ во всей странѣ и заставила даже парламентъ издать самыя строгіе законы противъ ереси. Папѣ между тѣмъ удалось въ 1554 г. устроить брачный союзъ между испанскимъ королемъ Филиппомъ и Марією, и сорока лѣтняя супруга на столько была внимательна къ своему двадцатилѣтнему супругу, что дѣлала все, что только угодно было его гордости, властолюбію и ханжеству. Немедленно, на манеръ испанской инквизиціи, по совѣту папы Юлія III, составлена была изъ двадцати лицъ комиссія по еретическимъ дѣламъ, во главѣ которой сталъ епископъ лондонскій *Баннеръ* человекъ жестокой и наглый, и теперь началось преслѣдованіе, строже котораго не могъ требовать и самъ Иннокентій III. Простой народъ всякаго рода наказаніями старались обратить къ старой вѣрѣ, духовныхъ заключали въ тюрьму, и если они не соглашались отречься отъ протестанства, сожигали на костре. Болѣе семи сотъ протестанскихъ епископовъ и священниковъ умерли среди жесточайшихъ мученій, между ними епископы: *Латимеръ Ридней*, *Ферраръ* и *Гонеръ*, а также и знаменитый *Кранмеръ*; число мучениковъ съ каждымъ годомъ умножалось. Папа принималъ извѣстіе объ этомъ съ большою радостію и даже въ честь королевы велѣлъ выбить медаль; но въ скоромъ времени народъ сталъ волноваться, и если бы кровожадная (такъ называли Марію во всей Англіи)

не умерла въ 1558 г. дѣло не обошлось бы безъ открытаго возстанія. Совершенно другаго образа мыслей была преемница Маріи, знаменитая *Елисавета*: она не смотря на громовую противъ ней папскую буллу отъ 25 февр. 1570 г., и не смотря на возстаніе папистовъ, возбужденное противъ нея Піемъ V, возвратила протестанству прежнія права *), которыя съ тѣхъ поръ и удержаны имъ до настоящаго времени.

Такое разочарованіе въ лучшихъ своихъ надеждахъ причинило не малую печаль римской партіи, и потому заботы этой партіи устремлены были къ тому, какъ бы свергнуть Елисавету. Долго усилія ихъ были напрасны, наконецъ, тридцать лѣтъ спустя, Климентъ VIII, имѣлъ утѣшеніе возбудить въ Ирландіи возстаніе, продолжавшееся четыре года и превратившее почти весь островъ въ пустыню. Возстаніе началось въ 1596 г. и папа тотъ часъ пожаловалъ островъ въ даръ королю Испаніи. Послѣдній, дѣйствительно, принялъ даръ и послалъ на подкрѣпленіе возстанія сильную армію, предводимую *Акселю*, получившимъ отъ папы славный титулъ „возстановителя вѣры.“ Но когда, соединенныя арміи Ирландіи и Испаніи 24 декабря 1601 г., при Кинзалѣ были разбиты на голову лордомъ Мунтоіемъ. Ирландія должна была подчиниться законной власти и вмѣшательство папы имѣло слѣдствіемъ только то, что большая часть древнихъ обитателей страны была искоренена и ихъ имѣнія конфискованы. Наконецъ, въ 1641 г. папскому вунцію *Ринукчини* удалось опять составить заговоръ противъ протестантовъ, во главѣ котораго, какъ и всегда, стало католич. духовенство. Чтобы покончить дѣло разомъ, положили повторить съ Ирландіей сцены парижской вареоломеевской ночи, и 23 октября 1641 г. всѣ ирландцы одновременно взяли за оружіе, напали на беззаботныхъ протестантовъ и избили ихъ не менѣе

*) Въ этой буллѣ папа изобразилъ Елисавету самую безбожною и порочною изъ женщинъ за то, что она не хотѣла обратиться къ римско-католич. вѣрѣ. Въ то же время Пій разрѣшалъ всѣхъ подданныхъ отъ присяги Елисаветѣ и требовалъ, чтобы знаменитый герцогъ Альба отправился въ Англію съ арміею для поддержанія католич. духовенства, а королевство Англію назначилъ въ даръ французскому королю Франциску II, который въ самомъ дѣлѣ, принялъ титулъ и гербъ короля Англіи и послалъ корпусъ войска въ Шотландію, но королева Елисавета принудила его сдать на капитуляцію и тѣмъ положила конецъ завоевательнымъ попыткамъ короля французскаго.

пятидесяти тысячъ. Пошадъ не было ни старикамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ; избѣжавшіе смерти спасеніемъ своимъ обязаны поспѣшному бѣгству. Радость въ Римѣ о такомъ кровопролитіи была неописанна, и папа по этому случаю назначилъ особый юбилейный годъ, но это злодѣяніе не осталось безъ возмездія, хотя и пришлось ждать его цѣлые восемь лѣтъ. Въ 1649 г. знаменитый *Кромвелъ* сдѣлалъ высадку на островъ, взялъ штурмомъ знаменитѣйшіе города, велѣлъ безъ разбора перебить населеніе, и въ девять мѣсяцевъ болѣе пролилъ католической крови, чѣмъ прежде пролито было протестанской. Съ того времени уже не протестанская, а католическая вѣра въ Ирландіи преслѣдуется, и такимъ образомъ папское вмѣшательство имѣло слѣдствіемъ совсѣмъ противоположныя ожидаемымъ событія.

4) Истребленіе протестанства въ Испаніи.

Казалось бы совершенно невозможно было проникнуть протестанству въ Испанію, гдѣ съ беспощадною и неумоимою строгостію свирѣпствовала инквизиція. И въ самомъ дѣлѣ, оно, можетъ быть, и не проникло бы туда, если бы, по поводу соединенія двухъ коронъ германской и испанской на главѣ Карла V не установилась живая связь между обѣими странами, благодаря которой испанцы очень рано познакомились съ ученіемъ реформатовъ. Уже въ 1519 г. лютеранскіе сочиненія проникли за Пиринеи и съ такою жадностію перечитывались тамъ, что Левъ X увидѣлъ необходимость предписать 20 мар. 1521 г. великому инквизитору Испаніи отобрать всѣ такія сочиненія, и всѣми мѣрами препатствовать распространенію ихъ въ народѣ. Разумѣется, инквизиторы повиновались папскому повелѣнію и заключали въ тюрьму всякаго, имѣвшаго у себя такія сочиненія, составивъ въ тоже время знаменитое правило, что „задушить лютеранина такое же похвальное дѣло, какъ и застрѣлить турка.“ Не смотря на все это лютеранская ересь все болѣе и болѣе распространялась, къ ней стали склоняться даже высоко поставленныя въ обществѣ лица, напр. *Жданъ Валдець*, секретарь Карла V и *Родриго Валеръ*, богатый дворянинъ въ Севильи. Разумѣется, оба они не избѣжали тюрьмы и различными мѣрами доведены были до отреченія отъ ереси. Въ послѣдствіи ихъ

заклучили на всю жизнь въ монастырь, чтобы лишить возможности распространять новое ученіе, однакожь ихъ примѣръ нашелъ себѣ подражателей и знаменитый проповѣдникъ *Жуанъ Жиль*, обыкновенно называемый докторомъ *Егидіемъ*, съ церковной кафедрѣ въ Севильѣ сталъ проповѣдывать ученіе, мало отличавшееся отъ лютеранскаго. Священная инквизиція однакожь, заставила его тоже отречься отъ своего ученія, и Егидій, за свою либеральность, поплатился только тяжкимъ заключеніемъ. Но сѣмя, брошенное имъ съ кафедры, упало на добрую почву, и въ названномъ городѣ около 1555 г. образовалась тайная протестанская община, собиравшаяся обыкновенно въ домѣ *Изабеллы де-Бэна*, богатой и знатной дамы. Достоинно впрочемъ замѣчанія, что члены этой общины въ большинствѣ принадлежали къ высшему дворянству, и оттого община могла держаться безнаказанно довольно долгое время. Однакожь немного спустя, когда два жившіе за границей испанцы, именно *Францискъ Энчинсасъ* и *Жуанъ Перецъ* принялись за переводъ библіи на испанскій языкъ (первый перевелъ новый завѣтъ, а послѣдній почти все св. писаніе) и когда этотъ переводъ тайно привезенъ былъ въ Испанію *), новое ученіе стало проникать въ народъ, и протестанскія общины умножались и умножались. Къ значительнѣйшимъ изъ нихъ принадлежали (кромѣ упомянутой севильской) вальядолидская, основанная *Францискомъ Санъ Романдомъ* (проповѣдники были за это сожжены на кострѣ), потомъ въ городѣ *Торо*, въ *Цамортъ*, въ *Валенсіи*, въ *Оссмъ*, въ *Лорно* и др. Кратко сказать, лютеранское ученіе широко распространилось и, если бѣ инквизиція съ своими кровавыми мѣрами запоздала телько десятью годами, вся Испанія приняла бы лютеранство.

*) Францискъ Энчинсасъ свой переводъ Новаго Завѣта напечаталъ въ Львовѣ, а Перецъ—Библію въ Генфтѣ: однакожь долгое время не приходилось привезти много экземпляровъ въ Испанію, потому что папа Юлій III въ буллѣ 1550 постановилъ строгія мѣры противъ такого ввоза. Семь лѣтъ спустя (въ 1557 г.), Юліанъ Гернандецъ, обыкновенно называемый, «малымъ Диаволомъ, человекъ хитрый, бывшій въ Генфтѣ корректоромъ въ типографіи, рѣшился провезти черезъ Пириней двѣ большія бочки, наполненныя переводами Библіи, и ему дѣйствительно удалось обмануть бдительность инквизиціонныхъ слугъ (его бочки были съ двойными днами) и благополучно доставить ихъ въ домъ одного ревностнаго протестанта въ Севилью.

Протестантскіе члены общины такъ умѣли хранить тайну своихъ вѣрованій и собраній, что до 1557 г. инквизиція ничего не открыла. Но тутъ одинъ шпіонъ, котораго она содержала въ Тенфѣ, донесъ ей, что въ Испанію послано значительное число еретическихъ книгъ, въ томъ числѣ и вышеупомянутый переводъ Библии. Разуѣтса, тогда горячо принялись отыскивать владѣльцевъ таковыхъ книгъ. Юліанъ *Германецъ*, о которомъ былъ слухъ, что онъ провозилъ Библии, первый былъ арестованъ. Его заключили въ мрачную тюрьму и въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ всѣми пытками, какія могла только изобрѣсть жестокость, заставляли его объявить имена своихъ соучастниковъ и единовѣрцевъ. Но онъ остался твердъ, и инквизиціи долго пришлось бы отыскивать лютеранъ, если бы жена одного вальядолидскаго золотыхъ дѣлъ мастера, по имени *Жуана Гарція*, по убѣжденію своего духовнаго отца, не донесла на своего собственнаго мужа и не указала мѣста, гдѣ происходили тайныя собранія протестантовъ. Такимъ образомъ страшный трибуналъ получилъ точку опоры и въ нѣсколько дней въ Вальядолидѣ болѣе двухъ сотъ, а въ Севильѣ за восемь сотъ подозрѣваемыхъ въ ереси отведены были въ темницы инквизиціи. Это было въ 1558 г., и папа Павелъ IV, жестокий и неумолимый гонитель лютеранъ, издалъ отъ 15 февр. 1558 г. бреве, въ которомъ генераль-инквизитору Испаніи Фернандо Вильдицу поручалось, „безъ всякаго разбора, истреблять всѣхъ протестантовъ, даже друзей, хотя бы они были епископы, архіепископы, патріархи, кардиналы, или бароны, графы, маркизы, герцоги, принцы, короли и императоры.“ Великій инквизиторъ, съ обычнымъ ему изувѣрствомъ, приступилъ къ выполненію этой инструкціи, а свѣтская власть всѣми способами помогала ему въ этомъ, потому что на испанскомъ престолѣ сидѣлъ тогда бездушный тиранъ Филиппъ II. Хотѣли показать свѣту примѣръ, что можно въ государствѣ истребить всѣхъ еретиковъ.

Два года нужно было употребить инквизиціи, чтобы окончить свои необходимыя приготовленія. А съ 1560 г. эти страшныя судилища вѣры открыли свои дѣйствія, извѣстныя подъ названіемъ „Auto-da-fes. Названіе „Auto-da-fe“ происходитъ отъ латинскаго Actus fidei, и означаетъ по идеи „дѣйствіе вѣры“,

а на дѣлѣ—сожиганіе на кострѣ живыхъ или мертвыхъ еретиковъ. Такія „дѣйствія“ обыкновенно совершались по воскреснымъ днямъ, и разыгрывались всегда на большой городской площади. Рано утромъ раздавался глухой звонъ большаго колокола соборной церкви; это было сигналомъ, что начинается страшное представленіе. За тѣмъ инквизиторы отправлялись въ темницы для „облаченія“ осужденныхъ на смерть. Всѣмъ имъ надѣвалась длинная мантия изъ желтой матеріи, называемая „Sanbenito“, съ тѣмъ однакожъ различіемъ, что на sanbenito предназначавшихся къ задушенію прежде сожженія, изображалось пламя горящее „внизъ“, а санбенито осужденныхъ къ сожженію живыми, покрывалось изображеніемъ пламени направляющагося „вверхъ“, а около пламени черти съ факелами. Также замасловато разрисованы были и высокія, остроконечныя, картонныя шапки, возлагавшіяся на головы осужденныхъ, потому что чрезъ ауто-да-фа предполагалось представить нечто иное, какъ день послѣдняго суда. По окончаніи облаченія, когда соберется все гражданское и духовное вѣдомство въ залы инквизиціонной палаты, начиналась процессія. Впереди шель отрядъ солдатовъ, за ними соборъ священниковъ въ ризахъ и пѣвчіе, потомъ осужденные съ крестомъ въ рукѣ и при нихъ по два монаха, за осужденными слѣдовали мѣстные власти, судьи, чиновники и дворяне на коняхъ верхомъ, потомъ остальное духовенство, и за ними въ торжественномъ медленномъ шествіи члены „*asoci officii*“, предводимые своимъ фискаломъ, съ краснымъ знаменемъ инквизиціи, шествіе замыкали такъ называемые *Familiages*, или чиновники тайныхъ порученій при инквизиціонномъ трибуналѣ, верхами. Торжественное шествіе направлялось къ городской площади, гдѣ должна была совершаться казнь; тутъ устраивались большія подмостки, на которыхъ могли бы помѣститься многія тысячи зрителей, потому что для добрыхъ испанцевъ составляло истинное наслажденіе смотрѣть на такого рода казни; они увлекались ими также, какъ другіе народы операми, или праздничными играми.

Первое ауто-да-фе было 21 мая 1559 г. въ Троицынъ день, именно, въ „богоспасаемомъ“ городѣ Вальядолидѣ, въ присутствіи наслѣдника испанскаго престола, Донъ-Карлоса, вдов-

ствующей королевы Иоанны и нѣсколькихъ тысячъ знатныхъ лицъ. Цѣлыхъ восемь часовъ, именно съ 6 утра до 2 по полудни, употреблено было на церемонію казни четырнадцати приговоренныхъ къ сожженію (шесть женщинъ и восемь мужчинъ) принадлежавшихъ къ высшему сословію. Другое кровавое зрѣлище этого рода, при которомъ опять присутствовало множество знатнѣйшихъ особъ, весь дворъ, съ королемъ Филиппомъ II во главѣ, было отпраздновано полгода спустя, именно 8 октября 1559 г. и тоже въ Вальядолидѣ; съ этихъ поръ дѣйствія вѣры стали повторяться чаще и чаще, не въ Севильѣ только и въ Вальядолидѣ, но и въ другихъ городахъ Испаніи, гдѣ оказывались еретики. Всего торжественнѣе отправлялись ауто-да-фе въ Севильѣ; тутъ рѣдко приходилось казнить менѣе тридцати или сорока еретиковъ за разъ, большею частію изъ высшаго селловія. Ересъ ограничивалась одними міранами, многіе члены высшаго духовенства, изъ числа котораго двадцать пять докторовъ богословія, восемь епископовъ и одинъ архіепископъ (именно толедскій *Варроломей де Караяца*—и *Миранда*), должны были предстать предъ страшный трибуналъ, конечно, не за то, что они были дѣйствительными и постоянными лютеранами, а только за то что, въ томъ или другомъ пунктѣ вѣроученія, нѣсколько уклонялись отъ истаго католичества.

Къ 1570 г., послѣ того какъ въ двѣнадцати городахъ отпраздновано было около 150 ауто-да-фо, окончательно подавлено было протестанство въ Испаніи, и съ того времени оно никогда уже (наружно) не возникало и, если въ 1680 г., въ описаніи одного, къ торжеству бракосочетанія испанскаго монарха Донъ-Карлоса II съ Марією Луизою Бурбонъ приготовленнаго „Auto-da-fe“ и упоминается въ числѣ ста восемнадцати обреченныхъ на жертву, имя одного протестанта, то это былъ бѣжавшій иностранецъ, котораго портретъ только и былъ преданъ пламени.

Со всѣми другими послѣдствіями сопровождалось искорененіе протестанства въ испанскихъ Нидерландахъ. Когда Филиппъ II хотѣлъ и сюда ввести инквизицію, чтобъ убить и здѣсь, какъ въ Испаніи, всякую свободу совѣсти, пробудилась ярость народа и открылась революція, которую король не могъ

смирить, не смотря на храбрость своих многочисленных войск и на страшныя жестокости. Въ 1567 г. онъ послалъ туда достойнаго своего генерала, кровожаднаго герцога *Амбу*; подъ топорами его палачей пали головы не только нѣсколькихъ тысячъ простаго народа, но и благороднѣйшіе и знатнѣйшіе дворяне. погибли на эшафотѣ, этотъ извергъ учредилъ, такъ называемый „*кловасый советъ*“, которому должны были подчиняться всѣ вѣдомства и, воспламененный папой, который далъ ему титулъ, „защитника католической вѣры“ и пожаловалъ его священною шляпою и шпагой,—велѣлъ въ одномъ Брюсселѣ казнить на площади болѣе *восемнадцати тысячъ* человекъ, а число протестантовъ, казненныхъ имъ въ остальныхъ провинціяхъ простиралось до ста тысячъ. Слѣдствіемъ этихъ изуверствъ было то, что Нидерланды отпали отъ Испаніи, а послѣдняя поплатилась лучшими своими войсками, впала въ страшныя долги, простиравшіеся до 800 милліоновъ піастровъ, и низшла въ разрядъ державъ второстепенныхъ.

5) Истребленіе протестанства въ Италіи.

Невѣроятнымъ кажется, чтобы протестанство могло проникнуть въ Италію—центръ и резиденцію папства, и однакожъ оно проникло туда, хотя конечно, не въ такомъ размѣрѣ, какъ во Францію, Англію и Германію. Уже въ самомъ началѣ Лютера дѣла, различныя сочиненія Меланхтона, Лютера, Цвинглія и др. реформатовъ, провезены были тайно за Альпы и переведены на итальянской языкъ **); впрочемъ онѣ не проникли въ народъ собственно, а обращались только въ кругу образованныхъ и ученыхъ. Но когда флорентинецъ *Антоніо Брючиоли* перевелъ Библію и въ 1530 г. напечаталъ ее въ Венеціи, книга эта съ жадностію была пріобрѣтаема простымъ народомъ и горожанами, и спросъ на нее былъ такъ великъ, что она не только выдержала нѣсколько изданій, но и въ скоромъ времени потребовались новые переводы ея, которые изданы

*) Чтобы обмануть бдительность инквизиціи, итальянцы употребили такую предосторожность: реформатскія сочиненія издавали они подъ вымышленными именами: такъ напр. Меланхтонъ назывался у нихъ «господинъ впофилъ изъ черной земли. Цвинглія Corriellus Godelius, Мартинъ Бударъ Agetius Félinus, а самъ Лютеръ кардиналъ Фрегово.»

были *Фра-Цаккарио*, *Филитто* *Русичи* и др. Сверхъ того, во время итальянскихъ походовъ Карла V, много перешло за Альпы протестацтовъ, которые не пропускали случаевъ проводить въ публикѣ свои религіозные взгляды. Такимъ образомъ случилось, что „гнусная ересь“ распространилась въ самой отчизнѣ папства; и папа Климентъ VII писалъ въ 1530 г., что онъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ узналъ, что богопротивное ученіе Лютера во многихъ странахъ Италіи заразило не только мірянъ, но даже священниковъ и монаховъ въ такой сильной степени, „что многіе изъ послѣднихъ и другимъ передаютъ сразу, какъ въ частныхъ бесѣдахъ, такъ и въ своихъ проповѣдяхъ.“ Въ скоромъ времени образовались настоящія протестанскія общины, члены которыхъ собирались въ частныхъ домахъ для совершенія тамъ своего богослуженія, такъ напр. въ городѣ *Фазнца*, въ *Моденѣ*, во *Флоренціи*, въ *Болоньи*, въ *Венеціи*, въ *Миланѣ*, въ *Луккѣ* и наконецъ въ *Неаполь*, а также и на остр. *Сициліи*. Словомъ, произошло всеобщее движеніе въ пользу евангелической свободы, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если кардиналъ *Караффа* (впослѣдствіи папа Павелъ IV) докладывалъ папѣ Павлу III, что если не будутъ употреблены быстрыя и рѣшительныя мѣры, то нужно опасаться всеобщаго отпаденія отъ церкви. Это было въ 1542 г., какъ теперь не замедлилъ въ полномъ всеоружіи выступить противъ распространителей и исповѣдниковъ евангелическаго ученія. Первымъ средствомъ, которымъ можно было, по мнѣнію папы, уничтожить протестацтво, была инквизиція въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ Италіи съ давняго времени; были инквизиторы, т. е. такіе люди, обязанностью которыхъ была доносить на еретиковъ; но они были въ зависимости отъ епископовъ, а эти послѣдніе сами уже разбирали подобныя дѣла. Итальянскіе инквизиторы не составляли еще есобаго вѣдомства, тѣмъ болѣе не имѣли они независимаго суда, какъ въ Испаніи. Римская курія видѣла; что только установленіе такого трибунала, какой дѣйствовалъ въ Испаніи, можетъ спасти Италію отъ наплыва ереси и папа Павелъ III, буллою отъ 1 апр. 1548 г., основалъ въ Римѣ „*Congregatio sacri officii*“ съ шестью кардиналами, въ качествѣ генераль-инквизиторовъ, поставляя въ то же время правиломъ, что отнынѣ только этому судилищу бу-

детъ подлежать разслѣдованіе и сужденіе по дѣламъ относительно еретиковъ. Разумѣется, новоучрежденный трибуналь не замедлилъ вступить въ дѣятельность и завелъ для этого во всей Италіи „мѣстные трибуналы.“ Ни одно государство на всемъ полуостровѣ не воспротивилось новымъ учрежденіямъ, даже Венеція съ Неаполемъ; послѣднія двѣ только выговорили себѣ неважныя ограниченія. Послѣ этого всюду начались аресты и истязанія, наведшія такой ужасъ, что всякій кто только хотъ въ душѣ сознавалъ себя приверженцемъ реформаціи старался поскорѣй убѣжать въ Швейцарію или Германію. И не смотря на это темницы переполнились, потому что по всемъ итальянскимъ государствамъ и городамъ шныряли ловкіе и фанатическіе шпіоны, которые, бывъ снабжены рекомендательными письмами отъ высокихъ особъ, проникали во всѣ лучшіе дома въ качествѣ друзей и доносили инквизиторамъ обо всемъ, что видѣли и слышали. На первыхъ порахъ, впрочемъ, ограничивались тѣмъ, что заподозрѣнныхъ въ ереси заключали въ тюрьму, въ надеждѣ, различными пытками и содержаніемъ въ глубокомъ и мрачномъ уединеніи довести ихъ до отреченія отъ ереси. Но съ 1550 г. стали находить, что такая процедура слишкомъ продолжительна и снисходительна и обратились „къ сожженіямъ“, точно такъ, какъ было это въ Испаніи и другихъ мѣстахъ *). Мы не намѣрены рассказывать объ отдѣльныхъ казняхъ,—тѣмъ менѣе называть по именамъ всѣхъ тѣхъ, которые подъ муками пытки испустили духъ; это былъ бы трудъ безконечный; мы должны удовольствоваться повѣст-

(*) Въ одной Венеціи не сожигали еретиковъ; а точили ихъ; но таинственность, съ какою совершаема была казнь, еще большій возбуждала ужасъ, чѣмъ сожаленіе. Обреченнаго на смерть въ полночь выводили изъ его тюрьмы, заткавали ему ротъ, ложили въ гондолу и вывозили въ открытое море, гдѣ ждало жертву уже другое судно. Тутъ сковывали осужденному руки, а къ ногамъ его прикрѣпляли тяжелый камень, съ одной гондолы на другую перекладывали доску, на которую ставили осужденнаго и давали потомъ знать гребцамъ разтѣзаться въ разныя стороны. Доска тотчасъ падала въ воду и стоящій на ней погружался въ бездну. Такимъ способомъ казнено въ Венеціи не мало протестантовъ, между которыми были люди и очень значительные, напр. «Юліи Гвиримандо, Антонію Риччетто, Франческо Спиннола,» одинъ священникъ и достопочт. «братъ Бальдо Луцеттино», за котораго ходатайствовали, хотъ и тщетно, многіе нѣмецкіе князья.

вованіемъ только о главныхъ князяхъ. Напр. въ Калабріи было два города, *Санто-Ристо* и *Ла-Гуардія*, заселенные исповѣдниками евангелической вѣры, въ числѣ около четырехъ тысячъ (это были потомки древнихъ вальденсовъ). Въ 1550 г. они обращались въ Генфѣ, чтобы получить оттуда протестанскаго учителя; но объ этомъ провѣдало „*sacrum officium*“ въ Римѣ, имѣвшее вездѣ своихъ шпіоновъ, и тотчасъ послало двухъ инквизиторовъ, *Валеріо Мальфичино* и *Альфонсо Урбино* въ Калабрію для искорененія тамошней ереси. Лишь только прибыли инквизиторы на мѣсто назначенія, какъ потребовали изъ Неаполя полкъ солдатъ, отправились въ Санто-Ристо, потребовали, чтобы жители отреклись отъ ереси, и когда эти не согласились, напали на нихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ то же время они велѣли зажечь городъ со всѣхъ четырехъ концовъ и позволяли солдатамъ грабить, безчестить и убивать, такъ что только очень не многимъ удалось бѣжать въ горы, гдѣ они впрочемъ, въ скоромъ времени умерли отъ голода. Такая же точно участь досталась и городу Ла-Гуардія, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь большую часть, особенно женщинъ, не просто убивали, но предварительно мучили, напр. ихъ сбѣли желѣзными прутьями, пока изъ нихъ выходили внутренности, или намазывали тѣло смолою, зажигали, и онѣ такимъ образомъ изжаривались. Съ такою жестокостію поступлено было съ калабрійскими еретиками, но это еще, такъ сказать, ласково въ сравненіи съ тѣмъ, что выказалъ въ 1560 г. *маркизъ Брунчиччи*, владѣтель Монтеято, противъ своихъ протестанскихъ подданныхъ. Этотъ *благородный* папистъ обѣщалъ папѣ переловить и перебить всѣхъ лютеранъ въ своемъ помѣстьи, подъ условіемъ, что папа за это сдѣлаетъ его брата кардиналомъ. Заключивъ такой контрактъ съ папой, онъ велѣлъ не только посадить въ тюрьму сто шестнадцать мужчинъ и дѣтей, но и перепробовать надъ ними всевозможные роды казней. Многие были повѣшены на деревьяхъ по большой дорогѣ, другимъ оторваны головы, иные четвертованы, или распилены по поламъ, нѣкоторыхъ бросали съ высокой скалы, такъ что они разбивались въ дребезги. Восемдесятъ восемь человекъ загнали въ одинъ домъ, за тѣмъ вошелъ туда палачъ, вытащилъ одного, велѣлъ ему преклонить колѣна и перерѣзалъ ему горло ножомъ.

Порѣшивши одного, взявъ въ зубы окровавленный ножъ, опять вошелъ въ домъ и вытащилъ другаго, чтобы зарѣзать, какъ перваго. Такъ продолжалъ онъ свое дѣло, пока перерѣзалъ всѣхъ восемьдесятъ восемь. Всему этому трудно было повѣрить, если бы эти подвиги были описываемы не католическими писателями.

Всего жесточе поступлено съ еретиками въ самомъ Римѣ, потому что тамъ съ 1560 по 1568 не проходило ни одного дня безъ казни нѣсколькихъ еретиковъ; ихъ либо вѣшали, либо сожигали, либо обезглавливали, и при всемъ томъ всѣ тюрьмы такъ были ими переполнены, что понадобилось строить новыя. По временамъ, впрочемъ, выходили и милостивые манифесты, состоящія въ томъ, что инога, вмѣсто сожженія, удавливали, какъ это было съ извѣстнымъ *ди-Монти*, заплатившимъ за такую милость 7,000 кронъ. Не рѣдко смертныя казни были и изысканы, какъ напр. *Гамацио Трещио* сначала повѣсили было, и когда онъ былъ уже полузадушенъ, его сняли съ висѣлицы, снова привели въ чувство и бросили въ огонь, гдѣ онъ буквально былъ изжаренъ; такими и другими подобными средствами достигли торжества надъ ересью и въ концѣ шестнадцатаго столѣтія не осталось во всей Италіи ни одного лютеранина, хотя атеистовъ и издѣвающихся надъ религіею было множество.

Вотъ краткій очеркъ *спротерпимости* папъ относительно еретиковъ во всѣ времена, начиная съ появленія ересей въ западной церкви, т. е. съ девятаго и десятаго вѣка. Одинаковымъ образомъ они дѣйствовали во всѣхъ государствахъ, гдѣ только признавалась ихъ власть, т. е. жгли ихъ и въ Богеміи, и въ Англіи, и во Франціи, и въ Испаніи, и въ Италіи и т. д. Но вотъ уже не мало прошло времени, когда гоненія и прекратились: покрайней мѣрѣ давно уже не проповѣдуются противъ еретиковъ крестовныя походы, давно уже не пылаютъ инквизиціонныя костры. Чему же приписать такую счастливую перемену въ дѣйствіяхъ и сердечныхъ расположеніяхъ папъ? Можетъ быть они убѣдились наконецъ, что и тѣ, которыхъ они называли еретиками и сизматиками, въ нѣкоторыхъ отноше-

Отдѣлъ II.

нѣхъ братья ихъ, достойные если не любви, то по крайней мѣрѣ снисхожденія? Едва ли причины такой перемѣны нужно искать въ томъ, что значеніе папъ съ теченіемъ времени падало и падало, что, наконецъ, во времена французской революціи, съ самымъ многомогущимъ главою римской церкви, предъ которымъ когда-то трепетали народы и владыки земли, случилось маленькое пѣасо: республиканцы французы, согласившись съ недовольными подданными папы, ввели свои *святотатственные* войска въ самую Церковную Область, и, о ужасъ, о соблазнъ! 15 февраля 1798 г. Римъ провозглашенъ былъ республикой, самаго престарѣлаго папу *Пія VI* взяли въ плѣнъ и, какъ обыкновеннаго смертнаго переводили изъ города въ городъ: сначала привели его въ Сіену, потомъ во Флоренцію, наконецъ, чрезъ Альпы въ Валансъ на Донѣ, гдѣ онъ 29 августа 1799 г. и умеръ въ крайней бѣдности *), казалось, послѣ этого, что блескъ папскаго всемогущества померкъ навсегда, что папское величіе рухнуло съ своего пьедестала. И дѣйствительно, ударъ, нанесенный имъ революціонерами и республиканцами былъ такъ чувствителенъ, что почти цѣлый годъ прошелъ по смерти *Пія VI*, а престолъ папскій не былъ занятъ никѣмъ. Наконецъ 14 мая 1800 г. въ лицѣ кардинала епископа *Григорія Варнави Хіорамонти*, принявшаго имя *Пія VII*, свѣтъ опять увидѣлъ папу, но уже папу безмолвнаго, смиреннаго, кроткаго, потому что Римъ съ Церковною Областью, княжество Авиньонъ, графство Венессенъ были въ рукахъ французовъ, а въ остальныхъ европейскихъ государствахъ папскій санъ утратилъ всякое значеніе.

Но вотъ счастливый Бонапарте, послѣ побѣды при *Маренно*, дѣлается самовластнымъ распорядителемъ судебъ Италіи. Онъ-то смѣлился надъ несчастнымъ папой, оставленнымъ всѣми, и возвратилъ ему часть принадлежавшихъ правъ. Съ удивленіемъ спросить иной, съ какой стати было Наполеону покровительствовать папѣ; ужели Бонапарте былъ такой „вѣрный сынъ церкви,“ такой благоговѣнный почитатель первосвященника римскаго? Дѣло объясняется просто. Первый консулъ задумалъ уже сдѣлаться императоромъ и потому желалъ сохра-

*) Все имущество его состояло изъ небогатаго платья и 50 франковъ, да и тѣ мѣръ Валанса объявилъ достоинствомъ народа.

А ежели вѣрно то, что „якъ святъ святомъ, такъ папистъ не будетъ православному братомъ,“ то не пожелать ли намъ, чтобъ хоть родные наши братья галичане, холмцы и люблинцы, согласно съ собственнымъ ихъ желаніемъ, возвратились къ намъ и соединились съ нами, а паписты-поляки, подобно безпріютнымъ евреямъ, пускай себѣ ищутъ отчизны гдѣ-нибудь въ р. католическихъ націяхъ?

Нѣтъ, лучше будемъ надѣяться на власть Божию, соединяющую разрозненное и располагающую временами и всѣмъ, что происходитъ во времени. Придетъ пора: речеть,—и будетъ?—

г. Нѣживъ.

нить мирныя отношенія къ церкви, или лучше къ высшему духовенству, надѣясь найти въ немъ поддержку въ потребномъ случаѣ. Въ этихъ видахъ, онъ въ 1801 г. заключилъ съ Піемъ VII конкордаты и сдѣлалъ его опять обладателемъ Церковной Области. Конечно, папа былъ въ высшей степени благодаренъ, онъ даже благоговѣлъ предъ своимъ благодѣтелемъ, рассчитывая, при посредствѣ могущественнаго любимца счастья, будущаго императора возвратить себѣ прежнее значеніе и прежній блескъ. Онъ называлъ Бонапарте „возстановителемъ католич. религіи, защитникомъ вѣры, спасителемъ церкви,“ учредилъ даже въ честь его особый праздникъ, „праздникъ св. Наполеона“ и, по приглашенію перваго консула, принявшаго уже титулъ императора, съ подлѣйшею готовностію отправился самъ въ Парижъ на коронацію свѣжаго императора. Расчеты и надежды папы не оправдались. Съ окончаніемъ обряда помазанія кончились и мирныя отношенія императора къ папѣ. Хотя Наполеонъ и не оскорблялъ лично первосвященника, однакожъ далъ ему почувствовать, что теперь уже не нуждается въ папѣ, что послѣдній можетъ отправляться домой, избавленный отъ заботъ управленія духовными дѣлами Франціи и свѣтскими въ Италіи, что ему, „изъ милости“ только оставляется одна Церковная Область, а на прочіе престолы, зависѣвшіе отъ папы, посажены Наполеоновы родственники. Возвратившись въ свою область, папа пытался было не признать новыхъ итальянскихъ королей въ ихъ достоинствѣ, вступилъ даже въ союзъ съ врагами Наполеона, англичанами, не смотря на то, что они были *еретики*, и открылъ для нихъ свои гавани, чѣмъ хотѣлъ разстроить любимое созданіе Наполеоново континентальную систему. Такія дѣйствія папы ожесточили французскаго императора, и онъ велѣлъ генералу *Миомсу* вступить въ Римъ съ войскомъ. Вслѣдъ за тѣмъ папскія провинціи *Урбино*, *Анкона*, *Мацерата* и *Камерино* присоединены къ итальянскому королевству. Папа, разумѣется, протестовалъ и запрещалъ итальянскимъ епископамъ исполнять французскіе приказы, и даже такъ далеко зашелъ, что, за насильственное отнятіе части Церковной Области, въ своемъ бреве отъ 3-го августа 1800 г. грозилъ императору, какъ будто это было во времена Григорія VII, отлученіемъ и интердиктомъ.

Такая дерзкая и анахроническая угроза произвела дѣйствіе какого не ожидалъ папа. Прочитавъ бреве, Наполеонъ, 17 мая 1809 г., однимъ почеркомъ пера присоединилъ и послѣдній остатокъ Церковной Области къ итальянскому королевству, а Римъ объявилъ вольнымъ имперскимъ городомъ, папѣ же и кардиналамъ назначилъ изъ своей казны пожизненные пенсіи. Въ отвѣтъ на это; папа, запершись въ замкѣ св. Ангела, разразился громовыми буллами отъ 9 и 10 іюля 1809 г., въ которыхъ предавалъ проклятію и Наполеона и всѣхъ соучастниковъ его, „расхитившихъ наслѣдіе Петрово.“ Императоръ не вынесъ личнаго оскорбленія, и, по повелѣнію его, генераль *Радець* арестовалъ папу въ замкѣ св. Ангела, и когда этотъ не согласился отречься отъ своей буллы, препроводилъ его сначала во Флоренцію, оттуда въ Туринъ, потомъ чрезъ Монтъ—Сенясъ, въ Гренобль, и наконецъ въ Савону, гдѣ его содержали какъ плѣнника. Такъ во второй разъ, въ такое короткое время пришлось папамъ испытывать униженіе оскорбительное и для обыкновеннаго смертнаго.

Но и Наполеонъ, бывшій сначала благодѣтелемъ, а потомъ неумолимымъ гонителемъ Пія VII, по требованію союзныхъ государей, 7 апр. 1814 г. самъ долженъ былъ отречься отъ престола. Чтобы возвратить Европѣ внутренній миръ, нарушенный революціею и самовластіемъ Наполеона, нужно было дать ей тотъ внѣшній видъ, какой она имѣла до революцій, пужно было возвратить законнымъ династіямъ утраченныя императорныя троны и устранить по возможности республиканскія учрежденія. Такими были начала, положенныя въ основаніе мирныхъ переговоровъ на вѣнскомъ конгрессѣ.

Возвращаясь изъ плѣна, Пій VII не замедлилъ заявить предъ вѣнскимъ конгрессомъ и о своихъ желаніяхъ; въ письмѣ къ императору Францу онъ писалъ между прочимъ: „не властолюбіе и желаніе приобрѣтеній, а забота о пользахъ религіи и исполненіи нашихъ обязанностей къ Богу, къ церкви и къ народу, особенно же данныя нами при вступленіи нашемъ на пресвященнической престолъ клятвы управлять, запрещать и оберегать владѣнія апостольскаго престола, строго обязываютъ насъ *требовать обратно* нашихъ государствъ, потому что они не личное наше наслѣдство, но наслѣдіе св. Петра, дан-

ное ему отъ Бога, для того, чтобы небесная сила свободно и безпрепятственно управляла душами и сохранялось бы единство во всемъ тѣлѣ церкви, раздѣленномъ на множество непріязненныхъ другъ другу членовъ“. Съ подобными же заявленіями обращался папа и къ иновѣрнымъ государямъ, засѣдавшимъ непосредственно и посредствомъ на конгрессѣ, и заявленія эти, какъ согласныя съ главнымъ началомъ, которое было положено въ основаніе предположеннаго умиротворенія Европы, были приняты въ уваженіе, вслѣдствіе чего Пій VII 24 мая 1814 г. снова вступилъ въ свою столицу, снова сталъ государемъ Церковной Области.

Получивъ одно, папа не замедлилъ чрезъ своего легата *Конвалья*, потребовать и полнаго восстановленія Церковной Области въ ея древнихъ предѣлахъ, полнаго восстановленія своего вліянія на дѣла Европы. „Священная Римская исторія, какъ средоточіе политич. единства всѣхъ христіанскихъ государствъ“, говорилъ онъ чрезъ своего легата, „должна быть немедленно восстановлена; имущества, отнятыя у монастырей, должны быть имъ возвращены; свѣтскія владѣнія, отторгнутыя отъ епископовъ, должны быть отданы обратно прежнимъ владѣльцамъ, преимущественно же Франція обязывается возвратить папѣ Авиньонъ и съ Внесеномъ. „Словомъ папѣ хотѣлось возвратить средневѣковыя времена со всѣмъ значеніемъ и блескомъ, какой имѣли тогда римскіе первосвященники. И если бы желанія его исполнились, то не замедлила бы повториться вся средневѣковая исторія, съ крестовыми походами на еретиковъ, съ инквизиціонными костюмами и тому подобными ужасами.

Что такое предположеніе справедливо, въ этомъ удостоверяетъ насъ образъ дѣйствования папъ въ Церковной Области, гдѣ они остаются полновластными хозяевами. Во первыхъ они восстановили „*приснопамятный*“ орденъ іезуитовъ, называя ихъ (выраженіе буллы Пія VII отъ 7 авг. 1814 г.)“ надежными, искусными и опытными кормчими для корабля Петрова, обуреваемого войнами. „И не въ своемъ только государствѣ хотѣли они видѣть іезуитовъ, но и во всей Европѣ, потому что въ упомянутой буллѣ, послѣ прославленія учености и даже „нравственности и религіозности“ членовъ ордена, не-

мало говорится о единодушномъ (такое единодушіе существовало конечно только въ воображеніи папы) желаніи государей и всего католическаго міра возвратить іезуитовъ, говорится, что vox populi есть уже vox Dei. Для чего же дѣлалось это, какъ не для того, чтобы при посредствѣ генерала ордена знать всѣ сокровенныя тайны всѣхъ царствъ и царей и сообразно этому дѣйствовать? Папы возстановили, во вторыхъ, и инквизицію. Уже въ августѣ тогоже самаго года, когда Пій VII возвратился изъ своего плѣна, назначенъ былъ имъ высшій инквизиторъ, съ подчиненными ему чиновниками. Инквизиторскому суду подчинены были слѣдующія преступленія: богохульство, безнравственность, оскорбленіе церкви, неуваженіе праздниковъ, несоблюденіе постовъ, отпаденіе отъ вѣры. Въ генеральномъ едиктѣ, изданномъ 14 мая 1829 г. сказано, что суду инквизицій подлежатъ всякій имѣющій у себя книги еретическаго содержанія, также кто дѣломъ, или словомъ, даже жестомъ оскорбляетъ инквизиціонныхъ служителей и шпионовъ, кто слышитъ и видитъ оскорбленія и не доноситъ священной оффиціи. Такой то судъ старались ввести папы и во всѣхъ государствахъ. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ старанія ихъ не были безуспѣшны. Такъ напр. *испанскій* король Фердинандъ VII, *по благодетію* своему, не смѣлъ прекословить желанію папы, завелъ у себя сначала инквизиціонную юнту, а потомъ и во всей полнотѣ страшный трибуналъ, который отправлялъ обычную свою дѣятельность до 1835 г., когда, по требованію кортесовъ, судилище это было уничтожено. И въ другихъ подручныхъ государствахъ, по желанію папы, завелись опять инквизиціонные суды, напр. въ *Сардиніи*, *Моденѣ* и *Тосканѣ* и существовали тамъ до исхода сороковыхъ годовъ, когда народъ рѣшительно потребовалъ и настоялъ на ихъ уничтоженіи. Если мы предположимъ себѣ, что папамъ удалось бы во всѣхъ государствахъ завести и поддержать инквизицію, то конечно новторилась бы снова вся средневѣковая исторія со всѣми пытками, кострами и другими ужасами.

Справедливость такого предположенія, кромѣ образа дѣйствій папъ, подтверждается и папскимъ ученіемъ. „Римская церковь“, писалъ папскій легатъ *Конзалъи*, по инструкціи папы, кардиналу *Капрарѣ* въ Парижъ въ 1814 г., когда еще про-

чно не утвердилось положеніе самаго первосвященника, „Римская церковь по самой сущности, должна отличатся нетерпимостію. Она может оказывать *терпимость* только къ язычникамъ, потому что они заблуждаются по невѣдѣнію, может терпѣть также и *евреевъ*, какъ свидѣтелей истины, но она не можетъ оказывать *терпимости* къ ереси, потому что ересь колеблетъ основанія общаго вѣрованія, возносится надъ церковію, не уважаетъ ея представителей во всѣхъ степеняхъ, зоветъ ее къ суду на основаніи слова Божія. Ересь въ своемъ дѣйствительномъ и истинномъ значеніи есть величайшее преступленіе. Если язычники оскорбляютъ Бога, то по невѣдѣнію, а еретики сознательно извращаютъ истину; если евреи тѣлесно распяли Христа, то еретики распинаютъ Его таинственное тѣло-церковь. Поэтому вполне становится понятною *нетерпимость*, которую церковь выражаетъ во всѣхъ своихъ постановленіяхъ противъ ересей, и особенно въ буллѣ, *In coena Domini*, тѣ жестокія выраженія, которыми она постоянно ее обозначаетъ, тѣ строгія наказанія, которыя она употребляетъ противъ еретиковъ, передавая ихъ, по осужденіи, свѣтской власти, и требуя, чтобы послѣдняя законами и оружіемъ помогала церкви въ истребленіи ереси. И *схизму* считаетъ церковь точно такимъ же тяжкимъ преступленіемъ какъ и ересь, и одинаково къ ней относится.“

Если такія намѣренія выражаетъ папскій органъ въ то время, когда еще положеніе самаго папы не установилось, или правильнѣе не возстановилось, то что сказать, если бы какими нибудь счастливыми (точнѣе несчастными) обстоятельствами дѣйствительно удалось папамъ возвратитъ себѣ прежнее значеніе?! Въ такомъ случаѣ войны и походы, пытки и костры свирѣпствовали бы до тѣхъ поръ, пока не осталось бы во всемъ мірѣ, въ смыслѣ ультрамонтанскомъ ни одного еретика, ни одного схизматика.

Вотъ какова *въротерпимость* папъ!

—Б.

Новгородъ.
15 сентября 1868 г.

III.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ И СООБРАЖЕНІЯ.

Теперь на всемъ пространствѣ нашей благословенной Россіи уничтожается черезполосность поземельныхъ имѣній. Межевыя комиссіи работаютъ безъ усталы: снимаютъ на планъ земли, дѣлаютъ нарѣзки участковъ, округляютъ и объединяютъ собственность каждаго землевладѣльца. Необходимость такого размежеванья сознава такъ благо временно, и самое дѣло ведется такъ добросовѣстно, что всѣ землевладѣльцы, крупные и мелкіе, благословляютъ уничтоженіе черезполосности, которая доселѣ нерѣдко была причиною разныхъ дразгъ и столкновеній между сосѣдями и требовала затраты лишняго капитала и времени для обработыванія полей. Послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, уничтоженіе черезполосности есть такое важное дѣло, которое вполне заслуживаетъ обращеннаго на него вниманія.

Кромѣ поземельной черезполосности, бываетъ еще національная черезполосность, которая, для благоденствія людей, также должна быть, по возможности, вездѣ уничтожена. На полюбовную сдѣлку такихъ черезполосниковъ нельзя надѣяться, чему доказательствомъ служить то, что и поземельные черезполосники рѣдко какіе, и рѣдко когда сами успѣвали устраивать свои дѣла посредствомъ мировой сдѣлки. Всѣмъ нашимъ благосостояніемъ, всѣми улучшеніями мы обяваны власти, сперва Божіей, а потомъ того, чье сердце въ руцѣ Божьей. Слѣдовательно и уничтоженія національной черезполосности будемъ съ

довѣріемъ и любовью ожидать отъ власти. Придетъ пора: речетъ, и будетъ!—

Необходимость уничтоженія національной черезполосности естественнымъ образомъ возбуждаетъ историческія воспоминанія.

Печальной памяти „Рѣчь-Посполитая,“ обезчеловѣчивши свой простой народъ до степени рабочаго скота (быдла), оставалась безъ народа въ томъ смыслѣ, въ какомъ третируется народъ во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ. *Государство безъ народа...* такой необыкновенный уродъ возможенъ былъ только въ знаменитомъ своими безпорядками *королевствъ-республикѣ*. Хотя выродокъ народа, шляхта, называла себя преимущественно народомъ польскимъ; но каждый шляхтичъ, буяня *на своемъ оиродѣ, подобно воеводѣ*, хотѣлъ только повелѣвать, а не повиноваться, и потому сколько было въ Польшѣ шляхтичей, столько же (можно сказать) было и королей, а *народа* все таки не было, ибо „быдло—хлопы не были считаемы за людей въ истинномъ значеніи этого слова, а были *вещью*, рухлядью, „рухотостью,“ рабочею машиной безъ граждански нравственнаго значенія, безъ всякихъ правъ не только на разумно духовную, но даже и на физическую жизнь. Такая республика-королевство, очевидно, не могла существовать рядомъ съ другими благоустроенными державами. Вотъ—Польша и рухнула! съ 1795 по 1807 годъ даже имя ея было исключено изъ географіи.

При этой неизбежной катастрофѣ, приготовленной и доведенной до конца самими поляками, между сосѣдними государствами необходимо должно было произойти межеванье и наръзка земель; при чемъ къ Россіи примезеваны старинныя и природныя области ея: Бѣлоруссія съ Литвою, Минскъ, Волянь и Подоль. Свое возвратилось къ своему, родное къ родному; никакихъ неудовольствій не было; народъ почувствовалъ свой возвратъ къ человѣческому значенію, и убѣдился, что онъ у себя дома, что онъ уже не быдло. Сходство языка, одна и таже религія, одна и таже славянская кровь и общія историческія преданія быстро сплотили возвратившійся край въ одно физическое и нравственное цѣлое съ общей славянскою матерью Россіей. Однимъ словомъ: тутъ не только не было ничего похожего на черезполосность, но еще именно была уничтожена

самая неестественная и вредная черезполосность. Не такая судьба постигла тогда природную территорию бывшей Рѣчи-Посполитой съ ея жителями родовитыми поляками: они достались нѣмцамъ. Этой же участи подверглись, кромѣ русской Галиціи, и русская Холмщина, и русскій Люблинъ съ своимъ округомъ. Хотя отъ Галиціи была примежевана къ родной Россіи Тарнопольская область, но не надолго. Бура политическихъ перемѣнъ тогда безопадно портила грани земель, и производила непрестанную путаницу и перестановку на географической картѣ.

Послѣ укрощенія бурнаго духа той эпохи на скалѣ св. Елены, при послѣдовавшей за тѣмъ тишинѣ, древняя русская Холмщина и Люблинъ возвратились къ Россіи, но не прямо и непосредственно, какъ родное къ родному, а какъ части Царства Польскаго, уприсявшася въ подданство къ Александру Благословенному. Осуществилась пословица: „такъ—да не такъ;“ а русская Галиція, съ Тарнопольскою областю, остались во власти нѣмцовъ. Установился новый порядокъ вещей, который не только не вразумилъ поляковъ, но послужилъ для нихъ поводомъ къ разнымъ жалкимъ иллюзіямъ и мечтамъ. По приговору вѣнскаго конгресса, *Царство Польское поступлено въ нераздѣльный составъ Россійской Имперіи, съ неограниченнымъ правомъ всероссійскаго императора дать ему такое устройство, какое онъ найдетъ удобнымъ* (convenable). Но поляки по своему поняли и перетолковали это условіе своего существованія въ соединеніи съ Россіей: имъ показалось, будто Царство Польское присоединено къ Россіи именно для того, чтобъ оттянуть къ себѣ отъ Россіи древнія природныя области ея, Волинскую, Подольскую, всю Бѣлую Россію, и даже, если можно, Кіевъ съ его святынею, а потомъ, возвратившись въ границы 1772 года, поблагодарить Россію за хлѣбъ, за соль, и зажить по прежнему самобытною безурядицею. Въ этихъ иллюзіяхъ и затѣяхъ одно только вѣрно—*невольное сознаніе польской націи въ томъ, что она не можетъ иначе существовать, какъ только въ соединеніи съ Русью*. Жаль только, что Польша подъ именемъ соединенія всегда разумѣла подчиненіе себѣ всего и всѣхъ, и не можетъ помириться съ мыслью о соединеніи, указанномъ ей исторіей.— Будучи основана на беспорядкахъ (*Polska nieporządkiem stoi*), эта

несчастливая страна между многими причинами своей гибели должна считать и национальную череположность своих бывших владѣній. А потому, мечтая о границахъ 1772 года, она хотѣла бы возвратиться къ прежнимъ причинамъ своей гибели и снова переиспытать грозавую драму своей бурной жизни и жалкой смерти. Но случилось то, что должно было случиться: всякая череположность, и поземельная и национальная, непременно должна быть уничтожена: это законъ природы, которому противиться не должно и не возможно. Во время управленія графа Муравьева сѣверо-западнымъ краемъ Россіи, Холмская и Люблинская области сами просили объ отмежеваніи ихъ отъ бывшаго Царства Польскаго и о сплоченіи ихъ въ одно политическое тѣло съ родною и единокровною имъ Россіей. Восточная Галиція, населенная русскимъ народомъ, давно уже и громко вадыхаетъ объ этомъ. Въ пользу и даже въ поощреніе такихъ стремленій однородныхъ частей къ соединенію съ своимъ цѣлымъ говоритъ принятый и уважаемый въ Европѣ принципъ *національности*, противиться этому принципу значить одно и то же, что противиться слянію ручьевъ съ рѣкою, рѣкъ съ моремъ.

Потомки пресловутой Рѣчи Посполитой, наслѣдовавши послѣ нея привычку ко всевозможнымъ злоупотребленіямъ, хотѣли было сдѣлать злоупотребленіе и изъ принципа національности, заохотили посредствомъ подкупа нѣкоторые органы общественнаго мнѣнія въ Европѣ кричать, будгю сѣверо-западныя и юго-западныя области Россіи суть *польскій край, забранный*, потому что тамъ живутъ поляки. Но евреи гораздо болѣе, нежели поляки, имѣли бы права называть тѣ области *еврейскимъ краемъ*, потому что тамъ въ полтора почти раза больше живетъ евреевъ, чѣмъ поляковъ. Вотъ статистическія цифры о народонаселеніи, на примѣръ, юго-западнаго края Россіи: коренныхъ русскихъ жителей (малороссовъ, бѣлорусцевъ и великороссовъ), въ губерніяхъ Кіевской, Волинской и Подольской, состоитъ: 4018,690; сомнительнаго происхожденія поляковъ 483,767; а евреевъ 609,299 *). Спрашивается: какой же это

*) Эти цифры взяты нами изъ Кіевскаго народнаго календаря на 1868 годъ, а въ календарѣ перепечатаны изъ Атласа западно-русскаго края, составленнаго при министерствѣ внутр. дѣлъ 1864 года. Сожалѣемъ, что теперь нѣтъ у насъ подъ рукою цифръ о народонаселеніи сѣверо-западнаго края Россіи.

край русскій, польскій, или еврейскій?! Очевидно, что въ этомъ краѣ евреи и поляки пришельцы и странники. Тѣмъ полякамъ, которые будутъ имѣть основаніе утверждать, что они аборигены края, мы скажемъ, что они ренегаты, т. е. потомки старинныхъ русскихъ родовъ, переродившіеся въ поляковъ путемъ измѣны русской вѣры и народности. Сколько бы десятилѣтнихъ давностей еврей ни прожилъ на одномъ мѣстѣ, онъ все таки пришелецъ, и считаетъ отечествомъ своимъ Палестину: такъ точно и поляки западнаго края Россіи, гдѣбы они ни жили, и какъ долго бы ни жили, всѣми своими симпатіями тяготеютъ къ конгрессувкѣ; тамъ истинное отечество ихъ, а мы прибавимъ: туда имъ и дорога! Одно происхожденіе не составляетъ всего объема идеи, всѣхъ примѣтъ національности: есть еще двѣ коренныя принадлежности національности: языкъ и вѣра. Если и есть люди, которые утверждаютъ, что можно быть русскимъ, даже исповѣдуя римско-католическую вѣру, то это люди, незнеющіе закала папства и отношенія религіи къ народности. Надобно пожить между поляками западнаго края, чтобъ совершенно убѣдиться въ невозможности подобнаго сочетанія.

Евреи западнаго края, составляя неприятную національную череполосность народонаселенія, по крайней мѣрѣ не составляютъ поземельной череполосности. Это всегдашніе странники и всесвѣтные торгаши, для которыхъ, послѣ Палестины, тамъ отечество, гдѣ большая пожива. Они не пропагандируютъ, не навязываютъ сосѣдямъ ни своей религіи, ни своего польско-нѣмецкаго жаргона, ни своей національности, чего нельзя сказать о живущихъ тамъ полякахъ. Извѣстный указъ 10-го декабря, слава Богу и Государю, уже положилъ начало уничтоженію польской череполосности въ поземельномъ отношеніи; дай Богъ, чтобы дальнѣйшіе успѣхи русской цивилизаціи сгладили тамъ слѣды череполосности и въ національномъ отношеніи. Съ вліяніемъ польскаго языка не такъ трудно сладить, какъ прежде казалось. Изученіе и усвоеніе русскаго языка не составляетъ для поляковъ особенной трудности; многіе изъ нихъ уже говорятъ и пишутъ по-русски, а всѣ скоро начнутъ говорить и писать такъ правильно и хорошо, что трудно будетъ по языку отличить поляка отъ русскаго. Но,

къ несчастію, какъ происхожденіе, такъ и языкъ, еще не составляетъ полной національности. Казалось бы, что въ религиозномъ смыслѣ между нами и поляками не должно быть никакихъ непріятныхъ черезполосностей: и мы и они христіане, и у насъ и у нихъ одна вѣра, одинъ Богъ и Спаситель, одно крещеніе, но это *казалось бы*; между нами и ими стоятъ неодолимое средостѣніе, это римскій папа съ своею корыстолюбивою и властолюбивою пропагандою, вотъ гдѣ начало черезполосности. Если бы поляки исповѣдывали христіанскую вѣру не римско-папскаго обряда, тогда рѣшительно не было бы польской революціи ни 1831, ни 1863 года, не было бы самихъ поляковъ. Вся конгрессовка (не говоримъ уже о полякахъ ренегатахъ западнаго края Россіи) давно бы уже слилась въ одинъ живой организмъ съ Россіей, и удерживая при себѣ многія, достойныя уваженія, особености въ обычаяхъ, нравахъ, образѣ жизни, и въ языкѣ, сама охотно называлась бы *польскою Россіей*, подобно тому какъ другія части этого славянскаго міра называются, *великою, малюю, и бѣлою Россіей*. Божественная религія, проповѣдывающая миръ и любовь, не виновна въ отчужденіи отъ насъ нашихъ братьевъ—поляковъ: виновны злоупотребители религіи—ксендзы, не только не удерживаемые, но еще поощряемые папою къ возстанію и враждѣ противъ Россіи. Дѣйствія Фіалковскаго и Фелинскаго извѣстны. Церковный трауръ, церковныя манифестаціи, пѣніе въ костелахъ революціонныхъ гимновъ, обращеніе подваловъ ксенцельныхъ въ кухни и мастерскія для приготовленія революціоннаго оружія, и личное участіе, даже предводительство ксендзовъ въ мятежническихъ бандахъ... все это очень извѣстно, и хотя теперь прекратилось, но на долго ли? Въ этомъ поручиться никто не можетъ. И по укрощеніи бунта 1831 года мы думали, что все уже кончено, и что это грустное явленіе уже никогда не повторится; но 1863 годъ доказалъ противное. Фанатизмъ римско-папскаго католичества—вотъ самая главная и самая сильная стихія польской національности, и вотъ какая черезполосность самая вредная изъ всѣхъ возможныхъ черезполосностей.

Надѣяться ли намъ на успѣхи цивилизаціи, которая должна будетъ когда-нибудь устроить такъ, что всѣ эти вредныя черезполосности, вторгшіяся въ однородное сплошное населеніе Россіи, со временемъ сгладятся и исчезнутъ?—

IV.

Я Г А Й Л О .

Историческій романъ.

(Продолженіе *).

ЧАСТЬ 1-я

ГЛАВА 10-я.

Поята какъ орудіе заговора.

Быстро миновало знойное лѣто. Въ частыхъ ночныхъ похожденияхъ наши герой и героиня:—Ягайло и Поята,—не замѣтили какъ оно смѣнилось осенью и какъ, въ свою очередь, осень уступала мѣсто холодной зимѣ.

Въ это время почти каждую ночь Ягайло видѣлся съ Поятою, въ капищѣ Перкунуса, когда она была дежурной вайделоткой; но чаще въ его собственномъ покоѣ. Много тамъ клятвъ и сладкихъ рѣчей было сказано; много было поцѣлуевъ.

О любви Пояты и говорить нечего; — она любила первый разъ въ жизни, и потому чувства ея къ Ягайлѣ были безпредѣльны. Ягайло для нея сдѣлался божествомъ, передъ которымъ она трепетала и благоговѣла. При томъ же у нея не было другой—никакой — привязанности въ жизни. Родителей своихъ не знала она и ничего никогда о нихъ не слыхала; знала только то, что ее нашли груднымъ ребенкомъ на Лысой горѣ. Безродную сиротинку любила и голубила больше всѣхъ вайделотка Бармида, къ ней одной Поята была привязана, но только до тѣхъ поръ, пока въ ея молодой головѣ не созрѣла мысль, что и Бармида ей чу-

*) См. кн. 7 «Вѣст. Зап. Россіи»

жая. Послѣ этого, безъотчетная привязанность къ Бармидѣ сѣнилась осмыслѣнной благодарностью. Но и это чувство, послѣ того какъ криве-кривейто послалъ Бармиду въ храмъ Мѣдзіоимъ, съ каждыиъ днемъ уступало мѣсто равнодушію. Не съ кѣмъ ей было подѣлиться ни радостью, ни горестью, некому ей было передать свои грозы завѣтныя, свои мечты золотыя... У ней даже не было подругъ, потому что вайделотки, по ихъ суевѣрнымъ понятіямъ, считали ее проклятою Первунусомъ.

Нѣтъ у меня никого, ни родныхъ, ни подругъ. Всѣмъ я чужая, думала она иногда, и горько было ей такое сознаніе. Горечь эта понятна, всякій человѣкъ имѣетъ врожденную потребность быть не одинокимъ, а тутъ, какъ нарочно, все противъ нея...

Вотъ отъ того то она съ такою силою ухватилась за привязанность къ Ягайлѣ; отъ того такъ скоро и безпредѣльно полюбила его.

О Ягайлѣ же скажемъ, что будь другой на его мѣстѣ человѣкъ съ сильной волей и характеромъ, давно бы могъ сдѣлать изъ Поаты сперва хорошую христіанку,—а потомъ и добрую же-ну. Но Ягайло любилъ своеобразно,—хотя любилъ истинно. Онъ не спѣшилъ приступить къ исполненію данной клятвы, по весьма не многимъ причинамъ, которыя вытекали изъ его безхарактерности. Главная изъ нихъ была та, что онъ не былъ увѣренъ въ согласіи своей матери княгини Іуліаніи Александровны, а не сдержатъ клятвы онъ считалъ преступленіемъ противъ религіи, за что боялся кары Божіей. Онъ на столько любилъ и привыкъ къ Поатѣ, что ему казалось разстаться съ ней, не исполнивъ клятвы, невозможно. Сначала онъ каждый день рѣшался открыться своей матери, но какъ только бывало увидить ее, то сейчасъ же, испугавшись своей рѣшимости, откладываетъ признаніе до другаго дня, а на другой до третьяго и такъ далѣе... Потомъ онъ отложилъ свое намѣреніе на неопредѣленное время. Къ тому же Поата ни разу ему объ этомъ не напоминала, да и у него прежнихъ вѣтвенныхъ порывовъ послѣ этого было немного. О своемъ общественомъ превосходствѣ надъ Поатой, онъ забывалъ, любясь на ея дивную красоту. Этой красотѣ Поата обязана было тѣмъ, что Ягайло ни разу не пытался оскорбить ее. Какъ будто бы онъ сознавалъ превосходство Поаты надъ обоимъ,—какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Онъ боялся;—онъ

преклонялся передъ этой красотой. Помимо своей воли, онъ не могъ прикоснуться къ Поятѣ.... Но эта воля была отнята у него.

Довольствуясь поцѣлуями, объятіями и бесѣдой съ Поятою, — Ягайло болѣе ничего не искалъ... за это Поята еще болѣе любила его, и изъ этаго она заключала, что онъ дѣйствительно смотреть на нее какъ на будущую свою жену, княжну, и потому удерживалась отъ всякихъ напоминаній о его данной клятвѣ. Героиня наша тужила, — чахла, — отъ любви, но молчала, пугаясь чего то... А чего, того она и сама не могла хорошенько осмыслить. Знала только то, что сердце ея иногда сильно тосковало, — какъ будто бы бѣду какую чувало.....

Разъ только она рѣшилась напомнить, — да и то не о свадьбѣ.

Это было на послѣднихъ дняхъ истекавшей осени, не задолго до языческаго праздника Вайжганта.

— Ахъ, голубчикъ мой! ландышъ мой душистый!!... Вырви скорѣй меня, изъ этого проклятаго гнѣзда криве-кривейты... мнѣ душно тамъ, я задыхаюсь въ этомъ смрадѣ.... мнѣ тяжело видѣть этихъ бездушныхъ истукановъ; мнѣ противно смотрѣть на кровь человѣческую, которая льется отъ рукъ вуршайтосовъ въ честь этихъ глухихъ, слѣпыхъ и нѣмыхъ чурбановъ, которые человѣческаго ногтя не стоятъ; моя душа возмущена обманами, безнравственностью и неправдами нашихъ жрецовъ, — она ищетъ иного Бога, Бога, — который сотворилъ все, что мы видимъ и который не алчетъ, какъ лютый звѣрь, упиваться человѣческой кровью.... Я знаю эту Бога! этотъ Богъ, есть Богъ христіанъ, научи же меня князь, христіанской вѣрѣ, я болѣе не могу быть въ кривичанской вѣрѣ.... князь молю тебя сдѣлай меня скорѣе христіанкой, а не то я умру съ тоски — съ печали, — говорила Поята, голосомъ полнымъ мольбы и слезъ.

Тутъ только Ягайло не много встрепенулся; въ словахъ Поятки онъ видѣлъ кесвенный намекъ на его клятву; въ душѣ его родился упрекъ на самаго себя за медленность и онъ почувствовалъ силу.

— Будь покойна, Поята, какъ Богъ дастъ, — началъ онъ, — воротимся благополучно изъ похода....

— Изъ какого похода? Поспѣшно спросила она съ испугомъ.

— На Москву идемъ, съ отцомъ, съ дядей Кейстугомъ и Ви-

товтомъ Въ намъ прибѣжалъ изъ Твери, дядя мой, князь тверской Михаилъ Александровичъ, съ жалобой на князя московскую, что неправду чинить великую Ну вотъ мы и идемъ войною на московскаго князя, — отвѣчалъ Ягайло.

— И ты, князь, пойдешь?

— И я . . . да ты не бойся, меня не убьютъ тамъ, я вѣдь во время сѣчи — то не сражаюсь, а Богу молюсь, потому никто Но тонъ, которымъ онъ говорилъ эти слова не былъ проникнутъ христіанскимъ смиреніемъ, а напротивъ въ немъ дышала какою то пошлая самоувѣренность, свойственная только лгунамъ и трусамъ. Это не укрылось отъ Поята.

— Послушай, князь, я не понимаю, чтобы Богъ создалъ человека и самъ будетъ отнимать у него жизнь? Нѣтъ, князь думаю, что Богъ создаетъ, не разрушаетъ

— Помнишь, ты мнѣ прежде говорилъ, что христіанскій Богъ далъ завѣтъ прощать своимъ врагамъ?

— Вѣдь подъ голубымъ небомъ мѣста довольно и врагамъ и друзьямъ. Зачѣмъ же жонъ лишать мужей, отцовъ — дѣтей невѣсть — жениховъ? . . . Вотъ если бы тебя, — чего избави Богъ, — убили въ кровавой сѣчи, — а бы руки на себя съ горя наложила.

Ягайло молчалъ.

— Ты не гнѣвись, князь, на меня за то, что я такъ крѣпко люблю тебя, не въ моей волѣ любить меньше, продолжала Поята.

— Ну вотъ что ты выдумала! . . . сказалъ Ягайло, цѣлуя ея: будь покойна! Какъ только вернемся изъ похода, то сейчасъ же я тебя христіанской сдѣлаю, а потомъ и женюсь

— Я буду молиться христіанскому Богу, о скоромъ возвращеніи твоёмъ, сказала Поята.

— Ты Поята язычница и не знаешь христіанскаго ученія, а вотъ какъ сдѣлаешься христіанкой, тогда ты узнаешь, что нужно молиться всякій день, всякій часъ и о всемъ, — сказалъ Ягайло.

— А скоро ли пойдете въ походъ?

— Какъ рѣки и болота замерзнутъ, — отвѣчалъ Ягайло.

— Ты не забудь проститься со мною, а то я слыхала, что ты прежде раставался съ своими сердечными не прощаясь Смотри со мною такъ не поступи На прощанье я дамъ тебѣ волшебную повязку, она спасетъ тебя отъ смерти, — замѣтила Поята.

— Не забуду, какъ можно забыть! . . . Я бы и въ походъ во

пошелъ, да нельзя, всё идутъ... Матушка-княгиня посылаетъ.. Кто же тебѣ говорилъ,* что я не прощался съ сердечными?—обратился Ягайло къ Поятъ.

— Люди мнѣ говорили, отвѣчала Поятъ, слегка улыбаясь. Ну да я увѣрена, что ты со мною такъ не сдѣлаешь, ты любишь меня, я это вижу и не боюсь за тебя.

Ягайло крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Послѣ этого разговора, спустя дней десять, многочисленная дружина князя Ольгерда выступила изъ Вильны по московской дорогѣ, — предварительно отслуживъ напутственный молебень съ колѣнопреклоненіемъ предъ иконою курсунской Божіей Матери, которая стояла надъ Мѣдницкими воротами. Это-то самая икона которую в. к. Ольгердъ взялъ въ Курсунъ и привезъ ее въ подарокъ первой своей супругѣ, княгинѣ Маріи Ярославлевнѣ *). Молебень служилъ духовникъ княгини Іуліаніи, архимандритъ Давидъ. Ко кресту подходили всё, начиная съ Ольгерда и кончая послѣднимъ ратникомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ литовцевъ и жудиновъ; ихъ, впрочемъ, въ дружинѣ Ольгерда было очень мало, большинство же состояло изъ русскихъ. За то дружина Кейстута, ушедшая нѣсколькими днями раньше, въ качествѣ сторожеваго полка, вся почти была изъ литовцевъ и жудиновъ, которыми предводительствовалъ Витовтъ. Самъ Кейстутъ находился съ Ольгердомъ и былъ его первымъ совѣтникомъ. Ягайло же съ своими дядей княземъ тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ, виновникомъ похода, командовалъ витебской дружиной и небольшимъ отрядомъ татаръ.

Ягайло, прощаясь съ матерью своею и выходя изъ Вильны, не выронилъ ни одной слезинки, ни одинъ мускулъ его не дрогнулъ, какъ будто бы онъ отправлялся не въ кровавый бой, а на веселый пиръ; какъ будто бы въ Вильнѣ онъ не оставлялъ послѣ себя ничего близкаго сердцу. Напротивъ того Поятъ, на прощаньи съ Ягайломъ положительно захлебывалась слезами, какъ ни уговаривалъ ее Ягайло. Въ часъ же выступленія дружины изъ Вильны, она стояла на высокой башнѣ, сверху которой ей было видно, какъ шелковый *стягъ* Ягайлы волнообразно полоскался въ воздухъ и

*) Нынѣ эта икона находится въ рукахъ р.-католиковъ и называется Остробрамской.

постепенно терялся въ синевѣ дали. Но вотъ наконецъ отрядъ совсѣмъ исчезъ изъ глазъ и только легкій нарѣ, поднявшійся туманнымъ столбомъ указываетъ то мѣсто, гдѣ находилась дружина, да и нарѣ скоро разсѣялся. Пюта, захлебываясь въ рыданіяхъ, шептала что-то такое, что понятно только тѣмъ, кто первый разъ испытываетъ горечь разлуки съ дорогимъ человѣкомъ.

— О Боже христіанскій! возврати мнѣ его живаго, я люблю... я люблю его... громко сказала Пюта, простирая глаза и руки къ небу.

Въ это время на площадку башни вошелъ самъ криве-кривейто; лице его, восившее на себѣ отпечатокъ природнаго ума, было испещрено морщинами. Изъ подъ высокаго колпака спускались въ его сгорбленные плечи длинные сѣдые волосы. Борода и брови тоже блестяли серебромъ,—на которое такъ щедро неумолимое время; только глаза его еще не утратили своего прежняго блеска.

Послѣднія слова Пюты онъ слышалъ, и лицо его сдѣлалось мрачнѣе тучи.

— Опомнись, безумная! кого ты молишь ... О чемъ ты просишь? Ты вдвойнѣ нарушила завѣтъ богини Праурими... Боги покараютъ тебя, сердито сказалъ криве-кривейто.

Пюта оглянулась и, увидѣвъ своего верховнаго жреца надъ жрецами, съ покорностью и молча опустила передъ нимъ на коѣна, какъ того требовалъ языческій уставъ.

— Ты взываешь къ христіанскому Богу, на томъ священномъ мѣстѣ, гдѣ бесѣдуетъ со мною нашъ справедливый Прамжу, гдѣ онъ передаетъ мнѣ волю свою и откуда я возвѣщаю народу все, что говорятъ мнѣ боги?!... Здѣсь не касалась еще ничья нога до пола, кромѣ криве-кривейтовъ, а ты дерзнула освернить это мѣсто?!... Боги приказываютъ мнѣ придумать для тебя такую бязнь, такую мучительную пытку, отъ которой захрохотало бы небо, застонала бы земля. Отвѣчай мнѣ: ты любишь Ягайлу?

— Да люблю, не то съ покорностью, не то съ отчаяніемъ,— отвѣчала она.

— Онъ хочетъ взять тебя въ жены къ себѣ? — Продолжалъ криве-кривейто, и далъ тебѣ въ этомъ вѣтву?

Пюта съ удивленіемъ взглянула на него.

— Ты удивляешься, что я знаю все то, что не знаютъ другіе люди? Не удивляйся великая грѣшница, я криве-кривейто и мнѣ все

открываютъ боги... Я знаю, что ты вѣру христіанскую хочешь принять...

— Да, хочу принять христіанство,—торжественно сказала она, поднимаясь на ноги: никто, ничто не удержитъ меня отъ этого, одна только смерть можетъ помѣшать мнѣ очиститься святымъ крещеніемъ; но и смерть оставить одно только мое тѣло въ язычествѣ, за то душа моя уже давнымъ-давно принадлежитъ христіанскому Богу... Я не знаю гдѣ Онъ, кто Онъ, но знаю что Онъ есть, и что Онъ Господь и Творецъ всего, что видимъ мы... Не бездушный Перунусъ гремитъ въ небесахъ, не Прамжинасъ царствуетъ въ голубой лазури, а Богъ, которому поклоняются христіане... Ты первый жрецъ Прамжинасы, и больше всѣхъ долженъ вѣрить въ чудеса и силу своихъ боговъ; но ты первый смѣлся надъ ихъ ничтожностью и безсиліемъ, ты первый заставлялъ меня обманывать Ягайлу разными мнимыми волшебствами, видѣніями богинь, и духомъ Поаты керновской... О если бы богиня Мѣдзіюйма была дѣйствительно богиней, а княгиня Поата воскресла бы, то надъ тобою совершилась бы такая мучительная казнь, отъ которой дѣйствительно загрохотало бы небо...

— Замолчи клятвopеступница!—дрожа всѣмъ тѣломъ отъ злости, началъ криве-кривейто.

— Рѣшенъ твой приговоръ, боги не умолимы... Сегодня ночью тебя постигнетъ лютаѣ смерть... Ступай за мною и узнай, какъ сильна власть криве-кривейты. Сказавъ это, онъ повернулся къ Поатѣ спиной и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Какъ сильна власть криве-кривейты мнѣ извѣстно и безъ доказательствъ твоихъ, но вѣдь въ этой власти нѣтъ ни на одинъ дубовый листокъ воли боговъ, потому что наши боги и сами созданы руками человѣческими, по волѣ перваго криве-кривейты Войдевута и его брата Брутена. Твоя власть сильнѣе власти боговъ: народъ слушается тебя, онъ думаетъ, что устами твоими говорятъ боги, а ты этому и радъ; боги наши, эти глухіе чурбаны, слуги твои, ими ты удерживаешь власть свою надъ глупымъ народомъ... Узнай народъ этотъ обманъ, онъ растерзалъ бы тебя на мелкія части; но народъ слѣпъ... Такъ дай же волю хоть приближеннымъ твоимъ, хоть мнѣ одной, понимать нашихъ боговъ, какъ ты самъ ихъ понимаешь... Угрозь твоихъ я не боюсь, смерти тоже... Да и самъ ты хоть жрецъ жрецовъ, но тоже человѣкъ, хоть кривичанская

вѣра и прѣстекаетъ изъ двухъ началъ: добра и зла, но ты самъ учишь народъ дѣлать добро. Ты учишь потому, что въ тебѣ не заглохло еще отъ запаха жаренаго человѣческаго мяса то, что составляетъ человѣка плавать по ближнимъ и жалѣть его... Если я, вырвавшись изъ тьмы языческой, бросаюсь въ свѣтъ христіанскій, тебѣ удивляться не чему... Не своей волей я сдѣлалась вайделоткой... Вотъ если бы я знала своихъ родителей!...

Въ это время по дорогѣ ведущей съ *Лоточка* въ великокняжескій замокъ показалась большая толпа народа, состоящая преимущественно изъ русскихъ женщинъ, стариковъ и дѣтей. Въ срединѣ толпы нѣсколько придворныхъ боярынь несли образъ Богородицы, передъ которой служили молебень полки Ольгерда и которая именовалась Корсунской Божіей Матерью. В. К. Іуліанія, на время отсутствія своего супруга, Ольгерда, всегда брала эту икону въ свою домашнюю церковь, гдѣ ежедневно служила по нѣскольбу разъ въ день молебень съ колѣнопреклоненіемъ о счастливомъ возвращеніи князя.

Впереди толпы причетники несли церновую хоругвь и святую воду въ сосудѣ. За образомъ слѣдовалъ архимандритъ Давидъ и нѣсколько священниковъ. На колокольняхъ виленскихъ церквей, во время этого шествія, звонили во всѣ колокола. Позади духовенства шла княгиня Іуліанія, ее окружали царедворцы, во главѣ которыхъ былъ тунъ и придворные боярыни. Еще далѣе шель князь Андрей Ольгердовичъ съ нѣсколькими своими братьями и съ небольшимъ отрядомъ латниковъ, оставшихся въ гарнизонѣ виленскаго замка.

Вся толпа эта, медленно двигаясь, пѣла духовные пѣсни.

Поята оглянулась и, увидѣвъ христіанскую процессію, начала внимательно слѣдить за ней.

— Долой съ этого священноу мѣста, отступница, отъ вѣры своихъ боговъ! Ты сквернишь Ромновъ, для тебя мѣсто въ душномъ подземельи... Пойдемъ туда, кричалъ Криве - Кривейто, котораго видъ христіанской процессіи приводилъ въ ярость; но Поята не слыхала этихъ словъ.

— Идемъ же, повторилъ онъ, взявъ за руку Пояту.

— Куда? Спросила она, не смотря на него.

— На смерть! заключилъ онъ, таща ее за руку. До Пояты въ этотъ моментъ внятно и звучно долетѣли слова: «Взбранной

воеводѣ побѣдительная....» и проч. Она и прежде отъ Ягяйлы слышала эту молитву, а тутъ снова слышавъ ее, да еще въ такую минуту,—неволью и, съ благовѣншемъ спустилась на колѣна по направленію процессіи, предварительно вырвавшись изъ рубъ Криве-Кривейти. Сложивъ крестообразно руки, она начала рыдать; въ этихъ рыданіяхъ была не скорбь, не отчаяніе, а мольба, мольба безъ словъ, мольба душевная, горячая, благоговѣйная... Она не знала Богородицы, но знала, что молится христіанскому Богу, вмѣстѣ съ сонмомъ христіанъ. О, какъ благотворно было это сознаніе; она чувствовала что-то невѣдомое ей дотолѣ.

— Идемъ же, нечестивая, сказалъ Криве-Кривейто, снова хватая ее за руку.

— Теперь веди меня куда знаешь, я не боюсь смерти, не страшусь твоихъ боговъ... идемъ, я не твоя теперь, торжественно сказала Пюта, поднимаясь на ноги.

Криве-Кривейто хотѣлъ на это что то сказать, но закусивъ языкъ отъ злости, промолчалъ и показалъ пальцемъ на единственный выходъ. Пюта повиновалась, смѣло она пошла впередъ съ башни.

— Иди за мной, сказалъ Криве-Кривейто ей, когда они сошли съ башни.

Пюта не возражала.

Пройдя площадку, отдѣляющую башню отъ храма Перкунуса, они вошли въ него; дежурная вайделотка у Знича пала ницъ передъ Криве-Кривейтомъ. Минуя жертвенникъ, они остановились у входа священной пещеры, въ которой хранились разныя змѣи, ящерицы и другіе гады.

— Ступай впередъ, грозно сказалъ Криве - Кривейто Пютѣ, смотря ей въ лице. Но ни одинъ мускулъ ея не дрогнулъ, при видѣ кишасей массы гадовъ. Твердою поступью она начала опускаться въ пещеру, за ней не смѣло и неувѣренно слѣдовалъ Криве-Кривейто.

Священные гады отъ шуму все расплзались по угламъ.

Криве - Кривейто поспѣшно подошелъ къ стѣнѣ и отворилъ потаенную дверь.

— Вотъ гдѣ твое мѣсто, Пюта, ступай туда и жди казни

*) Луна.

черезъ утопленіе въ рѣкѣ Вилии; а пока проси Атримпоса, чтобы тебѣ въ водѣ лучше было, чѣмъ на землѣ... Ужо-ночью, лишь только Лаума *) засеребрить воды Вилии, тебя завяжутъ въ мѣшокъ съ камнями, положить туда четыре кошки и одну лютовъ змѣю: съ этими подругами тебѣ веселѣе будетъ взывать къ христіанскому Богу и легче опускаться на дно рѣчное.... проклятая! прошепталъ разгнѣванный Криве-Кривейто, вталкивая Поюту въ темное отверстіе и захлопывая за ней дверь. Приперевъ желѣзной задвижкой дверь и произнесъ какое то ругательство, Криве-Кривейто вышелъ изъ пещеры.

Въ этотъ моментъ онъ окончательно рѣшилъ приговоръ на счетъ судьбы Поюты. Она должна умереть, сказалъ онъ самъ себѣ, потому что не вѣрять болѣе кривичанскимъ богамъ... Сдѣлавшись христіанкой, она можетъ рассказать тайны наши... смерть, смерть ей, думалъ Криве-Кривейто, идя изъ храма Перкунуса.

Теперь посмотримъ, что дѣлаетъ Поэта взаперти?

Оставшись въ темнотѣ, ей незнакомо въ подземельи она ни на волосъ не измѣнила своему благоговѣно—восторженному настроенію. Ее не пугалъ ни мракъ, ни одиночество въ невѣдомомъ мѣстѣ, ни тѣ гады, которыхъ она видѣла въ пещерѣ, ни близость смерти; умъ и душа ея были заняты христіанской процессіей. Молитва: «Взбранной—воеводѣ и проч.» звучала въ ухахъ ея. Какъ будто бы какой то таинственный голосъ напѣвалъ ей, безусловно она подчинилась этому голосу и невольно присоединилась къ нему. Громко и торжественно она запѣла христіанскую пѣснь, словъ она не произносила, потому что не знала ихъ, но мотивъ былъ тотъ самый, который она недавно слышала. Пѣнію этому звонко вторило подземное эхо, переливаясь разными ругадами и замирая гдѣ то далеко, далеко.... Но мало по малу восторженное—благоговѣное состояніе смѣнилось нормальнымъ; сырость и холодъ заставили Поюту придти въ себя и подумать о своемъ положеніи. Кончивъ пѣніе она начала прислушиваться къ каждому звуку и, долго напрягая свой слухъ, она оставалась неподвижной. Наконецъ она ощупью сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, нога ея наступила на что то скользкое и движущееся, по ея тѣлу пробѣжала нервическая дрожь, она вскрикнула, отъ звука ея голоса снова раскатилось эхо подъ сводами подземелья, и Поетѣ казалось, что будто вся земля застонала вокругъ нея и подъ ней... Страхъ

овладѣвъ ею, поспѣшно она схватила за грудь и изъ подъ бѣлой ткани вытащила крестъ — складень, похищенный у Ягайлы на озерѣ Чельтицѣ.

— Христіанскій Боже! спаси меня, прошептала Поята, цѣлуя крестъ и творя крестное знаменіе.

Твердая вѣра въ христіанскаго Бога, возвращаетъ ей энергію и она смѣло идетъ впередъ. Въ ухахъ ея опять звучитъ мотивъ христіанской молитвы, снова она впадаетъ въ благоговѣйно—восторженное настроеніе.

Умру за христіанскаго Бога, — думаетъ она: — и буду въ раю, о которомъ она слышала такъ много отъ Ягайлы, и который былъ по ея понятіямъ въ небесной лазури..... воображенію ея представляется этотъ рай, съ роскошной растительностью, съ пышно цвѣтущими лугами, которые орошаетъ большая рѣка лазурной водой. Поютъ райскіе птицы, летаютъ цѣлыя сонмы существъ неземныхъ, крылатыхъ, которыхъ называлъ Ягайло ангелами и архангелами, наконецъ она уже передъ самимъ христіанскимъ Богомъ... Но тутъ воображеніе ея опускаетъ крылья на земь, она приходитъ въ себя, и изъ небеснаго рая снова переноситъ въ холодное, сырое подземелье. Такъ я умру и не увижусь болѣе съ Ягайломъ?!... И о смерти моей онъ не узнаетъ, думаетъ она и ею овладѣваетъ тоска.

Такъ рано умереть,—да еще лютой смертью нехочется!.... Я не знала радости жизни, продолжаетъ думать она и въ умѣ ея рождается мысль о побѣгѣ.

— Христіанскій Боже! помоги мнѣ, лепечетъ она и начинать ощущивать руками холодныя стѣны, съ намѣреніемъ найти выходъ... Но увѣ! продолжительные поиски не привели къ желанной цѣли, руки ея были исцарапаны объ острые камни и ледѣбли отъ холоду, ноги, обутыя въ легкія сандаліи, тоже начали забнуть.

Подземное помѣщеніе это, до сей поры не было извѣстно Поятѣ и поэтому она терялась въ догадкахъ.... Наконецъ у ней блеснула мысль идти по направленію эха. Приводя въ исполненіе эту мысль она долго шла ощупью и эхо казалось все удалялось отъ нее впередъ, какъ будто бы смѣясь надъ заключенной. Поята упала духомъ и начинала слабѣть тѣломъ. Умру ранѣе, чѣмъ хотѣлъ злодѣй Криве-Кривейто, подумала она, опускаясь въ из-

неможеніи на холодную землю. Какъ вдругъ до нее долетѣли звуки плачущаго ребенка. Она встаетъ на ноги и съ быстротою лани бросается по направленію этихъ звуковъ... Поэта слышитъ, что плачь ребенка уже, въ нѣсколькихъ шагахъ; я спасена, тут навѣрно есть другой выходъ, думаетъ она, но въ это время ребенокъ неистово вскрикнулъ и замолкъ. Отъ этого крику Поэту передернуло, на минуту она остановилась, но потомъ, угадывая направленіе инстинктивно, снова бросилась впередъ. Падая и натыкаясь нѣсколько разъ на извилистыя стѣны, она наконецъ очутилась въ большомъ кругломъ подземномъ помѣщеніи, сверху котораго въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробивался свѣтъ, изъ большихъ отверстій. Въ каждое изъ этихъ отверстій снизу были поставлены лѣстницы.

Немедля ни минуты, Поэта поднялась по одной изъ нихъ и безъ большого труда узнала что находится въ истуканѣ Атримпоса. Черезъ глаза и ротъ идола она увидѣла, что въ храмѣ Перкунуса самъ Криве - Кривейто приносилъ великія кровавыя жертвы, передъ Атримпосомъ... ребенокъ, плачь котораго слышала Поэта, уже жарился на кострѣ. Вуршайтосы раздували пламя и подкладывали топлива, войделотки и войделоты пѣли и ублажали Атримпоса, Криве-Кривейто нашептывалъ что то. Въ толпѣ войделотокъ стояла Ригальда, по лицу ея ползало довольство.

Въ открытый сверху храмъ Перкунуса валилъ большими хлопьями снѣгъ; всё, впрочемъ, были укутаны въ зимнія одежды, всёмъ было тепло только одной Поэтѣ было холодно сидѣть въ бронзовомъ идолѣ.

Послѣ довольно продолжительныхъ мелованій, Криве-Кривейто обратился къ войделоткамъ съ рѣчью.

— Возлюбленныя дочери солнца,—чистейшія рабыни ея сына Знича вѣчнаго; непорочныя дѣвы богини Прауримы! Внимайте велѣнію боговъ, началъ Криве-Кривейто, одна изъ вашихъ сестеръ прогнѣвала боговъ нашихъ и ее сегодня постигнетъ казнь... Она, въ угоду Атримпосу прекрасному, будетъ утоплена ночью въ Виліи. Таково велѣніе Атримпоса, — заключилъ Криве - Кривейто, обращаясь лицомъ къ идолу Атримпосу.

— Твоя воля, нашъ прекрасный Атримпосъ, будетъ исполнена. Въ честь твою пролилась кровь младенца, пусть эта непо-

винная кровь будетъ очистительной жертвой великой грѣшницы, войделотки Поаты, которая скоро явится въ твое водяное царство,—добавилъ онъ.

Поата, несмотря на страшный холодъ и на свое безвыходное положеніе, не выдержала и засмѣялась. Смѣхъ этотъ былъ веселый, чистый и торжественный. Да, она торжествовала сознавая правоту своихъ убѣжденій и вида нахальство Криве-Кривейты, съ какимъ онъ говорилъ о воли бога Атримпоса.... когда грудокъ, на которомъ жарился ребенокъ, совсѣмъ обуглился и отъ младенца остались только небольшія обожженные кости, то, по приказанію Криве-Кривейты, уголья эти были залиты водою, а прахъ и кости собраны въ урну.

— Этотъ *жальникъ**) уже положите въ тотъ мѣшокъ, который на вѣки сокроетъ Поату,—сказалъ Криве-Кривейто, обращаясь къ вуршайтосамъ; а вы, служительницы Прауримы, возьмите слезицу и наполните ее слезами своими по своей подругѣ Поатѣ, добавилъ онъ, обращаясь къ вайделоткамъ. Онъ не замедлил исполнить приказаніе Криве-Кривейты и такъ завылъ какую то похоронную пѣсню, что даже сами вайделоты, привычныя къ этимъ звукамъ, и тѣ морщились.

Криве-Кривейто, отдавъ два приказанія, отправился къ себѣ, въ сопровожденіи войделотовъ, и двухъ кривейтовъ, — помощниковъ своихъ.

У дверей бани, въ которой жилъ Криве-Кривейто, вся его свита раскланялась съ нимъ, и онъ одинъ вошелъ въ свои покои.

— Аллусу! закричалъ онъ своему прислужнику вайделоту, который встрѣтилъ его на порогѣ.

Черезъ минуту большая серебряная кружка, наполненная литовенимъ аллусомъ, стояла на дубовымъ столѣ передъ Криве-Кривейтомъ. Снявъ верхнюю мѣховую одежду, онъ залпомъ опорожнилъ кружку, и потребовалъ еще. За сытнымъ обѣдомъ, кромѣ аллусу, онъ пилъ и раманею, отчего лице его сдѣлалось малиновымъ. Немного спустя послѣ обѣда, когда Криве-Кривейто, зѣвая и потягиваясь, валялся на лежанкѣ, вошелъ къ нему прислужникъ,

— Къ тебѣ, нашъ отецъ, пришла войделотка Ригальда, она желаетъ видѣть твои праведныя очи,—доложилъ вайделотъ. |

*) Урна.

— Пусть войдетъ, послѣ нѣкотораго раздумья, отвѣчалъ Криве-Кривейто.

Войделотъ ушелъ, а на мѣсто его явилась войделотка Ригальда. Войдя, она слегка поклонилась Криве-Кривейту, который на это отвѣчалъ благосклонной улыбкой и, молча, указавъ на дверь; Ригальда обернулась и заперла ее на желѣзный крюкъ.

— Поди сюда,—прошепталъ онъ, смотря на Ригальду и показывая рукою на мѣсто подлѣ себя.

Ригальда, молча, повиновалась.

— Ну что скажешь, моя голубка? Говорилъ Криве-Кривейто, привлекая руками къ себѣ Ригальду.

— Я пришла съ тобой поговорить о Поятѣ,—начала Ригальда, не противясь объятіямъ Криве-Кривейты.

— Говори, говори, что хочешь, голубка моя, будетъ все по твоему, только потѣшь меня старика.... продолжалъ онъ.

— Теперь ты узналъ, что все то, что говорила я тебѣ была правда...

— Узналъ больше, чѣмъ говорила ты...

— А помнишь ли ты свое обѣщаніе?

— Какое?

— Ты обѣщавъ смерть Поятѣ, если все, что я тебѣ говорила, окажется правдой...

— Обѣщавъ и сдержу свое обѣщаніе: сегодня ночью она будетъ рыбу ловить въ Вилии....

— Смотри, не измѣни своему слову, а то больше не увидишь меня въ своихъ объятіяхъ, сказала Ригальда съ особой настойчивостью.

— Ну да полно.... полно.... что ты уговариваешься?... голубка моя, лилія моя бѣлая... говорилъ Криве-Кривейто.

— Я слышала будутъ тебя просить, чтобы ты помиловалъ Пояту?

— Кто будетъ просить?

— Кривейто Гонтвидъ.

— Ни для кого не пощажу, и если бы сами боги наши изучились приказывать и говорить, я бы и ихъ не послушалъ... тебя одну я почитаю и слушаю, ты моя богиня повелительница... уговариваться мы будемъ послѣ,—сказавъ Криве-Кривейто, глаза котораго горѣли страстнымъ огнемъ. Ригальда вышла отъ Криве-Кривейты.

И такъ Ригальда обѣщала смерть своей соперницы.

Какъ только ушла Ригальда, Криве-Кривейто всталъ съ лежанки и, пройдясь нѣсколько разъ по своимъ покоямъ, позвалъ своего прислужника.

— Подай мнѣ холоднаго меду,—приказалъ онъ вайделоту—служителю.

— Медъ былъ поданъ и Криве - Кривейто, выпивъ кружку, потребовалъ другую... его мучила жажда. Выпивъ вторую кружку меду, онъ началъ надѣвать медвѣжьей кожуухъ для того, чтобы выйти на башню и освѣжиться воздухомъ. Въ это время прислужникъ доложилъ ему, что его хочетъ видѣть кривейто Гонтвидъ.

— Пусть войдетъ, сказалъ Криве-Кривейто.

Черезъ минуту вошелъ Гонтвидъ, онъ былъ довольно средняго росту, съ открытымъ честнымъ лицомъ, окаймленнымъ сѣдинами.

— Бѣлаго свѣта немного на землѣ, и я пришелъ къ тому, кто живетъ въ немъ, началъ обычнымъ литовскимъ привѣтствіемъ Гонтвидъ, дѣлая поклонъ Криве-Кривейту.

— Кто видитъ бѣлый свѣтъ, тотъ и самъ отъ него просвѣщается, отвѣчалъ Криве - кривейто привѣтствіемъ на привѣтствие, указывая на скамейку возлѣ стола и садясь самъ на ней.

— Я къ тебѣ пришелъ... сказалъ Гонтвидъ, садясь на дубовую скамью.

— Я знаю зачѣмъ, перебилъ его Криве-кривейто: ты хочешь просить о пощадѣ Поаты?!

— Кто сказалъ тебѣ?

— Боги.

Гонтвидъ громко засмѣялся.

— Криве-кривейто! ты самъ желаешь, чтобы я занялъ твое мѣсто послѣ тебя, зачѣмъ же ты издѣваешься надо мной? Къ чему давать душу бездушному... Боги наши такъ же пусты, какъ эта кружка,—онъ показалъ на кружку; вели кстати ее наполнить аллусомъ, я выпью.

Криве-кривейто приказалъ подать двѣ кружки аллуса. Черезъ минуту это было исполнено, Гонтвидъ и Криве-кривейто по нѣсколько глотковъ отведали аллусу.

— Тебѣ сказала о моемъ намѣреніи Ригальда. Такъ неужели она попала въ богини? Съ лукавой улыбкой, спросилъ Гонтвидъ.

— А ты почему знаешь? спросил Криве-кривейто.

— Мои глаза мнѣ это сказали: я видѣлъ Ригальду, выходившую отъ тебя, лице ея было пылающее, глаза были подернуты какимъ то зловѣщимъ блескомъ, грудь ея неровно колыхалась... все въ ней говорило что ты сдѣлалъ изъ нея свою богиню.... Изъ-за ея прихоти или чего другаго ты губишь Пояту, лучшую вайделотку, красавицу изъ красавицъ и любимицу будущаго короля Литвы Ягайлы. Опомнись, что ты хочешь дѣлать... Ягайло за смерть своей сердечной, сдѣлавшись королемъ Литвы, по вѣтру развѣтъ все наше Ромнове, казнить тебя, казнить насъ всѣхъ.... ты сердился на Пояту за то, что она не вѣритъ болѣе бездушнымъ истуканамъ, а признаетъ христіанскаго Бога, такъ я тебя спрошу: вѣришь ли ты-то самъ богамъ нашимъ?... Это не бѣда, если она приметъ христіанство и сдѣлается женой Ягайлы; черезъ нее можно будетъ держать Ягайлу въ своихъ рукахъ, стоитъ только хорошенько поддѣлаться къ ней.... А поддѣлаться къ ней легко, она добра и незлобива.

— Нѣтъ Гонтвидъ, не проси меня, Поята должна умереть...

— Да какая же польза будетъ изъ ея смерти тебѣ и намъ? Вооружишь только Ягайлу противъ себя, а онъ любимецъ своихъ родителей и можетъ намъ напортить сильно....

— Гонтвидъ! хочешь еще аллусу, меду, романей,—все я велю подать тебѣ, но о Поятѣ больше не проси..

— Ненужно мнѣ ничего, ни романей, ни меду, я требую только того, чтобы Поята была на свободѣ.... пусть живетъ она....

— Это невозможно....

— Что? Видно далъ слово Ригальдѣ умирить ея соперницу?!

— Какую соперницу?

— Пояту.... Ригальда сама любитъ Ягайлу и отъ него прижила сына....

— Какъ?!... Бывши вайделоткой, она прижила сына?

— Нѣтъ, когда еще была у отца въ Трокахъ.

— Откуда ты все это знаешь? Съ презрениемъ спросилъ Криве-кривейто.

— Ты читаешь по небеснымъ звѣздамъ судьбу человѣка, узнаешь будущность, такъ тебѣ нечего меня спрашивать, откуда я знаю,—смѣясь, отвѣчалъ Гонтвидъ.

— Гдѣ же теперь сынъ Ригальды?

— Теперь не время говорить о немъ, послѣ мы съ тобой о немъ потолкуемъ.... выпусти Пояту и прости ее...

— А что скажутъ другіе, когда я прощу ее? Скажутъ, что я не исполняю воли боговъ.....

— Никто этого не скажетъ, никто уже у насъ не вѣрить богамъ нашимъ, всѣ знаютъ, что наши боги глухіе чурбаны, а тотъ невидимый Богъ, который гремитъ въ громахъ, сіяетъ въ солнцѣ красномъ, блеститъ въ звѣздахъ, который создалъ весь міръ и котораго мы называемъ Вишайтосъ и Прамжинасъ, — тотъ Богъ не бесѣдуетъ съ нами... этого Бога и я почитаю и боюсь, ему поклоняются и христіане и язычники подъ разными только именами.... одни только вуршайтосы, которые отъ потоковъ человеческой крови потеряли разумъ, слѣпо поклоняются бездушнымъ чурбанамъ и увѣрены, что ты говоришь устами боговъ, но всѣ прочіе слуги боговъ нашихъ не вѣрятъ имъ.... одна Ригальда будетъ злиться на тебя за то, что ты помилуешь Пояту, за то всѣ другіе будутъ благословлять тебя.... Неужели ты нашъ верховный жрецъ, судья еудей, будешь игрушкою прихоти женщины? Нѣтъ! я увѣренъ что ты выпустишь Пояту...

— Не могу, не могу... казнь ея должна совершиться.

— Подумай, Криве-кривейто, что и теперь мы держимся на волоскѣ, а что будетъ тогда, когда Ягайло начнетъ мстить намъ?.. Ольгердъ не вѣченъ, послѣ него вступить Ягайло, что тогда будетъ съ нами?

— Не допущу я Ягайлу быть королемъ Литвы, я подыму весь мой народъ и заставлю выбрать въ короли Витовта....

— Такъ тебя и послушали!... Да ты забылъ, что въ Литовскомъ королевствѣ больше русскихъ, чѣмъ литовцевъ, а они давно уже отпали отъ кривичанской вѣры и признаютъ христіанскаго Бога, по греческому закону, литовцы же изъ верхней Литвы тоже одинъ за другимъ присоединяются къ христіанамъ и только жмудины еще постоятъ за тебя, а ихъ одна горсть противъ тучи русскихъ.... нѣтъ, этимъ ты теперь ничего не сдѣлаешь... выпусти Пояту, лучше будетъ, я тебѣ худаго не пожелаю, она тебѣ пригодится, черезъ нее можно на Ягайлу дѣйствовать какъ хочешь... онъ же малодушенъ и безхарактеренъ, этимъ нужно пользоваться. Если ты самъ не хочешь заняться этимъ, то дозволю тебѣ, я сдѣлаю все; только умоляю тебя выпусти Пояту...

— Да что ты такъ вѣрно просишь за Поату? Видно она тебѣ по душѣ пришлась? Ядовито спросилъ Криве-кривейто.

Гонтвидъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на своего верховнаго жреца.

— Я не ссылаюсь какъ ты на боговъ своихъ, — началъ онъ, — у меня одинъ богъ-мой разумъ и чистая совѣсть... этому божеству я воздаю почитаніе и его слушаюсь. Это божество меня не допустить до насилія, а безъ насилія или купли нельзя драхлону старiku: — гнилымъ развалинамъ владѣть такимъ пышнымъ цвѣтникомъ, какова Поата. Любишь и я на своемъ вѣку, — не скорѣе, — то время то прошло, моя сердечная давно спитъ въ сырой землѣ... Ее я одну любилъ и передъ нею предстану въ томъ мірѣ съ чистой совѣстью. Не о любви я думаю теперь, а о томъ, какъ бы найдти путь къ свѣту, который бы озарилъ будущую загробную жизнь мою. Если я прошу тебя за Поату, то прошу потому, что не нахожу за ней никакой вины.

— Богамъ пріятнѣе, если она умретъ безвинной, замѣтилъ криве-кривейто.

— Ты все съ своими богами... А совѣсть то твоя, что тебѣ говорить?

— Она шепчетъ мнѣ: смерть Поатѣ!

— Вѣрю...

Въ это время въ бесѣдующимъ долетѣлъ гулъ дребезжавшаго колокола.

— Слышишь, Криве-кривейто, этотъ злобѣщій вой изъ гнѣзда хищныхъ ястребовъ? то звукъ колокола съ христіанской мелеліею литовскаго боярина Петра Гаштольда, пріютилъ онъ на своей труднѣ землѣ, женился онъ на своей польской плѣнницѣ Аннѣ, но она прихоти вѣру латинскую приняла, выписала изъ Польши четырнадцать христіанскихъ жрецовъ, которыхъ называютъ монахами францисканцами, они разными обольщеніями дѣйствуютъ на народъ и заставляютъ принимать латинство, искушеній много пускаютъ въ ходъ, рѣдкій молодой литвинъ устоитъ противъ такого обольщенія, вотъ туда бы тебѣ слѣдовало обратить свой гнѣвъ, а Поата въ этомъ случаѣ можетъ много намъ пользы принести, — сказалъ Гонтвидъ.

— Чѣмъ? спросилъ Криве-кривейто.

— Она можетъ поднять весь народъ виленскій и въ одинъ

часъ стереть съ лица земли монаховъ и модельню Гаштольда. Въ одинъ мигъ будетъ уничтожено гнѣздо хищныхъ ястребовъ, а покончивъ съ ними, намъ нечего болѣе бояться.... говорилъ Гонтвидъ.

— Ахъ, Гонтвидъ! гдѣ же молодой дѣвицѣ исполнить такое дѣло! замѣтилъ Криве-кривейто.

— Въ ней найдется много силы, я прибавлю къ этой силѣ еще свою, и она сдѣлаетъ свое дѣло... Кромя ея никто не исполнитъ....

— Почему?

— Потому что она больше жизни своей любитъ Ягайлу, а на этой-то любви я и создаю стѣнбитное орудіе, отъ ударовъ котораго распадется въ прахъ домъ Гаштольда и подъ развалинами своими похоронитъ тѣло жены Гаштольда Анны Лукавой... Теперь ты понимаешь меня?

— Нѣтъ, говори....

— Я скажу Поятъ, что Ягайло цѣлые дни проводилъ у Анны жены Гаштольдовой, что она завлекла его въ свои хищныя когти, что онъ любитъ ее больше чѣмъ Пояту и что, пока жива Анна, Ягайлѣ не придется, скажу, жениться на тебѣ. Этого будетъ довольно, она сама станетъ во главѣ народа и первая бросится на гнѣздо ястребиное... народъ влѣнскій золь на самаго Гаштольда, но болѣе на его жену и монаховъ. Давно онъ ждетъ того часа, въ который можно было бы истребить ихъ всѣхъ: часъ этотъ наступилъ...

— Но знаешь ли ты, Гонтвидъ, что Ольгердъ, по стараніямъ второй жены своей Іуліаніи тверской, давнымъ давно самъ сдѣлался христіаниномъ; — что почти весь дворъ его состоитъ изъ паредворцевъ христіанъ и что Гаштольдъ любимецъ Ольгерда; не даромъ онъ старшимъ воеводой сдѣлалъ его!... Такъ подумай, какъ сильно будетъ ищеніе Гаштольда, если народъ перебьетъ его монаховъ и жену. Вся вина падетъ на насъ и насъ первыхъ съ тобой сотрутъ съ лица земли... сказалъ Криве-кривейто.

— А знаешь ли ты, — перебилъ его Гонтвидъ, — что тѣ христіане, которыми наполненъ дворъ Ольгерда, сами ненавидятъ латинскую вѣру и Гаштольда за принятіе ея... христіане греческаго закона сами пристанутъ къ этому возстанію, оно будетъ общее, а тутъ нельзя будетъ донсаться, кто былъ правъ, кто виноватъ...

намъ нечего бояться, не мы начнемъ, не мы и кончимъ, народъ въ дѣлѣ, народъ и въ отвѣтѣ...

— Но какъ же ты соберешь народъ?..

— Зачѣмъ его собирать нарочно, когда онъ самъ долженъ будетъ собраться въ Ромново черезъ три дня на праздникъ Вайганга; пусть Поята, по праву первой красавицы, займетъ первое мѣсто на жертвенникѣ, во время великихъ праздничныхъ делованій, и молитъ Перкуна о плодородіи льна.... тебѣ или мнѣ слѣдуетъ сказать народу рѣчь отъ лица боговъ и вооружить ея народъ противъ латинскихъ поганцевъ... Потому пусть Поята пойдетъ по обычаю на Лысую гору и съ народомъ, послѣ новыхъ молитвъ къ Перкунусу, съ крикомъ: смерть латинцамъ, поведетъ народъ на домъ Гаштольда..., въ толпу же народа можно будетъ пустить переодѣтыхъ вайделотовъ, пусть они возбуждаютъ народъ, и самый сильный врагъ нашъ падетъ во прахѣ, съ жаромъ говорилъ Гонтвидъ.

— А ты забылъ, Гонтвидъ, что здѣсь остался Андрей Ольгердовичъ и съ нимъ его дружина, составленная вся изъ христіанъ; ты забылъ, что половина Вильны заселена христіанами, у которыхъ есть свои церкви, есть свой жрецъ придворный, духовникъ Давидъ, его словъ слушаются христіане, ему повинуются латиники, его боятся литовцы кривичанской вѣры, онъ не попуститъ совершиться тому, что ты думаешь, — по одному его слову дружина Андрея Ольгердовича бросится на толпу народа и защитить домъ Гаштольда отъ нападений...

— Ахъ, Криве-кривейто! ты ничего не знаешь въ христіанскихъ дѣлахъ, латинцы вездѣ огнемъ и мечемъ навязываютъ свою вѣру и думаютъ, что только въ ихъ латинской вѣрѣ спастись можно. Русскіе, также какъ и литовцы, ненавидятъ грабителей крестоносцевъ, ливонцевъ и тевтонцевъ, а монахи Гаштольда одной вѣры съ этими рыцарями. Повѣрь, что христіане нервные бросятся на домъ Гаштольда.... Андрей Ольгердовичъ тоже не любитъ ихъ... Криве-кривейто, въ раздумьи, нерѣшительно развелъ руками.

— Ты не рѣшаешься, — продолжалъ Гонтвидъ? Такъ вспомни, что сказала Анна, жена Гаштольда о нашемъ Ромновѣ и о насъ всѣхъ.

— А что она сказала?

— Она поклялась, что не пройдет и года, какъ она уничтожитъ наше Ромное, и на мѣсто его поставитъ латинскую божницу. Такъ неужели ты допустишь исполниться этому зловѣщему карканью?

— Нѣтъ, не допущу, закричалъ въ гнѣвъ Криве-Кривейто: смерть ей, смерть!!... Дѣлай, Гонтвидъ, какъ мыслишь, я на тебя полагаюсь, только дѣлай такъ, чтобы никто не зналъ, что этимъ возстаніемъ управляла моя рука.

— Даже сама Поята не будетъ знать объ этомъ....

— Поята?... Поята!... прошепталъ Криве-Кривейто, вспомни о своемъ рѣшеніи. Гонтвидъ! ты дѣлай безъ нея...

— Безъ нея невозможно.

— Такъ и неужно!... Поятѣ простить я не могу, и просить меня болѣе не смѣю....

— Такъ ты хочешь сдѣлаться жертвой хитрой польки и не хочешь воспользоваться спасеніемъ?..

— Черезъ это спасеніе мы скорѣе погибнемъ, Поятѣ известны многія тайны наши, она выдастъ ихъ Ягайлѣ....

— Ну такъ губи же свою родную дочь: старый коршунъ, въ отчаяніи и гнѣвѣ сказалъ Гонтвидъ, вставая съ мѣста и намѣреваясь выйти изъ покоя криве-кривейты.

— Постой, Гонтвидъ! я твой верховный жрецъ, отвѣчай мнѣ: ты сказалъ: губи же свою родную дочь,—развѣ она дочь моя?

— Да!

— Поята-дочь моя?!

— Да!

— Отъ кого?... Кто сказалъ тебѣ это?...

— Я говорю, что она дочь твоя, а кто сказалъ мнѣ объ этомъ, я до поры—до времени не скажу тебѣ....

— Я тебѣ приказываю именемъ Перкунуса....

— А я не слушаюсь ни тебя, ни твоего чурбана Перкунуса, сказалъ Гонтвидъ, дѣлая нѣсколько шаговъ къ двери.

— Постой, Гонтвидъ!.. Я склоняюсь на твою просьбу, и милую Пояту, только скажи мнѣ почему она дочь моя? Спросилъ Криве-Кривейто.

— Потому, что ты отецъ ея, отвѣчалъ Гонтвидъ. До времени я умолчу о ея матери, а отца ты, знаешь хорошо; взгляни только на ея лицо, и ты сейчасъ замѣтишь сходство ея съ тобою;

ты вѣдь прежде былъ красавецъ.... дозвожь, я приведу ее, и тогда ты можешь провѣрить слова мои.... гдѣ она заключена?

— Въ подземномъ ходѣ, подъ жертвенникомъ.... ступай, приведи ее скорѣй.... скажи, что боги велѣли мнѣ простить ее... ахъ, Гонтвидъ! что ты сдѣлалъ съ моимъ сердцемъ?... Цѣлая буря въ немъ.... Поята дочь моя, о боги!... найденныиъ на Лысой горѣ— моя дочь!... и я до сихъ поръ не зналъ этого,—говорилъ отрывисто Криве-кривейто. Ступай, Гонтвидъ, веди ее скорѣй ко мнѣ... Я ей признаюсь, что отецъ ея я.. пусть знаетъ, что она дочь Криве-Кривейты....

— Нѣтъ, этого ты пока ей не говори.... А то я отрекусь отъ своихъ словъ.

— Веди ее... веди!.. я не знаю, что со мной дѣлается. Скорѣй, Гонтвидъ, скорѣй...

— Давно бы такъ! Вотъ теперь и богамъ любо и мнѣ весело. Вели пока приготовить кружку сладкой романаи, я выпью, возвратясь сюда съ Поятою, за здоровье твоей дочери, — сказалъ Гонтвидъ, поспѣшно удаляясь изъ комнаты.

С. Калугинъ.

(Продолженіе впрѣдъ).

СѢК И Т А Л Е Ц Ъ.

ПОВѢСТЬ

(Картины изъ еврейскаго быта.)

РЕВЕ ПОДИКЪ ПЛУТОВСКІЙ.

Въ городѣ Н., населенномъ по большей части читателями Моисеева закона, жилъ нѣкогда купецъ-еврей, торговавшій сукномъ. Въ молодости онъ находился на посылкахъ у одного купца, потому послѣдній, замѣтивъ въ немъ весьма ловкаго и проворнаго малюго, сдѣлалъ повѣреннымъ по торговымъ дѣламъ въ Лейпцигъ и, наконецъ, когда его принципаль преставился, Пл. самъ открылъ торговлю сукномъ и, немного спустя, жители г. Н. могли уже убѣдиться, по богатой обстановкѣ и роскошной жизни Пл., что

о́нъ-одинъ изъ первостатейныхъ еврейскихъ богачей. Въ городѣ носились темные слухи насчетъ внезапнаго обогащенія Пл., поговаривали, что не цѣною труда приобрѣлъ онъ себѣ такое состояніе, а какимъ то темнымъ путемъ; но онъ весьма ловко обдѣлалъ свое дѣло и такъ хоронилъ концы, что всѣ эти толки и пересуды злыхъ языковъ не имѣли никакихъ послѣдствій. Штука, которую Пл. выкинулъ при этомъ и теперь еще оправдывается еврейскими купцами аферистами и она носить даже на ихъ языкѣ почетное названіе «по купчечески», выраженіе, равнозначущее «честному, справедливому». Дѣло состоитъ въ томъ, что одинъ позволяетъ себѣ банкротировать насчетъ другаго, особенно умершаго. Надобно вамъ знать, что Пл., какъ повѣренный купца, прославившагося безукоризненною честностію въ продолженіи весьма долгаго времени, пользовался у лейпцигскихъ фабрикантовъ, безусловнымъ кредитомъ. И вотъ лишь только Пл. узналъ о смерти своего принципала, какъ онъ, долго не думая, взялъ на счетъ покойнаго весьма порядочную партію, которую немедленно и отправилъ по адресу своей жены, распустилъ слухъ, что его хозяинъ оказался несостоятельнымъ и прекратилъ торговыя сношенія съ Лейпцигомъ. Наслѣдники мнимаго банкрота, которые были принуждены прекратить наслѣдованную ими торговлю, не знали, конечно, объ этой продѣлкѣ, долгое время тягались они съ нѣмцами и наконецъ, утомленные долгою тяжбою, объ враждовавшія стороны согласились на мировую съ тѣмъ однако, чтобы первые выплатили послѣднимъ двадцать процентовъ.

Какими тамъ средствами Пл. ни успѣлъ составить себѣ капиталъ, довольно, что онъ теперь богатъ. Кто приобретаетъ однажды богатство, тотъ приобретаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и честность, и знатность, и мудрость—и проч. Некростительнымъ грѣхомъ было бы даже заподозривать такого человѣка въ томъ, что онъ руководствовался когда нибудь въ жизни нечестными правилами, особенно, если онъ ведетъ теперь набожно-религіозную жизнь, если онъ бываетъ прекраснымъ исполнителемъ религіозныхъ обрядовъ («мегадеръ бемицвотъ») подобно нашему П-му. Такъ, напригѣръ, по субботнымъ и праздничнымъ днямъ, когда въ синагогѣ продавались аліи *) съ публичнаго торга, ни одному изъ богачей го-

*) Приглашеніе къ чтенію отдѣла изъ патенижил. На эти аліи производятся торги и всѣ покупатели приглашаются по порядку.

рода Н. никогда не удавалось покупать ту алію, которую П. хотѣлъ удержать за собою, потому, что выдержать состязаніе съ нимъ никто изъ богачей не былъ въ состояніи. Продаваемая тоже съ торга молитва «ата іерета» *) была всегда его достояніемъ. Ни одно райское яблоко **) въ городѣ Н. не могло сравниться съ яблокомъ П. въ величинѣ, красотѣ слѣдовательно, и въ стоимости, и не одинъ меламедъ того же города не имѣлъ такого обшестого брюха, какъ меламедъ П. Его субботы и праздники славились въ цѣломъ городѣ Н: пиры, которые онъ давалъ по случаю совершенія обряда обрѣзанія надъ его новорожденными мужескаго пола, стояли другихъ свадебъ; а свадебные пиры его дѣтей продолжались до тѣхъ поръ, пока молодя замужнія не увидѣли себя въ родахъ. П. очень везло и въ составленіи выгодныхъ партій для своихъ дѣтей. У него были три сына и одна дочь. Сыновей онъ сочеталъ съ дочерьми весьма знатнаго (раввинскаго) происхожденія; а для дочери нашелъ жениха пресловутаго талмудиста—софиста («илуй»). Въ отношеніи къ своему обществу П. тоже не ударилъ лицомъ въ грязь: онъ былъ главнымъ вкладчикомъ, когда составлялись складчины для покрытія издержекъ по общественнымъ нуждамъ.

Синагогальные служки, канторы, море-герое и всѣ другіе, извѣстные у евреевъ подъ позваніемъ «священныхъ утварей» (кле-кодешъ) живились насчетъ рагвену, какъ никогда не живились въ домахъ старыхъ, столбовыхъ богачей города Н. Но П. соединялъ еще съ богатствомъ и власть въ своемъ городѣ. Онъ успѣвалъ всегда въ своихъ предпріятіяхъ. И нечему удивляться; ибо богатство облагораживаетъ самый порокъ: то качество, напр., которое въ бѣдномъ человѣкѣ клеймятъ именемъ дерзости, въ чловѣкѣ богатомъ именуютъ мужествомъ, сознаніемъ своего достоинства. Качество, которое чествуютъ въ первомъ названіемъ клеветы, во второмъ называютъ только критикою, знаніемъ людей; наконецъ порокъ, носящій у бѣднаго названіе грабежа, у богатаго—сила, власть.

Не менѣе самаго П. и жена его пользовалась въ городѣ доб-

*) Доходы выручаемые какъ отъ аліи, такъ и отъ молитвы идутъ въ пользу синагоги.

** Оно употребляется евреями при молитвѣ въ первые семь дней праздника сквинопігін.

рою репутаціею и уваженіемъ. Она отлично вела торговлю своего мужа. Объясняясь отлично на мѣстномъ языкѣ, она состояла въ милости у всѣхъ помѣщиковъ всего околотка; при томъ же она была женщиною весьма красивою. Нравственныя качества тоже украшали ея характеръ: она играла роль набожной еврейки. Такъ напримѣръ, въ ея домѣ, на канунѣ субботы, зажигались свѣчки раньше, а въ исходѣ субботы позже чѣмъ во всѣхъ прочихъ еврейскихъ домахъ города Н. Со всѣхъ еврейскихъ домовъ этого города взятыхъ въ совокупности, море-героямъ не приходилось разрѣшать столько вопросовъ по религиознымъ обрядамъ кошеръ и трэфъ въ теченіи цѣлаго года, сколько изъ одного ея дома въ продолженіе одной недѣли. Съ своимъ мужемъ она жила какъ пара голубей. Да и могло-ли быть иначе? Сбытъ товаровъ былъ громадный, кредитъ весьма великъ, словомъ, ихъ счастье достигло своего апогея. Самые знатные мѣстные гранды считали честью носить платья изъ сукна, купленнаго въ лавкѣ П., каждый молодой ловеласъ имѣлъ уже чѣмъ похвастаться, если ему удалось маленько побесѣдовать съ прекрасною Рейзе-Лей (такъ звали жену П.) часикъ одинъ-другой, или выпить у нея чашку кофе. Словомъ, слава ея гремѣла, какъ между евреями, такъ и между христіанами; она приобрѣла ее своимъ умомъ, красотой и необыкновенною сметливостью. Даже умные люди болѣе завидовали П. за его жену, чѣмъ за его богатство.

Счастье изменило.

Небо не всегда, однако, ясно. Послѣ прекраснаго лѣта не рѣдко наступаетъ самая ненастная осень; за веселою молодостью слѣдуетъ угрюмая старость; блаженныя времена сибѣняются временами плохими. Это послѣднее, особенно такъ рѣзко выдается у насъ, у евреевъ, у которыхъ нѣтъ богатства естественнаго въ собственномъ смыслѣ этого слова. Еврей богатъ только, пока онъ лихорадочно дѣятеленъ и постоянно озабоченъ, какъ муравей въ своемъ муравейникѣ. Тогда, правда, въ его сундукахъ переливается золото, какъ молоко въ горшкѣ, отъ слишкомъ сильнаго огня. Но какъ только дѣла его теряютъ свой обычный ходъ и начинаютъ хромать, тогда прощай богатство. И все это отъ того, что еврей ведетъ свою торговлю и свой домъ рисково, безъ всякаго контроля и порядка. Онъ проживаетъ иногда гораздо боль-

ше, чѣмъ позволяютъ доходы. Не удивительно, что и Пл. нло не лучше, чѣмъ сотнямъ ему подобныхъ. Еще не дожилъ онъ и до пятидесяти лѣтъ, какъ уже прошелъ всѣ четыре класса состоянія, которые обыкновенно замѣчаютъ у евреевъ, и получилъ отъ невѣрнаго счастья чистую отставку. Страшная бѣдность со всѣми ея ужасами постигла его. Этотъ переворотъ совершился, впрочемъ, въ слѣдствіе разныхъ причинъ; а особенно вслѣдствіе того, что въ городѣ открыли торговлю сукномъ и другіе купцы новаго покроя. Эти люди были народъ молодой, образованный, изучившій все нужное для веденія правильной коммерціи, какъ то: языки, письмо, бухгалтерію и проч. Они сами ѣзжали въ тѣ мѣста, гдѣ предметы ихъ торговли дешевле и лучше, вели жизнь скромную, не дѣлая излишнихъ расходовъ. При томъ, жена Пл., Рейзе-Лея немного постарѣла и перестала блистать, какъ прежде, своей красотой: она уже не имѣла ни охоты, ни досуга заниматься собой и своимъ туалетомъ, да и самая красота ея начинала исчезать, ибо еврейка вообще отцвѣтаетъ весьма рано, и послѣ сорока лѣтъ считается какъ-бы отпѣтою. Тогда какъ прежде ея прекрасное личико привлекало въ лавку покупателей, теперь, напротивъ, ея поблекшее лицо только вредило ея интересамъ. Обороты торговли не достигли и десятой доли прежняго балагса.

Домашняя обстановка П-скихъ тоже служила одною изъ главныхъ причинъ ихъ разоренія: расходы по семейству возрастали съ каждымъ днемъ. Всѣ три пары, съ своими многочисленными семействами жили на ихъ хлѣбахъ; они то и дѣло плодились и хворали на ихъ счетъ. Скоро семейство Пл. возрасла до пятнадцати членовъ, которые привыкли къ праздной и роскошной жизни. Къ тому еще не бывало почти дня, въ который не являлись къ нимъ за вспомошествованіемъ, сказывавшіеся родными и вносяшіе съ собою въ ихъ домъ новую долю бѣдности и нищеты. Эти незваные гости доконали П-скихъ, ибо никогда не упускали случая выжимать, такъ сказать, послѣдній сокъ изъ парализованной уже торговли, т. е. опускать въ свой карманъ каждую копѣйку, которую имъ удавалось стянуть. Несмотря на то, что Пл. смотрѣлъ на все это съ досадой и негодованіемъ, онъ не могъ однако пособить горю. Выжить изъ дома этотъ родственныи пролетаріатъ не было никакой возможности; онъ долженъ былъ волей-неволей мол-

чать и смотрѣть сквозь пальцы на все то, что происходило въ кругу семейства, чтобы не подрывать своего кредита и не лишиться славы богача и, что важнѣе всего, чтобы не повредить партіи, которой искалъ для своей единственной дочери. Ибо послѣдняя, проживъ лѣтъ десять за родительскимъ столомъ со своимъ пресловутымъ мужемъ, принуждена была развестись съ нимъ, подаривъ своему отцу трехъ дѣтей въ знакъ вѣчной памяти отъ своей первой супружеской жизни.

Когда Пл. увидѣлъ, что обстоятельства его принимаютъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе угрожающій видъ, и что, сегодня или завтра, заимодавцы его нахлынутъ на него со всѣхъ сторонъ, онъ удалился на нѣсколько недѣль къ своему шурину, жившему въ пятнадцати верстахъ отъ города Н. Между тѣмъ въ отсутствіи его совершилось одно обстоятельство, которое нѣсколько выпутало его изъ затруднительнаго положенія. Въ его домѣ вспыхнулъ пожаръ, который истребилъ всѣ его пустыя магазины и пустопорожнюю лавку. Это обстоятельство зажало ротъ у всѣхъ его недалекихъ кредиторовъ; послѣдніе не только перестали беспокоить несчастнаго погорѣльца, но даже возымѣли къ нему сожалѣніе.

Въ простотѣ сердца, они думали, что все его состояніе, дѣйствительно, сдѣлалось жертвою огня; заподозрить его въ умысленномъ поджогѣ ни у кого не хватало духа, въ виду его прекраснаго прошлаго. Теперь оправдалась надъ нимъ старая поговорка «какъ прижито такъ и прожито». Безчестьемъ онъ приобрѣлъ свое богатство, безчестьемъ онъ и удержалъ свое честное имя.

Впрочемъ мы, не станемъ донскиваться причинъ пожара Пл. Для насъ рѣшительно все равно, произошелъ ли онъ случайнымъ образомъ, или вслѣдствіе предвзятыхъ мѣръ, дѣло въ томъ, что Пл—му онъ служилъ какъ нельзя больше. Послѣ этого онъ могъ сказать всему міру, что разорился дотла, оставаясь въ то же время при своей доброй репутациі. На самомъ-то дѣлѣ бѣдность посѣтила его уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Настоящая коммерція давно уже уступила мѣсто лихорадочному торгашеству и хотя въ его домѣ, повидимому, все обстояло хорошо, на богатой ногѣ; но это было только для вида, чтобы людямъ пустить пыль въ глаза. Ему самому было его замаскированное положеніе невыносимо и несносно, потому, что онъ долженъ былъ напрягать свои силы до по-

слѣдней степени, какъ человѣкъ, который плаваетъ по мелководью. Теперь только, послѣ описаннаго несчастья, онъ могъ свободно вздохнуть, съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе сбрасывалъ съ себя тяжелыя цѣпи. Прежде всего онъ старался уменьшить число своихъ домохозяевъ и вслѣдъ затѣмъ нанялъ весьма малую и тѣсную квартиру, началъ ѣсть что Богъ послалъ и, по истеченіи короткаго времени, нельзя было даже его узнать. Онъ смотрѣлъ какъ настоящій ехбогачъ: такъ, напр., онъ ходилъ въ дамасковомъ потертомъ халатѣ и старыхъ изодранныхъ башмакахъ, носилъ драгоценную трость, съ серебряннымъ набалдашникомъ, и нюхалъ изъ табакерки изъ березовой коры. По субботнымъ днямъ носилъ на головѣ шапку со собольимъ околышемъ и бархатнымъ истертымъ верхомъ, тоже остатокъ добраго, стараго времени. Въ своихъ разговорахъ, онъ, то и дѣло, припоминалъ, кстати и не кстати, о своемъ прежнемъ богатствѣ.

Но болѣе всего огорчало П. безвыходное положеніе его дѣтей, которыя переполнили чашу его бѣдствій. Онъ воспитывалъ ихъ весьма дурно или лучше не далъ имъ никакого воспитанія. Не учившись въ молодости рѣшительно ничему, они не были въ состояніи зарабатывать для своихъ семействъ даже насущный кусокъ хлѣба. Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ и они похватились теперь каждый за то, что кому попало: одинъ сдѣлался шинкаремъ, другой открылъ мелочную лавочку съѣстными припасами, дочь его сдѣлалась факторкою; всѣ же они жили въ крайней нуждѣ.

Что касается стариковъ, то они жили кое-какъ на кое-что оставшееся и залежавшееся отъ добрыхъ старыхъ годовъ: то выручая старый долгъ, то продавая драгоценную вещицу. Къ тому еще они имѣли поддержку со стороны общества города Н., которое, изъ уваженія къ ихъ прежнему состоянію и страданія къ теперешней ихъ участи, позаботилось о томъ, чтобы они имѣли кредитъ на суконныхъ фабрикахъ и возобновляли свою торговлю. Но все напрасно, не везло и только. Счастіе все равно, что дятло птица, влетаетъ оно въ домъ неожиданно, нежданно и, погостивъ въ немъ извѣстное время, оставляетъ его своею правдою и тогда уже вѣкъ не увидишь его болѣе. Не прошло и года, какъ старики принуждены были закрыть свою лавку и погрязли въ безвыходную бѣдность и нищету. Одинъ изъ знакомыхъ П. хотѣлъ было, прав-

да, взять его къ себѣ въ лавку въ служители; но скоро убѣдился, что Пл. не можетъ быть ему полезнымъ, потому, что послѣдній привыкъ только приказывать, а не повиноваться. Словомъ, Пл. пришлось, какъ говорится хоть изъ моста да въ воду. Онъ не видѣлъ предъ собою другаго выхода какъ только пуститься по міру искать приключеній. При томъ же онъ надѣялся встрѣтиться на дорогѣ съ знакомыми фабрикантами, съ знакомыми помѣщиками и получить отъ нихъ подаваніе. Онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи женѣ, которая одобрила его. Она убѣдилась, что здѣсь-въ городѣ имъ ничего не предстоитъ въ перспективѣ. Сказано, сдѣлано. Но прежде чѣмъ проводимъ г. Пл. изъ города, мы должны еще познакомить читателя съ тогдашнимъ раввиномъ города Н.

Рабби Шмельке *], раввинъ города Н.

Въ то время, когда происходилъ нашъ разговоръ, раввиномъ города Н. былъ великій рабби Шмельке-блаженный памяти. Этотъ человекъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ гаоновъ и наиболѣе уважаемыхъ людей тогдашняго времени. Онъ былъ одаренъ весьма здравымъ умомъ, яснымъ и практическимъ взглядомъ на жизнь, вслѣдствіе чего къ нему обращались всегда за совѣтами не только жители города Н., но и изъ другихъ близкихъ и дальнихъ мѣстностей. Рабби Ш. не ограничивался знаніемъ исключительно еврейскаго міра, но интересовался и общечеловѣческими науками и былъ весьма свѣдующъ въ дѣлахъ политическихъ. Слава его гремѣла въ цѣломъ краѣ; жители города Н. боготворили его и рѣшительно ничего не дѣлали безъ его согласія. Само собою разумѣется, что представители города Н. неоднократно заведили рѣчь со своимъ раввиномъ объ этомъ ех-богачѣ; но, къ крайнему ихъ удивленію, онъ всякій разъ перебивалъ слова ихъ и отклонялъ разговоръ къ другому предмету. Не трудно было догадаться, что рабби Ш. не расположенъ былъ въ Пл. Случилось однажды, что представители города Н. хотѣли выбрать реббъ Цодека въ повѣренные по общественнымъ суммамъ; но рабби воспротивился этому выбору, сказавъ, что на основаніи государственныхъ законовъ воспрещается ввѣрять общественныя деньги человеку о-

*] Окончаніе на кое означаетъ имя ласкательное, которое дается евреямъ личностямъ ими любимымъ и уважаемымъ.

банкрутившемуся. Такъ онъ не допускалъ его и къ другимъ должностямъ, которыя вліятельныя лица города Н. хотѣли поручить Пл.; ибо этотъ гаонъ смотрѣлъ на все происходившее вокругъ него вполне яснымъ взглядомъ и, безъ сомнѣнія, зналъ Пл. какъ своихъ пять пальцевъ. Вообще этотъ рабби не судилъ о характерѣ людей по ихъ поступкамъ, вызываемымъ нерѣдко тайными и побудительными причинами, а по нравственнымъ ихъ качествамъ, и уважалъ въ нихъ болѣе всего доброе и благородное сердце, поэтому весьма рѣдко онъ могъ вполне одобрить поведеніе человѣка; онъ поставилъ себѣ правиломъ никогда не печатать своихъ апробацій на сочиненіяхъ по части талмуда, поднесенныхъ ему ихъ авторами, которые просили его рекомендовать ихъ умственный трудъ предъ еврейскимъ ученымъ міромъ.

Еще менѣе онъ одобрялъ поступокъ раввиновъ, которые, будучи движимы ложнымъ чувствомъ состраданія, выдаютъ просящимъ милостыню рекомендательныя письма слѣдующаго содержанія: «владѣльцы сего безукоризненные бѣдные, просящіе подаванія на порогахъ благородныхъ суть люди честные, лишившіеся своего состоянія, почему и слѣдуетъ покровительствовать ихъ и щедро надѣлать ихъ милостынею.» Онъ былъ увѣренъ, что такія письма приносятъ народу только вредъ; поощряютъ праздность и нищество и что люди, добивающіеся такихъ рекомендательныхъ писемъ, большею частью сами виновны въ своемъ несчастіи. Не дорожа своей собственной честью, какъ можно ожидать, чтобъ они дорожили честью того раввина, который свидѣтельствуетъ о ихъ честности? Нѣтъ такого порока, котораго они не отвѣдали во время своихъ странствованій, и добрая слава ихъ протектора отъ того пострадаетъ.

Такое рекомендательное письмо хотѣлось Пл. получить отъ знаменитаго раввина города Н. Но, будучи убѣжденъ, что раввинъ ни за какія блага въ мірѣ не выдастъ ему такого письма, онъ старался дѣйствовать на него посредствомъ представителей города Н. По его просьбѣ, послѣдніе составили убѣдительнѣйшее письмо, въ родѣ воззванія, ко всѣмъ еврейскимъ богачамъ и за свидѣтельствовали въ немъ о томъ, что еще недавно Пл. былъ однимъ изъ первоклассныхъ купцовъ и что вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, онъ раззорился и попался въ бѣдственное положеніе и потому просить всѣхъ и cadaго помочь ему чѣмъ возмож-

но. П-скій надѣялся, что и рабби, изъ уваженія въ личностямъ, которыя покрыли своими подписями это воззваніе, удостоить послѣднее своею подписью. На этотъ разъ онъ, однакожь, обманулся въ своихъ надеждахъ. Не смотря на то, что ему удалось склонить представителей общества въ свою пользу, не такъ легко было справиться съ рабби. «Я до сихъ поръ этого не дѣлалъ, сказалъ онъ,» «и впередъ останусь вѣрнымъ моимъ правиламъ».

Всѣ просьбы и старанія были напрасны; не помогли и просьбы жены П., которая со слезами просила жену раввина, чтобы она убѣдила своего мужа руку приложить къ этому письму. Рабби оставался при роковомъ «нѣтъ», и только. Но П-скіе не унывали: они настроили всѣхъ вліятельныхъ лицъ города, какъ изъ евреевъ, такъ и изъ христіанъ и не давали рабби покоя. Самъ начальникъ того города пожаловалъ къ рабби для ходатайствованія въ пользу П. «Нельзя его сравнивать съ другими обѣднѣвшими», сказалъ онъ рабби, ибо въ продолженіе многихъ годовъ, онъ оказывалъ нашему городу весьма важныя услуги: не онъ-ли дѣлалъ многократно большія пожертвованія въ пользу общества благотворительности? Не онъ-ли безкорыстно интересовался общественными дѣлами? Слѣдовательно, весьма несправедливо было-бы, отказать ему въ помощи, когда онъ находится въ такомъ безвыходномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что не Богъ вѣсть, чего П. требуетъ отъ васъ, а такой ничтожной услуги. А между тѣмъ вы осчастливите его на всю жизнь. Я ручаюсь за этого человѣка; вы не будете краснѣть изъ-за него и можете смѣло довѣрить ему вашу подпись, которая еслужитъ ему большую услугу, потому, что онъ будетъ первымъ, который удостоился вашей рекомендаціи.»

Слова начальника не могли не произвести своего дѣйствія, ибо онъ былъ въ городѣ всѣми уважаемъ и любимъ. Къ тому же въ его рукахъ находились самыя важныя интересы города. Рабби сталъ мягче, «ради васъ», сказалъ послѣдній, только ради васъ я удовлетворю его просьбѣ. Пусть онъ повидается со мною. Не скрою отъ васъ, что я сперва попробую отсвѣтовать ему эту мѣру къ обогащенію; если же не успѣю въ своемъ желаніи, тогда я не буду ему препятствовать, по данному вамъ слову, хотя, признаться, не хотѣлось бы мнѣ отступить отъ своихъ правилъ. Поблагодаривъ за общаніе, начальникъ простился съ рабби.

На слѣдующій день, послѣ свиданія начальника съ рабби, въ

домъ послѣдняго уже находился ребъ-Цодекъ Пд. Рабби принялъ его весьма ласково и попросилъ къ себѣ въ кабинетъ... Слушайте, ребъ-Цодекъ сказалъ рабби, вы успѣли выхлопотать у меня посредствомъ извѣстнаго вамъ лица, то, что до сихъ поръ никому не удалось. Прошу васъ только вести себя прекрасно въ дорогѣ. Не заставляйте меня раскаиваться въ моемъ поступкѣ. Но я вамъ советую какъ другъ, лучше оставайтесь дома; надѣйтесь на Бога, онъ помилуется васъ, настанутъ лучшія времена, все переделается мука будетъ. Ступайте лучше въ маклеры у купцовъ и т. п. Только, ради Бога, избѣгайте выпрошеннаго хлѣба. Я долженъ вамъ сказать, что вы соберете моимъ письмомъ много денегъ, но не ожидайте, чтобъ онѣ пошли вамъ впрокъ: вы останетесь нищимъ на всю жизнь; васъ будетъ тянуть къ нищенской профессіи. Кто однажды отвѣдаетъ дароваго хлѣба, тотъ не чувствуетъ никакого удовольствія отъ трудовой копѣйки; копѣйка доставшаяся даромъ слаще заработаннаго рубля. Вотъ, что пишетъ мудрый Бенъ - Сиро въ своей книгѣ (глава 40): «Старайся, сынъ мой, избѣгать гнуснаго нищенскаго хлѣба; ибо смерть гораздо лучше его; тому жизнь не въ жизнь, кто ѣстъ чужой хлѣбъ.» Далѣе говоритъ: «тотъ унижаетъ себя, кто пользуется даровымъ столомъ, человекъ, чувствующій свое достоинство, пренебрегаетъ такимъ хлѣбомъ, онъ можетъ быть вкусенъ только для того, кто не знаетъ стыда». Что вы отвѣтите на эти мудрыя слова? Послушайтесь моего совета и оставайтесь дома, васъ и здѣсь не оставятъ, не таскайтесь по міру.

«Драгоценнѣйшій рабби», отвѣчалъ ребъ-Цодекъ Пд., если вы такъ пренебрегаете бѣдными, то вы хотите искоренять изъ нашей среды заповѣдь состраданія къ бѣднымъ.»

«Другъ мой», отвѣчалъ рабби, вы не понимаете меня; вѣдь, согласитесь, что посѣщать больныхъ такая-же обязанность, какъ и подавать милостыню, и не смотря на то мы все таки стараемся по возможности вылѣчивать больныхъ. А если мы всѣ будемъ здоровы, то не будемъ въ состояніи исполнять обязанность о посѣщеніи больныхъ. Но дѣло въ томъ: если нашъ ближній случайно постигнуть несчастіемъ или одержимъ недугомъ, то мы должны по обязанности посѣщать къ нему на помощь. Но кто накликаетъ на себя бѣдствіе легкомысленною и безразсудною жизнью, тотъ не имѣетъ такого права на наше состраданіе, какъ первый; всегда

найдутся люди, дѣйствительно заслуживающіе участіе въ ихъ горькой судьбѣ.»

«И такъ, рабби,» возразилъ ребъ Шл., по вашему выходитъ, что моя бѣдность есть слѣдствіе порочной жизни? Весь городъ, и вы сами, кажется, знаете, что я велъ себя не хуже самыхъ лучшихъ людей. Не я ли давалъ милостыню, сужалъ нуждающихся, не я ли щедро платилъ за али, не я ли, наконецъ, держалъ въ домѣ знатныхъ меламдовъ? и т. д.»

«Слушайте, любезнѣйшій,» отвѣчалъ рабби, мы здѣсь только вдвоемъ, какъ говорятъ, на четыре глаза, поэтому я могу быть откровененъ: ваше прежнее поведеніе рѣшительно мнѣ не нравится. Я не могу одобрять ни скорого вашего обогащенія, ни внезапнаго обдѣннія. Вы объявляете притязаніе на чужую помощь, потому что вы обдѣннвшій богатъ? Знаете, что вашимъ поступкомъ вы напоминаете того рядового, который самъ сдѣлалъ себя генераломъ: одѣлся въ генеральскій мундиръ, обвѣшалъ себя орденами, а когда узнали его обманъ и наказывали по закону, онъ сталъ жаловаться, что съ нимъ поступаютъ хуже, чѣмъ съ простымъ солдатомъ и не имѣютъ уваженія къ бывшему генералу. Вы сами, мой другъ, а не Богъ, какъ мы знаемъ, сдѣлали себя богачемъ, и вы сами причиною вашей бѣдности. Вы вели жизнь безъ всякихъ экономическихъ соображеній и всегда руководствовались только чувствомъ гордости, какъ знаете. Теперь вы чувствуете себя обдѣнншимъ богачемъ и простираете претензію къ цѣлому міру. Вы хотите собирать пожертвованія и сдѣлать меня пружиною вашего предпріятія. Довольно, я не хочу болѣе вдаваться съ вами въ диспуты, я дамъ вамъ мою подпись; но не изъ сожалѣнія къ вамъ, а изъ уваженія къ особѣ, во власти котораго наши интересы. Во всякомъ случаѣ, употребивъ его орудіемъ своихъ видовъ, вы поступили весьма нечестно. Пусть будетъ такъ.» При этихъ словахъ онъ взялъ и подписалъ письмо.

Странствованіе Шл. по міру.

Немедленно по полученіи рекомендательнаго письма, этого, ни на чье имя не адресованнаго перевода, р. Подеръ пустился въ путь-дорогу. Само собою разумѣется, что онъ переодѣлся въ одежду, которая сообщила ему видъ человека небожнаго. Въ своемъ новомъ нарядѣ онъ напомнилъ мѣдный, но посеребряный подвѣч-

никъ, съ котораго время стерло серебряную оболочку, оставивъ только тамъ и сямъ серебряныя пятна. Такъ, напримѣръ, онъ носилъ дорогую рубашку и коротенькій кафтанъ; съ верху былъ покрытъ истертою шубою изъ драгоцѣнной рухляди и имѣлъ при себѣ серебряную табакерку, на которой было вырѣзано его имя. Последнюю онъ вымолилъ со слезами на глазахъ у своего заимодавца, у котораго она находилась подъ залогомъ. Всѣ эти вещи, свидѣтельствовавшія о богатствѣ, которымъ владѣлъ Пл. въ прежніе годы, какъ нельзя лучше шли къ его теперешней роли. Вздвигаясь онъ весьма медленно, ни на минуту не забывая цѣли своего странствованія. Скоро онъ могъ уже убѣдиться, что не даромъ столько хлопоталъ о полученіи рекомендаціи отъ рабби Ш., и что его предпріятіе обдуманно имъ весьма практически: вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся, благодаря подписи рабби, былъ принимаемъ съ большимъ почетомъ и вниманіемъ. Не съ пятью-шестью рублями, т. е. считавшеюся весьма приличною милостынею для другихъ нищихъ его класса, Пл. оставлялъ мѣста посѣщаемыя; изъ каждаго города, гдѣ ему приводилось нищенствовать, онъ выносилъ по двадцати, тридцати и больше червонцевъ. Эти деньги были выдаваемы ему изъ суммъ общественныхъ, по предварительнымъ совѣщаніямъ еврейскихъ старшинъ тѣхъ городовъ. Но кромѣ того многіе изъ состоятельныхъ лицъ приглашали нашего туриста на обѣды съ цѣлью распрашивать его объ образѣ жизни и обычаяхъ знаменитаго рабби Ш. Само собою разумѣется, что ребѣ Подекъ не было отъ этого въ накладѣ. Подаркамъ и пожертвованіямъ не было счета. Короче сказать Пл. во время своихъ странствованій былъ тоже что падикъ, объѣзжающій свое хасидическое царство для собиранія дани отъ своихъ поклонниковъ. Въ продолженіи одного года онъ такъ подобрѣлъ, такъ потолстѣлъ, что нельзя было узнать его, онъ дѣлался гора-горой и сколотилъ капиталъ въ тысячу червонцевъ, кромѣ подарковъ.

Продолжая такимъ образомъ болѣе и болѣе удаляться отъ домашняго очага, онъ исходилъ вдоль и поперекъ разстояніе около ста пятидесяти верстъ и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Капиталъ его росъ, какъ грибы послѣ дождя. «Ну», сказалъ Пл., наконецъ, когда кошма его была уже туго набита: «пора вернуться во свой домъ. Дома опять заложу торговлю и надѣюсь доказать рабби

на дѣлѣ, какъ неосновательно было его мнѣніе «будто тотъ остается нищимъ на всю жизнь, кто разъ попробуетъ дароваго хлѣба». Съ этою мыслью Пл. пустился въ обратный путь, не бросивъ, однакожь, своей нищенской профессіи.

О р а т о р ь.

Время, въ которое происходилъ нашъ разговоръ, было нѣсколько отлично отъ времени, въ которое живемъ теперь. Земля не была еще покрыта сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Почты были мало устроены. Дороги находились въ довольно жалкомъ положеніи. Не удивительно, поэтому, что на того, кто пріѣзжалъ изъ за— какихъ либо пятидесяти верстъ, смотрѣли какъ на прибывшаго изъ за три девяти земель. Такой человекъ могъ давать волю своей прихотливой фантазіи сколько ему угодно, — рассказывать чудовищныя сказки и баснословныя легенды. Въ вѣрующихъ не было недостатка: все принималось за чистую монету. Нечего уже и говорить о человекѣ, который дѣйствительно прибылъ изъ прекраснаго—далека, или о томъ кто странствовалъ по святымъ мѣстамъ. Этимъ объясняется, почему въ то время, то и дѣло, разпространялись въ еврейской средѣ повѣсти о великихъ чудесахъ въ родѣ слѣдующихъ: есть мѣста, гдѣ птицы растутъ на деревьяхъ, гдѣ люди ростомъ менѣе четверти аршина, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ люди выше самыхъ гигантскихъ деревьевъ, имѣютъ только одинъ глазъ во лбу. Странники, возвратившіеся изъ земли Ханаанской, рассказывали, что 9-го Аба 1) западная стѣна храма испускаетъ изъ себя кровавыя слезы, и, что если въ Хевронѣ недостаетъ одного до десяти, т. е. до узаконеннаго числа десяти, необходимыхъ для совершенія молитвы, то изъ пещеры Махпела выходитъ одинъ и дополняетъ собою нужное количество; что въ Цефатѣ всѣ черныя пѣтухи въ одну ночь превратились въ бѣлыхъ и т. п. мнѣшескіе рассказы, порожденные дикою фантазіей. Разнощиками этихъ нелѣпныхъ сказокъ были всякаго рода нищіе, число которыхъ было тогда несравненно больше, чѣмъ въ наше время. Эта нищенская ватага распадалась на разные классы. Къ первому принадлежали всякаго рода бродяги, шатавшіеся съ своими семействами, женами и дѣтьми. Оборванные, нагіе,

1) Мѣсяцъ, соотвѣтствующій августу.

босне, въ лохмотьяхъ и рубищахъ Любина Тарцова, въ числѣ сорока, пятидесяти, влачили они изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе и наводняли собою всё еврейскія гостинницы и корчмы. Чуждые всякихъ нравственныхъ правилъ, не зная ни приличія, ни стыда, эти люди позволяли себѣ все; для нихъ не существовало никакихъ обязанностей и предписаній. Второй классъ составляли обѣдѣвшіе погорѣльцы, агуны 2), разнаго рода калѣки, казенники и бѣсоватые. Въ третьему классу причислялись мелкіе сваты, плохенькіе канторы, люди торговавшіе книженками, прошлогодними календарями, старыми филактеріями, разнаго рода талисманами, заклинатели, знахари и гадатели на воску, свинцѣ и проч. Четвертый классъ образовали такъ называемыя «яловые» проповѣдники, т. е. такіе, которые не произносятъ собственно проповѣдей и поучительныхъ рѣчей, а только умѣютъ рассказывать анекдоты изъ жизни гаоновъ и знаменитыхъ рабби, истолковываютъ смыслъ текстовъ св. писанія по числовому значенію ихъ буквъ и указываютъ въ нихъ намеки на пришествіе Мессіи, долженствующее воспослѣдовать въ такомъ-то и такомъ-то году. Свои разговоры и бесѣды они всегда приправляли разными новостями о землѣ израильской. Въ пятому классу, наконецъ, принадлежали уже настоящіе витіи, т. е. краснобай, которые умѣли произносить умозрительно — ученныя проповѣди и надгробныя слова. Этотъ классъ людей былъ классъ привилегированный. Они всегда получали даровыя подводы на проѣзды изъ города въ городъ и квартировали въ домахъ общественныхъ представителей. На богатыхъ свадьбахъ и обрядахъ обрѣзанія, отъ нихъ не было прѣхода, а на похоронахъ богачей, они какъ снѣгъ на голову сыпались сотнями и наводняли собою кладбище, какъ сталъ вороновъ, слетающихся на падалъ. Словомъ, это были люди въ высшей степени ловкіе, они знали всѣхъ и каждого и невзвидѣли другъ друга какъ пауки. На возвратномъ своемъ пути, герой нашего разсказа встрѣтился въ одной большой корчмѣ съ однимъ изъ такихъ ораторовъ. Въ ожиданіи лучшей погоды, они остались весь день въ гостинницѣ; но какъ бы на зло пого-

2) Агуна, отъ еврейскаго глагола о г е н ъ воздержаться, заператься, значить женщина искавшая своего мужа, пропавшаго безъ вѣсти. По еврейскому закону, она никогда не можетъ вступить въ бракъ.

да не поправлялась и они принуждены были замочевать въ этой корчмѣ. Хозяева отвели имъ маленькую комнату, гдѣ скоро наши туристы познакомились и рассказали другъ другу о своихъ приключеніяхъ. Проповѣдникъ хвастался своими проповѣдями, а Пл. своимъ рекомендательнымъ письмомъ.

«Такъ», отозвался ораторъ, «вы имѣете письмо отъ рабби Ш.? Трудно повѣрить; я знаю, что раби Ш. поставилъ себѣ за правило никому не давать подобныхъ писемъ».

«Вы скоро убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ» возразилъ ребеъ Ц., вынувъ письмо и показывая его оратору. Вся кровь прилила къ головѣ оратора, при видѣ подписи рабби Ш. Тутъ ораторъ осыпалъ Пл. вопросами и разспросами о томъ, какииъ образомъ удалось ему получить отъ рабби Ш. рекомендательное письмо? Послѣдній не заставилъ себя долго просить и рассказалъ ему вкратцѣ исторію своей жизни.

«Ну и много денегъ собрали посредствомъ этого волшебнаго талисмана?» спросилъ ораторъ.

«Гораздо болѣе чѣмъ въ вашихъ многоученныхъ проповѣдяхъ», отвѣчалъ Пл., — «около двухъ тысячъ червонцевъ, кромѣ подарковъ и путевыхъ издержекъ».

«Вотъ какъ», сказалъ ораторъ, «значитъ ваша торба стала кошелемъ и вы, чай, не будете продолжать сборъ милостыни?»

«Нѣтъ, довольно съ меня; надо еще разъ попробовать счастья. По возвращеніи въ свой родной городъ, я намѣренъ опять заложить торговлю».

«Къ чему же вамъ теперь рекомендація? Спросилъ ораторъ.

«Хорошъ вопросъ», возразилъ Пл. «надобно вамъ знать, что я вернусь домой другимъ путемъ и по дорогѣ намѣренъ еще разъ воспользоваться моимъ сокровищемъ. Это одно; а во вторыхъ я долженъ возвратитъ письмо рабби Ш., моему благодѣтелю и принести ему мою благодарность за оказанную мнѣ услугу».

«Увы, мой другъ», отвѣчалъ ораторъ, «вы совершенно ошибаетесь въ расчетѣ: вѣдь другой дорогой вы не можете воротиться домой, какъ только чрезъ землю нѣмцевъ. Но вамъ извѣстно тамошній людъ еврейскій болѣе уменъ, чѣмъ набоженъ. Никто тамъ и кепѣйки не дастъ вамъ изъ уваженія къ подписи какого то раби Ш.; что же касается вашего желанія возвратитъ письмо раби Ш. съ благодарностью, то я долженъ увѣдомитъ васъ, что

раби Ш. нѣтъ болѣе въ живыхъ. Я самъ произносилъ надъ нимъ три надгробныхъ слова, за которыя выручилъ весьма порядочную сумму».

«Такъ! вскрикнулъ раби Ц. въ испугѣ», раби Ш. умеръ! Да будетъ благословенъ праведный судья! Скажите же, пожалуста, кто у насъ занимаетъ теперь мѣсто раввина?»

«Пока еще никто», отвѣчалъ ораторъ весьма хладнокровно, набивая свою трубку табакомъ и смотря въ окно на залившуюся еще погоду.

«Чортъ возьми», продолжалъ онъ, «дождь все еще льетъ—ливня. Я сомнѣваюсь буду ли въ состояніи ѣхать завтра. Что вы думаете», прибавилъ онъ обратясь къ рабѣ Ц., «сколько бы я заработалъ въ это время, пока сидѣлъ здѣсь. Надгробныя слова теперь просто кладъ. Ни одинъ ораторъ еще не приготовилъ рѣчи на смерть рабби Ш., потому что онъ умеръ скоропостижно и при томъ еще во цвѣтѣ лѣтъ. Но я, *слава тому, имени котораго не могу припомнить не умывши руки*, человекъ другой. Повѣрьте, я не люблю отлагать дѣла на послѣднюю минуту: у меня наготовѣ всякаго рода товаръ, я знаю, что смерть у каждаго человека за плечами. Какъ видите, мнѣ придется посвятить вѣчной памяти рабби Ш. нѣсколько проповѣдей. Вотъ почему я бы хотѣлъ имѣть отъ него рекомендацію. Если вы согласны уступить мнѣ ваше письмо, то я бы не прочь былъ израсходовать нѣсколько червонцевъ».

«Но какую пользу вы можете изъ него извлечь, когда оно писано на мое имя?»

«Какой вы чудакъ!» возразилъ ораторъ, «неужели на моемъ лбу написано мое имя?»

«Конечно отнынѣ въ тѣхъ городахъ, гдѣ мнѣ придется читать проповѣди, буду сказывать, что меня зовутъ раби Цод. Пл. Согласитесь, что при удачной рѣчи, владея такимъ рекомендательнымъ письмомъ, я рассчитываю на такую богатую жатву, о какой одинъ изъ моихъ собратій по ремеслу и мечтать не можетъ. Вотъ почему мнѣ хотѣлось бы заключить съ вами сдѣлку. Сверхъ условленной платы на мой счетъ будетъ магаричъ».

Слова оратора произвели свое дѣйствіе.

«На что мнѣ, въ самоѣ дѣлѣ, теперь это письмо?» Подумалъ Пл., «вѣдь оно не доставитъ мнѣ больше ни денегъ, ни чести».

и онъ немедленно приступилъ къ торгу. Онъ запросилъ было за свой товаръ двѣсти червонцевъ, но уступилъ его наконецъ за половину. Къ вечеру того же дня, они разстались весьма довольны другъ другомъ.

И н щ и й.

Надобно вамъ знать, читатели, что ораторъ обманулъ Пл.; раби Ш. тогда находился въ добромъ здоровьи. Не довольный этимъ, ораторъ вслѣдъ за тѣмъ подослалъ къ Пл. шайку бродягъ, принадлежавшихъ къ первой категоріи скитальцевъ. Подосланные слѣдили за Пл. нѣсколько дней сряду, пока улучили удобное время и мѣсто и обворовали Пл. до нитки. Получивъ свою часть безъ всякихъ споровъ со стороны грабителей, ораторъ отправился въ Галицію, былъ въ Венгріи и Молдавіи и собралъ, благодаря письму, огромное количество золота. Но оставивъ его колесить по міру и вернуться къ главному герою нашей повѣсти.

Никакое человѣческое перо не въ состояніи описать несчастное положеніе раби Пл., пробудившагося на слѣдующій день послѣ описаннаго несчастья и увидѣвшаго себя нагимъ, какъ въ день рожденія. Само собою разумѣется, что объ отысканіи покражи не могло быть и рѣчи. Кто могъ заступиться за него на чужбинѣ, гдѣ никто его не знаетъ, при томъ же Пл. не въ чемъ даже было выйти на улицу. Но израильтяне — милосердыя дѣти милосердыхъ (рахмонимъ бенеи рахмонимъ): скоро нашлись люди, которые сожалѣлись надъ его несчастнымъ положеніемъ. Собрали въ его пользу червонцевъ десять, одѣли кое-какъ, дали кое-что на дорогу, и онъ пошелъ домой пѣшкомъ. На дорогѣ онъ могъ обдумать свой легкомысленный поступокъ и былъ убѣжденъ, что несчастье его не что иное, какъ божеская кара за его попрошайство. Слова раби Ш.: «тотъ останется нищимъ на всю жизнь, кто разъ отвѣдаетъ прошеннаго хлѣба», невольно пришли ему на умъ и онъ убѣдился теперь въ ихъ справедливости.

Долгое время Пл. не могъ рѣшиться куда ему направить свой путь: вернуться ли домой, отправиться ли къ знакомымъ фабрикантамъ, или же просто пуститься на всѣ четыре стороны, — пока не узналъ, наконецъ, что ораторъ надулъ его и что имя раби неисключено еще изъ списка живыхъ. Послѣ этого ему ничего не осталось, какъ только снова пуститься по міру, въ роли

обыкновеннаго нищаго. Повятно, что теперь онъ не могъ уже возвратиться во свояси: онъ стыдился показаться на глаза своему покровителю, милость и довѣріе котораго онъ употребилъ во зло. Не менѣе совѣстно было ему явиться предъ семействомъ, безъ гроша въ карманѣ. Онъ скитался нѣсколько лѣтъ сряду и, какъ слѣдовало ожидать, сдѣлался наконецъ обжорою и горькимъ пьяницей. На каждой свадьбѣ или пирушкѣ, праздновавшейся по поводу какого нибудь религіознаго обряда Пл. долженъ былъ непременно быть тутъ какъ тутъ. Онъ уже не заботился болѣе о своей будущности, о судьбѣ своей семьи, а только нищенствовалъ изъ любви къ искусству. Отшагать, на примѣръ, двадцать—тридцать верстъ для того только, чтобы тамъ съѣсть хороній ужинъ, для него была бездѣлица. Присоединившись къ шайкѣ нищихъ, онъ все болѣе и болѣе приближался къ родному городу, не упуская ни малѣйшаго случая упражняться въ вакхальномъ искусствѣ.

Тотъ же ораторъ.

Далеко счастливѣе ребѣ Подека былъ ораторъ въ своихъ странствованіяхъ. Благодаря своему ораторскому таланту и купленной имъ у перваго рекомендаціи, онъ успѣлъ составить весьма порядочный капиталъ. Будучи отъ природы человекъ весьма хитрый, онъ умѣлъ пользоваться легкомысліемъ массы какъ нельзя лучше и пустить въ ходъ всю свою ловкость, чтобы эксплуатировать еврейскіе карманы. Для этой цѣли, онъ прикидывался святымъ, сказывалъ вездѣ, что ему поручена отъ рабси Ш. священная миссія наставлять мірянъ на путь истины; удачно разыгрывалъ роль набожнаго: читалъ рѣчи ярымъ фанатикамъ, держалъ посты, соблюдалъ законъ о новомъ хлѣбѣ 1), не смотрѣлъ на женщинъ и выполнялъ еще много другихъ обрядовъ, выдаваемыхъ суевѣріемъ за суть религіи и требующихъ почти никакой жертвы со стороны ихъ исполнителей. Но и ему не пошло въ прокъ чужое добро. Ровно чрезъ годъ послѣ того, какъ онъ встрѣ-

1) На основаніи Моисеева закона въ древніе времена, въ праздникъ Пасхи первый снопъ жатвы приносился въ жертву Господу. До приношенія же этой жертвы запрещалось употреблять въ пищу новый хлѣбъ. Въ память этого постановленія набожные евреи еще и теперь не ѣдятъ новаго хлѣба до означеннаго праздника.

иля съ ребѣ Подекомѣ Пл..., въ одно прекрасное утро, онъ при-
былъ въ одинъ городъ совершенно здоровымъ и бодрымъ, произ-
носилъ въ главной синагогѣ проповѣдь, за которую удостоился
лестныхъ отзывовъ со стороны слушателей и надѣялся получить
хорошій кушъ. Къ вечеру того же дня онъ былъ приглашенъ
на ужинъ къ представителю тамошняго еврейскаго общества, гдѣ
и остался у него ночевать. Но увы! ему не суждено было болѣе
увидѣть дневнаго свѣта. Бродяжничество и веденная имъ въ
продолженіи долгаго времени неправильная жизнь, не могли не
произвести своего дѣйствія на его здоровье: онъ умеръ въ эту
ночь отъ апоплексическаго удара. Жители этого города отдали
послѣдній долгъ его браннымъ останкамъ съ большими почестями;
на могилѣ было произнесено прекрасное слово. Съ его благопри-
обрѣтеннымъ имуществомъ распорядились тоже весьма честно и
добросовѣстно.

Не подозрѣвая, чтобы ораторъ принялъ на себя чужое и-
мя, они взяли все найденное послѣ его смерти и отправили въ
городъ N, по адресу рабби Ш., препровождая при этомъ за под-
писями вліятельнѣйшихъ лицъ письмо, въ которомъ увѣдомляютъ
о печальной кончинѣ ребе Ц., о днѣ его смерти и т. д. Когда
рабби Ш. получилъ означенное письмо, онъ потребовалъ къ себѣ
жену и все семейство ребе Цод. и прочитавъ имъ извѣстіе о гла-
вѣ ихъ семейства, отдалъ въ ихъ распоряженіе полученное добро.
Жена раби Ц. получила 2800 руб., что слѣдовало ей по брач-
ному договору, а остальное было раздѣлено между наслѣдниками
по ровну. Послѣдніе, правда, оплакивали смерть своего отца,
но замѣтно было, что въ тоже время они щадили свои глаза.

Мѣсяць спустя послѣ полученія извѣстія о смерти ребе Цод.,
жена объявила себя кандидаткою въ невѣсты. Она была еще не
совсѣмъ стара; ей только что пошелъ сорокъ пятый годъ. Она
не могла, правда, какъ во время оно, плѣнять своею красотою
молодыхъ покупателей за прилавкомъ, за то она могла удовлетво-
рять всѣмъ условіямъ жены хозяйки. Впрочемъ она и не надѣ-
ялась сочетаться бракомъ, что называется *marriage d'inclination*;
за то она, тѣмъ вѣрнѣе могла рассчитывать на бракъ, что назы-
вается *marriage de raison*. Не надо забывать, что у нея было
нѣсколько тысячъ приданаго, — обстоятельство, дающее самыя
вѣрныя шансы на выгодную партію. Въ самомъ дѣлѣ, скоро

представилась весьма подходящая партія. Нашелся ей ровня, оди́нь богатый человекъ, недавно овдовѣвшій и женился на ней. Она была весьма счастлива во второмъ замужествѣ, снова зажила веселою жизнью и скоро забыла о первомъ своемъ мужѣ. Обстановка ея теперешней жизни была далеко богаче и пышнѣе прежней.

Пл. между тѣмъ все болѣе и болѣе приближался къ своему родному городу. Но онъ ходилъ весьма медленно, зигзаками; такъ, напримѣръ, оставивъ за собою пространство въ версть десять, онъ возвращался назадъ версть на семь, чтобы поѣсть тамъ на богатой свадьбѣ или пирушкѣ, по случаю обрѣзанія. Такъ совершаютъ свои странствования индѣйскіе пилигримы, отправляющіеся на поклоненіе въ отдаленныя св. мѣста. Въ видахъ умерщвленія и изнуренія своей плоти, эти суевѣрные, отходя, напримѣръ, впередъ шаговъ пять, отступаютъ назадъ шага на три. Конечно, тѣло Пл. нисколько не пострадало отъ такого процесса хожденія; но тѣмъ не менѣе прошло нѣсколько лѣтъ, пока онъ достигъ роднаго города. По всей вѣроятности онъ и совсѣмъ минулъ бы городъ N, но пронюхавъ на дорогѣ, что какой то богачъ дастъ тамъ пирушку на славу по поводу обрѣзанія его новорожденного сына, онъ не устоялъ противу такого искушенія и побрелъ въ городъ въ своемъ нищенскомъ одѣяніи, — въ надеждѣ, что его такъ никто не узнаетъ. Къ счастью, виновникъ пира жилъ за городомъ, такъ что Пл., миновавъ городъ, пробирался проселечными дорожками, пока не дотщился благополучно до жилища богача, будучи рѣшительно никѣмъ незамѣченнымъ.

Религіозный обрядъ былъ уже совершенъ и гости усѣлись за столами. Но Пл. нисколько не огорчился тѣмъ, что опоздалъ на обрядъ, присутствовать при которомъ, каждый еврей считаетъ богоугоднымъ дѣломъ; не обряда ради онъ явился тутъ, за то, занявъ мѣсто между нищими, находившимися тутъ же въ числѣ пяти десятковъ разнаго званія, Пл. кушалъ за десатерыхъ, запивая каждые три — четыре глотка полнымъ стаканомъ вина и находилъ въ весьма веселомъ расположеніи духа.

На этомъ пирѣ собрались всѣ вліятельнѣйшія и ученныя личности города N. Самъ гаонъ рабби Шмелке присутствовалъ тутъ же. Виновникъ пира былъ счастливъ; новорожденный былъ перевесецъ; яства и напитки давались въ изобиліи, гости наслаждались.

Рабби Ш. занималъ всѣхъ сидящихъ за столомъ своими учеными бесѣдами и остроумными анекдотами. По окончаніи обѣда, продолжавшагося до самаго вечера, рабби Ш. самъ совершилъ застольную молитву, ибо онъ имѣлъ весьма пріятный голосъ и восхищалъ слушателей своимъ пѣніемъ. Когда уже вечерѣло, вышла сама родильница съ мѣшкомъ полнымъ серебрянныхъ монетъ, чтобы собственною рукою раздавать милостыню, собравшимся нищимъ, каждому по достоинству.

Когда очередь дошла до ребъ Цодека, послѣдній нахлобуливъ шапку, хотѣлъ удрать изъ за стола. Предполагая что нищій обидѣлся подданною ему не по достоинству милостынею, родильница тутъ же желая поправить ошибку, предложила ему большее подаваніе. Но не тутъ то было. Онъ всталъ изъ за стола и далъ тягу. Этимъ онъ навлекъ на себя подозрѣніе мешуреса, ибо въ тогдашнее время случалось весьма часто, что эти незванные гости стагивали со стола, серебрянную ложечку и тому подобную вещь. Мешуресь пустился за нимъ вдогонку и сорвалъ съ его головы шапку. Всмотрѣвшись въ него пристальнѣе, родильница узнала въ немъ перваго своего мужа. Читатель, конечно, догадывается, что эта родильница не кто иная, какъ его жена. Пл. еще прежде узналъ ее и потому хотѣлъ скрыться. Родильница, предполагая, что первый мужъ ея пришелъ съ того свѣта, испугалась и упала въ обморокъ. Въ домъ поднялась невообразимая суматоха. Мешуресь, узнавъ, что виновникомъ несчастья этотъ нищій, схватилъ его за шиворотъ. Между тѣмъ послали за докторомъ. Послѣдній явился и, приведя въ чувство родильницу, расспрашивалъ ее о причинѣ испуга. «Не знаю» отвѣчала она, «живой или мертвый этотъ нищій, съ котораго мешуресь сорвалъ шапку, знаю только, что онъ первый мужъ мой Цодекъ Пл., сказавъ эти слова, она снова погрузилась въ безпамятство. Тутъ суматоха сдѣлалась всеобщая. Всѣ присутствовавшіе обступили нищаго и дѣйствительно убѣдились, что онъ какъ есть ребе Цодекъ Плу—свій. Никто не могъ однако объяснить себѣ, какимъ образомъ живетъ онъ, когда о смерти его получены были такіа достоверныя свѣдѣнія? Всѣ толки и догадки по этому поводу рѣшительно ни къ чему не повели. Но болѣе всѣхъ былъ огорченъ самъ реббе Ш., что былъ виновникомъ этого злосчастнаго случая. Привели къ нему ребъ Цодека, который разсказалъ подроб-

но обо всемъ случившемся съ нимъ на дорогѣ, о сдѣлкѣ съ ораторомъ и т. д. и рабби сейчасъ отгадалъ, что въ городѣ С. по поводу смерти ребѣ Ц. произошло *qui pro quo*, что приняли оратора за ребѣ Ц. Рабби былъ внѣ себя отъ печали и отчаяннѣ, онъ плакалъ какъ дитя и, сжавъ руки, обратился къ почтеннѣйшимъ гостямъ и сказалъ: «вамъ я обязанъ моимъ несчастьемъ, вы за ставили меня поступать противъ принятыхъ мною правилъ. О, сколько бѣдствій породило неумѣстное состраданіе, которое, благодаря вашему милосердію, я оказалъ Пд—скимъ!. Вслѣдствіе этого на свѣтъ появился незаконнорожденный; дѣтямъ Пд., въ наслѣдство, перешла чужая собственность и жена оратора сдѣлалась аогуною на всю жизнь. О, сколько несправимыхъ грѣховъ, я совершалъ по слабости характера моего!»

«Отъ послѣднихъ двухъ грѣховъ, я искуплю васъ рабби, отъ звался одинъ изъ нищихъ, находившихся тутъ же на пирѣ, приблизившись къ рабби Ш., не перестававшему еще рыдать и плакать на-взрыдъ. Изъ сожалѣнія къ вамъ, я припомню сегодня мои стародавніе грѣшки. Можетъ быть, ради вашихъ заслугъ, мнѣ удастся покаяться въ грѣхахъ своихъ. Я принадлежалъ къ шайкѣ воровъ, которые обокрали тогда ребѣ-Ц. Ораторъ, откупившій у ребѣ Ц. письмо, подослалъ насъ къ нему и подѣлился съ нами по ровну. Это былъ человѣкъ безчестныхъ правилъ. Мы знаемъ этого молодца, и даже помнимъ гдѣ онъ умеръ. Онъ имѣлъ не одну жену, а около пятнадцати. Мы ихъ перечтемъ по имени. Слѣдовательно, деньги его попали теперь во власть къ законнаго владѣльца. Что вамъ много толковать рабби, онъ былъ нашъ компаніонъ: указывалъ намъ всегда мѣста, гдѣ можно беззаказанно поживиться чужимъ доброю. Будучи приглашаемъ на пиръ всѣхъ первостепенныхъ богачей, онъ былъ въ состояніи вывѣдать всѣ потаенные входы, чрезъ которые легче вломаться въ домъ, зналъ, гдѣ находятся сундуки и весьма часто стегивалъ ключи отъ сундуковъ или кофодовъ.»

«А что ты дѣлаешь здѣсь?» спросилъ его рабби. Конечно, почтеннѣйшій рабби, отнюдь не ради малозначительной милостыни, которую получилъ, пришелъ я сюда; а для того, чтобы присутствовать при религіозномъ обрядѣ и подавно: наши братья куда какіе мастера прикидываться нищими съ цѣлью высматривать расположе- ніе домовъ богачей. По правдѣ сказать, здѣшняго хозяина спасю

великое чудо. Не будь васъ, мы дня чрезъ три обобрали бы его до нитки. Я съ нѣкоторыми другими, бывшими здѣсь вчера, въ соучастникъ и сегодня при совершеніи обряда, успѣли вывѣдать всѣ потаенные входы и всѣ уголки въ этомъ домѣ, къ счастью для хозяйки и можетъ быть и для меня самого, я былъ тронуть вашею печалью!—

«Я вижу» отозвался рабби, что въ васъ не совсѣмъ еще заглухло чувство религіозности, почему же позволяете себѣ такой противный Богу порокъ, какъ воровство?»

«Дай Богъ вамъ здоровье», отвѣчалъ обманщикъ; воровство— это наше ремесло, а ремесло имѣетъ со всѣмъ другія правила. Вотъ напередни, нѣкій еврей потерялъ кошелекъ съ деньгами. Несчастный плакалъ, рыдалъ, самъ не зналъ, что дѣлать отъ горя. Къ счастью, я нашелъ потерянное; спросивъ не имѣетъ ли онъ прибиты на потерянномъ предметѣ и, убѣдившись, что найденная вещь дѣйствительно принадлежитъ ему, я возвратилъ кошелекъ цѣликомъ, но немедленно послѣ этою, улучивъ минуту, я укралъ у него все, что отдалъ. Такимъ образомъ, я исполнялъ законъ о возвращеніи потерянной вещи, какъ самый набожный еврей, и въ то же время остался вѣрнымъ своему ремеслу».

Появленіе Пл. имѣло самыя несчастныя послѣдствія на судьбу его жены. Она должна была по еврейскому закону развестись со вторымъ мужемъ. Правда, она получила значительную сумму денегъ по брачному договору, но отъ стыда не смѣла никому показаться на глаза и удалилась со своимъ незаконнорожденнымъ дитятемъ въ безлюдное захолустье, гдѣ скоро, какъ говорится, была забыта Богомъ и людьми. Самъ Пл. прогнанъ изъ города N и принужденъ былъ скитаться по міру, и бывшій первостатейный богачъ, считавшійся красою и вѣнцомъ города N, остался на всю жизнь пьяницею и бродягою, какъ это предсказалъ ему знаменитый рабби того же города N.

И. Бейлинъ.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

О КОНЧИНѢ МИТРОПОЛИТА ІОСИФА.

Угасло великое свѣтило церкви російской, почилъ о Господѣ великій подвигоположникъ православія—литовскій митрополитъ Іосифъ. Это печальное событіе совершилось въ субботу, 23-го ноября, въ 35 минутъ перваго часа по полудни.

Въ день кончины высокопреосвященнаго епископъ ковенскій и викарій литовской епархіи, Іосифъ, совершалъ, соборне, съ городскимъ духовенствомъ, богослуженіе въ домовой церкви генераль-губернаторскаго дома, по случаю храмоваго тамъ праздника св. Александра Невскаго, а вслѣдъ за тѣмъ въ тремъ часамъ по полудни уже началась панихида объ успокоеніи почившаго, совершенная соборне, тѣмъ же духовенствомъ. За панихидой сказалъ краткую, но полную горячаго чувства рѣчь молодой дьяконъ, готовящійся быть законоучителемъ ковенской гимназіи, а затѣмъ произнесъ нѣсколько словъ о значеніи почившаго архипастыря и самъ викарій. Для поклоненія браннымъ останкамъ святителя стеклось очень много читателей его памяти не только православныхъ, но и иновѣрцевъ. Въ воскресенье, въ полдень, послѣдовалъ выносъ его тѣла въ домовую церковь митрополичьяго дома, при которомъ присутствовали—прибывшій того же дня утромъ изъ С. Петербурга главный начальникъ края А. Л. Потаповъ, а также всѣ высшіе воинскіе и гражданскіе чины и множество народа. Въ понедѣльникъ, въ десять часовъ, по нижепомѣщенному церемоніалу, тѣло перенесено въ главный виленскій кафедральный соборъ святителя Николая, гдѣ соборне совершалъ богослуженіе высокопреосвященный Антоній, нарочно прибывшій изъ Пожайскаго монастыря; при этомъ протоіерей Пре-

чистенской митрополичьей церкви о. Антоній Пщолго сказалъ глубоко тронувшее слушателей слово.

Мы не можемъ въ настоящую минуту достойно и вполне обстоятельно оцѣнить дѣятельность и заслуги почившаго архипастыря; его кончина еще такъ свѣжа, его жизнь еще такъ близка намъ, что наскоро набросанныя замѣтки о подвигахъ этого неустрашимого рагоборца за дѣлность ввѣреннаго ему стада Христова легко могутъ подвергнуться заслуженному укору въ недосмотрѣ или пропускѣ существеннаго. Жизнь почившаго архипастыря всецѣло принадлежитъ исторіи; неизгладимыми чертами вписалъ онъ свое имя въ исторію русской церкви и народа, ей принадлежатъ какъ его приснопамятные подвиги въ дѣлѣ возвращенія уніатовъ на лоно православія, такъ и пастырская ревность его въ здѣшнемъ краѣ въ много-трудной борьбѣ съ враждебными началами... Сперва гонимый, хулимый, и отъ чужихъ и отъ своихъ преслѣдуемый, потомъ отличенный двумя вѣнценосцами и достигшій высшихъ земныхъ почестей, онъ испыталъ такимъ образомъ самъ на себѣ и благосклонность и превратности земнаго счастья и все это претерпѣвый до конца, сподобился наконецъ при жизни узрѣть осуществленіе своихъ чаяній и стремленій. Послѣдній годъ жизни почившаго въ Бозѣ митрополита Юсифа былъ рядомъ торжествъ для благочестивой души его: въ этомъ году освящены всѣ великолѣпнѣйшіе виленскіе храмы, возсозданіе или обновленіе которыхъ начато, по его указанію, покойнымъ графомъ М. Н. Муравьевымъ, именно большой св. Николаевскій соборъ, приходская церковь святителя Николая, церковь св. Параскевы, нареченныя Пятницы, и наконецъ мѣсяца два тому назадъ освящена древнѣйшая изъ виленскихъ церквей Пречистенская, такъ что высокопреосвященнѣйшій Юсифъ, переживъ освященіе этой церкви, вправѣ былъ сказать: нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, съ миромъ, потому

что очи мои узрѣли чаяніе души моеѣ—возстановленіе уже послѣдней и древнѣйшей русской святыни, нѣкогда поруганной врагами православія, увидѣли мои очи торжество моеѣ вѣры, еще недавно называвшейся хлопскою, увидѣли спасеніе единовѣрнаго моего и единокровнаго русскаго народа, еще недавно гонимаго и преслѣдуемаго его угнетателями.

Покойный архипастырь былъ старшимъ сыномъ бѣднаго сельскаго священника (въ послѣдствіи протоіерея) Іосифа Сѣмашко, родомъ изъ Кіевской губерніи. Воспитаніе онъ получилъ въ немировской гимназій, а окончилъ оное въ главной семинаріи при бывшемъ виленскомъ университетѣ, изъ которой вышли почти все знаменитые въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ іерархи наши. Высокопреосвященный Антоній (Зубко), б. архіепископъ минскій, живущій нынѣ на покоѣ, въ извѣстныхъ запискахъ «о греко-унитской церкви въ западномъ краѣ,» говоритъ, что у Іосифа Сѣмашко, двумя годами ранѣе его поступившаго въ главную семинарію, уже тогда «складъ мыслей и чувствованій былъ крѣпко основанъ на почвѣ народной, малорусской, несовращенной польскимъ гимназическимъ воспитаніемъ,» что онъ, Антоній, много отъ Іосифа Сѣмашко «слышалъ малороссійскихъ пѣсень и поговорокъ, въ которыхъ ясно высказывалась нелюбовь къ ляхамъ и даже къ униі,» что наконецъ и тогда уже, въ семинаріи, «Іосифъ Сѣмашко былъ вполне самостоятеленъ въ своихъ убѣжденіяхъ, направленныхъ къ единенію съ русскимъ народомъ, какъ это можно было замѣтить изъ того, что онъ предпочелъ русскую литературу всеѣмъ другимъ предметамъ, предоставлявшимся на выборъ учениковъ съ цѣлю спеціальнаго изученія.» Вотъ гдѣ коренился уже зародышъ той истинно-русской патріотической дѣятельности, которая поставила будущаго святителя на ряду съ знаменитыми представителями русской народной исторіи.

Дальнѣйшая жизнь покойнаго полна такого глубокаго интереса и разнообразія, что мы рѣшаемся лучше посвятить ей нѣсколько отдѣльных болѣе обстоятельныхъ статей, а теперь ограничимся краткимъ воспоминаніемъ самаго торжественнаго и счастливѣйшаго момента въ жизни почившаго, когда исполнилась завѣтная мечта всей его многотрудной жизни.

По смерти греко-унитскаго архипастыря Іосафата (Булгака), на мѣсто его, въ греко-унитской духовной коллегіи, покойный государь Николай Павловичъ назначилъ старшаго изъ уніатскаго духовенства, тогда уже епископа литовскаго—Іосифа. Дѣятельности его открылось тогда широкое поприще и благая мысль преосвященнаго, благодаря его неутомимому усердію, быстро зрѣла и распространялась въ средѣ тогдашняго уніатскаго духовенства, такъ что 12 февраля 1839 года, когда церковь наша праздновала недѣлю православія, то есть въ первое воскресенье великаго поста, собирались въ Полоцкѣ всѣ уніатскіе въ Россіи епископы и вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ подписали актъ (всего 1305 подписей священниковъ и монашествующей братіи), въ которомъ, изъявивъ чистосердечное желаніе свое принадлежать къ прародительской церкви своей, положили просить государя о повелѣніи привести ихъ желаніе въ исполненіе. Актъ этотъ, при всеподданнѣйшемъ прошеніи, они предоставили старшему изъ нихъ, литовскому епископу Іосифу, отвезти въ столицу и повергнуть на высочайшее воззрѣніе чрезъ оберъ-прокурора св. синода, графа Пратаева. Покойный государь Николай Павловичъ повелѣлъ представленный ему актъ съ приложеніями внести въ синодъ на разсмотрѣніе и сообразное съ правилами святой церкви постановленіе. Возблагодаривъ Бога за это радостное событіе, синодъ опредѣлялъ: по правиламъ и примѣрамъ святыхъ отецъ принять епископовъ, священство и всю паству бывшей доселѣ греко-унит-

ской церкви въ полное и совершенное общеніе святой православно-каѳолической восточной церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійской и таковое синодальное дѣяніе поднести государю при всеподданѣйшемъ докладѣ.

25 марта, въ праздникъ Благовѣщенія и на бану-нѣ свѣтлаго Христова воскресенія, государь утвердилъ докладъ синода собственноручною резолюціею: «благодарю Бога и принимаю» — и тихо раздалось благовѣстіе, что многочисленное въ западныхъ губерніяхъ нашихъ духовенство и народъ униатскаго обряда воскресли къ новой жизни, въ тѣснѣйшемъ духовномъ соединеніи съ древнею вселенскою церковію Христовою и съ древнимъ своимъ русскимъ отечествомъ.

30 марта, когда въ полномъ собраніи синода сдѣлано постановленіе о приведеніи монаршей воли въ исполненіе, оберъ-прокуроръ ввелъ въ засѣданіе преосвященнаго литовскаго Іосифа. Первенствующій членъ синода, тогдашній митрополитъ новгородскій и с.-пегербургскій Серафимъ, отъ имени всероссійской церкви привѣтствовалъ представителя возсоединеннаго духовенства съ вождельнымъ событіемъ и вручилъ ему синодальную грамоту къ возсоединеннымъ епископамъ и духовенству, а митрополитъ московскій и коломенскій Филаретъ прочелъ высочайше утвержденныя положенія синода о переименованіи греко-унитской духовной коллегіи въ бѣлорусско-литовскую и о бытіи ему, Іосифу, предсѣдателемъ оной, съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа. Преосвященный Іосифъ съ своей стороны принесъ святѣйшему синоду благодареніе отъ лица возсоединенныхъ и, по взаимномъ цѣлованіи, всѣ совокупно отправились въ синодальную церковь, гдѣ совершенно благодарственное Господу Богу молебствіе, въ которомъ участвовали архинастыри Новгорода, Бѣва, Москвы, Казани, Пскова, Литвы... Подобныя же торжественныя богослуженія повторились и

среди воссоединенныхъ епархій, съ тою разницею, что въ нихъ принимали участіе громадныя массы воссоединеннаго изъ униі народа; такъ въ величественномъ сослуженіи обоего духовенства, собиравшагося въ числѣ 50, 80 и даже 150 однихъ священниковъ, совершены молебствія въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Велижѣ, Суражѣ, Оршѣ, Минскѣ, Вильнѣ, Жировицахъ и другихъ мѣстностяхъ. Вездѣ воссоединенная паства тѣснилась принимать благословеніе отъ сослужащихъ архипастырей, которые должны были, выходя изъ церквей, иногда по цѣлому часу идти пѣшкомъ, чтобы удовлетворять ея умильному усердію.

Такимъ-то успѣхомъ увѣнчалось Богомъ благословенное дѣло высокопреосвященнѣйшаго Іосифа, котораго кончину мы нынѣ оплакиваемъ...

СЛОВО НОВОПОСВЯЩЕННАГО СВЯЩЕННИКА ЯРОСЛАВА БРЕНА НАДЪ ГРОВОМЪ ПОЧИВШАГО АРХИПАСТЫРЯ.

Простите мнѣ, преосвященнѣйшій Владыко, и вы служители алтаря Божія, что въ вашемъ присутствіи я дерзаю держать рѣчь при семъ гробѣ; вѣдь этотъ гробъ также близокъ и дорогъ моему сердцу, какъ близокъ онъ каждому изъ васъ; вѣдь въ этомъ гробѣ—наша честь, наша слава, наша гордость, наше—все. Осиротѣлая паства, въ состояніи ли ты оцѣнить ту утрату, которую сейчасъ понесла! Кто замѣнитъ тебѣ сего добраго пастыря, всегда стоявшаго на стражѣ своей и охранявшаго тебя отъ волковъ?...

Помолитесь же теперь, братіе и сослужители, да духъ почившаго архипастыря выну пребудетъ съ нами!...

СЛОВО ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЮСИФА, ЕПИСКОПА КОВЕНСКАГО, ВИКАРІЯ ЛИТОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Закатилось свѣтило, такъ долго сіявшее на горизонтѣ церкви; не стало крѣпкаго столпа православія, — почилъ о Господѣ великій святитель Божій, вписавшій имя свое не только въ исторію отечественной церкви, но въ скрижаляхъ гражданской исторіи — и не только нашей отечественной исторіи, но и въ исторіи всего міра. Его дѣятельность воззвала здѣшнюю паству къ бытію; его истинно - апостольскіе труды и заботы неизгладимыми чертами напечатлѣлись повсюду въ здѣшнемъ краѣ. Да почиетъ же новопреставленный владыка въ селеніяхъ праведныхъ, отнюду же отбѣже всяка болѣзнь и воздыханіе...

РѢЧЬ ПРОТОІЕРЕЯ АНТОНІЯ ПЩОЛКИ.

Владыко нашъ! съ какою же это *славой* и торжественностію, съ какимъ пѣснопѣніемъ мы ввели тебя нынѣ въ этотъ престольный храмъ твой? Святителю нашъ, толико лѣтъ священнодѣйствовавшій съ нами! какое же это нынѣ видимое священнодѣйствіе ты предлагаешь намъ во взысканной и созданной тобою кааедрѣ литовской церкви? Господине нашъ! но что реку? не господине, а много о Бозѣ возлюбившій насъ, отче нашъ! что же ты не предстоишь служенію нашему, какъ предстоялъ обыкновенно? Что не слышится голось твой посреди сего храма, какъ бывало доселѣ? Ахъ, Боже нашъ! помышлялили мы, что такимъ небывалымъ чиномъ будемъ вводить и встрѣчать тебя въ этомъ храмѣ, въ этомъ тобою приобрѣтенномъ для насъ памятникѣ торжества православія? Ожидалили мы, что ты, ярко горѣвшій свѣтильникъ нашъ, можешь быть сдвинуть со свѣщника литовской церкви? Не смотря на недугъ, удручавшій,

гебя, отецъ нашъ, мы надѣялись во свѣтѣ ума твоего поучаться свѣту истины еще многіе годы: самая продолжительность времени сіянія твоего заставляли забыть насъ, что ты можешь когда-либо погаснуть. Но вотъ, сильный духомъ, по мановенію Божію уступилъ силѣ смерти и мы — осиротѣли. Господь взялъ отъ насъ избраннаго Своего, и мы сѣтуемъ, какъ вдовица, у которой спалъ вѣнецъ съ главы ея.

Братіе, христіане! простите намъ нашу скорбь и наше сѣтованіе! блаженно-почившій архипастырь сей есть отецъ нашъ, поистинѣ отецъ; не пѣтуемъ, но отецъ. Онъ любовью, заботами, трудами и благовѣствованіемъ родилъ и взлелѣялъ насъ. Многіе изъ васъ, безъ сомнѣнія, слышали и знаютъ, что древняя, псковни православная литовско-русская церковь была уничтожена, поругана и вытѣснена изъ городовъ въ бѣдныя деревни. Она было измѣнилась въ пастыряхъ и овцахъ, измѣнилась вѣрою, церковными правилами и богослуженіемъ. Она почти забыла свое происхожденіе и отступилась было отъ своей матери, восточной православно-каатолической церкви. Но пришло время искупленія, и премудрый Зиждитель вложилъ великому монарху мысль избранія, для обновленія церкви литовской, сильного духомъ мужа сего, въ Бозѣ почившаго нынѣ архипастыря нашего. Подъ его мудрымъ управленіемъ преобразовались мы вѣрою, возвратясь къ чистымъ догматамъ древней православной церкви,—преобразились духомъ, возвратясь къ постановленіямъ и сообществу съ родною нашею матерью всероссійскою церковію,—преобразились сердцемъ, обновя чувства родственной любви къ великому общему нашему русскому племени и русскому отечеству. Мы помнимъ, какъ отцы наши и нынѣ живущіе еще старцы, съ радостнымъ умиленіемъ приняли отъ благопромышленія сего почившаго возвращеніе ихъ къ прежнему церковному порядку, которому нѣ-

которые изъ нихъ слѣдовали въ начаткахъ своей жизни. Мы были свидѣтелями, какъ зрѣлые мужи, по его благовѣствованію, извѣщивали прошедшее съ настоящимъ, хитросплетенія жи со свѣтомъ здраваго смысла, и преклоняли умы и сердца свои предъ непреложною истиною. Наконецъ, мы сами лично, то есть, я и сверстники мои, подъ благопопечительно-стію его, получили образованіе въ истинномъ духѣ христіанской православной церкви и научились любить, какъ сію церковь, такъ и земное свое отечество— Русь православную. Всѣ мы, какъ отцы и старцы наши, такъ и мы сами, апостольскими подвигами сего усопшаго, утвердились въ воспринятой вновь прародительской вѣрѣ и въ неизмѣнномъ единеніи съ Русью святою. Исповѣдуемъ предъ вами, братіе-христіане, исповѣдуемъ и предъ всею Россією и предъ всѣмъ міромъ, что безъ сего избранника Божія, мужа желаній Господнихъ, безъ его постоянного горѣнія любовью къ Россіи, безъ его самоотверженія и мощнаго духа, мы до сихъ поръ, быть можетъ, коснѣли бы еще въ прежнемъ горестномъ положеніи, до сихъ поръ несли бы тягостное иго прежняго чуждаго преобладанія. Онъ одинъ руководилъ насъ спасительными наставленіями; онъ одинъ заботился обезпечить участь нашу; онъ одинъ радѣлъ и объ удобствахъ жизни нашей; въ его великой нравственной силѣ мы слышали и ощущали свою собственную силу. И послѣ всего этого онъ не—отецъ ли намъ? О, по истинѣ отецъ, не пѣстунъ, но отецъ!

Богомудрый архипастырю, святыи владыко нашъ! память твоихъ благодѣяній останется на вѣки въ скрижаляхъ церкви литовской и всероссійской, и благодарность наша никогда не истребится изъ сердецъ нашихъ и потомковъ нашихъ; мы никогда не откажемъ тебѣ въ сладостномъ имени отца, скажу болѣе, никогда не посрамимъ этого имени твоего по-

ступками противными твоей волѣ, никогда не престанемъ взывать: архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ. Помяни и ты насъ тамъ, отче нашъ!

Вслѣдствіе извѣщенія объ утратѣ, постигшей Литовскую паству смертію ея архипастыря, изъ разныхъ мѣстъ получаютъ сочувственныя телеграммы. Вотъ, между прочимъ, телеграмма изъ Москвы отъ преосвященнаго Леонида, на имя викарнаго епископа Іосифа:

«Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ (московскій) глубоко сожалѣетъ о великой потерѣ церкви литовской и виленской, равно и паства московская, живо помнящая почившаго. *Въ Москву совершаются поминovenія.*

ЦЕРЕМОНИАЛЬ ПЕРЕНЕСЕНІЯ ТѢЛА ВЪ ВОЗѢ ПОЧИВШАГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ІОСИФА, МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО, ИЗЪ ДОМОВОЙ ЦЕРКВИ ВЪ НИКОЛАЕВСКІЙ СОВОРЪ.

I. Перенесеніе тѣла въ Возѣ почившаго архипастыря назначено въ понедѣльникъ 25 сего ноября, въ 10 часовъ утра, по совершеніи литургіи въ домовой церкви.

II. Въ выносу приглашено все мѣстное духовенство, какъ то: архимандриты монастырей, протоіерей и священники съ диаконами, въ черныхъ облаченіяхъ.

III. Шествіе изъ домовой церкви направлено, по выходѣ изъ архіерейскаго дома, черезъ большую улицу къ ратушному дому, и оттуда къ Николаевскому собору.

IV. Порядокъ шествія слѣдующій:

1. Хоругви, которыя принесены ко времени выноса, къ архіерейскому дому.

2. Образа, несенные родственниками покойнаго и священниками.

3. Гробовая крыша, несенная четырьмя діаконами.

4. Семинарскіе пѣвчіе.

5. Выборные отъ всѣхъ городскихъ сословій.

6. Виленская городская дума.

7. Городской голова и старшины городскихъ сословій.

8. Чиновники консисторіи въ мундирахъ, наставники семинаріи и училищъ, по два въ рядъ.

9. Діаконы, священники, протоіереи и настоятели монастырей, по два въ рядъ.

10. Знаки отличій на подушкахъ, несенные священниками : 1) орденъ Св. Анны 1 степени, 2) Св. Александра Невскаго, 3) Св. Владиміра 1-й степени, 4) Св. Андрея Первозваннаго, 5) панагіи и кресты.

11. Архіерейскіе пѣвчіе.

12. Евангеліе, запрестольный крестъ и икона Божіей Матери, несенные священниками.

13. Преосвященные архіереи.

14. Крестъ, лампада и посохъ, употреблявшіеся при богослуженіи его высокопреосвященства, несенные іеродіаконами.

15. Бѣлый клобукъ съ малымъ омофоромъ на блюдѣ, несенный іеромонахомъ.

16. Митра и большой омофоръ на блюдѣ, несенный іеромонахомъ.

17. Два діакона съ трикиріями и два діакона съ рипидами по сторонамъ гроба и діаконы съ кадильницами и со свѣтильниками.

18. Гробъ покойнаго, несенный архимандритами, протоіереями и священниками; при гробѣ четыре хоругви по угламъ, несенныя причетниками; въ нимъ четыре ассистента.

У. Мѣста на пути шествія для перемѣны лицъ раздѣлялись на слѣдующіе чреды:

1) Изъ домовой церкви , 2) отъ выхода изъ архіерейскаго дома до ратушнаго , 3) отъ ратушнаго дома до Николаевскаго собора , 4) входъ въ соборъ.

VI. Во время шествія производился по всей Вильнѣ соотвѣтствующій сему случаю перезвонъ , а по внесеніи тѣла въ Николаевскій соборъ обыкновенный звонъ во всей Вильнѣ , знакомъ къ коему послужилъ звонъ на соборной колокольнѣ.

VII. По постановленіи гроба на уготованное мѣсто , отправлена литургія , по окончаніи коей послѣдовала панихида.

Извлекаемъ изъ доставленнаго источника еще слѣдующія свѣдѣнія о почившемъ архипастырѣ:

Высокопреосвященный митрополитъ Іосифъ родился Киевской губерніи Липовецкаго уѣзда , въ селѣ Павловкѣ , отъ священника Іосифа , изъ дворянъ , и назывался въ мѣрѣ , также какъ и въ монашествѣ , Іосифомъ , по фамилии Сѣмашко. Дворянинъ , родитель его , хотѣлъ дать сыну своему дворянское образованіе въ свѣтскомъ учебномъ заведеніи и помѣстилъ его въ немировскую гимназію , гдѣ учили языкамъ: латинскому , французскому , русскому , польскому , также физикѣ , математикѣ , гражданскому праву , всеобщей исторіи и географіи. Но Іосифъ Сѣмашко (сынъ) съ ранней молодости обнаруживалъ расположеніе къ изученію предметовъ церковно-религіозной и богословской науки , и гимназическое воспитаніе , въ программѣ котораго совсѣмъ не упоминается о подобныхъ предметахъ , не могло удовлетворить его духа ; поэтому Іосифъ Сѣмашко , по окончаніи курса наукъ въ немировской гимназіи , въ 1816 году , поступилъ въ главную семинарію , учрежденную при виленскомъ университетѣ. Курсъ ученія въ главной семинаріи продолжался 4 года ; тамъ въ эти 4 года обучали:

толкованію священнаго писанія, богословію догматическому, нравственному и пастырскому, церковной исторіи, каноническому праву, логикѣ, краснорѣчію и поэзіи, словесности латинской, русской и польской, языкамъ греческому, еврейскому и французскому, наконецъ ботаникѣ и зоологіи. При отличныхъ способностяхъ и примѣрномъ усердіи къ учебнымъ занятіямъ, Іосифъ Сѣмашко вышелъ изъ главной семинаріи однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ и получилъ степень магистра богословія. Главная семинарія въ Вильнѣ учреждена была преимущественно для римско-католическаго духовенства; привлеченіе туда униатскаго духовенства сдѣлано было въ видахъ образованія униатовъ въ духѣ р. - католическомъ, съ проведеніемъ въ нихъ идей польской національности. Іосифъ Сѣмашко съ молодыхъ лѣтъ заявлялъ свою нерасположенность къ такому направленію и дѣлился съ своими товарищами иѣткими остротами противъ ляховъ, и это у него выходило съ такимъ тактомъ, что пропитанные польскимъ духомъ товарищи, не смотря на колкія остроты на ихъ счетъ, не переставали относиться къ нему съ уваженіемъ. По окончаніи курса наукъ въ главной семинаріи и по возвращеніи въ свою епархію, онъ опредѣленъ къ должности кафедральнаго проповѣдника и ассесора луцкой греко-униатской консисторіи и профессоромъ богословія въ епархіальную семинарію. Въ 1820 году, 26 декабря, въ мѣстечкѣ Жидичинѣ, Волинской губ., тогдашнемъ мѣстопребываніи луцкаго униатскаго епархіальнаго начальства, профессоръ Сѣмашко луцкимъ епископомъ Іаковомъ Мартусевичемъ рукоположенъ во діакона; черезъ годъ послѣ того (28 декабря 1821 года) рукоположенъ въ санъ священника, скоро потомъ опредѣленъ луцкимъ протопресвитеромъ, а 1822 г. 20 іюня избранъ въ ассесоры духовной коллегіи. Присутствуя въ качествѣ члена отъ униат-

скаго духовенства въ коллегіи, молодой протопресвитеръ (протоіерей) открылъ спокойную, но неотражимую борьбу противъ римско - католическихъ членовъ коллегіи, посягавшихъ на греко - униатскія церкви и духовенство. По проискамъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ римско-католиковъ, имѣвшихъ доступъ въ высшія наши правительственныя сферы, духовная коллегія такъ устроилась, что униаты отданы были въ полное распоряженіе римскихъ - католиковъ. Хотя католики и принимали униатовъ ассессорами въ коллегію, но имѣя всегда перевѣсъ въ большинствѣ голосовъ надъ униатами, имѣя большую опору въ своихъ связяхъ и вліяніяхъ, они съ презрѣніемъ относились къ заявленіямъ униатскихъ ассессоровъ, не согласнымъ съ ихъ видами, и въ древнѣйшихъ православныхъ церквахъ, обращенныхъ въ унию, хозяйничали какъ хотѣли, сносили долой иконостасы, отбирали колокола, перемѣняли храмовые праздники, вводили праздники изъ своихъ святцевъ. Противъ этихъ злоупотребленій возсталъ протоіерей Сѣмашко и высказалъ несокрушимую твердость своего характера, замѣчательный тактъ и силу убѣжденія. По его старанію, по его ясному изложенію дѣла, униаты освобождены изъ подъ власти римскихъ-католиковъ, для нихъ отдѣлена особая греко-униатская духовная коллегія, въ которой и былъ членомъ виновникъ ея учрежденія. Во время своего присутствованія въ коллегіи онъ такъ зарекомендовалъ себя, что тамъ же въ Петербургѣ въ 1829 году, 4 августа, хиротонисанъ во епископа мстиславскаго. Въ монашество постриженъ тоже въ С. - Петербургѣ, за нѣсколько дней до хиротоніи во епископа. 1833 года, апрѣля 2 дня, Высочайшимъ указомъ повелѣно ему быть епископомъ литовской греко-унитской епархіи. Въ это время онъ особенно началъ дѣйствовать по возстановленію древнихъ обрядовъ, свойственныхъ греко-унитской церкви, и потомъ и по

возсоединенію уніатовъ съ православною католическою церковію. Въ 1839 году совершилось это священное возвращеніе на лоно истинной церкви нѣсколькихъ милліоновъ душъ, отторгнутыхъ насиліемъ, послѣ чего высокопреосвященный Іосифъ, 25 марта 1839 года, былъ возведенъ въ санъ-архіепископа. Въ 1840 г., 6-го апрѣля, онъ наименованъ архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ. 30 марта 1852 года за пламенную ревность къ православію, приверженность къ престолу, благоуспѣшныя дѣйствія при возстановленіи православной ерархіи и неутомимыя заботы объ утвержденіи въ духовныхъ паствахъ праотеческой вѣры возведенъ въ санъ митрополита литовскаго и виленскаго, при чемъ всемилостивѣйше пожалованъ бѣлымъ клобукомъ съ крестомъ, украшеннымъ драгоценными камнями. Вотъ тѣ скудныя свѣдѣнія о почившемъ архипастырѣ, которыми мы долгомъ считаемъ подѣлиться пока съ читателями.

Дополнимъ эти свѣдѣнія нѣкоторыми положительно намъ извѣстными дѣлами благотворительности, которая, въ числѣ другихъ добродѣтелей, украшала неизмѣнно высоконравственную личность почившаго. Мы укажемъ только на самые крупные факты этого рода. Въ 1844 году высокопреосвященнѣйшій Іосифъ пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ въ пользу попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія литовской епархіи 1500 р. Въ 1848 г. въ пользу св. Духовскаго монастыря завѣщалъ 3000 руб. Въ 1851 году пожертвовалъ для библиотеки литовской семинаріи собственныхъ денегъ свыше 1500 руб. Когда загорѣлась севастопольская война, высокопреосвященнѣйшій Іосифъ получаемое по уставу архіерейское жалованье свое, въ количествѣ 4000 руб., раздѣлилъ по поламъ, одну половину отдавая на военныя потребности для русской арміи до тѣхъ поръ, пока кончилась военная кампанія. Въ 1861 году въ пользу

виленскаго училища для дѣвиць духовнаго званія пожертвовалъ 5000 руб. на приданое, по окончаніи курса, для болѣе успѣшныхъ въ наукахъ учениць.

За два или за три дня до кончины высокопреосвященнѣйшій, удручаемый уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ болѣзнями, чувствовалъ себя какъ обыкновенно, но въ четвергъ, 21 ноября, ему стало дурно, произошелъ какой то рѣзкій переверотъ въ его организмѣ и въ субботу въ полдень его не стало!... Съ четверга онъ не принималъ пищи и не спалъ, однако былъ еще въ полной памяти; въ пятницу онъ исповѣдался и причащался св. таинъ. Когда прибыли къ нему доктора, то онъ спокойно спросилъ ихъ: «скажите мнѣ правду, не стѣсняйтесь обыкновенною скрытностію передъ умирающимъ, мнѣ такъ плохо, что кажется жизнь моя на землѣ кончается». Медики не имѣли основаній разувѣрять больного въ его мысляхъ. Ночью съ пятницы на субботу ему было очень тяжело, онъ чувствовалъ сильную жажду; то ему представлялось, что комнаты его наполнены народомъ и онъ спрашивалъ: откуда такъ много народу, то просилъ, чтобы его переодѣвали. Къ утру ему однако стало лучше, и онъ по желанію своему еще разъ сподобился св. приобщенія тѣла и крови Христова; послѣ того онъ былъ въ спокойномъ состояніи, но чѣмъ дальше, тѣмъ слабѣе. Въ 12-мъ часу дня онъ приказалъ просить къ себѣ преосвященнаго викарія Іосифа, который совершалъ литургію въ домашней церкви при домѣ, гдѣ живетъ г. главный начальникъ края. Пока успѣли доложить преосвящ. викарію, пока онъ, окончивъ литургію, успѣлъ пріѣхать въ митрополичьи покои, засталъ уже бездыханное тѣло архипастыря. До самой кончины онъ былъ совершенно спокоенъ; въ послѣднія минуты жизни вдохнулъ три раза, и отдалъ Богу душу. Извѣстіе о смерти его быстро распространилось; не прошло и

часу послѣ его кончины народъ во множествѣ сте-
бался къ митрополичьимъ палатамъ, на лицахъ за-
мѣтно было глубокое сожалѣніе о потерѣ незабвеннаго
архипастыря. Послѣ облаченія тѣла, въ 3 часу по
полудни, совершена была панихида. Вечеромъ въ
субботу, по обычному порядку, въ домашней митро-
поличьей церкви совершенно было всенощное богослу-
женіе, послѣ котораго въ 7^{1/2} часовъ началась предъ
покойникомъ панихида, на которой присутствовало
очень много народу. Не малое число предстоящихъ,
особенно изъ дамъ, не могли удержаться отъ слезъ.
При окончаніи панихиды, совершавшій оную преосвя-
щенный викарій Іосифъ сказалъ краткую рѣчь, въ
которой упомянулъ о томъ, что новопреставившемуся
въ сей день предуготованъ путь къ престолу Царя
славы двумя великими тружениками земли русской и
святыми мужами: великимъ княземъ Александромъ
Невскимъ и святителемъ Митрофаномъ Воронежскимъ,
которые оба отошли къ Господу въ этотъ же день.
т. е. 23-го ноября. Затѣмъ панихиды назначены
три раза въ сутки: утромъ въ 8 часовъ, въ полдень
въ 12 час. и вечеромъ въ 7^{1/2} часовъ. Въ воскре-
сенье, 24 числа, утреннюю панихиду пѣли ученицы
виленскаго духовнаго училища, объ устройствѣ кото-
раго такъ ревностно хлопоталъ почившій владыка и
которому, какъ уже замѣчено, пожертвовалъ значи-
тельную сумму денегъ. Затѣмъ въ обычное время
совершена была преосвященнымъ викаріемъ Іосифомъ
въ домашней митрополичьей крестовой церкви литур-
гія, послѣ которой, по литіи, тѣло покойнаго благо-
честно положено было во гробъ и перенесено въ ту же
домашнюю его церковь, гдѣ совершена была панихида.
При этомъ служеніи, равно какъ и при выносѣ тѣла,
присутствовали г. главный начальникъ края, прочіи
начальственные лица и весьма много частной публи-
ки. Вечернюю панихиду совершалъ прибывшій изъ

ложайскаго монастыря, пребывающій тамъ на покой высокопреосвящ. архіепископъ, б. минскій Антоній 25-го ноября совершень торжественный выносъ тѣла изъ Крестовой церкви въ кафедральный Николаевскій соборъ; шествіе происходило по особому церемонаіалу съ хоругвями, въ сопровожденіи двухъ архіереевъ и всего духовенства города, какъ бѣлаго, такъ и монашествующаго; стеченіе народа было весьма многочисленное, не смотря на дождь и слякоть. По внесеніи тѣла въ соборъ, краснорѣчивый нашъ проповѣдникъ протоіерей древняго митрополичьего собора Преподобнаго, о. Антоній Пщолко, сказалъ рѣчь съ такимъ чувствомъ и одушевленіемъ, что почти всѣ слушатели тронуты были до слезъ. Литургію совершалъ высокопреосвященный Антоній, а панихиду опять оба преосвященные. Во время выноса и торжественнаго шествія, при литургіи и панихидѣ присутствовали главный начальникъ края и всѣ прочіе начальствующие и служащіе въ полной парадной формѣ, а также воспитанники и воспитанницы разныхъ учебныхъ заведеній въ Вильнѣ. По окончаніи панихиды, во 2-мъ часу по полудни, тѣло оставлено въ соборѣ, а при немъ непрерывно продолжалось обычное чтеніе «вангелія священниками, поочередно.

Мѣсто для вѣчнаго упокоенія тѣла митрополита Іосифа избрано имъ самимъ въ пещерѣ Свято-Духовской церкви, въ каменномъ гробѣ, устроенномъ по его желанію, еще при жизни его, подъ ракою трехъ виленскихъ мучениковъ.

Сотрудники его въ дѣлѣ спасительнаго воссоединенія униатовъ съ православною церковью, его сослуживцы и помощники въ дѣлѣ управленія западно-русскою паствою стеклись отдать послѣдній долгъ въ Бозѣ почившему архипастырю. Бромѣ викарія лиговской епархіи, Іосифа, епископа ковенскаго, приѣхали въ Вильну: высокопреосвященный Антоній, быв

шій минскій архіепіскопъ; преосвященный Игнатій, другой викарій покойнаго митрополита, епископъ брестскій; высокопреосвященный Михаилъ, бывшій минскій архіепіскопъ; преосвященный Александръ, епископъ минскій, недавній викарій покойнаго митрополита. Прибыль также высокопреосвященный Макарій, архіепіскопъ харьковскій, и г. оберъ прокуроръ святѣйшаго сѣнода. Преосвященный Игнатій въ понедѣльникъ вечеромъ, 25 числа, и во вторникъ утромъ совершалъ панихиды и въ тотъ же день литургію; вечернюю панихиду во вторникъ совершалъ высокопреосвященный Михаилъ, онъ же совершалъ въ среду, 27-го числа, литургію. Утреннюю панихиду въ этотъ день совершалъ преосвященный Александръ, а вечернюю — преосвященный викарій Іосифъ. Какъ литургію, такъ и панахиды совершались соборне, въ сослуженіи мѣстнаго городского духовенства и прибывшихъ изъ епархіальныхъ монастырей архимандритовъ, при многочисленномъ всегда стеченіи народа. Въ среду, по совершеніи богослуженія высокопреосвященнымъ Михаиломъ, отправлена была предъ гробомъ панихида духовенствомъ виленскаго женскаго монастыря въ присутствіи игуменіи и всѣхъ сестеръ этой общежительной сбитѣли при умиленномъ пѣніи женскаго монастырскаго хора, равно какъ и въ воскресенье, 25 числа, въ 4 часа по полудни.

**СЛОВО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ 26 НОЯБРЯ 1868 Г. ВО ВРЕМЯ
ЛИТУРГІИ СВЯЩЕННИКОМЪ ІОАННОМЪ КОТОВИЧЕМЪ.**

Въ Бозѣ почившій архипастырю!

Позволь мнѣ, младшему въ сонмѣ здѣшнихъ священнослужителей, повторить нынѣ окружающей твой гробъ оспротѣлой твоей паствѣ тѣ слова, которыя ровно 10 лѣтъ тому назадъ ты сказалъ ей съ свойственнымъ тебѣ величественнымъ спокойствіемъ, въ одинъ изъ свѣтлыхъ дней твоей

жизни, при освященіи благолѣпно устроеннаго твоими трудами храма въ томъ самомъ зданіи, въ которомъ ты, по собственному сознанію, провелъ лучшее время жизни, готовясь къ великому служенію церкви и отечеству. *«Вотъ мнѣ уже 60 лѣтъ, говорилъ ты тогда. Если это послѣдній годъ моей жизни, послѣдній годъ моего служенія, послѣднія мои къ вамъ слова; то не забудьте и пишемъ пастырь: не судите о немъ по тому, чего ни сдѣлалъ и сдѣлать не могъ; но по тому, что совершилъ дѣйствительно съ Божіею помощію, ко благу своей паствы, своей церкви, своего отечества, и съ чѣмъ уповаешь онъ предстать на судъ праведный Господа.»* (Слова и рѣчи его, 120 стр. изд. 3-е).

Къ нашему счастью, этотъ годъ не былъ послѣднимъ годомъ твоей жизни и твоего служенія; но тогдашнія твои слова были послѣдними словами непосредственно изъ устъ твоихъ обращенными къ любящей тебя паствѣ. Она ужъ была лишена въ послѣдующее время твоего всенароднаго слова, такъ всегда знаменательнаго и въ высшей степени назидательнаго. Но если твое молчаніе смущало насъ; за то мы много лѣтъ утѣшались, видя и чувствуя, что дѣло, начатое и съ Божіею помощію совершенное тобой, неослабно двигалось впередъ, не умаляясь ни въ степени своей силы, ни въ обиліи добрыхъ послѣдствій.

Даже, если бы ты успѣлъ совершить только то, что совершилъ въ послѣднія десять лѣтъ, то и это дѣло заслужило бы вѣчной нашей благодарности. Но предъ нами не 10 лѣтъ; предъ нашими глазами предносится 40-лѣтняя твоя пастырская дѣятельность, такъ знаменитая, такъ обширная и благотворная, что оцѣнить ее вполне мы теперь не въ силахъ, но потерю которой мы сильно чувствуемъ и долго будемъ чувствовать.

Мы, братія-христіане, съ сердечною скорбію окружаемъ этотъ гробъ, въ которомъ почиваетъ нашъ добрый архипастырь, маститый патріархъ осиротѣлой паствы. Мы ждемъ его благословенія, его привѣтливо-внушительнаго взгляда, его назиданія; но—десница его не подвижна; очи закрылись отъ насъ на вѣки, слово замерло на устахъ его. За то онъ самъ, его свѣтлая личность, совершенное имъ дѣло пусть

послужать для насъ самымъ лучшимъ наставленіемъ и утѣшеніемъ въ эти горестныя для насъ минуты.

Такія личности, какъ въ Бозѣ почившій архипастырь, являются рѣдко, являются только въ критическія минуты жизни церкви и гражданскихъ обществъ. Господь избралъ его и поставилъ на свѣщникѣ служенія церкви въ то именно время, когда бывшая здѣсь унитская церковь и остатки русской народности были безщадно гонимы, когда представители оныхъ подвергались всевозможнымъ оскорбленіямъ и униженію. Ихъ стоны и молебны о спасеніи замирали безъ всякаго отголоска. Оставалось или преклониться предъ враждебною силою, или разорвать всякій союзъ съ нею и обречь себя на всевозможныя жертвы и гоненія, чтобъ идти путемъ правды и истины. Тогда-то является на горизонтѣ нашей западно-русской церкви, какъ благодѣтельное свѣтило, великая личность почившаго архипастыря. Обладая обширнымъ и быстрымъ умомъ, многостороннею начитанностію, рано развившею въ немъ критическій взглядъ, безъ труда и рѣзко отдѣлявшій хитросплетенную ложь отъ истины; пріобрѣвши, вслѣдствіе этого, самостоятельность въ своихъ убѣжденіяхъ; питая при этомъ неподдѣльную любовь къ русской природной ему народности и преданіямъ русской завѣтной старины, сердечно имъ любимой, — онъ выступилъ на защиту угнетенной церкви и народности, велъ и окончилъ это дѣло съ величайшимъ и почти безпримѣрнымъ въ исторіи успѣхомъ. Подумайте сами, христіане! До 300 лѣтъ съ неимовѣрнымъ единодушіемъ и коварствомъ работала въ сей странѣ враждебная сила, чтобы покорить латинству искони бывшее здѣсь православіе и уничтожить самое имя русскаго народа. Больше 2-хъ миллионновъ народа должны были уступить этому насилію. Но къ чему привели всѣ эти усилія враговъ? Къ тому, чтобы мы въ наше время были очевидцами, какъ непрочное и шаткое неправое дѣло, какъ оно быстро разрушается, если въ основаніи его не лежитъ истина и любовь. Въ нѣсколько лѣтъ — замѣтьте: въ нѣсколько — пали всѣ усилія непріязненныхъ намъ братій, благодаря уму, твердой волѣ и непоколебимой любви къ православію почивающаго предъ нами святителя.

Началомъ этого великаго подвига съ его стороны была

историческая записка, въ которой онъ поразительно вѣрно обрисовалъ бѣдственное положеніе униатской церкви и ея необразованныхъ пастырей, тотъ гнетъ, который несла она отъ незаконнаго іезуитско-базилианскаго ордена, и указалъ тѣ средства, какія могутъ спасти эту церковь. Записка эта въ 1827 г. была представлена на усмотрѣніе императору Николаю Павловичу, который сразу оцѣнилъ глубокой умъ покойнаго архипастыря и до конца своей жизни питалъ къ нему полное довѣріе и уваженіе. Послѣдовавшій за тѣмъ рядъ правительственныхъ мѣръ былъ отвѣтомъ на этотъ могучій и потрясающій голосъ. Униатская церковь поставлена была въ независимость отъ враждебныхъ вліяній.

Затѣмъ на образованіе униатскаго духовенства покойный владыка обратилъ все свое вниманіе. Онъ по опыту узналъ, что только основательное умственное и нравственное образованіе и развитіе можетъ освободить это духовенство изъ подъ вліянія латинства и образовать изъ него достойныхъ представителей церкви. Плодомъ его желаній и неусыпныхъ трудовъ является основанная въ м. Жировицахъ духовная семинарія, этотъ первенецъ его любви и заботъ. Здѣсь то въ безмятежной тиши, подъ покровомъ небесной Царицы, внѣ вліянія латинства, мудростію почившаго совершилось полное возрожденіе западно-русскаго края въ духѣ православія. Здѣсь, скажемъ болѣе, совершилось спасеніе западнаго края для всей Россіи. Православіе связало первый съ послѣднею самыми тѣсными и неразрывными узами—узами духовными, сердечными, предъ которыми по неволѣ преклоняются политическія системы. Знамя православія такъ высоко поднято здѣсь рукою почившаго святителя, что уже ничто не поколеблетъ его. Напротивъ, мы, сыны православной церкви, постоянно утѣшаемся умилятельнымъ зрѣлищемъ: подъ это знамя непрерывно собираются отпавшіе отъ прародительской вѣры наши братья, находя подъ этимъ знаменемъ истину, спокойствіе совѣсти и тихое пристанище послѣ вѣковыхъ тревоженій. Покойный архипастырь все это предвидѣлъ, и понятна его сердечная радость, когда настало время исполненія этого предвидѣнія. Всемогущій податель жизни, наконецъ, сподобилъ его праздновать память 25-лѣтія послѣ воссоединенія униатовъ съ православною церковью.

и насладиться плодами своихъ неусыпныхъ и часто не безпечальныхъ трудовъ.

Гдѣ же тайна этого быстрого успѣха? Что это за могучая сила, которая невольно располагала къ нему сердца пасомыхъ и даже снискала расположение и уваженіе къ нему въ людяхъ противныхъ ему убѣжденій? *Не намъ, не намъ, а имени Твоему, Всемогущій, подобаетъ подвижъ сего великаго дѣла* (27 стр. *ibid.*), отвѣчаетъ намъ святитель. Но если смиреніе его и побуждало его уменьшать достоинство собственныхъ заслугъ, искало причинъ этого успѣха только въ помощи свыше, то да будетъ позволено намъ сказать, что причина этого успѣха не мало зависѣла и отъ личнаго его характера и его непреклонныхъ убѣжденій. 23 года тому назадъ почившій архипастырь, стоя на этомъ мѣстѣ, произнесъ исполненныя величественнаго спокойствія слѣдующія слова: *Ты, обращается онъ къ Богу, знаешь, что исполненіе лежащаго на мнѣ долга никогда не сопровождалось во мнѣ непріязненными чувствами къ отдѣленнымъ отъ насъ по вѣрѣ братіямъ; что всѣ мои съ ними сношенія растворялись внутреннимъ чувствомъ любви и долготерпѣніемъ, часто, можетъ быть, даже излишнимъ; что это чувство любви къ нимъ есть обътомъ вся моя жизни, и ненависть не коснется моего сердца даже тогда, если бы мнѣ пришлось занецать кровію это душевное расположеніе* (39 стр. *ibid.*)— Знаменательныя и поучительныя для насъ, современниковъ, слова! Дѣйствительно, высокое чувство гуманности отличало его во всю жизнь, и здѣсь-то нужно искать разрѣшенія предложенныхъ вопросовъ.

И вотъ, братія, намъ пришлось быть свидѣтелями и участниками скорбнаго для сердца событія—отдать послѣдній сыновній долгъ своему архипастырю. Утрата горестная и едва ли вознаграждаемая! Паства лишается въ его лицѣ пастыря мудраго, сильнаго словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и людьми, отца благопопечительнаго и любвеобильнаго. Долго-временная жизнь, проведенная въ испытаніяхъ и борьбѣ, выработала въ немъ житейскую мудрость и опытность. Онъ понималъ смыслъ жизни и предугадывалъ ея теченіе, а потому у него не рѣдко искали мудрыхъ совѣтовъ даже высо-

сопоставленные въ управленіи лица. Но особенно чувствительна эта утрата для насъ, меньшихъ сослужителей его, до благодати священства, и для васъ, духовные питомцы, будущіе продолжатели его дѣла. Я самъ извѣдалъ и видѣлъ званіе и благорасположеніе почившаго владыки къ учащемуся юношеству и потому могу понимать постигшую васъ печаль. На васъ, по преимуществу, на васъ онъ сосредоточивалъ свои заботы, васъ лелѣялъ, какъ родныхъ дѣтей; ваши успѣхи—умственные и нравственные—высоко его радовали; всѣ вы находили въ немъ поощреніе, ободреніе, а въ иныхъ случаяхъ благодушное терпѣніе и милостивое снисхожденіе. Правда и милость чуднымъ образомъ сочетались въ его лицѣ и сдѣлали его еще болѣе дорогимъ и близкимъ нашему и вашему сердцу.

И теперь уже нѣтъ между нами нашего отца и благодѣтеля! И какъ пророкъ Елисей, видя отходящаго на небо пророка Ілію, взывалъ къ нему: «Отче! Отче! охрана и защита Израиля!»—такъ и мы, видя тебя на вѣки разлучающагося съ нами, невольно повторяемъ тоже: Отецъ нашъ, отецъ нашъ! наша защита, наша охрана! Куда ты идешь? И что намъ оставляешь? Ілія оставилъ Елисею милоть, имѣвшую чудодѣйственныя свойства; *ты же*, доблестный Божій, оставляешь намъ въ завѣщаніе величественное дѣло, тобою совершенное, дабы мы сохраняли и продолжали оное на славу Божию и спасеніе людей! Оставляешь намъ духъ глубокаго правовѣрія и сознанія своего долга, духъ евангельской любви, бывшіе правиломъ твоей жизни. Оставляешь намъ высокій примѣръ самоотверженія, терпѣнія, необыкновеннаго грудолобія, вниманія къ нуждамъ пасомыхъ, замѣчательной въ наше время простоты жизни и др. качествъ, достойныхъ нашего подражанія.

Готовясь не-задолго на вѣки проститься съ тобой, спѣшимъ возблагодарить тебя, добрый отецъ нашъ, за все сдѣланное тобою для нашего блага. Благодарить тебя ликовская паства, узнавшая чрезъ тебя свѣтъ истины и осчастливленная твоимъ мудрымъ попеченіемъ. Благодарить и вѣчно будетъ благодарить тебя преданное и любящее тебя духовенство, видѣвшее въ тебѣ образъ добраго и внимательнаго пастыря и пользующееся отъ тебя и чрезъ тебя столькими благодѣяніями, направленными къ устройству его луч

шей участи и приличному воспитанію его дѣтей. Благодарить тебя каждый русскій, любящій свое отечество, его честь, славу и цѣлость; онъ не можетъ не отдать тебѣ дань благодарности за твои великіе государственные подвиги. Благодарить тебя и вся вообще всероссійская церковь, которую былъ лучшимъ украшеніемъ въ теченіи столькихъ лѣтъ. Она никогда не забудетъ твоего великаго подвига, которымъ ты приобрѣлъ ей болѣе 2-хъ милліоновъ новыхъ чадъ. Ты грозно, честно и высоко держалъ въ своихъ рукахъ знамя православія въ странѣ сей, соприкасающейся съ западнымъ міромъ, такъ озлобленнымъ противъ истинъ православія.

Отнынѣ имя твое принадлежитъ исторіи!

Иди же съ миромъ въ вѣчный покой, святой владыко напутствуемый нашею искреннею благодарностію, нашими благожеланіями и усердными молитвами!

Ты, во-истину, съ апостоломъ Павломъ можешь сказать о себѣ: *Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, съ чѣмъ, ты и уповаешь предъ стать на судъ праведный Господа.* Аминь!

(Вил. Вѣст.)

ПОГРЕБЕНІЕ ВЪ ВОЗѢ ПОЧИВШАГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕН- НѢЙШАГО ІОСИФА, МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО И ВИ- ЛЕНСКАГО.

29-го ноября, по удару колокола къ обѣднѣ въ кафедральномъ свято-Николаевскомъ соборѣ, гдѣ стояло тѣло усопшаго іерарха, православное виленское общество, безъ различія званія и состоянія, спѣшило ко храму Господню отдать послѣдній долгъ почившему о Господѣ архипастырю. Стеченіе народа было громадно: обширный кафедральный соборъ быстро переполнился народомъ, такъ что множество желающихъ проникнуть въ него, за тѣсною, должно было остаться на паперти и около собора. Это по истинѣ необычайное стеченіе молящихся наглядно свидѣтельствовало о томъ, съ какимъ сочувствіемъ отнеслось всѣ

дѣшнее общество къ великимъ заслугамъ покойнаго архипастыря. Литургію совершали три іерарха—высокопреосвященный Макарій, архіепископъ харьковскій, преосвященный Александръ, епископъ минскій, и преосвященный Іосифъ, епископъ ковенскій, викарій литовской епархіи, въ присутствіи г. оберъ-прокурора святѣйшаго синода, г. главнаго начальника края и прочихъ начальствующихъ и служащихъ, равно и воспитанниковъ всѣхъ христіанскихъ учебныхъ заведеній г. Вильны и множества предстоящихъ всѣхъ званій и состояній. Высокопреосвященный Макарій сказалъ при этомъ высоко-назидательное поученіе, въ которомъ въ общепонятныхъ и проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ выраженіяхъ изобразилъ пастырское служеніе высокопреосвященнаго митрополита Іосифа, его заслуги предъ Богомъ, церковію и отечествомъ въ дѣлѣ возвращенія своей паствы къ праотеческой вѣрѣ, къ духовному общенію съ единою, соборною и апостольскою церковью, напомнивъ о томъ, что преемники его служенія и вся православная паства должны принять отъ него завѣтъ, выраженный въ словахъ апостола: «бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, укрѣпляйтесь духомъ» и хранить этотъ завѣтъ неизмѣнно...

Непосредственно послѣ литургіи началось погребальное отпѣваніе, которое совершали шесть архіереевъ, четыре архимандрита и многочисленный соборъ прочаго духовенства, какъ городскаго, такъ и нарочно прибывшаго изъ епархіи. Едва ли видѣла Вильна когда либо столько купно предстоящихъ престолу и молящихся іерарховъ, едва ли было въ ней когда либо такое собраніе пастырей церкви, ревнителей православной вѣры. Во время совершенія погребальнаго отпѣванія снова было произнесено поучительное слово о инспекторомъ литовской семинаріи, архимандритомъ Мелетіемъ.

По окончаніи положеннаго по чину отпѣванія благоговѣйный сонмъ молящихся еще разъ спѣшилъ проститься съ приснопамятнымъ святителемъ. Не безъ удивленія замѣчено всѣми, что не смотря на шестидневное пребываніе останковъ покойнаго подъ вліяніемъ разнообразныхъ температуръ—въ теплыхъ комнатахъ его покоевъ, въ болѣе прохладной домовой его церкви и наконецъ въ соборѣ,—тѣло его нисколько не подверглось вліянію разлагающей стихіи: спокойный ликъ великаго архипастыря изображалъ его, какъ бы уснувшимъ. Въ массахъ людей, приходившихъ въ послѣдніе дни поклониться усопшему, невольно вырывались восклицанія о нетлѣнности... При выносѣ тѣла изъ собора, погребальное шествіе съ величайшею торжественностію, по особому церемонаіалу, направилось къ свято-Духовскому монастырю. Вся обширная соборная площадь, начиная отъ ратуши до свято-Троицкаго монастыря, была тѣсно занята народомъ.

Тутъ стояли въ благоговѣйномъ ожиданіи христіане и іудеи. Войска въ парадѣ, высокоподнимающіяся городскія знамена, священныя хоругви и иконы, гробъ, несомый архимандритами и іереями, съ возвышающимся надъ нимъ балдахиномъ, многочисленный соборъ духовенства, пѣніе пѣвчихъ, гулъ колоколовъ цѣлой Вильны и густая движущаяся масса народа—все это представляло зрѣлище глубоко трогательное и торжественное. Не смотря на необычайное стеченіе разновѣрной и разноплеменной публики, процессія совершалась въ величайшемъ порядкѣ и съ полною благоговѣйностію.

По внесеніи гроба въ церковь свято-Духовскаго монастыря и по отправленіи литіи, онъ благочестно опущенъ былъ въ каменный небольшой склепъ, въ пещерѣ, гдѣ почиваютъ мощи трехъ виленскихъ мучениковъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ поставленъ гробъ, по-

ложена чугунная доска, съ надписью: «помяни, Господи, во царствіи Твоемъ раба Твоего святителя Іосифа. Святые виленскіе мученики Антоніе, Іоанне и Евстафіе, молитѣ Бога о мнѣ. 1850 года». Годъ этотъ обозначенъ потому, что доска приготовлена по распоряженію покойнаго митрополита еще въ 1850 году. Такъ заранѣе готовился нашъ святитель къ отшествію изъ міра сего. Мысль эта не оставляла его и въ послѣдствіи: въ 1862 году онъ писалъ: «Неизвѣстенъ часъ и минута, когда Всевышній призветъ меня отъ сей временной къ вѣчной жизни. А пора, давно бы пора! Я совершилъ призваніе, къ нему же призва меня Господь-Богъ, и вполне убѣжденъ, что исполнилъ святую волю Его. Благодарю Царя небеснаго, благодарю и царя земнаго! Прошелъ я допынѣ жизнь, хотя и не безъ тяжкихъ испытаній, не безъ тягостной борьбы, но и не безъ сладостной сердцу отрады—все мое служеніе, всѣ мои начинанія вѣнчались благимъ успѣхомъ» (изъ неизданныхъ документовъ архипастыря). И вотъ когда исполнилось время кончины и погребенія нашего святителя! Миръ праху твоему, доблестный мужъ и архипастырь!—Память о тебѣ, какъ о великомъ поборникѣ православія и историческомъ народномъ дѣятелѣ, пребудетъ вѣчною въ сердцахъ вѣрныхъ сыновъ Россіи.

ЦЕРЕМОНИАЛЬ ПОГРЕБЕНІЯ ВЪ ВОЗѢ ПОЧИВШАГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ІОСИФА, МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО, ВЪ ПЯТНИЦУ, 29-го СЕГО НОЯВРЯ.

I. Погребеніе въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнѣйшаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго, назначено въ пятницу, 29 ноября, по совершеніи въ кафедральномъ соборѣ Божественной литургіи и отпѣванія.

II. Во всѣхъ церквахъ города Вильны, монастырскихъ и приходскихъ, Божественная литургія въ сей

день совершилась къ 9-ти часамъ утра; въ каедральномъ же соборѣ послѣдовалъ благовѣсть къ литургіи въ 9½ часовъ началась литургія и, по совершеніи оной, отпѣваніе въ Бозѣ почившаго архипастыря.

III. Къ отпѣванію приглашено все мѣстное духовенство, какъ то: архимандриты, протоіереи, священники съ діаконами, іеромонахи и іеродіаконы свято-Духова и свято-Троицкаго монастырей, въ черныхъ облаченіяхъ, равно какъ архимандриты, протоіереи, священники и діаконы, прибывшіе къ сему случаю въ городъ Вильну изъ епархіи.

IV. Послѣ отпѣванія послѣдовалъ выносъ тѣла въ Бозѣ почившаго архипастыря изъ каедральнаго собора въ свято-Духовъ монастырь. Шествіе направилось по большой улицѣ.

V. Порядокъ шествія былъ слѣдующій:

1) Хоругви, которыя были принесены ко времени выноса къ каедральному собору: двѣ—пречистенскаго собора и между ними братская хоругвь; двѣ—Никольской церкви; двѣ—свято Духовской церкви; двѣ—церкви свято-Троицкаго монастыря и двѣ—каедральнаго собора; хоругви сіи несли въ черныхъ стихаряхъ причетники и послушники, по назначенію правящихъ монастырями и настоятелей церквей.

2) Гробовая крыша, которую несли 4 діакона.

3) Ученики обѣихъ виленскихъ гимназій, по 6 въ рядъ.

4) Семинарскіе пѣвчіе, а предъ ними воспитанники семинаріи и духовнаго училища, по 6 въ рядъ.

5) Выборные отъ всѣхъ городскихъ сословій.

6) Виленская городская дума.

7) Виленскій городской голова.

8) Чиновники консисторіи, наставники семинаріи и училища, въ мундирахъ, по 2 въ рядъ.

9) Знаки отличій и ордена, несенные священниками:

а) Золотая медаль въ память возсоединенія уни.
медали и наперсный крестъ въ память войны 1853—
1856 годовъ ;

б) Орденъ св. Анны 1-й степени.

в) Орденъ св. Владиміра 1-й степени.

г) Алмазные знаки ордена св. благовѣрнаго кня-
зя Александра Невскаго.

д) Алмазные знаки ордена св. апостола Андрея Пер-
возваннаго.

е) Бриллиантовый крестъ и панагія.

ж) Посохъ, украшенный алмазами, пожалованный
почившему архипастырю Его Императорскимъ Вели-
чествомъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ.

10) Діаконы, священники, протоіереи и настояте-
ли монастырей по два въ рядъ.

11) Архіерейскіе пѣвчіе.

12) Евангеліе, иконы Спасителя, Богородицы, свя-
тителя Николая и Іосифа Обручника, несенныя свя-
щенниками.

13) Преосвященные архіереи.

14) Лампада (свѣтильникъ) и посохъ, употребляв-
шіеся почившимъ архипастыремъ въ богослуженіи, не-
сенные іеродіаконами.

15) Бѣлый глобусъ съ малымъ омофоромъ на блю-
дѣ, несенный іеромонахомъ.

16) Митра съ большимъ омофоромъ на блюдѣ, не-
сенная іеромонахомъ.

17) Два діакона съ дигиріемъ и трикиріемъ, два
діакона или причетника съ рипидами и два діакона
съ кадильницами по сторонамъ гроба.

18) Гробъ почившаго архипастыря, несенный ар-
химандритами, протоіереями и священниками ; надъ
гробомъ шесть діаконовъ, или причетниковъ несли
балдахинъ; при гробѣ по угламъ 4 хоругви несли во-
инскіе или гражданскіе чины.

VI. Мѣста на пути шествія раздѣлялись на слѣ

дующія чреды, гдѣ преосвященными совершались литургии:

1) У домової церкви его высокопреосвященства, почившаго архипастыря.

2) Противъ воротъ свято-Троицкаго монастыря, и отсюда

3) Во вратахъ свято-Духова монастыря.

VII. По вшествіи въ монастырь, гробъ обносился вокругъ монастырской церкви, съ отправленіемъ литургій предъ южными дверями, за алтаремъ и предъ сѣверными дверями храма, и за тѣмъ внесень въ церковь.

VIII. По постановленіи гроба на уготованное мѣсто въ большой монастырской церкви, совершилась литургія, а послѣ оной гробъ отнесенъ въ устроенную, еще при жизни архипастыря, въ пещерной церкви могилу.

IX. Во время перенесенія тѣла усопшаго высокопреосвященнаго митрополита къ мѣсту погребенія во всѣхъ церквахъ г. Вильны производился соотвѣтствующій сему случаю перезвонъ.

Слово произнесенное протоіереемъ Левицкимъ, на панихидѣ 28-го ноября.

Только нѣсколькими днями болѣе года миновало, какъ православная церковь наша лишилась великаго своего святителя въ лицѣ высокопреосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, этого твердаго столпа вѣры православной. Мы знаемъ, мы помнимъ и всегда будемъ помнить эту великую потерю нашу. Но не менѣе важную потерю понесли мы и въ тебѣ, почившій великій святитель и архипастырь нашъ! Говоря мы, я разумѣю всю западно-русскую церковь и всѣхъ ея православныхъ чадъ, нѣкогда отторгнутыхъ отъ православія *насиліемъ*, а тобою и крѣпкою твоею и твоихъ сподвижниковъ *любовію* воссоединенныхъ опять съ православнымъ востокомъ. По истинѣ, ты нашъ великій архипастырь и отецъ тоже для насъ въ частности, что приснопамятный святитель московскій Филаретъ въ частности для православ-

ной Руси восточной. Не станемъ проводить въ паралел. дѣтельность обоихъ святителей. Скажемъ только вообще: это два столпа и свѣтильника православія почти одновременно воздвигнуты промысломъ Божиимъ, одинъ—поставленнѣй на востокъ православной Руси, чтобы утверждать по преимуществу тамъ вѣру Христову и проливать свѣтъ Христовъ, и другой—на западъ ея, чтобы здѣсь возжечь угасающій свѣтильникъ среди омраченнаго запада и утвердить здѣсь ту же вѣру Христову. Но вотъ, оба эти столпа пали, оба эти свѣтильника угасли тоже почти одновременно. Да, пали, угасли! Но не будемъ пререкать премудрому Промыслу Божию. Оба они пали, угасли почти одновременно, но не можемъ сказать безвременно. Оба эти святителя, которыхъ справедливо можемъ называть столпами нашего православія и свѣтильниками нашей вѣры, прошли уже предопредѣленное имъ поприще великаго служенія Царю небесному и царямъ земнымъ и, предъуготовявъ духовную ниву для дальнѣйшаго воздѣлыванія и сѣянія и самихъ на ней дѣателей, сошли съ этого поприща, чтобы почить отъ трудовъ своихъ и утѣниться за оныя вѣнцами небесными.

Да сошелъ и ты великій свититель нашъ, совершивъ великій свой подвигъ.

Благодарю Бога и принимаю, такъ изрекъ царь земный, когда ты, навѣки незабвенный нашъ архипастырь, совершилъ свое дѣло и предъуготовивъ болѣе двухъ милліоновъ заблудшихъ отъ истины словесныхъ овецъ къ принятію истины, повергъ къ его царскимъ стопамъ единомысленныя вѣрноподданическія ихъ чувства. Эти царскія слова сдѣлались девизомъ всей твоей дѣтельности. Они съ самыхъ юношескихъ нашихъ дней отзываются въ нашихъ ушахъ и сердцахъ особеннымъ благозвучіемъ и всегда исторгаютъ у насъ слезы умиленія. Великій совершенный тобою подвигъ есть самый драгоцѣнный алмазъ въ твоей всякими добродѣтелями украшенной жизни, алмазъ несравненно дороже тѣхъ, которые украшали главу и перси твои, и сей драгоцѣннѣйшій твой жезлъ пастырскій. — Такъ благодарны тебѣ были за твое великое служеніе цари земные; не остались, не останутся неблагодарными тебѣ и народы, приведенные тобою къ правдѣ и чрезъ тебя познавшіе свѣтъ истины Христовой

Но что это значить, что цѣлый сонмъ священнослужителей, тебѣ патвомъ воззванія всегда послушный, но нынѣ тобою и никѣмъ не званный, при одной печальной вѣсти о твоей кончинѣ, собрался не только изъ близкихъ, но и дальнихъ мѣстъ и постоянно, день и ночь, молитвенно обружаетъ бранныя твои останки? Что это значить, что и знаемые и незнаемые тобою, даже и тѣ, въ которыхъ выражалось противленіе твоему слову, денно-нощно спѣшаютъ, чтобы припасть къ твоему гробу, поклониться останкамъ твоимъ? Не есть ли это выраженіе заслуженной тобою общей благодарности нашей къ тебѣ, не есть ли это обнаруженіе общей народной любви къ тебѣ, невольнаго благоговѣнія къ твоимъ грудамъ и подвигамъ и къ твоей ничѣмъ незапятнанной, во истину благочестной жизни. Съ умиленіемъ взирали мы на тебя священнодѣйствующаго въ храмахъ нашихъ, привѣтствовали всѣ входы и исходы твои, всѣ начинанія и совершенія трудовъ твоихъ; съ благодареніемъ же провожаемъ тебя и при твоёмъ исходѣ изъ міра сего, и никогда не престанемъ возносить горячія молитвы и творить поминовенія о тебѣ. Уповаемъ, что благодарность воздастся тебѣ за твои подвиги и тамъ, въ обителяхъ небесныхъ; что и самъ Царь небесный воздастъ тебѣ благодарностію и приметъ тебя въ Свой чертогъ и послѣ трудовъ твоихъ упокоитъ тебя тамъ. гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но блаженная жизнь безконечная. Аминь.

НА МОГИЛѢ ВЕЛИКАГО АРХИПАСТЫРЯ.

*(Посвящается памяти митрополита Іосифа и графа Д. Н. Блудова *).*

Почти цѣлая недѣля посвящена была въ Вильнѣ памяти нашего почившаго архипастыря. Въ себорѣ три раза въ

*) Въ спасительномъ дѣлѣ воссоединенія униатовъ съ православною церковію съ именемъ митрополита Іосифа неразрывно соединено имя другаго государственнаго человѣка— графа Дмитрія Николаевича Блудова. Оцѣнка ихъ дѣятельности принадлежитъ исторіи. Благоговѣя предъ совершенными ими подвигомъ, принимаемъ съилою посвятить памяти ихъ обонхъ эти немногія строки, какъ выраженіе признательной любви сердца.

еще совершались наихиды, затѣмъ въ остальные часы, днемъ и ночью производилось чтеніе евангелія, и церковь всегда была полна народу; православные посѣщали церковь и ночью. Въ эти дни какая то сила тянула въ соборъ. Было что то величественное въ этомъ всеобщемъ поклоненіи ушедшему въ вѣчность великому мужу; не съ слезами и плачемъ, но съ сосредоточенною серьезностію на лицахъ, съ какимъ-то необъяснимымъ душевнымъ трепетомъ подходили къ гробу... Было что-то глубокое, торжественное во всемъ, что совершалось въ эти дни въ храмѣ, какъ бы чувствовалось вѣяніе великаго духа.... наконецъ отдана послѣдняя земная почеть усопшему. Не буду говорить о томъ, съ какою умилительною торжественностію проводила святая церковь своего маститаго сподвижника въ жизнь вѣчную и какъ простилась съ нимъ осиротѣлая паства. Но вотъ что я видѣла и чего въ жизнь свою не забуду: предо мною соборная площадь и за нею улица, ведущая къ монастырю св. Духа; все это пространство залито народомъ. Небо мрачно. Бура. Холодный вѣтеръ мечетъ пескомъ и снѣгомъ, тамъ, гдѣ, сонмъ духовенства со святыми иконами близится къ монастырю; за духовенствомъ, окруженный хоругвями, подъ краснымъ балдахиномъ, медленно слѣдуетъ гробъ святителя, за нимъ масса народа съ обнаженными головами. По Вильнѣ со всѣхъ церквей разносится звонъ колоколовъ. Хоругви наклоняются отъ вѣтра, вьются и трепещутъ; но сквозь эту бурю, среди безчисленнаго народа, дорогой для Россіи гробъ идетъ твердо, вѣрно, шагъ за шагомъ, идетъ туда, къ тому мѣсту, заранѣе самимъ святителемъ уготованному, гдѣ почіють великіе мученики Литвы, слишкомъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ пострадавшіе здѣсь за вѣру православную. И чѣмъ ближе, великій усопшій къ мѣсту послѣдняго своего убѣжища, тѣмъ бура сильнѣе и яростнѣе. Но онъ пришелъ туда, гдѣ быть ему предназначалось, и подъ негнѣнными мощами святыхъ мучениковъ Литвы принялъ вѣчное успокоеніе.

Не есть-ли это послѣднее шествіе архипастыря подобіе его жизни, его великаго подвига? Мысль перенеслась къ мицувшему, и въ этомъ шествіи, во очію, изобразился тотъ подвигъ, коему всецѣло была посвящена жизнь почившаго

святителя. Вотъ онъ съ своимъ духовенствомъ идетъ сквозь бурю страстей и козней, идетъ медленно, но съ могучею волею, твердо, увѣренно, и ведетъ за собою два милліона народа. «Не краткій этотъ путь, повѣствуетъ онъ самъ, прошелъ я не безтягостно, не безпечально, среди борьбы и противленія»; но передъ силою духа сокрушились всѣ преграды, онъ привелъ свой народъ и тихо, мирно, съ любовію передалъ древней матери отторгнутыхъ отъ нея дѣтей. Въ современной исторіи, въ дѣяніяхъ не государей, но подданныхъ, я не вижу, не знаю подвига рыше, краше, благоплоднѣе, чѣмъ тотъ, какой совершилъ отшедшій нынѣ духовный пародный вождь. И не во внѣшней силѣ, не въ силѣ власти, но въ крѣпости своего духа, въ глубинѣ своей любви нашелъ онъ средства къ совершенію своего подвига. Душа его была многообильна любовію ко всѣмъ, и къ друзьямъ и къ недругамъ. «Чѣмъ мы обязаны неповѣрнымъ нашимъ братіямъ?, поучалъ онъ свою паству, — любовію, любовію, любовію! повторяю и всегда повторять буду съ возлюбленнымъ ученикомъ Іисусъ Христа. Одна только любовь можетъ уследить все, что есть тягостнаго, въ непреклонности нашего долга, любовь извинитъ заблужденіе, любовь отклонитъ прекословіе, любовь умирить страсти гротостію ангельскаго смиренія, любовь перенесетъ скорби и напасти, ради спасенія заблудшихъ собратій, любовь побѣдитъ ненависть, творя добро и ненавидящимъ насъ.» Какъ училъ онъ другихъ, такъ жилъ и дѣйствовалъ самъ, слова злобы, упрековъ, ненависти не исходили изъ его устъ! Сила этой любви, витала надъ нами и по смерти архипастыря; даже въ паствѣ, намъ чуждой, слышались выраженія преданныхъ ему сердець. Не усомнюсь передать то, что слышали мои уши: двѣ католички изъ простаго класса въ соборѣ прикладывались къ рукѣ святителя и, выходя изъ церкви, говорили: «онъ святой!» Этотъ говоръ слышится въ народѣ....

Да, жизнь нашего вѣчнопамятнаго архипастыря была торжествомъ православія въ здѣшней странѣ, такимъ же торжествомъ была и его смерть. Многому учились мы отъ него при его жизни, многому научимся отъ него же и по его

смерти, а слѣдующія поколѣнія воздадутъ ему еще большую, заслуженную имъ честь и поклоненіе...

Всегда, вездѣ и всѣхъ, пастырей и пасомыхъ, юношей и дѣвицъ, съ мудрою кротостію и любовію училъ онъ высокому служенію нравственному долгу, указывая на важное значеніе здѣсь православія и русской народности. «Стремиться къ совершенству есть предназначеніе всего человѣчества», говоритъ онъ своей паствѣ 1). «Намъ особенно, чада литовской церкви, сверхъ стремленія къ совершенству человѣческому и христіанскому, предстоитъ еще выполнить многое для окончательнаго скрѣпленія нашего видимыми узами съ общою православною церковью, которой мы нынѣ уже сыны вѣрнѣйшіе и усерднѣйшіе. Эта мысль да не оставляетъ насъ денно и ночью; приложимъ всѣ силы для укрѣпленія, что въ насъ немощно,—для возбужденія, что дремлетъ,—для довершенія, что начато,— для поддержанія, что уже крѣпко: и да будемъ мы нѣкогда украшеніемъ православныя церкви, принявшей и желѣющей насъ съ толикою любовію.» Въ 1840 году, при освященіи Пожайскаго монастыря 2), такъ указывалъ онъ прибывшимъ изъ среды Россіи инокамъ на важность ихъ призванія: «Чувствуете ли важность своего призванія, о иноки православные. Вы здѣсь между населеніемъ иновѣрнымъ, которое, быть можетъ, смотритъ на васъ глазами непріязненными; которое будетъ слѣдить за всѣми вашими поступками, будетъ осуждать оныя со всею строгостію: и ваши слабости, ваши недостатки припишутся всей православной церкви, которой вы здѣсь представители,—и на васъ падетъ отвѣтственность передъ Богомъ и людьми, если вы, вмѣсто украшенія нашей церкви, сдѣлаетесь для нея предметомъ стыда и поношенія. Усугубьте же усилія, чтобы сдѣлаться достойными вашего призванія!» А вотъ какъ относился онъ къ тѣмъ русскимъ, которые, по малоразумію своему, порицали въ мѣстной обрядности то, чего не видѣли они у себя, въ глубинѣ Россіи: «Но вотъ еще легкая скорбь коснулась моего сердца: 3) —

1) Изъ слова, произнесеннаго въ каедральномъ Николаевскомъ соборѣ, 8-го мая 1845 года.

2) Въ 9-ти верстахъ отъ Ковны.

3) Изъ слова въ недѣлю православія, произнесеннаго въ 1848 г.

позвольте, православные, раскрыть ее передъ вами. Не тайно, и къ сожалѣнію, слишкомъ не тайно нѣкоторое предубѣжденіе въ здѣшной паствѣ—между древнеправославными и несоединенными. Одинъ не находитъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, что видѣлъ въ Костромѣ; другой—что видѣлъ въ Грѣ; а иной знаетъ только Литву; и изъ пустыхъ недогадываній осуждаютъ единовѣрныхъ своихъ собратій. Позвольте замѣтить вамъ, благочестивые, что церковь православная не знаетъ ни костромскаго, ни орловскаго, ни литовскаго православія; а знаетъ только вселенское православіе и его желаетъ. Потому она требуетъ общаго единенія въ вѣрѣ, надеждѣ и любви и не обращаетъ вниманія на обыкновенія и разности, порожденныя мѣстными потребностями или вѣковыми привычками, но не противныя сущности православія.

Подражайте же, молю васъ, православные, этому приѣму, или, лучше сказать, повинуйтесь этой волѣ церкви. Не терзайте священнаго тѣла Христова, не раздирайте невинной ризы его. Помните, что первый законъ вѣры есть законъ любви. Она истребитъ между нами поводы преколовія, сольетъ насъ воедино и утвердитъ это единеніе лучше всѣхъ нашихъ близорукихъ соображеній и попрековъ.»

И иновѣрцы никогда не слышали отъ него словъ упрека. 3-го сентября 1840 года, при торжественномъ освященіи кафедральнаго собора въ Вильнѣ, обращаясь къ бывшимъ тутъ римскимъ католикамъ, потомкамъ православныхъ предковъ, архипастырь нашъ говорилъ: «Не скорбите о торжествѣ нашемъ, ревнители западной церкви. Взгляните безпристрастно на здѣшній край—это достояніе православной церкви. Много ли здѣсь кореннаго народа римской вѣры? Онъ ограничивается предѣлами сѣверной части виленской губерніи, остальной совращенъ изъ православія. Много ли здѣсь дворянскихъ родовъ, не бывшихъ прежде православными?—Это одни только почти переселенцы въ Литву изъ Польши. Князья Сангушки, Масальскіе, Вишневецкіе, Острожскіе, Рожинскіе, Четвертинскіе, Любецкіе, Пузины и многіе другіе; знаменитые роды Огинскихъ, Поцѣевъ, Сапѣговъ, Ходкевичей, Пацовъ, Хребтовичей, Воловичей, Тышкевичей, Корсаковъ и прочихъ безъ числа—все это были дѣти русскія

православныя церкви. Взгляните на самую Вильну:—двѣсти лѣтъ тому назадъ здѣсь еще было тридцать шесть православныхъ церквей. За чтожъ порицать церковь православную, если она простираетъ матерніи свои объятія къ дѣтямъ своимъ, хотя и забывшимъ ее, но все для нея не чуждымъ?... Берегите же сердца и помышленія ваши отъ навѣтовъ злобы.»

Но мы не кончили бы выписокъ. Не много почившій владыка оставилъ намъ словъ и рѣчей. Вся жизнь его была одно великое краснорѣчивое *дѣло*, выше всякихъ *словъ*. Но что онъ намъ оставилъ, то мы должны воспринять сердцемъ и помнить крѣпко.

«Не забудьте о вашемъ пастырѣ, говорилъ онъ десять лѣтъ тому назадъ; не судите о немъ по тому, чего не сдѣлалъ и сдѣлать не могъ; но по тому, что совершилъ дѣйствительно съ Божіею помощію, ко благу своєю паствы, своєю церкви, своего отечества, и съ чѣмъ уповаешь онъ предстать на судъ праведный Господа.»

«Аминь», скажемъ мы вмѣстѣ со всѣмъ народомъ.

Русскій.

Рѣчь предъ отпѣваніемъ въ Бозѣ почившаго преосвященнѣйшаго Іосифа, митрополита Литовскаго и Виленскаго, сказанная преосвященнымъ Макаріемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, 29-го ноября 1868 года.

Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь. 1 Кор. 16, 13.

Если бы на этомъ гробѣ, который теперь предъ нами, братья, понадобилось начертать надпись, то едва ли нашлась бы приличнѣе той, какую представляютъ приведенныя нами слова св. апостола.

Кто не знаетъ, что почившій въ Бозѣ архипастыръ былъ великій ревнитель истинной вѣры Христовой, великій борецъ за православіе? Кто не знаетъ, что имя его неразрывно связано съ именемъ одного изъ знаменательнѣйшихъ событій нашего вѣка, совершившихся въ Россіи и русской церкви? Не богатые и разнообразныя таланты, какими надѣлилъ его Господь, не обширныя и всестороннія познанія, которыми

онъ самъ украсилъ себя; не высокое служеніе и положеніе въ церкви и среди согражданъ, которое онъ занималъ столько лѣтъ и съ такою честію; не чрезвычайныя Высочайшія милости, какими взыскивали его преемственно два благочестивѣйшіе Монарха Россіи,—нѣтъ, не эти рѣдкія и блестящія преимущества припоминаются намъ при имени *Иосифа митрополита литовскаго*.... А припоминаются прежде всего. неизбежно припоминаются его неуспѣшные труды, его пламенная ревность, его важнѣйшее участіе въ святомъ дѣлѣ воссоединенія униатовъ съ православною церковію. Безспорно, тутъ дѣйствовалъ самъ Богъ, самъ глава церкви—Господь Иисусъ, возвратившій ей древнихъ ея чадъ, о которыхъ она непрестанно молилась и которыхъ, наконецъ, имѣла радость снова принять въ свои матернія нѣдра. Но также неоспоримо, что скончавшійся теперь архипастырь былъ однимъ изъ орудій промысла Божія въ этомъ великомъ дѣлѣ и притомъ орудіемъ главнѣйшимъ, достойнѣйшимъ. Этому дѣлу онъ посвятилъ всего себя, отъ ранней юности до послѣднихъ дней жизни. На это дѣло онъ употреблялъ, ему принесъ въ жертву и свои таланты, и свои познанія, и свое положеніе въ церкви и обществѣ, и самыя Высочайшія къ нему благоволенія и милости. Изъ за этого святаго дѣла онъ неустрашился понести всякого рода хулы, клеветы, лишенія и скорби, памятуя слова нашего Спасителя; *блаженны есте, егда поносятъ вамъ, и издедаютъ и рекуть всякъ зломъ слово на вы азъ же мене ради* (Мате. 5,11). Возвратить истинной церкви Христовой нѣкогда отторгнутыхъ отъ нея, утвердить ихъ неизменно въ православіи, охранять ихъ постоянно отъ всякихъ увлеченій въ иновѣріе и инославіе, а чрезъ единство въ вѣрѣ православной сблизить ихъ, скрѣпить, какъ бы слить во одно со всѣмъ великимъ православнымъ народомъ русскимъ,—въ этомъ состояла цѣль, къ которой почившій неуклонно стремился; въ этомъ главнѣйшій подвигъ его жизни; въ этомъ его заслуга предъ Богомъ, церковію, отечествомъ и, въ особенности, предъ здѣшнимъ краемъ.

Скажите жъ сами, осиротѣлыя чада церкви литовской и виленской, какой урокъ завѣщалъ вамъ всюю своею жизнію вашъ почившій отецъ, вашъ доблестный первосвященитель? Какой, если не тотъ, который преподавалъ нѣкогда своимъ коринтскимъ чадамъ св. апостоль: *бодраствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь*? Примите жъ этотъ урокъ отъ вашего отца съ сыновнею любовію; напечатлѣйте

этотъ завѣтъ его въ сердцахъ вашихъ неизгладимыми буквами; храните его, какъ величайшую святыню; оставайтесь вѣрными, непоколебимо вѣрными тѣмъ жизненнымъ началамъ вселенскаго православія, которыя съ такою заботливостію старался утвердить между вами онъ—вашъ духовный вождь, приведшій васъ къ свѣту православія. И да даруетъ вамъ Господь Богъ, вамъ и всѣмъ чадамъ и потомкамъ вашимъ; въ роды родовъ, пребывать до конца истинными чадами единой, святой, соборной и апостольской церкви, Аминь.

(Вил. Вост.)

ПРАВА ПРАВОСЛАВНЫХЪ НА СВЯТЫЯ МѢСТА.

Еще со времени построения императоромъ Адрианомъ, на мѣстѣ прежняго Іерусалима, новаго города, названнаго имъ Еліа, епископы елійскіе были выбираемы изъ грековъ, такъ какъ тогда большая часть полонниковъ были греки.

Въ IV вѣкѣ св. Елена, мать царя Константина, предприняла путешествіе къ святымъ мѣстамъ, и она первая положила основаніе храма на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось великое искупленіе.

На 2-омъ никейскомъ соборѣ епископы елійскіе были возведены въ санъ патріарховъ іерусалимскихъ; изъ священной исторіи видно, что, начиная съ первыхъ патріарховъ іерусалимскихъ, всѣ послѣдующіе были греки (Кириллъ 380, и проч.). Они были выбираемы своимъ собственнымъ синодомъ, и этотъ выборъ утверждали письменно прочіе патріархи; между ними былъ также папа римскій, вліяніе котораго на іерусалимъ тѣмъ и ограничивалось.

Въ VII вѣкѣ Омаръ завладѣлъ Сирією и Палестиною. По греческимъ и арабскимъ источникамъ, патріархомъ іерусалимскимъ былъ въ это время Софроній (грекъ); онъ уговорилъ римскаго военачальника не продолжать защиты Іерусалима; и когда вслѣдствіе этого арабы заняли городъ, то Омаръ обѣщалъ именно патріарху дозволить жителямъ свободно исповѣдывать христіанскую

религію и для этого выдалъ грамоту, по которой онъ предоставлялъ всѣ находящіяся тогда въ Іерусалимѣ святыя мѣста, а именно: церковь Воскресенія Господня, церковь Вифлеемскую, гдѣ родился Іисусъ Христосъ (большую церковь и пещеры), въ полное владѣніе патріархамъ греческимъ, при чемъ онъ ручался за неприкосновенность христіанъ, жившихъ тогда и въ Іерусалимѣ (грековъ, абиссинцевъ и грузинъ), и тѣхъ которые приходятъ только на поклоненіе св. мѣстамъ и подчиняются власти патріарха; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ всѣмъ помонникамъ выдавать патріарху по 1 съ 1/2 драхмы для содержанія, какъ его собственнаго, такъ и церкви Гроба Господня.

Католики увѣряютъ, что грамота, выданная Омаромъ, подложная и поддѣланая греками; но это совершенно несправедливо, такъ какъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ и наконецъ въ 1808 г. она была разсматриваема собраніями восточныхъ ученыхъ, которые единогласно рѣшили вѣрность этого документа, такъ что даже султанъ Махмудъ оторвалъ отъ него одинъ изъ угловъ, и сохранилъ его, какъ святость.

Въ XI вѣкѣ калифъ Хакемъ - Біемириллакъ, уважая грамоту Омара, позволялъ константинопольскому императору Михаилу перестроить и поправить церкви въ Іерусалимѣ, что стоило грекамъ огромныхъ издержекъ. Въ концѣ XI-го столѣтія крестоносцы взяли Іерусалимъ приступомъ, и первымъ дѣломъ ихъ было выгнать греческихъ патріарховъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ утвердилъ въ своей власти Омаръ и которые въ продолженіи 4-хъ вѣковъ платили подать за право владѣть церквами и монастырями, и, наконецъ, на деньги которыхъ они были перестроены.

Въ 1186-мъ году Іерусалимъ былъ снова взятъ арабами, и калифъ Селадединъ запретилъ франкамъ, какъ жить въ Іерусалимѣ, такъ и посѣщать св. мѣста; онъ хотѣлъ даже разрушить всѣ храмы и монастыри христіанъ, но былъ удержанъ отъ этого грамотой Омара, которую ему представили греки; на основаніи ея патріархъ греческій снова получилъ право храненія святыхъ мѣстъ, и съ этихъ поръ до завоеванія Палестины турками они были единственными обладателями Гроба Господня.

Во все это время латинцы владѣли только Сіонскимъ монастыремъ (находящимся за городомъ), который имъ уступили греческіе патріархи; въ XIII вѣкѣ имъ даже было запрещено ходить въ Іерусалимъ, но потомъ дозволено было тѣмъ же патріархомъ сначала приходить слушать обѣдню, а потомъ и служить ее послѣ грековъ. Армянамъ греческій патріархъ также уступилъ расположенный за городомъ монастырь Св. Іакова, и они были на тѣхъ же самыхъ правахъ, какъ латинцы.

Со времени взятія Іерусалима турками, латинцы начинаютъ своими происками пріобрѣтать нѣкоторыя права въ ущербъ грекамъ, такъ что въ XVII вѣкѣ султанъ Мурадъ II., котораго латинцы увѣрили въ подложности документовъ грековъ, отдалъ имъ всѣ святыя мѣста, впрочемъ весьма не надолго, черезъ два года онъ сознался въ своей ошибкѣ, и греки снова получили отнятыя у нихъ права храненія Гроба Господня.

Въ 1808-омъ году послѣ пожара купола всѣ христіанскія общества, по повелѣнію султана, представили дивану документы, по которымъ они владѣютъ святыми мѣстами; документы эти рассмотрѣны были турецкими учеными, которые нашли, что греческіе акты одни имѣютъ силу; и вслѣдствіе этого рѣшено было поручить исключительно іерусалимскому патріарху перестройку купола.

Съ этихъ поръ до 1852-го года православные продолжали первенствовать въ Іерусалимѣ, и латинцы не смѣли болѣе оспаривать у нихъ правъ, подтвержденныхъ еще разъ султаномъ Махмудомъ.

Но въ 1852-мъ году султанъ Абдулъ Меджидъ, вслѣдствіе требованій императора французовъ Людовика Наполеона, подписалъ фирманъ, по которому перестройку купола главнаго храма предоставлялъ французамъ; кромѣ того онъ повелѣлъ выдать имъ ключи отъ Вифлеемской церкви, въ гротѣ которой дозволилъ имѣть звѣзду съ латинскою надписью, привратникъ этой церкви греческій священникъ смѣненъ былъ туркомъ и наконецъ онъ позволялъ католикамъ служить въ Гевсиманской церкви гроба Божіей Матери, Россія не могла оставаться спокойною зрительницею тѣхъ преимуществъ, которыя султанъ выдавалъ католикамъ въ

ущербъ православнымъ, владѣвшимъ святыми мѣстами болѣе 15-ти столѣтій. Она энергически протестовала, и только вслѣдствіе ея заступничества султанъ согласился отмѣнить свой незаконный фирманъ, издавъ новый, по которому онъ предоставлялъ себѣ перестройку купола (нынѣ куполъ уже перестроенъ, но не султаномъ, а Россіей и Франціей); что же касается до Вифлѣемской церкви, то католикамъ оставлялся одинъ изъ ключей этой церкви, не для служенія, а только для прохода черезъ оную въ пещеру. Привратникомъ этой церкви оставленъ прежній греческій священникъ. Наконецъ, хотя и дозволялось католикамъ служить обѣдню въ Гевсиманской церкви, но только послѣ всѣхъ, такъ что сначала служатъ греки, потомъ армяне, а уже за ними католики. Съ этихъ поръ православные снова первенствуютъ въ Иерусалимѣ, и нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо, такъ какъ въ 1857-мъ году построена въ немъ русская церковь, и такъ какъ съ тѣхъ поръ православные находятъ себѣ защитниковъ въ императорскомъ консульствѣ и духовной російской миссіи, имѣющей постоянное пребываніе въ Иерусалимѣ.

(Вит. Губ. Вид.)

ОБРАЗЧИКЪ ПОЛЬСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ДИДАКТИКИ.

Въ сентябрской книжкѣ «Рус. Вѣстника», въ статьѣ »Польская пропаганда въ школахъ югозападнаго края» приведенъ любопытный образецъ преподаванія географіи въ школахъ, введенныхъ въ 1860—62 годахъ тайнымъ »Обществомъ учебнаго пособія польскому народу Волини, Подолии и Украйны«. Вотъ этотъ образецъ, взятый изъ учебника »Wiadomości o ziemie polskiej«:

«*Территорія*: Прежняя Польша, простиравшаяся на сѣверо-востокъ далеко въ Двину и Днѣпръ, на юго-западъ за Одеръ и Карпатскія горы, и дѣлившаяся на три большія области: Великую Польшу, Малую Польшу и великое княжество Литовское, разделена въ 1795 году между тремя государствами: Россіей, Австріей и Пруссіей.

«Часть Польши, принадлежащая теперь къ Россіи, состоитъ изъ

слѣдующихъ губерній: курляндской, витебской, ковенской, могилевской, виленской, гродненской, минской, черниговской, полтавской, кievской, подольской, волынской и, кромѣ того изъ части подъ наименованіемъ Царства польскаго, раздѣленнаго тоже на губерніи: варшавскую, люблинскую, радомскую, плоцкую и августовскую.

«Часть Польши, забранной Австріей... Пруссіей, носить слѣдующія наименованія... (затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе рѣкъ, каналовъ, озеръ и т. д.).

«*Произведенія*. Всемогущій Богъ, въ неисчерпаемой своей благодости, надѣлилъ прекрасную и чудную Польшу, дражайшее отечество наше, различными произведеніями, какъ животными, такъ равно растительными и ископаемыми.. Словомъ, Польша такъ славится своими лѣсами, хлѣбомъ, льномъ и иными произведеніями, что къ ней идутъ всѣ европейцы, какъ пчелы къ меду, дабы удовлетворить своимъ нуждамъ. Поэтому мы должны помнить, что намъ слѣдуетъ любить и воздѣлывать эту землю польскую и благодарить Создателя за столь великіе дары.

»Не отказалъ Господь и въ ископаемыхъ: есть въ нашей землѣ золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово, драгоценныя камни, всего же болѣе соли, которой добывается такое множество въ краковскомъ округѣ, въ Бохнѣ и Величкѣ, что вся Европа питается ею, и нигдѣ нѣтъ такой хорошей соли и въ такомъ количествѣ, какъ у насъ въ Польшѣ.

»Нужно ли намъ еще что нибудь сверхъ тѣхъ даровъ, которыми предвѣчный Змидитель столь щедро надѣлилъ насъ? Все ли мы уже имѣемъ? Нѣтъ мы не имѣемъ свободнаго права пользованія этими Божиими дарами, не имѣемъ свободы, которою Самъ Богъ одарилъ насъ, какъ и всякаго человѣка при сотвореніи его, и которую отняли у насъ чуждыя правительства изъ жадности, чрезъ захватъ нашей собственности. Будемъ однако надѣяться на Бога, полагаться на Его благодать и справедливость и вѣрить, что розга, которою Онъ караетъ насъ за грѣхи предковъ нашихъ, вскорѣ перестанетъ казнить насъ. Будемте любить эту прекрасную землю нашу душою и сердцемъ и питать къ ней привязанность, какъ

къ родной матери, съ готовностію жертвовать жизнью для ея защиты, когда будетъ въ томъ надобность. Возлюбимъ нашъ собственнѣйшій языкъ и все то что наше, не давая себя этимъ самимъ обмосковать, или онѣмечить. Да укрѣпять насъ вѣра, надежда и любовь въ братскомъ согласіи, отъ бѣднаго мужичка до богатаго барина, и ченстоховская Божія Матерь, Царица и Покровительница польской короны, возставитъ насъ и нынѣ, какъ это сдѣлала она, тому лѣтъ двести, въ 1600 году, и мы снова узримъ лучшія времена и собственное народное правленіе (!).

» *Жители.* Народнаселеніе Польши составляетъ изъ поляковъ, которыхъ 10,183,000, литвиновъ 1,442,000 и русиновъ (малорусиновъ, бѣлоруссовъ, черноруссовъ) 16,000,000, всего болѣе 27½ миліоновъ однихъ славянъ.... Поляки и литвины исповѣдуютъ католическую вѣру, русины болѣею частію православные.... Быть полякомъ не значитъ исповѣдывать непременно, хотя это естественнѣе, католическій обрядъ. Полякомъ есть и долженъ быть всякій человекъ, живущій на нашей землѣ, въ какой бы ни было мѣстности, на пространствѣ между Балтійскимъ моремъ, рѣками Двиной, Днѣпромъ, Чернымъ моремъ, рѣками Днѣстромъ, Прутомъ, Карпатскими горами и рѣкой Одеромъ, все равно будетъ ли то русинъ, нѣмецъ, еврей, татаринъ, словомъ человекъ даже иноплемennyй и не католическаго исповѣданія, если только онъ истинно любить страну нашу, польскій языкъ, народные обычаи; если онъ готовъ всегда приносить въ жертву для защиты своего отечества имущество и даже жизнь, онъ есть истинный и достойный полякъ, любимый и уважаемый человекъ. Такой полякъ, съ величайшимъ убѣжденіемъ въ необходимости жертвы и самоотверженія, первый будетъ служить имуществомъ, трудомъ, даже кровью свою пролить, чтобъ уплатить хотя частицу долга для пріобрѣтенія свободы, которой не имѣемъ, безъ которой никогда намъ не будетъ хорошо, безъ которой мы всегда будемъ рабами чуждыхъ намъ правительствъ: московскаго, австрійскаго и прусскаго, подъ конми чѣмъ дальше, тѣмъ хуже намъ.

» *Города.* Важнѣйшіе города въ Царствѣ польскомъ....

Напротивъ Варшавы на другомъ берегу Вислы, лежитъ пред-

мѣстѣ *Прага*, съ 7,500 жителей; намятна коровавою рѣзней, произведенною въ 1794 году москадемъ Суворовымъ.

Воля, гдѣ происходило избраніе королей.

Бельведерь, памятный возстаніемъ въ 1830 году.

«*Піотрковъ*, извѣстный сеймами.

Люблинъ, извѣстный вѣчнымъ соединеніемъ Великаго Княжества Литовскаго и всей Руси съ польскою Гѣчью посполитою въ 1669 году.

Стдлицъ, съ епископскою кафедрой и гимназійей. Не далеко отъ этого города лежитъ селеніе *Мацѣвицы*, памятное сраженіемъ поляковъ, подъ предводительствомъ Фаддея Костюшки, съ москалями и взятіемъ Костюшки въ плѣнъ въ 1794 году.

«*Остроленка*; здѣсь происходило кровавое сраженіе поляковъ, подъ командой Скрижинецкаго, съ москалями въ 1831.

«*Ошмяны*, памятный рѣзней, произведенною москалями въ 1831 году.

Гродно, надъ рѣкой Нѣманомъ, съ большими ярмарками, костелами, изъ коихъ многіе упразднены москалями.

«*Полоцкъ*, надъ Двиною, памятный побѣдой Стефана Чарнецкаго надъ москалями.

«*Орша*, — побѣдою поляковъ, подъ предводительствомъ князя Константина Острожскаго надъ москалями въ 1514 году.

«*Смоленскъ* — осадой Сигизмунда III, осадой и взятіемъ въ 1812 году польскими легіонами, подъ командой князя Понятовскаго.

«*Коноптъ*, надъ Припетью, пораженіемъ москалей при Іоаннѣ Казимірѣ.

«*Луцкъ*, надъ Стырью, въ прекрасномъ мѣстоположеніи, съ нѣ сколькими упраздненными костелами.

Баръ, извѣстный конфедаренціей въ 1768 году.

«*Переяславль* — побѣдой Стефана Чарнецкаго надъ москалями.

«Близъ Кракова насыпаны три огромныя могилы... третья изъ нихъ въ память Фаддея Костюшки и въ знакъ признательности къ военачальнику польскаго народа, хотѣвшаго, подъ его предводительствомъ, выбраться изъ-подъ наслія и ига москалей, австрія-

ковъ и пруссаковъ. Возстаніе подъ начальствомъ Костюшки произошло въ 1794 году.

»Блгстательная и нѣкогда могущественная Польская Рѣчь посполитая, имѣвшая политическое существованіе съ IV (550 г.) до XVIII столѣтія (1794 г.), отъ Леха до Станислава Августа Понятовскаго, въ продолженіе 1145 лѣтъ, теперь разбита, растерзана. раздѣлена на части подъ разными наименованіями, съ цѣлью изгладить имя ея изъ памяти народовъ, составлявшихъ Польшу, и тѣмъ удобнѣе лишить жителей народности, москалить ихъ, либо онѣмелить, дабы захваченная добыча приносила тѣмъ больше выгодъ чѣмъ болѣе глубокое пастанетъ забвеніе и убѣжденіе въ полнонь уничтоженіи Польши, и слѣдственно убѣжденіе въ необходимости покориться волѣ притѣснителей, жестоко поражающихъ всякія проявленія жизни какъ въ народѣ, такъ и въ языкѣ, оскверняя даже прекраснѣйшую сторону поляка—его нравственность и святую католическую вѣру. Эти проявленія жизни польскаго общества обнаруживаются не только возстаніями массою, какъ то было въ 1794 году, подъ предводительствомъ Фаддея Костюшки; въ 1830 г., подъ командой Хлопицкаго, Скржинецкаго, Дембинскаго и, измѣнниковъ Гелгуда и Бруковецкаго, и въ 1863 г., подъ командой Мѣрославскаго, но и отдѣльными самопожертвованіями мужей, отдающихъ жизнь свою за дѣло родной страны, за дѣло отчизны Польши. Такими мужами были: Завиша, Воловичъ, Заливскій, Конарскій и много иныхъ, которые, претѣрпѣвъ страшнѣйшія мученія въ московскихъ или нѣмецкихъ тюрьмахъ, были казними, вѣшаемы, разстрѣливаемы или ссылаемы въ Сибирь, и за что же? за то, что они держались неотступно вѣры своей, какъ Богъ велѣлъ, за то, что они думали, говорили и одѣвались по-польски, не желая учиться и подражать москвичинѣ, либо нѣмечинѣ; что желая счастья для края, блага для цѣлыхъ милліоновъ людей, находящихся въ такомъ бѣдствіи и угнетеніи! И кто же изъ поляковъ не дастъ пролить свою кровь, видя край въ такой моральной и матеріальной нищетѣ! Кто изъ поляковъ, одушевленный небеснымъ огнемъ любви къ матери-отчизнѣ, не отдастъ жизни своей для возвращенія свободы, для возстановленія столь процвѣ-

авшей нѣкогда торговли и промышленности края, богатаго неисчерпаемыми матеріальными запасами, для просвѣщенія и нравственнаго возвышенія этихъ жалкихъ слоевъ нашего общества—мущиковъ, для возбужденія въ нихъ понятія о лучшемъ, болѣе свободномъ существованіи, при союзѣ съ Польшей (?) Въмѣстѣ съ ратерзаніемъ Польши, прекратилась торговля, исковеркано просвѣщеніе, упала промышленность богатыхъ и благоустроенныхъ городовъ въ этомъ краѣ, упразднены костелы, монастыри *); наконецъ въ послѣднее время, въ 1861 году, стали убивать тѣхъ, которые собираются въ костелъ для моленія Богу, стрѣлять въ молящихся, какъ въ преступниковъ, исторгать у идущихъ за крестнымъ ходомъ кресты и хоругви, какъ то было въ Варшавѣ! Однако Всемогущій Богъ помнитъ о своемъ избранномъ народѣ, не даетъ ему приходивъ въ отчаяніе и падать подъ тяжкимъ бременемъ толкиныхъ бѣдъ и злосчастій, но укрѣпляетъ духъ его въ твердости, мужествѣ и надеждѣ, что раньше или позже онъ позволитъ отомстить за столько обидъ и поношеній народу и святой вѣрѣ его. Онъ пробудитъ всѣхъ даже по имени поляковъ, дастъ имъ оружіе въ руки, дабы двинулись на освобожденіе отечества и святой церкви католической изъ оковъ московскихъ, австрійскихъ и прусскихъ.

„Боже Всемогущій, нестоимый въ милосердїи! Помяни Мечислава, сокрушившаго идола и прїявшаго Твои священные законы, умилосердись надъ матерью Польшей и ея дѣтьми поляками! Дозволь, Отецъ небесный, чтобы народъ сельскій все болѣе прїставалъ къ священнымъ истинамъ нравственности, свободы, вольности, науки и разумѣнія, что только Польша можетъ дать ему! Не забуди, Господи, пролитой за вѣру и вольность крови мучениковъ—польскихъ солдатъ въ Пруссїи и Королевствѣ! Награди за службу, самоотверженіе и мученичество Завиши, Заливскаго, Воловича, Конарскаго и столькихъ братьевъ варшавянъ; возврати отечество и свободу осиротѣвшимъ полякамъ!

„Мати чудотворная, ченстоховская, Покровительница и Царица короны польской, отнесъ къ престолу Сына Твоего моленія наши о вторичномъ воскресеніи нашемъ ради большей славы Твоей.

*) Точь-въ-точь, любая передовая статья „Новаго Времени.“

„Св. Войцѣхъ, св. Станиславъ, св. Яцекъ, св. Чеславъ, св. Казиміръ царевичъ, св. Станиславъ Костка, св. Соломея, св. Ку-негунда царица, св. Ядвига и всѣ святые патроны и патронки Польши! Молитесь о насъ полякахъ. Аминь.“

Остальные учебники, и въ особенности учебникъ исторіи, въ такой же мѣрѣ стремились фанатизировать молодые умы. Въ учебникѣ исторіи почти исключительно группировались факты революціоннаго содержанія, говорившіе о постоянной борьбѣ Польши съ Россіей. Еще болѣе возбуждались дѣти чтеніемъ изъ Мицкевича, ибо при этомъ всегда выбирались мѣста, обоготворяшія Польшу. Всѣ прокламаціи революціоннаго комитета также прочитывались въ школахъ.

Послѣ этого оставалось только ариметику отождествить съ религіею и политикою,—воодушевить фанатизмомъ сложеніе и вчитаніе!

(Мин. Губ. Вѣд.)

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ СУЖДЕНІЙ О ПОЛЯКАХЪ И ПОЛЬСКОМЪ ВОПРОСѢ.

1.

Въ мирѣ едва ли, кромѣ поляковъ, есть еще другой народъ, который бы такъ способенъ былъ обманывать самъ себя и быть обманываемымъ другими народами. Послѣ своей тысячелѣтней исторіи, богатой и славными подвигами, и самыми позорными ошибками и преступленіями, приведшими за собою потерю независимости, послѣ больше чѣмъ полулѣтнихъ снѣтаній по Европѣ, поляки остаются доселѣ *политическими дѣтьми*: самыя невозможныя грезы они считаютъ дѣйствительностію, самыя неудобно-исполнимыя прихоти кажутся имъ законными и легкоудовлетворимыми, самыя смѣлыя обѣщанія, нѣсколько разъ дѣланныя имъ и столько же разъ неисполненныя, способны вновь привести ихъ въ ребяческій восторгъ и въ революціонное изступленіе. Но что впрочемъ достойно удивленія — это ихъ постоянство и упорство, съ какими они преслѣдуютъ свои задушевные мечты, и го-

горыя послужили бы къ ихъ благу, если бы были упражнены на вѣщахъ, менѣе фантастическихъ и химерическихъ. Они пользуются всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы напомнить Европѣ о своемъ существованіи, о своей скорби, о своихъ надеждахъ и вызвать съ ея стороны хотя бы только слово симпатіи. Нынѣшній годъ также не прошелъ безъ манифестаціи съ ихъ стороны, которая, впрочемъ, прошла почти незамѣченною въ Европѣ и могла бы научить всякій другой народъ, только не поляковъ, отказаться отъ надеждъ на дѣятельную помощь со стороны другихъ государствъ противъ Россіи. Мы разумѣемъ рапперсвилское собраніе поляковъ.

Оно было объявлено, чтобы почтить столѣтнюю годовщину барской конфедераціи; но присутствовавшихъ въ собраніи было очень немного. Было нѣсколько нѣмцевъ, сочувствующихъ полякамъ, конечно, больше на словахъ; французы—тѣ отнеслись къ польскому митингу чрезвычайно холодно, потому, вѣроятно, что они считаютъ, что на словахъ все сдѣлано со стороны Франціи для поляковъ, потому что симпатіи ея къ дѣлу поляковъ нѣсколько разъ уже публично заявлялись, хотя и не оказывалось имъ никакой дѣятельной поддержки. За то на митингѣ присутствовалъ и говорилъ рѣчь американскій консулъ въ Швейцаріи. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе иностранной публицистики, которая не особенно хладнокровно смотритъ на существующія дружественныя отношенія между Россією и Соединенными Штатами, и которая потому не преминула вложить въ уста американскаго гражданина слова, какихъ онъ не говорилъ,—что вызвало съ его стороны печатный протестъ. . Одна англійская газета, останавливаясь на ложно приписанномъ американскому консулу увѣреніи, какое онъ будто бы сдѣлалъ на митингѣ, что на американскій народъ клеветуютъ, будто онъ питаетъ особенную расположенность къ Россіи сравнительно съ другими народами Европы (консулъ, какъ видно изъ его протеста, прямо засвидѣтельствовалъ именно объ этой особенной расположенности!), замѣчаетъ по этому случаю : «Увѣреніе это не всецѣло неосновательно, потому что громогласныя заявленія дружбы къ Россіи, постоянно

будто бы повторяющіяся въ конгрессѣ и въ другихъ мѣстахъ, не больше, какъ выдумки, фабрикуемыя въ Англїи,» хотя въ то же время эта газета прибавляетъ, что «нынѣшній представитель соединенныхъ штатовъ въ Петербургѣ еще недавно публично распространялся объ естественномъ союзѣ между двумя великими державами» (т. е. между Россїею и Америкою). Англїя, которая, подобно Франціи, не прочь отъ заявленной скорби касательно уничтоженія польской независимости, не имѣла ни одного представителя на польскомъ митингѣ. «Послѣ столь многихъ неудачныхъ возстаній, справедливо рассуждаетъ таже англійская газета, трудно питать въ полякахъ надежды на возстановленіе Польши, и произносить рѣчи, которыя могутъ подстрекать къ безнадежнымъ попыткамъ бунта, было бы и неразумно и неблагородно.»

Настоящій митингъ до наглядности ясно показываетъ, что симпатїи Европы къ полякамъ утратили прежнюю живость, и что въ средѣ самыхъ поляковъ не было единодушнаго одобренія готовившемуся собранію. Оно первоначально было проектировано аристократическою польскою партїею. Традиціонная слава Польши связаца вся съ подвигами ея аристократовъ, но бѣдность и изгнанническая жизнь образовали въ полякахъ и другое направленіе мысли—демократическое. И такъ называемые польскіе патріоты, разсѣянные по всей Европѣ, доселѣ находили исходъ своей энергїи въ томъ, что принимали прямое участіе во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ XIX вѣка; они вступали въ союзъ съ учениками Ледрю Роллена, Мадзини, Кожута и усвоили нѣкоторыя крайнія воззрѣнія своихъ союзниковъ, которыя такъ много замедляли доселѣ прогрессъ свободы въ христіанскомъ мирѣ. Но когда представляется случай, республиканцы-поляки и поляки-аристократы охотнѣе соединяются другъ съ другомъ для бунта, чѣмъ для произнесенія рѣчей на одной и той же платформѣ. Польскій митингъ въ Рапперсвиллѣ имѣлъ чисто демократическій составъ и былъ какъ бы предварительнымъ отдѣленіемъ большаго будущаго митинга «друзей мира и свободы.»

Разсужденія на митингѣ не отличались никакою особенною новостію: поляки повторяли то что, они всегда говорятъ о сво-

жхъ несбыточныхъ надеждахъ и эфемерныхъ планахъ. Но за то весьма пріятную новость представляютъ сужденія иностранныхъ газетъ о польскихъ замыслахъ. Западные публицисты уже трезвѣе начали смотрѣть на вещи и, вмѣсто прежнихъ подстреканій къ новымъ возстаніямъ, совѣтуютъ полякамъ не начинать безполезныхъ и безцѣльныхъ кровопролитій. Они вычисляютъ полякамъ всѣ трудности, которыя должно встрѣтить возстановленіе цѣлости «старой, славной республики.» Прежде всего они указываютъ на неизбѣжность при этомъ войны съ Пруссіею за обладаніе Познанью, которая географически неотдѣлима отъ прусской монархіи. Затѣмъ они говорятъ, что даже Австрія, которая теперь, послѣ многихъ колебаній, нѣсколько благорасположеніе прежняго смотритъ на дѣло польской независимости, не можетъ по доброй волѣ уступить плодоносную Галицію, и что вообще во всѣхъ западныхъ польскихъ провинціяхъ есть огромная примѣсь германскихъ поселенцевъ, которые являются здѣсь представителями цивилизаціи и прогресса. Весьма поучительна для насъ русскихъ рѣчь одного нѣмца, сказанная на митингѣ, которая можетъ служить образцомъ нѣмецкой дружбы къ Россіи и жѣркою ихъ безкорыстной расположенности къ нашему отечеству. Нѣмецкій ораторъ даетъ въ ней полякамъ мудрый совѣтъ добровольно отступить отъ *оньмьченныхъ* областей прежней Польши и направить всѣ свои помыслы и энергію въ тѣ обширныя страны, которыя въ продолженіе столѣтій поглотила въ себя Русская Имперія, — въ другихъ словахъ, онъ совѣтуетъ перенести полякамъ слѣдующее свое возстаніе съ береговъ Вислы на берега Днѣпра, подалше отъ подозрительнаго германскаго населенія, которое можетъ воспротивиться борьбѣ между двумя славянскими племенами, если она будетъ происходить въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ. Если бы польскіе предводители, внушалъ ораторъ-нѣмецъ, пользующіеся довѣріемъ разныхъ классовъ и партій согласились отказаться отъ всякихъ притязаній на Познань, тогда одинъ страшный врагъ польской независимости былъ бы уиrotворенъ и нейтрализованъ; невозможно не ожидать, чтобы прусское правительство когда нибудь вошло даже въ разсмотрѣніе возможности уступ-

служиво указываетъ полякамъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ они могутъ возстать снова мотя съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ. Англійскій публицистъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Настоящая политика Австрій состоитъ въ томъ, чтобы сколько возможно дольше избѣгать столкновения съ Россією, хотя она въ тоже время, въ предчувствіи возможныхъ случайностей, сочла благоразумнымъ содѣйствовать развитію и укрѣпленію галицкой, точнѣе польской, національности. Если глѣбующій теперь похъ пепломъ восточный вопросъ когда нибудь разгорится въ войну, въ которую ввяжется и Австрія, въ качествѣ охранителя Дуная, тогда польское возстаніе, которое, будучи вспомоществуемо австрійскою армією, не было бы безнадежнымъ, можетъ произвести важную диверсію. Но во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы Польша такъ или иначе предотвратила враждебность къ ней Пруссіи. Это одинъ удобный случай для возстанія, которое, впрочемъ, будетъ имѣть только значеніе диверсіи, полезной для защитниковъ Турціи, и нисколько не ведущей къ возстановленію независимости Польши! Вотъ и другой случай, указываемый служивымъ англійскимъ публицистомъ. Въ войнѣ между Францією и Германією Франція, — признанная покровительница польской независимости, — конечно, окажется до расточительности щедрою на выраженія сочувствія къ полякамъ и на возбужденія ихъ; но каковъ бы ни былъ результатъ войны между ними, во всякомъ случаѣ то невозможно, что Франція протянетъ черезъ всю Германію руку помощи Польшѣ. Для германцевъ существованіе французскаго союзника въ тылу у себя было бы вещь невыносимую, и они всегда могутъ обезопасить себя противъ подобной опасности чрезъ установленіе тѣснаго согласія съ Россією. Нежеланіе Англии и Франціи, въ 1855 году, т. е. въ крымскую войну, возбудить польское возстаніе, которое тогда окончательно могло спутать Россію, происходило отъ желанія ограничить театръ войны въ надеждѣ сократить и ея продолжительность; но робкая политика тогдашнихъ союзниковъ объясняется и извиняется главнымъ образомъ опасеніемъ утратить сочувствіе къ себѣ Австріи и вызвать Пруссію изъ непріязненнаго нейтралитета къ открытой вра-

дѣ. И такъ, и война между Франціею и Германіею не представляеть, по мнѣнію англійскаго публициста, удобнаго случая къ возстанію поляковъ и къ возвращенію ими независимости. Онъ въ утѣшеніе имъ указываетъ еще одинъ случай, могущій имѣть мѣсто, какъ онъ самъ говоритъ, конечно въ отдаленномъ будущемъ. «Когда нибудь въ будущемъ Германія, можетъ быть, возвратится къ мнѣнію, которое было въ пей широко распространено подстольтія назадъ, что давленіе русской державы на центральную Европу лучше всего можетъ быть парализовано установленіемъ въ лицѣ Польши независимой и незавоевательной державы. Страна, простирающаяся вдоль боковъ Австріи и восточной Пруссіи, представляеть для Россіи грозное военное положеніе, между тѣмъ какъ независимая Польша никогда не могла бы быть опасною для Германіи, развѣ только въ качествѣ послушнаго союзника Франціи.» Мы и сами съ своей стороны можемъ посовѣтовать подождать этой перемѣны въ воззрѣніяхъ Германіи на Польшу и раньше не начинать этихъ бесполезныхъ возстаній и вполне согласны съ англійскою газетою, которая слѣдующими словами заключаетъ свое перечисленіе случаевъ, удобныхъ для возстановленія Польши: «Гораздо легче показать выгоды возстановленія Польши, чѣмъ вѣроятныя средства достигнуть независимости. Ни одинъ другъ польскаго дѣла не пожелаетъ, чтобы поляки снова подняли знамя бунта съ неизбѣжными его результатами, съ новыми конфискаціями имуществъ и съ новыми приговорами на смерть или въ ссылку. Интересы Польши лучше были бы охранены, если бы недовольные поляки сами съ доброй воли захотѣли воспользоваться ослабленіемъ русскихъ строгостей. Нетерпѣніе, съ какииъ смотрѣли поляки, какъ на измѣну, на службу польскихъ чиновниковъ русскому правительству, повело, какъ къ необходимому слѣдствію, къ тому, что въ Польшѣ образована теперь администрація изъ русскихъ. Это еще не особенно большое зло, что имя Польши на официальномъ языкѣ больше не употребляется.»

Для Польши, дѣйствительно, въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ даже никакого зла, но и для Россіи и ея интересовъ здѣсь нѣтъ еще особеннаго блага. Англійскій публицистъ удивляется особен-

ной живучести поляковъ послѣ столькихъ неудачъ и разгромовъ, и въ доказательство приводитъ слѣдующія обстоятельства: «Въ западныхъ провинціяхъ Русской имперіи польское вліяніе тотчасъ же оживаетъ, какъ скоро русскіе перестаютъ дѣйствовать здѣсь крайними мѣрами строгости; повторявшіяся не разъ попытки ограничить употребленіе польскаго языка каждый разъ не удаются; крестьяне въ нѣкоторыхъ уѣздахъ по обольщенію (?) или по принужденію (?) принимаютъ православіе, но кровный полякъ считаетъ дѣломъ своей чести оставаться римскимъ католикомъ. Панславистская агитація, которая иногда нарушаетъ спокойствіе Богеміи и австрійской Сербіи, имѣетъ основою своею ученіе о неизбежномъ объединеніи всѣхъ націй, родственныхъ Россіи. Польское племя, которое цѣлые вѣка было передовымъ между славянскими племенами, не только стоитъ отдѣльно отъ панславистской пропаганды, но смѣло противится всѣмъ захватамъ Россіи. И поляковъ ни одинъ самый враждебный имъ критикъ не можетъ обвинить въ томъ, что они только на словахъ противятся русскому владычеству, не оказывая дѣятельнаго сопротивленія. Безъ надежды на успѣхъ, они время отъ времени возстаютъ съ оружіемъ въ рукахъ, и въ послѣднее возстаніе дворяне польскіе присоединились къ движенію только по крайней щепетильности чувства чести и противъ своего здраваго убѣжденія.» Къ приведеннымъ англійскою газетою доказательствамъ упрямства поляковъ мы можемъ прибавить свои, заимствуемая изъ русскихъ газетъ и относящіяся притомъ уже къ 1868 году. «По варшавскимъ улицамъ,» пишетъ корреспондентъ одной петербургской газеты, «чаще и чаще стали появляться траурныя дамы, иногда съ крупными черными цѣпами на шеѣ; съ балконовъ домовъ полетѣли въ проходящихъ плевки, большею частію падающіе въ военныхъ, хотя обыкновенно и объясняемые шалостію дѣтей, когда родителей позовутъ къ отвѣту; поляки при встрѣчахъ рѣдко узнаютъ своихъ знакомыхъ изъ русскихъ; на людей съ какими либо національно-русскими отличками въ костюмѣ набѣгаютъ уже застрѣльщики въ лицѣ гимназистовъ и уличныхъ мальчишекъ; чаще прежняго стали понадаться подъ руку полиціи карточки раз-

ныхъ *довудцовъ*, запрещенныя сочиненія, зажигательныя рукописи.» Мы могли бы еще упомянуть о глупыхъ фарсахъ въ Варшавѣ съ русскою дамою и съ нянею русскихъ дѣтей, о выходкахъ торгового-полека, о революціонномъ обществѣ въ Варшавѣ, открытомъ въ этомъ году.

Такъ какъ мы привели нѣсколько новыхъ доказательствъ къ тѣмъ, на которыя указалъ англійскій публицистъ, то сообразно съ ними имѣемъ право вывести и нѣсколько другое заключеніе. И мы сами удивляемся полякамъ, но не ихъ живучести, а ихъ ребяческому упрямству, когда они безцѣльно, бесполезно, послѣ столѣтнихъ вразумленій и не имѣя возможности ожидать откуда бы то ни было поддержки себѣ, снова составляютъ митинги, говорятъ рѣчи, дозволяютъ себѣ нелѣпыя и отвратительныя фарсы. Удивляемся не меньше того и ихъ неразумію, съ какимъ они намѣренно выдѣляютъ себя изъ общеславянскаго движенія, которое одно могло бы обновить ихъ обветшавшія силы, и настойчиво держатъ себя особняками среди великой славянской семьи, отказываясь отъ участія въ будущемъ славномъ братскомъ пирѣ славянскихъ племенъ. Наконецъ, удивляемся безграничному благодушію отеческаго надзора со стороны нашего правительства, которое только тогда бываетъ строго, когда капризный ребенокъ Польша какъ нибудь уже особенно сильно закуралеситъ, и потомъ снова милостиво и любвеобильно обходится съ нимъ. Определенная, обдуманная система и постоянство въ характерѣ дѣйствій—важная вещь при воспитаніи и при перевоспитаніи и исправленіи и отдѣльныхъ дѣтей, и «дѣтей-народовъ!» Въ послѣднее время стали даже распространяться слухи, очевидно преждевременные, будто русское правительство, наскучившись понапрасну возиться съ этимъ упрямымъ и капризнымъ ребенкомъ и не ожидая отъ него проку, если оставить его подъ своимъ педагогическимъ руководствомъ, намѣрено часть поляковъ—именно завислянскихъ, отдать на выучку и для исправленія въ «пруско-нѣмецкій пансіонъ.» Слухи странныя, но осуществленіе ихъ существенно губельно было бы именно для поляковъ...

(Вечерн. Газ.)

2.

Изъ современныхъ задачъ государственной жизни Россіи польскій вопросъ безспорно есть самая сложная и трудная. Но трудности, присущія государственной задачѣ, никогда не уничтожаются, даже не ослабляются легкомысленнымъ отрицаніемъ ихъ, будь это отрицаніе слѣдствіе недостаточно серьезнаго взгляда на вещи, или даже увѣренности въ своей силѣ. Если эта увѣренность и не преувеличена, если она вполне соразмѣрна съ дѣйствительною силой, то ею одною никакія трудности не преодолеваются. Для того, чтобъ въ каждомъ данномъ случаѣ преодолѣть трудности, нужно, чтобъ соотвѣтственное имъ количество силы было вѣрно направлено къ ихъ устраненію. Судить о томъ, какое количество силы въ данномъ случаѣ соотвѣтствуетъ встречаемымъ трудностямъ и какое направленіе дать этой силѣ, можно единственно при сознаніи самыхъ трудностей; а для того, чтобъ сознать ихъ, необходимо подвергнуть даннымъ обстоятельства тщательному, спокойному и разумному анализу.

Мы назвали польскій вопросъ самою сложною задачей государственной жизни Россіи, и не безъ основанія. Сколько бы мы ни настаивали на исключительно внутреннемъ характерѣ этого вопроса, было бы бесполезно отрицать, что онъ имѣетъ также внѣшне-политическую сторону, хотя бы это внѣшнее значеніе его заключалось единственно въ томъ, что по временамъ другія державы, пользуясь польскимъ вопросомъ, какъ средствомъ создать Россіи затрудненія, пытаются придать ему международный характеръ. Относительно своего окончательнаго разрѣшенія, польскій вопросъ, какъ онъ намъ представляется, есть почти исключительно внутренний вопросъ Россіи; когда онъ будетъ разрѣшенъ, тогда международная сторона его исчезнетъ сама собою. Но пока онъ не разрѣшенъ еще фактически, на практикѣ, онъ сохраняетъ для насъ фактически же, кромѣ государственно-политической, также и международно-политическую сторону, которую отрицать конечно можно, но простымъ отрицаніемъ устранить нельзя. Самый способъ рѣшенія, какое дастъ Россія своему внутреннему польскому вопросу, не лишенъ важнаго международнаго значенія. Когда, по поводу того же вопроса, нашъ поэтъ говорилъ Европѣ: „оставьте, это споръ славянъ между собою, вопросъ, котораго не разрѣшите вы,“—вѣроятно, никто въ то время не оцѣнилъ пророческаго

смысла этихъ словъ: ходъ польскаго дѣла въ Россіи. способъ разрѣшенія нами польскаго вопроса непременно долженъ имѣть большое вліяніе на наши будущія отношенія къ одноплеменнымъ намъ славянскимъ народамъ.

При всемъ многостороннемъ значеніи польскаго вопроса, лѣтъ шесть-семь тому назадъ никто, можно сказать, у насъ имъ не занимался. Вниманіе общества поглощали непосредственныя послѣдствія освобожденія крестьянъ, послѣдствія, неизбѣжно отозвавшіяся для многихъ довольно чувствительными затрудненіями. Заботы нашего общества были преимущественно хозяйственнаго свойства; но какъ въ организмѣ государства такая важная мѣра, какою было упраздненіе крѣпостнаго состоянія, не могла не воздѣйствовать на всѣ части его, то, рядомъ съ хозяйственными вопросами въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, сами собою возникли болѣе обширныя политико-экономическіе и, наконецъ, чисто-политическіе вопросы. При этомъ въ обществѣ впервые стали обнаруживаться различныя направленія, такъ-называемыя партіи, которыя не замедлили вступить въ борьбу между собою.

Въ виду новости этихъ обстоятельствъ, ихъ было слишкомъ достаточно для того, чтобъ всецѣло поглотить дѣятельность нашего общества. О застарѣломъ вередѣ русскаго государственнаго тѣла, польскомъ вопросѣ, оно не думало и не могло думать. Еще такъ недавно въ Россіи „государствомъ“ было одно правительство, а съ того времени, когда само общество начало жить государственною жизнію, оно еще не успѣло ощутить перемежающійся зудъ этого всреда. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, не только у массы нашего общества, но и у большинства публицистовъ, которымъ теперь случается трактовать о нашихъ польскихъ дѣлахъ, запасъ свѣдѣній о Польшѣ и отношеніяхъ ея къ государственному организму и политическимъ задачамъ Россіи, былъ весьма ограниченный, можно сказать ничтожный. Онъ и теперь еще далеко не полонъ, даже не очень обидель, и въ сущности результатомъ его является только то, что и публицистика, и общество постоянно находятся на сторожѣ. внѣшнихъ проявленій зла. И кто же станетъ утверждать, что въ нашемъ общественномъ сознаніи уже вполне уяснились какъ причины и свойства зла, такъ и средства къ радикальному его излеченію?

Въ февралѣ 1861 года произошло первое кровавое столкнове-

ніе между войсками и варшавскимъ населеніемъ; затѣмъ, одно за другимъ, съ береговъ Вислы приходили тревожныя извѣстія; но если мы присмотримся къ настроенію, господствовавшему въ то время какъ въ нашемъ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ, то найдемъ его весьма похожимъ на ту досаду, на то негодованіе, которыя овладѣваютъ человѣкомъ, когда онъ занятъ важнымъ и своимъ дѣломъ, а ему докучаютъ посторонними дѣлами. Внутренній смыслъ явленій въ Царствѣ не былъ понятъ никѣмъ. Всѣ думали купить спокойствіе цѣною уступокъ. Отсюда тотъ рядъ ошибочныхъ мѣръ, про который теперь по истинѣ можно сказать: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ; мѣръ, которыя при данныхъ обстоятельствахъ, не могли быть удачнѣе придуманы, еслибъ мы хотѣли не предупредить возстаніе, и вызвать его.

Когда вспыхнулъ мятежъ, правительству предстояло, во-первыхъ, усмирить его и возстановить матеріальное спокойствіе; во-вторыхъ, обезпечить Россію на будущее время отъ повторенія подобныхъ событій. Исполненіе первой задачи было легко; всѣ трудности сосредоточивались во второй задачѣ, и эти трудности такъ многосложны и велики, что для успѣшнаго преодоленія ихъ необходимо, чтобъ русское общество ни на минуту не отрывало своего вниманія отъ польскихъ дѣлъ.

Намъ могутъ возразить на это, что общество готово не отрывать вниманія отъ западнаго края и отъ Царства, насколько позволяютъ ему домашніе интересы; но много ли оно увидитъ, и какая будетъ польза, если оно и станетъ часто обращать взоры къ нашимъ западнымъ областямъ, когда ему ничего не показываютъ? О ходѣ дѣлъ въ этихъ областяхъ русское общество не можетъ судить *de visu*; оно вынуждено искать свѣдѣній въ газетахъ. Всѣмъ извѣстно, какого рода свѣдѣнія о польскихъ дѣлахъ сообщаются газетами, и какъ мало поучительнаго читающая публика можетъ извлечь изъ нихъ, какъ бѣдны наши газеты матеріалами для рѣшенія вопроса: соотвѣтствуетъ ли система, принятая правительствомъ въ отношеніи къ польскимъ и ополяченнымъ губерніямъ, мѣстнымъ обстоятельствамъ и высшимъ государственнымъ потребностямъ; есть ли вообще зрѣло обдуманная, во всѣхъ своихъ частяхъ практически возможная система, и если предположить, что она есть, то какъ она приводится въ исполненіе? Кто изъ насъ, русскихъ, не знаетъ по опыту, что въ государственныхъ и адми-

нистративныхъ дѣлахъ система часто кажется образцовымъ произведеніемъ кабинетной регламентаціи, а на дѣлѣ оказывается далеко не столь совершенною. Или она, вмѣсто того, чтобы принять за основаніе дѣйствительно существующія, *всѣ* существующія обстоятельства, исходить отъ болѣе или менѣе фанатическихъ представленій. Или она сама по себѣ хороша, но съ одной стороны приняты во вниманіе не всѣ средства, которыя дали бы возможность исполнить ее, а съ другой—средства, предназначенныя къ ея исполненію, недостаточны.

Мы говоримъ вообще, съ точки зрѣнія теоріи, не имѣя еще покуда въ виду хода дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ. Мы ведемъ рѣчь къ вопросу: насколько наша печать содѣйствовала и могла содѣйствовать къ установленію въ обществѣ твердаго, яснаго и сознательнаго мнѣнія о польскомъ вопросѣ и продолжающихся свыше четырехъ лѣтъ работахъ по практическому и окончательному его разрѣшенію.

Еще по лѣсамъ и болотамъ Царства не было окончено преслѣдованіе повстанцевъ. еще революціонный „жондъ народовый“ не былъ ни накрытъ, ни открытъ, когда послѣдовало обнародованіе законодательной мѣры, положившей начало коренному преобразованію Царства. Нужно сознаться, что для великаго государственнаго труда, къ которому правительство приступило указомъ 19-го февраля 1864 года, обстоятельства въ то время были крайне неблагоприятны. Всѣ подобнаго рода труды прежде всего требуютъ спокойнаго, всесторонняго обсужденія, и нужно удивляться еще той степени спокойствія духа, которую умѣли сохранить при тогдашнемъ настроеніи русскаго общества составители упомянутаго указа. Вѣроятно никто, будь онъ даже въ политическомъ отношеніи противникъ ихъ, не усомнится въ искренности ихъ патриотизма; но государственный умъ преобладалъ у нихъ надъ увлеченіями оскорбленнаго чувства. Если же и на трудѣ этихъ людей нельзя не видѣть слѣда ненормальныхъ обстоятельствъ, то неудивительно, что печать, а за нею общество, не имѣли достаточного хладнокровія, чтобы отнестись къ обнародованной мѣрѣ критически, и отнеслись къ ней болѣе какъ къ боевому средству, къ какому-нибудь монитору. Да и гдѣ у нашихъ публицистовъ были данныя для критическаго сужденія объ указѣ 19-го февраля 1864 года? Кто изъ нихъ жила въ Царствѣ Польскомъ и подробно

зналъ тамошнія поземельныя отношенія? Гдѣ у насъ литература, изъ которой, за недостаткомъ личныхъ наблюденій, было бы возможно изучить экономическія и соціальныя условія Царства?

Многіе, безъ сомнѣнія, серьезно смотрѣли на принимавшіяся, одна за другою, органическія мѣры; печать же, по недостатку матеріаловъ для критической оцѣнки этихъ мѣръ, ограничивалась печатаніемъ коментаріевъ, доставлявшихъ ей изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ исходили самыя мѣры. Очевидно такіе коментаріи не могли ни въ чемъ расходиться съ объясняемыми въ нихъ мѣрами, такъ-какъ и тѣ, и другія были плодомъ однихъ и тѣхъ же убѣжденій. Кромѣ этихъ коментаріевъ, которыхъ „*griseur*“ обыкновенно доставалась „Русскому Инвалиду,“ въ газетахъ появлялись статьи, которыя собственно были не что иное какъ парафразы тѣхъ же коментаріевъ, или варіаціи на нихъ, часто очень различныя между собою по литературнымъ приѣмамъ и уровнямъ точекъ зрѣнія. Но все же въ этихъ статьяхъ преобладалъ способъ оцѣнки съ точки зрѣнія воинственнаго эффекта, чтобы не сказать народной мести. Такъ въ надѣленіи крестьянъ землею видѣли преимущественно одну сторону: отнятіе земли у шляхты; въ закрытіи части монастырей въ Царствѣ—пораженіе на голову враждебнаго намъ клерикальнаго элемента, и т. д. При такомъ исключительномъ критеріумѣ всѣ мѣры, послѣдовательно издававшіяся для Царства, встрѣчались печатью съ полнымъ и безусловнымъ одобреніемъ; общество же, убѣждаясь пзъ газетъ, что правительство дѣйствуетъ, и хорошо дѣйствуетъ, успокоилось, отвернулось отъ польскихъ дѣлъ и сосредоточило все свое вниманіе на своихъ болѣе близкихъ дѣлахъ. А ихъ къ тому же было много, и постоянно прибывали новыя.

Почти таковы же были отношенія печати къ другому театру, на которомъ разыгрывается историческая русско-польская драма,— къ нашимъ западнымъ губерніямъ. И тутъ замѣтна неполнота знаній, ведущая къ туманной фразеологій и къ тому, что слова безъ ясно-опредѣленнаго смысла принимаются за дѣло. Извѣстно, что у насъ пущено въ оборотъ слово „обрусѣніе“ въ примѣненіи къ нашимъ западнымъ губерніямъ. Что въ пылу рѣчи это слово, могло сорваться съ языка,— это мы понимаемъ; но насъ крайне удивляетъ, что это слово могло войти въ обыденный оборотъ, и вотъ уже года три удержаться въ немъ.

„Обрусить“ значитъ сдѣлать русскимъ нерусское. Какимъ образомъ увѣрить богомольцевъ, тысячами со всѣхъ концовъ Россіи стекающихъ къ Троицну дню въ Кіевъ, что этотъ городъ не русскій, что его сперва еще нужно „обрусить?“ Согласно съ исторіей и этнографіей мы утверждаемъ, что наши западныя губерніи составляютъ исконное достояніе Россіи; что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ жмудскихъ и латышскихъ округовъ, онѣ имѣютъ сплошное русское населеніе; что польское начало въ этихъ губерніяхъ есть наплывное. Все это совершенно вѣрно; но въ такомъ случаѣ что значитъ „обрусѣніе“ этихъ губерній? Коренное населеніе въ нихъ есть уже русское, слѣдовательно оно не нуждается въ „обрусѣніи.“ Требуя ли государственные интересы Россіи „обрусѣнія“ латышей и жмудиновъ? На этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, только и можно отвѣчать, что „обрусѣніе“ названныхъ племенъ желательно, но что оно совершится само собою, силою вещей, и ни въ какомъ случаѣ не составляетъ главнѣйшей задачи нашего управленія въ западныхъ губерніяхъ, задачи, которая именно и выражается будто бы словомъ: „обрусѣніе“ этихъ губерній. Остается затѣмъ еще польское начало, къ которому могла бы быть примѣнена мысль объ „обрусѣніи.“ Но, во-первыхъ, тогда говорить объ „обрусѣніи“, *крам*, значило бы оказывать польскому меньшинству слишкомъ большую честь, отождествляя его съ краемъ, чего оно такъ желаетъ; во-вторыхъ, мы не можемъ себѣ представить, чтобъ для блага и безопасности Россіи было необходимо заняться индивидуальною передѣлкой поляковъ и полячекъ, живущихъ въ западныхъ губерніяхъ. По нашему мнѣнію, политика Россіи требуетъ, чтобъ польскіе порядки, неправильно утвердившіеся на русской землѣ, были искоренены; чтобъ политическое значеніе польскаго элемента въ нашихъ западныхъ губерніяхъ навсегда упразднилось. Еслибъ непременно нужно было выразить эту государственную цѣль—однимъ словомъ, то ей соотвѣтствовало бы только слово: *распомянуть*; оно, быть можетъ, не такъ звучно, но зато логически и политически правильно, а это въ важныхъ вопросахъ слѣдуетъ предпочитать благозвучію.

Да не подумаютъ читатели, что мы изъ пустой придирчивости привязались къ слову „обрусѣніе.“ „Вѣрьте,“ сказалъ намъ однажды знаменитый ученый: „гдѣ есть ясныя мысли, тамъ найдутся и слова, точно ихъ выражающія; и наоборотъ, неправильныя

выборъ словъ обыкновенно доказываетъ неясность мыслей.“ Безъ ясныхъ мыслей невозможна логически послѣдовательная и практически осуществимая, твердая государственная система.

Какъ для западныхъ губерній придумано слово „обрусѣніе,“ такъ для Царства Польскаго нашлось слово „объединеніе.“ Эти два слова составляютъ истинный кладъ для публицистовъ. Съ ними можно сѣсть на луну, мовать перо въ облака, писать статьи длиною до земли, и все таки не договориться до практическаго результата.

И такими-то умозрительными, отвлеченными заявленіями о самомъ практическомъ, самомъ животрепещущемъ вопросѣ нашей внутренней политики, печать поставлена въ необходимость удовлетворять потребности своихъ читателей; желающихъ знать ходъ дѣлъ въ западныхъ губерніяхъ и Царствѣ! Отъ времени до времени попадаются исключенія, но они рѣдки и почти всегда изблещаютъ оффиціозный характеръ; то-есть такія исключительныя статьи писаны лицами, входящими въ составъ мѣстной администраціи, дѣло въ нихъ представляется согласно съ видами администраціи, и онѣ обыкновенно отправляются для напечатанія лишь по предварительномъ одобреніи начальствомъ. Частныхъ корреспонденцій изъ Царства почти не встрѣчается въ нашихъ газетахъ, вѣроятно не потому, что за письмами изъ Париза, Флоренціи, Вѣны и проч. для нихъ не стало бы мѣста; причина и не въ томъ, что въ Царствѣ нѣтъ постоянныхъ жителей изъ русскихъ, съ вполне независимымъ взглядомъ на вещи, такъ какъ они всѣ находятся на службѣ. Можно служить, быть исправнымъ чиновникомъ или преподавателемъ, и сохранить полную независимость мнѣній и убѣжденій. Мы знаемъ, что такихъ нравственно независимыхъ личностей не мало въ составѣ русскаго общества въ Царствѣ, но онѣ не пишутъ, потому что онѣ матеріально зависимы, и знаютъ, что иногда легче и безопаснѣе посылать пасквили въ „Познанскій Дневникъ,“ чѣмъ правдивыя и добросовѣстныя корреспонденціи въ одну изъ нашихъ столичныхъ газетъ.

И такъ наша періодическая печать не имѣетъ достовѣрныхъ и основательныхъ частныхъ извѣстій о польскихъ дѣлахъ, и общество лишено, вслѣдствіе того, единственнаго источника къ правильному контролю надъ ходомъ вопроса, такъ близко его касающагося. Не въ мѣстныхъ же русскихъ газетахъ станеть вскачь

общество серьезнаго критическаго взгляда на предмет. Всѣ онѣ издаются непосредственно мѣстною администраціей или подъ ея надзоромъ, взглядъ ихъ, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ односторонень.

Патріотическая страстность и раздражительность, возбужденныя въ нашей печати событіями 1863 года, замѣнились по усмиреніи мятежа тѣмъ спокойствіемъ, которое въ государственныхъ вопросахъ неразлучно съ сознательнымъ убѣжденіемъ и твердымъ рѣшеніемъ.

(С. Петер. Вѣд.)

3

Кто хочетъ уразумѣть славянское бытописаніе, тотъ долженъ всмотрѣться поглубже въ исторію, вспомнить многочисленныя славянскія племена, трепетно ожидающія своей будущности, и колосса между ними, многомилліоннаго русскаго народа, призваніе коего уже достаточно обозначено Провидѣніемъ. Исторію творимъ не мы, мы только ее принимаемъ. Не намъ также направлять и исправлять пути Провидѣнія; мы только должны имъ слѣдовать. Когда такъ посмотримъ на событія, то взоръ нашъ сдѣлается яснѣе, трезвѣе мысль, вѣрнѣе и прямѣе наши дѣйствія.“ Такого рода вразумленія счель долгомъ сдѣлать наставникамъ будущаго варшавскаго университета, 12 текущаго сентября, русскій министръ народнаго просвѣщенія, „стоя на почвѣ, еще такъ недавно взволнованной печальными событіями.“ Для отрезвленія поляковъ онъ указалъ на исторію и на Провидѣніе, не безъ глубокихъ цѣлей приготовившіе современное положеніе Польши и Россіи, и на многочисленныя славянскія племена, трепетно ожидающія своей будущности, которая въ свою очередь нѣсколько освѣщаетъ призваніе поляковъ и Россіи въ настоящее время. Можетъ быть, въ тотъ же самый день одна европейская, хотя нѣсколько иррачная, знаменитость изъ Лондона писала полякамъ, между прочимъ, слѣдующіе уворы и вразумленія по поводу намѣренія ихъ стать на сторону Турціи и западныхъ державъ противъ Россіи въ восточномъ вопросѣ: „поляки! чтобы не обманываться, вамъ стоитъ только помнить, какаѣ кровь течетъ въ вашихъ жилахъ, каковы національныя ваши преданія, какова ваша миссія, къ которой вы

призваны Богомъ, и исполненіе которой одно можетъ дать теперь силу и побѣду польской странѣ. *Время созрѣло для славянъ. Ихъ національное торжество будетъ событіемъ этого вѣка.* Кровь, текущая въ жилахъ поляковъ—славянская кровь. Вы братья тѣхъ, которые населяютъ и требуютъ для себя воздѣланную ими почву Босніи, Герцеговины, Черногоріи и сербскихъ областей. Въ одинъ прекрасный день эти люди, эти славяне возстанутъ во имя права, которое и вы провозглашаете, во имя преданія, которое есть вмѣстѣ и ваше преданіе, во имя новой жизни, для которой настало время, и вооруженными апостолами которой должны быть вы,— *жизни славянскаго міра.* Поидете ли вы противъ нихъ? Будете ли сражаться за полумѣсяцъ противъ креста, за фатализмъ противъ свободы, за неподвижность противъ прогресса, за фактъ противъ права, за обладаніе чужеземца противъ права пользоваться плодами самодѣятельнаго труда, за Азію противъ Европы? Пожертвуется ли колыбелью могилъ? Только содѣйствуя юной жизни, вы приобрѣтете отнынѣ права на существованіе. *Только какъ члены третьей великой семьи европейской (т. е. славянской—параллельно съ латино-романскою и германскою), вы получите возрожденіе. Польша будетъ старшею дочерью общей матери, называемой славянствомъ или ея совершенно будетъ.* Мы шествуемъ по трудному пути среди опасностей и кризисовъ, неразлучныхъ со всякимъ великимъ рожденіемъ, къ новой эпохѣ. Въ этой новой эпохѣ исторія предуказываетъ новые элементы; *одинъ, движущійся въ нѣдрахъ каждаго народа и другой, начинающій отрываться внѣ* прежнихъ историческихъ народныхъ группъ и привносящій свою жизнь къ ихъ жизни. Это, съ одной стороны, народъ—классъ рабочихъ и земледѣльцевъ, съ другой—это требующее себѣ права гражданства въ семьѣ европейской—*славянское племя.* И это двойное знамя уже виднѣется нынѣ. И здѣсь—въ служеніи обоимъ этимъ знаменамъ—законъ вашей жизни. . . Знаю, что между вами есть люди, которые приходятъ въ ужасъ отъ того, что называется панславизмомъ. При словѣ „всеславянство“ имъ уже видится рука царя, и это достаточно для нихъ, чтобы побудить ихъ противодѣйствовать всеславянскому движенію. Они знаютъ (они ошибаются, написали бы мы, вмѣсто автора и написали бы богѣ истинно!), что царская Россія мѣтитъ на Константинополь (она не разъ заявляла въ своихъ лучшихъ органахъ своего обще-

ственнаго мнѣнія, что она добивается освобожденія Константинополя, но не для себя!) и думаютъ, что дѣлаютъ польское дѣло, отдаваясь султану. *Эти люди ошибаются; они идутъ въ обратную сторону отъ будущаю; царисму (?) они противопоставляютъ гальванизированный трупъ, вмѣсто того, чтобы противопоставить ему жизнь, которая одна всеильна, они совершаютъ дѣло той дипломатіи, которая призвала Польшу въ могилу. Я не боюсь панславизма: это только кошмаръ, это только предлогъ, выставляемый (западно) европейскими правительствами къ подавленію законнаго стремленія.* [Имперія, постирающаяся среди всякаго рода обломковъ отъ Восточной Двины и Сѣвернаго моря до западныхъ границъ Германіи и Юж аго моря, составляетъ теперь невозможность. (Русская печать давно уже доказываетъ эту невозможность; но ей не вѣрятъ ни поляки, ни другіе народы!). Четыре отдѣльныя группы: польская, русская, чешская и иллирійская, намѣченныя самыми географическими условіями, особенными стремленіями и историческими преданіями, по всей вѣроятности, раздѣляютъ между собою 79 милліоновъ славянъ, стремящихся утвердиться въ своихъ естественныхъ правахъ. Подобно тому, какъ между вѣтвями тевтонскаго и греко- (?) латинскаго племени, и между этими группами будетъ братская симпатія, нравственная связь, но отнюдь не единство политическое...“

Если бы мы выпустили въ послѣдней выдержкѣ слово *царисм* и опасенія, какія авторъ привязываетъ къ этому понятію, то читатель въ правѣ былъ бы подумать, что въ Лондонѣ заѣхалъ какойнибудь образованный русскій, представитель лучшихъ, умѣренныхъ убѣжденій современнаго русскаго общества, и оттуда держать къ полякамъ свою умную, проникнутую знаніемъ исторіи и глубокимъ участіемъ къ будущей судьбѣ славянскихъ народовъ, рѣчь, что приведенныя нами слова точно также принадлежатъ одному изъ лучшихъ русскихъ патриотовъ, какъ и слова, приведенныя нами въ самомъ началѣ статьи. Мы намѣренно сопоставили эти двѣ выдержки, чтобы понятія и убѣжденія, кратко выраженные въ первой выдержкѣ, объяснить второю: варшавская рѣчь и лондонское воззваніе, для предостереженія и вразумленія вредящихъ самимъ себѣ поляковъ, однаково совѣтуютъ имъ „поглубже всмотрѣться въ исторію,“ не забывать „многочисленныхъ славянскихъ племенъ, трепетно ожидающихъ своей будущности“, и не

идти „противъ путей Провидѣнія.“ И между тѣмъ трудно представить двухъ авторовъ, столь различныхъ по своему положенію и по своей дѣятельности, какъ авторъ варшавской рѣчи и авторъ лондонскаго воззванія. Впрочемъ, говоря словами рѣчи, „въ высшихъ сферахъ науки и чистаго знанія“ лица совершенно различныхъ положеній и съ совершенно различными родами дѣятельности могутъ совершенно сходиться въ признаніи великихъ истинъ науки и знанія. Подъ воззваніемъ, изъ котораго привели мы выдержку, подписался страшный противникъ современнаго политическаго и общественнаго устройства западной Европы, наставникъ всѣхъ современныхъ республиканцевъ и демократовъ, Іосифъ Мадзини, такая же теоретическая знаменитость въ исторіи соціальнаго развитія послѣднихъ годовъ, какъ знаменитъ въ практическомъ отношеніи Іосифъ Гарибальди. Для поляковъ Мадзини долженъ быть, потому что доселѣ былъ, авторитетомъ, и если для нихъ могутъ показаться подозрительными или невразумительными слова русскаго министра, то они не могутъ не признать заслуживающими полнаго вниманія ихъ укоры и совѣты воновода современныхъ движеній—знаменитаго итальянскаго республиканца.

Но воззваніе Мадзини наводитъ насъ и на многія другія соображенія касательно современнаго положенія, занимаемаго нашимъ отечествомъ въ Европѣ, и касательно отношенія къ Россіи общественнаго мнѣнія въ западной Европѣ. Кто бы могъ ожидать, что Мадзини обратится къ полякамъ съ тѣми же самыми совѣтами и вразумленіями, съ которыми неоднократно уже обращались къ нимъ лучшіе русскіе люди, лучшіе наши органы общественнаго русскаго мнѣнія и иногда наши дипломаты? И между тѣмъ это случилось. Что же это значитъ? Какимъ образомъ произошелъ такой переворотъ? Какимъ образомъ, въ параллель дружбы (къ Россіи великой американской республики, за Россію, въ пользу Россіи наконецъ, повторяя слова Россіи, произносить укоры полякамъ знаменитый европейскій республиканецъ? Что общаго между ними и сѣверною Америкою, какія незримыя побужденія заставляютъ республиканскій народъ чувствовать неодолимое влеченіе къ *царскому* русскому народу? Историческая будущность, совмѣстное и великое дѣйствование на поврищѣ міра, ясно предъощущаемое нами и американцами,—вотъ что связываетъ насъ съ ними, что заставляетъ насъ взаимно уважать другъ друга. Эту

самую великую будущность славянства вообще и Россіи въ частности чуетъ и Мадзини, этотъ дѣятель будущаго, живущій въ немъ своими помыслами и мечтами, и съ высоты этого прозрѣнія въ будущее считаетъ себя въ правѣ обратиться съ горькимъ словомъ правды и вразумленія къ полякамъ, эгоистически съузвившимъ весь свой историческій кругозоръ на одномъ прошедшемъ своей республики и свою политическую программу на одномъ стремленіи, во что бы то ни стало, и гдѣ бы ни привелось даже хотѣть на службѣ у турецкаго султана и въ войнѣ противъ сербовъ и болгаръ, вредить и противодействовать Россіи.

Будущее славянства и Россіи—нашъ великій примиритель съ народами запада. И однако же, сколько разъ сами мы, входя въ чуждыя и враждебныя намъ комбинаціи западно-европейской политики, намѣренно какъ будто отдаляли отъ себя свою будущность и будущность своихъ соплеменниковъ! Сколько разъ наша политика шла въ сторону, прямо противоположную той, въ которую ей надлежало идти, заключая противоисторическіе союзы и трактаты, становясь въ рукахъ западныхъ дипломатовъ защитницею и хранительницею прошлаго противъ требованій современнаго и стремленій къ будущему, сколько разъ она вооружала противъ Россіи все, что было въ Европѣ молодаго, надѣющагося, энтузіастическаго и энергическаго! Когда, сломивъ Наполеона I и даровавъ свободу покореннымъ европейскимъ народамъ, Россія сдѣлалась предметомъ удивленія и признательности всѣхъ свободныхъ націй и умовъ, никто не ожидалъ, что за дипломатическимъ столомъ въ Вѣнѣ она зачеркнетъ всѣ свои права на признательность и уваженіе народовъ и вступить въ союзъ съ элементами, отжившими и разлагающимися, обзавшись ничего не падить для ихъ поддержки. Когда потомъ, помимо своихъ "священныхъ" союзниковъ и наперекоръ одному изъ нихъ, Россія вновь выступила, какъ дѣятель будущаго, и основала, убѣдивъ Англію и Францію, греческое королевство, надежды угнетенныхъ европейскихъ народностей ожили, и Россія на время нѣсколько утишила ненависть къ себѣ. Но европейская дипломатія и при этомъ втанула ее въ великую ошибку, когда освобожденный греческій народъ вручила баварскому принцу, и потомъ молча смотрѣла на то, какъ баварцы крѣпче затягивали греховъ въ петлю деспотизма. Еще болѣе роковую ошибку

Россия сдѣлала, когда выступила за Австрію, какъ покровительница угнетенія народностей, входящихъ въ составъ австрійской имперіи: общественное мнѣніе западной Европы до конца было раздражено нашимъ побѣдоноснымъ венгерскимъ походомъ, и ни мало не удивительно, что въ Европѣ ни одинъ голосъ почти не возвысился въ нашу пользу, когда мы хотѣли было свернуть въ сторону отъ трактата 1815 года и явиться въ новомъ званіи—защитницы угнетенныхъ подданныхъ Турціи. Крымскую войну мы вели при восторгахъ отъ нашихъ неудачъ нашихъ враговъ и при равнодушномъ или двоедушномъ бездѣйствіи правительствъ дружественныхъ и священно-союзныхъ, вообще при общей ненависти къ намъ западныхъ народовъ.

Трудно представить болѣе тяжелое положеніе, чѣмъ въ какомъ находилась Россия двѣнадцать лѣтъ назадъ. Съ массою долга, который она приобрѣла въ крымскую войну, она не могла утѣшить себя и тѣмъ, что хоть сколько нибудь поколебала вражду къ себѣ общественнаго мнѣнія: лишь къ недоувѣрчивости народовъ къ себѣ она присоединила еще ихъ подозрѣнія относительно своего безсилія. Но народъ, имѣющій за себя будущее, въ подобномъ униженіи всегда найдетъ для себя исходъ къ возвышенію. Живя дотолѣ на широкую ногу, вмѣшиваясь во все на свѣтѣ и помогая всѣмъ, принимая у себя и званыхъ, и незваныхъ, въ особенности же иностранныхъ, наше отечество вдругъ, какъ разорившійся, но не потерявшій вѣры въ себя, богатъ, уединилось, заключилось само въ себѣ, разомъ отказавшись отъ всѣхъ условій вѣнскаго трактата, обязывавшаго его вмѣшиваться во всякое столкновеніе стараго съ молодымъ, факта съ правомъ, установленнаго и признаннаго съ вновь вводимымъ и требующимъ признанія. *Начался періодъ всероссійскаго затворничества, уединеннаго самоиспытанія и самоусовершенствованія.* Въ упорствѣ подвиговъ нашего единенія, въ обиліи слезъ покаянія, въ сосредоточенной дѣятельности внутренней, въ громадности и послѣдовательной строгости нашихъ реформъ, мы представили міру больше доказательствъ нашей силы, больше убѣдительныхъ знаменій будущаго величія русскаго народа въ частности, и славянскаго племени вообще, чѣмъ даже тогда, когда мы побѣдносно боролись съ Наполеономъ I, или упорно, несмотря на дурное вооруженіе и такое же содержаніе нашей арміи, отстаивали Севастополь. Слѣдующа уставамъ свя-

ценнаго союза, если бы обстоятельства не заставили насъ, къ нашему же благу, отступить отъ него, въ послѣднія десять лѣтъ мы должны были бы, еще болѣе усиливая неприязнь и вызывая проклатія народовъ, поддержать австрійскую власть въ Италіи и послать для этого въ италійскій четырёхугольникъ сильный корпусъ арміи или даже гвардіи; для поддержанія прежняго порядка вещей въ Германіи, завязать войну съ Пруссіею послѣ ея побѣды при Садовой; въ настоящую же минуту должны были послать къ берегамъ Испаніи эскадру и начать дипломатическій походъ противъ революціи въ Испаніи въ пользу бѣжавшей во Францію ех-королевы Изабеллы. Вотъ сколько хлопотливыхъ и неблагодарныхъ, безцѣльныхъ и вредныхъ комиссій намъ предстояло бы исполнить въ послѣднее время, если бы мы по прежнему стали во все на свѣтѣ ввязываться съ своими непрошенными услугами, если бы мы не уединились отъ европейскихъ дѣлъ и не предались исключительно своимъ дѣламъ и интересамъ. Мы, можетъ быть, отчасти по необходимости, отчасти—особенно въ послѣдствіи—добровольно и искренно признавали въ эту пору совершающіеся въ Европѣ факты: немедленно признали вновь созданное королевство италійское, радостно привѣтствовали объединеніе! сѣверной Германіи, желали и радовались успѣху сѣверной Америки, и должны теперь съ удовольствіемъ смотрѣть на совершившійся въ Испаніи переворотъ. Поступая такъ, мы не издержали ни одного рубля, не пожертвовали ни однимъ солдатомъ, и между тѣмъ въ сѣверной Америкѣ, въ италійцахъ, въ пруссакахъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ домашнихъ счетовъ), имѣемъ благорасположенныхъ къ намъ пріятелей. Можетъ статься, еще холоднѣе и даже враждебнѣе прежняго стала къ намъ относиться теперь Австрія, по прежнему рассчитывавшая на наше обычное великодушіе: но именно защита и помощь ей были бы для насъ вреднѣе всего и въ общественномъ мнѣніи Европы, и въ нашихъ племенныхъ и государственныхъ интересахъ.

Что же, спрашивается, каковой общій выводъ можно сдѣлать изъ исторіи послѣднаго десятилѣтія,—выводъ философскій и вмѣстѣ практическій? Выводъ ясенъ: *все новое за насъ, все старое противъ насъ въ Европѣ; всякое новое рожденіе въ Европѣ дастъ намъ новаго союзника.* И значитъ, всякій переворотъ въ Европѣ, чѣмъ бы онъ ни кончался, только расширяетъ европейское поле

для нешего сѣянiя на немъ; мы должны, если не оказывать переворотамъ правственной поддержки, то во всякомъ случаѣ оставаться хладнокровными зрителями ихъ. Для насъ нисколько не опасны ни революцiя въ Испанiи, ни возможный государственный переворотъ во Францiи, ни дуализмъ въ Австрiи, ни требуемая поляками автономiя Галицiи; напротивъ, всѣ подобныя перевороты только ослабляютъ степень ненависти къ намъ старыхъ правительствъ, которыя не могутъ отступить отъ своей традиционной политики—становятся поперекъ дороги всѣмъ начинанiямъ юной Россiи и постоянно поддерживать и питать въ полякахъ самыя противоисторическiя, противославянскiя, противурусскiя, противухристанскiя стремленiя. Десять лѣтъ нашего политическаго уединенiя, нашей, такъ сказать, *отрицательной* политики, сдѣлали возможнымъ такое странное явленiе, что всеевропейскiй республиканецъ Мадзини обращается къ полякамъ съ тѣми же укорежными и совѣтами, съ которыми уже неоднократно обращались къ нимъ истинно-русскiе люди, и которые (за исключенiемъ понятiя о цариствѣ, неправильно понимаемаго апостоломъ революцiи и возбуждающаго въ немъ, въ слѣдствiе этого севершено дикiя опасенiя, и теперь можетъ ничего не опасаясь, повторить полякамъ самый патрiотическiй русскiй печатный органъ, и даже лицо высокопоставленное и офиціальное. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и, при условiи нашего невмѣшательства въ совершающiяся европейскiя столкновенiя, *правда русская и правда общеславянская* найдутъ еще болѣе справедливыхъ судей и защитниковъ, чѣмъ Мадзини въ настоящемъ случаѣ. Свѣтъ науки затемняется передъ глазами народовъ среди тревоженiй политическихъ и общественныхъ, но, по минованiи ихъ, при намѣренномъ удаленiи отъ нихъ, исторiя одинаково ясно обозначаетъ задачи племенъ и эпохъ, какъ для заклятаго республиканца, такъ и для истинно-вѣрнопопданнаго монархiи. „*Кто хочетъ уразумѣть славянское бытописанiе и предусмотрѣть будущiя задачи переживаемой эпохи, тотъ долженъ всмотрѣться помлубже въ исторiю, вспомнить многочисленныя славянскiя племена, трепетно ожидающiя своей будущности и колосса между ними, многомиллионный русскiй народъ, призванiе котораго уже достаточно обозначено Провидѣнiемъ.*„

(Веч. Газ.)

4.

Какъ между людьми вообще встрѣчаются отдѣльныя лица, которыя до старости остаются дѣтьми, способными больше увлекаться несбыточными предпріятіями, чѣмъ серьезно относиться къ своимъ насущнымъ потребностямъ; такъ точно въ семьѣ народовъ иногда попадаются такія національности, которыя до старости, до самой своей политической смерти, продолжаютъ оставаться дѣтьми въ собственномъ смыслѣ этого слова. У насъ, русскихъ, такой примѣръ на глазахъ въ лицѣ „народа-дитяти“—поляковъ.

Мы много разъ уже говорили о польскомъ вопросѣ; обращаемся снова къ нему, чтобы побесѣдовать съ нашими читателями объ этомъ народѣ съ ребяческимъ смысломъ и упрямствомъ.—Послѣ того, какъ безумно поднятый мятежъ 1863 г. кончился такъ неудачно для интересовъ польской шляхты, которая одна только и сочувствовала ему, кажется — польскіе вожди, живущіе за границей, могли бы научиться благоразумію и увидѣть со всею очевидностію, что всѣ ихъ послѣдующія попытки больше смѣшны, чѣмъ серьезны, что надъ ними, наконецъ, великодушно насмѣхаются самые ихъ мнимые друзья. Мы не безъ основанія сейчасъ сказали, что въ мятежѣ была заинтересована только одна польская шляхта, потому что народъ, составляющій основу края, не сочувствовалъ и не могъ сочувствовать этому возстанію, такъ какъ русское правительство всегда, въ той или другой мѣрѣ, оберегало его интересы. Но, не смотря на свой горькій опытъ въ польскомъ возстаніи, руководители польскіе до сихъ поръ не образумились, до настоящаго времени продолжаютъ упрямиться, подобно дѣтямъ, не обращая вниманія на совѣты и уроки, даваемые имъ со всѣхъ сторонъ. Они съ упорной нѣстойчивостію продолжаютъ волновать общественное мнѣніе Европы, склоняютъ его въ свою пользу, а своимъ соотечественникамъ, остающимся на родинѣ и съ неудовольствіемъ наблюдающимъ, какъ русское правительство и русское общество возвышаютъ и освобождаютъ загнанный ими простой народъ, этимъ, говоримъ, друзьямъ своимъ заграничные агитаторы шлютъ разныя обѣщанія, подають надежды и тѣмъ препятствуютъ этимъ лицамъ вполне успокоить-

ся и забыть о всевозможных мятежах и волненіяхъ. Съ 1863 года, послѣ неудачнаго дипломатическаго похода западныхъ державъ на Россію, эти послѣднія больше не даютъ полякамъ никакого основанія надѣяться на ихъ дѣятельную помощь. Это очевидно для всѣхъ, кромѣ однихъ вождей польскихихъ. Они все еще продолжаютъ пользоваться всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы напомнить Европѣ о своемъ существованіи, о своей скорби, о своихъ надеждахъ, и вызвать съ ея стороны хотя одно слово сочувствія. Подобныя мечтательныя попытки многихъ представителей польской аристократіи, этого „народа-дитяти,“ проявляются въ то время, когда ихъ собственная родина обновляется, воскресаетъ къ новой жизни, въ которой уже не будетъ безправныхъ рабовъ, а всѣ будутъ равноправными гражданами; бѣглецы, чтобъ не сказать вмѣстѣ съ Писаніемъ, „блудные“ сыны страны, привышіе только въ свою пользу употреблять средства и жизнь низшихъ классовъ, удалились, чтобъ не трудиться надъ улучшеніемъ быта крестьянъ, соединенныхъ съ неизбѣжнымъ упраздненіемъ тяжелыхъ панскихъ привилегій, и они же еще продолжаютъ мечтать о восстановленіи стараго своего обладанія страной, не стѣсняются открыто высказываться о своихъ порывахъ снова утвердить свои безчеловѣчныя привилегіи надъ народомъ, въ первый разъ начинающимъ свободно дышать подъ охраной русскаго правительства, при помощи и дружескомъ содѣйствіи русскаго общества.

Нынѣшній годъ, точно также какъ и прежніе годы, не прошелъ безъ манифестацій со стороны польскихъ выходцевъ. Одна изъ нихъ въ особенности была рассчитана на эффектъ (мы говоримъ о сборищѣ, происходившемъ въ Рапперсвилѣ); но она прошла почти незамѣченною въ Европѣ, къ удовольствію всѣхъ друзей мира, свободы и развитія польскаго народа и къ огорченію революціонной партіи въ этомъ краѣ. Агитаторы польскіе не только не встрѣтили большаго сочувствія со стороны своихъ мнимыхъ друзей, западныхъ державъ, но даже получили отъ нѣкоторыхъ упрекъ въ своемъ неумѣстномъ заявленіи. Эта неудачная манифестація могла бы научить воздержности и благоразумію всякій другой народъ, заставила бы отказаться отъ надежды на дѣятельную помощь

со стороны этихъ державъ противъ Россіи,—но научилась ли она поляковъ?!

Какъ желательно было бы для каждаго русскаго, для каждаго славянина вообще, чтобы поляки, эти наши братья-славяне, поняли, наконецъ, свою измѣну славянскому своему происхожденію и призванію на ряду съ другими племенами, уразумѣли свою горькую вину предъ прочими братьями-славянами. Мы не говоримъ о расположеніи поляковъ, или лучше польскихъ пановъ, къ намъ русскимъ—нужно немало времени, чтобы вражда ихъ къ намъ за все и въ частности за отнятіе у нихъ права господства надъ простымъ людомъ, успокоилась и миновалась. Но странно, отчего поляки такъ или иначе враждуютъ противъ другихъ народовъ славянскихъ? Значительная доля поляковъ состоитъ на службѣ у турецкаго правительства и—никто изъ сыновъ славянской страны—Польши, Чайковскій съ своими соотечественниками, сражается подъ именемъ Садыкъ-паши за турецкіе интересы противъ южныхъ славянъ.—Въ настоящее время благоприятная минута для обращенія поляковъ въ нѣдра своей родной славянской семьи. Какъ хотѣлось бы вѣрить, что они, дѣйствительно, уразумѣютъ свои обязанности въ настоящее время, поймутъ „знаменія времени“ въ мірѣ славянскомъ и—возвратятся въ дружескія—братскія объятія! Нужно ли говорить, что именно измѣна славянскимъ началамъ въ вѣрѣ и жизни служитъ коренной причиной безсилія поляковъ—сплотиться въ одно нравственное, народное цѣлое. Они, подъ вліяніемъ чуждыхъ, вовсе не народныхъ элементовъ, допустили въ своей исторической жизни полное разьединеніе общихъ интересовъ, борьбу сословій и партій. Не лучше ли, въ настоящее время, при упадкѣ сословныхъ привилегій, озаботиться однимъ — устройствомъ внутренняго благосостоянія страны и заботой занять почетное мѣсто среди нравственно-сближающихся славянъ?

Въ ожиданіи, когда поляки-аристократы поймутъ свою несправедливость въ отношеніи русскихъ и славянъ вообще, намъ самимъ нужно зорко смотрѣть за сохраненіемъ и прогрессивнымъ развитіемъ тѣхъ началъ управленія и устроенія страны, которыя узаконены нашимъ правительствомъ. На насъ лежитъ обязанность обезпечить лучшую, прочную будущность для

низшихъ классовъ края, и мы ни на минуту не должны забывать, въ виду еще продолжающейся пропаганды со стороны выходцевъ, что только опредѣленная, обдуманная система и постоянство въ характерѣ дѣйствій даютъ ручательство за успѣхъ при воспитаніи, перевоспитаніи и исправленіи отдѣльныхъ дѣтей и „дѣтей-народовъ.“ Въ виду подобнаго обязательства съ нашей стороны въ отношеніи къ привислянскому краю, мы съ особеннымъ довѣріемъ относимся къ нынѣшней повѣздкѣ г. министра народнаго просвѣщенія въ варшавскій учебный округъ для личнаго осмотра хода образованія. Нѣтъ нужды много выяснять предъ читателями всю важность этой повѣздки. Припомнимъ только, что нынѣшній привислянскій край вообще и относительно народнаго образованія въ частности находится въ исключительномъ положеніи; нѣсколько лѣтъ назадъ здѣсь предприняты новыя мѣры относительно устраненія іезуитско-шляхетскаго вліянія на юношество и обращено особенное вниманіе на воспитаніе жителей того края въ общерусскомъ духѣ, и сообразно съ этими высшими правительственными соображеніями здѣсь преобразованы и устроены учебныя заведенія: составъ преподавателей, предметы обученія и самый языкъ русскій—все приспособлено къ одной цѣли—способствовать сближенію населенія этого края съ остальной Россіей. Въ самомъ дѣлѣ, весьма важно для г. министра народнаго просвѣщенія самому повѣрить на мѣстѣ, на сколько успѣшно развиваются высшія соображенія относительно образованія и, какъ сказали мы, перевоспитанія этого края въ чисто русскій. — Зная характеръ дѣятельности и просвѣщенныя стремленія г. министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго, мы позволяемъ себѣ ожидать самыхъ интересныхъ наблюденій и открытій въ варшавскомъ округѣ, ожидать затѣмъ патріотическихъ, отличающихся энергіею и удобопримосимостію, мѣръ къ приведенію учебныхъ заведеній края въ такое желаемое состояніе, чтобы изъ нихъ на будущее время выходили не враги русскаго народа и государства, но любящіе насъ братья, наравнѣ со всѣми нами преданные общерусскимъ интересамъ. Нужно ли прибавлять, что образованіе — самое вѣрное средство для объединенія этого края со всей Россіей?

(Сов. Лист.)

За что Россію ненавидят на западѣ? Почему это каждый нашъ успѣхъ на пути прогресса,—въ отношеніяхъ ли нашихъ къ соседнимъ или родственнымъ намъ народамъ, въ строгъ ли нашей внутренней жизни,—вызываетъ опасенія и ложныя толкованія въ заграничной прессѣ? Почему это въ нашей внутренней политикѣ видятъ развитіе теорій, считающихся самими опасными и разрушительными на западѣ? Откуда это у западныхъ публицистовъ такое нѣжное участіе къ судьбѣ Польши,—къ интересамъ польскихъ пановъ и остзейскихъ помѣщиковъ? И отъ чего это, въ свою очередь, при всякомъ національномъ поворотѣ нашей внутренней политики на нашихъ окраинахъ, нѣмецкая или остзейская агитация идетъ рука объ руку съ польскою? Всѣ эти вопросы, важные и во всякое время достойные размышленія и печатнаго обсужденія, невольно вызываются новою книгою г. Самарина: *Окраины Россіи*. Отчасти возбуждаетъ, а отчасти и рѣшаетъ эти вопросы слѣдующій отрывокъ изъ его замѣчаній:

„Въ Пруссіи познанскіе поляки первые подняли голосъ за мнимо-угнетенныхъ балтійцевъ и продолжаютъ въ своихъ газетахъ оплакивать горькую участь, ожидающую лютеранство и нѣмецкую національность. Въ свою очередь, въ отплату за эту добрую услугу, балтійскіе публицисты носятъ память покойнаго графа Муравьева, указываютъ Европѣ на угнетеніе латинскаго духовенства и негодуютъ на насильственное введеніе въ западномъ краѣ русскаго языка. Разверните любую заграничную брошюру балтійскаго издѣлія, и вы найдете въ ней всѣ знакомые вамъ мотивы польскаго изобрѣтенія. Вы узнаете, напримѣръ, что русскіе вовсе не славяне, а выродившіеся монголы; что если бы русскія интриги не мѣшали дворянству, то крестьяне въ балтійскихъ губерніяхъ давно были бы облагодѣтельствованы своими помѣщиками и сдѣлались бы собственниками, что русскій Императоръ считается главою своей церкви не только въ мірскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ, иначе—*кесаремъ папою*; что *латинству и протестанству давно бы пора отложить всякія междоусобныя распри и, опознавъ себя взаимно, какъ одно цѣлое, именно какъ западное христіанство объявить войну восточному христіанству и москалю*, этому исконному и непримиримому общему ихъ

врагу... Правда, балтійскіе дворяне не брезгаютъ дешевыми имѣніями западнаго края и пользуются распространенными на нихъ льготами, — это своимъ чередомъ; а тѣмъ временемъ за границею агенты ихъ продолжаютъ подвизаться рука объ руку съ поляками подъ однимъ знаменемъ, да еще въ добавокъ они же, по поводу нашихъ уступокъ, печатно надъ нами издѣваются, — и по дѣломъ!“

Напечатанныя курсивомъ слова буквально заимствованы г. Самаринимъ изъ балтійско-нѣмецкихъ брошюръ, и они, какъ мы сказали, отчасти возбуждаютъ, а отчасти рѣшаютъ поставленные нами въ началѣ статьи вопросы. Одна изъ напечатанныхъ курсивомъ фразъ показываетъ, что остзейскіе нѣмцы и поляки знательно противопоставляютъ *западный латинско-протестантскій міръ*, какъ цѣлое западное христіанство, *восточному христіанству* или *москамо*, т. е. русскому міру, и вызываютъ первый объявить войну послѣднему. При такой степени раздѣльности сознанія разницы между западнымъ и восточнымъ христіанствомъ, политикъ или государственный человѣкъ, вздумавшій бы мирить хотя малѣйшую часть одного міра съ другимъ полумѣрами, только раздражалъ бы, нисколько не достигая цѣли, а уступая только вызывалъ бы насмѣшки. Дополнимъ нѣсколькими частными замѣчаніями общій отвѣтъ г. Самарина на вопросы, поставленные нами.

Исторія западной Европы текла вообще одинаково, и жизнь романо-германскихъ народовъ сложилась, несмотря на нѣкоторыя частныя особенности въ разныхъ государствахъ, довольно однообразно. Вся эта исторія состоитъ изъ завоеваній и покореній, изъ аристократіи землевладѣльческой и феодализма, съ одной стороны, и изъ бѣдныхъ, безземельныхъ поселянъ съ другою, изъ римскаго церковнаго патриціата и изъ народнаго плебейства въ вѣрѣ, изъ привилегій и титуловъ высшихъ сословій и изъ безправности низшихъ, — это главныя историческіе элементы западной Европы; а ея слишкомъ тысячелѣтняя жизнь сложилась изъ борьбы этихъ главныхъ элементовъ, далеко еще неоконченной. Польша применила къ исторіи запада и, пожертвовавъ шляхтѣ и римскому клиру племенными своимъ особенностями, оказалась ненужнымъ повтореніемъ западно-европейской жизни и лишнимъ членомъ въ семьѣ народовъ, но тѣмъ не менѣе членомъ родствен-

нымъ и симпатичнымъ для народовъ запада; подобнымъ же образомъ повторяютъ западную исторію и своими жалобами вызываютъ сочувствіе тамошнихъ народовъ *случайные покорители* мѣстностей, составляющихъ нынѣ Курляндію, Эстляндію и Лифляндію,—эти крупные землевладѣльцы-бароны съ ихъ древними титулами и привилегіями и съ безземельными туземными населеніями.

Поставленная между Европою и Азією, Россія долгое время большую часть вліяній воспринимала съ востока, и уже тогда, когда ея историческія и племенные особености достаточно окрѣпли, она сама добровольно и сознательно стала воспринимать вліянія съ запада. Естественно было, при долгой отчужденности ея отъ Европы и при своеобразномъ ходѣ ея исторіи, развиться въ ней многимъ своеобразностямъ племеннымъ и историческимъ, которыя для запада, шедшаго другою историческою дорогою, кажутся непонятными и объясняются тамъ, какъ проявленія крайняго радикализма, крайней демократіи, крайняго социализма, словомъ какъ такія черты, которыя дѣлаютъ восточную христіанскую Европу или Россію не только отличною, но враждебною западному христіанскому міру. Это въ свою очередь объясняетъ намъ, почему наши реформы особенно трудно совершаются въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ и въ остзейскомъ краѣ, и почему поляки и балтійскіе рыцари, при каждомъ намѣреніи русскаго правительства видоизмѣнить ихъ устарѣлый, западно-европейскій строй жизни, апеллируютъ къ Европѣ, и Европа сочувственно выслушиваетъ ихъ жалобы и клеветы. Когда Мазадъ разсматриваетъ мѣры русскаго правительства относительно надѣленія польскихъ крестьянъ землею, онъ видитъ въ этомъ, какъ западный писатель, самую радикальную революцію, самое социалистическое посягательство на права собственности польскихъ пановъ, и въ *Revue des Deux Mondes* восклицаетъ: „Изъ всѣхъ понятій, особенно распространенныхъ и питаемыхъ въ Россіи, кто знаетъ, не разрушительныя ли радикалистскія болѣе всего соотвѣтствуютъ инстинктамъ „московской“ массы, и не истекаютъ ли они изъ общаго духа „московскаго“ народа? Народный русскій идеаль—это война противъ знати, противъ стараго барства, демократическое равенство съ общиннымъ владѣніемъ и съ демократическимъ самодержавіемъ.“ Для Европы, весьма феодальной

еще и доселѣ, съ ея крупными собственниками, съ огромнымъ количествомъ безземельныхъ фермеровъ и съ громаднымъ числомъ безземельныхъ пролетаріевъ, наша крестьянская реформа съ неотчуждаемыми земельными надѣлами каждой ревизской души, ничѣмъ инымъ и не можетъ казаться, какъ опаснымъ для нея примѣромъ приложенія практическихъ и социалистическихъ теорій, чуждыхъ намъ и выработавшихся въ нея же самой, въ слѣдствіе крайняго неравенства сословныхъ правъ и преимуществъ и страшнаго развитія пролетаріата,—теорій, осуществленія которыхъ богатые и привилегированные классы въ Европѣ и въ нашихъ западномъ и остзейскомъ краяхъ имѣютъ много побужденій бояться, какъ чумы. Такую реформу европейская публицистика могла еще терпѣть, могла даже хвалить ее, пока она прилагалась къ чисто - русскимъ губерніямъ, къ „*невъжественной московской массѣ*“; но она стала въ глазахъ ея радикалистскою, социалистическою и демократическою, когда Россія вздумала продолжить ее въ западномъ краѣ и въ остзейскихъ губерніяхъ, о которыхъ, имѣя въ виду особенности общественнаго ихъ устройства и ихъ исторіи, она можетъ сказать: „Се плоть отъ плоти моя и кость отъ костей моихъ.“

Въ какой мѣрѣ западная Европа упорно держится своего историческаго строя, несмотря на всю его нравственную несправедливость и на весьма серьезные протесты загнанныхъ нисшихъ ея классовъ, примѣромъ можетъ служить Великобританія. „Главная, существенная потребность Ирландіи, говорилъ Брайтъ по поводу недавнихъ феніанскихъ движеній, состоитъ въ томъ, чтобы тамошнему населенію была предоставлена возможность тѣмъ или инымъ путемъ постепенно сдѣлаться собственниками земли. Прежде всего, если есть законы, которыми имѣется въ виду предупредить раздробленіе поземельной собственности, уничтожьте ихъ: пусть дѣйствуетъ естественный ходъ вещей. Потребность эту ощущали въ разныя времена и другія страны: во Франціи ее удовлетворила страшная революція, русское правительство удовлетворило ей чрезъ ссудныя кассы, въ которыхъ фермеры могли занимать деньги для выкупа земли у ея собственниковъ.“ Говоря о Россіи, Брайтъ сказалъ: „Въ Россіи, гдѣ крѣпостные освобождены съ землею, нѣтъ ни одного изъ нихъ, который не былъ бы готовъ стать на защиту государства и Императора.“

Въ пользу приложенія къ Ирландіи мѣры, похожей на нашу крестьянскую реформу, послѣ Брайта высказался въ Англіи еще одинъ только знаменитый философъ - публицистъ, считающійся тамъ „крайнимъ радикаломъ“, Стюартъ-Милль. А затѣмъ члены министерства и вожди оппозиціи, всѣ англійскіе публицисты и слышать не хотятъ объ измѣненіи къ лучшему поземельныхъ отношеній въ Ирландіи между крупными землевладѣльцами съ одной стороны и безземельными фермерами и кретьянами съ другой; нѣкоторые консерваторы, какъ, на прим., профессоръ Голдуинъ-Смитъ, подобные планы удовлетворенія требованіямъ ирландцевъ называютъ прямо *опасными, революціонными и социалистическими*. Имѣя въ виду эти современныя намъ воззрѣнія на измѣненіе поземельныхъ отношеній въ Ирландіи, — воззрѣнія, общепринятая почти въ Англіи ея передовыми государственными и общественными дѣятелями и упорно защищаемая въ виду постоянно повторяющихся движеній въ Ирландіи, — мы не должны удивляться тому, что крестьянская реформа въ привисланскомъ, сѣверо-западномъ и остзейскомъ краяхъ Русской Имперіи встрѣчаетъ затрудненія большія, чѣмъ какія встрѣчены были въ остальной Россіи, и что публицисты западныя, подобно Мазаду, видятъ въ мѣрахъ русскаго правительства здѣсь несомнѣнныя доказательства демократическаго социализма, который гнѣздится будто бы въ самомъ характерѣ русскаго народа. Западная Европа, подобно бывшей польской республикѣ, подобно остзейскому краю, и доселѣ, въ сущности, Европа еще феодальная и аристократическая, несмотря на то, что революціи и прогрессъ уже много уродливыхъ подробностей въ теченіе послѣднихъ вѣковъ оторвали отъ нея аристократизма и феодализма. Впечатлѣнія, производимыя русскими реформами на западную Европу, точно также противоположны, какъ противоположны были впечатлѣнія, произведенныя въ Старомъ Свѣтѣ возникновеніемъ въ прошломъ столѣтіи въ Америкѣ демократической республики. Для безземельныхъ ирландцевъ, для остзейскихъ латышей и эстонцевъ великорусскій крестьянинъ предметъ зависти и крестьянская реформа наша предметъ чаяній, для тамошнихъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ и ихъ сторонниковъ — опасный примѣръ и тревожное знаменіе, точно также, какъ демократическое равенство американскихъ гражданъ въ прошломъ столѣтіи было пред-

метомъ зависти и надеждъ для нисшихъ классовъ европейскаго общества и опасеній для привилегированныхъ и высшихъ. Смотри съ этой точки зрѣнія, мы вполне поймемъ тѣ корреспонденціи западныхъ газетъ, составляемыя польскими панами и балтійскими рыцарями, и тѣ соболѣзнованія о предстоящей участи польскихъ и остзейскихъ помѣщиковъ, въ которыхъ намъ приписываются самыя безжалостныя демократическія и соціалистическія тенденціи и стремленія.

Но, какъ мы сказали, пока реформы наши касались нашихъ чисто русскихъ губерній, западная пресса не ввоздила на насъ подобныхъ обвиненій,—она холодно относилась къ нимъ и даже удостоивала похвалъ, разсуждая такъ: „Пусть тамъ въ *Азии* творять, что хотятъ.“ Когда же очередь реформъ, введенныхъ внутри Россіи, дошла до нашихъ западныхъ окраинъ, сложившихся по западно-европейскому образцу, до аристократической Польши и феодальной Курляндіи, Эстляндіи и Лифляндіи, какъ посыпались обвинительныя корреспонденціи изъ этихъ краевъ, и появились обвинительныя приговоры противъ Россіи и противъ ея общественнаго мнѣнія. Рьяные тамошніе публицисты, въ родѣ, напримѣръ, Мазада, самое наше правительство обвиняютъ въ соціалистическо-демократическихъ стремленіяхъ за его политику относительно Польши. „Возстаніе въ Польшѣ, говоритъ Мазадъ, сообщило демократическимъ силамъ внутри (русской) имперіи невѣроятную напряженность. Правительство увидѣло себя въ роковой необходимости пользоваться для своихъ цѣлей услугами радикализма и чрезъ это поставлено было въ такое положеніе, при которомъ оно не могло уже слѣдовать за консерваторами, и заключило союзъ со всѣмъ, что было революціоннаго въ Россіи. Нигилисты не боялись одѣваться въ чиновничій мундиръ для приложенія своихъ идей въ Польшѣ. Они завладѣли управленіемъ въ польскихъ губерніяхъ.... Они легко могли сдѣлаться популярными, вступивъ въ союзъ съ дикими народными страстями, и свободно готовили побѣду своимъ идеямъ подъ защитой официальной политики.“ Современная юная или ультрамосковская Россія, какъ самая радикалистская страна въ цѣлой Европѣ и во всемъ мірѣ, стоящая кромѣ того за свою вѣру, за свой языкъ, за свою народность, гордая особенностями своего государственнаго и общественнаго строя, утратившая прежнюю молчаливость и скромность,

больше всего хлопочущая объ обрусеніи западнаго и остзейскаго края и объ укрѣпленіи государственнаго единства, проповѣдующая въ то же время, великую будущность всѣмъ славянскимъ племенамъ и всему православному востоку,—въ глазахъ западныхъ публицистовъ и нашихъ польскихъ и остзейскихъ корреспондентовъ тамошнихъ газетъ, и есть то „*восточное московское христіанство, враждебное и латинству, и протестанству, противъ котораго имъ, какъ одному цѣлому или какъ западному христіанству, давно бы пора объявить войну.*“

Подобныя извѣты на Россію въ корреспонденціяхъ, помѣщающихся въ иностранныхъ газетахъ, совершенно понятны. Но для насъ въ высшей степени всегда казалось оскорбительнымъ, когда подобныя же обвиненія русской внутренней политики въ демократическо-соціалистическихъ стремленіяхъ и наклонностяхъ времени отъ времени повторялись, разумѣется, прилично замаскированными, въ нашихъ русскихъ газетахъ, отстаивающихъ интересы крупныхъ землевладѣльцевъ и интересы польскихъ пановъ, причемъ порицались, конечно, не самыя мѣры правительства, а частные исполнители этихъ мѣръ, или газеты, такъ называемыя, *демократическія*, за сочувствіе и мѣрамъ, и исполнителямъ оныхъ, или наконецъ, крестьяне за ихъ крайне соціалистическія претензіи.

Веч. Газ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ОТНОШЕНІЙ ПОМѢЩИКОВЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ РОССІИ КЪ СВЯЩЕННИКАМЪ ДО ВРЕМЕНИ ВОССОЕДИНЕНІЯ СЕГО КРАЯ СЪ РОССІЕЮ.

Отношеніе помѣщиковъ Юго-Западнаго края Россіи къ священникамъ во время польскаго владычества обусловливалось существовавшимъ здѣсь крѣпостнымъ правомъ. Помѣщикъ, самоправно распоряжавшійся землею, временемъ и трудомъ своихъ крестьянъ, необходимо имѣлъ прямое или косвенное вліяніе на положеніе и судьбу священника, въ приходѣ котораго состояли эти крестьяне. Самое назначеніе священника къ извѣстному приходу, состоявшему изъ крѣпостныхъ крестьянъ, зависѣло отъ ихъ помѣщика, и на юридическомъ языкѣ называлось правомъ презентованія. Въ старинныхъ документахъ

ЕГО ИМПЕ

ВЪ ПР

Я И И

СОИЗВО

ПРОИЗВОДАТСЯ:

90.

**Полко
съ му**

**В
о**

звонитъ,

*Полковникъ, Подполковникъ,
Командующий вой-
сками, егеря, Алжандантъ,*

И И

**ишту
гунсі
Герц
съ п
1:
Вели
зерва
двѣст**

**Со
въ (**
Воени
- 54
мяжи

ЛЯЮТСЯ. За
СКОИ
числя

Со
ленски
Конно
обз
Армей
Артил

**УВОЛНЯЮТСЯ
ОТЪ СЛУЖБЫ:**

За болѣзнь. **7-1**

Подпо.
третей

*По домашнимъ
обстоятель-
ствамъ.*

Ял:

Поруч

ръ *Селянко* и Поручикъ *Туръ*, — оба въ 9-й Драгій Казанскій Его Императорскаго Высочества Эрццога Австрійскаго Леопольда полкъ, изъ нихъ первый ерененованіемъ въ Штабъ-Капитаны.

3-го Нарвскаго Его Императорскаго Высочества каго Князя **КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА**, реатаго эскадрона, Штабъ-Ротмистръ *Можаровъ 1-й*—въ звующіе эскадроны сего полка.

ПО ПѢХОТѢ.

стоящій по Армейской Пѣхотѣ Капитанъ *Воробьевъ*—
Окружное Интендантское Управление Петербургскаго
наго Округа, съ оставленіемъ по Армейской Пѣхотѣ.
4-го Резервнаго Пѣхотнаго баталіона Капитанъ *Се-
въ*—въ 12-й Туркестанскій Линейный баталіонъ.

вѣдывающій хозяйственною частию въ ИМПЕРАТОР-
С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи,
щійся по Армейской Пѣхотѣ Маіоръ *Саврасовъ*.

ПО АРТИЛЛЕРІИ.

стоящій въ распоряженіи Командующаго войсками Ви-
наго Военнаго Округа, числящійся по Гвардейской
ой Артиллеріи Полковникъ *Есауловъ*, —

отъ этихъ должностей, съ оставленіемъ: первый по
ской Пѣхотѣ, а послѣдній по Гвардейской Конной
леріи.

ПО ПѢХОТѢ.

го Пѣхотнаго Ревельскаго полка Маіоръ *Хизинъ*,
ковникомъ, съ мундиромъ и съ пенсіономъ двухъ
оклада.

ПО МѢСТНЫМЪ ВОЙСКАМЪ.

ской Мѣстной команды Подпоручикъ *Чиговецъ*,
съ мундиромъ и съ пенсіономъ половиннаго

Юго-Западнаго края часто встрѣчаются прошенія помѣщиковъ къ епископамъ о рукоположеніи во священника къ извѣстному приходу извѣстнаго помѣщику лица,—при чемъ помѣщики доносили епископу, что для церкви или священника они уступаютъ грунтъ (землю) въ извѣстныхъ границахъ и разныя угодія и освобождаютъ священника отъ всякихъ повинностей 1). Разумѣется, если помѣщикъ былъ различнаго вѣроисповѣданія съ своими крестьянами, то ничто ему не препятствовало представить во священника къ своему приходу своего единовѣрца.

Надобно полагать, что такимъ образомъ большая часть крестьянъ сего края обращена была изъ православія въ унию. Къ началу XVIII в. всѣ почти здѣшніе русскіе паны приняли католицизмъ или унию. А принявши католицизмъ или унию, они, конечно, заботились о введеніи послѣдней и между своими подданными. А самымъ дѣйствительнымъ къ тому средствомъ было представленіе въ приходскіе священники челоуѣка, расположеннаго къ униі. Поставленный по протекціи помѣщика священникъ почти вполнѣ зависѣлъ какъ отъ помѣщика, такъ и его поссессоровъ (арендаторовъ) и пользовался данными ему землями и угодіями дотолѣ, пока находился въ хорошихъ отношеніяхъ къ помѣщику. Въ противномъ случаѣ послѣдній захватывалъ церковныя и священническія земли и угодья. Священникъ оставался въ безпомощномъ состояніи,—и помѣщики и даже ихъ поссессоры привыкали смотрѣть на него, какъ на своего крѣпостнаго, которымъ можно распоряжаться по своей прихоти и произволу. Вотъ въ какомъ, на примѣръ, видѣ представляется отношеніе униатскаго священника, перемышльскаго епархіи, села Середницы, къ помѣщику Яворскому, родственнику тогдашняго епископа перемышльскаго Александра Яворскаго (1748—1749 г.). Помѣщикъ Яворскій имѣлъ въ поссессіи своей два смежныя села: Ольшаницу и Середницу. „Во время болѣзни священника ольшаницкаго,—пишетъ въ своей жалобѣ священникъ села Середницы,—панъ Яворскій каждое воскресенье и праздникъ польскій велѣлъ ходить мнѣ въ ольшаницкую церковь для отправленія св. Литургіи, и когда я, по немаломъ времени, хотѣлъ отпроситься

1) Архивъ Почаев. Лавры, № 289.

и сказать, что моя церковь и богослуженіе праздны, а люди безъ богослуженія нарекають на меня,—то панъ Яворскій сказалъ мнѣ предъ людьми середницкими: если ты, попе, будешь противорѣчить мнѣ, то я не дамъ тебѣ не только лѣсу, но и пастбища; а какъ напишу къ его милости епископу поллиста бумаги, то онъ тебя безъ ножа зарѣжетъ. Гдѣ я ни держалъ possessiю, вездѣ попы наперерывъ мнѣ служили,— а ты почему не хочешь? На польскій праздникъ св. Апостола Андрея, панъ Яворскій прислалъ челоуѣка, чтобы я шелъ въ Ольшаницу, а панъ Домбровскій просилъ въ Середницѣ отслужить Литургію и далъ мнѣ на нее шостакъ битый, за который я и служилъ ему св. Литургію въ церкви середницкой.—Панъ Яворскій, узнавши объ этомъ, разсердился и сказалъ мнѣ: хлопе, попе *s... u synu, kozomanie, psia wiago, psia dusza...* и проч. и приказалъ лѣсническому схватить моихъ коней въ лѣсу и изрубить въ куски, обѣщая дать три тысячи золотыхъ тому, кто бы убилъ меня. Слова я долженъ былъ оставить свой приходъ и церковь и ходить въ Ольшаницу отпралять св. Литургію. Но когда я однажды напомнилъ ему, чтобы хоть на обувь далъ мнѣ не много, ради частой ходьбы, то панъ Яворскій отвѣчалъ: я, попе, никогда за мшу святую не платилъ, гдѣ только ни имѣлъ possessiю, и тебѣ ничего не дамъ: ты Богу служишь, а не мнѣ, для того ты и попъ. Видя большія несправедливости отъ пана Яворскаго и посягательства на мою жизнь и благосостояніе, пошелъ я къ маршалку коронному надворному, чтобы, согласно издревле даннымъ правамъ моимъ духовнымъ, даны были мнѣ какъ лѣсъ на постройку и на дрова, такъ и пастбища и группы. Панъ Яворскій, узнавши объ этомъ, приказалъ догнать меня на дорогѣ и схватить для мученія; но отцы духовные (Ваньковскій и Стефковскій), узнавши объ этомъ распоряженіи, предостерегли меня. Панъ Яворскій въ ожиданіи меня ходилъ съ ружьемъ, а я другою дорогою убѣжалъ изъ поповства ольшаницкаго. Узнавши о томъ, что отцы Ваньковскій и Стефковскій предостерегли меня, панъ Яворскій также велѣлъ схватить ихъ и бить, и самъ хотѣлъ ѣхать въ Ваньково „и въ домѣ каплана накормить его пудами, говоря: имѣю восемьсотъ тысячь фунтовъ: заплачу за козью бороду того козомана. Имѣя каждый день

и часть другія новости и похвалки пана Яворскаго на мое здоровье и убожество; я снова ходилъ къ подкоморію литовскому коллятору—просить для себя милости и охраны здоровья отъ посягательства Яворскаго, но не засталъ его дома. Экономъ его, выслушавши меня и бывшаго со мной солтыса середницкаго, послалъ письмо къ пану Яворскому, чтобы онъ не дѣлалъ насилія священнику. Это письмо я отдалъ въ церкви ольшаницкой въ руки пана Яворскаго, который, обругавши меня, велѣлъ взять меня во дворъ, забить кіями, подстеречь на дорогѣ, схватить меня, такъ что я долженъ былъ скрываться 1). Наговаривалъ также панъ Яворскій разныхъ людей середницкихъ украсть у меня права или выхватить ихъ, когда я буду читать ихъ, и доставить ему, и за то обѣщалъ 100 злотыхъ. — На русскій праздникъ Св. Георгія, который церковь повелѣваетъ отправлять торжественно, когда я хотѣлъ этотъ праздникъ почтить торжественнымъ и нарочитымъ для людей богослуженіемъ, панъ Яворскій, по неуваженію къ святому и въ противность мнѣ, парочно прислалъ въ Середницу конюшаго съ приказаніемъ, чтобы войтъ нѣсколько плуговъ выгналъ орать въ праздникъ. Тогда я, вышедши въ поле, уговаривалъ орющихъ оставить работу и отобралъ у нихъ четыре ярма. За это войтъ, пападши на меня съ кіями въ моемъ домѣ, за моимъ столомъ,—билъ меня, таскалъ за волосы, топталъ ногами, такъ что едва живаго оставилъ меня въ моемъ собственномъ домѣ. Наконецъ панъ Яворскій строго заказалъ людямъ, чтобы они, пока я священникомъ, не ходили въ церковь на богослуженіе, но молились Богу подъ вербою, а не въ церкви, прибавляя: какъ только пойдете въ церковь за попомъ

1) Архивъ Почаев. Лавры, № 401.—Подобныя похвалы дѣлалъ Яворскій и по отношенію къ другимъ священникамъ. Такъ напр., разсердившись на намѣстника и на священника ольшаницкаго, а съ священникомъ середницкимъ находясь въ то время въ мирѣ, подговаривалъ послѣдняго убить того и другаго, обѣщая за то большую награду; подговаривалъ также середницкаго священника напасть на о. намѣстника въ лѣсу и убить его, говоря: какъ вырвешь и принесешь мнѣ его бороду, то я дамъ тебѣ 1000 злотыхъ и постоянно буду оказывать тебѣ ласку.—Тамъ же.

то церковь съ вами и съ попомъ зажгу, и хаты на приходѣ съ женами и дѣтьми сожгу и все разрою 1).

Подобныя отношенія помѣщиковъ къ священникамъ встрѣчались и въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ напр. въ 1733 году помѣщики Татомиры напали на подбускую церковь, опрокнули въ ней св. чашу и повалили совершателя обряда 2). Въ 1740 году администраторъ куликовскій Михаилъ Штиндорoffъ „осмѣлился и безразсудно рѣшился папастъ съ толпою людей и съ шумомъ на церковь куликовскую и осквернить ее и наконецъ схватить тамъ нѣкоторыхъ людей новобрачныхъ, законныхъ супруговъ, и сковавши и связавши, отвести съ погоста въ свой дворъ 3). Подобнымъ образомъ поступилъ въ 1767 году помѣщикъ Матвѣй Соболевскій съ уніятскимъ священникомъ бориславской церкви, — „Священникъ бориславскій, — говорится въ одномъ документѣ, — исполняя свой долгъ, увѣщеваль отечески нѣкую Маріанну, дочь подданнаго бориславскаго крестьянина Якова Петренко, а свою дочь духовную, находившуюся въ услуженіи у помѣщика Соболевскаго, и отечески выговариваль ей за невыполненіе, по церковнымъ правиламъ, ежегодной исповѣди и Св. Причастія, и поелику она не представила никакой причины въ свое оправданіе, то, въ примѣръ другимъ, велѣлъ заключить ее на погостѣ церковномъ, съ желѣзною цѣпью на шеѣ. Но помѣщикъ Соболевскій, невѣря строгости наказаній, опредѣленныхъ въ гражданскомъ и церковномъ правѣ противъ нарушателей церковныхъ постановленій, подговоривши своихъ слугъ Хмѣлевскаго и Витовскаго, напалъ на погостъ церкви бориславской съ оружіемъ, разсѣкъ топоромъ желѣзную шейную цѣпь, въ которой содержалась означенная Маріанна, и эту цѣпь, захватилъ вмѣстѣ съ замкомъ и увелъ съ погосту эту Маріанну служанку свою, а священнику угрожалъ смертію и въ разное время старался всячески вредить ему“ 4). въ 1772 г. священникъ ображимской церкви упросилъ крестьянъ, однихъ за плату, другихъ бесплатно, прійти къ нему, по отбытіи

1) Архивъ Почаев. Лавры, № 401.

2) Тамъ же, № 309.

3) Тамъ же, № 338.

4) Архивъ Почаевской Лавры, № 587.

шанщины, для починки разваливавшейся ображимской церкви. Но помѣщикъ Карлъ Бобовскій, пріѣхавши къ церкви прот-гналъ крестьянъ арапникомъ къ своему двору и тамъ подвергъ ихъ страшному истязанію, а священнику угрожалъ побоями и впрѣдъ людьми заявлялъ, что я попу голову сверну и плечи срѣжу, и онъ долженъ сидѣть тамъ, гдѣ я ему велю, потому что для меня не новость поповъ бить" 1).

Замѣтимъ, что мы описывали отношенія помѣщиковъ исключительно къ уніятскимъ священникамъ.—По воссоединеніи юго-западнаго края съ Россіею и уніатовъ съ православіемъ, казалось бы, не оставалось мѣста для произвола помѣщиковъ, по отношенію къ священникамъ, особенно православнымъ; но и въ это время, особенно на первыхъ порахъ воссоединенія указанного края съ Россіею,—помѣщики римско-католическаго исповѣданія иногда пытались по прежнему удержать за собою право презентованія и даже пользоваться имъ въ видахъ католической пропаганды. Такъ напр. въ 1796 г. владѣтель Дубна, князь Михаилъ Любомирскій, просилъ подольскаго преосвященнаго Іоаннікія объ удаленіи изъ Дубна благочиннаго протоіерея Вохановскаго, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы сей послѣдній несправедливо отобралъ нѣсколько дубенскихъ уніятскихъ церквей на благочестіе, т. е. присоединилъ ихъ къ православію 2). Въ 1797 г. владѣлецъ ковельскаго уѣзда Вильма всѣхъ крестьянъ своихъ, обратившихся къ православію и присутствовавшихъ при переосвященіи уніятской церкви въ селѣ Пугинкахъ на православіе,—велѣлъ прислать къ нему на подгодахъ, а духовному грекороссійскому надзирателю церкви велѣлъ сказать, чтобы онъ въ такія дѣла не вмѣшивался и грозилъ ему жалобою къ преосвященному 3). Въ высочайшемъ манифестѣ отъ 18 марта 1797 года, между прочимъ сказано: Нынѣ увѣдомляемъ, что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ державѣ нашей губерніяхъ, духовенство и помѣщики римско-католическаго исповѣданія, обращая во зло данную отъ насъ свободу исповѣданія вѣры, явнымъ образомъ притѣсняютъ священнослужителей православныя грекороссій-

1). тамъ же № 651.

2) Тамъ же № 651.

3) Почаев. арх. 1796 г. № 1010.

скія церкви и не только тайно внушеніями, но и насильственно отторгають отъ церкви сей людей, добровольно къ ней присоединившихся, обращая ихъ къ униатству 1), наше правительство всячески заботилось объ ослабленіи патроната римско-католическихъ помѣщиковъ надъ православными церквами, но этотъ патронатъ окончателно и самъ собою уничтожился только вслѣдствіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостнаго права, и священники получили гораздо болѣе самостоятельности, а при назначеніи отъ прдвителства опредѣленнаго жалованья, получили возможность оовершенно освободиться отъ вліянія польскаго шликетства и, совокупно съ простымъ народомъ, утверждать въ краѣ на пезыблемыхъ началахъ православіе и рускую народность, подавленныя и физическимъ и нравственнымъ гнетомъ полонизма.

Н. П.

(Вол. Еп. Внд.)

Объявленія о газетахъ и журналахъ на 1869 г.

„ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ
на 1869 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:		Безъ дост.		Съ дост.		Съ пересыл.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
На годъ	- - -	5	—	6	—	7	—
„ полгода	- - -	3	—	3	50	4	—
„ три мѣсяца	- - -	1	50	1	75	2	—

ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА выходитъ ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней, непосредственно слѣдующихъ за табельными праздниками,

ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ, казенныхъ и частныхъ, для помѣщенія въ газетѣ.

1) Тамъ же, 1798 г. № 1028.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ **ВЕЧЕРНЕЙ ГАЗЕТЫ** (по Гроховой, на углу Малой Морской, домъ Татищевой, подъѣздъ съ Гроховой), въ газетныхъ экспедиціяхъ с.-петербургскаго и московскаго почтамтовъ и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ имперіи.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

ВЪ 1869 ГОДУ.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ, издаваемый при казанской духовной академіи, по распоряженію святѣйшаго Синода, съ 1855 года, и выходившій въ первые три года (1855, 1856, 1857) повременно въ четырехъ книжкахъ, а съ 1858 года выходящій ежемѣсячно по двѣнадцати книжекъ въ годъ, въ слѣдующемъ 1869 году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ строго-православномъ духѣ и въ ученомъ направленіи, съ 1-го января, *ежемесячно*, книжками не менѣе 10 печатныхъ листовъ въ каждой.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ раздѣленъ на двѣ половины, изъ которыхъ первая состоитъ *исключительно* изъ ПРИЛОЖЕНІЙ, а вторая — *преимущественно* изъ оригинальныхъ статей, составляющихъ собственно ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ.

Въ первой половинѣ, составляющей ПРИЛОЖЕНІЯ къ Православному Собесѣднику, будутъ помѣщаемы.

- 1) Дѣянія (акты) вселенскихъ сборовъ.
- 2) БЛАГОВѢСТНИКЪ, или толкованіе блаж. Теофилакта, архіепископа болгарскаго, на евангелія—Луки и Іоанна.
- 3) Толкованіе блаженнаго Теофилакта болгарскаго на сланія св. апостоловъ.
- 4) Дѣянія святыхъ (acta sanctorum).
- 5) Дѣянія мучениковъ (acta martyrum).
- оп 6) Памятники древне-русской духовной письменности.

Каждое изъ упомянутыхъ приложенийъ составить, по окончаніи его, особую книгу, съ особымъ—заглавнымъ листомъ, счетомъ страницъ и оглавленіемъ.

Во второй половинѣ, собственно въ ПРАВОСЛАВНОМЪ СОБЕСѢДНИКѢ, будутъ помѣщаться статьи:

- 1) Догматическаго содержанія,
- 2) Нравственнаго содержанія,
- 3) Истолковательнаго содержанія,
- 4) Церковно-историческаго содержанія,
- 5) Другія, болѣе или менѣе подходящія къ утвержденной прежде святѣйшимъ Синодомъ программѣ ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА, статьи духовнаго содержанія, и

6) Памятники древне-русской духовной письменности.

Цѣна за полное годовое изданіе ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА на 1869 годъ, со всеми приложеніями къ нему, остается прежняя: *въ Казани съ доставкою на домъ, и съ пересылкою во всю мѣста Имперіи—*

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается *въ Казани въ редакціи Православнаго Собесѣдника при духовной академіи.*

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

Съ 1867 года при «Православномъ Собесѣдникѣ» издается отдѣльное прибавленіе подъ заглавіемъ «ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ», которыя будутъ выходить и въ 1869 году, два раза въ мѣсяць, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, весьма убористаго шрифта.

Цѣна «ИЗВѢСТІЙ» для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ*: а) отдѣльно отъ «Православнаго Собесѣдника» *четыре руб.*, б) а вмѣстѣ съ нимъ *десять руб. сер.*—съ пересылкою.

Подписка принимается также *въ редакціи Православнаго Собесѣдника.*

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ХРИСТИАНСКАГО ЧТЕНІЯ“

ВЪ 1869 ГОДУ.

«Христіанское Чтеніе,» издаваемое при с.-петербургской духовной академіи съ 1821 года, будетъ и въ слѣдующемъ 1869 году выходить ежемѣсячно по прежней программѣ. Въ составъ его входятъ слѣдующіе отдѣлы:

Отдѣлъ I. Переводъ св. книгъ Ветхаго Завета съ еврейскаго языка.

Отдѣлъ II. Собраніе символовъ и вѣроизложеній православной церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней.

Отдѣлъ III. Духовно-ученыя изслѣдованія: догматическія, церковно-историческія, каноническія, полемиическія, религиозно-философскія и др.

Отдѣлъ IV. Статьи, относящіяся къ нравственной христіанской жизни.

Отдѣлъ V. Обзоръіе современныхъ церковныхъ дѣлъ и богословской и вообще духовно-ученой литературы отечественной и иностранной.

«Христіанское Чтеніе» будетъ выходить книжками отъ 10 до 12 листовъ въ каждый мѣсяць.

Подписная цѣна за годовое изданіе въ С.-Петербургѣ *безъ доставки на домъ 6 руб., а съ доставкою и пересылкою во весь города 7 руб.* Желающіе получить «Христіанское Чтеніе» въ концѣ года въ корешковомъ переплетѣ благоволятъ высылать за полный экземпляръ (12 книгъ) *10 руб.* Въ видахъ облегченія подписчиковъ, Редакція, по примѣру прошедшаго года, допускаетъ за годовое изданіе журнала разсрочку уплаты по-полугодно, — за ручательствомъ, впрочемъ, лицъ и мѣстъ начальственныхъ.

При академіи и у книгопродавца Кораблева въ С.-Петербургѣ еще продаются полные экземпляры «Христіанскаго Чтенія» за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856, 1857, 1858, 1859,

1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866. Каждый экземпляр отдѣльно за 1822—1848 годы по 5 руб. безъ пересылки, а съ пересылкою 6 руб.; экземпляры 1849—1868 годовъ по 6 руб. безъ пересылки, а съ пересылкою по 7 руб. Кто пожелаетъ выписать имѣющіеся экземпляры за всѣ годы въ совокупности или съ 1822 по 1827, или съ 1833 по 1847 включительно, тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по 3 руб. безъ пересылки, за которую нужно прилагать на 5 фунт. для каждаго экземпляра.

Подписка на «Христіанское Чтеніе» принимается въ Редакціи журнала при с.-петербургской духовной академіи, или въ правленіи этой академіи; также въ правленіяхъ иногородныхъ духовныхъ семинарій, въ газетной экспедиціи с.-петербургскаго почтамта и въ конторѣ Редакціи, находящейся въ С.-Петербургѣ при книжномъ магазинѣ Кораблева и Сѣрякова.

Согласно съ новыми правилами, подписка принимается и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ Имперіи.

ОТЪ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ.

ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ.

ГАЗЕТА ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

Выходитъ пять разъ въ недѣлю на листѣ большого формата.

ПРИБАВЛЕНИЯ къ газетѣ составляютъ въ мѣсяць особливо четыре листа.

Подписная цѣна съ доставкою въ Петербургъ и пересылкою во всѣ мѣста Имперіи: на годъ 8 руб. 50 к.; на полгода 5 руб.; на 3 мѣсяца 2 руб. 50 к.; на мѣсяць 1 р. 10 к.

Безъ доставки: въ Петербургѣ, съ полученіемъ изъ редакціи или изъ главной Конторы ея при книжномъ магазинѣ Кораблева и Сѣрякова: на годъ 7 р.; на полгода 4 р.; на мѣсяць 80 коп.; и въ Москвѣ, съ полученіемъ изъ книжнаго магазина Оземиной (на Тверской), или изъ библіотеки Ушаковыхъ (на Волонкѣ), на годъ 7 р. 50 коп.; на полъ года 4 р.; на мѣсяць 1 р. Для облегченія недостаточныхъ подписчиковъ допускается разсрочка, вносомъ по 2 руб. предъ началомъ каждыхъ двухъ мѣсяцевъ, пока составится полная годовичная или полугодичная плата.

Примѣчаніе. Во избѣжаніе пересылки звонкой монеты, гг. подписчики могутъ прикладывать почтовые марки.

Редакторъ-Издатель **В. ДОЛНИСКИЙ.**

СОДЕРЖАНИЕ 9-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“ ЗА 1868 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

- **ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ И УНИАТСКОЙ ЦЕРКВЕЙ ВЪ ЗДѢШНЕМЪ КРАѢ.**—1) **Письмо** Ипатія Потѣя къ виленскимъ мѣщанамъ о томъ, чтобы они отобрали у православныхъ виленскія церкви. 1609 г. Стр. 35.—2) **Королевскій** приказъ виленской ратуши, объ отобраниі виленскихъ церквей отъ православнаго духовенства. 1609 г. Стр. 33.—3) **Королевскій** приказъ виленской ратушѣ о передачѣ виленскаго Троицкаго монастыря Рутскому и объ оказаніи ему при этомъ помощи. 1609 г. Стр. 35.—4) **Жалоба** Рутскаго на виленское Свято-Духовское братство, пытавшееся возвратить Троицкій монастырь отъ униатовъ. 1609 г. Стр. 36.—5) **Завѣщаніе** западно-русскаго православнаго духовенства, дворянства и мѣщанъ о томъ, что они не признаютъ Ипатія Потѣя своимъ законнымъ митрополитомъ 1609 г. Стр. 38.—6) **Дозволеніе** отъ митр. Ипатія Потѣя виленскому мѣщанину Петру Васильевичу на возобновленіе и на арендное содержаніе—зданій, принадлежащихъ деревянной церкви св. Николая. 1612 г. Стр. 41.—7) **Донесеніе** воеводы въ трибуналь о томъ, что итмецъ Балверъ, строя домъ на мѣстѣ св. Михайловской церкви, вырылъ много человѣческихъ костей. 1622 г. Стр. 43.—8) **Отписъ** людушества церкви св. Георгія на Росскомъ предмѣстьи въ Вильнѣ. 1640 г. Стр. 45.—9) **Подтвердительноя** записъ Льва Сапѣги жиравицкому монастырю на землю. 1816 г. Стр. 46.—10) **Жалоба** базилянскаго монаха Фряка на Феодора Корсака за отнятіе отъ униатовъ церкви св. Феодора въ Пшискѣ. 1632 г. Стр. 48

О Т Д Ъ Л Ъ II.

БРОТЕРПИМОСТЬ ПАПЪ (окончаніе). Стр. 101.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ и соображенія. Стр. 35.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

ПАЙЛО, историческій романъ (продолженіе). Стр. 253.

ЖИТАЛЕЦЪ повѣсть (картина изъ еврейскаго быта). Стр. 274.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.—● **Моншнъ** митрополита Іосифа. Стр. 298.—**Слово** новопоставленнаго священника Ярослава Брена надъ гробомъ почившаго архипастыря. Стр. 303.—**Слово** преосвященнаго Іосифа, епископа ковнскаго, викарія литовской епархіи. Стр. 304.—**Рѣчь** протоіерея Антонія Пцолки. Стр. 304.—**Телеграмма** изъ Москвы. Стр. 307.—**Церемоніаль** перенесенія тѣла въ Бовѣ почившаго высокопр. Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго, изъ домовой церкви въ Николаевскій соборъ. Стр. 307.—**Свѣдѣнія** о почившемъ архипастырѣ. Стр. 309.—**Слово** произнесенное 26 ноября во время литургіи священникомъ Іоанномъ Котъвичемъ. Стр. 316.—**Погребеніе** въ Бовѣ почившаго высокопресв. Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго. Стр. 322.—**Церемоніаль** погребенія въ Бовѣ почившаго высокопресв. Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго. Стр. 325.—**Слово** произнесенное протоіереемъ Левичкимъ. Стр. 328.—**На могилу** великаго архипастыря. Стр. 330.—**Рѣчь** сказанная преосвященнымъ Макариемъ, архіепископомъ харьковскимъ и актырскимъ. Стр. 335.—**Права** православныхъ на святія мѣста. Стр. 337.—**Образчикъ** польской подпольной дидактики. Стр. 340.—**Извлеченіе** изъ современныхъ русскихъ газетъ сужденій о полякахъ и польскомъ вопросѣ. Стр. 346.—**Нѣкоторыя** черты отношеній помѣщиковъ юго-западнаго края Россіи къ священникамъ до времени воссоединенія сего края съ Россією. Стр. 380.—**Объявленія** объ изданіи газетъ и журналовъ въ 1869 году.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ на 1868 годъ выходитъ января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ *Вильнѣ*,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ *И. Феннера*, б. Сеньковского. Въ *С.-Петербургѣ*,—у комиссионера „Вѣстника“, книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной. Въ *Минскѣ*,—у такогожъ комиссионера, книгопродавца *А. Н. Феонтова*, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. *Черемна*. Въ *Варшавѣ*,—у книгопродавца г. *Кожанчикова*. Въ *Витѣ*,—въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

(за 12-ть книжекъ).

Для жителей *Вильны*, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкой домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованиями *исключительно* въ редакцію журнала: „Вѣстникъ западной Россіи“, въ *Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: редактору-издателю „Вѣстника“ Ксенофонту Антоновичу **Говорскому**, въ *Вильну*.

Для желающихъ выписать „Вѣстникъ“ за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за 18⁶²/₆₃ годъ, для жителей Вильны по 5 р., для иногородныхъ по 6 руб.; за 18⁶³/₆₄ годъ—для первыхъ по 6 руб. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за 18⁶⁴/₆₅, 18⁶⁵/₆₆ и 18⁶⁶/₆₇ годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 к. Для выписывающихъ „Вѣстникъ“ за *истекшіе* годы не дѣлается 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не дѣлается 25,—10%,—50,—15%,—100,—20%.

Редакторъ-издатель **И. Говорскій**.

СОДЕРЖАНІЕ 9-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“ ЗА 1868 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

- № 10.** ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ И УНИАТЪ ЦЕРКВЕЙ ВЪ ЗДѢШНЕМЪ КРАѢ. — 1) **Письмо** Ипатія Потія къ виленькимъ мѣщанамъ о томъ, чтобы они отобрали у православныхъ виленьскіе церкви пер 1609 г. Стр. 35. — 2) **Королевскій** приказъ виленьской ратуши, объ отобр виленьскихъ церквей отъ православнаго духовенства. 1609 г. Стр. 33. — 3) **Королевскій** приказъ виленьской ратуши о передачѣ виленьскаго Троицкаго монастыря Рутскому и объ оказаніи ему при этомъ помощи. 1609 г. Стр. 3. — 4) **Жалоба** Рутскаго на виленьское Свято-Духовское братство, пытавшееся вернуть Троицкій монастырь отъ униатовъ. 1609 г. Стр. 36. — 5) **Записки** западно-русскаго православнаго духовенства, дворянства и мѣщанъ о томъ, они не признають Ипатія Потія своимъ законнымъ митрополитомъ. 1610 г. Стр. 38. — 6) **Дозволеніе** отъ митр. Ипатія Потія виленьскому мѣщанину В. Васильевичу на возобновленіе и изъ арестное содержаніе—зданій, принадлежавшихъ деревенной церкви св. Николая. 1612 г. Стр. 41. — 7) **Донесеніе** повстанціи трибунала о томъ, что немецъ Балверъ, стрелъ домъ на мѣстѣ св. Михайлова церкви, вырылъ много человеческихъ костей. 1622 г. Стр. 43. — 8) **Опись** имущества церкви св. Георгія на Росскомъ предмѣстьи къ Вильнѣ. 1640 г. Стр. 49. — 9) **Подтвердительноя** записъ Льва Сартяна жириновскому монастырю о землю. 1816 г. Стр. 46. — 10) **Жалоба** базильскаго монаха Фрица на брата Корсака за отнятіе отъ униатовъ церкви св. Феодора въ Пинскѣ. 1632 г. Стр. 47.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

ВЪРОТЕРННОСТЬ ПРАВЪ (окончаніе). Стр. 101.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАВАНІЯ и соображенія. Стр. 35.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

ЯГАЙЛО, историческій романъ (продолженіе). Стр. 253.

СКИТАЛЕЦЪ повѣсть (картина изъ еврейскаго быта). Стр. 274.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ. — **О** кончинѣ митрополита Юліана Стр. 298. — **Слово** новопоставленнаго священника Ярослава Брема падре-попчионаго архипастыря. Стр. 303. — **Слово** преосвященнаго Юсифа, епископа ковенскаго, викарія литовской епархіи. Стр. 304. — **Рѣчь** протоіерея св. Авто Пшоки. Стр. 304. — **Телеграмма** изъ Москвы. Стр. 307. — **Церемонія** перенесенія тѣла въ Возѣ почившаго високопр. Юсифа, митрополита литовскаго и виленьскаго, изъ домовоы церкви изъ Николаевскій соборъ. Стр. 307. — **Свѣдѣніе** о почившемъ архипастырѣ. Стр. 309. — **Слово** произнесенное 26 ноября во время литургии священникомъ Іоанномъ Котловичемъ. Стр. 316. — **Погребеніе** Возѣ почившаго високопр. Юсифа, митрополита литовскаго и виленьскаго. Стр. 322. — **Церемонія** погребенія въ Возѣ почившаго високопр. Юсифа митрополита литовскаго и виленьскаго. Стр. 325. — **Слово** произнесенное протоіереемъ Девичкимъ. Стр. 328. — **На могилу** великаго архипастыря. Стр. 330. — **Рѣчь** сказанная преосвященнымъ Макаріемъ, архіепископомъ харьковскимъ и хтырскимъ. Стр. 335. — **Иррава** православныхъ на святыхъ мѣстахъ. Стр. 337. — **Образчикъ** польской подпольной дидактики. Стр. 340. — **Извлеченіе** изъ современныхъ русскихъ газетъ сужденій о полякахъ и польскомъ вопросѣ. Стр. 345. — **Иногда** черты отношеній поляковъ юго-западнаго края Россіи священникамъ до времени воссоединенія сего края съ Россією Стр. 359. — **Объявленіе** объ изданіи газетъ и журналовъ въ 1869 году. Google

APR 19 1933

